



Григорий
РАСПУТИН



Григорий РАСПУТИН



СБОРНИК
ИСТОРИЧЕСКИХ
МАТЕРИАЛОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ



МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
«Книжная лавка—РТР»
1997

УДК 947
ББК 63.3(2)
Г83

Составитель
В КРЮКОВ

Художник
И. САЙКО

Г83 **Григорий Распутин: Сборник исторических материалов: В 4 т. Т. 1 / Вступ. ст. В. Крюкова. — М.: ТЕРРА; «Книжная лавка — РТР», 1997. — 544 с.**

ISBN 5-300-01425-7 (т. 1)

ISBN 5-300-01424-9

Личность фаворита царской семьи Григория Распутина (1872—1916), роль этого человека в русской истории и по сей день оцениваются неоднозначно. В этом сборнике представлены произведения современников Распутина, многие из которых непосредственно общались с ним.

В первый том вошли воспоминания влиятельных государственных и общественных деятелей: Великого князя Александра Михайловича, князя Н. Жевахова, графа В. Коковцова, В. Родзянко и др.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-300-01425-7 (т. 1)
ISBN 5-300-01424-9

© Издательский центр «ТЕРРА», 1997
© «Книжная лавка — РТР», 1997

Весь заключительный период царствования Николая II был осенен болезнью наследника, которая сама по себе может объяснить все. С ее появлением — а это была одна из причин, обусловивших падение империи, стал возможен феномен Распутина, приведший к фатальной изоляции императора и его супруги, которые вынуждены были жить замкнуто, полностью поглощенные скрытой от посторонних людей тревогой.

Пьер Жильяр

Императрица отказывалась подчиняться судьбе. Она непрестанно говорила о невежестве врачей. Она обратилась к религии, и ее молитвы были полны отчаяния. Сцена была готова для появления чудотворца.

*Великий князь
Александр Михайлович*

Поистине, нет ничего более талантливого, чем талантливый русский мужик. Какой это своеобразный, какой самобытный тип! Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро и охотно раздающий деньги нуждающимся.

Граф С.Ю.Витте

Если бы Государь послушался Распутина и заключил бы тот самый Брест-Литовский мир, то в России не было бы революции.

Зинаида Шаховская

Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью.

В.И. Ленин

Без Распутина не было бы и Ленина.
А.Ф. Керенский

Он весь словно выдуманный, в легенде жил, в легенде умер и в памяти легендой облечется.
Полуграмотный мужик, царский советник, греховодник и молитвенник, оборотень с именем Божьим на устах.

Н.А. Тэффи

Нужно говорить и о Распутине.
Какова его действительная роль?
Все нужно изучить, а это требует времени. Комиссии по канонизации, куда я вхожу, как раз и поручено провести необходимую подготовительную работу.

*Митрополит
Иоанн (Снычев)*

Советская историческая наука никогда серьезно историей жизни Григория Ефимовича Распутина не занималась.

В Энциклопедическом словаре можно было прочитать: «Распутин (Новых) Григ. Еф. (1872—1916), фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны. Из крестьян Тобольской губернии. В качестве «провидца» и «целителя» приобрел неограниченное влияние на царя, царицу и их окружение. Вмешивался в государственные дела. Убит монархистами. «Распутинщина» — выражение крайнего разложения правящей верхушки России».

Долгих семьдесят лет, до появления книг М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз» и Н. Пикуля «Нечистая сила», любопытствующие довольствовались этой лаконичной характеристикой.

История знает немало темно-загадочных личностей, чьи имена окутаны густым флером глубоких тайн и разноречивых домыслов. Но редко человек из таких низов поднимался на такие вершины, редко тайна русской души со своими метаниями и противоречиями так воплощалась бы в одном человеке. В 1905 г. судьба вводит малограмотного и вонючего сибирского мужика Григория Распутина в царскую семью, и он обосновывается в ней всерьез и надолго, до самой своей смерти. Обосновывается не как приживальщик или слуга, а как наставник, советник и милый друг. Водить за нос можно было год, другой, но ведь не десять же с небольшим лет, а именно столько состоял Григорий Ефимович при дворе последнего русского императора. В этом отношении Распутин явил собой образец фаворита доселе нигде и никогда в истории не появлявшегося. Это было совершенно беспрецедентное и уникальное явление! Гришку разоблачали, высмеивали, клеймили и при жизни и после смерти, но и спустя много лет он вызывает интерес во всем мире. Именно Распутина вспоминают зарубежные авторы, когда говорят о загадочной русской душе. Разница между тем, кем он был, как видел себя и как его представляли, точнее, представили России — неизмерима.

Существует, по крайней мере, три мифа о Распутине.

«Исчадие ада, аморальный, корыстный человек, доведший со своим окружением Россию до краха» — таким предстает Распутин в первом мифе.

«Демон», «второй кардинал Ришелье», вечно пьяный и блудливый мужик с таинственной русской душой» — любимый миф зарубежных авторов.

«Талантливый русский мужик, спасавший Россию и царский трон и убитый масонами» — миф последнего десятилетия.

Объективно, превращение невежественного мужика в фаворита императорской семьи произошло, конечно же, закономерно: распутинскими были сами традиции в период царствования Николая II, когда при дворе охотно принимали предсказателей, кликуш и спиритов. Бесконечной чередой сменяли они друг друга. Проталкивала их наверх то одна, то другая группа придворных сановников, преследовавших своекорыстные цели. Вокруг российского престола беспрестанно кружились темные личности: Митька Юродивый из Козельска и венский профессор Шенк, нищенка Дарья Осипова и лионский масон Филипп, странник Антоний и доктор Папюс из Парижа, титулярный советник Клопов и публицист Кард, Амалия Грингмут, лекарь Дубровин и тибетский врач Бадмаев. Однако наибольшая «удача» выпала на долю сибирского старца. Говорят, что Филипп на одре смерти предсказал: «Другой придет после меня советовать вам, он выше меня, он будет говорить голосом Бога. Как вы любили меня, любите его. Умоляю, слушайте его, слушайте и следуйте за ним».

«Связью власти с миром» и «целителем людей» был Григорий Распутин; для одних — «мерзавец», у которого была «контора для обдывания дел»; для других — «великий комедьянт»; для третьих — «удобная педаль немецкого шпионажа»; для четвертых — упрямый, неискренний, скрытный человек, который не забывал обид и мстил жестоко; для пятых — талантливый гипнотизер, экстрасенс.

В те годы «друг», как его называли члены царской семьи, для многих действительно казался каким-то мифическим существом, мессией: слухи о его «чудесах», «сатанинских глазах», «колдовских чарах» передавались в народе из уст в уста, имя его произносили шепотом; теневая сторона его жизни была мало кому известна, поскольку высочайшим повелением запрещалось распространять о нем в печати факты разоблачительного характера. Но и печатали и разоблачали.

Первая книга о Распутине «Леонтий Егорович и его поклонницы» появилась в 1915 году. Написана она была от лица некой дамы, пробывшей в окружении старца три года. Цензура опоздала — книга разошлась большим тиражом. Настоящий же автор публицист А. Пругавин неплохо подзаработал.

В основном, похождения Распутина осуждалось общественностью не в полный голос, а способами, которые были в то время доступны, например посредством безымянных эпиграмм, памфлетов, карикатур и сатир. В условиях жесточайшей цензуры они не могли быть напечатаны и ходили по рукам, передавались изустно в различных салонах и кружках. Авторами тогдашнего «самиздата», наряду с профессиональными литераторами, часто выступали высокопоставленные чиновники, сенаторы, лица, облеченные верховной властью.

Занавес умолчания был прорван только после смерти «старца». Волна книг, брошюр и статей приходится на 1917-1919 гг. Их авторами были в основном представители либеральной интеллигенции. Вся эта литература, написанная на фактическом материале, носила ярко выраженный разоблачительный характер. Понятно, что далеко не все книги представляют исторический интерес: среди них много таких, которые иначе как плодом автор-

ского воображения не назовешь. Однако есть и другие — принадлежащие перу людей, близко знавших Григория Распутина, постоянно общавшихся с ним. Именно в этих воспоминаниях можно найти ответы на вопросы о том, каким образом «последний мужик», конокрад из далекого села Покровское Тобольской губернии совершил сказочное само-превращение в фаворита царской семьи, занял почетное место у подножия романовского трона; в чем секрет его фантастического успеха и почему все, кто так или иначе соприкасался с ним, имели о Распутине столь полярные мнения: божий человек, святой, праведник, чудотворец — для одних, авантюрист, развратник, лицемер и шарлатан — для других. Они, эти свидетельства из первых уст, дают богатейший материал для оценки роли «старца» и являются наиболее ценными документами о распутинской эпохе, особенно если иметь в виду, что документы, связанные с деятельностью царского приближенного, в большинстве своем погибли.

В 20-е годы появились более серьезные, аналитические работы, посвященные личности Николая II и его окружению. Публиковалось много документальных материалов, дневников и воспоминаний современников. Книги о Распутине большей частью выходили за рубежом — в Париже, Вене, Мюнхене, Берлине, Гедьсингфорсе. Среди них: «Распутини Бьенштока (1917), «Распутин» Таубе (1923), «Конец Григория Распутина» Гроссберга (1924), «Секрет Распутина» Омессы (1925), «Конец Распутина» Юсупова (1927), «Распутин» Ньюмена (1928), дневники дочери «старца» Матрены и ее же сочинение «Правда о Распутине»; произведения Линца, Биллингтона и многих других.

Часть изданных за рубежом мемуарных книг написана сторонниками «старца», его обожателями и поклонниками, а часть — противниками и заклятыми врагами.

Вся эта литература у нас в стране была недоступной, хранилась за семью печатями, за стальными решетками спецхранов и фондов. Не потому ли сегодня бытует порой искаженное представление о Григории Распутине как о некоем деподитизированном гипнотизере-целителе, на счету которого лишь безобидные сеансы внушения, сладкая мадера да соблазненные светские дамы? Не потому ли феерический взлет «старца» зачастую приписывают простому случаю, стечению обстоятельств?

В последнее время вышли очередные книги о Распутине — роман И. Наживина, научно популярное сочинение Анри Труайя, панегирик О. Платонова «Жизнь за царя». Автор последней пытается доказать, что образ Распутина всесильного временщика создан «в угоду силам, разрушавшим Россию, что все, досель изданные воспоминания, дневники и письма являются фальшивками, тенденциозно освещающими столь неординарную личность, как Григорий Ефимович Распутин».

Сборник наш как раз и содержит все сколь-нибудь ценные, известные и малоизвестные российскому читателю воспоминания и документы людей, наблюдавших «старца» в доступной близости. В любом случае, они представляют собой большой интерес как исторические и литературные памятники своего времени.

Открывают сборник воспоминания Великого князя Александра Михайловича, записки князя Н.Д. Жевахова и графа В.Н. Ко-

ковцева, влиятельных царедворцев: А.А. Мосолова, В.Н. Воейкова, генералов В. И. Гурко и Н.Г. Курлова, общественных и государственных деятелей тех лет — М.В. Родзянко, П.Н. Милюкова, В.А. Сухомлинова, А.Ф. Керенского. Кошмаром кажутся страницы воспоминаний начальника департамента полиции, товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого, на которых рассказывает, как владычествовал Григорий Распутин.

Свои воспоминания оставили поклонники Распутина — наперсница царицы, Анна Вырубова и обожательница «старца» входившая в его кружок Елена Джанумова. Книги написали и убийцы Распутина: член Государственной Думы II и IV созывов, один из основателей «Союза русского народа» и «Союза Михаила Архангела» Н.М. Пуришкевич и князь Феликс Юсупов. Подобраны также образчики «публицистической» литературы тех лет: очерки П.Ковалевского, Н.Евреинова, З.Гиппиус. Авторами книги выступают также личный секретарь Григория Распутина, купец первой гильдии, ювелир А. С. Симанович; иеромонах Илиодор, проигравший схватку с Распутиным и бежавший в 1912 году из России; последний дворцовый комендант В.М. Воейков; наставник царевича Алексея француз П. Жильяр, последний русский протопресвитер Е.И. Шавельский и ряд других.

Известно, что в марте 1917 года Временным правительством был издан Указ об учреждении Верховной чрезвычайной следственной комиссии «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц». Всего комиссия произвела 88 опросов и допросила 59 лиц. За неимением возможности привести полный текст стенограмм, ограничиваемся публикацией фрагментов допросов А. Н. Хвостова — губернатора, члена Государственной Думы, министра внутренних дел в 1915.1916 годах; А. Д.Протопопова — члена Государственной Думы, министра внутренних дел с декабря 1916 года; И. Ф. Манасевича-Мануйлова — журналиста, чиновника департамента полиции, осведомителя, а с назначением Штурмера председателем Совета Министров откомандированного в его распоряжение; М.М. Андронникова — князя, чиновника по особым поручениям при обер-прокуроре Синода, издателя газеты «Голос Русского»; А. А.Вырубовой — фрейлины императрицы, близкого друга Григория Распутина.

В Приложении также печатаются «Мысли и размышления» самого Григория Ефимовича, его переписка, а также выписка из данных наружного наблюдения филеров за «святым чертом», целый ряд других документов.

Понять Распутина можно только уяснив его философию. Байками и анекдотами, которые рассыпаны по страницам воспоминаний — не обойдешься.

К материалам, вошедшим в книгу, следует относиться с известной долей осторожности и сдержанности. Каковы бы ни были побудительные мотивы откровений тех или иных авторов — их рассказы содержат налет субъективизма, предвзятости, стремления к выпячиванию своей роли в описываемых событиях.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР
МИХАЙЛОВИЧ



ИЗ КНИГИ
ВОСПОМИНАНИЙ



Александр Михайлович, Великий Князь
«Книга воспоминаний». Том II
Париж, 1933 г.

Великий князь Александр Михайлович (1866—1933), внук Николая I. С 1894 г. женат на старшей сестре Николая II Ксении Александровне. У них было шестеро сыновей и дочь Ирина, вышедшая замуж за князя Ф.Ф.Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона (будущего убийцы Г.Распутина). Воспоминания Александра Михайловича вводят нас в мир царской семьи, рассказывают о всех Романовых, которые окружали русский императорский трон в его самые трудные годы.

Начиная со дня смерти императора Александра III в 1894 году, три силы приняли участие во внутренней борьбе за власть в России: монарх, царская фамилия и адепты революционного подполья. Симпатии же остального пятидесятимиллионного русского народа делились между этими двумя лагерями, между престолом и анархией, и находились в зависимости от искусства каждой из борющихся сторон заручиться поддержкой народных масс.

Я начну с царской фамилии, что представляется более логичным, ибо, по причине своей неопытности, император Николай II в трудные минуты жизни имел обыкновение спрашивать совета у своих родственников. Несколько раз в жизни мне приходилось иметь деловые сношения с некоторыми членами императорской семьи, а потому я попробую дать краткую характеристику тех из них, которые в 1894 году достигли уже зрелого возраста.

У императора Николая II было трое внучатых дядей, братьев его деда, императора Александра II: великий князь Константин Николаевич, который к тому времени удалился в свое поместье в Крыму и проводил время в обществе своей второй жены, бывшей балерины; великий князь Николай Николаевич старший, занимавший пост генерал-инспектора русской кавалерии, который был очень популярен среди офицерства, но не мог ввиду своего преклонного возраста принимать близкое участие в государственных делах; великий князь Михаил Николаевич, мой отец — бывший председателем Государственного совета и генерал-инспектором артиллерии. Из них трех наиболее опытным был мой отец, так как его двадцатидвухлетняя служба во главе администрации на Кавказе научила его искусству управления. Он был бы идеальным советником молодого императора, если бы не был столь непреклонным сторонником строгой дисциплины. Ведь его внучатый племянник был его государем и, как таковому, ему надлежало оказывать беспрекословное повиновение. Когда Николай II говорил ему: «Я полагаю, дядя Миша, что необходимо последовать совету

министра иностранных дел», — мой отец кланялся и «следовал совету» министра иностранных дел. Привыкнув видеть во главе России людей зрелого ума и непреклонной воли, великий князь Михаил Николаевич никогда не сомневался в конечной мудрости решений своего внучатого племянника, что аннулировало потенциальную ценность его всестороннего понимания вопросов управления империей.

Следующими по старшинству шли четыре дяди государя, четыре брата покойного императора. Великий князь Владимир Александрович — отец старшего по первородству из ныне здравствующих членов императорской семьи великого князя Кирилла Владимировича — обладал несомненным художественным талантом. Он рисовал, интересовался балетом и первый финансировал заграничные балетные турне С. Дягилева. Собирал старинные иконы, посещал два раза в год Париж и очень любил давать сложные приемы в своем изумительном дворце в Царском Селе.

Он занимал, сообразно своему происхождению и возрасту, ответственный пост командира Гвардейского корпуса, хотя исполнение этих обязанностей и являлось для него большой помехой в его любви к искусству. Его супруга, великая княгиня Мария Павловна, принадлежала к царствовавшему дому герцогов Мекленбург-Шверинских. Ее брат Фридрих был мужем моей сестры Анастасии. Она была очаровательною хозяйкой, и ее приемы вполне заслужили репутацию блестящих, которой они пользовались при европейских дворах. Александр III не любил ее за то, что она не приняла православия, что породило легенду о ее «немецких симпатиях». После смерти мужа она в конце концов все же перешла в православие, хотя злые языки и продолжали упорствовать, обвиняя ее в недостатке русского патриотизма.

Затем великий князь Алексей Александрович, который пользовался репутацией самого красивого члена императорской семьи, хотя его колоссальный вес послужил бы значительным препятствием к успеху у современных женщин. Светский человек с головы до ног, Алексей Александрович много путешествовал. Одна мысль о возможности провести год вдали от Парижа заставила бы его подать в отставку. Но он состоял на государственной службе и занимал должность не более не менее как адмирала Российского императорского флота. Трудно было себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого адмирала могущественной державы.

...Это беззаботное существование было омрачено, однако, трагедией: несмотря на все признаки приближаю-

щейся войны с Японией, генерал-адмирал продолжал свои празднества и, проснувшись в одно прекрасное утро, узнал, что наш флот потерпел позорное поражение в битве с современными дредноутами Микадо. После этого великий князь подал в отставку и вскоре скончался.

Дядя Сергей — великий князь Сергей Александрович — сыграл роковую роль в падении империи и был отчасти ответственен за катастрофу во время празднования коронации Николая II на Ходынском поле в 1896 году. При всем желании отыскать хотя бы одну положительную черту в его характере, я не могу ее найти. Будучи очень посредственным офицером, он тем не менее командовал лейб-гвардии Преображенским полком — самым блестящим полком гвардейской пехоты. Совершенно невежественный в вопросах внутреннего управления, великий князь Сергей был тем не менее Московским генерал-губернатором, пост, который мог бы быть вверен лишь государственному деятелю очень большого опыта. Упрямый, дерзкий, неприятный, он бравировал своими недостатками, точно бросая в лицо всем вызов и давая таким образом врагам богатую пищу для клеветы и злословия.

Император Николай II не должен был допускать, чтобы великий князь Сергей сохранил бы свой пост генерал-губернатора после катастрофы на Ходынском поле. Как бы для того, чтобы еще более подчеркнуть свою неприятную личность, он женился на старшей сестре государыни — великой княгине Елизавете Федоровне. Трудно было придумать больший контраст, чем между этими двумя супругами! Редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение, благородное сердце — таковы были добродетели этой удивительной женщины. Было больно, что женщина ее качеств связала свою судьбу с таким человеком, как дядя Сергей. С того момента, как она прибыла в С.-Петербург из родного Гессен-Дармштадта, все влюбились в «тетю Эллу». Проведя вечер в ее обществе и вспоминая ее глаза, цвет лица, смех, ее способность создавать вокруг себя уют, мы приходили в отчаяние при мысли о ее близкой помолвке. Я отдал бы десять лет жизни, чтобы она не вошла в церковь к венцу об руку с высокомерным Сергеем. Мне было приятно думать о себе как о ее «*cavalierie servante*», и я презирал снисходительную манеру Сергея обращаться к «тете Элле», преувеличенно грациозно по-петербургски и называя ее «мое дитя». Слишком гордая, чтобы жаловаться, она прожила с ним около двадцати лет. Не поза или рисовка, а истинное милосердие побудило ее навестить убийцу ее мужа в его камере перед казнью в московской тюрьме. Ее по-

следовавший вслед за тем уход в монастырь, ее героические, хотя и безуспешные, попытки руководить царицей и, наконец, ее мученичество в плену большевиков — все это дает достаточно оснований, чтобы причислить великую княгиню Елизавету Федоровну к лику святых. Нет более благородной женщины, которая оставила отпечаток своего облика на кровавых страницах русской истории.

Дядя Павел, великий князь Павел Александрович, был самым симпатичным из четырех дядей царя, хотя и был несколько высокомерен — черта характера, заимствованная им у брата Сергея благодаря их близости. Великий князь Павел никогда не занимал ответственного поста. Его первая супруга — принцесса греческая — умерла в молодости, и во второй раз он женился на разведенной жене одного полковника, дважды нарушив традиции царской фамилии, так как великие князья не могли жениться на особах неравнородных, то есть не принадлежавших к владетельным домам Европы, а женщины, состоявшие в разводе, не имели приезда ко двору. Ввиду этого он должен был покинуть пределы России и переселиться на неопределенное время в Париж. Мне лично думается, что великий князь Павел, встречаясь в своем вынужденном изгнании с выдающимися людьми, от этого только выиграл. Это отразилось на складе его характера и обнаружило в нем человеческие черты, скрытые раньше под маской высокомерия. Во время мировой войны он командовал Гвардейским корпусом на германском фронте, но на государственные дела никакого влияния не имел.

Ничего более нельзя прибавить ко всему тому, что я уже имел случай говорить о великих князьях Георгии и Михаиле Александровичах — двух братьях императора Николая II. Георгий был самым одаренным из всех троих, но умер слишком молодым, чтобы успеть развить свои блестящие способности. Михаил был на одиннадцать лет моложе государя. Он очаровывал всех подкупающей простотой своих манер. Любимец родных, однополчан-офицеров и бесчисленных друзей, он обладал методическим умом и выдвинулся бы на любом посту, если бы не заключил своего морганатического брака. Это произошло тогда, когда великий князь Михаил Александрович уже достиг зрелости, и он поставил государя в очень трудное положение. Император желал своему брату полного счастья, но, в качестве главы императорской семьи, должен был следовать предписаниям Основных Законов. Великий князь Михаил Александрович женился на госпоже Вульф-ферт (разведенной жене капитана Вульфберта) в Вене и поселился в Лондоне. Таким образом, в течение долгих лет, предшествовавших войне, Михаил Александрович

был в разлуке со своим братом и, в силу этого, никакого отношения к делам управления не имел.

Перехожу к двоюродным дядям государя.

Их было одиннадцать. Это, во-первых, два сына великого князя Константина Николаевича, третий — Вячеслав скончался в молодости, а четвертый — Николай провел свою жизнь в ссылке в Туркестане. Старший из них, великий князь Константин Константинович, был талантливым поэтом и очень религиозным человеком, что до известной степени как бы суживало и расширяло его кругозор. Он был автором лучшего перевода шекспировского «Гамлета» на русский язык и любил театр, выступая в главных ролях на любительских спектаклях в Эрмитажном театре Зимнего дворца. Он с большим тактом нес обязанности Президента императорской Академии наук и был первым, который признал гений биолога Павлова. Он писал поэмы, драматические произведения и рассказы, подписываясь псевдонимом К. Р., и его талант признавался даже органами печати, враждебными существовавшему в России строю.

...Будучи в течение многих лет начальником Главного управления военно-учебных заведений, он сделал многое, чтобы смягчить суровые методы нашей военной педагогики.

Все это следовало также приветствовать. Казалось бы, что такой гуманный и просвещенный человек, как великий князь Константин Константинович, был бы неоценимым помощником государя в делах управления империей. Но, к сожалению, Константин Константинович ненавидел политику и чуждался всякого соприкосновения с политическими деятелями. Он искал прежде всего уединения в обществе книг, драматических произведений, ученых, солдат, кадет и своей счастливой семьи, состоявшей из жены — великой княгини Елизаветы Маврикиевны (принцессы Саксен-Веймарской), шести сыновей и двух дочерей. В этом отношении воля великого князя была непреклонна, и потому престол лишался в его лице ценной опоры.

Его младший брат — великий князь Дмитрий Константинович — был убежденным женоненавистником и страстным кавалеристом. «Берегись юбок», «Война с Германией неизбежна», «Я хотел бы, чтобы вы посмотрели моих годовиков». Другие темы Дмитрия Константиновича не интересовали. Всю свою жизнь он оставался холостяком, но зато имел превосходных лошадей. Что же касается войны с Германией, которую он предсказывал за пятнадцать лет, то его слабость зрения, перешедшая к 1914 году в почти полную слепоту, заставила его остаться в тылу, проклиная свою

судьбу и занимаясь подготовкой кавалерии. Из всех членов императорской семьи великий князь Николай Николаевич, старший сын моего дяди великого князя Николая Николаевича старшего, имел самое большое влияние на наши государственные дела. Два важнейших акта в истории России — Манифест 17 октября 1905 года и отречение императора Николая II 2 марта 1917 года — следует приписать полнейшей аберрации политического предвидения великого князя Николая Николаевича.

...Мой двоюродный брат великий князь Николай Николаевич, был превосходным строевым офицером. Не было равного ему в искусстве поддерживать строевую дисциплину, обучать солдат и готовить военные смотры. Если бы великий князь Николай Николаевич оставался бы на посту командующего войсками гвардии и Петроградского военного округа до февраля 1917 года, он всецело оправдал бы все ожидания и сумел бы предупредить февральский солдатский бунт. Оглядываясь на двадцатитрехлетнее правление императора Николая II, я не вижу логического объяснения тому, почему государь считался с мнением Николая Николаевича в делах государственного управления. Как все военные, привыкшие иметь дело с строго определенными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта. Всеобщая забастовка в октябре 1905 года поставила его в тупик, так как кодекс излюбленной им военной мудрости не знал никаких средств против коллективного неповиновения. Нельзя же было арестовать несколько миллионов забастовщиков! По его мнению, единственное, что можно было сделать, — это выяснить требования «командиров восстания». Попытка объяснить Николаю Николаевичу, что восстание 1905 года носило анархический характер и что не было «командиров», с которыми можно было вести переговоры, оказалась бы безрезультатной. С тех пор, как существует мир, все армии, в том числе и революционные, находились под предводительством командиров. И вот 17 октября 1905 года, перед угрозой всеобщей забастовки, руководимой штабом большевистской секции социал-демократической партии, и аграрных беспорядков крестьян, которые требовали земельного передела, Николай Николаевич убедил государя подписать злополучный Манифест, который мог бы удовлетворить только болтливых представителей русской интеллигенции. Манифест этот не имел отношения ни к большевикам, ни к крестьянам.

Забастовки продолжались, и крестьяне, недовольные созывом первой Государственной думы, которая состояла

из ничемных говорунов, продолжали сжигать имения своих помещиков. Государь должен был отдать приказ подавить восстание вооруженной силой, но русский монархический строй уже никогда более не оправился от унижения, порожденного тем фактом, что российский самодержец капитулировал перед толпой.

«Николай II никогда бы не подписал октябрьского Манифеста, — пишет Витте в своих мемуарах, — если бы на этом не настоял великий князь Николай Николаевич».

Печальный опыт 1905 года не отучил императора Николая II обращаться в критические минуты за советом к великому князю Николаю Николаевичу. Двенадцать лет спустя, готовясь принять одно из самых важных решений в истории России, государь снова обратился к автору знаменитого Манифеста 17 октября 1905 года. Если бы великий князь посоветовал бы государю 2 марта 1917 года остаться на фронте и принять вызов революции, товарищ Сталин не принимал бы в 1931 году в Кремле мистера Бернарда Шоу! Но бывший Верховный главнокомандующий искал по-прежнему «командиров революции», и ему казалось, что он нашел одного из них в лице г. Керенского. Всю истинную трагедию создавшегося положения Николай Николаевич понял только неделю спустя, когда, приехав в Ставку в Могилев, чтобы занять свой высокий пост, он узнал, что Петроградский совдеп запретил г. Керенскому пользоваться его услугами.

Можно только удивляться простодушию этого человека, который проезжает по России, охваченной восстанием, от Кавказа до Могилева, и не замечает ни толп народа, ни демонстраций, ни мятежей и остается непоколебимым в своей вере, что «новые командиры» оценят его безупречный патриотизм и военный опыт!

Не соблазняясь великолепиям разнообразных титулов великого князя Николая Николаевича, его младший брат, великий князь Петр Николаевич, вел скромный образ жизни в рядах офицеров лейб-гвардии Драгунского полка. Его серьезная болезнь — туберкулез легких — заставила его жить продолжительное время в Египте. Он бросил службу и начал заниматься архитектурой. Это был застенчивый молчаливый человек, и разговоры за его семейным столом поддерживались его супругой, великой княгиней Милицей Николаевной (дочерью князя Николая Черногорского); Милица и ее сестра Стана (супруга великого князя Николая Николаевича) имели дурное влияние на императрицу. Суеверные, простодушные, легко возбудимые, эти две черногорские княжны представляли собой легкую добычу для всякого рода заезжих авантюристов. Каждый раз, когда они встречали «замечательно-

го» человека, они вели его в императорский дворец, как это было с пресловутым доктором Папюсом или же с Григорием Распутиным. В своих разговорах они были совершенно безответственны. Ничто не могло остановить «черногорок» от вмешательства в государственные дела и не выступать в ролях передатчиц пожеланий различных балканских интриганов.

Продолжая свое повествование об особах императорской фамилии в порядке их близости к трону, я подхожу к моим пяти братьям. Выросши и получив воспитание вдали от столицы, мы, Михайловичи, были очень мало похожи на наших дядей и двоюродных братьев.

Хоть мы и были строгими верноподданными нашего государя, мы тем не менее далеко не были согласны со всем, что происходило при дворе. Мы всегда говорили то, что думали, и не стеснялись в критических суждениях. Нас называли «опасными радикалами»; первая часть прозвища «опасные» отражала досаду придворных кругов, вторая — «радикалы», быть может, и соответствовала истине, но зависела всецело от смысла, придаваемого этому слову, которым нередко злоупотребляют.

Мой старший брат Николай Михайлович был, несомненно, самым «радикальным» и самым одаренным членом нашей семьи. Моя мать мечтала о его блестящей военной карьере, и чтобы доставить ей удовольствие, брат Николай окончил военное училище с отличием. Однако истинное его призвание было в отвлеченных исторических изысканиях. Он служил в Кавалергардском полку только вследствие его дружеских отношений с императрицей Марией Федоровной (моей тещей) и носил звание командира этого полка. Он был настолько выше в смысле умственного развития своих товарищей-однополчан, что это лишало его всякого удовольствия в общении с ними. Постепенно он отдалился от связей с военным миром и проводил все свое время в исторических архивах С.-Петербурга и Парижа. Его монументальная биография императора Александра I, написанная после долгих лет собирания материалов и проверки дат, останется непревзойденной в исторической русской литературе. Ни один студент начала двадцатого столетия не мог не знать анализа событий и обозрения периода, описанного великим князем Николаем Михайловичем. Книга, которая была переведена на французский язык, произвела сенсацию в среде французских наполеонистов, заставив их пересмотреть, исправить и даже пересоставить целый ряд исторических трактатов. Французская академия избрала его своим членом — честь, которой почти никогда не удостоивались иностранцы, и его всегда осыпали приглашениями

прочесть лекции во французских исторических обществах.

Я не знаю никого другого, кто мог бы с большим успехом нести обязанности русского посла во Франции или же в Великобритании. Его ясный ум, европейские взгляды, врожденное благородство, его понимание мирозерцания иностранцев, его широкая терпимость и искреннее миролюбие стяжали бы ему лишь любовь и уважение в любой мировой столице. Низменная зависть и глупые предрассудки не позволили ему занять выдающегося положения в рядах русской дипломатии, и вместо того, чтобы помочь России на том поприще, на котором она больше всего нуждалась в его помощи, он был обречен на бездействие людьми, которые не могли ему простить его способностей, ни забыть его презрения к их невежеству. С этой точки зрения жизнь его была прожита без пользы. В ранней молодости он влюбился в принцессу Викторию Баденскую — дочь нашего дяди, великого герцога Баденского. Эта несчастная любовь разбила его сердце, так как православная церковь не допускала браков между двоюродными братом и сестрою. Она вышла замуж за будущего шведского короля Густава-Адольфа, он же остался всю свою жизнь холостяком и жил в своем слишком обширном дворце, окруженный книгами, манускриптами и ботаническими коллекциями.

Мой второй брат — Михаил Михайлович не обладал талантами Николая Михайловича. Он обожал военную службу и чувствовал себя превосходно в рядах лейб-гвардии Егерского полка. Его располагающая внешность, благородное сердце и способности танцора сделали его любимцем петербургского большого света. Очень скоро «Миш-Миш» сделался общим любимцем петербургских салонов. К несчастью, у него слишком рано проснулась склонность к семейной жизни. В конце концов он все-таки вступил в морганатический брак с дочерью от морганатического же брака герцога Нассауского, дедушкой которой со стороны матери был А.С. Пушкин. Это положило конец всем планам разнообразных увеселений в новом дворце Миш-Миша. Его попросили выехать из России, и он провел всю свою жизнь в Лондоне.

Мой третий брат — Георгий Михайлович проявлял в детстве способности к рисованию. Он разделял мою любовь к Кавказу и собирался служить в рядах Грузинского гренадерского полка в Тифлисе. Переезд нашего отца в С.-Петербург разрушил все планы великого князя Георгия Михайловича. Он вышел в офицеры в лейб-гвардии Конную артиллерийскую бригаду и близко сошелся с великим князем Петром Николаевичем, что дурно повлияло на развитие его индивидуальных качеств.

Этот ставший чужим для меня человек перестал меня интересовать, и наши отношения потеряли прежний характер взаимною обожания. У Георгия Михайловича было две дочери от брака с принцессой Марией Греческой.

Мой четвертый брат — великий князь Сергей Михайлович (он был на три года моложе меня) радовал сердце моего отца тем, что вышел в артиллерию и в тонкости изучил артиллерийскую науку. В качестве генерал-инспектора артиллерии он сделал все, что было в его силах, для того чтобы, в предвидении неизбежной войны с Германией, воздействовать на тяжелое на подъем русское правительство в вопросе перевооружения нашей артиллерии. Его советов никто не слушал, но впоследствии на него указывали в оппозиционных кругах Государственной думы как на «человека, ответственного за нашу неподготовленность».

Как и я, он был интимным другом императора Николая II в течение более сорока лет, и следовало только пожалеть, что ему не удалось передать долю критического отношения к действительности полковника Гельмерсена своему высокому другу из Царского Села. Сергей Михайлович никогда не женился, хотя его верная подруга, известная балерина, сумела окружить его атмосферой семейной жизни.

Мой младший брат Алексей Михайлович умер от туберкулеза двадцати лет от роду.

Теперь остается сказать несколько слов о так называемых владетельных принцах — Лейхтенбергском, Ольденбургском и Мекленбург-Стрелицком.

Из трех герцогов Лейхтенбергских, сыновей великой княгини Марии Николаевны от ее брака с герцогом Лейхтенбергским, в России был известен только герцог Евгений благодаря красоте его жены Зинаиды Дмитриевны, родной сестры генерала Скобелева, получившей титул графини Богарне. Когда я упоминаю ее имя, я отдаю себе отчет в полной невозможности описать физические качества этой удивительной женщины. Я никогда не видел подобной ей во время всех моих путешествий по Европе, Азии, Америке и Австралии, что является большим счастьем, так как такие женщины не должны попадаться часто на глаза. Когда она входила, я не мог оставаться с нею в одной комнате. Я знал ее манеру подходить в разговоре очень близко к людям, и я сознавал, что в ее обществе я становлюсь не ответственным за свои поступки. Все молодые великие князья мне в этом отношении вполне сочувствовали, так как каждый страдал при виде ее так же, как и я.

...Слабое здоровье двух братьев герцога Евгения — Николая и Георгия — вынуждало их большую часть года проживать за границей. Георгий занимал видное положение в парижском обществе, блистая отраженным светом величия Романовых и имея общепризнанную репутацию наиболее щедрого гостя французской столицы. Его вторая жена — Стана Черногорская с ним развелась и вышла замуж за великого князя Николая Николаевича.

Глава Ольденбургского дома — принц Петр Георгиевич прибыл в Россию в царствование императора Николая I, женился на русской великой княжне, и ему так понравилась русская столица, что окончательно остался в России. Его старшая дочь вышла замуж за великого князя Николая Николаевича старшего, перешла в православие и получила титул великой княгини Александры Петровны. Как это обычно бывает с неофитами, великая княгиня сделалась ревностной поборницей православной церкви, всю свою жизнь посвятила поклонению русским святыням и общению с духовенством и закончила жизнь пострижением в монастырь.

Ее брат — принц Александр Петрович был тем самым командиром Гвардейского корпуса, который вызывал во всех такой страх. Его строгость граничила с сумасбродством. Весть о его приближении во время инспекторских смотров вызывала среди офицерского состава нервные припадки, а на солдат наводила панику. С этой маниакальной строгостью в видимом противоречии находилась его благоговейная преданность наукам.

Его назначение во время войны на пост Начальника санитарной и эвакуационной части заставило подтянуться весь русский медицинский мир, и на этот раз русская армия оценила благодетельную строгость принца Александра Петровича...

...Вот все Романовы, которые окружали русский императорский трон в его самые критические годы. При всех их погрешностях, их преданность династии и врожденный патриотизм могли бы быть использованы государем, если бы он понял, что его родственники должны были иметь право выбирать себе карьеру, помимо военной службы. Но даже наименее одаренные из них могли бы с большим успехом занимать административные посты в империи, чем те бюрократические роботы-изменники, которые во второй половине царствования Николая II захватили министерские и губернаторские портфели. Тот же дядя Алексей — эта непревзойденная карикатура на генерал-адмирала — с успехом подошел бы к роли, которая требовала бы от своего исполнителя знания чужих стран и его способности «ассимиляции».

Взирая на толпу двуличных дворян, изнеженных придворных и плохих бюрократов, царь должен был понять, что он мог рассчитывать только лишь на преданность своих ближайших родственников для выполнения его предначертаний и передачи приказаний своим верноподданым, которые, потеряв веру в министров, еще сохраняли веру в крепость императорского трона. Конечно, нельзя было требовать, чтобы государь образовал бы совет министров из великих князей; я далек от этой мысли. Мы просто хотели, чтобы нам позволили занимать должности в различных казенных учреждениях, и преимущественно в провинции, где мы могли бы быть полезны тем, что служили бы связующим звеном между царем и русским народом.

В ответ на это государь указывал нам на традиции династии Романовых.

— В продолжение трехсот лет мои отцы и деды предназначали своих родных к военной карьере. Я не хочу порывать с этой традицией. Я не могу позволить моим дядям и кузенам вмешиваться в дела управления.

Это решение царя было отчасти продиктовано нашептыванием министров, частью же было принято под влиянием поведения его дядей. Как всегда бывало с императором Николаем II, государственный здравый смысл был в нем затемнен эмоциональными комплексами, но большая часть его поступков была неразрешимой загадкой для каждого, кто не был знаком со всеми обстоятельствами его детства, воспитания и первых десяти лет его царствования.

Однако прежде, чем мы обратимся к характеристике государя императора Николая II, мы должны сделать небольшую экскурсию в область финансов: слишком многие еще продолжают думать, что содержание императорской семьи было непосильным бременем для русского государственного бюджета.

«ЦАРСКИЕ МИЛЛИОНЫ»

1

Финансовые авторитеты и наивные обыватели всегда полагали, что российский монарх был одним из десяти самых богатых людей мира. Даже теперь, тринадцать лет после трагической гибели царской семьи, время от времени приходится читать в газетах, что «английский государственный банк хранит громадное состояние династии Романовых».

В действительности же после лета 1915 года ни в Английском банке, ни в других заграничных банках на текущем счету государя императора не оставалось ни одной копейки. Двадцать миллионов стерлингов царских денег, которые со времени царствования императора Александра II (1855—1881) держали в Лондонском банке, были истрачены Николаем II на содержание госпиталей и различных иных благотворительных учреждений, находившихся во время последней войны под личным покровительством царской семьи. Факт этот не был известен широкой публике по той простой причине, что не в правилах покойного государя было сообщать во всеуслышание о своих добрых делах. Если бы император Николай II продолжал царствовать, то к концу великой войны у него не осталось бы никаких личных средств. Но и до войны он не мог бы состязаться в богатстве ни с Рокфеллерами, ни с Ротшильдами и ни с остальными архимиллионерами. Когда же государь истощил свой английский запас, он не мог бы даже сравниться по богатству ни с императором Вильгельмом, ни с королем Альфонсом Испанским.

Личные доходы императора Николая II слагались из следующих трех источников:

1) ежегодные ассигнования из средств Государственного казначейства на содержание императорской семьи. Эта сумма достигала одиннадцати миллионов рублей;

2) доходы от удельных земель;

3) проценты с капиталов, хранившихся за границей в английских и германских банках.

В удельные имения входили сотни тысяч десятин земли, виноградники, охоты, промыслы, рудники, фруктовые сады и пр., приобретенные главным образом во второй половине восемнадцатого столетия прозорливой Екатериной II. Порядок управления удельными имениями был регламентирован императором Павлом I. Общая стоимость этих имуществ достигала ста миллионов рублей золотом и не соответствовала их сравнительно скромной доходности, едва достигавшей 2 500 000 руб. в год. Дело в том, что в управлении этими имуществами играли известную роль ряд привходящих обстоятельств дипломатического и политического свойства. Например, министерство уделов всегда воздерживалось делать надлежащую пропаганду удельному шампанскому Абрау-Дюрсо, так как опасалось, что это могло бы вызвать неудовольствие во Франции, которая была союзницей России. Или же откладывали постройку железной дороги по южному побережью Крыма, чтобы наша левая печать

не усмотрела в этом желания вывозить из императорских имений фрукты, и последние приходилось продавать на месте за минимальную цену.

Такое же приблизительно положение наблюдалось и с доходами от вкладов в иностранных банках. Министру двора и главноуправляющему уделами было категорически запрещено вкладывать деньги в какие бы то ни было иностранные или русские частные предприятия, чтобы не дать пищи разговорам о том, что государь император заинтересован в той или иной отрасли промышленности.

«Мертвый капитал» императорской семьи оценивался в сумме 160 000 000 руб., соответствующей стоимости драгоценностей Романовых, приобретенных за триста лет их царствования.

Большая императорская корона была сделана знаменитым Позье, придворным ювелиром императрицы Екатерины II, в 1762 году; она представляла собой митру и была увенчана крестом из пяти громадных бриллиантов, соединенных вместе неграненым рубином. Пояс, окружавший голову, состоял из двадцати больших бриллиантов. Одиннадцать больших бриллиантов находились в чешуйчатом изгибе, которым поддерживался крест, а в обручах с каждой стороны находилось по тридцати восьми розовых жемчужин.

Императорская диадема, законченная в царствование императора Александра I, состояла из тринадцати старинных жемчужин, 113 розовых жемчужин, 500 алмазов разной величины и 84 бриллиантов.

Среди других ценностей упоминания заслуживают: знаменитый бриллиант Орлова в 19 1/2 карат весом, купленный графом Орловым в Амстердаме в 1776 году и им поднесенный Екатерине Великой; «Горная Луна» — нешлифованный бриллиант (около 120 карат), бриллиант Шаха (около 85 карат) и «Полярная Звезда» — превосходный бледно-красный рубин 40 карат весом.

Было бы бесполезным трудом пытаться определить, какую приблизительно сумму можно было бы выручить от продажи этих знаменитых драгоценностей. Эксперты всегда придерживались того мнения, что никто, кроме императоров Всероссийского, Германского или же Австро-Венгерского, не были заинтересованы в покупке столь больших драгоценных камней. Вот почему гибель этих трех монархий поставила теперешних обладателей русских коронных драгоценностей в парадоксальное положение купцов, которым удалось получить товар путем уничтожения единственных возможных его покупателей.

Государь император мог рассчитывать получить в начале каждого года сумму, равную 20 миллионам рублей. Для каждого частного лица, с самыми взыскательными вкусами, — это была, конечно, громадная сумма, но тем не менее сумма эта совсем не находилась в соответствии с требованиями, которые предъявляла жизнь к царской казне.

Русский монарх должен был заботиться о содержании царской фамилии и поддержании дворцов и дворцовых музеев и парков. Каждому великому князю полагалась ежегодная рента в 200 000 руб. Каждой из великих княжон выдавалось при замужестве приданое в размере одного миллиона рублей. Каждый из князей или княжон императорской крови получал при рождении капитал в миллион рублей, и этим все выдачи ему исчерпывались. Эти значительные суммы очень часто расстраивали все сметные предположения, так как выдача их зависела от непостоянного числа великих князей, от числа браков и рождений в императорской фамилии.

Помимо малых императорских резиденций, которые были разбросаны по всей России, министерству двора приходилось содержать пять больших дворцов.

Зимний дворец в С.-Петербурге, громадное здание, построенное при императрице Елизавете на берегу Невы знаменитым архитектором Растрелли. Его обслуживал персонал в 120 человек придворных служителей и лакеев. Хотя в течение последних двенадцати лет царствования государь в нем не жил и в нем устраивались только торжественные приемы и придворные балы, дворец этот необходимо было содержать в образцовом порядке из-за множества художественных драгоценностей и художественных коллекций, выставленных в Белом зале.

Сам государь проводил большую часть года в Царскосельском Александровском и Екатерининском дворцах. Екатерининский дворец был выстроен императрицей Екатериной I и впоследствии, в царствование Елизаветы и Екатерины II, значительно увеличен. Дворец этот представлял собою городок посреди парка, расположенного на пространстве в несколько сот десятин. Личный состав Царскосельского дворцового управления достигал шестисот человек.

Лето государь проводил или в Петергофском дворце и там же на даче «Александрия», или же в Крыму в Ливадийском дворце, или же в плавании на яхте «Штандарт» в Финском заливе или же в Черном море. Петергоф и Крымские имения требовали большого персонала, а глав-

ное, значительного количества садовников. Петергоф некоторые сравнивают с Версалем из-за фонтанов, водопадов, прудов и каналов, но надо сознаться, что Петергоф, расположенный на берегу моря, производит более грандиозное впечатление, чем б[ывшая] резиденция Короля-Солнца.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна проживала в Большом Аничковом дворце. Содержание Гатчинского и Большого Кремлевского дворца в Москве требовало также больших расходов. Трем тысячам дворцовых служащих нужно было платить ежемесячно жалование, давать стол, обмундирование, а вышедшим в отставку — пенсии.

Гофмаршал, церемониймейстеры, егеря, скороходы, гоф- и камерфурьеры, кучера, конюхи, метрдотели, шоферы, повара, камер-лакеи, камеристки и пр. — все они ожидали два раза в год подарков от царской семьи: на Рождество и в день тезоименитства государя. Таким образом, ежегодно тратилось целое состояние на золотые часы с императорским вензелем из бриллиантов, золотые портсигары, брошки, кольца и другие драгоценные подарки.

Затем шли императорские театры: три в Петербурге и два в Москве. Несмотря на свое мировое имя и неизменный успех, Императорский балет отнюдь не являлся доходным театральным предприятием, и все пять императорских театров приносили убытки. Этот дефицит покрывался из средств Министерства двора и уделов. Чтобы высоко поддерживать знамя русского искусства, императорской семье надо было ежегодно расходовать 2 млн. рублей. В 1905 году к числу субсидируемых Министерством двора театров прибавилась еще и балетная труппа С. Дягилева. Его блестящие представления в Париже и Лондоне были возможны только благодаря щедрости государя.

Такую же значительную материальную поддержку требовала и Императорская Академия художеств. Хотя официально она и содержалась за счет Государственного казначейства, академия эта никогда не сводила концы с концами, и члены императорской семьи, числившиеся ее попечителями, считали своим долгом поддерживать материально ее нуждавшихся учеников.

Далее шла самая разнообразная благотворительность, ложившаяся на личные средства государя. Вот несколько примеров.

Общество Красного Креста собиралось достроить отделение госпиталя в большом торгово-промышленном центре, но ему не хватало средств.

Директор Пажеского корпуса докладывал царю о молодом паже, который имел все данные, чтобы стать офи-

цером одного из блестящих гвардейских полков, но нуждался в ежегодной ренте в 10 000 руб.

Любимый флигель-адъютант находился в критическом положении: он проиграл в карты всего только 25 тыс. руб., ему дали 24 часа, чтобы уплатить проигрыш.

Внук одного заслуженного генерала обратился на высочайшее имя просьбой о выдаче 1500 руб. на окончание образования.

Молодца городского убили при исполнении его служебных обязанностей, оставив его семью без средств. И т. д. И т. д.

Еще в бытность наследником цесаревичем император Николай II получил от своей прабабушки наследство в 4 млн. рублей. Государь решил отложить эти деньги в сторону и употребить доходы от этого капитала специально на нужды благотворительности. Однако весь этот капитал был израсходован через три года.

Если принять во внимание расходы императорской семьи, то деньги, которые расходовались на увеселения и представительство, покажутся весьма незначительными. Сравнительно незначительная стоимость придворных балов и обедов, которые давались несколько раз в год, объяснялась тем, что для их устройства не требовалось делать специальных покупок и не надо было нанимать в помощь особой прислуги. Вино доставлялось Главным управлением уделов, цветы — многочисленными оранжереями дворцового ведомства, оркестр музыки содержался постоянно Министерством двора. То, что более всего поражало приезжавших иностранцев, которые получали приглашение на придворные балы, это скорее окружавшая их пышность, нежели значительность произведенных расходов.

Крайне скромный и простой в своей частной жизни, царь должен был в таких случаях подчиняться требованиям этикета. Правитель одной шестой части земного шара мог принимать своих гостей только в атмосфере расточительной пышности.

Громадные залы, украшенные зеркалами в золотых рамах, были переполнены сановниками, придворными чинами, иностранными дипломатами, офицерами гвардейских полков и восточными владыками. Их блестящие формы, шитые серебром и золотом, являлись великолепным фоном для придворных нарядов и драгоценностей дам. Кавалергарды и конногвардейцы в касках с императорским двуглавым орлом и казаки собственного его величества конвоя в красных черкесках стояли вдоль лестницы и при входе в Николаевский зал. Залы украшались бесчисленными пальмами и тропическими растениями, доставлен-

ными из придворных оранжерей. Ослепительный свет больших люстр, отраженный многочисленными зеркалами, придавал всей картине какой-то волшебный характер. Глядя на переполненный Николаевский зал, можно было позабыть деловое двадцатое столетие и перенестись в великолепный Екатерининский век.

И вдруг вся толпа замирала. Появлялся обер-церемониймейстер и три раза ударял об пол своим жезлом, чтобы возвестить начало высочайшего выхода.

Тяжелая дверь Гербового зала открывалась, и на пороге показывались государь и государыня в сопровождении членов императорской фамилии и свиты. Самодержец открывал бал всегда полонезом, после чего начинались общие танцы. Император и императрица наблюдали за ними, но не принимали в них участия. Царь покидал залы сейчас же после ужина, чтобы дать молодежи возможность веселиться с большей свободой.

3

На личные нужды государю оставалось ежегодно около 200 тыс. руб., после того как были выплачены ежегодные пенсии родственникам, содержание служащим, оплачены счета подрядчиков по многолетним ремонтам во дворцах, покрыт дефицит императорских театров и удовлетворены нужды благотворительности. К счастью для детей государя, пенсии их оставались нетронутыми в течение их детства и достигали довольно внушительных капиталов, когда они становились совершеннолетними. Но с последней императорской семьей дело вышло несколько иначе. Осмотрительный министр императорского двора граф Б.В.Фредерикс, вопреки приказаниям государя, незадолго до войны перевел за границу принадлежавшее государевым детям состояние. В качестве места хранения Фредерикс избрал Берлин, и, таким образом, семь миллионов рублей оставались в Берлинских банках в течение всей мировой войны и во время инфляции были обесценены. Корректные берлинские банкиры предложили рассчитаться с наследниками царских детей, когда бы они этого не пожелали. Они предлагали на выбор семь миллионов бумажных романовских рублей или же шестнадцать миллионов германских бумажных марок 1923 года!

Как это ни покажется маловероятным, самодержец Всероссийский испытывал материальные затруднения регулярно каждый год задолго до конца сметного периода. Это происходило оттого, что ему на непредвиденные рас-

ходы нужно было значительно более 200 тыс. руб. ежегодно. Для разрешения этих затруднений у него было два пути. Или же расходовать 200 млн. руб., хранившихся на текущем счету в Английском банке, или же прибегнуть к помощи министра финансов. Государь предпочитал обычно избегать эти оба пути и просто говорил: «Мы должны жить очень скромно последние два месяца».

Выросши и будучи в сознании своих обязанностей по отношению к России, царь, ни минуты не колеблясь, пожертвовал во время войны все эти 200 млн. рублей на нужды раненых и увечных и их семей, но никто не мог его убедить взять для себя в мирное время хотя бы копейку из этого громадного состояния.

...Оглядываясь назад на жизнь, которую вела императорская семья, я должен признать, что этот образ жизни ни в какое сравнение с жизнью магнатов капитала идти не мог. Сомневаюсь, удовольствовались ли бы короли стали, автомобилей или же нефти такой скромной яхтой, которая принадлежала государю, и я убежден, что ни один глава какого-либо крупного предприятия не удалился бы от дел таким бедняком, каким был государь в день его отречения. Если бы его дворцы, имения и драгоценности были бы национализированы, то у него бы просто не осталось никакой личной собственности. И если бы ему удалось переехать с семьей в Англию, то ему пришлось бы, чтобы существовать, работать подобно каждому рядовому эмигранту.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II

1

Как и его отец, император Александр III, император Николай II не был предназначен для царствования. Стройная линия преемственности от отца к старшему сыну была нарушена преждевременной кончиной старшего сына императора Александра II, цесаревича Николая, и, таким образом, великий князь Александр Александрович сделался наследником, затем императором Александром III, а его сын Николай Александрович — наследником-цесаревичем. Будущий император Николай II рос в напряженной атмосфере вечных разговоров о заговорах и неудавшихся покушениях на жизнь его деда императора Александра II. Пятнадцати лет¹ он присутствовал при его мученичес-

¹ Должно быть: двенадцати лет (*Примеч сост.*).

кой кончине, что оставило неизгладимый след в его душе. Николай II был мальчиком общительным и веселым. Детство его протекало в скромном Гатчинском дворце в семейной обстановке, среди природы, которую он очень любил. Его воспитатели были — сухой, замкнутый генерал, швейцарец-гувернер и молодой англичанин, более всего любивший жизнь на лоне природы. Ни один из них не имел представления об обязанностях, которые ожидали будущего императора всероссийского. Они учили его тому, что знали сами, но этого оказалось недостаточно.

Накануне окончания образования, перед выходом в лейб-гусарский полк, будущий император Николай II мог ввести в заблуждение любого оксфордского профессора, который принял бы его, по знанию английского языка, за настоящего англичанина. Точно так же знал Николай Александрович французский и немецкий языки. Остальные его познания сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применить в практической жизни. Воспитатель-генерал внушил, что чудодейственная сила таинства миропомазания во время Святого Коронования способна была даровать будущему российскому самодержцу все необходимые познания.

В Николае II рано начала развиваться большая любовь к военной службе. Эта служба как нельзя лучше отвечала складу его характера. Он был командиром эскадрона лейб-гусарского полка. Два года прослужил он офицером в Гвардейской конно-артиллерийской бригаде. Ко всем своим обязанностям относился серьезно и добросовестно. Смерть отца застала его командиром батальона лейб-гвардии Преображенского полка в чине полковника, и всю свою жизнь он остался в этом сравнительно скромном чине. Это напоминало ему его беззаботную молодость, и он никогда не выражал желания произвести себя в чин генерала. Он считал недопустимым пользоваться привилегиями своей власти для повышения себя в чинах. Его скромность создала ему большую популярность в среде офицеров-однополчан. Он любил принимать участие в их вечерах, но разговоры офицерских собраний не могли расширить его умственного кругозора. Общество здоровых молодых людей, постоянной темой разговоров которых были лошади, балерины и примадонны французского театра, могло быть очень приятно для полковника Романова, но будущий российский монарх в этой атмосфере мог приобрести весьма мало полезного.

В семейной обстановке он помогал отцу строить дома из снега, рубить лес и сажать деревья, так как доктора предписали Александру III побольше движения. Разговоры

велись или на тему о проказах его младшего брата Михаила, или же о моих успехах в уходе за его сестрой Ксенией. Все темы о политике были исключены. Поэтому не было случая увеличить запас знаний. В царской семье существовало молчаливое соглашение насчет того, что царственные заботы царя не должны были нарушать мирного течения его домашнего быта. Самодержец нуждался в покое. Монарх, который сумел обуздать темперамент Вильгельма II, не мог удержаться от смеха, слушая бойкие ответы своих младших детей. Ему доставляло большое удовольствие, что называется, окатить ушатом холодной воды юного Михаила Александровича, но великий князь не оставался в долгу и уже за обедом готовил отцу новый сюрприз.

Через год летом царская семья ездила в Копенгаген для встречи с нашей английской, датской и греческой родней. Все нежно обнимали друг друга и вздыхали о прошедшем со дня последнего свидания времени. Тетя Александра — будущая королева Англии — рассказывала о женитьбе своего сына Георга. Тетя Ольга — бывшая королева греческая, с сокрушением вздыхала: ей казалось, что еще вчера носила она Георгия на руках.

В 1890 году, за четыре года до своего восшествия на престол, наследник-цесаревич предпринял с образовательными целями кругосветное плавание. Я встретился с ним в Коломбо. Известие о его приезде застало меня в джунглях, где я охотился за слонами. Должно быть, моя трехнедельная борода, мои рассказы о приключениях и трофеи, разбросанные на палубе «Тамары», произвели на Никки большое впечатление и я показался ему прямо дикарем. Тишина тропической ночи, изредка нарушаемая криками испуганных обезьян, располагала нас к душевной беседе. Николай Александрович завидовал моему восхитительному времяпровождению. Он не находил никакого удовольствия путешествовать на борту военного крейсера, шедшего под брейд-вымпелом наследника-цесаревича.

— Моя поездка бессмысленна, — с горечью сказал он, — дворцы и генералы одинаковы во всем мире, а это единственное, что мне показывают. Я с одинаковым успехом мог бы остаться дома.

На следующий день мы расстались: я вернулся к прерванной охоте, а Николай Александрович продолжал свой путь в Японию. На вокзале в местечке Отцу какой-то изверг ударил его саблей по голове, и если бы принц Георг Греческий не ослабил силу удара, наследник-цесаревич поплатился бы жизнью. На обратном пути наследник-цесаревич проехал по Сибири, вдоль будущего Сибирского железнодорожного пути.

Он мечтал вернуться обратно в Гатчино, где за могучей спиной отца Николай Александрович чувствовал себя в безопасности. Физические качества Александра III казались верхом человеческого достижения робкому цесаревичу, и без сомнения было много обаяния в зрелище, как серебряный рубль сгибался в железных пальцах императора. После покушения в Борках 17 октября 1888 года весь русский народ создал легенду, что Александр III спас своих детей и родных, удержав на плечах крышу разрушенного вагона-ресторана, во время покушения революционеров на императорский поезд. Весь мир ахнул. 20 октября 1894 года Никки и я стояли на веранде чудесного Ливадийского дворца с мешками кислорода в руках: мы присутствовали при последних минутах Александра III.

Даже соленое дыхание южного моря не могло вернуть к жизни человека, поставившего себе целью жизни предотвратить беспощадный ход революции. Кончина Александра III была подобна его жизни. Являясь убежденным врагом звучных фраз и мелодраматических эффектов, царь при приближении последней минуты лишь пробормотал короткую молитву и простился с императрицей.

Люди умирают ежеминутно, и мы не должны были бы придавать особого значения смерти тех, кого мы любим. Но тем не менее смерть императора Александра III окончательно решила судьбу России. Каждый в толпе присутствовавших при кончине Александра III родственников, врачей, придворных и прислуги, собравшихся вокруг его бездыханного тела, сознавал, что наша страна потеряла в лице государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Никки. В эту минуту в первый и в последний раз в моей жизни я увидел слезы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что сделался императором, и это страшное бремя власти давило его.

— Сандро, что я буду делать! — патетически воскликнул он. — Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!

Помочь ему? Мне, который в вопросах государственного управления знал еще меньше, чем он! Я мог дать ему совет в области дел военного флота, но в остальном...

Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание и что все мы стояли пред неизбежной катастрофой.

Невеста нового императора, принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, прибыла из Германии накануне кончины Александра III. Министр двора был настолько потрясен болезнью государя, что забыл отдать распоряжение о высылке на границу императорского поезда, и будущая императрица всероссийская путешествовала по России как простая смертная. В церкви Ливадийского дворца состоялось ее крещение по православному обряду. Бракосочетание молодого царя состоялось менее чем через неделю после похорон Александра III. Их медовый месяц протекал в атмосфере панихид и траурных визитов. Самая нарочитая драматизация не могла бы изобрести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего русского царя.

Молодая императрица с трудом говорила по-русски. В этом отношении ее предшественница была в гораздо более благоприятных условиях: между помолвкой принцессы Дагмар с будущим русским царем и его коронованием протекло семнадцать лет. Принцесса Аликс должна была в течение короткого срока изучить язык своей новой родины и привыкнуть к ее быту и нравам.

Еще далекая от сложных взаимоотношений придворной жизни, молодая императрица делала ошибки, незначительные сами по себе, но равносильные страшным преступлениям в глазах петербургского высшего света. Это запугало ее и создало известную натянутость в ее обращении с окружающими. Это в свою очередь послужило достаточным поводом для сравнения между обаятельностью вдовствующей императрицы и «холодным снобизмом» молодой царицы. Эти сравнения между матерью и женой император Николай II принимал очень близко к сердцу, и скоро отношения между двором и обществом приняли очень натянутый характер.

Наступил день, когда все мы поехали в Москву на коронацию.

Приближался день катастрофы на Ходынском поле. Иностранцам причины трагедии могли бы показаться непонятными, но опытные русские администраторы еще задолго до этого события ожидали худшего. То, что дядя государя, великий князь Сергей Александрович, занимавший пост Московского генерал-губернатора, сумеет организовать должным образом празднества, в которых должны были принять участие миллионы русских людей, — вызывало со всех сторон сомнения.

Первые два дня в Москве не оправдали мрачных предсказаний. Чудесные весенние дни, исторический город,

разукрашенный флагами, звон колоколов с высоты тысячи шестисот колоколен, толпы народа, кричащие «ура», коронованная молодая царица, сияющая красотой, европейские царствующие особы в золоченых каретах — никакой строгий церемониал не мог породить в толпе большего энтузиазма, чем лицезрение всей этой картины.

Согласно программе празднеств, раздача подарков народу должна была иметь место в 11 часов утра на третий день коронационных торжеств. В течение ночи все увеличивавшиеся толпы московского люда собрались в узких улицах, которые прилегали к Ходынке. Их сдерживал только очень незначительный наряд полиции. Когда взошло солнце, не менее пятисот тысяч человек занимали сравнительно небольшое пространство и, проталкиваясь вперед, напирала на сотню растерявшихся казаков. В толпе вдруг возникло предположение, что правительство не рассчитывало на такой наплыв желающих получить подарки, а потому большинство вернется домой с пустыми руками.

Бледный рассвет осветил пирамиды жестяных кубков с императорскими орлами, которые были воздвигнуты на специально построенных деревянных подмостках.

В одну секунду казаки были смяты, и толпа бросилась вперед.

— Ради Бога, осторожнее, — кричал командовавший офицер, — там ямы...

Его жест был принят за приглашение. Вряд ли кто из присутствовавших знал, что Ходынское поле было местом учения саперного батальона. Те, кто были впереди, поняли свою роковую ошибку, но нужен был по крайней мере целый корпус, чтобы остановить своевременно этот безумный поток людей. Все они попадали в ямы, друг на друга, женщины, прижимая к груди детей, мужчины, отбиваясь и ругаясь.

Пять тысяч человек было убито, еще больше ранено и искалечено. В три часа дня мы поехали на Ходынку. По дороге нас встречали возы, нагруженные трупами. Трусливый градоначальник старался отвлечь внимание царя приветствиями толпы. Но каждое «ура» звучало в моих глазах как оскорбление. Мои братья не могли сдержать своего негодования, и все мы единодушно требовали немедленной отставки великого князя Сергея Александровича и прекращения коронационных торжеств. Произошла тяжелая сцена. Старшее поколение великих князей всецело поддерживало Московского генерал-губернатора.

Мой брат великий князь Николай Михайлович ответил дельной и ясной речью. Он объяснил весь ужас создав-

шегося положения. Он вызвал образы французских королей, которые танцевали в Версальском парке, не обращая внимания на приближающуюся бурю. Он взывал к доброму сердцу молодого императора.

— Помни, Никки, — закончил он, глядя Николаю II прямо в глаза, — кровь этих пяти тысяч мужчин, женщин и детей останется неизгладимым пятном на твоём царствовании. Ты не в состоянии воскресить мертвых, но ты можешь проявить заботу об их семьях. Не давай повода твоим врагам говорить, что молодой царь пляшет, когда его погибших верноподданных везут в мертвецкую.

Вечером император Николай II присутствовал на большом балу, данном французским посланником. Сияющая улыбка на лице великого князя Сергея заставляла иностранцев высказывать предположения, что Романовы лишились рассудка. Мы четверо покинули бальную залу в тот момент, когда начались танцы, и этим тяжко нарушили правила придворного этикета.

3

Стройный юноша, ростом в пять футов и семь дюймов, Николай II провел первые десять лет своего царствования сидя за громадным письменным столом в своем кабинете и слушая с чувством, скорее всего приближающимся к ужасу, советы и указания своих дядей. Он боялся оставаться наедине с ними. В присутствии посторонних его мнения принимались дядями за приказания, но стоило племяннику и дядям остаться с глазу на глаз, их старшинство давало себя чувствовать, а потому последний царь всея Руси глубоко вздыхал, когда во время утреннего приема высших сановников империи ему возвещали о приходе с докладом одного из его дядей.

Они всегда чего-то требовали. Николай Николаевич воображал себя великим полководцем. Алексей Александрович повелевал моряками. Сергей Александрович хотел бы превратить Московское генерал-губернаторство в собственную вотчину. Владимир Александрович стоял на страже искусств.

Все они имели, каждый своих, любимцев среди генералов и адмиралов, которых надо было производить и повышать вне очереди, своих балерин, которые желали бы устроить «русский сезон» в Париже, своих удивительных миссионеров, жаждущих спасти душу императора, своих чудодейственных медиков, просящих аудиенции, своих ясновидящих старцев, посланных свыше... и т. д.

...Я старался всегда обратить внимание Николая II на навязчивость наших родных. На правах его двоюродного дяди и старшего, я иногда говорил с государем о государственных делах, но я ничего не приукрашал. Я ссылался на историю, экономику, русские и иностранные прецеденты. Но это был глас вопиющего в пустыне. Мои призывы не достигали цели. Я был «Сандро», товарищем его детских игр, мужем его любимой сестры Ксении. Он знал, как меня парировать, переходя на шутливый тон нашей молодости. Он подметил, что я тогда делаюсь в моем кресле как-то меньше ростом. Меня он не боялся. Как часто, когда я спорил о полной реорганизации флота, которым управлял дядя Алексей согласно традициям XVIII века, я видел, как государь в отчаянии пожимал плечами и говорил монотонно:

— Я знаю, что ему это не понравится. Говорю тебе, Сандро, что он этого не потерпит.

— В таком случае, Никки, ты заставишь его это потерпеть. Это твой долг перед Россией.

— Но что я могу с ним сделать?

— Ты ведь царь, Никки. Ты можешь поступить так, как это необходимо для защиты наших национальных интересов.

— Все это так, но я знаю дядю Алексея. Он будет вне себя. Я уверен, что все во дворце услышат его крик.

— В этом я не сомневаюсь, но тем лучше. Тогда у тебя будет прекрасный повод уволить его немедленно в отставку и отказать ему в дальнейших аудиенциях.

— Как я могу уволить дядю Алешу? Любимого брата моего отца! Знаешь что, Сандро, я думаю, что с моими дядями у меня все обойдется, но за время твоего пребывания в Америке ты сам стал большим либералом.

В этих спорах проходили месяцы и годы. Я пригрозил, что выйду в отставку, если моими советами будут пренебрегать. В ответ на это государь только улыбался. Он был уверен, что я-то никогда не решусь причинить ему такое огорчение. Когда я в конце концов все-таки ушел, дядя Алексей выразил свое удовлетворение тем, что целую неделю в кабинете государя его голоса не было слышно.

14 мая 1905 года флот наш был разбит под Цусимой японцами, но это не имело влияния на Николая II. Слава его царствования еще не приобрела определенных очертаний. Он проходил через стадии своей жизни и верными шагами шел в том направлении, которое было указано его многочисленными комплексами. Он потерял во все веру. Хорошие и дурные вести имели на него одинаковое действие: он оставался безразличным. Единственной целью его жизни было здоровье его сына. Французы нашли бы,

что Николай II представлял собою тип человека, который страдал от его добродетелей, ибо государь обладал всеми качествами, которые были ценны для простого гражданина, но которые являлись роковыми для монарха. Если бы Николай II родился в среде простых смертных, он прожил бы жизнь, полную гармонии, поощряемый начальством и уважаемый окружающими. Он благоговел перед памятью отца, был идеальным семьянином, верил в незыблемость данной им присяги и прилагал все усилия, чтобы остаться честным, обходительным и доступным со всеми до последних дней своего царствования. Не его вина была в том, что рок превращал его хорошие качества в смертоносные орудия разрушения. Он никогда не мог понять, что правитель страны должен подавить в себе чисто человеческие чувства...

4

Личность Распутина захватила воображение всего цивилизованного мира. Серьезные историки и легковверные романисты посвятили тома описаниям той роли, которую сыграл в гибели России этот неграмотный мужик.

«Правда о Распутине» — достаточно проста. Секрет его могущества заключался в одной черте характера государя, которая накладывала на него печать столь же неизгладимую, как и его учтивость.

Царь был идеальным мужем и любящим отцом. Он хотел иметь сына. От его брака с принцессой Алисой Гессен-Дармштадтской у него родились в течение семи лет четыре дочери. Это угнетало его. Он почти что упрекал меня за то, что у меня в тот же промежуток времени родилось пятеро сыновей. Как это ни покажется мало-правдоподобным, но мои отношения с императрицей были далеки от сердечности по причине той же разницы пола наших детей!

Однажды во дворце появился таинственный господин — «доктор Филипп» из Парижа. Он был представлен царской чете «черногорками» — великими княгинями Милицей и Анастасией Николаевнами. Французский посланник предостерегал русское правительство против этого вкрадчивого иностранца, но царь и царица придерживались другого мнения. Люди, которые хотят быть обманутыми, попадают впросак. Псевдонаучное красноречие д-ра Филиппа достигло цели. Он утверждал, что обладает силой внушения, которая может оказать влияние на пол развивающегося в утробе матери ребенка. Он не прописывал никаких лекарств, которые могли бы быть проверены придворными

медиками. Секрет его искусства заключался в сериях гипнотических пассов. После двух месяцев лечения он объявил, что императрица находится в ожидании ребенка. Все придворные празднества были отменены. Европейские газеты писали о приближении великого события в семье русского царя. Прошло шесть месяцев. Императрица вдруг заболела острым нервным расстройством, и, несмотря на упорные протесты д-ра Филиппа, к постели больной были приглашены врачи. Они быстро и решительно поставили диагноз; они не нашли и следов беременности у Александры Федоровны. Доктор Филипп уложил свои чемоданы и уехал в Париж.

Прошло два года, и 30 июля 1904 года императрица разрешилась от бремени долгожданным сыном.

Трех лет от роду, играя в парке, цесаревич Алексей упал и получил ранение, вызвавшее кровотечение. Вызвали придворного хирурга, который применил все известные медицине средства для того, чтобы остановить кровотечение, но они не дали результата. Царица упала в обморок. Ей не нужно было слышать мнения специалистов, чтобы знать, что означало это кровотечение: это была ужасная гемофилия — наследственная болезнь мужского поколения ее рода в течение трех столетий. Здоровая кровь Романовых не могла победить больной крови Гессен-Дармштадтских, и невинный ребенок должен был страдать от той небрежности, которую проявил русский двор в выборе невесты Николая II.

За одну ночь государь состарился на десять лет. Он не мог перенести мысли, что его единственный сын, его любимый Алексей был обречен медициной на преждевременную смерть или же на прозябание инвалида.

— Неужели в Европе нет специалиста, который может вылечить моего сына? Пусть потребует что угодно, пусть даже на всю жизнь останется во дворце. Но Алексей должен быть спасен!

Доктора молчали. Они могли дать только отрицательный ответ. Они не могли вводить императора в заблуждение. Они должны были ответить, что даже самые известные мировые специалисты не в состоянии бороться против подтачивающей силы наследника гемофилии.

— Ваше величество должны быть осведомлены, — сказал один из лейб-хирургов, — что наследник цесаревич никогда не излечится от своей болезни. Припадки гемофилии будут время от времени повторяться. Необходимо принять самые строгие меры, чтобы предохранить его высочество от падений, порезов и даже царапин, потому что каждое незначительное кровотечение может для людей, страдающих гемофилией, оказаться роковым.

Громадный матрос получил приказание следить за безопасностью Алексея Николаевича и носить его на руках во всех случаях, когда мальчику предстояло оставаться продолжительное время на ногах.

Для его царственных родителей жизнь потеряла всякий смысл. Мы боялись улыбнуться в их присутствии. Посещая их величества, мы вели себя во дворце, как в доме, в котором кто-то умер. Император старался найти забвение в неустанном труде, но императрица не захотела подчиниться судьбе. Она непрестанно говорила о невежестве врачей, отдавая явное предпочтение шарлатанам. Все свои помыслы обратила она в сторону религии, и ее религиозность получила истерический характер. Таким образом, почва для появления чудотворца была подготовлена, и вот обе «черногорские княгини» без особого труда убедили императрицу принять Распутина.

— Это удивительный человек. Святой. Он исцеляет все болезни. Это простой сибирский мужик, но ты ведь знаешь, Аликс, что Бог никогда не наделяет способностями творить чудеса детей цивилизации.

Остальную эпопею Распутина вряд ли надо рассказывать. Остается под вопросом, совпадало ли улучшение в состоянии здоровья наследника с посещением дворца Распутиным или же этому старцу были действительно известны какие-то темные методы языческих знахарей его родной Сибири? Что касается императрицы, то она верила в то, что старец спас ее сына от смерти. Государь презирал Распутина, был против его посещений дворца. Незадолго до начала войны Распутин уехал в Сибирь, где одна крестьянка, говорят, его бывшая любовница, ранила его ударом ножа. Припадки гемофилии начали повторяться. Царица плакала и умоляла государя вызвать из Сибири в Царское Село «спасителя Алексея». Распутин возвратился триумфатором. На этот раз он решил извлечь большую пользу из своих способностей врачевания. Он заключил деловой союз с рядом бессовестных авантюристов. Рекомендательные письма, написанные его безграмотной рукой, появились на столах у высших сановников империи и видных банкиров. То же самое общество, которое немного лет спустя требовало крови старца, приглашало его на свои приемы и искало его милости.

25 декабря 1916 года, девять дней после того как во дворце моего зятя князя Ф. Юсупова Распутин был убит, я послал царю длинное письмо, в котором предсказывал революцию и настаивал на немедленных переменах в составе правительства. Мое письмо заканчивалось следующими словами:

«Как это ни странно, но мы являемся свидетелями того, как само правительство поощряет революцию. Никто другой революции не хочет. Все сознают, что переживаемый момент слишком серьезен для внутренних беспорядков. Мы ведем войну, которую необходимо выиграть во что бы то ни стало. Это сознают все, кроме твоих министров. Их преступные действия, их равнодушие к страданиям народа и их беспрестанная ложь вызовут народное возмущение. Я не знаю, послушаешься ли ты моего совета или же нет, но я хочу, чтобы ты понял, что грядущая русская революция 1917 года явится прямым продуктом усилий твоего правительства. Впервые в современной истории революция будет произведена не снизу, а сверху, не народом против правительства, но правительством против народа».

Я был не единственный, который определял положение подобным образом.

ОЛОВЯННЫЕ БОГИ

1

За стенами царских дворцов простиралась Россия — «ледяная пустыня, по которой бродил человек», по выражению К.П.Победоносцева. Достаточно краткого перечня событий 1894—1917 годов, чтобы составить себе представление о «делах» этого «лихого человека».

Май 1896 года — катастрофа на Ходынке.

1897—1901 годы — частичные забастовки в Петербурге, Москве и в провинции; бесчисленные покушения на жизнь министров, губернаторов и чинов полиции; чрезвычайные меры, принимаемые для охраны молодого царя.

1902 год — убийство министра внутренних дел Сипягина.

1904 год — убийство министра внутренних дел В.К.Плеве.

1905 год — начало несчастной русско-японской войны.

9 января 1905 года — революционные вожаки, вопреки категорическому приказу, запрещавшему устройство уличных демонстраций, ведут петербургских рабочих по направлению к Зимнему дворцу, чтобы подать царю петицию, хотя им и известно, что государь находится в Царском Селе. После многократных предостережений войска открывают по толпе огонь. В результате — двести рабочих убито и ранено.

4 февраля 1905 года — убийство в Москве великого князя Сергея Александровича. Ввиду переполнения Мо-

сквы террористами полиция просит царскую фамилию не присутствовать на похоронах.

6 июня 1905 года — восстание в Черноморском флоте.

12 октября 1905 года — Петербургский Совет рабочих депутатов объявляет всеобщую забастовку.

17 октября 1905 года — великий князь Николай Николаевич и Председатель Совета министров С.Ю.Витте убеждают государя уступить требованиям революционеров.

Объявление манифеста о созыве Государственной думы.

Декабрь 1905 года — правительство вынуждено принять чрезвычайные меры для благополучного возвращения армии с японского фронта и предохранения Сибирской железной дороги от покушений революционеров.

Декабрь 1905 года — для подавления московского восстания из Петербурга командировается лейб-гвардии Семёновский полк.

27 апреля 1906 года — открытие первой Государственной думы...

Весна—лето 1906 года — так называемые «иллюминации» — по всей европейской России, то есть мужики жгут помещичьи усадьбы. Убит ряд губернаторов, военных и чинов полиции.

7 июля 1906 года — роспуск первой Государственной думы. Некоторые депутаты отказываются подчиниться приказу о роспуске, отправляются в Выборг и выпускают воззвание, в котором предлагают народу не платить царскому правительству податей. П.А.Столыпин, назначенный Председателем Совета министров, организует планомерную борьбу с революционерами.

12 августа 1906 года — взрыв бомбы на даче Столыпина на Аптекарском острове. Ранены дети Столыпина и убито и ранено много должностных лиц.

Зима 1906—1907 года — серия экспроприаций, организованных революционерами для пополнения партийной кассы, вынуждает правительство объявить военное положение во многих крупных центрах.

3 июня 1907 года — роспуск второй Государственной думы, которая была еще более оппозиционной, чем первая: с думской трибуны была оскорблена русская армия.

Осень 1907 года — выборы в Государственную думу проходят по новому избирательному закону, который обеспечивал более широкое участие в законодательной деятельности представителей земской России.

1908—1911 годы — меры, предпринятые Столыпиным, восстанавливают порядок. Расцвет промышленности и банковского дела достигает невиданных до той поры размеров. Вводятся законы о «стольпинском» землеустрой-

стве, направленные к ликвидации сельской общины, к разверстанию крестьянских земель на хутора и отруба и к развитию переселенческого дела.

14 сентября¹ 1911 года — убийство Столыпина Богровым в Киевском городском театре.

30 июля¹ 1914 года — С.Д.Сазонов и великий князь Николай Николаевич оказывают все свое влияние на государя, чтобы он подписал приказ о всеобщей мобилизации.

1915—1916 годы — противники существующего строя занимают преобладающее влияние в Земском, Городском и Военно-Промышленном комитетах. Петербург переполнен пораженческой литературой, которая использует влияние Распутина как средство для разложения тыла.

Февраль 1917 года — германские агенты ведут пропаганду в хвостах за хлебом в С.-Петербурге и организуют забастовки на фабриках, работающих на оборону.

Март 1917 года — отречение императора Николая II.

2

Этого лаконического перечня, однако, недостаточно, чтобы охарактеризовать невероятное легкомыслие и бесконечную безответственность тех общественных кругов, которые в течение двадцати трех лет прилагали все усилия для того, чтобы расшатать устои империи. Знаменательно то, что ни одному из лидеров русского освободительного движения 1894—1917 годов не удалось пережить в России грозу 1917—1918 годов. Все они были или же убиты большевиками, или же находятся ныне в эмиграции. Только шатающееся правительство Николая II могло уступить их напору. Я привожу слова одного из публицистов освободительного движения Михаила Гершензона: «Русская интеллигенция должна быть благодарна царскому правительству, что оно своими тюрьмами и штыками защищает ее от народного гнева, горе всем нам, если мы доживем до того времени, когда падет царь». Это было напечатано в сборнике «Вехи» (П.Б.Струве, Изгоева, Франка, Гершензона и др.) в 1907 году.

¹ Автор путает старый и новый стили.

В.И.ГУРКО



ЦАРЬ И ЦАРИЦА



Гурко В.И., «Царь и царица». Париж, 1927 г.
Гурко В.И., «Воспоминания»
Лондон, 1939 г.

Гурко Владимир Иосифович (1863—1927) — камергер. Заведовал земским отделом МВД. В 1906 г. стал товарищем министра внутренних дел. Заключил с петербургским купцом Лигвалем договор о поставках хлеба в голодающие губернии, выдав ему 800 000 рублей, но поставки исполнены были лишь в небольшой части. Сенат от-
решил В.И.Гурко от должности. Это наказание лишало его права участия в политической и общественной жизни, однако право это было ему возвращено высочайшим помилованием. Имел литературный дар. В эмиграции написал интересные мемуары.

В личности Николая II наблюдалось странное и редкое сочетание двух по существу совершенно противоположных свойств характера: при своем стремлении к неограниченному личному произволу, он совершенно не имел той внутренней мощи, которая покоряет людей, заставляя их беспрекословно повиноваться. Основным качеством народного вождя — властным авторитетом личности — государь не обладал вовсе. Он и сам это ощущал, ощущала инстинктивно вся страна, а тем более лица, находившиеся в непосредственных сношениях с ним.

Отсюда понятно, почему подрывалось в корне значение всех принимаемых царем мер, как бы они ни были круты сами по себе, какими бы последствиями ни грозило игнорирование ими.

Таким образом, обаяние царской власти в стране, столь сильное при Александре III, постепенно ослабевало даже в массах; наконец исчезло совсем...

При этих условиях ее крушение было неизбежно.

* * *

Если государь, за отсутствием у него необходимой внутренней мощи, не обладал должной для правителя властью, то императрица, наоборот, была вся соткана из властности, опиравшейся у нее к тому же на присущую ей самонадеянность.

Властность эта сказалась еще до вступления ее в брак. Весьма характерна в этом отношении запись, внесенная ею в дневник Николая II почти тотчас после ее приезда в качестве нареченной невесты наследника в Ливадию:

«Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя, — вписывает в дневник цесаревича только что прибывшая в Россию принцесса Алиса. — Ты — дорогой сын твоего отца, и у тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всем. Выяви твою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты».

В этой записи уже ясно слышны те ноты, которые впоследствии столь громко зазвучали в ее письмах к государю

периода великой войны. Из этих же писем выясняется настойчивость императрицы: чем больше она встречает противодействие своим желаниям, тем она становится напористее, прибегая решительно ко всем доступным ей средствам. Тут и ссылка на мнение «нашего Друга», тут и неотступная просьба и усиленная ласка, в которой, под бархатными словами, местами проглядывает гневное чувство.

Властность царицы была настолько велика, что окружающая клика для внушения императрице тех или иных своих желаний старалась воздействовать именно на это столь мощно у нее развитое чувство. Можно даже с уверенностью сказать, что и Распутин, в качестве советчика по политическим вопросам, а в особенности впоследствии Протопопов были ей любы, потому что они поддерживали и воспевали ее всемогущество.

Действительно, представляется весьма сомнительным, мог ли бы Распутин, невзирая на все свое влияние, заставить царицу отказаться от осуществления какого-либо намерения, которое она горячо желала бы исполнить. Прославление неограниченного самодержавия было, во всяком случае, одним из основных козырей в руках лиц, понемногу захвативших Александру Феодоровну в свою тонкую, пропитанную ядом лести, липкую паутину.

Нельзя при этом не отметить, что в то время как государь черпал уверенность в правильности своих решений в сознании, что они ему внушаются свыше, и на собственный разум при этом не полагался, царица, при всей своей религиозности, искала доводов в пользу предпринимаемых ею действий в собственных размышлениях, которые в последний период царствования лишь увенчивались санкцией лица, почитаемого ею за боговдохновенного.

Влияние Распутина на царицу в вопросах государственных построено было, главным образом, на том, что и он, и его клика умели внушить Александре Феодоровне сознание, что она одна способна отстоять самодержавную власть русского царя, которую, сама, по всей вероятности, этого не сознавая, она стремилась фактически всецело присвоить себе. Больше того: при проведении тех или иных лиц на министерские посты Распутин и его alter ego А.А.Вырубова стремились лишь незаметно подсказать своих кандидатов царице, и только после того, как императрица как будто сама на них останавливалась, они подкрепляли ее выбор одобрением и благословением Распутина.

В данном случае проявлялась одна из слабых струн природы Александры Феодоровны, а именно отсутствие

у нее дара распознавать внутреннюю сущность людей. Отличить лиц, истинно преданных как ей лично, так и монархическому строю, от обыкновенных льстецов она не умела, что и привело в конечном счете к исключению из числа приближенных и к удалению от двора кн. В.Н. Орлова, А.А. Дрентельна и состоявшей при великих княжнах в качестве воспитательницы С.И. Тютчевой, глубоко преданных царскому дому, но не скрывавших своего отрицательного отношения к Распутину и занятому им при дворе положению.

Внешней причиной удаления этих лиц послужило то, что они передавали в городе многое из происходившего во дворце, причем будто бы преувеличивали и даже извращали роль Распутина. Но это была лишь гласная причина. На деле же царица добивалась их удаления, считая их за людей, стремившихся парализовать ее влияние на государя. Чрезвычайно характерна в этом отношении фраза, заключающаяся в ее письме государю от 17 сентября 1915 года: «Некоторые, — пишет государыня, — боятся моего вмешательства в государственные дела (все министры), а другие видят во мне помощника во время твоего отсутствия (Андронников, Хвостов, Варнава). Это доказывает, кто тебе предан в настоящем смысле слова».

Таким образом, в представлении Александры Феодоровны степень преданности государю окружающих его лиц измерялась степенью их признания благотворности участия царицы в государственном управлении. Иначе говоря, всякое лицо, боровшееся с ее пожеланиями и мнениями, было нетерпимо и причислялось к врагам царской четы.

В частности, удаление С.И. Тютчевой произошло по следующей причине.

Воспитательница великих княжон крайне негодовала на то, что Распутин бывает в их комнате и даже кладет свою шапку на их кровати. Императрица же заявила, что она не видит в этом ничего дурного. Тогда возмущенная С.И. Тютчева обратилась к государю. Он согласился с ее мнением и сказал, что переговорит по этому поводу с государыней. Результатом же переговоров царя и царицы явилось немедленное удаление Тютчевой от двора. Надо, однако, признать, что власть прельщала Александру Феодоровну не из тщеславия, а как орудие для осуществления широких замыслов общего значения. Если порой она убеждала своего супруга использовать свою власть по отношению к отдельным лицам и в частных случаях, то лишь когда вопрос ее очень близко касался и сильно волновал. В общем же она не хотела нарушать установленного порядка и если порой именно к этому приходила, то бес-

сознательно, ибо и самый порядок ей не был известен. Строю ее мышления анархия была совершенно чужда.

По существу, царицу занимали, захватывали ее мысль, а порой и волновали вопросы широкого значения. Так, в тех же письмах своих к государю она касается самых разнообразных тем. Тут и своевременное обеспечение городов, а в частности столицы, продовольствием и топливом, и понижение, в интересах бедных людей, цен за проезд по городскому трамваю (чем она одновременно обнаруживает свое незнание с русским строем вообще и, между прочим, с основами городского самоуправления); тут и необходимость наблюдения за производством заводами боевых припасов. И надо признать, что, в общем, суждения ее по этим вопросам отличаются здравым смыслом и подсказаны горячим желанием облегчить положение неимущих и содействовать благоустройству в стране. С большим мужеством, ввиду ее немецкого происхождения, высказывается она против поднятой во время войны травли балтийских немцев и бессмысленности преследования лиц, носящих немецкие фамилии.

В этом отношении ярко сказывается, насколько Александра Феодоровна отличалась рассудительной деловитостью и практичностью, коль скоро ее природный здравый смысл не был затемнен излишней страстностью.

Проявляется в переписке с государем и ее принципиальность. Характерно в этом отношении ее замечание по поводу предложенного Распутиным способа получения средств для благотворительности путем награждения богатых банкиров чинами и орденами: «Неужели, — говорит она, — надо прибегать к таким дурным способам для получения денег на помощь страждущим!» Но, увы, не одна страстность порой лишала государыню способности разбираться в событиях; была этому и иная еще причина, присущая ее характеру, — почти безграничная самоуверенность и самонадеянность. Александра Феодоровна никогда в правильности своих суждений не сомневалась и всякую зародившуюся у нее мысль почитала за безусловно верную, не подлежащую оспариванию.

О степени ее самоуверенности красноречиво свидетельствуют опять-таки ее письма государю, в которых вообще с такой необыкновенной четкостью и выпуклостью выступают все черты ее характера. Я имею в виду в данном случае ее сообщения государю о разговорах, которые она имела с графом П.Н.Игнатьевым (министром народного просвещения) и с очень близким ко двору лейб-медиком С.С.Боткиным. По поводу этих разговоров она пишет, что «разъяснила им, в чем они ошибаются, и теперь они это поняли». Таким образом, Александре Фео-

доровне представлялось, что достаточно ей было поговорить с кем-либо, только бы он не принадлежал к числу ее врагов, которых она видела повсюду, чтобы собеседник сразу поумнел.

Это не преувеличение. Так 30 августа 1915 года она пишет государю по тому же поводу: «Я говорю вовсю. Необходимо всех встряхнуть и показать, как следует думать и поступать», — а 4 сентября: «Приходится быть лекарством для смущенных умов, подвергающихся действию городских микробов».

Не меньшую самоуверенность проявляет царица, когда говорит о присущей ей энергии и твердости воли, в недостатке которых она мягко, косвенно, но постоянно упрекает царя: «На мне надеты невидимые штаны. Я ношу бессмертные штаны»; «Уверю тебя, я жажду показать всем этим трусам свои бессмертные штаны, я вижу, что присутствие моих черных брюк в Ставке необходимо, такие там идиоты».

Невзирая на то, что Николай II всемерно отстаивал безграничность своей власти, которую он, как я уже указывал, подчас даже превышал, тем не менее сама по себе власть его не прельщала и не захватывала, поскольку она не касалась возможности удовлетворения личной прихоти и в вопросах по существу малозначащих. Отстаивал государь свое самодержавие по причинам исключительно принципиального свойства. Во-первых, он был глубоко и искренно убежден, что самодержавие — единственная форма правления, соответствующая России. Во-вторых, он считал, что при венчании на царство он дал обет передать своему наследнику власть в том же объеме, в котором сам ее получил.

Теорию эту поддерживала и царица. Проповедовали ее и крайние правые, фанатично доказывая, что русский самодержавный царь не имеет права чем-либо ограничить свою власть. Соответственно этому и Николай II почитал себя вправе отречься от престола, но не вправе сократить пределы своих царских полномочий. Придерживаясь такой теории, оставалось признать, что неизбежное во времени изменение формы правления может произойти в России только насильственным путем, но этим самым как бы узаконивались и оправдывались всякие революционные действия. То обстоятельство, что теория эта не выдерживает никакой критики, для государя не имело значения, так как с годами он все более был склонен основывать свои действия не на велениях разума, а на исходящих свыше внушениях, которые он определял словами: «Так мне Бог на душу положил».

Именно то обстоятельство, что государь, пропитанный религиозностью, глубоко верил, что власть ему вручена

самим Богом, обязывало его относиться к своему служению с уже указанной мною величайшей самоотверженностью, а теократическая точка зрения превращала «le bon plaisir du roi» в «la supreme volonté de Dieu».¹

Если бы Николай II дал волю своим естественным наклонностям, то, вероятно, предпочел бы заниматься тем цветоводством, которому, как он заявил при отречении, он впредь посвятит свое время, а царские обязанности сложил бы на другие плечи.

Весьма вероятно, что именно вследствие тяжести для него шапки Мономаха отрекся он так легко от престола и за себя и за наследника, переложив всю эту тяжесть на своего младшего брата. При этом он, очевидно, не входил в обсуждение вопроса о том, насколько великий князь Михаил Александрович способен и в силах управлять великой империей. Эти силы ему, очевидно, должен был дать тот же Бог, коль скоро он воссядет на престол.

Да, на свое царское служение Николай II смотрел как на тяжелый крест, и нес он его с великим трудом. Был он поэтому совершенно искренен, когда называл себя Иовом многострадальным, в день памяти которого он родился.

Россия для государя отнюдь не была «вотчиной», хотя подчас поступал он именно так, как вотчинный владелец. Постигал он и то, что не Россия для него, а он для России. При этом Россию, русский народ он горячо любил. В его устах слова «наша матушка Россия» не были пустым звуком. Но в чем реально состояла польза России — он себе сколько-нибудь точного отчета не отдавал. В особенности это ясно сказалось в делах Дальнего Востока, где он стремился расширить свои владения, не думая о том, насколько это нужно России и русскому народу.

Иначе относилась к России Александра Феодоровна. Она тоже любила ее, а практически, быть может, больше своего супруга стремилась осуществить все полезное русскому народу. Она, например, сердечно скорбела о том, что Россия экономически во многом зависит от Запада. Так, в письме от 3 сентября она говорит по этому поводу: «Меня всегда огорчает, как мало производится здесь. Все привозится из-за границы... Дай Бог, чтобы по окончании этой ужасной войны фабрики смогли бы сами обрабатывать кожу и меха; такая огромная страна, и зависит от других». Однако на деле, в глубине своей души, Россию она любила как поле приложения своей деятельности, а в особенности как достояние своего мужа и сына.

¹ удовольствие короля в высшую Божью волю (фр)

«Я борюсь за моего господина и за нашего сына», — восклицает она в одном из своих писем государю в 1916 году, и тем самым, незаметно для самой себя, воспринимает Россию как нечто второстепенное, вернее, именно как родовую вотчину.

В этом смысле характерно ее отношение к кандидатам, намечаемым на министерские должности. Первое, что она учитывает в них, — это степень их предполагаемой преданности государю. Их любовь к России, соответствие тому делу, которое предполагается им поручить, — вопросы второстепенные для императрицы. Она ищет прежде всего преданности царю, чем и подтверждается ее взгляд на Империю как на личную собственность рода Романовых. Когда, с присущей ей страстной настойчивостью и даже нетерпимостью, она требовала от своего мужа увольнения или назначения того или иного лица, принятия той или иной меры, она была убеждена, что тем самым исполняет свой долг любящей жены и матери, и русской царицы одновременно, ибо заботится о семейном достоянии Романовых.

Глубокое изменение в ее чувствах к России произошло уже после отречения государя, после испытанных ею и всей ее семьей всевозможных страданий. Пройдя через горнило этих страданий, она как бы совершенно очистилась от земной суеты, властолюбия и честолюбия.

Здесь именно сказалась ее в высшей степени благородная, возвышенная натура. Когда в Тобольске у нее закралась мысль, что государя хотят увезти, чтобы путем использования его царского престижа закрепить условия Брест-Литовского мира, ей и в голову не пришла возможность использовать это для восстановления своего царского положения или хотя бы для избавления дорогих ее сердцу детей и мужа от дальнейших страданий. Мысли ее в тот момент всецело были сосредоточены на России, на ее благе, на ее чести, и она решается даже расстаться с наследником и тремя из своих дочерей, чтобы ехать вместе с государем и поддержать его в отказе от санкционирования чего-либо невыгодного для России.

Письма ее из Тобольска к А.А.Вырубовой об этом свидетельствуют с необыкновенной яркостью:

«О Боже, спаси Россию, — пишет она 10 декабря 1917 года. — Это крик души днем и ночью, все в этом для меня. Только не этот постыдный ужасный мир», — и дальше: «Нельзя вырвать любовь из моего сердца к России, несмотря на черную неблагодарность к государю, которая разрывает мое сердце. Но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет».

«Такой кошмар, что немцы должны спасти Россию; что может быть хуже и более унижительным, чем это...» — пи-

шет заточенная царица, когда до нее доходят в марте 1918 года сведения о том, что немцы предполагают свергнуть большевиков.

«Боже, что немцы делают. Наводят порядок в городах, но все берут... уголь, семена, все берут. Чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения».

Сколько бескорыстной любви в этих словах, сколько самоотвержения, при полном отсутствии малейшей жалобы на положение свое и семьи, — сколько благородного чувства!

Как бы ни относиться к государственной деятельности убиенной царицы, как ни расценивать последствия этой деятельности, нельзя без умиления читать приведенные строки.

* * *

Если рассудок Александры Феодоровны подчас затемнялся ее неудержимой страстностью, если на ее решения пагубно влияли присущие ей властность и самоуверенность, то все же главной причиной тех глубоких ошибок, в которые она впала в последние годы царствования Николая II, была другая сторона ее духовного облика, с годами приобретающая все большую власть над нею и понемногу превратившаяся в определенно болезненное состояние, а именно ее всепроникающий, глубокий мистицизм.

Члены Гессенского Дома, к которому принадлежала императрица, были подвержены мистицизму с давних пор во многих поколениях. В числе своих предков они, между прочим, считают причисленную к лику святых Елизавету Венгерскую, почитая ее за образец, которому должно следовать. На почве мистицизма завязалась долголетняя тесная дружба матери Александры Феодоровны с известным теологом Давидом Штраусом. Повышенной религиозностью, переходящей в мистицизм, была преисполнена и сестра государыни, великая княгиня Елизавета Феодоровна.

В Александре Феодоровне глубокая религиозность проявлялась с молодости, наружно выражаясь, между прочим, в том, что она долгие часы простаивала на коленях на молитве.

Побуждаемая той же религиозностью, она восприняла перед вступлением в брак православие всем своим существом. Последнее оказалось для нее задачей не трудной; в православии она нашла обильную пищу для своей природной склонности к таинственному и чудесному.

Именно этим надо объяснить ее решимость переманить веру, на что, как это видно из дневника государя,

первоначально она не соглашалась. Действительно, Александра Феодоровна, перейдя в православие, отнюдь не проявила к нему того довольно равнодушного отношения, которым отличалась с семидесятых годов прошлого века русская культурная общественность. Она, наоборот, пропитала православием все свое существо, притом православием приблизительно XVI века. Обрела она глубокую веру не только во все догматы православия, но и во всю его обрядовую сторону. В частности, прониклась она глубокой верой в почитаемых православной церковью святых. Она усердно ставит свечи перед их изображениями и, наконец, и это самое главное, — проникается верой в «божьих людей» — отшельников, схимников, юродивых и прорицателей.

Войти в сношение с людьми этого типа государыня стремится с первых лет своей жизни в России, и находят лица, которые поставляют ей таковых в таком количестве, что царский дворец приобретает в этом отношении характер старосветских домов замоскворецкого купечества. С заднего крыльца, разумеется, по чьей-либо рекомендации, проникают такие лица во внутренние покои дворца, где императрица с ними иногда подолгу беседует, а гофмаршальская часть обязывается их радушно угощать.

Царица по этому поводу даже говорила, что ей известны высказываемые по ее адресу упреки за то, что она охотно видится и беседует со странниками и различными «божьими людьми». «Но моему уму и сердцу, — прибавляла она, — подобные люди говорят гораздо больше, нежели приезжающие ко мне в дорогих шелковых рясах архипастыри церкви. Так, когда я вижу входящего ко мне митрополита, шуршащего своей шелковой рясой, я себя спрашиваю: какая же разница между ним и великосветскими нарядными дамами?»

Одновременно она углубляется в чтение творений отцов церкви. Творения эти были ее настольными книгами до такой степени, что рядом с кушеткой, на которой она проводила большую часть времени, стояла этажерка, заключавшая множество книг религиозного содержания, причем книги эти в большинстве были не только русские, но и написанные на славянском языке, который государыня научилась вполне свободно понимать.

Любимым ее занятием, наподобие русских цариц допетровского периода, стало вышивание воздушов и других принадлежностей церковного обихода.

Образчики ее мистицизма, переходящего в грубое суеверие, имеются в ее письмах к государю. Столь неожиданная для доктора философии Кэмбриджского уни-

верситета, коим она числилась, вера в чудодейственность гребешка, подаренного государю Распутиным, свидетельствует о полном порабощении некоторых сторон ее духовного облика. По поводу этого гребешка Александра Феодоровна 15 сентября 1915 года пишет государю: «Не забудь перед заседанием министров подержать в руках гребешок и несколько раз расчесать волосы его гребнем». Еще более удивительна фраза, помещенная ею в письме от 9 сентября: «Моя икона с колокольчиком действительно научила меня распознавать людей. Эта икона и наш Друг помогли мне лучше распознавать людей. Колокольчик зазвонил бы, если бы они подошли ко мне с дурными намерениями».

На почве духа православной веры зародилась у нее, а затем утвердилась в сознании мысль о том, что соль земли русской — ее простой народ, а высшие классы разъедены безверием и отличаются развращенностью. Для укрепления в ней этого взгляда сыграло огромную, решающую роль другое обстоятельство, наложившее на ее отношение к различным слоям русского народа весьма определенный оттенок, с годами все ярче выступавший. Я имею в виду те условия, в которых она очутилась по прибытии в Россию, почти совпавшем с ее вступлением в роль царствующей императрицы, а именно тот прием, который она встретила как со стороны некоторых членов императорской фамилии, так и многих видных членов петербургского общества. Каждое ее слово, каждый жест, все, вплоть до покроя платья, которое она надевала, — подвергалось жестокой критике, и находились услужливые люди, которые доводили это до ее сведения. Утверждали даже, что великая княгиня Мария Павловна ей однажды прямо сказала: «*La société vous déteste*»¹, — что было, конечно, преувеличением. Неприязнь к молодой государыне исходила со стороны лиц, составлявших двор вдовствующей императрицы. Эти лица не хотели примириться с тем, что появился новый двор, ставший выше их, и прилагали все усилия, чтобы сохранить среди петербургского общества первенствующее, хотя бы по симпатиям, положение. Естественно, что понемногу, далеко не сразу, у Александры Феодоровны тоже родились недобрые чувства к петербургскому обществу, и в этом кроется одна из причин, если не главная, того, что она обернулась к русским народным массам и в них искала сочувствия, которого петербургская знать ей не выказывала.

Мало того, на этой почве появилась у государыни принявшая со временем определенный болезненный характер

¹ Общество вас ненавидит (фр.)

мнительность по отношению к людям. Едва ли не большинство царской семьи и общества превратились в ее глазах в ее личных коварных врагов. Малейшая критика ее слов и действий, или хотя бы непризнание ее абсолютной мудрости, являлись в ее глазах неопровержимым признанием вражды к ней. Тем большим доверием, тем большей симпатией пользовались те, кто соглашался с ее предположениями, восхвалял ее решения, умело выказывал ей безграничную преданность. Под этим же влиянием развивается у государыни и падность к лести. Не подлежит сомнению, что уверенность императрицы в незыблемой прочности самодержавного строя в России построена на убеждении, что простой народ, русское крестьянство обожает своего монарха. В этом убеждении ее поддерживали и главари «Союза русского народа», забрасывавшие ее телеграммами от имени каких-то фантастических не то десяти, не то двадцати пяти тысяч отделов этого «Союза». Руководители «Союза» вводили в заблуждение и самого государя. Так однажды, на докладе Родзянко по поводу его указаний на растущее недовольство в народных массах, государь ему сказал: «Это не верно. У меня ведь тоже есть своя осведомленность» — и, указав на лежащую у него на столе объемистую пачку бумаг, прибавил: — «Вот выражения народных чувств, мною ежедневно получаемые: в них высказывается любовь к царю».

Как было Николаю II и Александре Феодоровне не верить этим заявлениям, когда при каждом путешествии в глубь России несметные толпы с неподдельным восторгом встречали и провожали царскую чету, когда в Костроме, при посещении царской семьей колыбели их рода, в год трехсотлетия царствования Дома Романовых, народная толпа в истерическом восторге бросилась вслед за отходящим от пристани царским пароходом прямо в Волгу (благо берег ее был отлогий, а глубина незначительная)? Когда не далее как месяца за два до революции императрица в Новгороде была вновь свидетельницей вызванного ее приездом народного восторга? Сопровождавшая ее в этом путешествии А.А.Вырубова не преминула при этом заявить: «Ну, что скажут теперь, после этого приема, думские болтуны?» — а императрица, со своей стороны, подчеркнула то обстоятельство, что ее встретили с пышными адресами представители и местного земства, и городского самоуправления, причем добавила: «Как врут те, которые утверждают, что Россия меня не любит!» Чтобы выяснить первопричину того холодного, если не враждебного отношения, которое Александра Феодоровна встретила как при русском дворе, так и среди петербургского общества, надо вернуться к

тем обстоятельствам, которые предшествовали ее браку с русским императором.

Молодая принцесса Алиса Гессенская, потеряв восьми лет от роду свою мать, воспитывалась у бабушки, королевы Виктории, в Англии. Уже четырнадцать лет¹, в 1884 году, попадает она в Россию, где гостит у своей старшей сестры, великой княгини Елизаветы Федоровны. Здесь молодая экзальтированная девушка впервые знакомится с русской церковной службой. После холодного по обстановке протестантского богослужения торжественность православного церковного обряда с его в душу проникающими песнопениями производит на нее чарующее впечатление. В том же направлении влияют на нее и те военно-церковные торжества, которыми русский императорский двор отличался от всех западноевропейских королевских дворов. Торжества эти в России, отличаясь исключительной азиатской роскошью, сохранили вместе с тем отпечаток московского периода русских царей, когда власть мирская и власть церковная, переплетаясь и взаимно друг друга пополняя, составляли единое целое.

Это должно было особенно пленить мистически настроенную девушку. К тому же случай захотел, чтобы она впервые познакомилась с обиходом русского императорского двора в день одного из отличавшихся исключительным великолепием больших придворных балов. В обстановке этого бала знакомится она и со своим будущим супругом, юным 16-летним наследником русского престола. Молодые люди, состоящие к тому же в довольно близком родстве (по отцу принцессы они — троюродные брат и сестра), сразу загораются взаимной симпатией. Между ними завязывается детский наивный флирт, вызывающий со стороны других их родственников-сверстников по возрасту обычные в этих случаях шутки и поддразнивания. Однако вся их детская идиллия этим пока и ограничивается. Иной, более серьезный характер приобретает она при следующем посещении России принцессой Алисой, происшедшем, однако, лишь пять лет спустя, а именно в 1889 году. В этот приезд принцесса Алиса проводит довольно продолжительное время в Петергофе, уже в качестве гостя самой царской семьи. Возникшая за пять лет перед тем взаимная симпатия между будущими супругами не только укрепляется, но и приобретает характер сильного чувства. Тем не менее никаких дальнейших реальных последствий и этот вторичный приезд принцессы Алисы в Россию не имеет. При последующем

¹ Должно быть — двенадцати (Примеч сост.)

приезде принцессы Алисы к ее сестре в Москву, в августе 1890 года, наследнику, невзирая на все его желание, родители не разрешают свидания с ней. В связи с этим в Петербурге, где уже успело укрепиться убеждение в предстоящем браке с нею наследника, распространяется слух, что приезжая принцесса, при ближайшем знакомстве с ней, не пришла по душе родителям цесаревича и что мысль об этом браке оставлена. Не так думала сама принцесса. Имея, очевидно, основания полагать, что завязавшийся у нее роман с наследником русского престола кончится их браком, она, вернувшись в Англию, принимается за изучение русского языка, знакомится с русской литературой и даже приглашает священника русской посольской церкви в Лондоне и ведет с ним продолжительные религиозные беседы, то есть, в сущности, знакомится с догматами православной веры. Горячо ее любящая королева Виктория, конечно, была в курсе всего этого и решила помочь внучке в осуществлении ее мечты. Она обращается с письмом к великой княгине Елизавете Феодоровне. Сообщая ей о явном увлечении принцессы Алисы Россией и всем русским, она наивно спрашивает, не полюбилась ли ее внучка во время пребывания своего в России какому-либо члену русского императорского дома? Ей-де это важно знать, так как в утвердительном случае, ввиду того, что члены русского императорского дома по общему правилу могут жениться только на женщинах православного исповедования, она, в качестве опекуны своей внучки, не будет ее подтверждать по правилам англиканской церкви, а подготовит к принятию православия. Само собой разумеется, что это был лишь дипломатический способ подхода к вопросу, так как королева Виктория не могла не знать того, о чем толковали в это время при всех королевских дворах Европы, а именно, что полюбившийся принцессе Алисе русский великий князь не кто иной, как наследник русского престола. Знала, разумеется, и Елизавета Феодоровна о тех нежных чувствах, которые возникли между ее младшей сестрой и наследником, и поспешила, со своей стороны, оказать им возможное содействие. Однако чувства по этому вопросу ни у Александра III, ни у императрицы Марии Феодоровны она не встретила. Ей было отмечено, что наследник еще слишком молод для вступления в брак, что он должен совершить в ближайшем времени для расширения своего умственного горизонта кругосветное путешествие, должен, кроме того, пройти различные стадии военной службы, а что, впрочем, если принцесса Алиса и наследник друг другу и симпатичны, то ничего серьезного тут быть не может, кроме обыкновенных детских чувств, столь часто возникающих между кузенами и затем бесследно проходящих.

На этом вопрос о браке Николая Александровича с принцессой Гессенской как бы заканчивается. Наследник отправляется в дальнее плавание, а принцесса Алиса получает конфирмацию по правилам англиканской церкви.

Прошло довольно много лет, в течение которых вопрос осложнился еще тем, что между русским императорским домом и владетельным принцем Гессенским, Людовиком IV, отцом принцессы Алисы, пробежала черная кошка. Людовик IV прельщается женой русского представителя при своем дворе, некоей г-жой К., и выражает желание развести ее с мужем и на ней жениться. Узнав об этом, Александр III резко сообщает Людовику IV, что в случае, если он своего намерения не оставит, Россия отзовет раз навсегда своего представителя при княжестве Гессенском.

Так проходит еще четыре года.

В 1893 году, когда наследнику уже исполнилось 23 года¹, у государя Александра III появляются первые признаки той болезни, которая осенью 1894 года унесла его в могилу. Старший по возрасту в роде Романовых, великий князь Михаил Николаевич, обеспокоенный тем, что наследник, быть может, завтрашний император, не женат, а потому не имеет и не может иметь законного мужского потомства, — решается указать Александру III на необходимость наследнику вступить в брак. Царь, признавая в принципе, что это желательно, говорит, что принуждать к этому сына он не желает: «Поговори с ним сам, — говорит он великому князю Михаилу Николаевичу, — тебе это легче, нежели мне».

Великий князь тотчас принимает на себя эту миссию. Беседа его с наследником очень скоро выясняет, что наследник не только согласен вступить в брак, но даже стремится к этому, но желает он жениться на определенной девушке, на брак с которой родители его, по-видимому, не согласны, а без благословения родителей он жениться не может. Девушка же эта — принцесса Алиса Гессенская, к союзу с которой, когда этот вопрос возбуждался в 1890 году великой княгиней Елизаветой Феодоровной, его родители отнеслись отрицательно.

Великий князь Михаил Николаевич, продолжая свои дипломатические переговоры между членами царской семьи, сообщил свой разговор с наследником императору и императрице. Узнав о чувстве сына к принцессе Гессенской, родители его поспешили согласиться на его желание, причем сказали, что если они высказались в 1890 году против этого брака, то лишь потому, что почитали

¹ В действительности — 25 лет

цесаревича слишком молодым для вступления в брак и были убеждены, что его чувство к принцессе Алисе лишь мимолетное детское увлечение, столь часто возникающее между двоюродными и троюродными братьями и сестрами в годы их ранней молодости. Коль скоро, однако, это чувство сохранилось и даже окрепло в течение четырех лет, то они, конечно, не противятся их браку. Однако согласие императрицы Марии Феодоровны на брак сына с любимой им девушкой, по-видимому, не изменило ее внутреннего отношения к будущей своей невестке. То обстоятельство, что принцесса Гессенская прибыла в Россию и вступила в состав русской императорской семьи в скорбные дни последних недель жизни тяжело страждущего Александра III, вероятно, еще более отдалило Марию Феодоровну от ее заместительницы на роли царствующей государыни.

* * *

Отчуждению царицы от петербургского общества значительно содействовала внешняя холодность ее обращения и отсутствие у нее внешней приветливости. Происходила эта холодность, по-видимому, преимущественно от присущей Александре Феодоровне необыкновенной застенчивости и испытываемого ею смущения при общении с незнакомыми людьми. Смущение это препятствовало установлению ею простых, непринужденных отношений с лицами, ей представлявшимися, в том числе с так называемыми городскими дамами, а те разносили по городу анекдоты про ее холодность и неприступность.

Надо сказать, что петербургское общество было в этом отношении избаловано с давних пор. Русские императрицы исконно отличались очаровательной любезностью и простотой. Императрица Мария Феодоровна обладала чарующей приветливостью и умением сказать каждому ласковое слово. Пробыв в России многие годы на положении супруги наследника престола, она в совершенстве усвоила приемы непринужденного, но одновременно царственного ласково-любезного обращения, причем за это время успела вполне ознакомиться со всем личным составом бюрократического и светского Петербурга. Поэтому во время приемов она знала, о чем говорить с представлявшимся ей, знала, что интересуется каждого ее собеседника, положение и родство которого ей были неизменно известны. В результате получалось впечатление, что императрица сама интересуется лицом ей представлявшимся или хотя бы его близкими.

В ином положении очутилась Александра Феодоровна. Она оказалась в Петербурге, как в лесу, и, надо сказать

правду, не приложила никаких усилий к тому, чтобы разобратся в нем и приобрести симпатии общества. Так на всех парадных вечерах и приемах Мария Феодоровна обходила собравшихся и продолжительно с ними беседовала, а Александра Феодоровна ограничивалась разговорами с приближенными и стремилась скорее удалиться во внутренние покои.

Обстоятельство это обратило на себя внимание общества. Отзвук этого имеется в дневнике того же ст.-секретаря Половцова. Под 6-м мая 1902 года там записано: «После завтрака (во дворце по случаю царских именин) обыкновенный *sercle*¹, совершаемый Марией Феодоровной в назидание молодых величеств, остающихся в углах и разговаривающих лишь с двумя-тремя приближенными...»

Внешняя холодность Александры Феодоровны неизменно приписывалась будто бы присущей ей надменности. Между тем именно надменности у нее не было. Было у нее сильно развитое чувство собственного царского достоинства и немалая доза почти болезненно щепетильного самолюбия, но надменность ей была совершенно чужда.

В домашней обстановке она, наоборот, отличалась чрезвычайной простотой, и к людям, находившимся в ее личном услужении, относилась с необыкновенной внимательностью и даже лаской. Так, няня наследника, М.И.Вешнякова, которую в царской семье звали Меричкой, отзывалась о государыне не иначе как о святой женщине, заботливо входящей в нужды всех лиц, непосредственно ее окружающих. В письмах императрицы также проглядывает эта черта. Она печется о здоровье придворных служащих и даже пишет о них государю.

Затрудняло сближение Александры Феодоровны с петербургским обществом и отсутствие у нее точек близкого с ним соприкосновения. Благодаря тому, что вдовствующая государыня по-прежнему оставалась во главе обширного ведомства учреждений императрицы Марии (женское воспитание), а также сохранила за собой главенствующую роль в делах Российского общества Красного Креста, молодая императрица оказалась вне круга обычной деятельности русских цариц.

В течение продолжительного времени она была лишена возможности применить свою кипучую энергию, удовлетворить свою жажду живого дела. У нее не было поводов и возможности войти в более близкое соприкосновение с лицами, не принадлежащими к ограниченному кругу приближенных ко двору.

¹ Круг (*фр*)

Впрочем, по отношению к обществу Александра Феодоровна, по-видимому, и принципиально считала нужным держаться на почве строго придворного этикета, неукоснительное соблюдение которого было обязательным во всех маленьких немецких княжествах.

В этих княжествах, в том числе и в княжестве Гессенском, княжеская власть, раздавленная прусским владычеством, была только призрачной, и соблюдение этикета оставалось единственным способом сохранения за владетельным домом некоторого внешнего престижа.

Этим с детства привычным традициям следовала Александра Феодоровна и в России. Но они не всегда соответствовали обычаям русского двора и вызывали нарекания. Так, например, императрица Александра Феодоровна представлявшимся ей дамам, в том числе и пожилым, протягивала руку для целования прямо к губам, что у многих порождало возмущение. Недовольные говорили: «Императрица Мария Феодоровна, пользуясь всеобщими симпатиями, неизменно старается, невзирая на свой возраст, не допускать дам до целования своей руки, а вчерашняя принцесса захудалого немецкого княжества, где даже умерших хоронят стоя, иначе они окажутся за пределами своей родины, демонстративно на этом настаивает».

С годами эта смущенность, охватывавшая Александру Феодоровну при приеме ею незнакомых или малознакомых ей лиц, не только не исчезла, а, наоборот, усилилась, и, по мере того как государыня все больше приходила к убеждению, что она окружена враждебно настроенными к ней людьми, ее манера обращения с посторонними действительно могла производить впечатление отталкивающей надменности. Так, осенью 1915 года во дворец прибыла депутация от Св. Синода, привезшая государыне благословенную грамоту за ее деятельность на пользу раненых; государыня была столь смущена, что заявила о невозможности для нее выйти к прибывшим архиереям, так как чувствует, что горловая спазма лишит ее способности промолвить хотя бы несколько слов. Надо было употребить много усилий, чтобы убедить ее выйти к иерархам церкви, причем маленький наследник принимал в этих уговорах очень деятельное участие. Понятно, что прием, оказанный государыней при таких условиях, отличался натянутостью и холодностью! Не привлекала к тому же симпатий и наружность государыни. В красивых, правильных чертах ее лица, определенно германского типа, не сказывалась порывистая страстность ее натуры, в них отражалась величавая флегматичность. Впрочем, с годами и на этом лице можно было заметить перемену: опущенные углы рта, — вероятно, следствие пережитых

разочарований в людях и накопившейся в душе горечи, — сообщили чертам императрицы еще большую холодность и даже оттенок презрительности.

Всецело побороть природную застенчивость не удалось и Николаю II до самого конца его довольно продолжительного царствования. Застенчивость эта была заметна при всяком его выступлении перед многолюдным собранием, и выработать внешние приемы непринужденного царственного общения со своими подданными ему так и не удалось. Внешним образом смущение государя выражалось, например, в столь известном постоянном поглаживании усов и почесывании левого глаза. То, что так легко давалось их царственным предшественникам, что в совершенстве осуществляли Александр III и вдовствующая императрица Мария Феодоровна, никогда не было усвоено Николаем II, а в особенности его супругой.

Техника царского ремесла имеет свои трудные стороны, но и свое немаловажное значение, хотя бы с точки зрения степени достигаемой популярности. Эта техника Николаю II и Александре Феодоровне была совершенно чужда и даже недоступна. Но у государя отсутствие непринужденности в общении с незнакомыми ему лицами искупалось чарующим выражением его глаз и теми особыми флюидами личного обаяния, которые обвораживали всех, впервые к нему приближавшихся. Императрица, наоборот, всех отдавала холодом и вызывала у своих собеседников отнюдь не симпатичные к себе чувства. Она не умела покорять сердца, даже наиболее склонные преисполняться любовью и благоговением к царствующим особам. Так, например, в женских институтах, состоявших в ведении вдовствующей императрицы, где всегда господствовала традиция экзальтированного преклонения перед членами царской семьи, Александра Феодоровна при своих посещениях оставалась холодна как лед. Не только императрица Мария Феодоровна, но и покойный государь умели вызывать в институтках совершенно непринужденное к себе отношение, порождавшее в них восторженную любовь к носителям царской власти. Но от государыни Александры Феодоровны воспитанницы института не слышали ни одного приветливого слова, не видели ни одного ласкового жеста.

Последствия взаимной, с годами все возраставшей между обществом и царицей отчужденности, принимавшей подчас характер антипатии, были весьма разнообразны и даже трагичны. Роковую роль в этом сыграло щекотливое самолюбие Александры Феодоровны.

Когда в последний месяц царствования к ней обратились с личными письмами некоторые члены петербургского общества, умоляя ее, ради спасения России от гибели,

перестать вмешиваться в дела государственного управления, она пришла в такое возмущение, что потребовала немедленного принятия репрессивных мер против этих лиц. Одного из них, а именно, Н.П.Балашова, носившего звание первого чина двора, она желала даже сослать в Сибирь, и лицам, ее окружающим, которые понимали всю невозможность подобной расправы, стоило большого труда убедить государыню не настаивать на этом. Другой автор такого же письма к императрице, жена члена Государственного совета, князя Б.А.Васильчикова, была-таки выслана из столицы в свое имение в Новгородской губернии с воспрещением выезда из него. В результате мера эта вызвала возмущение со стороны лиц наиболее консервативного, определенно монархического образа мыслей и демонстративное посещение четы Васильчиковых всеми членами Государственного совета.

Всего ярче выступает отношение Александры Феодоровны к обществу в переписке ее с королевой Викторией. Английская королева, узнав о том, что молодая русская царица не завоевала симпатий петербургского общества, писала ей приблизительно следующее: «Нет более трудного ремесла, нежели наше царское ремесло. Я царствую более сорока лет, царствую в моей родной стране, которую знаю с детства, и тем не менее каждый день раздумываю над тем, что мне надо сделать, чтобы сохранить и укрепить любовь ко мне моих соотечественников. Каково же твое положение, и сколь оно безмерно труднее! Ты находишься в чужой стране, в стране, тебе совершенно незнакомой, где быт, умственное настроение и самые люди тебе совершенно чужды, и все же твоя первейшая обязанность — завоевать любовь и уважение».

На это письмо Александра Феодоровна будто бы отвечала: «Вы ошибаетесь, дорогая бабушка, Россия не Англия. Здесь нам нет надобности прилагать какие-либо старания для завоевания любви народа. Русский народ почитает своих царей за божество, от которого исходят все милости и все блага. Что же касается петербургского общества, то это величина, которой можно вполне пренебречь. Мнение лиц, составляющих это общество, и их зубоскальство не имеют никакого значения. Зубоскальство — их природная особенность, и с ней так же тщетно бороться, как напрасно придавать ей какое-либо значение».

Я, конечно, не ручаюсь за достоверность приведенных писем, но, во всяком случае, они ходили в Петербурге по рукам и, разумеется, не способствовали установлению добрых отношений между молодой царицей и тем единственным внешним миром, с которым она входила в непосредственное соприкосновение.

Досужая болтовня великосветского, посещавшегося всеми великими князьями Яхт-клуба — этого центра столичных политических и светских сплетен, где перемывали косточки всех и каждого и где не щадили и императрицы, действительно, не заслуживала со стороны императрицы иного отношения. Распространению по городу неблагоприятных для государыни рассказов впоследствии способствовали удаленные от двора из-за их борьбы с влиянием Распутина князь В.Н.Орлов и С.И.Тютчева. Отнюдь не желая нанести ущерб царской семье, они, однако, своими рассказами о близости Распутина к царице и о том влиянии, которым он у нее пользуется, существенно содействовали укреплению почти неприязненного отношения к государыне не только петербургского, но уже и московского общества (к которому принадлежала С.И.Тютчева). Переходя из уст в уста, рассказы их, естественно, извращались и, наконец, приобретали совершенно невозможный характер.

Между тем то, что говорилось в высшем обществе, постепенно передавалось в другие общественные круги обеих столиц, а затем через лакейские и дворницкие, уснащенное и облепленное грязью, переходило в народные низы, где производило уже определенно революционную работу. Провинция, стоявшая неизмеримо дальше от всех столичных пересудов, заражалась ими в меньшей степени, по крайней мере, в народной массе, а потому естественно, что там каждое появление царицы вызывало по-прежнему бурю народного восторга.

Изоляция от внешнего мира, в которой жила царская чета, отчасти вследствие того, что она избрала своим постоянным местопребыванием не самую столицу, а пригород, способствовала развитию неблагоприятных слухов.

До Александра III русские государи состояли в личных тесных отношениях со своими ближайшими сотрудниками и тем более с лицами своей свиты, и вообще почти со всем офицерским составом гвардии. Они знали их всех в лицо и, благодаря наследственной способности членов Дома Романовых запоминать всех хотя бы однажды им представленных, безошибочно называли каждого по его фамилии.

Прежде довольно значительный круг лиц нередко приглашался к царскому столу, причем после обеда государи принимали близкое участие в происходившей общей непринужденной беседе. С момента воцарения Александра III положение это резко изменилось.

Убедившись, в особенности за последние годы царствования Александра II, в пагубности того влияния, которое оказывала на государя непрестанная борьба около престола разнообразных и противоречивых течений, приводившая к неустойчивости и отсутствию последовательности в

государственной политике, Александр III едва ли не сознательно удалился из столицы, рассчитывая в тишине Гатчины освободиться от той тучи сплетен, пересудов и противоречивых мнений, которые в конечном результате не могли не оказать влияния на его отношение как к отдельным поставленным у власти лицам, так и к проводимой им политике.

Окруженный несколькими близкими друзьями, как-то: Воронцовым, Черевниным, Рихтером и кн. В.Оболенским, которым он отнюдь не позволял вмешиваться в государственные вопросы и даже говорить о них, Александр III действительно оградил себя от интриг, могущих его свернуть с твердо начертанного им пути. Но это породило другое зло — отчужденность от общества, отчужденность от жизни и незнакомство с новыми, выдвигавшимися его запросами и настроениями.

Существование в заколдованном кругу, куда лишь с трудом и смутно проникают те течения мысли, которые в данное время захватывают и направляют народную волю, для монарха столь же опасно, как постоянное выслушивание городских сплетен и выдерживание перекрестного огня неизменно плетущихся вокруг него интриг.

Но таково положение всех царствующих: либо полная отчужденность, либо невольное впитывание в себя множества разнообразных нашептываний и подсказываний, разобраться в коих тем более трудно, что в правдивости и личном бескорыстии различных сообщений и указаний монарх никогда не может быть уверен.

Приведу по этому поводу мнение великой княгини Елизаветы Феодоровны об окружении Николая II и его супруги. На слова одного видного судебного деятеля, выразившего сожаление, что государь не видит никого, кроме его ближайшего окружения, и что если ему неудобно общаться с парламентариями, то он мог бы все же видеть людей из мира литературного, художественного и научного, великая княгиня с живостью ответила: «А почему же не парламентариев? Ведь при нынешней обстановке достаточно прожить один год при дворе, чтобы утратить всякую веру в людей».

В первые годы своего замужества императрица Александра Феодоровна осознавала весь вред этого одиночества. Так, в одном опубликованном письме к своей немецкой приятельнице, графине Рантцау, она, говоря о том, что ее муж молод и неопытен, добавляет с явным неудовольствием: «Его окружают тесной толпой родичи — великие князья и великие княгини».

Впрочем, существовавший с давних пор при дворе обычай собирать по воскресеньям за царским столом, на так называемых фамильных обедах, всех членов царст-

вующей династии был нарушен. Но это лишь уменьшило, если не упразднило совершенно, возможность для царя и царицы услышать свободный, независимый голос людей. Дело в том, что если общих семейных собраний не было, то отдельные члены императорской фамилии зато весьма часто принимались царской четой, в особенности же великий князь Сергей Александрович, женатый на сестре государыни, и великий князь Александр Михайлович, женатый на сестре государя, — оба весьма честолюбивые.

Ограничение близкого общения с людьми семейным и придворным кругами не оградило, однако, Николая II от слухов, сплетен и интриг. Не только придворные, но и большинство членов императорской фамилии не довольствовались своим общественным положением. Властолюбие и честолюбие были развиты в их среде в степени чрезвычайной, и захватить влияние на царя, проникнуть к широкой власти многие из них стремились безудержно.

Это вело к бесконечным интригам и соревнованию между ними, переходившему порой в зависть и взаимную вражду. Каждый, преследуя свою цель, при этом передавал царю и царице в соответствующем освещении не только события, совершавшиеся в стране, но также поступки и намерения своего противника.

Александра Феодоровна сознавала это, а поэтому понятно желание ее вырваться из заколдованного круга придворной жизни, прийти к непосредственному соприкосновению с народной массой и там узнать ту правду, которую среди ближайшего окружения, она понимала, искать было тщетно. Одна из существенных причин ее расположения к Распутину состояла именно в том, что она почитала его за выразителя народной мысли.

Изолированность государя приводила еще к тому, что с преобладающим большинством избранных им министров он сколько-нибудь близко знакомился лишь после их назначения. Той среды, того слоя, из которых они черпались, он совершенно не знал, а потому естественно, что при выборе своем он останавливался либо на лице, случайно его прельстившем в кратковременной беседе, либо на указаниях все тех же окружавших его немногочисленных приближенных, преимущественно весьма порядочного, но ограниченного министра императорского двора гр. Фредерикса, неизменно рекомендовавшего на любую должность бывших офицеров лейб-гвардии Конного полка, коим он некогда командовал.

* * *

Вмешательство Александры Феодоровны в дела государственного правления проявилось далеко не сразу после

ее брака. Пока в стране все было более или менее спокойно и никакие семейные обстоятельства не омрачали озаренную глубокой взаимной любовью жизнь царской четы, ни врожденная властность царицы, ни ее болезненный мистицизм на управлении страной не отражались.

Впитав в себя смолоду правило, что жены не должны вмешиваться в деловую сторону жизни своих мужей, Александра Феодоровна в течение долгого времени ограничивалась тем, что в домашнем быту с места захватила в свои руки всю власть.

Существенно содействовало ее отчужденности от вопросов политических и то, что государь, освободившись от докладов своих министров, был рад в домашней обстановке забыть о своих государственных заботах и всецело предавался в кругу семьи тем мелким домашним интересам, к которым он вообще питал природную склонность.

В этот первый период своего царствования Николай II неоднократно советовался со своей матерью, императрицей Марией Феодоровной, влияние которой нередко и сказывалось, но с супругой своей, к тому же еще не успевшей сколько-нибудь близко ознакомиться с русской политической жизнью, бесед на широкие государственные темы он, по-видимому, не вел вовсе.

Впервые обратила царица усиленное внимание на вопросы, касающиеся управления государством, лишь в 1905 году, после того как в стране возникло бурное революционное движение. В сознании ее тогда впервые возникла мысль о том, что власть ее супруга отнюдь не столь прочна, как это ей до сих пор представлялось, и что для укрепления пошатнувшегося трона необходимо принять энергичные меры.

В это же время, тоже впервые, обратился за советами к своей супруге и Николай II, причем даже стал передавать на ее просмотр издаваемые им государственные акты. Так, через ее цензуру прошел акт, помеченный 18 февраля 1905 года, гласивший о неизбежности самодержавия.

Однако и в ту пору влияние царицы на государственное управление было, в общем, второстепенное и притом сказывалось лишь спорадически. Оно и понятно, так как никаких сношений со стоящими во главе управления страной министрами она не имела и вообще не находилась непрерывно в курсе государственных дел.

Не имел значения в течение продолжительного времени и патологический мистицизм царицы, реально обнаружившийся по совершенно иному поводу, а именно вследствие долгого отсутствия у царской четы потомства

мужского пола. При последовательном рождении четырех дочерей несбывавшаяся каждый раз надежда на рождение сына — преемника царской власти — глубоко печалила царскую семью.

Современное научное знание человеческого организма не дает возможности пособить этому обстоятельству какими-либо естественными способами, а посему в подобных случаях люди вообще склонны обращаться к разным чудодейственным приемам, как-то: заклинаниям и иным суеверным действиям. Не удивительно, что к ним же прибегла преисполненная мистицизма Александра Феодоровна.

Приглашенный к этому времени во дворец французский шарлатан, некий Philippe, настолько сумел убедить царицу, что он в состоянии обеспечить ей путем внушения мужское потомство, что она не только вообразила себя беременной, но даже чувствовала все физические симптомы этого состояния. Лишь после нескольких месяцев так называемой ложной беременности, весьма вообще редко наблюдаемой, государыня согласилась на освидетельствование себя врачом, который и определил, что никакой беременности у нее нет.

Этот случай конкретно выявил истерическую природу Александры Феодоровны.

Из писем императрицы видно, что ловкий шарлатан сумел уже в то время обнаружить слабую сторону ее умственного склада, а именно ее безграничную властность и болезненное отстаивание самодержавных прав своего супруга. Так, в одном из писем государю она прямо говорит по поводу невозможности установления в России конституционного образа правления: «Ты помнишь, и Mr Philippe говорил то же самое».

Сумел этот проходимец прельстить и государя, подтверждая то положение, которое ранее того внушал ему Д.С.Сипягин. В уже цитированном мною дневнике Половцова, под 1-м сентября 1902 года отмечено: «Филипп внушает государю, что ему не нужно иных советчиков, кроме представителей высших духовных небесных сил, с коими он, Филипп, ставит его в сношение».

«Отсюда, — продолжает Половцов, — нетерпимость какого-либо противоречия и полный абсолютизм, выражающийся подчас абсурдом. Если на докладе министр отстаивает свое мнение и не соглашается с мнением государя, то через несколько дней получает записку с категорическим приказанием исполнить то, что было ему сказано».

Однако царица все же решилась расстаться с Филиппом после того, как Департаменту полиции через своего агента в Париже Рачковского удалось его разоблачить. Государыня уступила, ибо в данном случае ее глубоко

личные интересы затронуты не были, а после справок, полученных о Филиппе от французского правительства, сохранять его при дворе было невозможно. Но, как видно из писем Александры Феодоровны к государю, она этим справкам не доверяла, приписывала все интригам Рачковского и до конца сохраняла веру в мудрость французского шарлатана. Насколько в данном случае императрица повлияла и на государя, можно судить по тому, что он приказал немедленно убрать Рачковского из Парижа после сделанных им разоблачений о Филиппе, несмотря на то, что благодаря сведениям, доставлявшимся Рачковским о заграничной деятельности русских революционеров и замыслаемых ими террористических актах, его присутствие там было существенно важно даже с точки зрения личной безопасности государя.

Иные условия создались ко времени появления при дворе Распутина. Тогда уже обнаружилась у наследника та ужасная, наследственная в Кобургском Доме болезнь, которой он страдал. Болезнь эта — гемофилия — происходит от слабости стенок кровеносных сосудов, которые при малейшем напряжении лопаются и вызывают трудно останавливаемое и постоянно угрожающее фатальным исходом кровотечение; врачами эта болезнь почитается за неизлечимую.

Приблизительно ко времени появления первых приступов этой болезни судьба, к великому несчастью России, привела в Петербург Григория Распутина, хвалившегося обладанием какой-то чудотворной силой.

Было ли это простой случайностью или, как некоторые утверждали, Распутин употреблял особые обоюдоострые лекарства своего приятеля, бурята Бадмаева, вообще занимавшегося врачеванием при помощи каких-то тибетских средств, но во всяком случае моменты улучшения здоровья наследника и облегчения его острых болей во время припадков несколько раз совпадали с посещениями его Распутиным. Врожденная склонность государыни к мистицизму и безумное беспокойство за сына сыграли в данном случае роковую роль: государыня почти сразу настолько уверовала в Распутина, что сочла его за Богом посланного человека, имеющего специальную миссию — спасти и сохранить наследника русского престола.

Это был, впрочем, не единственный случай проявления неоспоримой в представлении царской четы сверхъестественной силы Распутина.

Наибольшее впечатление не только на царя и царицу, но и на всех при этом присутствовавших, произвел Распутин действием своего внушения на Вырубову, тяжело пострадавшую во время железнодорожной катастрофы.

Положение ее было очень опасное, по мнению врачей, почти безнадежное. Она находилась в забытии, но при этом в бреду постоянно повторяла: «Отец Григорий, помолись за меня!»

Распутин, узнавший лишь случайно о тяжелом состоянии Вырубовой, немедленно отправился в автомобиле, который, кстати сказать, ему предоставила графиня Витте, в госпиталь, в Царское Село. Войдя без предупреждения в палату, в которой лежала Вырубова и где в это время находились государь, государыня, А.С.Танеев — отец Вырубовой, и женщина врач — княжна Гедройц, Распутин подошел к больной, взял ее за руку и внушительно сказал: «Аннушка, проснись, поглядь на меня!»

К общему изумлению, Вырубова раскрыла глаза и, улыбаясь, сказала:

— Григорий, это ты? Слава Богу!

Сказав присутствующим: «Поправится», — Распутин, шатаясь, вышел в соседнюю комнату и там, от произведенного огромного волевого усилия, упал в продолжительный обморок. Случай этот приведен С.П.Белецким в его письменных показаниях, данных им учрежденной Временным правительством чрезвычайной следственной комиссии. В совершенно тождественной версии передавали его и многие лица, близкие ко двору. Произошло это вскоре после того, как товарищ министра внутренних дел Джунковский представил государю свой первый доклад о бесчинствах, творимых Распутиным. Ознакомившись с этим докладом, Николай II серьезно разгневался на пресловутого старца. Приведенный нами случай с Вырубовой восстановил у государя веру в Распутина.

Судьба благоприятствовала старцу и в дальнейшем. Судя по показаниям того же Белецкого, Распутин боялся продолжительных разлук царя с царицей, опасаясь, что во время таких разлук государь выйдет из-под влияния Александры Феодоровны и ему сумеют открыть глаза и показать, что в действительности представляет собою Распутин.

Во время войны, убедившись, что государь дольше остается в Ставке и реже возвращается в Царское, когда при нем находится сын, Распутин задумал убедить царицу, что долговременное пребывание на фронте наследника вообще вредно, а в частности, что поездки по фронту для него могут быть губительны. Государь не поддался, однако, этим убеждениям и, вопреки советам Распутина, в начале декабря 1915 года, отправляясь в объезд Южного фронта, взял наследника с собой. Случилось, что в самом начале этой поездки у наследника в вагоне открылось кровотечение носом. Государь немедленно повернул поезд

обратно в Ставку, а оттуда, так как кровотечение продолжалось, почти тотчас вернулся в Царское Село.

По прибытии в Царское Распутину было немедленно сообщено по телефону о болезни наследника, с тем чтобы он тотчас же приехал.

Вот выписка из показаний Белецкого по этому поводу:

«Но он (Распутин) в тот день не поехал в Царское и, как потом передавал, сделал это сознательно, чтобы «помучился государь», и только по телефону передал, чтобы положили наследника в кровать, а сам выехал лишь на следующий день утром. Приехал он оттуда в торжествующем настроении и заявил, «что теперь государь будет слушаться его советов». После этого, действительно, не только увеличилось его влияние во дворце, но на время прекратились и выезды наследника в Ставку».

Увеличилась у Николая II и Александры Феодоровны вера в правильность советов Распутина и после того, как принятие государем верховного командования армией не только не имело тех дурных результатов, которых опасались министры, а наоборот, вызвало если не в причинном, то в хронологическом порядке заметное улучшение нашего положения на фронте.

Между тем в той упорной борьбе, которую вынес государь по поводу задуманного им личного возглавления армии, его усиленно поддерживал Распутин, и государыня это впоследствии неоднократно напоминала царю.

Таким образом, стечением ряда случайных обстоятельств глубоко верующая Александра Феодоровна пришла к непоколебимому убеждению, что Распутин, как он сам себя называл, — Божий человек. При этом малограмотный, но умный и весьма хитрый мужик, быть может, при помощи гипнотического воздействия сумел понемногу внушить государыне, что не только здоровье наследника, но и самая судьба династии связаны с его личной судьбой.

Это убеждение государыня запечатлела и в письме государю от 4 ноября 1916 года. Она пишет: «Если бы у нас не было Его (Распутина), все бы уже давно было кончено — я в этом совершенно убеждена».

Высказывал такую же уверенность Распутин и другим лицам. По словам того же Белецкого, он убежденно говорил: «Меня не будет — и их не будет».

При этом Распутин утверждал, что он обладает даром безошибочно определять степень преданности тех или иных лиц царствующему дому.

Вера государыни в божественную силу Распутина была безгранична. Усматривая в его безграмотных и нарочито затуманенных телеграммах какой-то глубокий, сокровен-

ный смысл, она их тщательно переписывает на отдельном листе и снабжает ими своего супруга. Ему же она сообщает все новые, получаемые ею от Распутина, телеграммы, причем неизменно настаивает на исполнении всех его советов. Само собой разумеется, что и доверие ее к Распутину также было безгранично. Получив секретный маршрут путешествия государя по фронту, она пишет: «Я, конечно, никому ни слова об этом не скажу, только нашему Другу, чтобы он тебя всюду охранял».

Предлагая государю на ту или иную должность своего кандидата, она неизменно сообщает об его отношении к Распутину. Так о князе Урусове (редакторе «Правительственного Вестника»), которого она прочит на пост обер-прокурора Св. Синода, она поясняет в скобках: «Познакомился с нашим Другом».

Говоря о кандидатуре на ту же должность Гурьева (директора канцелярии Св. Синода), она пишет: «Любит нашего Друга». Относительно Петроградского градоначальника кн. Оболенского она утверждает: «Он стал лучше с тех пор, как слушается советов нашего Друга». Про А.Н.Хвостова и его кандидатуру на пост министра внутренних дел она решительно заявляет: «С тех пор как и наш Друг за него высказался, я окончательно уверовала, что это лучшее назначение».

Передает Александра Феодоровна государю и указания Распутина, касающиеся способа ведения войны и направления наших усилий на ту или иную часть фронта. Мало того, с очевидной непоколебимой верой в чудотворную силу Распутина Александра Феодоровна сообщает государю, что, узнав о наших каких-то военных операциях, успеху которых помешал туман, Распутин «выразил сожаление, что не знал об этих операциях раньше, ибо в таком случае тумана бы не было, но что, во всяком случае, туман впредь мешать нам не будет».

Надо, однако, признать, что Распутин, проводя своего кандидата, сперва тщательно старался выяснить степень приемлемости его самой государыней и лиц, ей неудобных, поддерживать не решался, хотя бы это и входило в его расчеты. Так, например, он состоял в близких сношениях с Витте, а в особенности с его супругой, но, зная отношение к нему царской четы, и заикнуться о нем не смел.

В соответствии с этим Распутин первоначально проводит всех своих кандидатов на министерские должности через третьих лиц, причем непременным посредником является А.А.Вырубова, на которую влияние его было безгранично. Сам Распутин решается определенно высказаться за то или иное лицо лишь после того, как ему, через ту же Вырубову, становится известно, что ей удалось убе-

дить царицу в полной пригодности его кандидата для замещения намеченной для него должности. Таким образом, Распутин действует только наверняка, хорошо понимая, что, если его указание хотя бы однажды будет отвергнуто, он утратит значение оракула, советы коего обязательны.

Впрочем, в большинстве случаев мысль о кандидатуре того или иного лица возникает не у самого Распутина, а у третьих лиц, лишь прибегающих к его содействию для осуществления своих замыслов.

Личную инициативу проявляет Распутин почти исключительно в делах церковного управления, а также в вопросах, касающихся удаления от власти лица, выказавшего ему враждебность. Подобных лиц Распутин уже по собственному почину стремится всемерно очернить и не останавливается ни перед какими средствами для их отдаления от царской семьи. Так, по его наговорам преисполняется Александра Феодоровна определенной неприязнью к великому князю Николаю Николаевичу.

Если причины, приведшие царицу к глубокой вере в чудодейственную силу Распутина и в непогрешимость его советов вполне понятны, то труднее постичь, на чем было основано то неоспоримое влияние, какое возымела на Александру Феодоровну Вырубова. Правда, по общему отзыву близко знавших ее лиц, женщина эта отличалась чрезвычайной хитростью, которая и заменяла ей наличность сколько-нибудь выдающегося ума и хотя бы поверхностное знакомство с политическими вопросами. Она старалась завоевать симпатии государыни, убеждая ее в своей безграничной преданности всей царской семье, а в особенности самому царю, по отношению к которому она даже прикидывалась влюбленной. Сообразив, что пленить царицу можно отнюдь не раболепством и не безукоризненным исполнением придворного этикета, так как в искренности чувств, высказываемых блюдущими этот этикет, Александра Феодоровна успела извериться, А.А.Вырубова, в то время еще девица Танеева, при первом же своем появлении при дворе в качестве свитской фрейлины прикинулась необычайной простушкой до такой степени, что первоначально была признана непригодной для несения придворной службы. Это даже побудило императрицу усиленно содействовать ее свадьбе с морским офицером Вырубовым, потому что путем замужества ее служба при дворе сама собою кончалась без нанесения ей обиды, что было бы, разумеется, неизбежным последствием простого исключения ее из числа свитских фрейлин.

Между тем брак Вырубовой оказался весьма неудачным: не прошло и года, как молодые супруги сначала разъехались, а затем и формально развелись. По-видимо-

му, царица считала себя до некоторой степени ответственной за этот брак и в известной мере даже обязанной смягчить его последствия. Ввиду этого Вырубова часто приглашается ко двору и императрица старается ее утешить выказыванием ей особенного внимания, которое Вырубова очень ловко использует. То обстоятельство, что она не имеет никакого официального положения при дворе, не только не мешает ее сближению с царицей, а напротив, содействует ему. Но в представлении государыни умело высказываемые Вырубовой чувства беспредельной преданности царской семье получают характер полной искренности, так как, по ее мнению, чувства эти не могут проистекать из каких-либо личных видов: императрица была далека от мысли, что положение друга царицы более завидно, чем положение лица, принадлежащего по должности к ее окружению. Находится, наконец, и иная почва для их сближения, а именно общая любовь к музыке. Обладая обе некоторым голосом, они занимаются пением дуэтов, что приводит к их ежедневному продолжительному общению. Еще большей связью является впоследствии их слепая вера в Распутина.

По мере того как А.А.Вырубова становится ближе к царице, она превращается в посредника между нею и Распутиным.

Дело в том, что царица вполне понимала, что близость ко двору простого мужика с общежитической точки зрения в глазах общества представляется чем-то ненормальным и вызывает множество толков. Ввиду этого она стремится скрыть посещения дворца Распутиным и даже самые приезды Распутина из Петербурга в Царское Село. С этой целью Распутин приезжает в Царское Село не по железной дороге, где его проезд, вследствие его оригинальной фигуры, привлекающей всеобщее внимание, не может пройти незамеченным, а в автомобиле по шоссе. С той же целью свидания царицы с Распутиным, а позднее и с некоторыми другими лицами, происходят не во дворце, а в помещении Вырубовой. Таким образом, Вырубова становится понемногу тем центром, где сосредоточиваются усилия всех, добывающихся достигнуть той или иной цели непосредственно через царскую семью.

Вообще нельзя даже определить границы той огромной роли, которую играла А.А.Вырубова в последний период царствования императора Николая II. Без ее непосредственного участия и деятельной помощи Распутин, невзирая на все свое влияние, достичь ничего не мог. Оно и понятно, так как непосредственные сношения пресловутого старца с царицей были, в общем, чрезвычайно редки, и учащать их он, по-видимому, и сам не стремился, весьма тонко со-

ображая, что частое общение с ним может лишь ослабить, а не то и совершенно уничтожить его авторитет. Наоборот, Вырубова была в ежедневных сношениях со всей царской семьей, в точности изучила особенности характера государыни и научилась в совершенстве приемам воздействия на нее. В сущности, в той потрясающей драме, которую пережила страна в течение двух последних лет поверженного строя, роли Распутина и Вырубовой настолько тесно переплелись, что выяснить степень значения каждого из них в отдельности нет никакой возможности. Если общественность была в особенности возмущена ролью Распутина, а Вырубову отодвигала на второй план и интересовалась ею гораздо меньше, то это исключительно потому, что близость к царице женщины, принадлежавшей к петербургскому обществу и ничем особым не отмеченной, не представлялась ничем аномальным, тогда как близость безграмотного мужика, ведущего явно распутную жизнь, была для всех и каждого обстоятельством, настолько выходящим из рамок обычных явлений, что вызывала всеобщее негодование. Между тем, повторяю, определить, кто из этих двух людей нанес больший реальный вред строю, — нельзя. В сущности, сила их проистекала из согласованной совокупности их действий.

Занятое Вырубовой положение, несомненно, тешило ее природное, с течением времени все более и более разгравшееся честолюбие. Весьма возможно, что она была при этом искренно убеждена, что служит интересам царской четы.

* * *

Если у государыни вера в Распутина была безгранична и всеобъемлюща, то вера государя в него ограничивалась, по-видимому, убеждением, что он обладает целительной силой по отношению к наследнику. На государственный разум Распутина, на его умение распознавать людей Николай II не полагался, и если тем не менее его кандидаты назначались на высокие посты, то лишь благодаря усиленным настояниям царицы. Однако и этим настояниям он стремился не подчиняться и, во всяком случае, не сразу им следовал.

Из переписки царской четы ясно видно, что царице приходится долго и упорно настаивать на назначении или увольнении того или иного лица, чтобы наконец этого достигнуть, причем некоторые ее кандидаты так и не проходят, а все назначения, состоявшиеся в Ставке, то есть вдали от Александры Феодоровны, сделаны вопреки ее желанию. Так назначены были Самарин — обер-прокурором Св. Синода и генерал Поливанов — военным министром; так был уволен Штюрмер и заменен Треповым.

Если императрица просто не верила лицам, утверждавшим, что Распутин предается пьяному разгулу, что он хвастает своей близостью к царской семье, и почитала эти утверждения за простую клевету, распускаемую ее личными врагами, то государь, наоборот, в душе сознавал, что рассказы эти, хотя, быть может, преувеличены, но имеют какое-то основание, и даже неоднократно высказывал Распутину свое явное по этому поводу неудовольствие. Если царь тем не менее не отдалил Распутина от двора, то лишь вследствие того, что, с одной стороны, верил в его незамеченную для поддержания здоровья и даже жизни наследника целебную силу, а с другой, потому что не мог преодолеть настояний государыни. Чрезвычайно характерна в этом отношении фраза, сказанная государем в 1911 году Столыпину, усиленно убеждавшему его выселить Распутина в его родное село Покровское, с воспрещением выезжать оттуда: «Я знаю и верю, Петр Аркадьевич, — сказал государь, — что вы мне искренно преданы. Быть может, все, что вы мне говорите, — правда. Но я прошу вас никогда больше мне о Распутине не говорить. Я все равно сделать ничего не могу».

Ранее этого, когда Распутин еще никакого влияния на политику не имел и вся беда сводилась к тому, что в царские чертоги проник разгульный бахвалившийся мужик, о чем усиленно гласила мирская молва, государь выставлял и другой довод. Он говорил, что Распутин никакими правами им не облечен, а то обстоятельство, что он бывает во дворце, что он с ним беседует, — решительно никого не касается: «Это моя частная жизнь, — заявлял государь, — которую я имею право, как всякий человек, устраивать по моему личному усмотрению...»

Но в том-то и сила, что у монархов частной жизни нет. Они живут как бы в заколдованном кругу, где все, творящееся за его пределами, во многом для них неведомо и непонятно, куда отзвуки жизни доходят с большим трудом. Но зато вся жизнь самих монархов, каждый их жест на виду у публики и обсуждаются ею со всех сторон. В этом случае можно сказать, что если для глаз царя стены его дворца непроницаемы и заслоняют окружающий мир, то для глаз общества они прозрачны и даже напоминают собою оптическое стекло, представляющее все в преувеличенном виде.

Впоследствии многие не могли понять, каким образом Александра Феодоровна настаивала на святости Распутина, несмотря на то, что ей со всех сторон твердили, что Распутин — грязный, хвастающийся своей близостью к ней мужик. Да, ей многие это говорили, даже из числа лиц, наиболее близких ко двору; многие, но не все, ибо были и такие, которые, наоборот, поддерживали ее в убеждении, что Распутин чудотворец и провидец.

Среди них главную роль играла, разумеется, А.А.Вырубова.

Наконец, надо иметь в виду, что Распутин ввел во дворец весьма умный иерарх церкви епископ Феофан, что его поддерживал в течение долгого времени другой епископ, который тоже пользовался всеобщим уважением, — Гермоген, что за Распутина стоял и царский духовник, священник Васильев, бывший в дружбе с товарищем обер-прокурора Св. Синода Даманским, к которому также проник Распутин, что среди самих министров, и притом по существу отнюдь не распутинцев, были и такие, которые, если не поддерживали Распутина, то и не восставали против его присутствия во дворце, и что среди них был даже Горемыкин, с места решивший, что борьба с Распутиным ни к чему не приведет, а посему лучше и вопроса о нем не поднимать.

При таких условиях сам собою возникает вопрос: почему государыня обязана была поверить именно тем, кто бранил Распутина, а не тем, кто его отстаивал? Борьба с Распутиным была, несомненно, очень трудная, сопряженная со многими неприятностями. Так, например, для Государственной думы борьба эта была совершенно безнадёжной.

Тот грубый натиск на государя, который произвели и первая и вторая Государственные думы, вселил в Александру Феодоровну убеждение, что учреждение это вообще представляет собою сборище врагов династии как таковой, и в особенности ее личных врагов. О степени достоверности того, что говорилось с трибуны Государственной думы, Александра Феодоровна могла судить по тому, что с этой самой трибуны весьма прозрачно намекалось на ее будто бы германские симпатии и даже на ее измену русскому делу. Она, сосредоточившая все свои мысли на достижении победы над германцами, не могла не быть возмущена такой клеветой и не могла не утратить всякой веры во все, что произносилось с этой трибуны.

Испытывая с самого прибытия в Россию недружелюбное к себе отношение со стороны столичного общества, не могла она придавать значения и тому, что говорилось в этом обществе, коль скоро внутреннее чувство утверждало ее в обратном.

Ненависть столичного общества к Распутину государыня объясняла себе, между прочим, и тем, что он принадлежал к крестьянству, а не к тому избранному кругу, который почитал доступ во дворец своим исключительным правом. Между тем членов этого общества государыня величала не иначе как «бриджистами», а то обстоятельство, что Распутин принадлежал к народным массам, в глазах

царицы было его большим преимуществом: она думала, что слышит от него как бы голос земли.

Словом, основным виновником того, что вера государыни в Распутина осталась до конца непоколебимой, была та среда, которая поставляла такое множество лиц, согласных ради достижения власти, ради карьеры не только пресмыкаться перед распутным мужиком, но еще всячески его превозносить в своих беседах с государыней. Это были все те же Хвостовы, Штюрмеры, Белецкие и многие другие, которые, прекрасно зная, что такое Распутин, и вполне сознавая весь его вред, наносимый обаянию царского имени одним фактом его близости к престолу, тем не менее поддерживали его престиж в глазах царицы.

Как могла поверить государыня в продажность Распутина, в его дикий грязный разгул, когда высший иерарх церкви, митрополит петербургский Питирим, относился к Распутину с таким почтением, что не только звал его к себе обедать, но еще сажал на почетное место рядом с собою?

В то же время до царицы доходили через Вырубову собственноручные письма уважаемых архипастырей, в которых они просили Распутина оказать им содействие в получении белого клобука — символа митрополичьего достоинства.

Подобные письма Распутин неизменно доводил до сведения императрицы, не без основания полагая, что они послужат доказательством того, что люди заведомо почтенные не гнушаются иметь с ним дело и даже просят его заступничества. Снабжал он эти письма и своими резолюциями, вроде следующей: «ни достоин», положенной им как раз на обращении того архиепископа (предпочитаю имени его не называть, — он остался в России, но к большевикам не пристал), который стремился к митрополичьей кафедре.

А давний знакомый царицы, генерал Шведов, принимавший видное участие в работе Красного Креста, кстати сказать, проныра, не брезгавший никакими способами для устройства своей судьбы и наполнения своего кармана, называл Распутина не иначе как «отец Григорий». Царице это было известно, и она, в свою очередь, отмечает это в письмах к государю.

Да почему царица обязана была слушать хуливших Распутина, большинство которых она почитала за своих личных врагов, а не тех, которые верили в святость Распутина или, по крайней мере, притворялись, что верили, причем считались государыней за верных ее друзей?

Нет сомнения, что при совокупности всех этих обстоятельств борьба с Распутиным, в смысле изменения к нему

отношения царицы, была чрезвычайно трудна, но, однако, не невозможна. Нужно было лишь составить единый дружный фронт и представить ей неопровержимые доказательства шарлатанства и развращенности Распутина, чтобы в корне изменить ее отношение к нему. До чрезвычайности чистая натура Александры Феодоровны совершенно не выносила людской грязи и никаких компромиссов в этом отношении не допускала. Доказательством возможности поколебать ее веру в Распутина может служить то, что произошло летом 1911 года, в самый разгар бесчинств, творимых иеромонахом Илиодором в Царицыне.

Этот наглый проходимец, поддерживаемый честолюбивым епископом саратовским Гермогеном и имевший за собой в то время опору в лице Распутина, отказался исполнить состоявшееся о нем постановление Св. Синода о переводе его из Царицына в г. Новосиль Тульской губернии. Запершись в монастыре, который он построил под самым Царицыным на собранные им пожертвования и которому он придал характер крепости, Илиодор ежедневно произносил зажигательные проповеди, собиравшие толпы народа. В проповедях этих Илиодор, под личиной патриотизма и преданности самодержавному русскому царю, всемерно поносил не только светскую, как местную, так и центральную, власть, но и Св. Синод. Посланный Синодом для увещевания Илиодора епископ Парфений ничего добиться от него не мог. Государь, не имея возможности разобраться в этом деле, ввиду противоречивых данных, сообщаемых ему с одной стороны гражданской властью, а с другой Распутиным через посредство императрицы, решил послать на место какое-либо лицо, пользующееся его особым доверием, с тем чтобы узнать всю правду. Таким лицом был избран один из флигель-адъютантов государя, А.Н.Мандрыка (впоследствии Тифлисский губернатор), в преданности которого государь был уверен. Выбор этот был, однако, подсказан государю через посредство царицы тем же Распутиным, рассчитывавшим на то, что двоюродная сестра Мандрыки была настоятельницей Балашевского монастыря и находилась всецело под влиянием Гермогена, а следовательно, признавала авторитет Илиодора, а главное — Распутина. Соответственные указания при отъезде Мандрыки в Царицын и были посланы ей Распутиным.

Расчет Распутина, однако, не оправдался. А.Н.Мандрыка на месте не только разобрался в сущности дела, которое он должен был разъяснить, но еще выяснил причастность к этому делу самого Распутина. Кроме того, раскрылась для Мандрыки и личность самого Распутина, побывавшего незадолго перед тем в Саратовской губернии и посетившего некоторые из тамошних женских мо-

настырей. В монастырях этих он предавался определенному разврату, заставлял монахинь мыть себя в бане и втягивал их в отвратительные оргии, одновременно хвастаясь своей близостью к царю и царице.

Вернувшись в Царское Село, А.Н.Мандрыка сделал государю в присутствии царицы подробный, длившийся более двух часов доклад. В величайшем волнении передал он все, что выяснил о Распутине, причем закончил словами, что для всякого, подобно ему глубоко почитающего царскую семью, совершенно невыносимо слышать, как священное имя царя и царицы соединяется с именем грязного развратного мужика.

Факты, доложенные Мандрыкой, а в особенности искренность его тона (доклад его закончился случившимся с ним почти истерическим припадком), очевидно, произвели глубокое впечатление на царскую чету.

Но не дремало тем временем и распутинское окружение. Была выписана из Саратова упомянутая настоятельница Балашевского монастыря, причем добились ее приема государыней. Цель преследовалась определенная — разрушить веру в доклад Мандрыки путем очернения его самого устами его близкой родственницы. Одновременно государь, со своей стороны, вызвал ездившего в Царицын от Синода епископа Парфения, который всецело подтвердил данные, сообщенные Мандрыкой.

В результате Распутину было приказано немедленно выехать из Петербурга, и казалось, что наконец удалось раз навсегда удалить от двора этого вредоносного человека.

Так смотрел на это и Столыпин, тщетно до тех пор стремившийся добиться высылки Распутина.

Оказалось, однако, что удаление одного Распутина недостаточно, так как на месте оставалось все его окружение, а в особенности А.А.Вырубова, которая принялась понемногу восстанавливать веру Александры Феодоровны в боговдохновенность Распутина и вселять в нее убеждение в лживости доклада Мандрыки. При этом Вырубова продолжала поддерживать письменные сношения с уехавшим из Петербурга Распутиным. Когда почва у царицы была достаточно подготовлена, дано было знать об этом Распутину, который и решил употребить крайнее средство для возвращения своего ко двору. Сумел он при этом так поставить вопрос, что о нем лично как будто и речи не было. Он обратился к государыне, в телеграмме на ее имя, с мольбой о прощении Илиодора и оставлении его в Царицыне, говоря, что в противном случае наследнику грозит великая опасность. Перед этой угрозой царь и царица не устояли. Постановление Синода о перемещении Илиодора из Царицына в другую епархию было государем самолично

отменено, а Распутин вновь вернулся ко двору, сильнее, чем когда-либо¹.

Инцидент этот доказывает, что сила Распутина или, вернее, невозможность раскрыть государыне истинную его сущность зависела от той всемогущей поддержки, которой он пользовался у лиц, принадлежавших к ближайшему окружению царицы, в особенности у Вырубовой, сумевшей завладеть безграничным доверием Александры Феодоровны.

Не подлежит сомнению, что, если бы та среда, из которой черпались высшие должностные лица, не выделила такого множества людей, готовых ради карьеры на любую подлость, вплоть до искаательства у пьяного безграмотного мужичонки покровительства, Распутин никогда бы не приобрел того значения, которого, увы, он достиг. Если бы эти люди действительно были под гипнозом Распутина, если бы они сами верили в его сверхъестественные способности, то можно было бы удивляться их наивности, но порицать их было бы не за что, но дело в том, что все ставленники Распутина прекрасно знали ему настоящую цену.

Но вот тщета людских чаяний и расчетов: почти все эти лица заплатились жизнью за свое мимолетное возвышение!

Впоследствии говорили, что вред, проистекающий от приближения Распутина к царской семье, произошел не от самого этого приближения, а оттого, что его разблагостили и расшумели лица, стремившиеся с Распутиным бороться. Согласно этому мнению, главными виновниками того страшного урона, который Распутин нанес царскому ореолу, были те члены Государственной думы и других крупных общественных организаций, которые публично с трибуны разоблачали роль Распутина и рисовали истинную его сущность.

Относительно преувеличения влияния Распутина ныне, после опубликования писем императрицы к государю, говорить не приходится, но нельзя согласиться и с тем, что главный вред произошел от разоблачения той роли, которую играл при дворе этот зловещий, роковой человек. Нет, вред, им приносимый, был и непосредственный. Ведь ему Россия обязана тем, что правящий синклит в последний, распутинский период царствования становился все непригляднее и вызывал к себе, благодаря своей близости к этому человеку, и отвращение и возмущение; ему Россия обязана и тем, что осенью 1915 года государь изменил

¹ Данные эти почерпнуты мною из воспоминаний А.Н.Мандрыки, до сих пор еще не появившихся в печати.

принятое им решение и, вместо призыва к власти лиц, пользующихся доверием общественности, уволил от должностей всех министров, для общественности приемлемых.

Для всех и каждого было совершенно очевидно, что продолжение избранного государыней и навязанного ею государю способа управления неизбежно вело к революции и к крушению существующего строя. Только такие слепые и глухие ко всему совершавшемуся люди, как столпы крайне правых, вроде Струкова, Римского-Корсакова и других, могли думать, что замалчиванием можно спасти положение, но люди, глубоко вникавшие в события, ясно видели, что без очищения верхов, без внушения общественности доверия к верховной власти и ее ставленникам спасти страну от гибели нельзя. Да и замалчивать можно лишь то, что еще не получило широкой огласки, что скрыто от лиц, ищущих повод скомпрометировать престиж царской власти. Но ведь про Распутина говорила вся Россия, причем вся Россия знала про то ненормальное положение, которое занял на ступенях трона полуграмотный, развратный, пьяный мужик. Само собой разумеется, что стоустая молва преувеличивала при этом близость Распутина к царице и «к былям небылиц без счета прилагала». Революционные силы, конечно, также пользовались распутиниадой для того, чтобы развенчать ореол царского имени в народной массе.

Наконец, разглашению влияния Распутина существенно содействовал он сам, рекламируя где только мог свою близость к царской семье. Дошел он даже до того, что во время одного из своих пьяных пиршеств, а именно в загородном московском ресторане Яр, в пьяном виде, указывая на надетую на нем рубашку русскою покроя, кричал: «Сашка сама шила!»

* * *

События последнего периода царствования Николая II столь тесно сплели его имя, равно как имя Александры Феодоровны, с именем Распутина, что, пытаясь разобраться в основных свойствах ума и характера последнего русского самодержца и его супруги, поневоле приходится останавливаться на этом роковом для России человеке.

Чем был Распутин по существу, обладал ли он какими-либо исключительными силами и способностями, принадлежал ли он к какой-либо религиозной секте, наконец, был ли он орудием врагов России и если был, то сознательным или бессознательным? Вот вопросы, которые ставила себе русская общественность перед революцией, ставит себе и поныне, ибо почитать их за вполне выяс-

ненные и решение их в том или ином смысле признавать общепризнанным — до сих пор нельзя.

Итак, прежде всего, обладал ли Распутин какими-то оккультными способностями? На этот вопрос, как на многие другие, проливают некоторый свет данные, собранные чрезвычайной следственной комиссией, учрежденной Временным правительством для расследования действий министров царского правительства.

Судя по этим данным, приведенным, между прочим, в статье члена комиссии, б[ывшего] прокурора Виленской судебной палаты А.Ф.Романова, напечатанной во второй книге «Русской Летописи» (Париж, 1922 г.), Распутина отнюдь нельзя признать личностью заурядной; природа его была сложная, не сразу поддающаяся разъяснению.

Родился Распутин в 1871 году в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии. Смолodu обнаружил он бурный темперамент, проявлявшийся то в повышенной религиозности и столь присущем русскому человеку богоискательстве, то в чрезвычайной физической страстности, переходящей в эротоманию.

Впрочем, медицина давно установила сочетание у людей экзальтированных религиозного фанатизма с повышенной половой страстностью.

Как бы то ни было, у Распутина уже в молодые годы чередовались периоды крайнего разгула с приступами покаяния, молитвенного экстаза и влечения к паломничеству по святым местам.

Посетил он в такие периоды, по-видимому, все главнейшие русские монастыри, побывал он и в Иерусалиме.

В период молитвенного углубления были им написаны и его духовные размышления, составленные, вопреки распространенному мнению о подделке, им самим, как это установила, по словам А. Ф.Романова, специальная экспертиза.

Словом, в Распутине совмещались две крайности — явление, также свойственное русской природе и имеющее, однако, одну общую основу — бурную страстность. По меткому выражению Достоевского, про таких лиц «никогда вперед не знаешь, в монастырь ли они поступят, или деревню сожгут».

Можно, кроме того, считать вполне установленным, что Распутин обладал силою гипнотического внушения, доходившей до степени необычайной. Каким-то внутренним напряженным сосредоточением своей воли он в отдельных случаях достигал результатов столь же неожиданных, сколь и исключительных. Впрочем, судя по показаниям б. товарища министра внутренних дел Белецкого, он эту силу в себе воспитывал не только лично сам, но и обращался с этой

целью к профессиональным гипнотизерам, у которых брал практические уроки.

Впрочем, вдаваться в эту, столь до сих пор мало исследованную область я не намерен. Несомненно, однако, что и положительная наука все более склонна признавать за неоспоримые факты многое из того, что сравнительно недавно считалось измышлением грубого суеверия и непроходимого невежества. Сила воздействия человеческого духа на материальные явления все более научно подтверждается, а сфера этого воздействия все более расширяется.

Но можно одновременно с этим утверждать, что у большинства лиц, обладающих таинственной внутренней силой, проявляется она лишь спорадически и сравнительно редко, причем при разгульной жизни легко утрачивается. Вследствие этого однажды провозгласившие себя чудотворцами и прорицателями вынуждены для поддержания своего обаяния прибегать к заведомым фокусам, иначе говоря, просто превращаться в шарлатанов.

Таков был по всем данным и Распутин, то есть в отдельных случаях, при помощи концентрации своей воли, он становился посредником между какой-то неведомой оккультной силой и производимыми ею материальными явлениями, но в большинстве случаев он был лишь хитрым шарлатаном, умело пользующимся случайным стечением обстоятельств для укрепления своего положения.

По вопросу о принадлежности Распутина к какой-либо определенной секте можно прийти к еще более определенному выводу. Дело в том, что вопрос этот весьма интересовал группу членов Государственной думы еще в 1912 году в связи с распространившимися тогда сведениями о возраставшем влиянии Распутина при дворе, а в особенности об его систематическом вмешательстве в дела православной церкви. А.И.Гучков решил этот вопрос вынести на трибуну Государственной думы. Надо было, однако, найти для этого какой-нибудь законный повод. Таким поводом явилась наложенная администрацией кара на газету «Голос Москвы» за напечатание ею открытого письма некоего Новоселова, образовавшего в Москве особый духовно-религиозный кружок. В письме этом говорилось о той опасности, которой подвергается православная церковь от вмешательства в ее действия и распоряжения отдельных лиц, с православием имеющих мало общего.

Таким образом, дабы связать запрос по поводу административной кары, наложенной на «Голос Москвы», с Распутиным, надо было выяснить, поскольку он в православном смысле является еретиком, принадлежит ли он к недозволенной законом религиозной секте. Подозревался же Распутин к принадлежности к хлыстовству.

Обратились с этой целью к известному знатоку русского сектантства Бонч-Бруевичу, тому самому, который впоследствии объявился убежденным большевиком и стал управляющим делами Совета народных комиссаров.

Бонч-Бруевич, через посредство баронессы В.И.Икскуль, охотно познакомился с Распутиным, вел с ним продолжительные беседы на различные темы, причем выказал к нему некоторую симпатию. Результат своего знакомства с Распутиным и его религиозными воззрениями Бонч-Бруевич доложил в собрании членов октябристской партии. Пришел он к тому выводу, что ни к какой определенной секте Распутин не принадлежит и в состав ее не входит, но ближе всею его взгляды подходят именно к хлыстовству. Доклад Бонч-Бруевича был, однако, в общем для Распутина благоприятным.

К такому же выводу пришла в 1917 году и вышеупомянутая чрезвычайная следственная комиссия.

Запрос, внесенный в Государственную думу весной 1912 года, по поводу Распутина, впрочем, по существу никогда Государственной думой обсужден не был. Он был передан в общем порядке в комиссию по запросам, которая, ввиду близкого уже в то время окончания полномочий III Государственной думы, его не рассмотрела, вследствие чего он автоматически отпал. Тем не менее один факт внесения этого запроса и те несколько слов, которые были сказаны по его поводу А.И.Гучковым, произвели огромное впечатление в широких общественных кругах, едва ли не впервые узнавших таким путем о значении той роли, которую играл Распутин. К этому надо прибавить, что крайне левые, как думские, так и общественные круги, никогда с Распутиным и его влиянием не боролись. В их глазах он, очевидно, лишь содействовал тому, чего и они добивались, — крушению государственного и общественного строя.

К каким бы сектантским взглядам Распутин ни был склонен, во всяком случае, во время своих паломничеств благодаря беседам с представителями духовенства, со старообрядческими начетчиками и несомненному общению с различными сектами он нахватался множества текстов и разнообразных отрывков из Священного писания. Это давало ему возможность уснащать свою речь множеством цитат, которыми он, отчасти сознательно, отчасти вследствие своего невежества, затуманивал смысл своих речей.

Усвоить его рассуждения было вообще затруднительно, но именно к этому и стремятся все выдающие себя за прорицателей.

С таким умственным багажом в период религиозной настроенности появляется Распутин в Петербурге — и здесь отчасти при помощи присущего ему искреннего богоиска-

тельства, отчасти путем притворства и хитрости очаровывает мистически настроенного ректора Петербургской Духовной академии (впоследствии епископа Кронштадтского) Феофана; проникает затем к честолюбивому, но горячо верующему епископу саратовскому Гермогену.

Через этих двух иерархов знакомится он с товарищем обер-прокурора Св. Синода Даманским и, наконец, постепенно расширяя круг своего знакомства, образует около себя кружок всецело подчиняющихся его влиянию заведомо истеричных женщин, из которых некоторые уже ранее состояли его поклонницами. Среди них оказывается и А.А.Танеева, впоследствии по кратковременному браку Вырубова. Немалую роль в установлении за Распутиным в известных кругах репутации лица, осененного особой благодатью, играет и Г.П.Сазонов, редактор-издатель газеты «Россия».

Наконец, при помощи Феофана и Вырубовой, проникает Распутин во дворец, как раз во время одного из острых болезненных кризисов наследника, и здесь ему, как я уже упомянул, не то посчастливилось случайно, не то удалось сознательно связать свое посещение с улучшением состояния здоровья наследника.

При дворе, в присутствии царицы, Распутин держит себя, разумеется, вполне чинно, умело сохраняя при этом все внешние приемы простого безыскусственного русского человека и выказывая полное пренебрежение к придворному этикету. Так, к царю и царице он обращается неизменно на «ты» и держится с ними вполне непринужденно. Само собой разумеется, что он стремится выказать при этом чрезвычайную религиозность и присущим ему красочным языком непрестанно говорит о Божьей благодати и ее разнообразных проявлениях. При этом он выказывает полное презрение к мирским благам и не только лично ничего для себя не добивается, но даже отказывается от всяких материальных пособий, что не мешает ему, когда его положение укрепляется, проводить ходатайства других лиц, которые и снабжают его за это денежными средствами.

По мере пополнения своих средств он обзаводится собственной квартирой, сперва на Английском проспекте, а потом на Гороховой. До тех пор он жил то на квартире Даманского, то у Сазонова, у которых и питался.

Расширяя свои связи в мире высшего духовенства, он начинает вмешиваться в дела Св. Синода. Его стараниями возводится в сан епископа некий Варнава, лишенный всякого образовательного ценза. Распутин добивается назначения на Петербургскую митрополичью кафедру Питирима взамен восставшего против распутинского вмешательства в дела церкви митрополита Владимира, пере-

веденного из-за этого в Киев, и, наконец, внушает императрице желание немедленно канонизировать бывшего Тобольского епископа Иоанна Максимовича, прах которого покоился в Тобольске.

Последнее ему понадобилось, во-первых, для того, чтобы похвалиться у себя на родине степенью своего значения, а во-вторых, и это едва ли не главное, он, конечно, надеялся, что на открытие мощей приедут царь и царица, причем посетят проездом и его родное село Покровское.

Однако по мере расширения круга лиц, ублажавших Распутина, по мере увеличения у него самого денежных средств, его плотская страстная природа берет все более верх, а боговдохновенность и даже религиозность понемногу исчезают.

Дикие кутежи, иногда сопряженные со скандалами, повторяются все чаще, наконец, принимают почти хронический характер.

Особенную огласку получает один скандал, произведенный им на пароходе на Волге, когда капитан парохода, невзирая на похвальбу Распутина о близости к царской семье, ссадил его на берег, и другой — в московском загородном ресторане «Яр», о котором я уже упомянул выше.

Усиленное потребление вина, страстное влечение и наглое приставание к женщинам выступают все ярче наружу и становятся достоянием все более широких кругов. Перед теми лицами, от которых он не мог скрыть своего поведения, но с мнением которых по тем или иным основаниям считался, он оправдывался положением, проповедуемым некоторыми русскими сектами: «Не согрешишь — не покаешься». Таким лицом была, между прочим, и Вырубова, неизменно скрывавшая от царицы развращенность Распутина, но сама отнюдь не находившаяся в неведении его поведения.

Первоначально своей близостью ко двору Распутин пользовался только для вмешательства в церковные дела, в чем ему одно время помогали близкие сношения с Феофаном и Гермогеном.

Но дружба с ним этих лиц продолжается недолго. Убедившись в истинных свойствах Распутина, они прилагают все усилия к его развенчанию, но оказывается уже поздно. Положение его при дворе настолько окрепло, вера в него государыни настолько утвердилась, что все старания Гермогена и Феофана не только остались тщетными, но еще они же сами от этого пострадали: Гермоген ссылается в Жировецкий монастырь, Феофан из Кронштадта переводится в какую-то отдаленную от столицы епархию.

По мере того как слух о влиянии Распутина распространяется, причем влияние его значительно преувеличивалось, различные ловкие люди решают им

воспользоваться для достижения своих целей через его посредство.

Не следует при этом забывать, что людская молва избрала Распутина весьма различно. Наряду со слухами о его влиянии и возможности добиться через его посредство чего угодно, распространялось и то, что он святой человек, бесребреник, который помогает обращающимся к нему людям из побуждений христианской любви.

Все это приводит к тому, что у Распутина организуются формальные приемы и число посетителей на них достигает многих десятков. При этом среди обращающихся к нему за той или иной помощью, наряду с теми, которые подкрепляют свои прошения материальными подношениями и обещаниями крупных денежных сумм, бывают и такие, которые ничего не приносят, но еще и сами просят о денежной помощи.

Как это на первый взгляд ни странно, но Распутин стремился помочь и тем и другим. Дело в том, что у самого Распутина, по мере его возвышения, неудержимо развивалось своеобразное честолюбие. Играть видную роль, быть почитаемым за всемогущую силу, стать на равную ногу с людьми, находящимися по общественному положению неизмеримо выше его, — все это тешило его самолюбие, и он охотно поддерживал и такие просьбы, исполнение которых не приносило ему лично никаких прямых выгод. Возможно, впрочем, что он рассчитывал таким путем увеличить в общественном представлении степень своей силы, что и на деле вело к ее фактическому разрастанию.

Дела, которые брался проводить Распутин, делились на две резко различные категории. Одни из них касались устройства судьбы сравнительно маленьких людей: выдачи им пособий, увеличения получаемой пенсии, продвижения на службе в ее низших степенях. По отношению к таким людям он, в большинстве случаев, ограничивался снабжением их короткими записками к знакомым и незнакомым ему высокопоставленным лицам. Записки эти, неизменно начинавшиеся со слов «милый», «дорогой», для некоторых лиц — увы! — имели такую обязательную силу, что снабженные ими просители были обеспечены в удовлетворении своих ходатайств.

Но была и другая категория дел, исполнение коих приносило Распутину крупную выгоду. Просьбы эти касались различных денежных дел, как-то: концессий, получения поставок и казенных подрядов, а во время войны к этому присоединились еще просьбы о зачислении куда-либо в тыл призванных в войска.

Прямых ходатайств со стороны Распутина о предоставлении кому-либо ответственных должностей, однако, не

поступало. Известен лишь один случай, когда, по просьбе Распутина, покровительствуемый им управляющий пермской казенной палатой Ордовский-Танаевский был назначен губернатором, и притом в его родную Тобольскую губернию, о чем Распутин известил его облетевшей всю Россию столь характерной для него телеграммой: «Доспел тебя губернатором».

Понемногу пьяный разгул, в который его сознательно втягивали стремившиеся в том или ином отношении его использовать различные беспринципные дельцы и карьеристы, сначала заглушает, а затем и окончательно уничтожает в нем ту его вторую природу, которая по временам влекла его к покаянию, аскетизму и молитвенному экстазу. В результате к тому времени — приблизительно к началу 1915 года, — когда он, через посредство всецело поработанной им Вырубовой, получает весьма значительное влияние на императрицу, мысли его направлены уже исключительно к обеспечению собственного благосостояния.

Так, согласно упомянутым выше показаниям С.П.Белецкого, в то время, когда последний имел с ним дело, в конце 1915 года, у Распутина не было никаких идейных побуждений и к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов или интересов Вырубовой. Эти последние интересы Распутин мог по справедливости почитать за собственные.

Наконец, дошло до того, что в совершенно интимном кругу Распутин перестал даже прикидываться «Божьим человеком». Он, например, не обижался, когда приставленный к нему А.Н.Хвостовым в целях его охраны жандармский офицер Комиссаров, сумевший войти с ним в дружбу, на его попытки вернуться в разговоре к духовным темам бесцеремонно ему говорил: «Ты божественность-то эту брось; будем говорить попросту!»

* * *

Ненормальное положение, занятое Распутиным на ступенях трона, оказало несомненное влияние на повышение революционной настроенности в русской общественности. Но с исторической точки зрения небезынтересно выяснить и другой вопрос, далеко еще не разрешенный, а именно: действовал ли Распутин исключительно по собственным побуждениям или он был по временам орудием в чьих-то чужих руках, и, в таком случае, пользовались ли им различные люди только для своих личных целей или же он попадал в руки и к агентам врагов России?

Для разъяснения этого вопроса надо прежде всего обратиться к определению характера лиц, составлявших окру-

жение Распутина. По составу своему окружение это было до чрезвычайности пестрое и разнообразное. Наиболее близкие ему люди принадлежали к числу искренно поверивших в его боговдохновенность. Собирались эти приближенные в период самого разгара распутинской известности преимущественно у него на квартире, в большинстве случаев по воскресеньям, «на чай» или «на уху». Постоянными посетителями этих собраний, в достаточной степени многочисленных, были почти исключительно женщины, как А.А.Вырубова, девица Головина; его давнишние почитательницы — г-жи Лахтина и Гущина, а также некоторые другие, менее им прельщенные, как, например, фрейлина Никитина, служившая связью между Распутиным и Штюмером.

В сущности, все эти женщины были определенные психопатки, едва ли не страдавшие половой психопатией.

Иногда в этом кружке появлялись и случайные посетители и посетительницы, приводимые простым любопытством и желанием поближе посмотреть на человека, которому молва приписывала исключительную силу и значение. Бывали здесь, разумеется, и лица, стремившиеся использовать Распутина в своих личных целях, но политическим центром этот кружок не был. Для большинства в этом кружке Распутин был божество, искренно почитаемое выразителем велений, исходящих свыше.

Так продолжалось приблизительно до начала 1915 года, когда к Распутину проложили дорожку различные честолюбцы, сулившие ему великие блага за проведение их к верхам власти.

Едва ли не первым из таких был князь Шаховской, добившийся через Распутина и неизбежную в подобных случаях Вырубову назначения министром торговли и промышленности. Следом за ним избрал тот же путь снедаемый честолюбием А.Н.Хвостов, впервые завязавший сношения с Распутиным еще в бытность свою нижегородским губернатором. Уже тогда он решил, что скорее добьется своих честолюбивых замыслов, если перейдет в ряды общественности, разумеется, той, которая выставила на своем знамени беспредельную приверженность самодержавному строю и носителям царской власти. В 1912 году он попадает в члены IV Государственной думы и хотя никаких особенных талантов здесь не проявляет, но все же умудряется быть избранным в лидеры крайне правой фракции нижней законодательной палаты, где, конечно, продолжает выставать напоказ свою преданность царской власти. Убедившись, однако, что этого недостаточно для получения министерского портфеля, он обращается к другим средствам, а именно к сближению с тем же Распутиным, а в особенности с А.А.Вырубовой.

Летом 1915 года возникает парламентский блок и одновременно завязывается в среде Совета министров борьба двух резко противоположных течений. Одно из них, возглавляемое членами Совета, пользующимися симпатиями и доверием прогрессивно настроенных общественных кругов, настаивает на сближении с общественностью, другое, наоборот, утверждает, что на общественное мнение не следует обращать никакого внимания.

В это самое время А.Н.Хвостов начинает усиленно посещать Вырубову. При этом он ей твердит о своей преданности царю и царице и пытается доказать, что он один способен, будучи поставлен во главе внутреннего управления страной, справиться со всеми задачами, выдвинутыми войной. Само собой разумеется, что он одновременно высказывается против всяких соглашений с парламентским блоком, называя такое соглашение не иначе как капитуляцией власти перед безответственными политиками, порождаемыми исключительно личными честолюбивыми замыслами. Выражает он, конечно, и преклонение перед Распутиным. Г-жа Вырубова, уже увлеченная к тому времени своей ролью закулисной силы, без участия которой не решается ни один важный государственный вопрос, принимает на себя роль предстательницы перед царицей за А.Н.Хвостова и, совместно с Распутиным, достигает назначения этого беспринципного честолюбца на должность министра внутренних дел. Усердно содействует этому назначению тоже завязавший к этому времени близкие отношения с Вырубовой бывший директор департамента полиции С.П.Белецкий, который, в свою очередь, одновременно назначается товарищем министра внутренних дел.

С появлением у власти этих двух лиц, отличавшихся необыкновенной природной склонностью к интриге, все важные правительственные назначения происходят не иначе как согласно задуманным ими тайным планам. Прежде всего они стремятся всецело подчинить своим замыслам Распутина, а затем, заручившись его сообщничеством, они, отчасти через его посредство, отчасти путем своего личного воздействия, превращают Вырубову в свое послушное орудие. В этих видах они заключают с Распутиным определенное соглашение, согласно которому за ежемесячное денежное вознаграждение, выплачиваемое ему из сумм департамента полиции, Распутин соглашается помимо них никаких дел не проводить и никаких ходатайств не поддерживать. Цель здесь преследовалась двойная: с одной стороны, они хотели таким путем сделаться полными господами положения, с другой — надеялись успокоить общественное мнение, встревоженное влиянием Распутина, по возможности завуалировав это влияние.

В этот период, конца 1915 года и начала 1916 года, все высшие назначения происходят не иначе как согласно планам, выработанным А.Н.Хвостовым совместно с Белецким, причем надо признать, что они искали людей, способных, по их мнению, успешно справиться с соответствующими отраслями управления.

Доказательством этого служат происшедшие за тот период назначения таких лиц, которые ни Вырубовой, ни Распутина совершенно не знали и даже не подозревали, что своим возвышением они обязаны их влиянию. Так именно происходит назначение А.Н.Волжина обер-прокурором Св. Синода и А.Н.Наумова министром земледелия. Правда, удержаться на своих должностях эти лица не могли, так как сойтись с Распутиным определенно не желали, а он этого не прощал и принялся уже по собственному почину их всячески дискредитировать.

Хвостов, как известно, тоже сравнительно недолго удержался у власти.

Убедившись, что Распутин понемногу перестает соблюдать заключенное с ним соглашение, что влияние его, получившее самую широкую огласку, вызывает все нарастающее общественное негодование и способно привести существующий строй к катастрофе, Хвостов, ничем не смущаясь, задумывает просто насильственно устранить самого Распутина, то есть прекратить его земное существование. Узнав об этом намерении и, вероятно, сомневаясь в его удачном осуществлении, а также думая лично больше выгадать, защищая Распутина, Белецкий раскрывает замысел Хвостова. Немедленным последствием является увольнение Хвостова от должности, причем не избегает опалы и сам Белецкий, также вскорости отставленный от всякой власти.

С падением Хвостова и Белецкого закулисная работа Распутина и Вырубовой временно несколько ослабевает, пока новый образовавшийся кружок, центром которого является тибетский знахарь Бадмаев, не захватывает того положения, которое сумели перед тем себе создать Хвостов и Белецкий.

В этом кружке цену Распутину знали вполне, ничего сверхъестественного в нем не видели, а просто хотели его использовать для осуществления собственных честолюбивых замыслов или материальных домогательств. Тут собирались такие определенно беспринципные люди, как А. Д.Протопопов, через этот кружок проникший к Вырубовой, а через нее в министры внутренних дел; тут был и П.Г.Курлов, б. товарищ министра внутренних дел при Столыпине, впоследствии, благодаря близости к этому кружку, вновь проникший на прежнюю должность. Тут же

входил Распутин в соприкосновение с дельцами из промышленных и банковских кругов; имелась, по-видимому, в этом кружке связь и с влиятельными лицами среди еврейства. Наконец, тут же вертелись такие сравнительно мелкие, но пронирливые и ловкие сошки, как Андронников и полужурналист-полуагент департамента полиции Манасевич-Мануйлов, которые, впрочем, уже давно сошлись с Распутиным.

Под чарами Распутина здесь никто не был. Здесь шла совершенно определенная ловля высоких должностей и материальных благ. Принадлежа сами к категории людей ловких, хитрых и беззастенчивых, к тому же будучи весьма далекими от всякой мистики, грубыми реалистами-циниками, они отдавали себе вполне ясный отчет в том, что представлял собою Распутин.

Ни о какой божественности здесь речи не было, а говорили ясно и определенно о способе достижения вполне конкретных целей.

Были ли среди этой пестрой компании лица, являвшиеся агентами врагов России?

Точно и документально установить это нет возможности, причем надо заметить, что следственная комиссия, учрежденная Временным правительством, опросившая всех бывших министров, имевшихся у нее под рукой, продолжать свои изыскания в среде, могущей иметь связи с Германией, даже не пыталась.

Думать, однако, что сам Распутин был мало-мальски сознательным агентом Германии, нет решительно никаких оснований. То обстоятельство, что приведенные им к власти министры не отвечали своему назначению, решительно еще ничего не доказывает, как не доказывает и то, что лиц, состоящих у власти, но относящихся к нему враждебно (хотя бы они более или менее соответствовали основной цели момента победы над Германией), он стремился развенчивать и устранять из состава правительства.

Все личные интересы Распутина теснейшим образом зависели от сохранения существующего строя и укрепления престола. Рубить сук, на котором он сам так плотно уселся, очевидно, совершенно не входило в его расчеты.

Не исключено и то, что Распутин, желая укрепить положение династии, искренно стремился найти людей, способных довести войну до благополучного конца, обеспечить торжество России и утвердить в ней земский мир.

Разобраться, однако, в степени государственных способностей людей он был не в состоянии, и ввиду этого все его рекомендации были неудачны. Да и выбор у него был ограниченный, ибо какой мало-мальски порядочный человек мог обратиться к Распутину за протекцией, да и вообще

знаться с ним? Правда, что Распутин иногда поддерживал и таких людей, которых, может быть, по слухам, он считал пригодными для руководства той или иной отраслью государственного управления, хотя они к нему вовсе не обращались, но он сам, по-видимому, искал с ними знакомства.

Так, ко мне лично два раза приезжал от Распутина один из близких ему людей, с которым я был знаком, а именно Г.П.Сазонов, с просьбой познакомиться с Распутиным и принять его. При этом Сазонов говорил: «Мы ищем способных людей, которые могли бы управлять страной».

Само собой разумеется, что Сазонов при этом решительно отрицал порочные наклонности Распутина и в доказательство прибавил, что Распутин у него неоднократно ночевал рядом со спальней его дочерей.

— Ну, посудите сами, — говорил Сазонов, — допустили бы я это, если бы не знал лживости всего распускаемого про Распутина?

Со своей стороны, я заявил, что для меня личные качества Распутина имеют значение второстепенное. Будь он чист как голубь, вред, им наносимый, от этого ничуть не уменьшается. Посторонние влияния на ход государственного правления, в особенности если они исходят не только от людей безответственных, но еще к тому же совершенно некомпетентных, — неизменно приводят к крушению существующего строя.

Мне известно, что с подобными же предложениями Распутин, через третьих лиц, обращался ко многим, причем, насколько я знаю, ответ на эти предложения получался неизменно отрицательный.

Не сомневаюсь, однако, что были и такие, которые вошли этим путем в сношение с Распутиным, но они молчали, ибо никто не разглашал своего знакомства с этим грязным типом, боясь клейма общественного мнения.

Да, вред, нанесенный Распутиным, огромный, но старался он работать на пользу России и династии, а не в ущерб им. Внимательное чтение писем императрицы, заключающих множество преподанных Распутиным советов, приводит к убеждению, что среди этих советов, в большинстве случаев азбучных и наивных, не было ни одного, в котором можно усмотреть что-либо мало-мальски вредное для России.

Действительно, что советовал Распутин?

«Не ссориться с Государственной думой», «заботиться о народном продовольствии», «увеличить боевое снабжение армии», «беречь людской состав армии до достаточного снабжения войска оружием».

Относясь очень отрицательно к самому факту войны с Германией, утверждая даже, что, если бы он был при

царе в дни, предшествовавшие войне, он убедил бы его войны отнюдь не допускать, Распутин наряду с этим говорил, что, коль скоро войну начали, необходимо довести ее до победы.

В вопросах чисто военных он тоже проявлял обыкновенный здравый разум. Словом, при всем желании найти в его советах что-либо, подсказанное врагами России, — этого не удастся.

Обозначает ли это, однако, что вокруг Распутина не было лиц, стремившихся его использовать во вред России?

Германия, организовавшая такую широкую сеть шпионажа во всех враждебных ей странах, разумеется, не могла не попытаться использовать и Распутина в своих целях. Но если германские агенты и пробовали воздействовать на верховную власть через Распутина, то, конечно, скоро убедились в полной невозможности этого достигнуть. Но могла быть у них и другая немаловажная цель, а именно: иметь точное осведомление о том, что происходит в царском окружении, какое там господствует настроение, продолжает ли государь столь же твердо держаться союза с западными державами, не замечается ли в нем колебания по вопросу о дальнейшем ведении войны против Германии, не проявляет ли он признаков утомления от затянувшейся войны, — все это для Германии представляло первостепенный интерес. Конечно, самое подробное осведомление по этим вопросам мог дать, сам того не подозревая, Распутин.

А что именно с этой целью, в надежде, быть может, почерпнуть и другие более конкретные сведения, хотя бы, например, о наших чисто военных планах и предположениях, германский генеральный штаб направлял некоторых из своих тайных агентов к Распутину, — это весьма возможно. Разбираясь в окружении Распутина, легко усмотреть среди близко стоявших к нему лиц и таких, которые по своему нравственному уровню были способны из-за личной выгоды решительно на всякое предательство. Таковы были, несомненно, и кн. Андронников, и Манасевич-Мануйлов, и все же, думается, что они не были германскими агентами.

Правда, известно, что из числа людей, часто выдававшихся с Распутиным, некоторые усиленно угощали его в дорогих ресторанах и доводили его до состояния полного опьянения, когда язык его развязывался окончательно и он охотно выкладывал все, что ему было известно о происходящем в Царском Селе.

На некоторых из них пало подозрение нашей контрразведочной организации по обвинению их в работе на пользу наших врагов. Против них было даже возбуждено

судебное преследование, не доведенное до конца вследствие разразившейся революции.

Могли ли они использовать получаемые ими сведения во вред России, — другой вопрос; думается, что никакого реального значения сведения эти не имели.

В заключение, не могу не повторить еще и еще раз, что в особенности вреден и в особенности преступен был не Распутин, а та среда, которая восприняла из неудержимого желания *per fas et nefas*¹ либо разыгрывать политическую роль, либо проникнуть к власти, либо достигнуть почестей и материальных благ.

В результате получилось то, что проникнутая исключительно высокими принципами, жаждущая принести пользу России и обеспечить ей победу над Германией кристально чистая женщина была захвачена в паутину, которую неустанно и ловко плели вокруг нее умственно ограниченная истеричка, хитрый шарлатан и присосавшиеся к ним ради достижения своих низменных личных целей беззастенчивые и беспринципные карьеристы, жадные дельцы и всевозможные мелкие авантюристы.

Появление человека, сумевшего внушить доверчивой, мистически настроенной царской чете, что он обладает даром прозорливости и исцеления, было лишь простой случайностью. Это обстоятельство только ускорило процесс распада государственности, но само по себе породить его не могло.

Можно даже с уверенностью сказать, что и без происшедшего благодаря Распутину резкого изменения путей и способов достижения власти крушение русской государственности, при том нравственном разложении правящего слоя, которое столь ярко выявила распутинская эпопея, было, во всяком случае, не за горами.

¹ Всеми возможными, дозволенными или недозволенными способами (лат., Примеч. сост.).

В.Н. КОКОВЦОВ



ИЗ МОЕГО ПРОШЛОГО

ВОСПОМИНАНИЯ



Граф Владимир Николаевич Коковцов
«Из моего прошлого»

Воспоминания. Том II. 1903—1919

Издание журнала «Иллюстрированная
Россия». Париж, 1933 г.

Коковцов Владимир Николаевич (1853—1943), видный государственный деятель начала века. Принадлежал к старинному дворянскому роду. С 1904 по 1914 гг. — министр финансов. После убийства П.А. Столыпина, с 1911 по 1914 гг. — председатель Совета Министров, сторонник столыпинского курса реформ. Во время первой мировой войны — крупный банковский деятель. С ноября 1918 г. жил во Франции. В 1933 г. в Париже вышел двухтомник его воспоминаний.

До прибытия Распутина в Петербург, в начале 1900-х годов никто не знал его в столице, и никаких слухов о нем не доходило до сведения столичной публики. Из приближения Императрицы, и притом не самого интимного, первыми узнавшими о появлении в столице этого «старца» были Великие Княгини Анастасия и Милица Николаевна, дочери Князя Николая Черногорского, замужем — первая за Великим Князем Николаем Николаевичем и вторая — за братом его Великим Князем Петром Николаевичем. Они, бесспорно, говорили Императрице о том, что видели «старца», который произвел на них глубокое впечатление всем складом его речи, большою набожностью и каким-то особенным разговором на тему о величии Бога и о суетности всего мирского.

Но не подлежит никакому сомнению, что значительно большее впечатление о том же появившемся на Петербургском горизонте человеке произвели на Императрицу слова Преосвященного Феофана, ректора С.-Петербургской Духовной Академии, которого Императрица знала, принимала его, охотно беседовала с ним на религиозные темы и оказывала ему большое доверие. Он был короткое время ее духовником.

Сам человек глубоко религиозного настроения, широко известный своей аскетическою жизнью и строгостью к себе и к людям, Епископ Феофан принадлежал к тому разряду русского монашества, около которого быстро сложился обширный круг людей, искавших в беседах с ним разрешения многих вопросов их внутренней жизни и потом громко говоривших о его молитвенности и каком-то особенном умении его подойти к человеку в минуту горя и сомнения.

В одно из посещений Императрицы Преосвященный Феофан рассказал ей, что к нему пришел и живет уже некоторое время около него крестьянин Тобольской губернии, Тюменского округа Григорий Ефимов Новых, получивший от его односельчан нелестную для него кличку Распутина за предосудительную его прошлую жизнь.

Этот человек пришел к епископу Феофану после долгих месяцев скитания по разным отдаленным монастырям, и собираясь направиться, по его словам, к святым местам. Он рассказал епископу всю свою прошлую жизнь, полную самых предосудительных поступков, покаялся во всем и просил наставить его на новый путь. Говорил он ему и о том, что собирается принять монашеский чин и уйти вовсе от мира куда-либо в далекие окраины России. И по мере того как он стал открывать ему свою душу, Распутин все больше и больше заинтересовывал Преосвященного своим религиозным настроением, переходившим временами в какой-то экстаз, и в эти минуты он доходил, по словам епископа, до такого глубокого молитвенного настроения, которое епископ встречал только в редких случаях среди наиболее выдающихся представителей нашего монашества.

Он долго присматривался к Распутину и вынес затем убеждение, что он имеет перед собой во всяком случае незаурядного представителя нашего простонародья, который достоин того, чтобы о нем услышала Императрица, всегда интересовавшаяся людьми, сумевшими подняться до высоты молитвенного настроения.

Впоследствии Преосвященный Феофан глубоко разочаровался в Распутине и до самого последнего времени искренно скорбит об оказанной ему поддержке.

Императрица разрешила епископу Феофану привезти Распутина в Царское Село и после краткой с ним беседы пожелала не ограничиться этим первым свиданием, а захотела ближе узнать, что это за человек.

По словам некоторых приближенных к ней людей, Императрица сначала не могла хорошенько усвоить себе его отрывочную речь, короткие фразы мало определенного содержания, быстрые переходы с предмета на предмет, но затем незаметно Распутин перешел на тему, которая всегда была близка ее душе. Он стал говорить, что ей и Государю особенно трудно жить, потому что им нельзя никогда узнать правду, так как кругом них все больше льстецы да себялюбцы, которые не могут сказать, что нужно для того, чтобы народу было легче. Им нужно искать этой правды в себе самих, поддерживая друг друга, а когда и тут они встретят сомнение, то им остается только молиться и просить Бога наставить их и умудрить, и если они поверят этому, то все будет хорошо, так как Бог не может оставить без своей помощи того, кого он поставил на царство и кому вложил в руки всю власть над народом. Тут он ввел и другую нотку, также близкую взглядам Императрицы, а именно, что царю и ей нужно быть ближе к народу, чаще видеть его и больше верить

ему, потому что он не обманет того, кого почитает почти равным самому Богу, и всегда скажет свою настоящую правду, не то что министры и чиновники, которым нет никакого дела до народных слез и до его нужды.

Эти мысли, несомненно, глубоко запали в душу Императрицы, потому что они вполне отвечали ее собственным мыслям. Сначала Императрица видела Распутина редко и на больших расстояниях, так как и он сам подолгу отсутствовал, а когда проживал в Петербурге, то вел образ жизни весьма скромный, мало принимал людей, редко показывался в каких-либо собраниях. О нем вообще мало говорили в городе, и круг его посетителей ограничивался таким разрядом людей, которые не имели доступа ко двору и передавали о своих впечатлениях от бесед со «старцем» больше в собственном тесном кругу, не выходя на широкую общественную арену и не давая пищи для газетных сообщений и пересуд.

Так дело шло примерно до 1910—1911 года. Хотя и в более раннюю пору уже говорили о Распутине как простонародном молитвеннике, который видит все и может оказать большую нравственную помощь и поддержку в горе и несчастьи. Так, например, когда на Аптекарском острове 12 августа 1906 года, произошел взрыв и ранены были дети Столыпина, вскоре по перевезении их в больницу Кальмейера явился Распутин и попросил разрешения посмотреть больных и помолиться над ними. Уходя из больницы, он сказал окружающим: «Ничего, все будет хорошо». Был ли он позван кем-либо из близких Столыпину или пришел сам — я этого не знаю и утверждать чего-либо не могу.

Но вот подошел роковой момент — заболел маленький Наследник Цесаревич Алексей Николаевич. У него появились несомненные признаки неизлечимой болезни — гемофилии. Долгое время Императрица не допускала и мысли о возможности такого несчастья, но подошла пора, когда скрывать его не было уже никакой возможности, потому что самые преданные врачи, к тому же нежно любившие мальчика, должны были сказать решительно и бесповоротно неумолимую истину и поведать убитым горем родителям про тот роковой путь, по которому пойдет эта ужасная болезнь, вызывая у всех окружающих одно сознание бессилия не только помочь, но даже и облегчить страдания, а тем более предотвратить неизбежный конец.

Нетрудно понять, каково было с этой минуты состояние души отца и матери. Дождавшись на одиннадцатом году супружества того счастья, о котором она всегда мечтала, отдавши своему ребенку всю свою нежность и

все свои надежды, она же, оказывается, и передала ему роковую болезнь, о которой долгое время она и не думала, но если даже и слышала и допускала возможность, что ее сын мог быть поражен ею, то по своей глубокой вере она неизбежно твердила себе, что ни она сама, ни Государь, ни тем более вся Россия не совершили ничего, чтобы заслужить такую кару Божию. А неумолимая действительность делала свое дело. Припадки кровоизлияния учащались и усиливались. Наука объявила себя бессильной не только предупредить их, но даже сократить их длительность. С каждым новым припадком жизнь ребенка ставилась на карту, и негде было искать земной помощи.

Что же оставалось Императрице делать при ее складе души? Только одно — обратиться к Богу, к молитве, искать в ее вере силы переносить несчастье и даже ждать чуда, потому что оно не могло не явиться, ибо Бог справедлив, милосерд и всемогущ. Ее внутренний голос неизменно говорил ей то, что она так любила повторять и раньше: «Для Бога нет невозможного. Нужно только быть достойным его милосердия, и чудо придет». Откуда, через кого — этого никто не знает, да это и безразлично.

В этот момент до слуха Императрицы снова доходит весть о «старце», который умеет молиться, как никто, который говорит не так, как говорят все, у которого какая-то своя вера, не такая, как у всех нас. Ей говорят и о том, что знают примеры, когда люди, застигнутые большим горем, просили старца помолиться о них, и они находили потом разрешение всего, что так тяготило их. Говорили даже, что знают случаи, когда его молитва останавливала болезнь, казавшуюся смертельной. И «старца» стали приглашать все чаще и чаще, по мере того как учащались припадки, и с ним незаметно все больше и больше стали разговаривать, и он как-то незаметно стал входить во весь обиход жизни Двора. С ним разговаривали о том, что интересовало особенно в данную минуту, и он как-то незаметно стал «другом» и даже советчиком, по крайней мере первое наименование стало обыденным, нарицательным.

Я помню хорошо, как в 1913 году, под конец Романовских торжеств в Москве одна из свитных фрейлин, известная своим враждебным отношением к Распутину и утратившая по этой причине свое положение при Дворе, рассказывала мне, что она присутствовала однажды при разговоре врачей во время одного из наиболее сильных припадков гемофилии, когда они были бессильны остановить кровотечение. Пришел Распутин, пробыл некоторое время у постели больного, и кровь остановилась. Врачам не оставалось ничего иного, как констатировать

этот факт, не углубляясь в то, было ли это случайное явление, или нужно было искать какое либо иное объяснение ему.

На этой, а не на какой-либо иной почве посещения «старца» учащались, не доходя, однако, никогда до той повторяемости, о которой говорили в городе и разносили праздные пересуды. Последние глубоко оскорбляли Императрицу, и чем они росли и множились, тем больше возмущение поднималось в ее душе, тем меньше верила она всему, что рассказывали о жизни Распутина, о его вмешательстве во всевозможные проявления государственной жизни, и тем более обострялось ее отношение ко всем, кто был против Распутина или осмеливался видеть вред от его случайных появлений при Дворе.

А Распутин, в свою очередь, зная об этом недоверии ко всему, что говорилось неблагоприятного про него, снял уже в своих действиях всякую маску. Его квартира на Гороховой сделалась местом скопления всех, кто искал его покровительства, а число таких было на самом деле немалое. Сам он появлялся в разного рода собраниях, устраиваемых его почитателями с целью собрать около него новых искателей покровительства. Оргии при его участии стали обычным явлением. Министры и начальники ведомств стали получать все большее и большее количество своеобразных его писем об оказании внимания лицам, рекомендованным им, и случайно или же преднамеренно, но многие из его обращений оказывались далеко не бесполезными для тех, в пользу кого они были сделаны.

Я должен, однако, сказать, что ко мне Распутин ни с какими просительными письмами ни разу не обратился, и единственный раз, что я получил его письмо, был тот, когда в половине февраля 1912 года он просил меня о приеме его. Этот эпизод и его последствия для меня подробно изложены мною в своем месте.

В Петербурге атмосфера стала постепенно сгущаться. В газетах все чаще и чаще стало опять упоминаться имя Распутина, сопровождаемое всякими намеками на его близость ко Двору, на его влияние при тех или иных назначениях, в особенности по Духовному ведомству. Начали появляться заметки о его действиях в Тобольской губернии, с довольно прозрачными намеками на разных петербургских дам, сопровождавших его в село Покровское и посещавших его там; на близость к нему даже разных сановников, будто бы обязанных своим назначением его покровительству. Такие заметки всего чаще появлялись то в газете «Речь», то в «Русском слове», причем последнее сообщало наибольшее количество фактических сведений, и среди них однажды было напечатано сооб-

щение о том, что на почве отношений к Распутину возникла даже размолвка в царской семье, причем давалось довольно недвусмысленно понять, что Великая Княгиня Елизавета Федоровна стала в резко отрицательное к нему отношение и из-за этого совершенно отдалилась от Царского Села.

С газетных столбцов эти сведения постепенно перешли в Государственную Думу, где сначала пошли пересуды в «кулуарах», в свою очередь питавшие этими слухами и намеками думских хроникеров, и затем перешли и на думскую трибуну, с которой левые депутаты и несколько раз Милюков и другие кадеты намекали весьма прозрачно на «темные силы», в особенности говоря о деятельности Св. Синода и о порядке замещения епископских кафедр.

Особенное обострение получил этот вопрос в связи с именем А.В. Гучкова. В начале декабря или в конце ноября стали распространяться по городу отпечатанные на гектографе копии четырех — или пяти писем, — одно императрицы Александры Федоровны, остальные от Великих Княжон — к Распутину. Все эти письма относились к 1910 или к 1909 году, и содержание их, и в особенности отдельные места и выражения из письма Императрицы, составлявшие в сущности проявление ее мистического настроения, давали повод к самым возмутительным пересудам. Об этом я скажу подробнее в дальнейшем изложении.

Мне и А.А. Макарову все это было крайне неприятно. Мы оба видели ясно, что рано или поздно нам придется встретиться с неудовольствием по этому поводу, и тем не менее, нам было очевидно наше бессилие повлиять на газеты в этом злополучном вопросе. Все попытки Макарова уговорить редакторов сначала через начальника Главного управления по делам печати (графа Татищева), а затем и лично не приводили ни к чему и вызывали только шаблонный ответ: «Удалите этого человека в Тюмень, и мы перестанем писать о нем», а удалить его было не так просто. Мои попытки повлиять на печать также успеха не имели. Я воспользовался визитами ко мне М.А. Суворина и Мазаева и старался развить перед ними ту точку зрения, что газетные статьи с постоянными упоминаниями имени Распутина и слишком прозрачными намеками только делают рекламу этому человеку, но, что всего хуже, играют в руку всем революционным организациям, расшатывая в корне престиж власти Монарха, который держится, главным образом, обаянием окружающего его ореола, и с уничтожением последнего рухнет и самый принцип власти.

Оба эти лица со мною согласились, но твердили одно, что они тут ни при чем, что «Новое время» неповинно

в распространении сведений о Распутинском кружке, и когда я привел ряд заметок, перепечатанных и у них же, то они только отмалчивались или кивали на «Речь» и «Русское слово», которые были действительно главными распространителями этих известий. Для меня было ясно, что и в редакции «Нового времени» какая-то рука сделала уже свое недоброе дело и что рассчитывать на влияние этой редакции на ее собратьев по перу не приходится.

Газетная кампания не предвещала ничего доброго. Она разрасталась все больше и больше, и как это ни странно, вопрос о Распутине невольно сделался центральным вопросом ближайшего будущего и не сходил со сцены почти за все время моего председательства в Совете министров, доводя меня до отставки через два года с небольшим.

Когда Государь вернулся из Ливадии, первая его встреча со мною отличалась особенною приветливостью. Только однажды, и то вскользь, он сказал, что хочет поговорить с министром внутренних дел по поводу печати, так как ему кажется, что следовало бы подумать об издании такого закона, который давал бы правительству известное влияние на печать, которого у нас совсем нет.

О Распутине он со мною никогда не заговаривал, и я этого человека ни разу не видел, хотя и знал, что близкий мне человек, принадлежавший даже к моей семье, давно с ним знаком, видится с ним от времени до времени и, слушая мои постоянные неблагоприятные отзывы не столько о самом Распутине, сколько о том вреде, который он причиняет престижу царской власти, подавая повод к самым возмутительным суждениям и питая тем самым все круги, враждебно настроенные к монархическому принципу, постоянно говорил мне: «Он, конечно, негодяй, но хуже его те, которые пресмыкаются перед ним и пользуются им для своих личных выгод. Вот ты поступаешь хорошо, что не знакомишься с ним, но зато это тебе не выгодно. Не поклонись ему, тебе, вероятно, несдобровать».

Зато другой человек буквально не давал мне прохода своими просьбами познакомиться с Распутиным. Это был Георгий Петрович Сазонов, полуделец, полулитератор, то поклонявшийся Витте, то враждовавший с ним.

Этот господин, приютивший в ту пору у себя на квартире семейство Распутина и его самого, надоедал мне буквально каждую неделю своими советами познакомиться с «Григорием Ефимовичем», которые очень хочет повидаться со мной, говорил об этом не раз с ним и скорбит о том, что я уклоняюсь от этого, хотя для меня это было бы не только полезно, но даже просто необходимо, так как без этого мое влияние на дела никогда не будет

прочно. Я решительно отказался от предложенного удовольствия, сказавши ему совершенно определенно, что не ищу поддержки таким способом и не хочу, чтобы кто-либо имел право сказать, что я посажен Распутиным или держусь его милостью. Между прочим, Сазонов в подтверждение силы и влияния Распутина рассказал мне, что еще весною 1911 года, когда, по-видимому, Столыпин и не помышлял о расшатанности своего положения, хотя многие уже и тогда открыто говорили, что осенью его уволят, он, Сазонов, вместе с Распутиным ездил в Нижний Новгород по указанию из Царского Села (для меня было неясно, кто именно дал ему это поручение, и не было ли это просто выдуманно, чтобы придать себе значения), чтобы познакомиться с Хвостовым и сказать, годится ли он в министры внутренних дел. По словам Сазонова, они были приняты в Нижнем «на славу», их кормили, поили и забавляли, «чего лучше невозможно», и после того, что они близко сошлись с Хвостовым, Распутин спросил его, согласен ли он быть министром внутренних дел, с тем, однако, чтобы на должность председателя Совета министров был снова назначен граф Витте и чтобы об этом просил сам Хвостов. Последний от такой комбинации будто бы отказался наотрез, сказавши, что он с Витте вместе служить не может, и тогда, вернувшись в Петербург, Распутин сказал будто бы, что Хвостов «хорош, шустер, но очень молод. Пусть еще погодит». Через полгода тот же Хвостов в Киеве был предложен мне в министры внутренних дел. Точность всего сказанного остается на совести Сазонова.

...Первое ясное проявление неудовольствия Государя на кампанию печати против Распутина проявилось в половине января 1912 года. Мне приходилось в ту пору постоянно видаться с Макаровым, чтобы уславливаться об организации выборов в Государственную Думу. В ту пору он еще не подпал влиянию своих выборных сотрудников — Харузина и Черкаса, охотно советовался обо всем со мною и несколько не отстранял меня от выборного производства, как это скоро произошло, но напротив того, искал моего совета и поддержки. Макаров в ту пору был нездоров, не выходил из дома, и я пошел к нему — это было как-то в воскресенье вечером — на его казенную квартиру на Морской.

Я застал его в очень угнетенном настроении. Он только что получил очень резкую по тону записку от Государя, положительно требующую от него принятия «решительных мер к обузданию печати» и запрещению газетам печатать что-либо о Распутине. К этой записке была приложена написанная в еще более резких выражениях записка о том же от 10 декабря 1910 года на имя покойного

Столыпина, прямо упрекавшая последнего в слабости и бездеятельности в отношении печати и «очевидном нежелании остановить растлевающее влияние подбором возмутительных фактов».

Ясно, что покойный Столыпин, получив эту записку, имел по поводу ее объяснение с Государем, которое кончилось для него благоприятно, и Государь, никогда не выдерживавший прямых возражений, дал ему благоприятный ответ, а саму записку взял обратно. Макаров буквально не знал, что делать. Я посоветовал ему при первом же всеподданнейшем докладе объяснить Государю всю неисполнимость его требований, всю бесцельность уговоров редакторов не касаться этого печального места и еще большую бесцельность административных взысканий (запрещение розничной продажи и т. п.), только раздражающих печать и все общественное мнение и создающих поводы к разным конфликтам с правительством, и, наконец, полнейшую безнадежность выработки такого законопроекта о печати, о котором мечтали наши крайние правые организации и который должен был облечь правительство какими-то сверхъестественными полномочиями.

Я предварил его, что Государь уже заговаривал со мною об этом, и я высказал ему тогда же все эти мысли. Если бы доклад Макарова встретил недружелюбный прием, а тем более резкий отпор, я советовал ему просить об увольнении от должности.

Наш разговор перешел затем на распространяемые с ссылкою на Гучкова письма Императрицы и Великих Княжон, и мы оба высказали предположение, что письма апокрифичны и распространяются с явным намерением подорвать престиж верховной власти, и что мы бессильны предпринять какие бы то ни было меры, так как они распространяются не в печатном виде, и сама публика наша оказывает им любезный прием, будучи столь падкою на всякую сенсацию. Тут Макаров не обмолвился мне ни одним словом о происшедшем накануне или за два дня крупном скандале между Распутиным и его недавними друзьями и покровителями Саратовским епископом Гермогеном и знаменитым иеромонахом Илиодором, незадолго перед тем совместно посетившими меня по делу об издании Листков Почаевской Лавры. Не знал ли еще об этом Макаров или не хотел со мною говорить, но уже на следующий день, 17 января, при посещении нас разными людьми по случаю дня рождения моей жены только и было разговоров, что об этом скандале. Как всегда, сказки украшали свое повествование разными небылицами и преувеличениями, но затем сущность инцидента

стала общеизвестна во всей своей отвратительной неприглядности. Оказалось, что Гермоген вызвал к себе Распутина и принял его в своем Ярославском подворье на Васильевском острове в присутствии Илиодора. Оба они стали упрекать его в его развратной жизни, в его посещениях Царского Села и резко осуждали его за его поведение, говоря, что он губит Государя и его семью, что газетные статьи топчут в грязь то имя, которое должно быть священо для всех, и требовали от него клятвы, что он немедленно уедет к себе и деревню в село Покровское Тобольской губернии и больше оттуда не вернется. Распутин стал горячиться и браниться, Илиодор дал полную волю своему неукротимому нраву, брань перешла в драку и едва ли не закончилась бы удушением Распутина, если бы за него не заступился присутствовавший при сцене юродивый Митя Козельский. Распутин с трудом вырвался из рук своих приятелей, выбежал на улицу в растерзанном виде и стал рассказывать направо и налево, что его хотели оскотить. Гермоген тут же послал Государю телеграмму с просьбою об аудиенции, намереваясь раскрыть перед ним весь ужас создающегося положения, а тем временем покровители Распутина, а может быть, сам «старец», поспешили лично передать о всем случившемся. По крайней мере, уже 17 января днем Саблер получил от Государя телеграмму Гермогена с резкою собственноручною надписью, что приема дано не будет, и что Гермоген должен быть немедленно удален из Петербурга, и ему назначено пребывание где-нибудь подальше от центра. Смущенный всем случившимся, Саблер был у Макарова, потом приехал ко мне посоветоваться, что ему делать, и в тот же день поехал в Царское Село, пытаясь смягчить гневное настроение. Ему это не удалось. В тот же день, около 6 час. он сказал мне по телефону, что встретил решительный отказ, что все симпатии на стороне Распутина, на которого — как ему было сказано — «напали, как нападают разбойники в лесу, заманивши предварительно свою жертву в западню», что Гермоген должен немедленно удалиться на покой, в назначенное ему место, которое Саблер выбрал в одном из монастырей Гродненской губернии, где он будет, по крайней мере, «прилично помещен», а Илиодору приказано отправиться во Флорищеву пустынь около города Горбатова, где и пребывать, не выходя из ограды монастыря, и отнюдь не появляться ни в Петербурге, ни в Царицыне. Физического насилия над Илиодором, а тем более Гермогеном употреблять не позволено, во избежание лишнего скандала, но дано понять, что в случае послушания не остановятся и перед этим, так как не допускают возможности изменения твердо приня-

того решения и находят даже, что все явления последнего времени представляются естественным проявлением «слабости Столыпина и Лукьянова, которые не сумели укротить Илиодора, явно издевавшегося над властью».

Весь этот инцидент еще более приковал внимание Петербурга к личности Распутина.

Я нашел еще извлечение из письма неизвестного лица к архимандриту Троицко-Сергиевской Лавры Феодору, с рассказом о том, что в Москве открыто говорят, что в одной из типографий была приготовлена большая брошюра, разоблачающая Распутина, но явилась полиция, отобрала все напечатанные листы, рассыпала шрифт и уничтожила текст; что этим крайне раздосадована Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, которая читала эту брошюру и надеялась на то, что ее распространение прольет истинный свет на Распутина и отдалит его от Царского Села.

В течение наступившей недели удалось разыскать скрывшегося Илиодора. Его нашли недалеко от Петербурга, пробирающегося по Московскому тракту, посадили его в поезд, отвезли во Флорищеву пустынь и сдали «под начало» архимандриту монастыря.

На время инцидент оказался исчерпанным, но печать не унималась. Все описанные эпизоды переносились на газетные столбцы, которые не переставали твердить о роли Распутина, а члены Государственной Думы постоянно твердили о необходимости удалить его из столицы, чтобы положить конец всему возбуждению.

29 января, в воскресенье, в Зимнем Дворце был парадный обед по случаю приезда Черногорского короля. После обеда Государь долго разговаривал с Макаровым, как выяснилось потом, все по поводу Распутина, и вторично высказал ему свое неудовольствие на печать, опять требуя обуздать ее, и сказал даже: «Я просто не понимаю, неужели нет никакой возможности исполнить мою волю», и поручил Макарову обсудить со мною и Саблером, что следует предпринять. Тут впервые я оказался уже открыто пристегнутым к этой печальной истории. В то же самое время в концертном зале Императрица Александра Феодоровна разыскивала меня через гофмаршала графа Бенкендорфа и очень долго и крайне сердечно разговаривала со мною обо всем, о чем угодно, не упоминая ни словом, ни намеком на Распутина. Мой медовый месяц, видимо, еще не прошел, и я не предполагал, что всего через две недели ему наступит неожиданный и резкий конец. На следующий день, в понедельник 30 числа вечером у меня собрались Макаров и Саблер, чтобы обсудить, что можно сделать для исполнения поручения Государя. Нам не пришлось долго спорить. Я

опасался всего более осложнений со стороны Саблера, назначенного на обер-прокурорское место, конечно, не без влияния Распутина, успевшего провести в антураж Саблера и своего личного друга Даманского, назначенного незадолго перед тем на должность товарища обер-прокурора. По городу ходили даже слухи о том, что Распутин рассказывал всем и каждому, что Саблер поклонился ему в ноги, когда тот сказал ему, что «поставил его в оберы». Об этом говорил и Илиодор в его воспоминаниях, напечатанных под заглавием «Святой черт».

Ожидания мои, однако, не сбылись, Саблер прежде всего и самым решительным тоном заявил, что история Распутина подвергает Государя величайшей опасности и что он не видит иного способа предотвратить ее, как настаивать на отъезде его совсем в Покровское, и готов взять на себя почин не только повлиять в этом смысле на самого Распутина, но и доложить Государю самым настойчивым образом о том, что без этого ничего сделать нельзя. При этом Саблер поспешил оговориться, что ему не легко исполнять эту миссию по отношению к старцу, с которым у него «никаких сношений нет», но близкие его сослуживцы знакомы с ним и поэтому он надеется уговорить Распутина.

Всем нам казалось при этом, что для успеха дела важно привлечь на нашу сторону барона Фредерикса, преданность которого Государю, личное благородство и отрицательное отношение ко всякой нечистоплотности облегчало нам наше представление Государю.

В тот же вечер, около 12 час. мы поехали с Макаровым к Фредериксу. Саблер отказался нас сопровождать, сказавши, что его ждут с нетерпением его друзья, желающие узнать результаты нашего совещания.

С бароном Фредериксом наша беседа была очень коротка. Этот недалекий, но благородный и безупречно честный человек, хорошо понимал всю опасность для Государя распутинской истории и с полной готовностью склонился действовать в одном с нами направлении. Он обещал говорить с Государем при первом же свидании, и Макаров и я настойчиво просили его сделать это до наших очередных докладов — Макарова в четверг, а моего — в пятницу, так как к его докладу Государь отнесется проще, чем к нашему, будучи уже раздражен в особенности против Макарова за его отношение к печатным разоблачениям и, несомненно, недоволен и мною за то, что я высказал ему еще ранее те же мысли по поводу мер воздействия на печать.

В воскресенье 1 февраля вечером барон Фредерикс сказал мне по телефону по-французски: «Я имел длинный раз-

говор сегодня; очень раздражены и расстроены и совсем не одобряют нашу точку зрения. Жду Вас до пятницы».

Я приехал к нему в среду днем и застал старика в самом мрачном настроении. В довольно бессвязном пересказе передал он мне его беседу, которая ясно указывала на то, что Государь крайне недоволен всем происходящим, винит во всем Государственную Думу и, в частности, Гучкова, обвиняет Макарова в «непростительной слабости», решительно не допускает какого-то ни было принуждения Распутина к выезду и выразился даже будто бы так: «Сегодня требуют выезда Распутина, а завтра не понравится кто-либо другой и потребуют, чтобы и он уехал». На кого намекал Государь, Фредерикс так и не понял. Закончилась наша беседа тем, что барон Фредерикс все же выразив надежду, что Макарову и мне удастся уговорить Государя, а сам он предполагает переговорить лично с Императрицей. Доклад Макарова в четверг кончился ничем. При первых словах Макарова, посвященных Распутинскому инциденту, Государь перевел речь на другую тему, сказавши ему: «Мне нужно обдумать хорошенько эту отвратительную сплетню, и мы переговорим подробно при Вашем следующем докладе, но я все-таки не понимаю, каким образом нет возможности положить конец всей этой грязи».

Ту же участь имели и мои попытки разъяснить этот вопрос на следующий день — в пятницу. Я успел, однако, высказать подробно, какой страшный вред наносит эта история престижу императорской власти и насколько неотложно пресечь ее в корне, отнявши самые поводы к распространению невероятных суждений. Государь слушал меня молча, с видом недовольства, смотря по обыкновению в таком случае в окно, но затем перебил меня словами: «Да, нужно действительно пресечь эту гадость в корне, и я приму к этому решительные меры. Я Вам скажу об этом впоследствии, а пока — не будем больше об этом говорить. Мне все это до крайности неприятно». Скоро мне пришлось узнать, на что именно намекал Государь. Саблер скрыл от меня, что Государь приказал, ему достать из Синода дело по исследованию епископом Тверским, бывшим Тобольским, Антонием поступившего на Распутина обвинения в принадлежности его к секте хлыстов. Дознание на месте начато было производством местною епархиальною властью, приостановлено и затем передано для исследования епископу Антонию. Я этого дела не видал и содержания документов не знал. Но это дело, затребованное от Саблера, передано было Государем генерал-адъютанту Дедюлину, с повелением отвезти его к председателю Государственной Думы Родзянко для рас-

смотрения и представления затем непосредственно Государю его личного заключения. Передавая это дело и Высочайшее повеление Родзянко, Дедюлин прибавил на словах, что Его Императорское Величество уверен, что Родзянко вполне убедится в ложности всех сплетен и найдет способ положить им конец. Кто посоветовал Государю сделать этот шаг — я решительно не знаю; допускаю даже, что эта мысль вышла из недр самого Синода, но результат оказался совершенно противоположный тому, на который надеялся Государь.

М.В. Родзянко немедленно распространил по городу весть об «оказанной ему Государем чести», приехал ко мне с необычайно важным видом и сказал между прочим, что его смущает только одно: может ли он требовать разных документов, допрашивать свидетелей и привлекать к этому делу компетентных людей. Я посоветовал ему быть особенно осторожным, указавши на то, что всякое истребование документов и тем более расспросы посторонних людей составят уже предмет расследования, вызовут только новый шум и могут закончиться еще большим скандалом, между тем как из его собственных слов можно сделать только один вывод, что ему лично поручено только ознакомиться с делом и высказать его непосредственное заключение без всякого отношения к тому, какое направление примет далее этот вопрос по усмотрению самого Государя. Я прибавил, что во всяком случае я советовал бы ему сначала изучить дело, доложить Государю его личное заключение и только после этого доклада испросить разрешение на те или иные действия. Иначе он может нарваться на крупную неприятность и скомпрометировать то доверие, которое оказано монархом председателю Государственной Думы.

Родзянко, по-видимому, внял голосу, но так как он все-таки сознавал, что справиться один с таким делом не может, то привлек к нему членов Думы Шубинского и Гучкова, и они втроем стали изучать дело и составлять всеподданнейший доклад. Ни дела, ни доклада я не видел, но шум и пересуды около него не унимались. Родзянко рассказывал направо и налево о возложенном на него поручении и, не стесняясь, говорил, что ему суждено его докладом спасти Государя и Россию от Распутина, носился со своим «поручением», показал мне однажды две-три страницы своего чернового доклада, составленного в самом неблагоприятном для Распутина смысле, и ждал лишь окончательной переписки его и личного своего доклада у Государя. Как видно будет дальше, его соображениям не суждено было сбыться и едва не произошло даже крупной неприятности.

Под влиянием всех рассказов Родзянко толки и сплетни не только не унимались, но росли и крепи. Приближалось обсуждение в Общем собрании росписи на 1912 год, и опять Распутинский вопрос вырос во весь рост. Еще до начала общих прений по бюджету (28 февраля) предварительное рассмотрение сметы Синода в Бюджетной комиссии выросло в целое событие: Гучков, Владимир Львов (думский кандидат в обер-прокуроры), Милюков, Сергей Шидловский и многие другие приняли участие в дебатах, и медовые речи Саблера не притупили стрел их злобы и печального для России остроумия. Среди этой атмосферы напряженности я получил в понедельник 12 февраля через Е.А. Нарышкину приглашение к Императрице Марии Феодоровне. 1 1/2-часовая беседа, веденная утром 13 февраля, была целиком посвящена все тому же Распутину. На вопрос Императрицы, я доложил ей с полной откровенностью все, что знал, не скрыл ничего и не смягчал никаких крайностей создавшегося грозного положения, вынесшего на улицу интимную жизнь царской семьи и сделавшего самые деликатные стороны этой жизни предметом пересудов всех слоев населения и самой беспощадной клеветы. Императрица горько плакала, обещала говорить с Государем, но прибавила: «Несчастливая моя невестка не понимает, что она губит и династию и себя. Она искренно верит в святость какого-то проходимца, и все мы бессильны отвлечь несчастье».

Ее слова оказались пророческими.

В тот же самый день я был поражен получением письма от Распутина, содержавшего в себе буквально следующее: «Собираюсь уехать совсем, хотел бы повидаться, чтобы обменяться мыслями, обо мне теперь много говорят — назначьте когда. Адрес: Кирочная 12, у Сазонова». Своеобразная орфография, конечно, мною не удержана. Первое движение мое было вовсе не отвечать на письмо и уклониться от этого личного знакомства. Но подумавши, я решил все-таки принять Распутина как потому, что положение председателя совета обязывало меня не уклоняться от приема человека, взбудоражившего всю Россию, так и потому, что при неизбежном объяснении с Государем мне важно было сослаться на личное впечатление. Не без влияния было и мое опасение вызвать неудовольствие со стороны Государя за то, что я не принял человека, просившего быть принятым. Теплилась у меня и надежда на возможность доказать этому человеку, какую яму роет он царю и его власти тем, что повсюду растут и углубляются слухи о его близости к Царскому Селу.

Решившись на этот шаг, я просил зятя моего Мамантова, давно знавшего Распутина, присутствовать при на-

шей встрече, для того, чтобы был свидетель ее, имеющий возможность в случае надобности, подтвердить то, что происходило, или опровергнуть неизбежные небылицы. Я назначил прием вечером в среду, 15 февраля, довольно поздно, так как провел весь день в думской Бюджетной комиссии. Эта первая встреча оставила во мне самое тягостное впечатление. Впоследствии, уже в 1915 году, во время тяжкой, предсмертной болезни Мамантова, я встретил Распутина во второй и последний раз на квартире покойного, но прошел молча мимо него. Я говорю здесь после многих лет, протекавших с того времени, что всякие рассказы о том, что Распутин знал меня раньше, — суть чистейшая выдумка или злонамеренная ложь. Лжет и Илиодор в своих воспоминаниях «Святой черт», говоря от имени Распутина или своего собственного, что я знал этого человека раньше. Я его никогда до того не видел, и к чести покойного моего зятя Мамантова должен сказать, что и он не только не настаивал, но даже никогда не предлагал мне устроить встречу, всегда одобряя мою полную отчужденность от подобных искательств и только частенько в шутку говорил: «Эх, генерал (так он всегда обращался ко мне в шутку), не удержишься ты на своей власти при твоей чистоплотности, не такое теперь время», а когда я возражал ему, что и сам он на предложение Распутина, быть назначенным не то обер-прокурором Синода, не то министром народного просвещения, всегда открепивался от такого назначения, он отвечал мне: «Я — другое дело, я — не для высоких постов, да и не стоит их занимать, все равно долго не удержишься».

Когда Распутин вошел ко мне в кабинет и сел на кресло, меня поразило отвратительное выражение глаз. Глубоко сидящие в орбите, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они были пристально направлены на меня, и Распутин долго не сводил их с меня, точно он думал произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие или же просто изучал меня, видевши меня впервые. Затем он резко закинул голову вверх и стал рассматривать потолок, обводя его по всему карнизу, потом потупил голову и стал упорно смотреть на пол и все время молчал. Мне показалось, что мы бесконечно долго сидим в таком бессмысленном положении, и я наконец обратился к Распутину, сказавши ему: «Вот Вы хотели меня видеть, что же именно хотели Вы сказать мне? Ведь так можно просидеть и до утра».

Мои слова, видимо, не произвели никакого впечатления. Распутин как-то глупо, деланно, полуидиотски ослабил, пробормотал: «Я так, я ничего, вот просто смотрю, какая высокая комната» и продолжал молчать и,

закинувши голову кверху, все смотрел на потолок. Из этого томительного состояния вывел меня приход Мамантова. Он поцеловался с Распутиным и стал расспрашивать его, действительно ли он собирается уехать домой. Вместо ответа Мамантову Распутин снова уставился на меня в упор своими холодными, пронзительными глазами и проговорил скороговоркой: «Что ж, уезжать мне, что ли? Житья мне больше нет и чего плетут на меня!» Я сказал ему: «Да, конечно, Вы хорошо сделаете, если уедете. Плетут ли на Вас, или говорят одну правду, но Вы должны понять, что здесь не Ваше место, что Вы вредите Государю, появляясь во дворце и в особенности рассказывая о Вашей близости и давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок и заключений». «Кому я что рассказываю, все врут на меня, все выдумывают, нешто я лезу во дворец, зачем меня туда зовут!» — почти завизжал Распутин. Но его остановил Мамантов своим ровным, тихим, вкрадчивым голосом: «Ну, что греха таить, Григорий Ефимович, вот ты сам рассказываешь лишнее, да и не в том дело, а в том, что не твое там место, не твоего ума дело говорить, что ты ставишь и смещаешь министров, да принимать всех, кому не лень идти к тебе со всякими делами да просьбами, и писать о них кому угодно. Подумай об этом хорошенько сам и скажи по совести, из-за чего же льнут к тебе всякие генералы и большие чиновники, разве не из-за того, что ты берешься хлопотать за них? А разве тебе даром станут давать подарки, поить и кормить тебя? И что же прятаться — ведь ты же сам сказал мне, что поставил Саблера в обер-прокуроры, и мне же ты предлагал сказать царю про меня, чтобы выше меня поставил. Вот тебе и ответ на твои слова. Худо будет, если ты не отстанешь от дворца, и худо не тебе, а царю, про которого теперь плетет всякий, кому не лень языком болтать».

Распутин во все время, что говорил Мамантов, сидел с закрытыми глазами, не открывая их, опустивши голову, и упорно молчал. Молчали и мы, и необычайно долго и томительно казалось это молчание. Подали чай. Распутин забрал пригоршню печенья, бросил его в стакан, уставился опять на меня своими рысьими глазами. Мне надоела эта попытка гипнотизировать меня, и я ему сказал просто: «Напрасно Вы так упорно глядите на меня, Ваши глаза не производят на меня никакого действия, давайте лучше говорить просто и ответьте мне, разве не прав Валерий Николаевич (Мамантов), говоря Вам то, что он сказал?» Распутин глупо улыбнулся, заерзал на стуле, отвернулся от нас обоих в сторону и сказал: «Ладно, я уеду, только уж пущай меня не зовут обратно, если я такой худой, что царю от меня худо». Я собирался было перевести разговор на другую тему. Стал рас-

спрашивать Распутина о продовольственном деле в Тобольской губернии — в тот год там был неурожай, он оживился, отвечал очень здраво, толково и даже остроумно, но стоило только мне сказать ему «Вот, так-то лучше, говорить просто, можно обо всем договориться», как он опять съезжился, стал закидывать голову или опускал ее к полу, бормотал какие-то бессвязные слова «ладно, я худой, уеду, пущай справляются без меня, зачем меня зовут сказать то, да другое, про того, да про другого...» Долго опять молчал, уставившись на меня, потом сорвался с места и сказал только: «Ну, вот и познакомились, прощайте» и ушел от меня. Мы остались с Мамантовым вдвоем, пришла в кабинет жена и стала меня расспрашивать о моих впечатлениях. Помню хорошо и теперь то, что я сказал тогда по горячим следам, что повторил через день Государю и повторяю себе и теперь. По-моему, Распутин типичный сибирский варнак, бродяга, умный и выдрессировавший себя на известный лад простеца и юродивого и играющий свою роль по заученному рецепту.

Во внешности ему не доставало только арестантского армяка и бубнового туза на спине.

По замашкам — это человек способный на все. В свое кривляние он, конечно, не верит, но выработал себе твердо заученные приемы, которыми обманывает как тех, кто искренно верит всему его чудачеству, так и тех, кто надувает его самого своим преклонением перед ним, имея на самом деле в виду только достигнуть через него тех выгод, которые не даются иным путем.

На следующий день, в четверг 16 февраля, у нас был музыкальный вечер с большим количеством приглашенных. В числе последних был и В.Н. Мамантов. Улучивши свободную минуту, он сказал мне: «А ведь миленький, — так называл он Распутина, подражая его привычке говорить всем «милóй, миленькóй», — уже доложил в Царском Селе о том, что был у тебя, и что ты уговаривал его уехать в Покровское, и на вопрос мой (по телефону), как же там отнеслись к этому совету и намерен ли он уехать, Распутин ответил: «Что сказал, то я и сделаю, а только там серчают, говорят, зачем суются куда не спрашивают, кому какое дело, где я живу, ведь я не арестант».

Это сообщение убедило меня в том, что мне следует на утро же самому доложить о непрошенном визите и передать обо всем, что произошло, чтобы не давать повода обвинять меня в каком бы то ни было действии за спиной.

Я так и поступил. Обычный мой доклад шел своим обычным ходом, все одобрялось и утверждалось, настроение было самое благодушное, и ничто не указывало на то, что было малейшее неудовольствие на меня.

Я спросил Государя, могу ли я задержать его еще на несколько минут докладом одного вопроса, не имеющего прямого отношения к делам министерства или Совета министров, и получил ответ: «Сколько угодно, так как до парада кадетского корпуса осталось еще более получаса, и я нисколько не тороплюсь».

Я передал в самой большой точности все, что произошло за последние дни, начиная с получения мною письма 13 числа с просьбою о приеме, показал это письмо, в устранение предположения, что я сам вызвал Распутина на свидание, и повторил во всех подробностях всю происходившую между нами в присутствии постороннего человека беседу, не скрывши от Государя высказанного мною Распутину, что все разговоры, основанные на его же поведении и на собственных его рассказах относительно посещения им Двора, указывающие на какую-то близость его к Высочайшим особам, наносят величайший вред Государю и всей его семье, так же, как не скрыл я и того, что у меня осталось впечатление, что Распутин сам это отлично понимает и, видимо, вполне искренно сказал мне, что хочет уехать в деревню и больше не показываться на глаза. Государь ни разу не прервал меня и только, когда я кончил мой рассказ, спросил меня: «Вы не говорили ему, что вышлете его, если он сам не уедет?» и получивши мой ответ, что помимо отсутствия у меня всякого права выслать кого бы то ни было, у меня не было и повода грозить Распутину высылкою, так как он сам сказал, что давно хотел уже уехать, чтобы «газеты перестали лаяться», Государь сказал мне, что он этому рад, так как ему говорили, что будто бы я и Макаров решили удалить Распутина, даже не доложивши предварительно об этом ему, так как ему «было крайне больно, чтобы кого-либо тревожили из-за нас».

Потом Государь спросил меня: «А какое впечатление произвел на Вас этот «мужичок»?»

Я ответил, что у меня осталось самое неприятное впечатление, и мне казалось во все время почти часовой с ним беседы что передо мною типичный представитель сибирского бродяжничества, с которым я встречался в начале моей службы в пересыльных тюрьмах, на этапах и среди так называемых «не помнящих родства», которые скрывают свое прошлое, запятнанное целым рядом преступлений, и готовы буквально на все во имя достижения своих целей. Я сказал даже, что не хотел бы встретиться с ним наедине, настолько отталкивающа его внешность, неискренни заученные им приемы какого-то гипнотизерства и непонятны его юродства, рядом с совершенно простым и даже вполне толковым разговором на самые

обыденные темы, но которые также быстро сменяются потом опять таким же юродством.

Чтобы не дать повода обвинять меня в предвзятости и преувеличении, я сказал Государю, что, осуждая Распутина за его стремление выставлять напоказ его встречи с теми, кто оказывает ему милость, я еще более осуждаю тех, кто ищет его покровительства и старается устраивать свои делишки, пользуясь его кажущимся влиянием. Во все время моего доклада Государь упорно молчал, смотрел большею частью в сторону, в окно, — признак того, что весь разговор ему неприятен, а когда я кончил и сказал, что я считал своим долгом лично доложить, как было дело, и предупредить новые легенды, столь охотно распускаемые досужими вестовщиками, Государь сказал мне, что он очень дорожит такой откровенностью, но должен сказать мне, что лично почти не знает «этого мужичка» и видел его мельком, кажется, не более двух-трех раз и притом на очень больших расстояниях времени.

На этом и кончилась вся наша беседа, и более я ни разу не имел случая говорить с Государем о Распутине, несмотря на то, что до моей отставки прошло еще ровно два года.

По окончании моего всеподданнейшего доклада я вышел в переднюю одновременно с Государем. Он быстро одел легкое пальто, несмотря на то, что день был ясный, но морозный, и, спускаясь с лестницы, чтобы сесть в поданные ему сани и ехать в Большой Дворец на смотр кадетского корпуса, шутливо даже извинился передо мною, что его экипаж подан раньше моего.

Вернувшись домой и наскоро позавтракавши, я сел за обычные занятия, сдал моему секретарю Л.Ф. Дорлиаку всеподданнейшие доклады и стал принимать по очереди ожидавших меня людей.

Около 4 часов Валерий Николаевич Мамонтов позвонил ко мне по телефону и сказал с его обычными прибаутками, что «здесь» (то есть нужно понимать на Гороховой у Распутина) уже известно о моем докладе и даже доподлинно известно, что кто-то (тот же Распутин) мне очень не понравился, что я отозвался очень неодобрительно о нем, я будто бы говорил то же самое, что сказал и лично ему, при нашем свидании во вторник, насчет вреда его посещений Царского Села, и что телефонная беседа закончилась таким финалом: «Вот он какой, твой-то, ну что же, пущай; всяк свое знает».

На мое замечание, что меня удивляет, с какою быстротою пошла сюда весть из Царского о моем докладе, Валерий Николаевич шутливо заметил, что тут «ничего удивительного нет, довольно было времени посмотреть на кадетов, а затем за завтраком рассказать все по порядку,

ну, а потом долго ли вызвать Вырубову, сообщить ей, а она сейчас же к телефону, и готово дело».

Меня все это крайне удивило: я видел ясно, что влияние этого человека велико и что мне необходимо быть особенно осторожным, и я стал нетерпеливо ждать, как будут развиваться события, которые обострялись день ото дня.

Распутин на следующей неделе действительно выехал. Печать подхватила это известие, а в «Речи» появилась даже заметка, сочувственно относящаяся к моему будто бы распоряжению о высылке его, хотя я никакого распоряжения не давал; я ждал, чем выразится это на моем ближайшем докладе.

Государь не сказал ни слова, его отношение ко мне оставалось тем же неизменно ласковым, милостивым и доверчивым, но среди приближенных замечалась большая тревога. Граф Бенкендорф спрашивал меня два раза в течение недели, где находится Илиодор, что стало с Гермогеном, правда ли, что я удалил Распутина, и можно ли быть уверенным, что он не вернется.

Насчет Распутина и Гермогена я мог дать точный ответ, но про Илиодора я знал только, что после его исчезновения из города его нашли где-то на поле, недалеко от Любани, пробиравшимся пешком в сторону Москвы, вернули в Петербург и затем благополучно доставили в монастырь и никаких других сведений у меня больше не было.

В ближайшие же дни после описанных событий мне пришлось принять участие еще в одном крайне щекотливом деле, а именно о распространенных А.И. Гучковым гектографированных копиях писем Императрицы Александры Федоровны и Великих Княжон к Распутину, по-видимому, от 1910 года, а может быть, и от более раннего времени.

Подлинных писем я тогда не видал и не знал, откуда попали они к Гучкову, и каким образом мог он иметь копии с них. Содержание письма Императрицы, в особенности некоторые выражения его, вроде врезавшегося в мою память выражения: «Мне кажется, что моя голова склоняется, слушая тебя, и я чувствую прикосновение к себе твоей руки», конечно, могли дать повод к самым непозволительным умозаключениям, если воспроизвести их отдельно от всего изложения, но всякий, кто знал Императрицу, искупившую своею мученическою смертью все ее вольные и невольные прегрешения, если они даже и были, и заплатившую такую страшную цену за все свои заблуждения, тот хорошо знает, что смысл этих слов был весьма иной. В них сказалась вся ее любовь к больному сыну, все Ее стремление найти в вере в чудеса последнее

средство спасти его жизнь, вся экзальтация и весь религиозный мистицизм этой глубоко несчастной женщины, прошедшей вместе с горячо любимым мужем и нежно любимыми детьми такой поистине страшный крестный путь.

Еще в конце января этого года, как-то вечером Макаров позвонил ко мне по телефону и сказал, что ему нужно посоветоваться со мною, но по нездоровью он не выходит из дома. Я пошел к нему на Морскую и узнал от него, что он напал на след подлинного письма Императрицы к Распутину и при нем еще 4 письма к нему же Великих Княжон, что эти письма находятся в руках одного человека, мне да и ему, Макарову, совершенно неизвестного, получившего их из рук какой-то женщины, пробравшейся в монастырь к Илиодору, который передал их ей из опасения, что их могут отобрать у него при обыске. По словам Макарова, женщина эта объяснила, что Илиодор получил эти письма непосредственно от Распутина, в бытность его в гостях у него в селе Покровском летом, по-видимому, еще 1910 года, когда оба они были еще в величайшей дружбе. Илиодор рассказал этой женщине, что Распутин вовсе не хвастался этими письмами, а просто показал их ему, а затем разрешил даже Илиодору, взять их только потому, что этот последний усомнился вообще в их существовании, предполагая, что Распутин рассказывал о своей близости ко Двору только для того, чтобы втирать очки темным людям.

Макарова чрезвычайно заботил вопрос о возможности изъять эти письма из обращения, так как он опасался, что появление их в фотографированном виде могло породить еще больший скандал, нежели печатные копии, и он просил моей помощи в этом деле. Мы условились, что Макаров постарается сначала подействовать на обладателя этих писем уговором и убеждением в необходимости изъять их из обращения, затем, если это не подействует, постарается купить их, для чего я согласился открыть необходимый кредит, если же и это не поможет, то мы условились, что он будет изыскивать всякие иные способы.

Три-четыре дня после этого нашего свидания Макаров, все еще не выходявший из дома, опять попросил меня прийти к нему и сказал, что письма у него, что ему удалось достать их без особого труда, так как человек, в руках которого они находились, оказался вполне порядочным и после первых же слов согласился отдать их, понимая всю опасность хранения их, и сказал даже, намекая на бывших друзей Распутина — Илиодора и других: «Эти люди не задумаются просто задушить меня, если я их не отдам по их требованию». Макаров дал

мне прочитать все письма. Их было 6. Одно сравнительно длинное письмо от Императрицы, совершенно точно воспроизведенное в распространенной Гучковым копии; по одному письму от всех четырех Великих Князей, вполне безобидного свойства, написанных, видимо, под влиянием напоминаний матери, и почти одинакового свойства. Они содержали в себе, главным образом, упоминание о том, что они были в церкви и все искали его, не находя его на том месте, где они привыкли его видеть, и одно письмо, или вернее листок чистой почтовой бумаги малого формата с тщательно выведенною буквою «А» маленьким Наследником.

Мы стали разбираться с Макаровым, что ему делать с этими письмами. Первое его побуждение было просто спрятать их, чтобы они не попали в чьи-либо руки, но я это решительно отсоветовал ему, говоря, что его могут заподозрить в каких-либо недобрых намерениях. Затем он высказал намерение передать их Государю, против чего я также категорически возразил, говоря, что этим он поставит Государя в крайне щекотливое положение и навредит себе в лице Императрицы непримиримого врага, так как Государь не замедлит сказать ей о получении писем, и Императрица не простит ему этого поступка.

Я советовал Макарову попросить у Императрицы личную аудиенцию непосредственным и притом собственноручным письмом и передать ей письма из рук в руки, сказавши ей совершенно открыто, как попали они к нему.

Макаров обещал последовать моему совету, но поступил как раз наоборот. На следующем же всеподданнейшем своем докладе, имея эти письма под рукой и заметивши, что Государь находится в отличном настроении духа, Макаров рассказал ему всю историю этих писем и вручил конверт с ними Государю.

По собственному его рассказу, Государь побледнел, нервно вынул письма из конверта, и взглянувши на почерк Императрицы, сказал: «Да, это не поддельное письмо», а затем открыл ящик своего стола и резким, совершенно непривычным ему, жестом швырнул туда конверт.

Мне не оставалось ничего другого, как сказать Макарову: «Зачем же Вы спрашивали моего совета, чтобы поступить как раз наоборот, теперь Ваша отставка обеспечена». Мои слова сбылись очень скоро.

...Замкнутая, строгая к себе и к людям, сдержанная в своих личных отношениях к ним, Императрица относилась вообще с большим недоверием и даже с известною подозрительностью к окружающим, за исключением тех, кого она допускала в непосредственную свою близость и

надеяла их, в таком случае, своим полным доверием. В этом случае она уже не знала ему пределов. Но стоило и тем, кого она допускала в свое «Святая Святых», в чем-либо, как ей казалось, нарушить оказанное им доверие или, в особенности, отнестись отрицательно, а тем более с неодобрением к тому, чем Императрица особенно дорожила или считала своим личным делом, как самое близкое лицо становилось чужим, безразличным, и отношение с ним порывалось окончательно. Примеры родной сестры Императрицы, Великой Княгини Елизаветы Федоровны, вдовы Великого Князя Сергея Александровича, и Княгини З.Н. Юсуповой-Сумароковой-Эльстон служат лучшим тому доказательством. Стоило и той и другой выразить их мнение о вреде появления при Дворе Распутина, как самая нежная дружба многих лет этих дам с Императрицею совершенно порвалась и уступила место полному отчуждению

Вне своих близких людей, Императрица Александра Федоровна не любила ни петербургской придворной среды, ни так называемого высшего петербургского общества. Московских округов она почти не знала и, во всяком случае, в близости к ним не находилась. Она считала даже петербургскую высшую среду непосредственно враждебною себе и делавшею резкое различие в своих отношениях к ней и к вдовствующей Императрице Марии Федоровне.

На самом деле этого не было, да и быть не могло.

В начале царствования Императора Николая II общество мало знало молодую Императрицу, тогда как вдовствующую Императрицу оно знало перед тем уже 30 лет (Императрица мать прибыла в Россию в 1866 году). Ее давно успели полюбить за ее приветливость, за простоту, за ласку в обращении, за ее доступность. Многие выросли вместе с нею, других она знала детьми и ласкала; немалое количество людей встречалось с нею в благотворительной деятельности. Молодой Императрицы не знали, и ее нелегко было узнать. Она мало принимала, чему мешали также и ее частые болезни. Вся ее жизнь сосредоточилась на семье и на детях, уходу и воспитанию которых она отдала всю свою нежность и большое количество времени. Ее вообще мало видели, и доступ к ней был не легок.

Но допустить, чтобы в столичном обществе было отрицательное, а тем более враждебное к ней отношение, — это было совершенно несправедливо, тем более, что весь придворный круг, вся родовая и служилая аристократия только и ждала, чтобы для нее открылись двери нового Двора и уже, конечно, вне всяких принципиальных предпочтений кому-либо, была бы только рада иметь доступ

к новому, естественно, более близкому к деятельности и влиянию, центру своих ожиданий.

Следует сказать, что и в выборе своего непосредственного приближения Императрица не была счастлива. Нельзя назвать ни одного лица, которое при всей своей действительной или кажущейся преданности, было в состоянии достаточно глубоко и авторитетно осветить ей окружающие ее условия и хотя бы предостеречь от последствий неправильной оценки этих событий и людей ее времени.

Одни из узкого личного расчета либо из опасений утратить то положение, которое выпало на их долю, другие по неумению анализировать окружающие их условия или по складу их ума сами не отдавали себе отчета в том, что происходило кругом них, третьи, наконец, потому, что искренно сами верили в то, что составляло сущность взглядов Императрицы, — но все они хором, и отличаясь в одних подробностях, только укрепляли ее в избранном пути и приносили ей каждый откуда мог то все новые и новые сведения о распространяющемся неудовольствии на нее, и всегда с указанием, от кого оно идет, то передавали новые, неведомо также откуда взятые слухи о том, что будто бы от нее и Государя все ждут, когда же, наконец, будут приняты меры к прекращению соблазна, давно смущающего преданных монарху и монархии людей.

Среди таких условий и на почве приведенных особенностей в основных взглядах Императрицы произошли события, описанные мною, в конце 1911 и в начале 1912 года.

Всего два месяца с небольшим спустя после кончины Столыпина и назначении моем на пост председателя Совета министров, когда я только что видел очевидные знаки внимания со стороны самой Императрицы, когда несомненно с ее ведома я был назначен председателем Совета министров, а затем мне были посланы из Ливадии открытые телеграммы с выражением полного одобрения за мои первые выступления в Государственной Думе, началась в самой острой форме кампания в той же Думе и в печати против Распутина.

Государь отнесся к ней с совершенно несвойственным ему раздражением, но в отношении меня он был по-прежнему милостив, ни разу не выразил мне ни малейшего неодобрения и говорил только, что тон печати недопустим, и его давно занимает вопрос о том, нет ли каких-либо способов положить конец такому явлению. Приведенные мною в своем месте объяснения мои о том, что правительство безоружно против таких явлений, по-видимому, показали ему сначала убедительными, и когда с тем же вопросом он обратился вскоре к министру внутренних дел Макарову и получил тождественные со мной разъяснения,

Государь реагировал на них также совершенно спокойно, по крайней мере, по внешности. Императрица также ничем не проявила открыто своего отношения ко мне и даже продолжала, как и незадолго перед тем, проявлять мне несомненные знаки особого ее внимания. Пример отношения ко мне на дворцовом Собрании в конце января 1912 года также приведен мною.

Все резко изменилось разом после посещения меня Распутиным 15 февраля и доклада моего о нем Государю. С этого дня следует считать мое удаление неизбежным. Государь оставался еще целые два года внешне прежним, милостивым ко мне. Императрица же изменила свое отношение, можно сказать, с первого дня после того, что я доложил Государю о посещении меня Распутиным. Вопрос с письмами, распространяемыми Гучковым, инцидент с передачею этих писем Макаровым Государю, поручение рассмотреть дело прежнего времени о Распутине, возложенное на Родзянко, и многое другое, уже описанное мною, все это были лишь дополнительные подробности, но главное сводилось, бесспорно, к шуму, поднятому печатью и думскими пересудами около имени Распутина, и в этом отношении визит последнего ко мне 15 февраля и мое отрицательное отношение к посещениям «старцем» Двора сыграли решающую роль.

Без сделанного мною выше анализа характера и взглядов Императрицы такой вывод может показаться непонятным. С точки зрения этого анализа, многое делается не только понятным, но представляется даже неизбежным.

Императрица была глубоко оскорблена тем шумом, который подняла Дума и печать вокруг Распутина и его кажущейся близости ко Двору.

Ее моральная чистота, ее понятие о престиже Царской власти и неприкосновенности ореола ее неизбежно влекли ее к тому, чтобы отнестись к этому не иначе, как с чувством величайшей остроты и даже обиды. На ее верование в то, что каждому дано право искать помощи от Бога там, где он может ее найти, на ее искание утешения в величайшем горе, которое постигло Государя и ее в неизлечимой болезни их Наследника, их единственного сына и продолжателя династии, на их надежду найти исцеление в чуде, доступном только Богу, там, где наука открыто бессильна, — совершенно, по ее понятию, самое грубое нападение, и святость их домашнего очага сделалась предметом пересуд печати и думской трибуны.

Нужно было искать способов прекратить это покушение и найти тех, кто допустил его развиться до неслыханных размеров. Считаться с Гучковым не стоит. Он давно зачислен в разряд врагов царской власти. Макаров — слаб,

и как человек способный мыслить только с точки зрения буквы писанного закона должен быть просто удален.

Но виноват более всех, конечно, председатель Совета министров. Еще так недавно казалось, что он — человек преданный Государю, что угодничество перед Думою и общественными кругами ему несвойственно, а на самом деле он оказывается таким же, как все, — способным прислушиваться к непозволительным рассказам и молчаливо, в бездействии, относиться к ним. Вместо того, чтобы использовать, дарованное ему Государем влияние на дела и на самое Думу, он заявляет только, что не в силах положить конец оскорбительному безобразию и ограничивается тем, что ссылается на то, что у него нет закона, на который он мог бы опереться. Вместо того, чтобы просто приказать хотя бы именем Государя, и тогда его не могут не послушаться, он только развивает теорию о том, что при существующих условиях нельзя получить в руки способы укрощения печати. Вместо того, чтобы прямо сказать председателю Думы Родзянко, что Государь ожидает от него прекращения этого безобразия, он ничего не делает и все ждет, когда оно само собою утихнет.

Такой председатель [Совета министров] не может более оставаться на месте; он более не царский слуга, а слуга всех, кому только угодно выдумывать небылицы на царскую власть и вмешиваться в домашнюю жизнь царской семьи.

Со мною об этом, разумеется, не говорят, но в окружении об этом только и идет речь, и слышатся все новые подтверждения моей близости к тому же Гучкову или моим, на деле никогда не происходившим, свиданиям с Родзянко, во время которых постепенно развивается будто бы одна и та же тема — о необходимости высылки Распутина и удалении его от доступа к Государю. Отсюда только один шаг до того, чтобы открыто, на виду у всех на вокзале в Царском Селе, в марте 1912 года и при торжественном приеме в Ливадии в апреле того же года выразить мне прямое нежелание видеть меня, и неизбежность моего увольнения становилась поэтому, естественным образом, только вопросом времени. Таков был ход мышления Императрицы Александры Федоровны, как я его понимаю, и каким он должен был быть по свойствам ее природы.

Как реагировал Государь на это, мне, разумеется, не известно. То, что происходило внутри царской семьи, осталось в ней самой. Лично Государь никогда не высказывал своих взглядов при посторонних лицах, даже пользовавшихся милостью его и Императрицы, но среди этих близких людей описанные суждения составляли постоянно предмет нескончаемого обмена мыслей, до той

поры, когда решение об увольнении меня было принято наконец, ровно два года спустя после того, что я сделал мой доклад о посещении меня Распутиным.

Много лет прошло с той поры, и не раз из числа бывших близких людей, переживавших, как и я, все события, выпавшие на нашу долю с того времени, многие открыто излагали при мне все те же взгляды о моей ответственности за то, что не были приняты меры к укрощению печати и к ограждению власти Государя от похода на нее сил разрушения. Я слышал даже прямое обвинение меня в том, что я не умел оперировать теми способами, которые были в руках моих, как министра финансов. В этом отношении я оказался, действительно, крайне неумелым.

К чести людей, оставшихся на этой точке зрения, я должен сказать, что они высказывали ее и потом, в эмиграции, с тем же убеждением и совершенно бескорыстно, как и тогда, когда они вторили настроению влиятельной среды. Сущность такого положения от этого нисколько, однако, не изменяется.

С.П.БЕЛЕЦКИЙ



ГРИГОРИЙ РАСПУТИН



С.П.Белецкий. «Григорий Распутин»
Петроград, «Былое», 1923 г.

Степан Петрович Белецкий (1873—1918), и.г. директора Департамента полиции (1912—1915), товарищ министра внутренних дел (1915—1916), иркутский генерал-губернатор.

Во время моего нахождения на посту товарища министра мне пришлось очень близко войти в соприкосновение и особо считаться с влиянием покойного старца крестьянина с. Покровского, Тюменского у., Тобольской губ. Распутина, переменившего впоследствии свою фамилию, с соответствующего разрешения, на «Новых». Так как я свои сношения с ним и с его большой почитательницей А.А. Вырубовой продолжал до смерти Распутина, а с А.А. Вырубовой не прерывал знакомства до последних дней (до заболевания ее корью), то я свою исповедь разобью на три периода и начну со времени моего директорства.

До назначения моего директором, когда я был вице-директором при П.А. Столыпине, мне не пришлось ни в служебной, ни в частной моей жизни сталкиваться с Распутиным, но в этот период его имя начало просачиваться в средние круги петроградского общества, так как он был принят во дворце великого князя Николая Николаевича его супругою и им самим, бывал в великосветских гостиных, был близок к семье графа С.Ю. Витте, — которого он до конца своей жизни вспоминал с особой теплотой и которого он при жизни графа, как он мне сам говорил, неоднократно хвалил в высоких сферах, мечтал об обратном его возвращении к власти, и. познакомил уже с А.А. Вырубовой. В первых шагах Распутина в Петрограде, кроме ректора академии епископа Феофана, разочаровавшегося в нем впоследствии, и тех великосветских кружков, которые интересовались церковными вопросами, куда его ввел епископ Феофан, особую поддержку ему оказывал и предоставлял ему у себя жить Г.П. Сазонов, охладивший свои отношения к нему впоследствии, когда Распутин изменил свой образ жизни.

Наблюдение за Распутиным в это время, то есть при П.А. Столыпине, вел П.Г. Курлов, товарищ министра внутренних дел. В чем оно выразилось, следов в департаменте полиции не осталось, но, со слов Распутина, я знаю, что последний с того времени знаком с П.Г. Курловым. При

А.А. Макарове¹, когда я вступил в должность директора, и до моего оставления этой должности, я лично также с ним знаком не был, как и А.А. Макаров, и Золотарев² избегали возможности с ним познакомиться и не желали этого и впоследствии. Что касается Н.А. Маклакова³ и генерала Джунковского⁴, то Н. А. Маклаков был в хороших отношениях с Распутиным; не знаю, как он познакомился, но думаю, что через покойного князя Мещерского⁵, знавшего Распутина и относившегося к нему с почтением еще тогда, когда он не относился к нему отрицательно-демонстративно, несмотря даже на то, что к концу моего директорства влияние Распутина можно было считать прочно установившимся.

Выступление А.И. Гучкова с кафедры Государственной Думы по поводу влияния Распутина повлекло за собой: 1) принятие мер к охране его личности, в силу полученных указаний свыше министром А.А. Макаровым, 2) воспрещение помещения в прессе статей о нем и 3) наблюдение за Гучковым, которое потом мною, при назначении генерала Джунковского, было снято. Вместе с тем А.А. Макаровым было предложено мне и несение охраны жизни Распутина. В силу этого мною с полковником Коттенем⁶ был разработан план охраны, сводившийся к командированию развитых и конспиративных филеров, коим было поручено, кроме охраны Распутина, тщательно наблюдать за его жизнью и вести подробный филерский дневник, который к моменту оставления мною должности представлял собой в сделанной сводке с выяснением лиц, входивших в соприкосновение с Распутиным, весьма интересный материал к обрисовке его, немного односторонне, не личности, а жизни. Затем в село Покровское был командирован филер на постоянное жительство, но не для охраны, так как таковая, из постоянных при Распутине филеров, в несколько уменьшенном только составе, его сопровождала и не оставляла его и при поездках, а для «освещения», ибо на месте, как выяснилось, агентуры завести нельзя было.

Такая система двойственного наблюдения продолжалась до моего ухода.

Сведения о Распутине докладывались Коттенем министрам, товарищам и мне, а то, что поступало в письменной

¹ Министр внутренних дел после смерти П.А. Столыпина.

² Товарищ министра внутренних дел, сменивший П.Г. Курлова.

³ Министр внутренних дел, преемник А.А. Макарова

⁴ Товарищ министра внутренних дел и командир отдельного корпуса жандармов.

⁵ Редактор-издатель «Гражданина»

⁶ Начальник Петербургского охранного отделения

форме, я держал у себя — в служебном кабинете, не сдавая в департамент, и, при уходе в форме дела оставил в нескораемом шкафу, внеся его в опись, представленную мною Н.А. Маклакову, но на другой день, по требованию Маклакова, в числе нескольких других дел, его заинтересовавших, сдал ему и это дело.

Председатель Совета Министров В.Н. Коковцов очень интересовался личностью Распутина, и я ему о нем докладывал неоднократно, так как он хотел положить конец его влиянию путем доклада о нем государю, о чем я слышал не только от самого В.Н. Коковцова, но и потом от А.А. Макарова, но не знаю, докладывал ли он. Впоследствии от Распутина я слышал, что он, незадолго до ухода Коковцова с своего поста, виделся с В.Н. Коковцовым и убеждал его уничтожить винную монополию, о чем Распутин неоднократно, по его словам, говорил государю, и давал понять В.Н. Коковцову, что это будет стоить ему его поста; насколько это правильно, я не знаю, так как против В.Н. Коковцова были в ту пору настроены некоторые из влиятельных членов кабинета (Н.А. Маклаков, И.Г. Щегловитов¹ и В.А. Сухомлинов²; а также князь Мещерский и генерал Богданович³). По уходе своем В.Н. Коковцов виделся с Распутиным на квартире князя Андронникова, но особого примирения, по словам князя, между ними не произошло.

Я в ту пору тяготел к кружку покойного генерала Богдановича, с содержанием писем которого, вызвавших даже к нему одно время немилость и направленных против Распутина, я был знаком, так как давал ему и материалы из жизни Распутина за этот период времени. Доклаживали А.А. Макаров государю в подробностях о Распутине, я не знаю, но только заявляю, что часть найденных писем к Распутину от государыни, которые были у Илиодора, были добыты при посредстве г-жи Карабович из Вильны Замысловским, а также одним казачьим офицером и переданы А.А. Макаровым государю, что и послужило причиною гнева на Макарова со стороны государыни, не пожелавшей даже принять его, когда он спустя продолжительное время был приглашен Б.В. Штюрмером в кабинет на пост министра юстиции, — и имело также свое значение и в отношении к уходу его снова в Государственный Совет. Н. А. Маклаков, хотя и знал мое и генерала Джунковского отношение к Распутину и то, что я снабжал

¹ Министр юстиции

² Военный министр.

³ Придворный «литератор», автор монархических брошюр, листовок и воззваний

Богдановича сведениями о нем, тем не менее ни разу не сделал мне указаний о прекращении снабжения этими сведениями Богдановича, быть может, потому, что не желал обидеть Богдановича, искренно к нему расположенного.

В последние месяцы моего директорства при Н.А. Маклакове, когда августейшая семья находилась в Ливадии и Распутин был вызван в Ялту, от ялтинского градоначальника, покойного генерала Думбадзе, следовавшего особым распоряжением государя и бывшего под большим воздействием генерала Богдановича, который протезировал Думбадзе, мною была получена шифрованная телеграмма с надписью «лично» приблизительно следующего содержания: «Разрешите мне избавиться от Распутина во время его переезда на катере из Севастополя в Ялту». Расшифровал эту телеграмму работавший в секретарской части департамента А.Н. Митрофанов; посылая мне на квартиру дешифровку, он предупредил меня по телефону, что телеграмма интересная. Я, подписав препроводительный бланк, послал ее срочно с надписью: «в собственные руки Н.А. Маклакову» и затем по особому для разговоров только с министром телефону спросил его, не последует ли каких-либо его распоряжений, но он мне ответил, что «нет, я сам». Какие были посланы указания Думбадзе и были ли посланы, я не знаю, но проезд в сопровождении филеров состоялся без всяких осложнений. Этой телеграммы в деле нет, так как Н.А. Маклаков мне ее не возвратил, а Митрофанов, по расшифровке и скрепе, порвал подлинник, так это делалось в департаменте с шифрованными телеграммами¹.

Сводка филерских наблюдений над жизнью Распутина, в общих чертах, рисовала отрицательные стороны его характера, сводившиеся к начавшейся уже тогда его склонности к пьянству и эротическим похождениям. В бытность мою сенатором ко мне в конце 1914 года обратился через посредство своего управляющего хозяйственной частью дворца, полковника Балинского, великий князь Николай

¹ Я потом не спрашивал Маклакова, что он ответил на телеграмму. Я припоминаю, когда я был после оставления должности товарища министра в Ялте, мне и Хвостову было приказано разъехаться. Хвостов уехал в деревню, а я в Ялту. Я спрашивал полковника Троцкого, говорил ли ему что-нибудь Думбадзе про убийство во время морского переезда. Он сказал, что нет, но заметил, что вообще у Думбадзе были планы покончить с Распутиным, но планы заоблачного характера. Есть скала, на которой построен купцом из Москвы железный замок, стоящий над Ялтой. Думбадзе думал туда привести Распутина, чтобы оттуда сбросить его или вообще сделать какое-нибудь разбойное нападение, но все это осталось в области предположений, и Думбадзе в этом отношении ничего не предпринимал.

Николаевич, жена которого и он сам перестали уже принимать Распутина, с просьбой, не могу ли я дать сведения о порочных наклонностях Распутина, так как, по словам полковника Балинского, великий князь решил определенно поговорить с государем об удалении Распутина из Петрограда. Сведения эти я дал, черпая материал из имевшейся у меня лично на руках сводки. Впоследствии уже я узнал, что великий князь свое желание осуществил, и Распутин до конца своей жизни, что я сам слышал, не мог этого простить великому князю, причем перед уходом великого князя на Кавказ, с чьих только слов, не знаю, — он утверждал, что великий князь мечтает о короне.

Затем, как я проверил впоследствии у самого Распутина, генерал Джунковский, незадолго до своего ухода, пользуясь исходатайственным для него еще Н.А. Маклаковым правом непосредственных докладов по штабу и к высочайшим поездкам государя, воспользовавшись также полученными им из Москвы сведениями о недостойном в опьянении поведении Распутина в ложе ресторана «Яр», докладывал их государю в связи с общей его характеристикой. Доклад этот, как мне говорил сам Распутин, вызвал сильный на него гнев государя, — таким Распутин никогда до того даже и не видел государя. Но, по словам Распутина, он в свое оправдание говорил, что он, как и все люди, грешен — не святой. По словам Распутина, государь после этого долго его не пускал к себе на глаза, и поэтому Распутин не мог слышать или говорить спокойно о генерале Джунковском до конца своей жизни.

Правда, потом генерал Адрианов, после немецкого погрома в Москве ушедший из должности градоначальника, находясь под сенаторским расследованием — после свидания с Распутиным в Петрограде, — лично и затем в письменном изложении передал через меня А.А. Вырубовой заявление, что никакой, по лично им произведенному расследованию, неблагопристойности Распутин не производил у «Яра». В это время шел разговор об оставлении генерала Адрианова в свите, и он был вызван графом Фредериксом в Петроград. В свите затем он был оставлен, но когда, значительно позднее уже — по окончании расследования, генерал Адрианов, при министре внутренних дел Протопопове, приехал в Петроград, чтобы представить министру юстиции свою объяснительную записку перед слушанием дела в сенате, и был у меня с просьбой сказать за него несколько слов А.А. Макарову, для чего даже и оставил один экземпляр записки, — то он имел в виду передать через Распутина экземпляр и государю. Но, как мне говорил генерал Адрианов, Распутин отказался его принять. Когда я при встрече спросил Распутина, почему

он не захотел повидаться с генералом Адриановым, то он ответил, что все-таки генерал Адрианов, хотя и дал другое показание, но ему нужно было бы в свое время, когда он был градоначальником, посмотреть, что такое полиция о нем писала генералу Джунковскому.

ГЛАВА II

В промежуток этого времени я не прерывал своих отношений с князем Андронниковым, хорошо установившихся со времен министерства А. А. Макарова, когда я впервые с ним познакомился. Я часто бывал у него, он также вечером заезжал ко мне, и от него я слышал всегда много интересных новостей из придворных и министерских сфер, так как он имел широкий круг влиятельных знакомых и бывал у графа Фредерикса, Воейкова, у большинства министров, у председателя Совета Горемыкина, имел знакомых при великокняжеских дворах, знал много директоров департаментов почти всех министерств и других чинов из министерств, которые считались с его влиянием у министров, боялись вооружать его чем-либо, поддерживали с ним лучшие отношения и старались исполнять его просьбы, предпочитая его иметь лучше своим хорошим знакомым, чем сильным и опасным врагом. Я, в сущности говоря, в ту пору на него смотрел как на человека, который поразительно мог проникнуть к каждому министру. Это у него идет красною нитью во всей его жизни. Он даже надевал красную рубаху и пахал перед государем. Он много ездил, и всегда с портфелем. Плеве интересовался этим портфелем и наблюдал за ним. В конце концов этот портфель схватили, но там ничего не оказалось, кроме газет. Он всегда старался делать вид человека делового. Его в «Новом Времени» и в «Вечернем Времени» описывали в замаскированном виде, как тип... Андронников старался проникнуть в торгово-промышленные сферы... Я могу сказать, что не было в истории прошлого периода таких моментов, чтобы Андронников не проводил кого-нибудь в министры под тем или другим предлогом... Средств и имений он не имел, потому что был из обедневшей семьи, — а трен его жизни был очень широк. Временами у него были большие деньги, временами был без денег, и его поддерживали знакомые...

Его записки были интересные. Он их представлял Марии Федоровне, государю и государыне... Во всех министерских назначениях он безусловно имел громадное значение... Он бывал у управляющего двором Марии Федоровны Шервашидзе... Он в этот период был занят до-

веденной им затем до конца крупной финансовой операцией по покупке, при содействии военного министра Сухомлинова, на акционерных началах в Бухаре и Хиве больших земельных площадей, прилегающих к речным артериям. Ко мне он был искренне в ту пору расположен, так как во времена моего директорства у него никаких дел в департаменте полиции не было и он только пользовался бесплатными проездными билетами на предъявителя. При генерале Джунковском, которого князь Андронников знал по Пажескому корпусу, в силу отрицательного отношения к Андронникову Н.А. Маклакова и под влиянием просьб к Маклакову со стороны военного министра Сухомлинова, с которым в ту пору после продолжительной и неразрывной дружбы князь Андронников разошелся и повел борьбу, — последовало увольнение князя Андронникова от должности причисленного к министерству внутренних дел чиновника, дававшей князю Андронникову, некоторым образом, официальное положение. Это его сильно задело, и хотя он и был устроен, путем всеподданнейшего доклада обер-прокурора Саблера, на должность чиновника особых поручений при Святейшем Синоде, но этой обиды не мог забыть Н.А. Маклакову и, где мог, старался подорвать к нему доверие.

В своих «записках» к графу Фредериксу для высоких сфер князь Андронников давал очерк деятельности министров, сообщая те или другие о них сведения, давал обрисовку событий, волновавших Петроград, и т. д. Записки эти были стильно написаны, в большинстве отличным французским языком, иногда зло обрисовывали какие-либо факты из деятельности или жизни тех высших сановников, против коих что-либо имел князь, и прочитывались им тем, кто был противником этих лиц. За этот период времени князь несколько раз писал обо мне как о человеке, который не был в достаточном отношении использован. Взамен этого я помог ему в выпуске к 50-летию юбилею Горемыкина изящно изданной брошюры — «О государственных заслугах И.Л. Горемыкина», в составлении ему адреса, подписи на котором были собраны князем Андронниковым.

В конце апреля 1915 года скончался у меня старший сын. Смерть его сильно нас поразила. По возвращении в Петроград, осенью, князь Андронников, узнав о моем приезде, первый позвонил ко мне, прося зайти. Когда я пришел к нему, то от него я узнал, что за время моего отсутствия он близко сошелся с Распутиным, проник через него в особое доверие к А. А. Вырубовой, вошел в более лучшие отношения с статс-дамой Нарышкиной, и что предстоят большие перемены в составе кабинета,

которые могут повлечь за собою обратное мое возвращение к активной работе, и что почва достаточным образом подготовлена, так как им сделано многое в мою пользу, с условием в будущем действовать с ним солидарно. Когда же я ему сказал, что Распутин, который был в это время на родине у себя, может потом пойти против меня, под влиянием недоверия ко мне за прошлое и потому, что при оставлении должности моей, когда мне передавали о его желании со мной познакомиться, я тогда, по просьбе жены, от этого отказался, — то Андронников меня успокоил тем, что все уже предусмотрено, и я охотно согласился.

...К этому времени я уже познакомился с Распутиным, секретно от жены, в конце 1914 года в квартире князя Андронникова и несколько раз с ним там виделся. Был два раза у него на квартире по Гороховой ул. По воскресеньям туда, после обедни, приезжала А.А. Вырубова пить чай в небольшом кружке избранных Распутиным лиц, и здесь я познакомился с А.А. Вырубовой. Распутин тоже был у меня один раз, когда я, воспользовавшись отъездом жены из Петрограда в Москву к матери и тем, что дети были в церкви на вечерней службе, пригласил его к себе на чай; но тем не менее отношения эти не были в ту пору тесными, так как и он, и я, и А.А. Вырубова друг к другу приглядывались. Мне было неловко чувствовать, что они понимают цель моего сближения, так как им тоже в это время было известно, что я до того не был сторонником Распутина и давал о нем сведения Богдановичу и великому князю Николаю Николаевичу. Единственно, что их примиряло со мною, это то, что в мое время жизнь Распутина была в безопасности, так как покушение на него, устроенное по инициативе Илиодора, случилось уже после моего ухода, при генерале Джунковском.

Когда Андронников мне передал о предстоящих переменах, то под строгим секретом он мне сообщил, что им еще задолго до этого, с лета, уже выставлена кандидатура А.Н. Хвостова, которого он сблизил и с дворцовым комендантом Дедюлиным, и с А.А. Вырубовой; что А.Н. Хвостов уже был вызываем во дворец государыней, произвел самое лучшее на нее впечатление, и что теперь готовится благоприятная для него почва к приему у государя, что, по всему, успех назначения обеспечен¹, и что это делается очень тонко — так, что даже Горемыкин не посвящен в это назначение, так как это назначение, как он думает, могло бы встретить противодействие со стороны

¹ Назначение Штюмерера проходило тем же порядком.

Горемыкина, имевшего своего кандидата ¹, к провалу которого, путем сообщения о нем некоторых сведений, приняты уже им, князем Андронниковым, меры, и что А.Н. Хвостов, который раньше ко мне относился, будучи губернатором, несколько предубедительно, теперь, под влиянием его, князя, рад будет совместному служению со мною. На другой день было назначено в квартире князя Андронникова мое свидание с А.Н. Хвостовым, повлекшее за собой ряд ежедневных свиданий, нас тесно сблизивших, и затем состоялась моя совместная поездка к А.А. Вырубовой — где я встретил доверчивый прием — и к генералу Воейкову, с которым до этого времени я познакомился через князя Андронникова и у которого бывал неоднократно.

Эти сведения убедили меня, что князь Андронников весьма точно передал мне обстановку дела и что вопрос о переменах в кабинете — вопрос самого близкого будущего и назначение А.Н. Хвостова предопределено, судя по полученным уже из дворца известиям. Действительно, скоро последовал вызов Хвостова к государю, особо милостивый прием с воспоминанием о его прошлой службе, сообщение о том, что его назначение состоится на днях, и согласие на проведение намеченной А.Н. Хвостовым программы в исполнение...

Как только назначение А.Н. Хвостова состоялось, на первом докладе его как министра было им испрашено согласие у государя на мое назначение, и до опубликования указа я официально не вступал в должность, но фактически уже приступил к ознакомлению с делами, так как безотлучное мое нахождение при А.Н. Хвостове, который мало знал состав министерства и обстановку министерского обихода, само собой ясно подчеркивало близость моего назначения.

ГЛАВА III

Я лично близко подошел к Распутину уже тогда, когда его положение во дворце и сила его влияния на августейших особ настолько упрочились, что он считал себя как бы неотъемлемо связанным с высочайшей семьей узами средостения не только в личной жизни их величеств, но и в сфере государственного правления. При этом надо иметь в виду и то обстоятельство, что если Распутин в редких случаях когда-либо и касался этого вопроса, то он

¹ Статс-секретаря Крыжановского.

всегда высказывался по этому поводу в самых неопределенных формах; что же касается А.А. Вырубовой, то она никогда в разговорах со мною или в моем присутствии не приподнимала завесы над этой тайною. Но, наблюдая за Распутиным с 1912 года с некоторыми перерывами, я лично пришел к следующим о нем выводам.

Распутин обладал недюжинным природным умом практически смотрящего на жизнь сибирского крестьянина, который помог ему наметить свой жизненный идеал, как только он начал ясно отдавать себе отчет в необходимости улучшать свои жизненные условия. В обстановке обихода своей крестьянской семьи Распутин этой возможности не видел, тем более что тяжелый и упорный труд земледельца его, привыкшего с ранних лет к праздношатанию по монастырям, к себе не привлекал. Поэтому Распутин пошел по пути своих склонностей, которые в нем развились под влиянием общения его во время странствований с миром странников и с монашеской средой. Общение это дало Распутину зачатки грамотности и своеобразное богословское образование, приноровленное к умению применять его к жизненному обиходу, расширило его взгляд на жизнь, развило в нем любознательность и критику, выработало в нем чутье физиономиста, умевшего распознавать слабости и особенности человеческой природы и играть на них, и само по себе повело его по тому пути, который растворил перед ним страдающую женскую душу. Сильно чувствуя в себе с юных лет человека с большим уклоном к болезненно-порочным наклонностям своей природы, Распутин ясно отдавал себе отчет в том, что узкая сфера монастырской жизни, в случае поступления его в монастырь, вскорости выбросила бы его из своей среды, и поэтому он решил пойти в сторону, наиболее его лично удовлетворявшую, — в тот мир видимых святош, странников и юродивых, который он изучил с ранних лет в совершенстве.

Очутившись в этой среде в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже как «Гриша-провидец» ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным и красноречивым, и лицемером и фанатиком, и святым и грешником, аскетом и бабником, и в каждую минуту актером, возбуждая к себе любопытство и в то же время приобретая несомненное влияние и громадный успех, выработавши в себе ту пытливость и тонкую психологию, которая граничит почти с прозорливостью.

Заинтересовав собой некоторых видных иерархов с аскетическою складкою духовного мировоззрения и заручив-

шись их благорасположением к себе, Распутин, под покровом епископской мантии владыки Феофана, проник в петроградские великосветские духовные кружки, народившиеся в последнее время в пору богоискательства, и здесь сумел быстро приспособиться и ориентироваться в чуждой ему до того новой среде, стремившейся вернуться к старомосковским симпатиям, но слабой духом и волею; оценил всю выгоду своего положения и, применив и к этой среде усвоенный им метод влияния, заставил остановить на себе внимание влиятельных представительниц этих салонов и заинтересовать своею личностью великого князя Николая Николаевича. Дворец великого князя Николая Николаевича для Распутина явился милостью, брошенной пророком Илией своему ученику Елисею, привлечшей внимание к нему высочайших особ, чем Распутин и воспользовался, несмотря на наложенный на него в этом отношении запрет со стороны вел. кн., после того как его высочество, поближе ознакомившись с Распутиным, разгадал в нем дерзкого авантюриста. Войдя в высочайший дворец при поддержке разных лиц, в том числе покойных графа С.Ю. Витте и князя Мещерского, возлагавших на него свои надежды с точки зрения своего влияния в высших сферах, Распутин — пользуясь всеобщим бесстрашием, основанным на кротости государя, ознакомленный своими милостивцами с особенностями склада мистически настроенной натуры государя, во многом по характеру своему напоминавшего своего предка Александра I, — до тонкости изучил все изгибы душевных и волевых наклонностей государя, сумел укрепить веру в свою прозорливость, связав со своим предсказанием рождение наследника и закрепив на почве болезненного недуга его высочества свое влияние на государя путем внушения уверенности, все время поддерживаемой в его величестве болезненно к тому настроенной государыней, в том, что только в нем одном, Распутине, и сосредоточены таинственные флюиды, лечащие недуг наследника и сохраняющие жизнь его высочества, и что он как бы послан провидением на благо и счастье августейшей семье. В конце концов Распутин настолько даже сам в этой мысли укрепился, что он мне несколько раз с убежденностью повторял, что «если меня около них не будет, то и их не будет», и на свои отношения к царской семье он смотрел как на родственную связь, называя на словах и в письмах своих к высочайшим особам государя «папой», а государыню «мамой».

В обществе моего времени ходило много легенд о демонизме Распутина, причем сам Распутин не старался никогда разубеждать в этом тех, кто ему об этом передавал или к нему с этим вопросом обращался, в большей части

отделяясь многозначительным молчанием. Эти слухи поддерживались отчасти особенностями нервности всей его подвижной жилистой фигуры, аскетической складкою его лица и глубоко впавшими глазами, острыми, пронизывавшими и как бы проникавшими внутрь своего собеседника, заставлявшими многих верить в проходившую через них силу его гипнотического внушения.

Когда я был директором департамента полиции, то в конце 1913 года, наблюдая за перепискою лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды в силу наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать. Ввиду этого я, собрав более подробные сведения о гипнотизере, принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петрограда. Продолжал ли после этого Распутин брать уроки у кого-либо другого, я не знаю, так как я вскорости оставил службу и при обратном моем возвращении в министерство внутренних дел проследка за Распутиным этих данных мне не давала. Но в этот последний мой служебный период при одном из моих разговоров с Распутиным об А.А. Вырубовой, когда я касался железнодорожной катастрофы (между Петроградом и Царским Селом), жертвой которой явилась А.А. Вырубова, Распутин с большими подробностями и с видимой откровенностью рассказал мне, что своим, по выражению Распутина, воскрешением из мертвых А.А. Вырубова обязана исключительно ему.

По словам Распутина, несчастный случай с А.А. Вырубовой произошел в период сильного гнева на него со стороны государя после одного из первых докладов о нем генерала Джунковского, по оставлении мною должности директора департамента полиции, — и поэтому сношения Распутина с дворцом были временно прекращены. О несчастном случае с А.А. Вырубовой Распутин узнал только на второй день, когда положение А.А. Вырубовой было признано очень серьезным и она, находясь все время в забытии, была уже молитвенно напутствована глухой исповедью и причащением святых тайн. Будучи в бредовом, горячечном состоянии, не открывая все время глаз, А.А. Вырубова повторяла лишь одну фразу:

— Отец Григорий, помолись за меня!

Ввиду настроения матери А.А. Вырубовой решено было Распутина к А.А. Вырубовой не приглашать. Узнав о тяжелом положении А.А. Вырубовой со слов графини Витте

и не имея в ту пору в своем распоряжении казенного автомобиля, Распутин воспользовался любезно предложенным ему графинею Витте ее автомобилем и прибыл в Царское Село в приемный покой лазарета, куда была доставлена А.А. Вырубова женщиной-врачом этого лазарета княжною Гедройц, оказавшей на месте катастрофы первую медицинскую помощь пострадавшей.

В это время в палате, где лежала А.А. Вырубова, находились государь с государыней, отец А.А. Вырубовой и княжна Гедройц. Войдя в палату без разрешения и ни с кем не здороваясь, Распутин подошел к А.А. Вырубовой, взял ее руку и, упорно смотря на нее, громко и повелительно сказал ей:

— Аннушка! Проснись, поглядь на меня!..

И, к общему изумлению всех присутствовавших, А.А. Вырубова открыла глаза и, увидев наклоненное над нею лицо Распутина, улыбнулась и сказала:

— Григорий — это ты? Слава Богу!

Тогда Распутин, обернувшись к присутствовавшим, сказал:

— Поправится!

И, шатаясь, вышел в соседнюю комнату, где и упал в обмороке. Придя в себя, Распутин почувствовал большую слабость и заметил, что он был в сильном поту.

Этот рассказ я изложил почти текстуально со слов Распутина, как он мне передавал; проверить правдивость его мне не удалось, так как с княжной Гедройц я не был знаком, и мне не представилось ни разу случая с нею встретиться, чтобы расспросить ее о подробностях этой сцены и о том, не совпал ли этот момент посещения Распутина А.А. Вырубовой с фазой кризиса в болезненном состоянии г-жи Вырубовой, когда голос близкого ей человека, с которым она душевно сроднилась, ускорил конец бредовых ее явлений и вывел ее из забытья.

Объясняя себе таким образом всю картину происшедшего исцеления Распутиным А. А. Вырубовой, я ясно представлял себе, какое глубокое и сильное впечатление эта сцена «воскрешения из мертвых» А.А. Вырубовой Распутиным должна была произвести на душевную психику высочайших особ, воочию убедившихся в наличии таинственных сил благодати Провидения, пребывавшей на Распутине, и упрочить значение и влияние Распутина на августейшую семью. После этого случая А.А. Вырубова — как мне закончил свой рассказ Распутин — сделалась ему «дороже всех на свете, даже дороже царей», так как для нее, по словам Распутина, не было той жертвы, которую она не принесла бы по его требованию. Действительно — как я сам замечал, в особенности в последнее время —

Распутин относился к своей августейшей покровительнице без того должного внимания и почтительности, какие следовало бы в нем предполагать за все милости, ему ее величеством оказываемые, по сравнению с А.А. Вырубовой, в которой он видел безропотное отражение своей воли и своих приказаний.

А.А. Вырубова по натуре своей была очень религиозна, в чем я сам имел возможность несколько раз убеждаться, но в Распутине, несмотря на то, что она не могла не видеть его некоторых порочных наклонностей, находила твердую опору в своих душевных стремлениях. Когда я был у А.А. Вырубовой утром на другой день после убийства Распутина, до обнаружения его тела, примерзшего ко льду — как мне передавал потом Протопопов, — еще живым, но находившимся в беспамятстве, брошенного с моста в полынь, то я видел по лицу А.А. Вырубовой, какая сильная душевная борьба происходила в ней от начавшего заползать в ее душу сомнения в отношении Распутина; этого чувства она не скрывала от меня, сказав, что не может допустить мысли, чтобы Распутин не предчувствовал своей смерти и не сказал бы ей об этом, тем более что в день его убийства она, до прихода А.Д. Протопопова, была вечером в 8 часов у Распутина, и он ей передал, что после Протопопова к нему должен заехать молодой князь Юсупов, чтобы отвезти его к себе в дом к больной своей жене для ее «исцеления». А.А. Вырубовой показалось несколько странным такое позднее приглашение князем Юсуповым к себе Распутина, что она ему и высказала, не зная того, что супруги князя в это время в Петрограде не было, и посоветовала Распутину отказаться от этого приглашения, объяснив ему, что если князь Юсупов и его жена стыдятся открыто принять его у себя днем, то ему не для чего унижать себя перед ними и ехать к ним. Передавая об этом, А.А. Вырубова сообщила мне о своем недоумении по поводу того, что Распутин, дав обещание, не последовал затем ее совету, тем более что она настойчиво указывала ему, что, по ее мнению, в данном случае кроется другая цель, которую преследовал князь Юсупов, приглашая его ночью к себе в гости, так как из слов Распутина она поняла, что князь Юсупов особенно настаивал на том, чтобы ко времени его заезда за ним никого не было из посторонних, хотя бы и близких к Распутину лиц, кроме его домашних; ввиду этого она, А.А. Вырубова, узнав на другой день об исчезновении Распутина, сразу невольно поставила это обстоятельство в связь с таинственной обстановкою приглашения Распутина князем Юсуповым к себе и укрепилась в своем подозрении после получения императрицей в тот же день, без всякого запроса со сто-

роны ее величества, письма от князя Юсупова, в котором он, ввиду распространившихся в Петрограде слухов о причастности его к исчезновению Распутина, заверял честным словом государыню, что он накануне у Распутина не был, с ним даже по телефону не разговаривал и к себе Распутина не приглашал, между тем как это находилось в полном противоречии с тем, что она лично слышала от Распутина.

Но потом уже Симанович сообщил А.А. Вырубовой, что Распутин за три дня перед смертью был грустно настроен, находился в подавленном состоянии и попросил помочь ему советом в деле устройства им денежного вклада на имя дочери, для чего они вдвоем секретно ездили в банк, куда Распутин и положил для каждой дочери несколько десятков тысяч, бывших у него в ту пору на руках, а затем, по приезде домой, Распутин велел затопить печь и вместе с Симановичем, несмотря на просьбы старшей дочери, сжег все письма и телеграммы, им полученные как от высочайших особ, так и от А.А. Вырубовой. В день же своего убийства Распутин повеселел, пошел в баню и вечером, после отъезда А.А. Вырубовой, надел лучшую свою новую шелковую верхнюю рубаху и новый костюм и, несмотря на убеждения Симановича никуда без него не ехать, успокоив его, настоял на его уходе, заявив, что он ожидает к себе А.Д. Протопопова. Наконец, в той же мысли, что Распутин как бы предчувствовал свою кончину, укрепил А.А. Вырубову и В.М. Скворцов, сообщив ей — как мне потом об этом он сам рассказывал, — что, зайдя за день до смерти Распутина к нему на квартиру, он был поражен видом Распутина, лицо которого было землистого цвета и носило уже на себе, по словам Скворцова, печать смерти, причем он застал Распутина в сильно подавленном настроении духа, и ему стоило больших трудов вывести Распутина из его меланхолического настроения и отвлечь от разговоров о смерти. К рассказу В.М. Скворцова, им переданному уже после смерти Распутина, я отнесся несколько скептически, так как, посетив Распутина, по просьбе А.А. Вырубовой, за день или за два дня до его смерти поздно вечером, я не нашел в нем никакой перемены, а наоборот, видел в нем жизнерадостное настроение, полное удовлетворения по случаю полученного им обещания о назначении на пост министра юстиции Н.А. Добровольского, при посредстве которого он рассчитывал добиться окончательного погашения дела генерала Сухомлинова, и большую самонадеянность в том, что его никто не посмеет тронуть, — в ответ на мое предупреждение быть осторожным в своих поездках в мало-знакомые дома. При последующих затем моих свиданиях

с А.А. Вырубовой я не позволил себе подымать разговор о Распутине и только послал ей в феврале сего (1917 года) фотографический снимок с последнего портрета Распутина, нарисованный с него одной из его знакомых художниц для какого-то большого американского иллюстрированного издания.

Что же касается других искренно веровавших в Распутина его поклонниц, то после его убийства среди этих немногих его почитательниц, кроме А.И. Гущиной, серьезно заболевшей после его смерти, почти ни у кого не оставалось прежней веры в его духовную обособленность; в этом мне пришлось убедиться из разговора моего с матерью М. Головиной при встрече с ней в воскресенье на масленной неделе у А.А. Вырубовой, причем г-жа Головина (одна из самых давних почитательниц Распутина) откровенно высказала мне свое разочарование в прозорливости Распутина ввиду непредвидения им такой ужасной своей смерти, так как в последнее время Распутин уверял своих поклонниц, чему я сам раз был свидетелем во время одного из воскресных чаев у него на квартире, в июне 1916 года, в присутствии А.А. Вырубовой, — что ему положено на роду еще пять лет пробыть в миру с ними, а после этого он скроется от мира и от своих близких, и даже семьи в известном только ему одному, намеченном им уже глухом месте, вдали от людей, и там будет спасаться, строго соблюдая устав древней подвижнической жизни. Это свое намерение Распутин, как я понимал, навряд ли привел бы в осуществление, даже если бы он и не был убит, так как он довольно глубоко за последнее время опустился на дно своей порочной жизни.

Но Распутин ясно, по настроению государя, замечал близость наступления поворота в отношениях к нему со стороны его величества и заранее подготовлял себе почетный отход от дворца, указывая на пятилетний срок как на то время, когда наступит для наследника юношеский возраст, кладущий преграду гемофилии, внушавшей их величествам постоянную боязнь за жизнь его высочества и связавшей Распутина, в силу приведенных мною причин, с августейшей семьею.

Приобретя в лице А.А. Вырубовой послушную исполнительницу своих желаний и деятельную помощницу в деле укрепления своего влияния и значения во дворце, Распутин дерзко перешагнул черту заповедного ранее для него другого мира, укрепился в новой своей позиции и из Гриши превратился в отца Григория для своих почитательниц и всемогущего Григория Ефимовича для лиц, прибегавших к его заступничеству, влиятельной поддержке, помощи или посредничеству.

В дополнение обрисовки личности Распутина считаю необходимым передать вынесенные мною из разговора с ним и наблюдения за ним свои впечатления относительно религиозной стороны его духовной структуры. Этот вопрос останавливал на себе мое внимание еще в бытность мою директором департамента полиции. Из имевшихся в делах канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода сведений, переданных секретно мне директором канцелярии г. Яцкевичем, несомненным являлся тот вывод, что Распутин был сектант, причем из наблюдения причта села Покровского, родины Распутина, явствовало, что он тяготел к хлыстовщине. Переписка эта своего дальнейшего развития не получила и только повлекла за собой перемену причта и назначение взамен его нового духовенства, которое, благодаря влияниям Распутина, было хорошо обеспечено, пользовалось его поддержкой и покровительством и считало Распутина преданным церкви вследствие его забот о благолепии и украшении местного храма благодаря милостям не только его почитательниц, но и дарам августейшей семьи. Таким образом, официально установить, путем соответствующего расследования, на основании фактических и к тому же проверенных данных, несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте не удалось, тем более что Распутин после этого случая был крайне осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приездов к нему его почитательниц и филерное наблюдение к себе не приближал. Ввиду этого я принужден был, секретно даже от филерного отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина, поселить на постоянное жительство в селе Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента, которые он, вследствие дружбы Распутина с местным начальством почтово-телеграфного отделения, посылал окружным путем, для меня было очевидным уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям. Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не удалось, так как этого агента, сумевшего уже заручиться и доверием причта и местной интеллигенции, и особым благорасположением к себе Распутина, я должен был, с уходом полковника Коттена из службы по корпусу жандармов, немедленно, во избежание провала, отозвать из Покровского, а затем и я сам вскорости ушел из департамента полиции. Познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным миро-

воззрением Распутина, укрепился в вынесенных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и безапелляционно высказывая, даже в присутствии иерархов, свои далеко не авторитетные мнения по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своею душою власти той церкви, к которой он себя сопричислял; вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить г. Папков не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной схоластической казуистики; православное духовенство не только не уважал, а позволял себе его третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии, отмежевывая себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей, что мною и было засвидетельствовано в свою пору великому князю Николаю Николаевичу на основании точно проверенных данных. Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное объяснение им своим неофиткам проявления греховности. Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал «преображение» своей души, омытой своими грехами.

К той общей характеристике, которую я дал Распутину, мне остается добавить только несколько штрихов для обрисовки его личности. Распутин пренебрежения к себе и обид, ему наносимых, не прощал и никогда не забывал, а мстил за них до жестокости; на людей смотрел только с точки зрения той пользы, которую он мог извлечь из общения с ними в личных для себя интересах; будучи скрытным, подозрительным и неискренним, он тем не менее требовал от окружавших его безусловной с ним искренности и фальши в отношении себя не допускал; помогая кому-нибудь, он затем стремился поработить того, кому он был полезен; в своих выводах и решениях отличался упрямством и трудно поддавался переубеждению, идя на уступки лишь в тех случаях, когда это отвечало его интересам; в своих домогательствах и в желаниях отличался поразительной настойчивостью и до той поры не успокаивался, пока не осуществлял их, умея носить на лице и в голосе маску лицемерия и простодушия, вводил этим в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтали сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы. Присматриваясь к судьбе тех лиц, которые искали в Распутине той или иной поддержки, я видел или печальный ис-

ход влияния на них Распутина и всей окружавшей его порочной обстановки, или фатальный для них позор как последствие сближения их с Распутиным, но не в силу демонизма Распутина, а, главным образом, вследствие свойства тех побуждений, которые толкали их идти к Распутину и заставляли затем поступаться многим, в ущерб своей чести и достоинству, в исполнении желаний или, лучше сказать, требований Распутина.

ГЛАВА IV

Сейчас же по опубликовании высочайших указов о назначении А.Н. Хвостова министром внутренних дел, а меня — его товарищем были получены сведения о выезде из с. Покровского Григория Распутина. Ввиду этого между мною, А.Н. Хвостовым и князем Андронниковым состоялось соглашение относительно плана наших будущих отношений к Распутину. План этот видоизменился с его приездом в Петроград, потому что оказалось, что никто из нас, даже кн. Андронников, тесно сблизившийся с Распутиным, так же как и епископ Варнава с приближенными ему лицами из духовенства Тобольской епархии, не знали многих сторон его характера и не учли многих сторон его натуры, его силы и влияния.

Наш первоначальный план состоял в следующем. Официальные сношения с Распутиным по поводу его просьб по министерству внутренних дел должен был взять на себя князь Андронников, чтобы избавить меня и А.Н. Хвостова от необходимости открыто принимать просителей с письмами от Распутина как на службе, так и у себя дома. Для того, чтобы Распутин не брал со своих посетителей денег за протекцию, мы решили выдавать ему по 1500 р., и эти деньги должен был частями вручать Распутину князь Андронников. Такая частичная выдача денег имела, между прочим, целью заставить Распутина видаться с нами почаще для установления непрерывного влияния на него. Вместе с тем, чтобы знать в подробностях его внутреннюю жизнь и понемногу отдалять от Распутина тяготевший к нему нежелательный элемент, мы решили приставить к нему своего человека.

Наш выбор пал на нашу общую знакомую и друга князя Андронникова Н.И. Червинскую, родственницу по первому мужу М.Т. Сухомлиновой, немолодую уже даму, много видевшую, не верившую, как и князь Андронников, в чары Распутина и познакомившуюся уже с А.А. Вырубовой.

Свидания наши с Распутиным мы наметили на квартире у князя Андронникова, где решено было устраивать

обеда в своем тесном кругу, чтобы, не стесняясь, иметь возможность влиять на Распутина по тем вопросам, по которым нужно было А.Н. Хвостову подготовить благоприятную почву при дворе...

Как только приехал Распутин, на другой же день состоялся наш интимный обед с ним. Не только я и А.Н. Хвостов, до сих пор мало знавший Распутина, но и князь Андронников и Червинская, хорошо его знавшие, были поражены происшедшею с ним переменою: в нем было гораздо больше, чем ранее, апломба и уверенности в себе. Первыми же своими словами Распутин дал нам понять, что он несколько недоволен тем, что наше назначение состоялось в его отсутствие, и это подчеркнул князю, считая его в том виноватым. Однако оказалось, что этот упрек и Хвостов и Андронников предвидели, и князь с усиленной любезностью парировал этот удар, рассыпаясь в комплиментах и изъявлении чувства благодарности за его поддержку наших назначений, и трогательно благодарил его за приезд именно теперь, на первых шагах нашего вступления в должность, так как отныне его советы и поддержка при дворе поставят нас на правильный путь и охранят от ошибок, которые нам могут быть поставлены в счет наверху, и т. д.

За столом началась оживленная беседа, из которой я убедился, что наши назначения Распутину были известны и что он против нас теперь ничего не имеет: по-видимому, Распутин все же хотел, чтобы эти назначения мы получили непосредственно из его рук.

Затем, поздравляя нас и желая нам успехов, Распутин упрекнул А.Н. Хвостова за то, что тот по приезде Распутина в Нижний Новгород (где Хвостов был губернатором) плохо принял его, не накормил даже, а у него, Распутина, было тогда всего 3 р. в кармане. И напрасно, говорил Распутин, потому что он приезжал тогда — после убийства П.А. Столыпина — в Нижний Новгород по приказанию государя «посмотреть Хвостова», и если бы он встретил другой прием, то Хвостов уже давно был бы министром. Меня же Распутин попрекнул тем, что я ставил около него наблюдение в лице 30 сыщиков, о чем Распутину говорил сам государь. В завязавшемся по этому поводу разговоре пришлось упомянуть имя Джунковского, и из перемены голоса Распутина, выражения его глаз, лица и нервности можно было видеть, что этот человек не способен забывать ударов, ему нанесенных. В ответ я рассказал ему неизвестный ему факт выпуска за границу гражданской жены Илиодора с архивом последнего, вследствие того, что, несмотря на донесение и несколько телеграмм в департамент полиции из Саратова с просьбой к Джунковскому разрешить арестовать и обыскать жену Илиодора,

разрешение было дано уже тогда, когда жена Илиодора проехала границу.

Затем зашла речь о Самарине, обер-прокуроре Святейшего Синода, и о владыке Варнаве в связи с его конфликтом по поводу прославления св. Иоанна Тобольского. Распутин гневно говорил о Самарине, но мы разговор не гуссировали, а только старались оттенить, что Самарин — человек близкий сестре государыни, но отнюдь не сторонник самой государыни и в то же время — личный враг его, Распутина.

Мы перешли после обеда в гостиную, а я вместе с Андронниковым вышел к нему в кабинет и здесь передал князю 1500 р. для Распутина. Князь из этих денег отобрал несколько — три или пять — сотенных, и, когда я вернулся в гостиную, он вызвал Распутина к себе в кабинет. Вскоре они оба вышли оттуда, и я заметил, как Распутин прятал деньги в карман.

Распутин после обеда уехал, расцеловавшись со всеми нами, а мы остались, чтобы обменяться впечатлениями от первого свидания, нас далеко не удовлетворившего.

Из свидания мы вынесли убеждение в трудности, без соответствующей подготовки, проведения нашего первого плана, намеченного с А.Н. Хвостовым. Мы решили провести на пост обер-прокурора Святейшего Синода, вместо Самарина, директора департамента общих дел Волжина, свойственника Хвостова. Это было необходимо в особых целях Хвостова. Мы понимали, что Волжин не подготовлен к этой должности, но это было чистое имя, и его назначение особенно раздражения внести не могло. Сам Волжин, с которым я говорил по этому поводу, хотя и был доволен своим служебным движением, но с большой охотой взял бы какой-либо другой министерский портфель, чем этот, но во всяком случае Волжин умолял меня об одном — устроить так, чтобы отклонить всякое его не только сближение, но и знакомство с Распутиным. Волжин затем пошел на сближение с князем Андронниковым, с которым он тотчас же и познакомился, и выполнял свои обещания, ему данные. Волжин был лично известен государю. Его сыновей, служивших в гвардейских частях Петрограда, знал отлично государь. Волжин имел придворные связи и хорошие знакомства в петроградском обществе. Он человек верующий, любитель старого церковного напева и церковной старины.

Мы понимали с А.Н. Хвостовым, что уход Самарина, против которого шел, не без воздействия князя Андронникова, также и Горемыкин, безусловно взволнует не одну Москву, где любили и знали Самарина, заденет и обидит не одно дворянство, где Самарин пользовался крупным весом и влиянием, и не одну Государственную Думу, приветство-

вавшую его назначение, а — общественное мнение России и те круги православного духовенства, которые, во главе с митрополитом Владимиром, видели в его назначении начало новой эры в деле церковного управления.

Вместе с тем мы знали, что Саблер-Десятковский уже делал попытки примирения с Распутиным и был у него несколько раз, а в князе Андронникове он имел верного и преданного человека.

Поэтому мы убедили князя Андронникова в политическом значении, с точки зрения настроения широких кругов русского общества, вопроса о замещительстве Самарина, следовательно, против Саблера, и эту точку зрения решили сообща проводить во дворце, предварительно внедрив ее в сознание Распутина. Те же соображения были высказаны А.А. Вырубовой, и она не могла с ними не согласиться.

Для более сильного влияния на Распутина решено было немедленно вызвать из Москвы епископа Варнаву.

На одном из ближайших обедов у князя Андронникова с Распутиным я навел разговор на тему об имябожцах — монашеской секте на Афоне, образование которой повело гонения Синода, командировку на Афон епископа Никона и арест около 700 монахов, отправленных в Россию по требованию русского правительства, — и восстановил в памяти Распутина картину репрессий, предпринятых по инициативе Саблера. Вопрос об имябожцах в тот момент не был еще окончательно решен, и мне, кстати, хотелось выяснить отношение к нему со стороны Распутина по существу, чтобы узнать, не находится ли он под влиянием какого-нибудь кружка, занимающегося церковными вопросами, или интриги против Саблера — или же в нем говорило чувство жалости, которое заставило его отвезти во дворец на показ тайно приезжавших в Петроград монахов-имябожцев, в преклонном возрасте — многие из них были в схиме, — с обреченными бородами, в штатском платье...

Я лично думал, что в данном деле Распутин преследовал какие-либо другие свои цели, так как он имел уже в ту пору личные причины быть недовольным Саблером, который в последнее время (до отставки), считая свое положение прочным, изменил свое отношение к чинам синодального надзора — друзьям Распутина: к товарищу обер-прокурора Даманскому, Скворцову, Мудролюбову и др. — и попал под влияние директора своей канцелярии, к которому Распутин относился подозрительно и сдержанно. В особенности Распутин был глубоко задет, когда Саблер захотел расстаться с Даманским, который, не используя Распутина для своих дел, всегда давал ему хорошие советы, исполнял его просьбы, предоставлял ему свою квартиру, когда Распутин приезжал наездами в Петроград по вызовам Вырубовой, и был

всегда с ним искренним. В свою очередь, Распутин добился у государя того, что Даманский был оставлен на посту товарища обер-прокурора с выделением ему самостоятельного круга дел и был удостоен многих высочайших пожалований.

Затронутая на обеде у князя Андронникова тема об имябожцах оживила Распутина, и из его слов я понял, что он и сам является сторонником этого учения в монашеской среде. И действительно, впоследствии он отстаивал все время имябожцев. Незадолго до смерти Распутина в «Колоколе» были напечатаны статьи В.М. Скворцова с такой же целью. Статьи эти повлекли за собой для Скворцова большие осложнения с Синодом, а он их писал в угоду Распутину, мечтая при его помощи вернуться в Синод в роли товарища обер-прокурора. Эти статьи Распутин представил во дворец.

Разговор об имябожцах перешел на Саблера, как их противника, и под влиянием как беседы на эту тему, так и общих высказанных нами соображений в конце концов Распутин решительно заявил, что он не будет «ни за что» поддерживать кандидатуры Саблера.

Когда же приехал владыка Варнава и лично познакомился с Волжиным, на которого произвел хорошее впечатление, тогда общими силами нам удалось добиться согласия Распутина на назначение Волжина и на поддержку в сферах, причем даже Распутин согласился на первых порах предварительно не видеться с Волжиным, во избежание излишних разговоров. Правда, к этому Распутин отнесся несколько подозрительно, но ничего прямо не высказал. Но он был доволен тем, что Волжин, в свою очередь, обещал ликвидировать инцидент епископа Варнавы по поводу открытия мощей по плану, мною предложенному и всеми принятому, в том числе и Волжиным. План этот был одобрен и Вырубовой, и об этом было доложено государыне, от которой получено также одобрение.

Сущность инцидента епископа Варнавы заключается в следующем. Епископ возбудил вопрос об открытии мощей св. Иоанна Тобольского. Синод одобрил предложение, и состоялся соответствующий всеподданнейший доклад. Однако Синод замедлил исполнением всех актов, с которыми должно быть соединено открытие мощей, а епископ Варнава, видя в этом промедлении интригу Синода против него, обратился непосредственно к государю в Ставку и получил разрешение для «прославления», а не канонизации, то есть открытия мощей для народного почитания. Прославление было принято верующими как акт открытия мощей. Синод об этом обмене телеграммами с государем ничего не знал, а получив сведения о прославлении,

рассмотрел его как самовольный проступок. Варнава, чувствуя такой исход, приехал без разрешения в Петроград, надеясь испросить монаршее прощение. Но в это время обер-прокурором был назначен Самарин, который резко высказался против проступка Варнавы. Дело получило огласку в прессе, и епископ Варнава должен был доложить Синоду о телеграмме государя.

Государь — я это знаю хорошо — относился к Самарину сердечно; он его уважал, и это чувство крепло годами. Поэтому приглашение Самарина в состав кабинета исходило от его величества без всяких побочных влияний.

Но с другой стороны, как я в этом убедился впоследствии и на себе, государь не любил ни частных выступлений в прессе министров, ни тех или иных разоблачений, ни даже слухов о предстоящих переменах, чем многие пользовались для сведения своих личных счетов. В особенности государь, как человек верующий, всегда отрицательно относился к огласке тех или других неприятных происшествий в сфере церковной. Вот почему была уверенность не только у нас, но и у многих лиц, знающих характер государя, что Самарин не может оставаться на своем посту.

Когда, таким образом, все было подготовлено, А.Н. Хвостов на одном из ближайших своих докладов после того, как Распутин был у государя и поддержал Варнаву, умело и тонко касаясь вопроса об общественных настроениях, провел мысль о Волжине. Волжин был вызван государем, был милостиво принят, и государь одобрил план ликвидации через некоторое время дела епископа Варнавы путем проведения его через Синод в новом составе.

ГЛАВА V

Пока проводилась кандидатура Волжина на должность обер-прокурора Святейшего Синода, я предписал начальнику охранного отделения, полковнику Глобачеву, всесторонне освещать для меня жизнь Распутина, представляя мне ежедневные, а затем и еженедельные сводки филерских наблюдений. Оказалось, что, вопреки предположениям князя Андронникова, Распутин сделался осторожнее; приставленных к нему для охраны филеров в квартиру свою не допускал и избегал разговоров с ними. Вследствие этого филеры были помещены вниз, в швейцарской, а затем в агентуру были взяты швейцар и его жена. Тем не менее, как путем агентурным, так и наблюдениями Червинской выяснилось, что к Распутину лился живой поток людей различных положений и классов общества. За ним приезжали в автомобилях, отвозили и привозили его.

Он сам часто, стараясь быть не замеченным филерами, черным ходом куда-то уходил и уезжал. Около него образовались кружки лиц, имевших на него различные влияния, и т. п. Это была колоссальная фигура, чувствующая и понимавшая свое значение, что и сказалось на первых же порах наших отношений.

На своих утренних приемах Распутин раздавал небольшими суммами деньги лицам, прибежавшим к его помощи. Если требовалась большая сумма, то он писал письма для просителей и посылал с этими письмами к знакомым, а часто и к незнакомым лицам, преимущественно из финансового мира. Письма его, написанные безграмотно, с престом наверху, письма, как пишут обыкновенно лица уховные, ходили во множестве по рукам и составляли предмет своеобразной пикантности; находились любители, которые покупали их и коллекционировали.

Все это в связи с ореолом таинственности влияний Распутина на высокие сферы, с его посещениями ресторанов и частных домов без разбора, куда его приглашали часто напоказ и напавали, заставляя танцевать, говорить по телефону с министрами, с которыми он находился в хороших отношениях, писать им письма и прочее, — заставило нас сильно обеспокоиться не только с точки зрения охраны личности Распутина, высочайше нам предписанной. Опасны были его публичные выступления в общественных местах в различных компаниях, не охранявших Распутина от выходов, о которых, иногда в преувеличенном виде, ходили не только в столицах, но и по всей России слухи, связавшие имя Распутина с именами августейших особ, являясь угрозой идее царизма... Наконец, приближалась сессия Государственной Думы, а думская агентура, сведения от Родзянко и других депутатов предсказывали неизбежность выступлений по поводу Распутина при обсуждении сметы министерства внутренних дел.

К тому же наш план сделать князя Андронникова единственным посредником для сношений с нами Распутина по его делам и ходатайствам не удался; Распутин, вопреки обещаниям, стал засыпать своими письмами и присылкой посетителей не только меня и А.Н. Хвостова, но и наших кен, которые к нему относились в высшей степени отщепенно. Мы увеличили поэтому сумму наших выдач Распутину, и мне пришлось, кроме ежемесячной выдачи 500 р., давать ему разновременно по 3 т. р. (тайно от князя Андронникова), и вместе с тем через князя Андронникова и Червинскую настоятельно просили Распутина, чтобы он к нам на квартиру просителей со своими письмами не посылал, что он обещал делать, но что выполнял только на первых порах.

Все вышеизложенное побудило нас серьезно приняться за проведение широких мер, не жалея, по приказанию А.Н. Хвостова, денег из секретного фонда, ибо с именем Распутина связывалось антидинастическое движение в стране, ряда широких мер, чтобы предупредить проникновение в общество сведений и фактов из жизни Распутина, повлиять на Распутина в смысле большей разборчивости его в знакомствах, развить ради того же тесную кружковую жизнь около Распутина при помощи расположенных к нему лиц, особенно дам, не проводивших через него своих дел (а таких было очень мало), бороться с разного рода влияниями на него и т. п.

По докладе об этом А.А. Вырубовой она согласилась с нашими планами и просила нас отдалить от Распутина лиц, имеющих на него дурное влияние, хотя она по опыту хорошо знала, как трудно было, а иногда бесполезно пытаться влиять на Распутина в хорошую сторону, так как эти попытки только его озлобляли.

О наших мероприятиях, отнюдь не опорочивая Распутина, а наоборот, защищая его и указывая лишь на обстановку времени и дурные извне влияния, А.Н. Хвостов доложил и государю, получив и его согласие, и благодарность.

Помимо всего, политическая жизнь того времени и наши служебные обязанности требовали от нас слишком много времени, — и мы решили, что лучше всего было бы удалить Распутина на некоторое время из Петрограда, хотя бы для путешествия по монастырям, и затянуть это путешествие на возможно долгий срок, с тем чтобы к моменту открытия Государственной Думы Распутина в столице не было. Во время моего директорства, после речи А.И. Гучкова в Государственной Думе о Распутине, такой план удаления его из Петрограда удался, и Распутин хотя неохотно, но сознательно подчинился и уехал.

Удалением Распутина из Петрограда мы имели в виду создать себе возможность спокойно работать, но главным образом, заставить общество забыть о Распутине. В думскую среду мы предполагали провести слухи о том, что нам удалось ослабить влияние Распутина в сферах настолько, что Распутин уехал не к себе домой, как обычно делал, а по монастырям, чтобы таким смирением восстановить подорванное к себе у высоких особ доверие; мы хотели убедить влиятельных депутатов Думы и ее председателя не мешать нам в нашей дальнейшей в этом направлении работе своими выступлениями против Распутина: такие выступления, в силу особого склада характера августейших особ, усиливали только положение Распутина.

Согласно этому плану в таком направлении, то есть для удаления Распутина из Петрограда, должны были

воздействовать на А.А. Вырубову епископ Варнава, князь Андронников и А.Н. Хвостов. На эту же тему епископ Варнава и А.Н. Хвостов должны были говорить и с государыней, с тем чтобы впоследствии А.Н. Хвостов сделал соответствующий доклад государю. В докладе государю А.Н. Хвостов предполагал провести ту мысль, что поездка Распутина по святым местам не только будет полезна в смысле умиротворения Государственной Думы, но и рассеет всякие несправедливые толки о жизни Распутина и будет свидетельствовать о религиозных порывах духовной его натуры во время войны.

Приступив к осуществлению этого плана, мы, по предложению епископа Варнавы, вызвали игумена Тюменского монастыря Мартемиана, личного и большого друга Распутина. А пока мы начали готовить Распутина беседами на тему о роли Государственной Думы в общественном сознании, в особенности в связи с войной, в сфере влияния Думы на армию. Об этом горячо говорили епископ Варнава, князь Андронников и А.Н. Хвостов. Я же был сдержан, не потому, что боялся неуспеха наших начинаний — я знал, что Распутин побаивался Государственной Думы, — а потому, что Распутин был во время беседы мрачен, подавал односложные реплики и расхолаживал настроение. Поэтому я предпочел выждать приезда игумена Мартемиана. С его приездом дело пошло быстрее. А.Н. Хвостов уже прямо рекомендовал Распутину поездку с Мартемианом в Верхотурье, с тем чтобы привезти августейшей семье оттуда благословение обители — икону св. Павла Обдорского. Говорил на эту тему и епископ Варнава, а затем и Мартемиан, бросившийся целовать Распутина и убеждать его поехать по монастырям и заехать домой, а затем, когда отношения с Государственной Думой наладятся, вернуться в Петроград.

С поездкой Распутина к себе домой были связаны многие важные дела.

Епископ Варнава, еще до приезда Распутина, взял с А.Н. Хвостова и меня слово назначить тобольским губернатором, вместо бывшего тогда на этом посту Станкевича, вице-губернатора Гаврилова, своего друга, что нами и было обещано. Но Распутин по приезде категорически заявил, что Станкевича надо удалить, а на его место назначить «своего человека», который защищал бы Распутина, а не предавал. Дело в том, что Распутин в последние дни министерства Маклакова, едучи на пароходе с Мартемианом, в пьяном виде наскандалил на пароходе, где после пьянства и плясок с новобранцами избил лакея, за что и был высажен капитаном парохода на берег, о чем был составлен полицией протокол. По-

лиция, однако, протокола по подсудности не направила, имея предписание считаться с личностью Распутина и затушевывать подобные факты поведения его, и отослала этот протокол губернатору Станкевичу, который, не имея директив в отношении Распутина от министра внутренних дел князя Щербатова, личным письмом «в собственные руки» препроводил ему всю переписку по делу в копии. Князь Щербатов отправил переписку министру юстиции А.А. Хвостову, а последний вернул ее князю, указав, что подобные дела не подлежат разрешению министра юстиции, так как в законе указана подсудность подобного рода дел. Кн. Щербатов осведомил об этой переписке и председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина. Об этом проникли слухи и в думские сферы. И в таком виде переписка поступила в наследство к новому министру внутренних дел — А.Н. Хвостову. Дело же должно было разбираться в волостном суде, так как потерпевший лакей отказался от примирения. Это обстоятельство сильно беспокоило А.А. Вырубову и Распутина, который отрицал правдивость протокола, хотя Мартемиан в беседе со мной подтвердил справедливость всех деталей скандала. Распутин же успел по-своему изложить все происшествие и в высоких сферах, так что возобновление дела его очень тревожило. Мы понимали, что необходимо как-нибудь уладить этот инцидент и отсрочить по крайней мере процесс, чтобы он не совпал с думской сессией, иначе при огласке дело вызвало бы неудовольствие и А.А. Вырубовой, и августейших особ.

Так как Распутин настаивал на удалении Станкевича, то мы его вызвали телеграммой в Петроград, предписав привезти подлинное дело, касавшееся Распутина. Станкевич привез, однако, и второе дело о Распутине по обвинению его в неуважительном отзыве в пьяном виде об императрице и августейших дочерях. Дознание по этому делу велось жандармским управлением и, по требованию Станкевича, было переслано ему. Об этом дознании не знали еще ни Вырубова, ни Распутин, и, таким образом, у меня явился хороший козырь в отстаивании Станкевича, которого я считал необходимым и полезным оставить на службе в качестве губернатора с переводом в лучшую, земскую губернию.

Разговоры с Распутиным о поездке по монастырям продолжались, и он неожиданно для меня — я ожидал большего сопротивления — согласился решительно уехать из столицы. Мы думали, что такая решительность явилась результатом влияния игумена Мартемиана и опасений самого Распутина за исход его первого дела о скандале на пароходе. Впоследствии наши предположения не оправдались.

А.Н. Хвостов заявил Распутину, что все расходы по его поездке будут оплачены и соответствующие суммы выданы игумену Мартемиану. В беседе со мной, затем последовавшей, А.Н. Хвостов сказал мне, что верит в удачу поездки Распутина, потому что знает Мартемиана и потому что в Вологде и в губернии у него много преданных ему лиц, которые окружают тесным кольцом Распутина и надолго его задержат путем спаивания; особенные надежды в этом отношении он возлагал на вологодского исправника, друга Мартемиана. В денежном отношении решено было не скупиться и предложить Мартемиану не стесняться в средствах, в особенности на вино... Игумен Мартемиан ставил, однако, условием своего участия в поездке с Распутиным возведение его, Мартемиана, в сан архимандрита. Поэтому я, по просьбе А.Н. Хвостова, ввиду согласия епископа Варнавы войти с соответствующим представлением в Синод заехал на другой день к Волжину и отвез ему послушной список Мартемиана, прося Волжина о содействии, на что последний, в особенности узнав о предполагаемом отъезде Распутина, охотно согласился.

Мы удовлетворили также все просьбы епископа Варнавы и устроили ему собственную квартиру, выдав для этой цели денег на обстановку и ежемесячное пособие его сестре, и, кроме того, выдали епископу и пособие. На другой день деньги на поездку Мартемиану были выданы. Кроме того, я передал Распутину на личные расходы 5 т. р. и на примирение с побитым им лакеем еще 3 т. р. После этой передачи я сообщил Распутину о втором о нем деле по поводу оскорбления высочайших особ и отметил в этом инциденте тактичную роль Станкевича, с которым рекомендовал не ссориться. Это второе дело сильно поразило Распутина, очевидно, боявшегося, что о нем узнает государь. Распутин переменил свой тон и манеру обращения, стал доказывать полную свою невиновность и успокоился тогда лишь, когда я сообщил ему, что об этом деле решительно никто не знает, кроме меня и А.Н. Хвостова, не знает даже князь Андронников (который мог сообщить о случившемся, по своему обыкновению, министрам, с которыми был в хороших отношениях, и председателю Совета Министров И.Л. Горемыкину, ничего о втором деле не знавшему). Государю А.Н. Хвостов обещал также о деле не докладывать. Весь этот образ действий я объяснил Распутину сердечным к нему отношением с нашей стороны. Мы расцеловались, и когда я после этого заговорил о Станкевиче, то Распутин заявил, что он зла ему не желает, но что в Тобольск требует назначения «своего человека», а именно председателя пермской казенной палаты Ордовского-

Танеевского. Вопрос о Станкевиче был улажен. А.А. Вырубова согласилась на перевод его губернатором в Самару, и соответствующий об этом доклад был сделан А.Н. Хвостовым царю и не встретил возражений.

Что касается кандидатуры Ордовского-Танеевского, то, как оказалось из дальнейшей беседы с Распутиным, она была предрешена. Пермский управляющий казенной палатой был в отличных отношениях с Распутиным, воздавал ему почести при проезде его через Пермь, когда Ордовский-Танеевский исправлял там должность губернатора, и о переводе его в Тобольск губернатором Распутин уже условился с А.А. Вырубовой, и государыня уже одобрила этот план. А.А. Вырубова была также весьма довольна нашим планом покончить первое пароходное дело Распутина примирением с лакеем, для чего я выдал Распутину 3 т. р.; и еще более довольна тем, что я передал ей в подлиннике второе дело о Распутине (оскорбление высочайших особ), чем оно и было ликвидировано. Но когда я заговорил о поездке Распутина, то Вырубова, не возражая ни слова, быстро перевела разговор на другую тему. Распутин же все оттягивал под разными предлогами свой отъезд, поджидая, между прочим, Ордовского-Танеевского, а когда тот приехал и А.Н. Хвостов провел доклад об его назначении у государя, то положение сразу изменилось.

Распутин определенно заявил, что он никуда по монастырям не поедет, и свой отказ выразил в такой категорической форме, что возражать, из опасения вызвать только его гнев, уже никто не решался. Ввиду этого я поручил Ордовскому-Танеевскому по приезду его в Тобольск ликвидировать дело с лакеем, о чем его просил и сам Распутин, но 3 т. р. он не дал ему для передачи лакею. Я предложил Ордовокому-Танеевскому для ликвидации дела не стесняться расходами.

Почему Распутин не поехал? Мне казалось, что его путешествие по монастырям теперь теряло свой смысл, так как все тобольские инциденты были улажены, а с другой стороны, ему казались подозрительными наши настойчивые убеждения его в необходимости поездки. Религиозная же цель поездки никакого веса ни в глазах, ни в сердце Распутина не имела...

Но впоследствии, после моей отставки, в 1916 году, когда Распутин стал относиться ко мне доверчивее, я его спрашивал о причинах его отказа от поездки по монастырям. И Распутин откровенно мне сказал, что он и не предполагал выезжать и что А.А. Вырубова была также против этой поездки. Не устраивала эта поездка и Мартемиана... Играл же свою роль Распутин потому, что хотел выяснить, к чему же все наши настояния клонятся...

Все вопросы, тесно связанные с церковной жизнью и назначениями, как по обер-прокурорскому надзору, так и в составе высшей духовной иерархии, не только интересовали Распутина, но близко его задевали, так как в этой области он считал себя не только компетентным, но и как бы непогрешимым. Поэтому при всяком видном назначении или в мероприятиях в сфере духовных интересов церкви он играл, особенно в последнее время, доминирующую роль. С ним считались многие, в том числе видные иерархи церкви, не говоря уже о средних духовных слоях, искавших, по человеческой слабости, мощной поддержки у него. И наоборот, ко всему тому, что происходило помимо Распутина и его желаний, он относился нервно и неблагоприятно. Это задевало его самолюбие, и Распутин искал тех или других слабых сторон данного лица, чтобы оттенить их в высоких сферах как крупную ошибку при назначении, происшедшую потому, что его не послушали или с ним не посоветовались. Этим объясняется, почему зачастую предложения Синода по некоторым вопросам или проектам назначений, представляемые через обер-прокурора, не разрешались немедленно при докладах, а оставлялись царем и возвращались с резолюциями, дававшими иные указания.

После ухода Самарина и в связи с делом епископ Варнавы предстояло обновление состава Синода.

Мы предупредили Волжина об отношении к подобного рода вопросам со стороны Распутина и рекомендовали предварительно всеподданнейшего доклада хорошо узнать, нет ли в составе представляемых лиц таких, к которым Распутин относится неблагоприятно. Что касается нашего участия в деле составления списка присутствовавших в Синоде, то А.Н. Хвостов рекомендовал архиепископа тверского, а я — епископа могилевского Константина (противника Распутина). С этими кандидатурами согласилась и Вырубова, записавшая эти имена себе на память. Когда мы заговорили по этому вопросу на одном из обедов с Распутиным, то он согласился с нашими кандидатурами, но прибавил категорически, что необходимо вызвать с Кавказа экзарха Питирима, так как он «свой человек» и Варнаву защитит.

Ни я, ни Хвостов Питирима не знали, но у обер-прокурора Волжина имелись, как оказалось, секретные сведения о нем, касавшиеся его отношений к своему секретарю Осипенко. Эти секретные сведения Волжин доложил царю, когда Николай II повелел Волжину вычеркнуть из списка епископа могилевского Константина и вместо него поместить Питирима. Царь ответил, что он впервые слышит об этом, список оставил у себя, а затем вернул его с пометкой

о вызове преосвященного Питирима. Оказалось, что Вырубова уже давно знала Питирима, что у него были давнишние связи со двором и что, наконец, кандидатуру его провел Распутин.

Ввиду поколебавшегося после ухода Самарина положения петроградского митрополита Владимира мы опасались его ухода и назначения в Петроград митрополитом Питирима, так как предоставление ему митрополичьей кафедры было уже предрешено. Открылась тогда вакансия в Киеве после смерти митрополита Флавиана. Мы проводили через Вырубову и Распутина Питирима в Киев, но Волжин получил от государя приказание о назначении митрополита Владимира в Киев, а Питирима в Петроград.

Из всей обстановки назначения Питирима ясно было видно желание двора иметь около себя близкого человека. Мы поняли, что в силу занимаемого им положения ему будет отведено крупное влияние во дворце.

Мы с Хвостовым поздравили Питирима с высоким назначением, были у него с визитом, и наши отношения, таким образом, завязались. О Распутине мы с Питиримом никаких разговоров не заводили из чувства деликатности, хотя из докладов начальника охранного отделения Глобачева мы знали о частых посещениях Распутиным митрополита. То же подтвердил мне и Манасевич-Мануйлов, который проник вновь в дом Распутина и ввел туда сотрудника «Нового Времени» Снарского. Манасевич-Мануйлов вел кампанию в «Новом Времени» против Распутина, когда с ним же боролся и генерал Богданович По приказанию Маклакова, выступления Мануйлова против Распутина были в прессе прекращены, но Распутин боялся их возобновления и стал поэтому принимать Мануйлова, который и начал после этого передавать мне все, что узнавал в доме Распутина.

Нужно отметить, что сам митрополит, все время поддерживая самые тесные отношения с Распутиным и решая с ним все дела, всячески избегал вплоть до смерти Распутина подчеркивать публично свою к нему близость, принимая его в конспиративной обстановке, его квартиры не посещал, а для сношения с ним, зная подозрительность характера Распутина и во избежание телефонных разговоров с ним, уполномочил своего секретаря Осипенко. Последний ежедневно бывал у Распутина, часто сопровождал его в поездках по знакомым, ездил впоследствии с поручениями и письмами владыки к Вырубовой, которой только в этот период был представлен, и удостоился приема у государыни.

По отношению к Осипенко я сделал ошибку: пытался заагентурить его и настойчиво вручил даже ему для этой цели 300 р., обещая подобные же выдачи в будущем. Но значение Питирима и роль при нем Осипенко были слишком велики, чтобы можно было прибегать к подобной мере.

Питирим вскоре не избежал общей участи тех, кого судьба сводила с Распутиным: владыке пришлось испытать перемену общественных отношений к себе из-за своих связей с Распутиным, несмотря на все старания Питирима приобрести общественную популярность. Поведение Распутина и по отношению к Питириму было таким же, как и ко всем другим лицам из правящего мира, на которых Распутин смотрел как на своих ставленников. Распутин о своей близости к митрополиту говорил, где можно, и в особенности говорил там, где этого нельзя было делать, что причиняло Питириму весьма много огорчений.

На этой почве произошел разрыв Питирима и с А.Н. Хвостовым, который позволил себе бестактность. Раздосадованный на то, что митрополит не поддерживает планов Хвостова в связи с предстоявшей выборной кампанией в Думу, Хвостов, чтобы оказать давление на владыку, однажды приказал полковнику Комиссарову, приставленному к Распутину, привезти последнего к митрополиту и ввести без доклада в кабинет. А к этому моменту у владыки был и сам Хвостов. Этот приезд Распутина и приход без доклада ясно обнаружили близость митрополита к Распутину, что Питирим скрывал, а затем разговор Распутина с митрополитом о поддержке начинаний Хвостова в присутствии Распутина привели только к обратным результатам потому, что митрополита вся эта тактика Хвостова только оттолкнула от него.

Из всех лиц правящего класса как этого, так и последнего периода, прошедших через Распутина, никто не пользовался таким постоянным и неизменным доверием как государя и государыни, так и Вырубовой, как митрополит Питирим. Его постоянно приглашали к себе высокие особы и Вырубова. К его мнению по вопросам церковной и государственной жизни прислушивались, также считались с его отзывами и оценками лиц, интересовавших высокие сферы. Поездки Питирима в Царское конспирировались, и Осипенко принимал все меры, чтобы сведения о них не проникали в печать и общество. При жизни Распутина последний был в курсе всех начинаний митрополита, поэтому Питириму приходилось с ним считаться. Когда Распутин умер, я был в день его похорон вечером у владыки, и тут я понял, насколько велик был для него гнет Распутина.

Вскоре после приезда Распутина в Петроград — по моему назначению товарищем министра внутренних дел — и установления с ним и с Вырубовой некоторого сближения епископ Варнава был принят августейшей семьей и передал ей свои впечатления, вынесенные им от знакомства со мной и А.Н. Хвостовым. Владыка подчеркнул нашу преданность интересам царской семьи, наше благожелательное отношение к Распутину, нашу общую солидарность во взглядах и дружескую между собою связь. Вслед за этим как епископ Варнава, так и князь Андронников признали необходимым для меня, в моих интересах, представиться государыне императрице Александре Федоровне. Это отвечало и моим желаниям, так как я до того ни разу в личной особой аудиенции не был принят государыней. Видел я ее только на общих приемах, где был удостоиваем поклона и целования ее руки. Зная о том влиянии, которое императрица имела на государя, и о ее роли в решении вопросов государственной важности, я хотел вынести и свое непосредственное, хотя и мимолетное впечатление. Но вместе с тем я слышал и знал, из примера немилости государыни к А.А. Макарову, что ее величество ничего не забывает и не легко поддается перемене своих отношений к тем, о которых она составила определенное не в их пользу мнение. Во время моего директорства после передачи министром Макаровым государыне ее писем к Распутину, найденных у Илиодора, я был заподозрен Александрой Федоровной в том, что перехватил одно из таких писем в общем порядке перлюстрации. Кроме того, государыня знала мое отрицательное отношение в ту пору к Распутину. И этими обстоятельствами я объяснил себе тот факт, что Макаров, получив отставку от должности министра, получил в то же время письменное приказание уволить меня без объяснения причин. Об этом я узнал впоследствии не от Макарова. Узнал и то, что Макаров, получив такое повеление, испросил себе аудиенцию у государя и убедил его оставить меня на службе. Думаю, что на решение государя уволить меня повлиял и князь Мещерский, с которым у меня произошел разрыв и который вел против меня кампанию в «Гражданине» и делал личные и письменные обо мне доклады государю.

Ввиду всех этих обстоятельств я естественно боялся, что прием меня государыней может носить характер простого официального представления, которое не выяснит отношения царицы к представляющемуся лицу.

Поэтому, по совету князя Андронникова и с ведома А.Н. Хвостова, я обратился к Вырубовой и высказал ей

свои опасения относительно своего приема государыней. Вырубова приняла во мне большое участие, переговорила при мне по телефону с государыней по-английски и сказала мне, что государыня будет рада принять меня. И кроме того, записала себе для памяти — переговорить еще раз перед приемом обо мне с государыней. На другой день я ею был принят.

В назначенный час я был введен скороходом в одну из личных комнат государыни и удостоился особо милостивого приема. Пригласив меня сесть, государыня выразила свое удовольствие по поводу моего назначения и моей солидарности и дружеской связи с А.Н. Хвостовым, поблагодарила за сведения, сообщаемые Вырубовой, и подчеркнула, что в передаче переписок о Распутине (по двум вышеупомянутым делам-скандалам, очевидно, переданным Вырубовой государыне) она видит залог нашего дальнейшего благожелательного отношения к Распутину. В ответ на это я принес ее величеству искреннюю благодарность за то доверие, какое она проявила ко мне своим участием в деле моего назначения, и затем уверил ее величество, что как во время моего управления департаментом полиции, так и в настоящее время мною принимались и будут приняты все меры к охране жизни Распутина. Коснувшись истории с письмом, о котором я раньше упомянул, я постарался рассеять у государыни сомнения относительно участия моего в этом деле.

Затем я доложил ее величеству о намеченной А.Н. Хвостовым и мною первойшей задаче нашей программы — организовать и широко распространить среди народа издания и картины, обрисовывающие царственные за период войны труды ее величества, его величества и их дочерей. К этому государыня отнеслась с большим сочувствием и просила предварительно посылать ей на просмотр корректурные листы.

Когда я перешел к докладу о намеченном нами открытии в фабричных районах продовольственных лавок для рабочих, государыня отнеслась одобрительно и к этому плану и указала, что продовольственный вопрос и настроение рабочих сильно озабочивают государя, который возлагает в этом отношении особые надежды на А.Н. Хвостова.

Наконец, государыня, находясь, по-видимому, под впечатлением представлявшегося ей передо мной князя Жевахова (которого я встретил в приемной) и зная мои отношения к Волжину, передала через меня обер-прокурору Св. Синода повеление об устройстве князя Жевахова по ведомству Св. Синода согласно желанию князя.

Разговор наш все время шел на русском языке, которым государыня владеет хорошо, с редкими сравнительно

заминками в длинных периодах и со слабым иностранным акцентом, в противоположность своей сестре Елизавете Федоровне.

Из этого приема государынею, длившегося полчаса, я вынес впечатление, что интересы Распутина очень близки ее величеству, что вопросы, выдвигаемые обстановкою времени, ее сильно захватывают, что Вырубова ставит ее в курс всего того, о чем узнает от лиц, ее окружающих, пользуясь безграничным доверием государыни, и что, наконец, государыня, если пожелает, может быть простой, доступной, любезной и благодарной тем, кто служит ее интересам.

Заехав затем после приема к Вырубовой, я поблагодарил ее за проявленное ею участие в этом приеме и передал ей, как прием государыней тронул меня и расположил к ней. О том же я сообщил князю Андронникову, Распутину и епископу Варнаве.

Поручение к Волжину я исполнил, и после длинной истории, больших затруднений и препятствий князь Жевахов получил впоследствии должность второго товарища обер-прокурора Синода, несмотря на свою молодость и отсутствие достаточного служебного стажа.

ГЛАВА VIII

А.Н. Хвостов, как министр внутренних дел, не имел никаких полномочий вмешиваться в назначения министров, тем не менее он это систематически практиковал. Роль Хвостова в назначении Волжина указана выше. Он провел Наумова на пост министра земледелия вместо Кривошеина и весьма долго вел интригу, чтобы вместо Барка министром финансов провести графа Татищева. Невольно возникает вопрос, как же А.Н. Хвостов, не имея высочайших обещаний поста председателя Совета Министров, ни полномочий близкого советчика, мог осмелиться вмешиваться в функции, относящиеся к сфере прав председателя Совета Министров?

Нужно заметить, что назначение Хвостова состоялось в весьма знаменательный период. К этому моменту у государыни окончательно созрело поддерживаемое, особенно Распутиным, мнение о необходимости иметь около себя, государя и наследника только людей, в личной преданности которых она не могла сомневаться. Государыня учитывала сложившиеся политические условия страны и их серьезность и особенно опасалась за жизнь наследника. Эту мысль о необходимости окружать себя только безусловно преданными людьми государыня внушила и государю, и с

этой точки зрения необходимо смотреть на все назначения этого и последующего периода.

А.Н. Хвостов был давно известен государю. Мысль о назначении его на пост председателя Совета Министров возникла тотчас после смерти Столыпина, и Распутин был уже командирован в Нижний, чтобы «посмотреть» на такого кандидата. Свою преданность престолу и самодержавным началам Хвостов подчеркнул тем, что, оставив губернаторский пост, пошел в Государственную Думу и не только сел на правых скамьях, но и добился звания председателя правой фракции. При представлении государю он даже в дни докладов по должности министра всегда надевал значок «Союза Русского Народа», украшенный лентами, чего никто из сановников правых убеждений никогда не делал. Близкие лица, мнением которых государь дорожил, к А.Н. Хвостову относились хорошо и об его начинаниях отзывались с похвалой. Сам Хвостов при докладах царю усвоил систему Сухомлинова и умел вести такой доклад, учитывая особенности характера его величества, располагая изобильным материалом для поднятия множества вопросов, ловко выведывая взгляд государя и внушая ему и свою точку зрения. Наружность и подкупающие своею правдивостью глаза скрывали внутренние побуждения. Подобно впоследствии Протопопову, Хвостов подчеркивал государю, государыне (а также Вырубовой и Распутину) идейную сторону своего служения и бескорыстного желания быть полезным государю: он всегда указывал, что он обладает громадным состоянием (которое в значительной части принадлежало не ему, а его жене). Хвостов затем умело использовал хорошо ему известные отношения государя к лицам и событиям; таким образом, достиг того, что доверие к нему росло. И если бы не ряд ошибок, им сделанных, несомненно, Россия имела бы его на посту председателя Совета Министров после ухода Штюрмера.

Как умел обставлять свои приемы у государя при помощи Распутина и Вырубовой Хвостов, видно из следующего факта. Флигель-адъютант Дрентельн, хотя и родственник Хвостова, открыто заявлял, что ввиду близости последнего к Распутину он Хвостову при встрече руки не подаст. Дрентельн был близок к государю и постоянно бывал около него во дворце и в Ставке. Поэтому ввиду того, что Хвостову предстояло ехать в Ставку для доклада, он был очень обеспокоен возможностью открытого скандала с неподачей руки, скандала, о котором немедленно была бы осведомлена Государственная Дума, не говоря о сановном Петрограде. Поэтому Хвостов решил обратиться к государыне, к Вырубовой и Распутину, хотя

знал, что Дрентельна государыня очень не любила и была способна настоять на удалении его из армии, что вызвало бы неблагоприятные толки в армии и в Петрограде в думских кругах, а этого Хвостов решил избегать.

Кроме подготовительного письма, посланного князем Андронниковым и Хвостовым дворцовому коменданту Воейкову, Хвостов усиленно внушал Вырубовой и Распутину мысль о необходимости воспользоваться данным моментом и подорвать у государя доверие к Дрентельну, незаметно удалив его из армии путем назначения командиром армейской бригады. При этом Хвостов выставил себя страдальцем за интересы государыни и близких ей лиц. Распутин и Вырубова приняли горячее участие в этом деле. Вырубова обещала свое содействие, но не сказала, в чем оно выразится; однако настаивала, чтобы Хвостов при приеме у государя коснулся бы вопроса и о Дрентельне.

Хвостов уехал в Ставку, был принят государем и в конце доклада заговорил о Дрентельне и его угрозе. Царь ответил, что Хвостов сам скоро убедится в неосновательности своих опасений. И действительно, когда государь стал у закусочного стола и Хвостову, приглашенному к столу, пришлось проходить мимо Дрентельна, то государь не спускал глаз с флигель-адъютанта, и он подал Хвостову руку. По приезде Хвостов от Вырубовой узнал, что Дрентельн получит назначение в армию. На самом деле он получил назначение не в армию, а в гвардию — командиром Преображенского полка. Вопрос об уходе Дрентельна в армию затянулся до предреволюционного времени. Незадолго перед этим Дрентельн был в Петрограде и должен был представиться государыне, но в назначенный час на прием опоздал, а на другой день на прием и совсем не явился, сославшись на необходимость отъезда из Петрограда, что государыня приняла за демонстрацию против себя.

Эта характерная особенность государыни — отождествлять личное к ней отношение с отношением ко всей августейшей семье — заставляла нас серьезно считаться при проведении всех наших дел и проектов, а также и при различных докладах Вырубовой. Относительно этих докладов приходилось во все посвящать Распутину, который подозрительно относился к влияниям на Вырубову вне своего участия и всегда проверял, правильно ли ему был передан доклад Вырубовой. Он придавал большое значение своей осведомленности, чтобы при свиданиях с государем, которым он придавал большое значение, обнаруживать знание и интерес к вопросам государственного порядка; причем Распутин так же, как и Вырубова, записывал все то, что останавливало его внимание.

Из бесед с Вырубовой я выяснил себе, кто из тех или иных лиц, в какой степени и в силу каких соображений интересуется императрицу. И сообразно с этим я прибег к помощи перлюстрации, составив для заведующего ею тайного советника Мардарьева соответствующий список лиц, корреспонденция которых подлежала просмотру. Этот список был дополнен фамилиями лиц, которыми интересовался также и Хвостов. Материал, почерпнутый из вскрытых писем, а также и сведения из других источников служили темой для докладов Вырубовой. Так как в это время отношение к императрице почти всей императорской фамилии выяснилось и государыня многое знала из жизни великокняжеских дворов из разных источников, то я своей агентуры в этих дворцах не заводил и письма их высочеств не просматривал, а только, получая в не которых случаях от Вырубовой указания, сообщал ей, что мне приходилось узнавать другими путями. Отношений императрицы к императорской фамилии Вырубова от нас не скрывала.

Распутин понимал хорошо, насколько для него лично важно парализовать влияние великих князей на государя: Поддерживая настроение императрицы и государя против тех высочайших особ, которые шли против него, Распутин в тех случаях, когда видел возможность заручиться хоть каким-нибудь поводом завязать с каким-нибудь двором августейших особ связи, старался проявить к тому свой живой интерес. Это он делал для того, чтобы в беседе с государем доказать отсутствие у него личных побуждений в вопросе о семейных отношениях в царской фамилии, а наоборот, показать свое душевное желание сроднить и сблизить всю августейшую семью не столько в династических интересах, сколько в родственных. Но таких случаев было мало. Отмечу один из них, о котором сам Распутин старался везде говорить. Дело в том, что великий князь Павел Александрович был в опале из-за своего морганатического брака. Отношение со стороны императрицы к его супруге было исключительно отрицательным, и последняя поэтому обратилась за содействием к Распутину. Распутин обрадовался случаю и со свойственной ему настойчивостью добился того, что императрица переменила свое отношение к жене Павла Александровича: опала была снята, брак великого князя был признан, его жене был дан титул светлейшей княгини Палей, а великий князь был привлечен к активной деятельности. Распутин даже мечтал сроднить эти августейшие семьи через великого князя Дмитрия Павловича. Впоследствии княгиня Палей, в силу различных причин, главным образом, вследствие поведения Распутина, отошла от него. Распутин чтобы избежать упрека государя в неумении распознать людей, старался подчеркнуть в его глазах

положительную сторону своих побуждений вне всяких его отношений к княгине и ее супругу, вина в данном случае ту среду, в которой они вращались в последнее время. На это жаловалась и Вырубова, которая указывала на частые посещения великого князя Стаховичем и графом Олсуфьевским, открыто выступавшими у великого князя и в других домах против императрицы в связи с разоблачениями Распутина. Однако Распутин и поддерживавшие его лица не простили княгине Палей перемену ее отношений к Распутину, и результатом ее разрыва с ним явилось охлаждение к великому князю Павлу Александровичу и опала княгини Палей со стороны императрицы.

Тем же надо объяснить и последовавшее в последнее время охлаждение царской семьи к великому князю Михаилу Александровичу. Снятие с него опалы, признание его брака с дарованием его супруге титула графини Брасовой, назначение командиром дикой дивизии, его посещение Кавказа и оказанный ему прием, успехи этой дивизии — все это невольно выдвигало личность великого князя и служило причиной частого упоминания его имени. Распутин все время поддерживал в императрице опасность популярности Михаила Александровича в армии и народе. Когда великий князь Михаил Александрович после недолгого пребывания на театре военных действий вернулся с супругой в Гатчину, то императрица обратила внимание на его личную жизнь, и в особенности на его появление запросто с женою в общих залах петроградских ресторанов «Астории» и «Медведя», и на круг его знакомств и родственных связей его супруги. Вследствие этого Вырубова поручила нам сообщать ей для доклада императрице все сведения о Михаиле Александровиче. Нам было поручено возможно подробнее осветить его жизнь, так как императрица и Вырубова видели в замкнутой жизни семьи великого князя в Гатчине, в его знакомствах и в особенности во влиянии его жены, обладавшей сильным характером и большим честолюбием, — указания на возможность тайных династических притязаний. Однако мои данные не дали никаких для этого материалов.

За этот же свой служебный период я заметил огромное влияние Распутина на возраставшее в ту пору охлаждение государыни к своей августейшей сестре Елизавете Федоровне. Со слов Распутина я знал, что приезды Елизаветы Федоровны, в особенности если они совпадали с пребыванием государя в Царском Селе, сильно нервировали императрицу. При этом Распутин прибавлял, что Елизавета Федоровна постоянно поднимает вопрос об удалении его, Распутина, от близости к августейшей семье, чем, по словам Распутина, она добьется только того, что ее совсем не будут принимать.

Все отмеченные выше черты отношений высоких сфер государственным вопросам в особенности проявлялись по отношению к Государственной Думе. Я не буду касаться всем известной истории возникновения этого учреждения, вызванного к жизни напором общественного настроения того времени. Не буду говорить о той роли, которую сыграли влиятельные правые кружки, лица и действовавшие в силу своих партийных лозунгов монархические организации в деле удаления графа Витте от должности премьера. Не коснусь и дальнейшего до его смерти отношения к нему государя, несмотря на то что граф Витте имел вначале сильную поддержку в лице государыни императрицы, стоявшей даже вначале на точке зрения необходимости дарования народу полной конституции. Не буду также касаться вопроса о последовавшем изменении отношения государя, в силу тех же причин, к покойному дворцовому коменданту Трепову и начавшемся, правда незаметно, охлаждении к великому князю Николаю Николаевичу за его участие в поддержке графа Витте при обновлении порядка в стране. Отмечу только, что первые две Государственные Думы своими выступлениями по волновавшим их вопросам давали сильное оружие против них в руки их политических противников, сумевших внушить государю чувство подозрительности к этому учреждению. П.А. Столыпину пришлось выдержать большую борьбу с влиятельными правыми течениями и идти по пути некоторых уступок чтобы доказать необходимость этого государственного института в интересах успокоения страны. В предпринятых Столыпиным начинаниях налаживания отношения правительства с Государственной Думой кроется весь секрет признанной необходимости пребывания его на посту председателя Совета Министров и успех его борьбы с покойным П.Н. Дурново, окончившейся выездом последнего за границу незадолго до смерти Столыпина. Той же политики примирения с Государственной Думой держался и В.Н. Коковцов. Но с Государственной Думой начали считаться только как с учреждением законосовещательным, вошедшим так или иначе в обиход государственной жизни страны, и чутко прислушивались ко всем выступлениям Государственной Думы и министров, в особенности во время бюджетных чтений и по вопросам управления. В силу тех же доминирующих правых течений развивалась политика привлечения на сторону правительства умеренных и правых групп, а в усилении правого крыла Государственного Совета видели сдерживавшее Государственную Думу начало в ее конституционных стремлениях.

Государь после речи А.И. Гучкова в Государственной Думе о влиянии Распутина заглушил в себе, считаясь с государственными соображениями, личное чувство обиды и не пошел навстречу сильному напору на него разных влияний, желавших использовать этот момент личных чувств государя в своих домогательствах об упразднении Государственной Думы. Но зато государыня с этого момента резко изменила свое отношение к ней и всецело перешла в этом вопросе на точку зрения правых групп. Она прислушивалась к их голосу, в особенности идущему из провинции и зачастую отвечавшему правительственным директивам. Старалась приблизить к государю тех влиятельных сановников, которые могли бы содействовать изменению его взглядов на Государственную Думу, нервно относилась ко всеподданнейшим личным докладам председателя Государственной Думы, в особенности если темой доклада служили вопросы, которым она придавала личное значение.

Война заставила изменить отношение к Думе, в особенности в минуты тяжелых испытаний переменного военного счастья. Затем между Думой и правительством начался ряд осложнений на почве обвинения правительства в неподготовленности к войне и в представлении неверных сведений о боевой приспособленности армии и в нежелании идти навстречу Думе в области мероприятий по обороне. Осложнения эти заставили Думу прибегать к поддержке Верховной Ставки, ставшей в интересах армии на сторону Государственной Думы. Этим была значительно выдвинута роль великого князя Николая Николаевича в делах государственного управления. Министры не только считались с его взглядами, но и были поставлены даже в положение исполнительных органов его повелений. Это повлекло за собой обращение некоторых министров к государю в отстаивании своих мероприятий, в соответствующем освещении роли Думы и великого князя. Изменилось отношение к великому князю и правых влиятельных групп, в особенности после частичного обновления кабинета. Это повлекло за собой в связи с отрицательным отношением Распутина к великому князю и умело внушенными старцем в это время подозрениями о посягательстве великого князя при помощи Думы и армии на корону — уход великого князя на Кавказ. Переменилось и отношение к Государственной Думе и к тем министрам, которые оказывали ей поддержку.

Этот период совпал со вступлением А.Н. Хвостова в управление министерством внутренних дел. При обсуждении нашего плана действий мы ввели в нашу программу необходимость ослабить остроту переживаемого момента, войти в контакт с правым крылом Думы и Совета и монархическими организациями, приостановить хотя бы времен-

но их выступления перед государем против Государственной Думы и парализовать в этом вопросе влияние Горемыкина, отрицательный взгляд которого на Государственную Думу мне был известен из частных бесед. В нашу задачу входило также примирить государыню с необходимостью, в интересах армии и страны, прохождения бюджета в предстоящей сессии Государственной Думы, а также принять все меры к сближению с председателем Государственной Думы и влиятельными ее депутатами. Подготовив такую обстановку, мы предполагали, переговорив с генералом Алексеевым и убедив Воейкова, осветить именно в этом направлении вопрос о Думе при личном докладе государю...

Подготовив, таким образом, некоторую почву для осуществления нашей программы о Государственной Думе, мы постоянно, при каждом свидании подготавливали к благоприятному для нас разрешению наших предложений и Вырубову и Распутину, запутывая их беспокойным настроением масс, видимыми осложнениями войны и подчеркиванием патриотической роли Думы. Нельзя сказать, чтобы нам с первых же разговоров удалось достигнуть желаемых результатов.

В этом отношении Вырубова была откровеннее Распутин. Хотя она и понимала важность переживаемого времени, но на Государственную Думу смотрела с той же точки зрения, как и императрица и правые кружки. Только наша настойчивость и убеждение ее в том, что нами будут приложены все усилия к тому, чтобы в общих собраниях Думы не был поднят разговор об императрице, Распутине, митрополите и о ней, несколько поколебали ее, и она обещала переговорить по этому поводу с императрицей...

Что касается Распутин, то его отношение к Государственной Думе можно охарактеризовать следующим образом.

Присмотревшись к Распутину, я вынес убеждение, что у него идейных побуждений не существовало и что к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов своих и Вырубовой. Но в силу свойств своего характера он старался замаскировать внутренние движения своей души и помыслов. Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, не интересующимся никакими материальными благами человеком, вполне доверчиво идущим навстречу доброму делу, так что многие искушенные опытом жизни люди и даже близко к нему стоящие лица зачастую составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрывать их карты. Только в минуты сильного гнева, раздражения или полной его доверчивости у него обнаруживались иные черты его характера и помыслов.

Как ни мало знали мы еще Распутина в ту пору, для нас была понятна его точка зрения на Государственную Думу. В прошлом Государственная Дума ничего ему, Распутину, не дала хорошего, а наоборот, каждое открытие сессии Государственной Думы влекло за собой не только стеснение его свободы действий, но в большинстве и выезды его на продолжительное время из Петрограда, а это порождало у него тревогу за возможность в этот промежуток времени изменения отношений к нему со стороны, по крайней мере, государя. Выступления Гучкова обнаружили близость Распутина к высшим сферам, что вызывало общее негодование и породило в Распутине чувство опасения за свою жизнь. В будущем он не надеялся на перемену отношений к нему Государственной Думы, так как он сам видел, насколько этот вопрос беспокоил государя. Поэтому он всецело поддерживал государыню в мысли о бесполезности Думы, а государю указывал, что крестьянская масса разочаровалась в Государственной Думе, которая ничего не сделала для крестьян в улучшении их положения.

Распутин, будучи знаком с представителями монархических организаций, с Дубровиным, Орловым, его часто посещавшим, с Восторговым, Кольцовым и другими, находил в их взглядах на работу Государственной Думы материал для своих бесед с государем, с целью выставить не свои личные обиды и боязнь этого учреждения, а партийные лозунги и соображения в интересах монархического принципа. С другой стороны, Распутин боялся высказывать открыто свои взгляды на Государственную Думу, чтобы этим не дать повода к излишним о нем разговорам в ней. Он очень нервно воспринимал все то, что говорилось о нем в кулуарах Думы, и, когда эти разговоры до него доходили, расспрашивал меня об их подробностях и очень ценил тех немногих лиц, кто старался рассеять среди депутатов эти толки. Поэтому он обнаруживал свои симпатии А.А. Кону, который, познакомившись с ним по моей просьбе, — как увлекающийся вообще человек и к тому же мистик — почему-то искренне к нему привязался, находя в нем какой-то особенный склад душевных импульсов. Имея место, как журналист, в ложе корреспондентов и часто посещая Государственную Думу, где у него было много знакомых среди депутатов, Кон старался защищать Распутина и даже носился с мыслью сблизить с ним членов Государственной Думы. Эта мысль очень понравилась Распутину, но, с другой стороны, несколько его пугала. Я был против этого плана, который был осуществлен уже после моего ухода, когда Кон уже по собственному побуждению начал осуществлять это сближение Распутина с членами Государственной Ду-

мы. Я два или три раза присутствовал при свидании Распутина с М.А. Карауловым и видел, как Распутин с особым вниманием всматривался в Караулова, как в человека другого мира, и не знал, как вести себя. И только когда Караулов, налив себе за обедом вина, пригласил его выпить, Распутин начал входить в свою колею. И все же в его беседе время от времени проскальзывало желание показать Караулову, что он — человек исключительный. По моим советам и настоянию Вырубовой, такие свидания вскоре прекратились.

После моего ухода, когда в Государственной Думе начались речи об императрице и о Распутине, я заинтересовался отношением Распутина к заседаниям Государственной Думы и спрашивал об этом Манасевича-Мануйлова, все время, на первых порах по назначению Штюрмера, находившегося около Распутина.

Мануйлов передал мне, что из всего того, что происходило в Думе, Распутин интересовался только выступлениями против него и против лиц, ему покровительствовавших. Распутин требовал, чтобы Мануйлов прочитывал ему все, что о нем говорилось в Думе, и был взволнован, сосредоточен и ругал Штюрмера за то, что тот сейчас же не выступил в его защиту.

Когда А.Н. Хвостов и я начали разговаривать с Распутиным о предстоящем открытии сессии Государственной Думы, он сразу изменился, выслушал наши доводы и ответил с замаскированно простодушным и доверчивым видом, без всякой будто бы злобы, что он не раз говорил с государем о том, что надо помириться с Государственной Думой, приехать в нее и сказать: «Я ваш и вы мои, из-за чего нам ссориться, будем жить в ладу». Но «они», то есть депутаты, по словам Распутина, больно оскорбили государыню, и виною охлаждения высоких сфер к Государственной Думе являются Гучков и Родзянко. Распутин говорил, что он отлично понимает, почему его Дума не любит, тогда как он ничего дурного не сделал и, кроме добра, никому, а тем более августейшей семье, не желал. Думцы же все время про него распускают всякие небывлицы, а Родзянко передает их государю.

Видя такую неискренность Распутина и чувствуя в его ответе оттенок затаенного озлобления против Думы, мы дали ему понять, что если только эта сессия Думы будет отложена, то не только Дума, но и вся Россия и армия будут винить в этом исключительно его, — и тогда мы не ручаемся за его безопасность. Наоборот, если Распутин поможет открытию Думы, то можно это обстоятельство использовать для изменения недоброжелательного к нему отношения, указав некоторым думцам на его роль в этом

деле. Что касается Родзянко, то Хвостов успокоил Распутину, сказав, что он с ним находится в хороших отношениях и примет все меры к убеждению Родзянко не допускать в открытом заседании разговоров ни о нем, ни об императрице. Затем мы указали Распутину на те соображения, какие приводили и Вырубовой относительно смягчения настроения Родзянко. К этому я прибавил, что в Государственной Думе есть около Родзянко мой хороший знакомый — товарищ Родзянко А.Д. Протопопов, который желает познакомиться с Вырубовой и с ним, который обещал нам помогать ввиду своей преданности государю и государыне и который совершенно иначе, чем другие, понимает и относится к нему, Распутину.

После этого Распутин перешел на свой обычный тон и стал интересоваться деталями этого дела и, усвоив себе личную выгоду от нашего предложения, обещал даже сказать Вырубовой, чтобы она попросила Танеева (своего отца) о награждении Родзянко, и дал свое согласие содействовать нам в этом деле.

После посещения Распутиным государыни и получения А.Н. Хвостовым разрешения от ее величества императрицы внести этот вопрос на всеподданнейший доклад государю Хвостов отправился в Ставку и там, заручившись согласием Воейкова и Алексеева, провел свою программу. Вернувшись в Петроград, Хвостов постарался широко распространить в думских кругах о благожелательном настроении государя к Думе и ее работам. По агентурным думским сведениям, это обстоятельство сгладило недоверчивое отношение думских кругов к Хвостову и внесло успокоение в депутатскую среду относительно открытия занятий Государственной Думы.

О решении государя Хвостов довел до сведения некоторых министров. Но Хвостов не учел влияния Горемыкина... Горемыкин при докладе ему Хвостовым этого дела сказал, что он не получил еще никаких директив от государя и предполагает, в зависимости от хода занятий бюджетной комиссии Государственной Думы, испросить указаний по этому вопросу от его величества. Своего взгляда Горемыкин не высказал... Председатель Совета Министров еще до этого говорил мне, что ему не нравится роль, которую занял Хвостов в вопросе об открытии Думы, взяв именно на себя его разрешение путем всеподданнейшего, доклада. Об этом я сообщил Хвостову, и тогда он решил поднять этот вопрос в Совете Министров...

Чем ближе время подходило к середине декабря, тем сведения, получаемые мною из Думы, становились тревожнее, так как ввиду близости рассмотрения в Бюджетной комиссии сметы министерства внутренних дел видно

было, что не избежать в Бюджетной комиссии выступлений против Распутина. И Родзянко, по словам Хвостова, не видел возможности положить какой-нибудь предел этим разговорам в комиссии. Хвостов все же надеялся, что он сумеет своим ответом в бюджетной комиссии не вносить излишнего раздражения в среду депутатов и тем избежать резкой переходной формулы. Хвостов надеялся, что этим и окончатся выступления против Распутина и на общих собраниях они не повторятся. Что касается печати, то по военной и общей цензуре уже существовало распоряжение не пропускать о Распутине ни одной строчки. В этом направлении и были осведомлены Вырубова и Распутин. Не скажу, чтобы это их успокоило, так как они настаивали, чтобы ни о каких подробностях о заседании Бюджетной комиссии, где будет затронут Распутин, не было помещено в печати. Ввиду этого Хвостов отдал по Петрограду и по Москве соответствующие распоряжения самого категорического характера.

Когда приблизился день рассмотрения сметы министерства внутренних дел в Бюджетной комиссии, мы получили уже подробные сведения о том, кто именно из депутатов, о чем и в каком духе будет выступать с речами о влияниях Распутина.

В день заседания Бюджетной комиссии я должен был выехать в Ставку и поэтому присутствовал только на части заседания. По моем возвращении Хвостов заявил мне, а затем при мне Вырубовой и Распутину, что он сравнительно доволен исходом прений.

Приближалось время открытия Государственной Думы, но Горемыкин об этом в Совете Министров вопроса не подымал. Мне и Хвостову было известно, что он ездил с докладами к императрице. Это нас несколько встревожило. Затем у Горемыкина в этот период времени бывал Распутин, который нам также не сообщал о цели своего посещения председателя Совета Министров, а объяснял это свидание желанием вообще его повидать. Все это было подозрительно, и поэтому Хвостов решил поднять вопрос о Думе в Совете Министров. Несмотря на попытки Горемыкина отклонить суждение по вопросу о созыве Думы, тем не менее обмен мнениями состоялся, и большинство министров стояло на точке зрения Хвостова. Горемыкин, не высказывая своего мнения и, закрывая заседание, обещал при докладе государю сообщить ему выслушанные им мнения министров.

Хотя мы обо всем предупредили Вырубову и Распутина, тем не менее мы узнали затем, что Горемыкин побил нас тем же оружием, которое мы выставляли, то есть Распутиным, представив происшедшие в Бюджетной комис-

сии выступления против Распутина началом более сгущенных разговоров на эту тему и относительно императрицы в открытом заседании Государственной Думы. При этом Горемыкин указывал, что Родзянко, по имеющимся сведениям, противодействовать этому не будет. Сведения эти, конечно, стали достоянием министров, Государственной Думы и прессы. Настроение Государственной Думы резко изменилось. И это было использовано Хвостовым для того, чтобы всю ответственность за изменившееся отношение Государственной Думы и общее в стране по этому поводу неудовольствие всецело перенести на Горемыкина и убедить высшие сферы принять ряд мер для смягчения настроения депутатов. Я рекомендовал изменить обычную форму даваемого в таких случаях указа, составив его в виде рескрипта на имя Родзянко и поставив срок открытия Думы в зависимость от доклада Родзянко государю об окончании работ бюджетной комиссии. Затем мы рекомендовали посещение государем Государственной Думы и указали, что перемена председателя Совета Министров будет служить наглядным для всех доказательством того, что высокие сферы в этом вопросе считают ответственным Горемыкина, который своим неточным докладом о настроении Думы поставил в необходимость принять такую меру, как отсрочка ее созыва. Указ был составлен министром юстиции и дан на имя Горемыкина в несколько измененной редакции, что снова дало повод Хвостову отметить неприятное впечатление, произведенное на Государственную Думу этим указом, и опять высказать Вырубовой и Распутину для доклада при дворце, что необходимо и это обстоятельство поставить в вину Горемыкину.

ГЛАВА X

Чисто личные отношения, чисто личная оценка являются преобладающими во всех проявлениях высоких сфер. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, из которых ограничусь следующими.

Чрезвычайно популярный в московских фабричных пригородах протоиерей Востоков, решившийся поместить на страницах своего духовного журнала петицию прихожан против влияния Распутина, был уволен и переведен в уфимскую епархию. Вмешательство в это дело уфимского архиерея Андрея, в миру князя Ухтомского, вызвало неудовольствие против него Вырубовой и Распутина и митрополита Питирима и не повлекло его удаления на покой только из опасений Синода, что такая мера вызовет от-

крытое выступление самого епископ Андрея и поддержку со стороны прессы.

Известный протоиерей Восторгов был давно дружен с Распутиным. Вырубова и Распутин, под влиянием Хвостова, оказали Восторгову поддержку в его стремлении получить викарианство в Москве. Но митрополит Питирим, ввиду поднятого вокруг этого назначения газетами шума, хотя митрополит московский Макарий и стоял за Восторгова, высказался против этого, предполагая предоставить Восторгову епископскую кафедру в Иркутске. Делу помешал д-р Дубровин, который через меня передал Вырубовой одно из изданий Восторгова с отрицательным в нем отношением к Распутину. Распутин также заинтересовался этим изданием и сказал: «Теперь Восторгову — крышка, ничего не получит...» И действительно, с тех пор все разговоры о переводе и повышении Восторгова прекратились.

Архиепископ иркутский Иннокентий был удален со своего поста ввиду того, что в департамент полиции попала перлюстрированная военной цензурой его переписка с одной из игумений монастыря, в которой, кроме чисто интимных излияний, был высказан ряд горьких мыслей по поводу губительно отражающегося на всем ходе церковного управления, развращающего высшую иерархию влияния Распутина и отношений к нему высоких особ. Я ознакомил Вырубову с этой перепиской и, по ее указаниям, передал копию обер-прокурору Волжину и митрополиту Питириму. После указа об удалении епископа были приняты меры к тому, чтобы его прощание с паствой, в которой он был популярен, не сопровождалось демонстрациями. А ввиду донесений жандармского управления по поводу отношений к владыке генерал-губернатора Князева последний, по представлению Хвостова, без всяких предварительных сношений с генерал-губернатором, что его обидело, был назначен в Государственный Совет.

Отношения к военному министру Поливанову определились еще тогда, когда он разорвал свои отношения с Сухомлиновым и вследствие его близости к А.И. Гучкову. Когда Поливанов был назначен военным министром, то продолжающееся его знакомство с Гучковым и близость его к графу Коковцову — к чему относился подозрительно и Горемыкин — служили темой частых наших разговоров с Вырубовой. Но подозрительность к Поливанову усилилась с момента приезда Распутина, когда было обнаружено филерское наблюдение за Распутиным со стороны военного ведомства, устроившего также проследку телефонных разговоров Распутина и наших. Вырубова, узнав про это, просила принять нас свои меры. Мы филерское наблюдение военного ведомства за Распутиным провали-

ли, были сделаны телефонные отводы, и я, в свою очередь, установил наблюдение за телефонными разговорами Поливанова из его квартиры и за его поездками в Царское и Павловск для выяснения его знакомств. О получаемых мною сведениях я сообщал Вырубовой. Так как она и Распутин волновались слежкой за собой, особенно за телефонными разговорами, то я как-то передал Поливанову, что установка наблюдений за Распутиным вызвала принятие и с нашей стороны таких же мер. После этого филерская проследка и наблюдение за телефоном военным ведомством были сняты. Хвостов пытался в докладах бороться с Поливановым, но государь не поддавался этому и, наоборот, требовал от Хвостова установления корректных отношений с Поливановым. Вследствие этого и так как в наш план налаживания отношений с Думой не входило обострение вопроса о Поливанове, с декабря 1915 года мы старались избегать в наших беседах с Вырубовой и Распутиным упоминания о Поливанове.

Уход Поливанова состоялся уже после нашего оставления службы в министерстве, но основная причина охлаждения Штюрмера к Поливанову произошла при нас.

Штюрмер с первых шагов своего вступления на пост председателя Совета Министров отнесся очень внимательно к плану А.Н. Хвостова, задуманному им с Гурляндом, по борьбе с оппозиционной прессой и созданию путем скупки акций «Нового Времени» доминирующего влияния правительства на этот орган и т. п. Узнав, что Хвостов получил согласие на кредит из секретного фонда для осуществления этих мероприятий и для предстоявшей избирательной кампании, Штюрмер пожелал взять на себя общее руководство этим делом. Меня удивило, что Хвостов легко согласился на это, по-видимому, неспроста, а имея в виду особые при этом цели. Согласился Хвостов и с желанием Штюрмера присутствовать при первом же докладе Хвостова государю под предлогом необходимости совместного освещения общих вопросов. Также Хвостов согласился и на представление Штюрмеру всего перлюстрированного материала, шедшего к министру внутренних дел, чего при Горемыкине не было.

Хвостов затем рассказал мне, что на совместном докладе Штюрмер нервничал, волновался, никаких программных предложений не делал, а только сумел испросить у государя разрешение на ассигнование в его, Штюрмера, распоряжение 5 миллионов рублей из секретного фонда на осуществление мер по прессе, но государь поставил условием, чтобы ассигнование прошло через Совет Министров. По-видимому, эта ассигновка была единственным мотивом желания Штюрмера присутствовать при докладе Хвостова.

В следующем очередном заседании Совета Министров Штюмер предложил им к подписи проект журнала о денежном отпуске без указания, на какие надобности, доложив Совету, что на отпуск денег государь уже согласился; Хвостов подписал журнал, а Поливанов, к которому журнал перешел для подписи, спросил о целях назначения кредита. На это Штюмер резко отвечал, что обо всем он докладывал государю как о секретном назначении, что если Поливанов не желает, то может журнала не подписывать, но об этом будет доложено царю. Тогда Поливанов и вслед за ним остальные министры подписали журнал, но об инциденте пошли разговоры, дошедшие и до Думы. Тогда я, помимо Хвостова, доложил обо всем Вырубовой, советуя, дабы избежать впутывания в это дело имени государя, предупредить его об этом, так как Штюмер не указал Совету Министров цели расхода, а сослался на доклад государю. В результате государь оставил при докладе Штюмером журнал у себя, а затем вернул его с пометкой о согласии «с ознакомлением лично государственного контролера Покровского о всяком расходе из этого кредита». Штюмер был поражен таким исходом, а министры довольны. Сведения об отметке государя попали в Думу, и Штюмер считал виновником всего этого Поливанова. Я вскоре после этого уезжал надолго из Петрограда и не знаю, что предпринимал Штюмер относительно Поливанова, но знаю, что назначение Шуваева прошло мимо не только Штюмера, но и лиц, его поддерживавших, и по своей неожиданности ошеломило Распутина, так как кандидатом Штюмера и Распутина был генерал Беляев, друг Сухомлинова, известный Вырубовой и императрице и принимавший, по поручению императрицы, меры наблюдения через военную цензуру за телеграфными сношениями Илиодора с Ржевским после ареста последнего, мною произведенного. О генерале Беляеве Распутин отзывался всегда хорошо и говорил, что императрица и Вырубова считают его своим человеком. А.Д. Протопопов, когда я передал ему со слов Распутина о предстоящем назначении Беляева военным министром, отнесся к этой кандидатуре с одобрением.

ГЛАВА XI

С таким же отношением мне пришлось считаться и в вопросе относительно настоятеля царскосельского Феодоровского собора, воспитателя наследника по Закону Божию протоиерея о. А.Васильева. Вырубова заявила мне, что императрицу и ее интересует о. Васильев, так как мож-

но предположить, что о. Васильев не является сторонником императрицы, а между тем государь относится к нему доверчиво, а наследник к нему привязался. Из двух перлюстрированных писем о. Васильева я усмотрел несколько отрицательное его отношение к Распутину. Никаких дальнейших данных, однако, у меня не накопилось, и Вырубова перестала о нем говорить. Сам же о. Васильев рассказал мне следующий эпизод, происшедший за семейным высочайшим столом. Наследник цесаревич спросил государя: «Правда ли, что Григорий Ефимович (Распутин) — святой человек?» Тогда государь, ничего не отвечая наследнику, обратился к о. Васильеву и попросил его ответить наследнику на его вопрос. О. Васильев заметил при этом, как пытливо на него смотрела императрица, не спуская с него своего взгляда во время его ответа. О. Васильев, понимая щекотливое свое положение и не давая прямого ответа, объяснил наследнику, какие требования предъявляет завет Спасителя и Священное Писание к каждому, кто искренно желает угодить Богу. Государь после этого встал из-за стола, и разговор на этом оборвался.

Я уже указывал, как Распутин дорожил теми советами, которые мы ему при свидании давали, если они могли закрепить его значение у государя. Используя эту черту, я на одном из наших свиданий на нашей конспиративной квартире высказал Распутину сожаление о том, что государыня прекратила свои выезды по лазаретам в Петрограде и в провинциальные города, а между тем такие поездки могут только подчеркнуть, как раненым, так и всему народу, ее заботы о жертвах войны, в особенности если эти поездки будут совершаться в простой обстановке, которая могла бы дать возможность государыне воочию показать всем ее милосердное отношение к раненым. Это Распутину понравилось, и последствием его советов был ряд выездов государыни в ближайшие к Петрограду губернии и объезды петроградских лазаретов. То же вначале впечатление на Распутину произвело и наше внушение о желательности, как эта разлука ни тяжела для государыни, чтобы наследник сопровождал государя при выездах в Ставку. Мы лично в этом отношении следовали общему желанию удалить, по возможности, наследника от влияния на него Распутину. С этим был согласен и Воейков, как лично, так и отражая настроение армии. Затем Хвостов, вернувшись из Ставки, после одного из своих первых докладов государю передавал мне и Вырубовой свой разговор с государем об его жизни в Могилеве, и государь говорил, что единственным утешением для него будет наследник и что за это он очень благодарен государыне. После этого прекратились на время разговоры Вырубовой и Распутину относительно вы-

ездов наследника в Ставку, и Распутин передавал, что государь был ему благодарен за его советы брать иногда наследника в Ставку. Но затем время пребывания государя и наследника в Ставке стало затягиваться, и Вырубова и Распутин, несмотря на наши указания, что это объясняется ходом военных операций, начали подозрительно относиться к этим долговременным отлучкам государя и наследника. Вместе с тем, и императрица, несмотря на просьбы наследника, снова начала, в интересах непрерывности занятий наследника, высказываться против его выездов с государем. В этом ей стал помогать и Распутин, потому что, когда государь уезжал один, то он старался поскорее вернуться в Царское Село, постоянно тревожась за здоровье наследника. Распутин мне передавал, что ему пришлось особенно настойчиво убеждать государя не брать наследника перед объездом армии юго-западного фронта. Распутин даже вызвал этим гнев государя. Так как на этот раз ни просьбы императрицы, ни убеждения Распутина не подействовали на государя и он уехал с наследником, то настроение Распутина и Вырубовой сделалось подавленным и нервным.

Во время этой поездки, не доезжая до станции Бахмач, у наследника, смотревшего в окно вагона, близко прижавшись к стеклу, при переходе поезда на стрелках от сотрясения открылось кровотечение из носа, что служило всегда для августейших родителей предметом постоянной боязни их за жизнь наследника, так как он страдал сложной формой гемофилии. Государь взволновался и после принятых медицинских мер приказал немедленно срочно возвращаться в Царское. Государь и наследник вернулись туда вечером. Немедленно по телефону было сообщено Распутину о болезни наследника с просьбой приехать. Но он не поехал. И как сам рассказывал потом, он сделал это сознательно, чтобы «помучить» государя. Распутин по телефону передал только, чтобы наследника положили в кровать, а сам выехал только на следующий день утром. Приехал он оттуда в торжествующем настроении и заявил, что отныне государь будет слушаться его советов. После этого, действительно, не только увеличилось влияние Распутина, но и на время приостановились и выезды наследника в Ставку.

Вообще, всякие выезды государя являлись событием, волновавшим как Вырубову, так и Распутина; затягивавшееся пребывание государя давало повод для всяких опасений возможности влияния на государя в отношении императрицы и Распутина. В силу этого, как мне объяснил Распутин, государыня каждый день почти писала государю, а впоследствии, по совету Распутина, наезжала в Ставку и сама. Сам Распутин несколько раз порывался выехать

в Ставку, но я и Вырубова всегда этому препятствовали. Однако телеграммы государю в духе и в стиле избранных его «размышлений» он посылал.

Чтобы понять, насколько нервно и злобно относился Распутин к тем, кого он подозревал в тайных замыслах подорвать его влияние на августейшую семью, я отмечу его позднейшее отношение к епископу Варнаве.

Затянувшееся по нашей, скорее, вине пребывание в Петрограде епископа, Варнавы, по нашей просьбе проводившего некоторые назначения, возбудили у Распутина, не без влияния о. Мартемиана, Мануйлова и Осипенко, начавшееся чувство подозрительности к Варнаве. Поэтому Распутин приложил все усилия, чтобы воспрепятствовать дальнейшим приглашениям епископа Варнавы во дворец, всячески отдалял приемы его у Вырубовой, несколько охладил отношения к нему митрополита и, наконец, добился того, что епископу дали понять о желательности его отъезда из Петрограда. Варнава понимал свое положение и стал готовиться к отъезду. Хотя это и успокоило Распутина, тем не менее он почти накануне отъезда владыки, находясь в опьянении, вызвал его к телефону и тоном насмешки сказал ему вроде того, что: «Довольно накатались на автомобилях, теперь пожалуйста на своих и к себе; нечего здесь прохлаждаться». (Владыка ездил на предоставленном ему мною автомобиле, и хотя я завел впоследствии и для Распутина от охранного отделения автомобиль, но это не давало ему покоя.)

Если его отношения были таковы к епископу Варнаве, с которым у него были старые связи, то по отношению к иноку Мардарию воспитаннику Петроградской духовной академии, красавцу славянину, мистiku, он был беспощаден. В одном из свиданий Вырубова просила меня сообщить ей сведения об этом монахе, так как Распутин постоянно о нем говорит и поездки Мардария в Царское Село не дают Распутину покоя. Распутин добился в конце концов того, что Мардарий принужден был выехать из Петрограда.

Ту же нервность обнаружил Распутин, когда я передал ему и Вырубовой полученные мною сведения о появлении в Царском Селе юродивого-босоножки Олега, которого скрывали в одном из домов для представления его затем, как можно было предполагать, высочайшей особе. Старец Олег поспешил уехать из Петрограда.

Другое отношение Распутин проявлял к старцу Василию-босоножке. Этот старец стоял всегда в монашеском полукафтаны, со значком «Союза Русского Народа», без шапки и с жалованным посохом на паперти Казанского собора и собирал подаяние на построение храма, причем раздавал открытки со своим изображением во весь рост.

Об этом старце была большая по департаменту полиции переписка с архиепископом ставропольским, который разоблачил его жизнь и его корысть и требовал отобрания у него книжки для сборов, снятия монашеского одеяния и препровождения на родину. Но этот старец пользовался покровительством Распутина и не выходил из его подчинения, вследствие чего нельзя было исполнить требования епархиального начальства, хотя он был на учете полиции и по другим неблагопристойным поступкам.

ГЛАВА XII

Если мы, понимая значение публичных разоблачений личности и влияния Распутина на высочайших особ с точки зрения охраны династии, принимали меры сознательно к недопущению выступлений против него в прессе, то покровительствовавшие Распутину лица видели в таких разоблачениях вмешательство в их личную жизнь и стремление опорочить того, кто им был дорог.

До нашего вступления в должность в «Биржевых Ведомостях» был помещен ряд корреспонденций о покушении в с. Покровском на жизнь Распутина, организованном Илиодором. По особому распоряжению, следствие велось под наблюдением бывшего министра юстиции Щегловитова, который держал в курсе получаемых им сведений высочайших особ. По вступлении моем в должность я, до издания общего запрещения писать что-либо о Распутине, обратился к редактору «Биржевых Ведомостей» М.М. Гаккебушу, которому я впоследствии оказал содействие в перемене им своей фамилии на «Горелова», с просьбой прекратить эти фельетоны. От него я узнал, что материалы для этих статей дает им сотрудник Давидсон, случайно бывший в это время в с. Покровском и познакомившийся с семьей Распутина под видом жениха старшей дочери Распутина. Давидсона я знал еще ранее и помогал ему кое в чем в журнальной работе. Так как Давидсон, с которым Распутин и семья его прекратили знакомство после его фельетонов, продолжал звонить по телефону в дом Распутина, то Вырубова просила меня положить предел преследованию Давидсоном старшей дочери Распутина и была обеспокоена возможностью дальнейших газетных его против Распутина выступлений. Собрав о Давидсоне ряд сведений последнего времени, дававших мне возможность откровенного с ним разговора, я получил от него при письме желаемого мною содержания его архив, не представлявший никакой ценности, и помог ему, ввиду болезни его выдав ему в два приема 600 р. из секретного

фонда. Печатание фельетонов о Распутине в «Биржевых Ведомостях» было приостановлено, а письмо и полученные мною материалы от Давидсона вполне успокоили и Вырубову и Распутина. Давидсон после моего ухода, не знаю, по каким соображениям, был временно арестован, а потом, как я слышал, перешел в организацию печати к Гурлянду. После смерти Распутина Давидсон хотел было поместить в «Биржевых Ведомостях» ряд сенсационных сведений, явившись в редакцию этой газеты с одной молодой особой и называя ее дочерью Распутина. Но был разоблачен редактором, г. Бонди, который мне об этом передавал. Затем, в первые недели моего вступления в должность я запретил печатать и приказал уничтожить все материалы по предполагавшейся к изданию в Москве книги, разоблачавшей интимные отношения Распутина к его почитательницам и его радения в бане в с. Покровском.

Особенную нервность как Вырубова, так и Распутин проявили по отношению к пьесе, где был выведен Распутин и его почитательницы и которая должна была идти в театре Яворской. Пьеса, пропущенная цензурой, была снята в день первого спектакля, затем неоднократно цензуровалась и переделывалась, шла в сильно измененном виде, что вызвало разочарования публики, и все же, по настояниям Вырубовой и Распутина, была запрещена Хвостовым окончательно к постановке по всей России.

Другое отношение проявила Вырубова к произведению фельдшера — фамилии не помню, — массиравшего ей ноги и составившего хвалебный очерк жизни Распутина. Военная цензура не разрешила выпуска в свет этой брошюры, и мы соглашались с ней, потому что выход книги в свет поставил бы в необходимость разрешать и рецензии о ней. Настояния Вырубовой в этом направлении делу не помогли.

Не менее характерным делом, подтверждавшим мой общий вывод о личном характере всех отношений, является история с письмом Распутина о Горемыкине. По просьбе князя Андронникова я принимал участие в устройстве юбилея Горемыкина, помогая составить юбилейный о нем очерк. Князь Андронников широко агитировал за возможную популяризацию юбилея, в результате чего последовал ряд поздравительных телеграмм от высочайших особ. А затем, при поддержке Распутина и Вырубовой, был проведен план награждения Горемыкина орденом Андрея Первозванного, который имел из числа высоких сановников только Куломзин.

После этого, когда последовала смена министров, подписавших петицию о поддержании пожеланий Государственной Думы по вопросу о кабинете общественного доверия, как в прессе, так и в думских кругах заговорили об уходе Са-

зонова, министра иностранных дел, и о принятии Горемыкиным на себя обязанностей такого министра с назначением канцлером Российской Империи по образцу князя Горчакова. Слухи вскоре стихли. Но в один из своих очередных докладов Манасевич-Мануйлов передал мне, что случайно, как секретарь редакции «Вечернего Времени», на своем дежурстве он познакомился с сыном сенатора Кузьминского, авиатором, который предлагал редакции купить у него письмо Распутина к высоким особам с просьбой о пожаловании Горемыкина «канцлером»; в случае отказа предполагал сделать такое же предложение редакции «Речи»:

Мануйлов оценил всю серьезность предложения, отказался от покупки письма для редакции, имея в виду нас, и обещал Кузьминскому поместить письмо в надежные руки. Я решил письмо это выкупить у Кузьминского. Для этого был выработан план продажи письма мнимому корреспонденту английских газет, роль которого была поручена мною чиновнику Иозефовичу. Для этого ему пришлось иметь несколько свиданий с Кузьминским в ресторанах и в специально нанятой квартире, заказать визитные карточки несуществующего английского корреспондента и т. п. В конце концов, выкуп письма со всеми расходами обошелся в 1-1/2 тыс. р., взятых мною из бывшего в моем распоряжении секретного фонда. Иозефовичу, со слов Кузьминского, удалось узнать, что письмо Распутина передала ему его знакомая барышня, бывавшая у дочери Распутина и видевшая как-то это письмо на письменном столе у Распутина, небрежно вообще относившегося к письмам. Об этом она рассказала Кузьминскому, который и упросил ее достать подлинник.

Этот подлинник я показал Хвостову, который велел снять с него фотографию для своей коллекции о Распутине. По его же приказанию я письмо и фотографии передал Вырубовой, подчеркнув ей ту опасность, которая грозила, если бы все эти материалы попали в руки кадетской партии. Фотография письма была показана и Горемыкину. Распутин был очень удивлен, узнав про похищение у него письма, стараясь разузнать, кто мог это сделать. По его словам, ему «влетело» от Вырубовой за небрежное хранение писем. Роль Кузьминского и Иозефовича в этом деле мы, конечно, никому не раскрыли...

ГЛАВА XIII

В наш период управления министерством внутренних дел начались также разговоры об уходе графа Игнатьева, министра народного просвещения, подтверждавшие пред-

сказание князя Андронникова об уходе всех министров, подписавших петицию государю.

Несмотря на отрицательное отношение правых фракций Думы и Совета к деятельности Игнатьева, Хвостов и я находили уход этого министра несоответствующим нашей программе умиротворения Думы. В разговорах с нами Вырубова неоднократно высказывала, что, помимо родственных связей с графиней Игнатьевой, императрица недоверчиво относилась вообще к деятельности этого министра, подыгрывающегося в своей программе думским настроениям, но что государь, несмотря на неоднократные с ним разговоры о графе Игнатьеве, продолжает по-прежнему дарить его своим доверием не только вследствие давних симпатий к нему, но и потому, что ставит в заслугу графу Игнатьеву успокоение студенческой молодежи высших учебных заведений.

Когда в Бюджетной комиссии была проведена положительная формула оценки деятельности министерства народного просвещения, Вырубова очень заинтересовалась этим и просила доставить ей печатный экземпляр отчета о заседаниях комиссии. Я поручил своей агентуре узнать у Распутина о положении дела с графом Игнатьевым, но вскоре я ушел со службы и, уже вернувшись, спросил Распутина о гр. Игнатьеве. Распутин ответил мне, что он поддерживал императрицу, настаивавшую, как и Горемыкин и Штюмер, на необходимости иметь на этом посту своего человека и на уходе гр. Игнатьева; тем не менее государь «отмалчивался».

В это время Распутин начал уже посещать сенатора Кульчицкого. В ту же пору начались определенные поиски Распутиным нового обер-прокурора, на пост которого Питирим выдвигал Раева, против чего был Распутин. Я и предположил, что поездки его к Кульчицкому имеют целью проведение в обер-прокуратуру Кульчицкого. Но вернувшись в сентябре с Кавказа, я узнал, что мнение императрицы о графе Игнатьеве поддерживал и Н.А. Маклаков, имевший две частные аудиенции у государя. Против Игнатьева действовали и Протопопов, и Штюмер, а Распутин выдвигал кандидатуру Кульчицкого, с которым говорил и Протопопов. Весь вопрос об уходе графа Игнатьева держался в таком строгом секрете, что, пока я, вернувшись в ноябре, собирался предупредить графа Игнатьева, уже состоялся указ об увольнении его от должности и назначении. Кульчицкого.

Для характеристики Распутина приведу пример того, насколько он был неискренен в своих отношениях к высоким особам и как он старался в каждом случае найти возможность подчеркнуть им, что все его помыслы и действия

направлены исключительно к служению их интересам, доходящему до забвения им даже своих личных обязанностей к семье или родным. За весь период моего знакомства с Распутиным решительно при каждой смене министра внутренних дел или председателя Совета подымался вопрос о таком материальном обеспечении Распутина, какое исключало бы возможность проведения им дел, во многих случаях сомнительного характера. Никто из нас не имел мужества, зная о далеко не бескорыстных побуждениях Распутина, честно его разоблачить перед государем. Но все старались как государю, так в особенности государыне и Вырубовой оттенить, что Распутин является жертвой своих лучших бескорыстных желаний помочь каждому, к нему обращающемуся, и что широко оказываемая им денежная поддержка бедных поглощает все даваемые ему на этот предмет добрыми знакомыми небольшие суммы. При этом каждый из министров обсуждал с Вырубовой как вопрос о материальной поддержке Распутина, так и способы парализования эксплуатации его доброты, причем, уходя с своего поста, каждый министр держал в тайне от своего заместителя, не желая подчеркивать свою близость к Распутину, секрет своего влияния и сношений с Распутиным. Распутин старался не разуверять в своем бескорыстии ни министров, ни окружавших его лиц, ни, в особенности, высоких особ. Если же государь иногда делал Распутину замечания, когда он представлял его величеству какой-нибудь коммерческий проект, в особенности за последнее время по поставкам на армию, явно подозрительного свойства, то Распутин всегда отговаривался, что он ничего в этих делах не понимает, а исполняет лишь просьбы других лиц, думая принести этим пользу государю. А затем в добродушном тоне Распутин рассказывал о том, как его хотели подвести под немилость царя. Все свои денежные дела Распутин вел в большом секрете даже, как я думаю, и от Вырубовой. Он всегда говорил о своих дырявых руках, не умеющих держать денег, и настолько уверил в этом высоких особ, что после его смерти Протопопов принял ряд мер к материальному обеспечению семьи Распутина. Со времени моего вступления в должность, наблюдая за Распутиным внимательно, я убедился, что он был погружен как в проведение больших коммерческих дел, так и в отстаивание своего влияния на государя, и по этим причинам он не желал и боялся оставлять Петроград.

В это время умер отец Распутина, и его вызвали приехать на родину, но Распутин мне говорил, что когда он заговорил во дворце о своем намерении уехать, то должен был уступить усиленным просьбам высоких особ и остаться. О своем покойном отце он говорил с подкупающим при-

скорбим, и я подумал, что в нем заговорила совесть, так как из филерских донесений об отношении его к отцу на родине я знал, что он не только не уважал отца, но даже не старался скрыть от посторонних своего пренебрежения к нему, ругал его самыми скверными словами, а в пьяном виде бил его и однажды даже вырвал у него клоч бороды. Поэтому я заинтересовался, не изменит ли Распутин свой образ жизни, хотя бы в первые дни после смерти отца, но я убедился, что все осталось по-прежнему: то же пьянство, те же кутежи, то же отношение к женщинам.

Как мы условились с Хвостовым, который, как и все савонники, имевшие дело с Распутиным, тщательно старался держать это в секрете, я взял на себя прием просителей с письмами Распутина. С письмами от него являлись преимущественно дамы и в единичных случаях мужчины. Просьбы Распутина заключались, главным образом, в избавлении от отбывания воинской повинности путем устройства в тыловых частях, о предоставлении должностей и о материальной поддержке. Просьбы первого характера я сначала исполнял, но затем ввиду их многочисленности отказался, о чем и заявил Распутину. Распутин после этого обратился ко мне только с одной подобного рода просьбой за одного москвича К., прибегнув в этом случае к поддержке Вырубовой. Из разговоров с женой К. я убедился, что она совершенно не знает Распутина и что она обратилась к нему через одну москвичку, устраивавшую все дела через Распутина за плату. Г-жа К. сказала, что все эти хлопоты стоят ей больших денег, которые она давала и посреднице, и лично Распутину, и Вырубовой в виде пожертвований на лазарет. Просьба ее о муже была исполнена, он был назначен в тыл, но Распутин иначе смотрел на завязавшееся с ней знакомство, начал беспокоить К. телефонными разговорами и раз ночью хотел насильно ворваться к ней в номер. После этого К. явилась ко мне, рассказала об этом случае; по моему совету она послала еще денег Распутину и немедленно уехала в Москву. По уходе моем со службы я узнал, что Распутин все же брал на себя дела об освобождении от военной службы. В частности, он устроил своего родного сына Дмитрия санитаром в поезде императрицы по особому всеподданейшему докладу.

Второй разряд просительниц ходатайствовал о материальной поддержке и устройстве их на места. На первых порах я помогал денежно и давал рекомендации этим дамам на места, но затем начал получать, наводя справки, такие неутешительные о них сведения, что мне приходилось почти всегда краснеть за рекомендованных мною лиц. Одну из таких дам пришлось даже выслать из Петрограда. После этого случая я оказывал просительницам только денежную помощь, настойчиво советуя им в Пет-

роgrade не засиживаться. Характеризуя их, могу сказать, что эти просительницы принадлежали к числу интеллигентных дам, имевших то или другое положение в обществе, но находившихся на временной или постоянной свободе от семейных обязательств, легко смотревших на жизнь и на моральные принципы. Многие из них как бы гордились оказываемым им Распутиным вниманием и давали понять мне свою, хотя бы и временную, как я потом узнавал в целях агентурных, к нему близость. Они же мне говорили, что познакомились у Распутина и с Вырубовой. Вначале эта психология для меня была непонятна, но затем, когда ко мне начали поступать из разных источников агентурные сведения, я уже более не удивлялся, так как пришлось встречаться и с такими фактами, когда занимающие видное положение в обществе, как, например, одна княгиня из Москвы, одна из крупных величин в артистическом опереточном мире и другие, хорошо материально обеспеченные и никаких просьб к Распутину не имевшие, из чувства не только любознательности, но и особого интереса к Распутину сознательно искали знакомства с ним, зная, на что они идут...

Наконец, был третий тип просительниц, которых не материальная нужда, а горе по любимым людям заставляло идти к Распутину. Но это горе Распутина не трогало, и я до сих пор не могу забыть одной женской драмы, разыгравшейся у меня в кабинете. На прием ко мне с письмом Распутина явилась прилично и скромно одетая дама лет тридцати с просьбой помочь ей в возвращении административно высланного ее мужа. Высылка была произведена военными властями, и я, несмотря на усиленные ходатайства Распутина, ничего не мог сделать, но посоветовал просительнице уехать из Петербурга, предупредив ее о характере Распутина. Она все же осталась, и однажды, когда она вновь явилась ко мне, я просил ее прекратить ко мне визиты. Тогда она истерически рыдалась и рассказала мне свою драму. Приехала она к Распутину, имея сбережения и драгоценные вещи; выдав почти все свои деньги Распутину, она настойчиво отклоняла всякие попытки Распутина фривольного свойства. После моего отказа хлопотать за ее мужа Распутин поставил ей ультиматум: или исполнить его требование, и тогда он попросит государя о муже, или же не показываться ему на глаза. Ни слезы, ни просьбы не помогли, и Распутин, пользуясь ее нервным состоянием, несмотря на то, что в соседней комнате были посторонние, насильно овладел ею, и затем уже несколько раз приезжал к ней в гостиницу, поддерживая в ней веру в исход дела и взяв от нее всеподданнейшее прошение. Затем Распутин

резко прервал с ней знакомство. Вспомнив мои предупреждения и не имея денег на обратный выезд, она и обратилась ко мне за помощью. Я посоветовал ей уехать, что она и сделала на другой день. Когда я спросил Распутина, почему он ее перестал принимать, то он ответил, что она «дерзкая» и что поэтому он не передал государыне ее прошения.

Прилегающая к столовой в его квартире комната, где стояла кровать Распутина и куда никто, даже из близких, не имел права входить, пока он там находился с кем-либо, могла бы рассказать много подобных жизненных драм, в ней протекших. Агентура отмечала и такие факты, когда оттуда в растрепанном виде выбегали с криками некоторые просительницы (из простолюдинок), ругаясь, и отплевываясь, но их сейчас же старались успокоить и удалить из квартиры.

Чтобы разрядить атмосферу около Распутина, я при посредстве трех дам-сотрудниц и других лиц, близких Распутину, добился того, что поездки его по незнакомым ему домам значительно сократились, а в тех случаях, когда он, избегая домашней обстановки, рвался на сторону, — почитательницы его приглашали к себе и устраивали ему обеды или ужины с вызовом гармонистов, под плясовые наигрывания которых подвыпивший Распутин любил танцевать. Кроме того, в излюбленных Распутиным ресторанах, вследствие моих соглашений с градоначальником, отводились отдаленные, изолированные от публики кабинеты, куда кроме лиц, приезжавших с Распутиным или им вызываемых, никто не допускался и где Распутин мог, не стесняясь временем, засиживаться, слушая любимые им песни цыган и принимая участие в их танцах.

Что касается личной охраны Распутина, то с приездом полковника Комиссарова я учредил двойной контроль и проследку за Распутиным не только филерами начальника охранного отделения Глобачева, но и филерами Комиссарова; заагентурил всю домовую на Гороховой, 64, прислугу, поставил сторожевой пост на улице, завел для выездов Распутина особый автомобиль с филерами-шоферами; для наблюдения за выездами Распутина с кем-либо из приезжавших за ним на извозчике завел особый быстходный выезд с филером-кучером. Затем, все лица, приближавшиеся к Распутину или близкие к нему, были, по моему поручению, выясняемы, и на каждого из них составлялась справка. Один экземпляр справок я передавал Хвостову. Далее, была установлена сводка посещаемости Распутина и проследка тех случайных лиц, которые так или иначе возбуждали сомнения при посещении Распутина. Кроме того, были приняты меры против газетных

и театральных выступлений о Распутине, реорганизована самая тщательная перлюстрация всех получаемых им писем, что давало иногда возможность не только обнаруживать некоторые планы и заранее знать содержание его просьб, но и раскрывать сношения с ним многих лиц, в особенности из среды духовной иерархии.

ГЛАВА XIV

Для завершения всех наших мероприятий по отношению к Распутину я рекомендовал. Хвостову пригласить состоявшего в ту пору начальником вятского губернского жандармского управления полковника Комиссарова, о личности и деятельности которого держится в обществе много легендарных рассказов.

Директор департамента полиции Н.Н. Зуев, бывший живой хроникой департамента, подробно рассказал мне прошлое Комиссарова, его отношения к генералу Герасимову и разрыв с ним на почве семейных недоразумений, о службе его в департаменте полиции, о знаменитой комнате, обитой пробкой, где печатались контрреволюционные прокламации, обнаруженной бывшим товарищем министра внутренних дел князем Урусовым и графом Витте. Это открытие послужило началом борьбы Витте и Дурново и вызвало расследование, произведенное, по требованию Витте, директором департамента полиции Вуичем и Рачковским в присутствии товарища прокурора палаты Камышанского с целью доказать руководящую в этом деле роль П.Н. Дурново. Зуев мне рассказывал, что Комиссаров при допросе его обнаружил большую стойкость и взял всю вину исключительно на себя, несмотря на угрозы со стороны Витте серьезным наказанием. Зуев, признавая некоторые слабости Комиссарова, лично ценил в нем его преданность и чувство привязанности к людям, оказавшим ему доверие и внимание. Поэтому Зуев прощал Комиссарову многое из его служебных погрешностей. Вскоре после этого Зуев уехал в заграничный отпуск, и я, по приказанию Столыпина, вступил в управление департаментом полиции при товарище министра П.Г. Курлове. В ту пору Столыпин и Кривошеин решили совершить объезд по России и Сибири в связи с произведенными аграрными реформами. Охрана поезда была возложена тогда, по моему настоянию, на Комиссарова, причем роль его в этом отношении была затушевана. Он в поезде Столыпина не ехал, а был только передовым. На это назначение Столыпин согласился не особенно охотно. В дальнейшем Комиссаров успешно делал свою карьеру и дошел до поста саратовского начальника губернского жан-

дармского управления, откуда был переведен — что было значительным понижением — в Вятку, по распоряжению Джунковского.

Узнав о моем назначении, Комиссаров пытался перевестись в Петроград начальником охранного отделения, но я решил, что полковник Комиссаров, как человек, искренне ко мне расположенный, которому я могу вполне доверять и откровенно посвятить его в мои и Хвостова отношения к Распутину и Вырубовой, хорошо подойдет к роли агента, приставленного от нас при Распутине. Хвостов на это немедленно согласился. Комиссаров был вызван в Петроград и в первое же свидание с Хвостовым произвел на него хорошее впечатление своей оживленной беседой, в которой, к моему удивлению, он перешел несколько границы почтительности, ему обычно присущей. Когда я, возвращаясь от Хвостова в автомобиле с Комиссаровым, отметил ему в виде опасения эту черту разговора, то на это Комиссаров ответил, что я неправильно себе представляю личность и мотивы Хвостова как министра вообще, так и в отношении к Распутину в особенности: в них Комиссаров не видит никаких государственных или идейных соображений, а только преследование Хвостовым личных своих интересов. Это впечатление Комиссаров вынес из обстановки приема у Хвостова и прибавил, что, зная близко многих министров внутренних дел, он не мог почувствовать в Хвостове министра. Затем Комиссаров заявил мне, что он только для меня, но не для Хвостова, о котором он навряд ли в будущем переменит свое мнение, возьмет предлагаемое ему поручение. Но Комиссаров ставит условием разрешить ему при всех случаях общения с Распутиным быть не в офицерской форме, которую он не желает ронять, а в статском платье.

Комиссаров был назначен начальником жандармского управления одной из эвакуированных губерний; командирован к департаменту полиции и определен в мое распоряжение. Затем я поручил Комиссарову немедленно избрать соответствующий штат опытных, испытанных и преданных филеров, организовать параллельное наблюдение за Распутиным, вменив филерам в обязанность приобрести расположение к себе Распутина, — чего они впоследствии вполне достигли — и позаботиться приисканием вполне удобной, подходящей для конспиративных свиданий с Распутиным квартиры. Не открывая роли Комиссарова Глобачеву, я предписал последнему ряд мер, которые согласовались бы с агентурными охранного отделения наблюдениями за Распутиным.

Приступая к делу, я сумел заинтересовать Вырубову и Распутину личностью Комиссарова и его преданностью интересам трона, рассказал им о роли Комиссарова при

Дурново и оттенил отрицательное отношение к нему генерала Джунковского.

После этого я сказал Распутину, что, исполняя его желание и веря в его замечательное знание людей, мы сами отходим постепенно от князя Андронникова; отныне те 1500 рублей, которые передавал ему от нас князь Андронников, ему будет передавать, кроме ассигновок на ежемесячные благотворительные нужды, Комиссаров. Комиссарову Распутин может при ежедневной к нему явке передавать прошения, какие-либо интересующие нас новости и свои пожелания, вполне доверившись ему. Новая квартира для наших конспиративных с ним свиданий была нанята Комиссаровым в переулке, выходящем на Фонтанку, в первом этаже. Эту квартиру Комиссаров прилично обставил, снабдив ее всем необходимым, в том числе вином, для устройства Распутину обедов и ужинов, и поселил в ней преданного ему женатого филера под видом лакея.

Комиссаров сразу произвел на Распутина хорошее впечатление, быстро сориентировался в его жизни, установил с ним дружеские отношения и вошел в курс интересов и привычек Распутина. Рано утром, до прихода посетителей, Комиссаров являлся на квартиру к Распутину и, пока тот был в трезвом и приличном виде, узнавал от него новости, наводя его на интересующие нас темы, проводил путем обсуждения с Распутиным наши пожелания, подчеркивал нашу доброжелательность к Распутину, нашу преданность Вырубовой и интересам императрицы и государя и удерживал Распутина от его поездок в незнакомые дома и от употребления вина в незнакомом обществе, чем заслужил уважение в семье Распутина, где он стал своим человеком. Затем Комиссаров брал от Распутина, когда начинались приемы, различные прошения для передачи нам, ехал ко мне, а со мной и к Хвостову и докладывал подробно обо всем, что касалось Распутина, и о том, как они, по шутливому замечанию Комиссарова, решают с Распутиным государственные вопросы и обсуждают необходимые перемены в составе кабинета. За этот период времени, благодаря Комиссарову и всестороннему агентурному освещению образа жизни Распутина, удалось в точности установить роль близких к Распутину лиц, из которых только немногие относились к нему сердечно; остальные же проводили через него крупные дела, действуя секретно друг от друга и следя один за другим, чтобы поддержать в Распутине постоянное чувство подозрительности в обмане его при расчетах с ним тех, чье влияние на Распутина усиливалось. Сам Распутин никогда не посвящал в свои денежные дела даже самых близких ему лиц, но зорко следил за охраною своих материальных ин-

тересов и производил подробный сыск о тех, кого он подозревал в обмане его, и затем, не сдерживаясь, публично их разоблачал, не стесняясь в выражениях.

Такие черты своего характера Распутин проявил в особенности по отношению к Добровольскому, инспектору народных училищ Петроградского округа. Он и жена его пользовались особым расположением семьи Распутина. Сам Добровольский был очень конспиративен и сдержан, хорошо изучил слабые стороны Распутина, умело влиял на него. И поэтому Добровольский заведовал корреспонденцией Распутина, был посвящен в тайны влияния Распутина на высочайших особ и вел особую приходно-расходную книгу, куда записывал все свои денежные расчеты с Распутиным. Поставляя Распутину деловую клиентуру, Добровольский заставил окружавших Распутина лиц считаться с ним, Добровольским, и приглашать себя к участию в прибылях при проведении через Распутина денежных дел. Это многих задёвало, конкуренты Добровольского, к которому доброжелательно относилась и Вырубова, повели против него умелую интригу, пользуясь подозрительностью Распутина, и когда почва была подготовлена, то решительный удар был нанесен неким Симановичем. После бурного объяснения Распутина с Добровольским отношения их прервались, и если потом и возобновились, то никакой роли Добровольский у Распутина уже не играл.

Что касается Симановича, то последний был знаком с Распутиным издавна еще по Киеву, где Симанович имел небольшую ювелирную лавку. Симанович в Петрограде вошел в полное доверие к Распутину, и его положение в доме Распутина закреплялось с каждым днем. Симанович небескорыстно для себя устраивал Распутину много прибыльных дел. Из справки начальника охранного отделения полковника Глобачева выяснилось, что Симанович состоит на учете в сыскной полиции как клубный игрок и ростовщик, помещающий свой капитал до 200 тысяч рублей в вексельные займы золотой кутящей петроградской молодежи под большие проценты. Эту справку мы доложили Вырубовой и предупреждали Распутина — и не раз при посредстве Комиссарова. Но Распутин, наоборот, после этого еще более сблизился с Симановичем. Хвостов предполагал выслать Симановича, но я высказался против этой меры, ввиду того, что Симанович приносит и пользу в отношении ревнивой охраны Распутина от подозрительных знакомств. После моего ухода со службы Хвостов арестовал Симановича в связи с делом Ржевского и произвел обыск у Добровольского. В этот момент я понял, какое значение имел для Распутина Симанович: Распутин нервно и настойчиво хлопотал у императрицы и добился того, что Симанович

был освобожден от ареста, а затем была отменена и высылка его в Псков. На всеподданнейшем прошении Симановича государь написал резолюцию о прекращении против Симановича всяких преследований.

В этот период времени Манасевич-Мануйлов передал мне о желании Симановича познакомиться со мной. Знакомство это я поддерживал до последнего времени. Я часто встречался с ним в тех домах, куда Распутин приезжал в сопровождении Симановича, при посещениях квартиры Распутина и был у Симановича раз на обеде, данном им Распутину.

Симанович, в общем, был со мной откровенен, рассказывал мне много о тайных предположениях Распутина относительно служебных перемен, познакомил меня с подробностями дела Ржевского, помогая мне восстановить поврежденные этим отношения с Распутиным, давал мне правильную оценку отношений Распутина к высшим чинам правительства и посвятил меня в свои планы проведения через Распутина в министры юстиции Н.А. Добровольского, своего старого знакомого, с которым он познакомил поближе Распутина. Это дало мне возможность предупредить об этом А.А. Макарова. Симанович же держал меня в курсе всех данных о смерти Распутина, ездил со мной в ближайшие после смерти дни к Вырубовой с докладами об имевшихся у него по этому поводу сведениях и рассказывал мне о Протопопове и Курлове в первый период сближения их с ним при жизни Распутина.

Я усмотрел в Симановиче много хороших черт. Между прочим, он старался через Распутина воздействовать в высоких сферах на изменение правительственной политики в еврейском вопросе, чем отчасти и объясняется благожелательное отношение государя к поднятому Протопоповым вопросу о расширении прав евреев.

После смерти Распутина я узнал от Симановича, хорошо ознакомленного с материальными делами Распутина, что после Распутина осталось хорошее состояние, по крайней мере в 300 тысяч рублей

ГЛАВА XV

Из наблюдений полковника Комиссарова, рисующих значение Распутина и обстановку его жизни, я припоминаю следующие его рассказы.

Однажды Комиссарову пришлось быть свидетелем телефонного разговора Распутина с великой княжной Татьяной Николаевной и наследником. Великая княжна сообщала Распутину, что у наследника болит голова, и пе-

редала телефонную трубку наследнику, который, по-видимому, подтвердил то же самое Распутину, прося его приехать. Тогда Распутин ласковым тоном начал рассказывать ему какую-то сибирскую сказку и по окончании сказал, что он приедет на другой день. Распутин начал настойчиво убеждать наследника пойти и лечь в постель, уверив его, что после этого у него пройдет головная боль.

Обычно все телефонные разговоры Распутина с Царским Селом, в особенности с Вырубовой, которая с ним говорила ежедневно, происходили около 10 часов утра. Поэтому Распутин, где бы он ни был и как бы бурно ни провел ночь, всегда к этому времени возвращался домой, ожидая с нетерпением звонка из Царского Села. В зависимости от этих разговоров находилось и его настроение. Поэтому и свидания с ним Комиссарова тоже приурочивались к утренним часам. Таким образом, мы имели возможность получать некоторые сведения, нас интересующие, из первоисточника или передавать через Комиссарова Распутину к этому времени то, о чем мы признавали нужным осведомить Вырубову для дальнейшего доклада во дворце.

Второй рассказ Комиссарова касался празднования Распутиным дня своего ангела — 10 января.

Так как об именинах мы знали от Комиссарова заранее, то с ведома Хвостова я отпустил в распоряжение Комиссарова из секретного фонда особую сумму на покупку ценных подарков не только самому Распутину и его двум дочерям, но и приехавшим к этому дню жене Распутина и его старшему сыну. Куплены были обеденное серебро, брошь, золотые часы и браслеты. В этот день филерам Комиссарова нами было поручено во что бы то ни стало проникнуть внутрь квартиры Распутина, так как нас интересовал завтрак с Вырубовой и вечер в интимной обстановке друзей Распутина. Филеры, которых Распутин сначала не пускал к себе в квартиру, к этому времени уже сумели войти в доверие к нему, сопровождая его в церковь и в баню. Он уже охотно вступал с ними в разговоры и ценил обнаруживаемую ими преданность и удовольствие быть в его обществе. Поэтому, сопровождая Распутина в церковь в этот день, филеры предложили Распутину свои услуги помогать девочке-племяннице Распутина в передней при раздевании посетителей. Распутин, находясь в хорошем настроении благодаря полученным от нас подаркам и поздравлению по телефону Вырубовой, обещавшей быть у него к завтраку, и благодаря полученной им телеграмме от высочайших особ, разрешил филерам быть у него на квартире.

По возвращении Распутина из церкви к нему начали собираться избранные его знакомые с ценными подарками.

Один из рестораторов приготовил уже на свой счет обеденный стол с именинным пирогом. По приезде Вырубовой начался завтрак, проходивший до ее отъезда сдержанно, причем Мудролюбов сказал большую, в патетическом тоне речь и подчеркнул государственное значение Распутина как простого человека, доводящего к подножию трона болевые народные нужды. После отъезда Вырубовой в течение целого дня совершался непрерывный поток посетителей, приносивших Распутину массу ценных подарков. Целый дождь ценных подношений был прислан Распутину при письмах и карточках разных лиц, так или иначе связанных с Распутиным. Чего только не было здесь: серебряные и золотые вещи, ковры, целые гарнитуры мебели, картины, деньги и т. п. Все эти вещи жена и сын затем отвезли в с. Покровское. Затем из разных мест России было прислано Распутину много поздравительных телеграмм.

Распутин сиял от благожеланного удовольствия, с каждым приходившим к нему пил и наконец к вечеру свалился, и его уложили в постель. Немного протрезвившись сном, он вечером, с приходом более интимного кружка лиц, преимущественно дам, начал снова с ужина пить и требовал того же от дам, так что он почти всех споил. Более благоразумные дамы поспешили уехать, оставшиеся же были охвачены вместе с Распутиным, дошедшим в пляске и опьянении до полного безумия, такой разнузданностью, что хор цыган поспешил уехать, а оставшиеся посетители в большинстве заночевали у Распутина. На другой день мужья двух дам, оставшихся на ночь в квартире Распутина, ворвались к нему на квартиру с оружием в руках. Филерам стоило большого труда предупредить Распутина и дам и этим дать последним возможность скрыться из квартиры по черному ходу, успокоить мужей, для чего они проводили их по всей квартире и дали уверение, что их жен на вечере не было. Филеры затем проследили за ними и выяснили их личность.

По словам Комиссарова, докладывая ему об этом вечере, филеры не могли без омерзения вспомнить виденные ими сцены. Этот случай с мужьями запугал Распутина, и он несколько времени после этого как бы затих, был послушным, избегал выездов, боязливо прислушивался к звонкам и был благодарен нам за улаживание этой истории, обещая больше у себя на квартире замужних женщин на ночь не оставлять, и просил об этом никому, даже Вырубовой, не говорить, что мы и исполнили. Но затем в скором времени Распутин, убедившись, что эта история заглохла, начал снова вести свой прежний образ жизни, но только был сравнительно осторожен в своих отношениях к замужним женщинам.

Что касается наших свиданий с Распутиным, то они после устройства нами особой квартиры происходили регулярно, по мере необходимости в этом для нас или когда Комиссаров, видя какие-либо колебания Распутина в отношении к нам или его неудовольствие на нас за неисполнение какой-нибудь интересовавшей Распутина просьбы, убеждал нас в необходимости личных переговоров с Распутиным. В таких случаях устраивался обед, мы вели нужные беседы, и в свою очередь, Распутин передавал нам содержание своих разговоров с высокими особами и с Вырубовой и всякий раз обращался к нам с какой-либо просьбой или прошением, его интересующим, подчеркивая неизменно свое бескорыстие. Иногда происходили неловкости, так как Распутин, плохо разбираясь в бумагах, иногда передавал нам не то прошение, какое ему было нужно. И когда Хвостов или я указывали ему, что переданный документ касается получения концессии или подряда и к нам не относится, то Распутин вынимал другое прошение, а их у него всегда было в кармане много.

На первых наших обедах Распутин бывал сдержан в вине и даже пытался вести беседы в духе своих «размышлений», но затем Комиссаров установил с ним сразу дружеский разговор на «ты» и отучил его от этой, по словам Комиссарова, «божественности». Это понравилось Распутину, и он с того времени перестал нас совершенно стесняться и, приходя в хорошее настроение, приглашал нас обычно поехать к цыганам, что мы всегда отклоняли.

При наших свиданиях с Распутиным в тех случаях, когда дела касались личных интересов Хвостова, как, например, скорейшего его утверждения в должности министра, пожалования ему, по примеру Маклакова, минуя три награды, сразу ордена Анны 1-й степени, проведения его кандидатуры на пост председателя Совета Министров и награждения его сразу шталмейстером, — Хвостов выходил в соседнюю комнату под предлогом отдыха, и тогда я о таких делах говорил лично с Распутиным. А затем я ездил к Вырубовой, ведя с ней такую же беседу и не забывая в нужных случаях заручиться поддержкой Воейкова.

ГЛАВА XVI

Под влиянием всех изложенных выше мер отношения наши со всеми необходимыми мне и Хвостову лицами установились, вопрос об охране Распутина и сношения с ним наладились, равным образом установились и хорошие отношения с Вырубовой, не только деловые, но и частные.

Меня и Хвостова государыня, Вырубова и Распутин считали, в чем я был искренне убежден, несмотря на неоднократные предупреждения Комиссарова, тесно связанными друг с другом не только общностью служебных интересов и взглядов, но и чисто дружескими отношениями. Я за этот период времени никаких наград не получил, А.Н. Хвостов же был утвержден министром, пожалован Анной 1-й степени и укрепился в своем положении, бросив первые семена недоверия к Горемыкину в смысле неправильности его политики по отношению к Государственной Думе.

В этот период времени А.Н. Хвостов начал вести со мною в дружеской форме излияния, сначала отдаленные, а затем и вполне откровенные разговоры о вреде Распутина не только с точки зрения охраны интересов династии, но и в наших личных. Подчеркивая мне то обстоятельство, что положение его, Хвостова, теперь укрепилось у высочайших особ, у Вырубовой и у Воейкова, Хвостов начал вести со мной разговоры на тему о том, что теперь Распутин нам не только совершенно не нужен, но даже и опасен: с ним, с его настроениями и с его подозрительностью постоянно необходимо считаться, что при возможных на него сторонних влияниях сильно осложняет проведение намеченных Хвостовым начинаний как в области государственной, так и в сфере его личных предположений. При этом Хвостов указывал, что его, равно как — он думает — и меня, тяготят свидания с Распутиным и постоянная боязнь обнаружения, вследствие бестактности Распутина, нашей близости к нему. Это делает невозможным его, Хвостова, положение в семье, в обществе и в Государственной Думе. Избавление же от Распутина очистит атмосферу около трона, внесет полное удовлетворение в общественную среду лучше всех наших мероприятий, умиротворит настроение Государственной Думы и подымет в глазах общества, Думы и Совета наш престиж. При умелой организации этого дела устранения Распутина наше положение не пошатнется в глазах высочайших особ и Вырубовой, если мы постепенно подготовим их к возможности подобного рода события, жалуюсь в доброжелательной к Распутину форме на его неоднократные, тайно от филеров совершаемые выезды. Хвостов указывал, что со смертью Распутина доминирующее во дворце положение Вырубовой бесспорно поколеблется, чем можно в дальнейшем умело воспользоваться для отдаления ее от высочайших особ. Затем Хвостов мне добавил, что в расходах на организацию этого дела можно не стесняться, так как он имеет в своем распоряжении для этой цели значительное частное денежное ассигнование.

Когда я об этом замысле Хвостова передал Комиссарову, то последний целым рядом логических посылок доказал

мне, что в данном случае Хвостов, как и во всех предыдущих отношениях его ко мне, — неискренен: Хвостов, поставив меня в глазах высочайших особ, Вырубовой, митрополита и близких Распутину лиц в роль близкого к себе человека, которому он передоверил охрану Распутина и сношения с ним, все время умышленно подчеркивал это перед Вырубовой и другими и тем самым оставил себе в будущем возможность свалить всю вину в этом деле на меня. При этом Комиссаров сообщил мне, что, бывая у Хвостова и беседуя с его секретарями и офицерами, он вынес убеждение, что и им Хвостов сумел подчеркнуть свою отдаленность от Распутина и мою близость к последнему, как бы компрометирующих его. В таком духе, как Комиссарову приходилось слышать, Хвостов говорил и в Думе, и в обществе, и если Хвостов в настоящее время получил все через Распутина и обеспокоен вопросом об его удалении, то делает он это не ввиду побуждений идейного характера, а ради того, чтобы обезопасить себя от возможности обнаружения его близости к Распутину, с тем чтобы затем через Родзянко и других депутатов приписать себе государственную заслугу в этом деле. Комиссаров указал мне также очень важную черту Хвостова — отсутствие у него конспиративности. Но Комиссаров добавил, что если у него раньше, когда он не знал Распутина, было еще какое-нибудь сомнение в фатальном зле, приносимом Распутиным династии, то теперь, хорошо узнав этого человека, он и его филеры, которые не могут без чувства крайнего возмущения говорить о близости такого порочного человека к тем, кто для них священен, — всегда бы нашли возможность при тех отношениях, которые теперь установились с Распутиным, избавиться от него. Однако Комиссаров, не веря Хвостову, не может рисковать участью преданных ему людей. Комиссаров закончил, что если бы это отвечало моим желаниям, то он и его филеры, зная меня и мое отношение к подчиненным, сделают все то, что я прикажу.

После этого разговора с Комиссаровым я начал вспоминать весь период моей близости к Хвостову, отдельные эпизоды и мелочи жизни, слухи, все разговоры с ним и отношения к старым своим хорошим знакомым, которым он наружно при мне показывал знаки доверия, а после их ухода их вышучивал, указывая, ради какого личного интереса он их к себе приблизил, и т. п., — я действительно многое понял — в особенности черствость, эгоистичность и беспринципность этого человека.

Переходя к вопросу о Распутине, вне всякой зависимости от желания Хвостова, я при всем моем органическом отвращении к крови в силу природных качеств и воспитания все-таки задумался: что, если бы под влиянием

соображений высшего порядка, оставляя в стороне заманчивые перспективы, которые рисовал мне Хвостов, — что, если бы я пошел на эту великую для меня жертву и принял на себя организацию и осуществление, хотя бы в роли соучастника, этого преступления? Достиг ли бы я в конечных целях поставленной мною задачи и не был ли бы этот акт наивысшего, чреватого по своим непредвиденным последствиям служебного преступления бесплодной жертвою с моей стороны, которая всегда была бы для меня тягчайшим укором совести?

После долгого размышления я всесторонне взвесил склад мистически настроенной духовной организации государя, который видел в даровании ему долгожданного наследника проявление милости к нему высших и таинственных сил Провидения вследствие его молитв и общения с людьми, как бы имевшими особый дар предвидения будущего. Я учел постоянные опасения государя и императрицы за жизнь наследника и единственную веру их в то, что только одна незримая мощь тех же сил и лиц способна спасти и продлить эту дорогую им жизнь. Я видел этому примеры в прошлом, до появления Распутина, в отношениях к старцам, юродивым, предсказателям и тому подобным лицам. И я пришел к тому заключению, что если исчезновение Распутина временно и успокоит, в силу одиозности этого имени, деспотизм общественного мнения о нем, то вследствие причин, выше мною отмеченных, оно неизбежно повлечет за собою появление во дворце какого-нибудь нового странного человека по типу тех же лиц, которые проходили ранее, вроде Миши Козельского, Васи-босоножки, Мардария и других, от которых Распутин впоследствии так ревниво оберегал свое влияние на высокие сферы.

Ввиду этого такая жертва с моей стороны, противная совести и законам, была бы бесцельна сама по себе и, вызвав, при самых лучших условиях, общественное к Хвостову и ко мне внимание, могла бы через некоторое время вселить большое опасение в возможность применения нами, пользуясь преимуществами служебного положения, того же способа борьбы с политическими противниками существовавшего режима.

По всем этим основаниям я решил, пока мне не представится благовидный предлог для ухода без ущерба для себя со службы, удерживая в своих руках все нити наблюдения и охраны Распутина, противодействовать в этом отношении Хвостову, усыпляя его бдительность. Выдавать его намерения Вырубовой и Распутину я считал неэтичным, так как это могло быть истолковано Хвостовым и другими лицами в самом невыгодном для меня свете,

в особенности в широких общественных кругах, которые, в силу одного имени Распутина, стали бы на сторону А.Н. Хвостова.

Я поделился этими соображениями с Комиссаровым, и мы решили показать Хвостову всю видимость искреннего сочувствия его замыслу относительно Распутина, но подвергать самой широкой критике все предлагаемые им планы, затягивая под всякими благовидными предлогами наступление решительного момента исполнения. Когда я передал Хвостову о том, что подготовил Комиссарова к принятию его предложения и заручился его согласием, то при следующем нашем совместном докладе Хвостов, повторив ему все высказанные уже мне мотивы для устранения Распутина, был горячо поддержан Комиссаровым, заверившим его, что это отвечает его пожеланиям и его филеров, на которых можно всецело положиться.

После этого А.Н. Хвостов приступил к обсуждению плана убийства, входя с особым интересом в обсуждение каждой детали и даже высказывая желание лично принять участие в деле. Чем больше мы об этом говорили, тем сильнее захватывала А.Н. Хвостова мысль убить Распутина и тем тяжелее было для меня присутствовать при этих обсуждениях. Что касается Комиссарова, то я поражаюсь его умению подойти под тон настроения Хвостова, и только потом, когда мы уходили с Комиссаровым от него, Комиссаров не сдерживался в своей оценке Хвостова, который теперь и для меня стал ясен во всей беспринципности своего мировоззрения.

После долгого обсуждения А.Н. Хвостов предложил послать после принятия мер предупредительного характера Распутину автомобиль под видом приглашения к какой-нибудь даме, а затем в глухом переулке, где автомобиль должен был замедлить свой ход, в него должны были вскочить загримированные люди Комиссарова; затянув петлю на шее Распутина и обмотав предварительно его лицо платком, чтобы он не кричал, и оглушив его, — они должны были свезти затем труп его на Неву, на Острова, и там его бросить в прорубь или, что еще лучше, завезти его на взморье и там зарыть в снегу, привесивши к телу камни, чтобы при оттаянии льда труп опустился в море.

Но весь этот план требовал многочисленных предварительных приготовлений: необходимо было удалить под благовидным предлогом проследку филеров Глобачева, подготовить автомобиль, распределить роли среди филеров, наметить даму, которую знал бы Распутин, устранить возможность разговора с ней Распутина и т. п. Высказывая постоянно А.Н. Хвостову те или иные возражения, я не мог не обратить его подозрительного внимания своим

поведением, и он в первое время приписывал это моему малодушию и поэтому старался воздействовать на меня не только лично, но и давлением со стороны. Так, в одно из обычных ежемесячных посещений меня Марковым и Замысловским для получения денег на партийные надобности и за дополнительными субсидиями на «Земщину» и лазарет Марков в присутствии Замысловского сказал мне, что они только что были у Хвостова и от него, с его ведома и согласия, пришли переговорить со мной о необходимости до открытия Государственной Думы убрать Распутина, который всем своим поведением и афишируемою близостью к августейшим особам подрывает в корень все партийные начинания монархических организаций в деле борьбы с начавшимся антидинастическим движением в стране. При этом Марков добавил что, судя по словам Хвостова, все зависит теперь от меня.

Замысловский почти не принимал никакого участия в разговоре, но, по моим сведениям, оба они с Распутиным знакомы не были и в отношении его держались непримиримой точки зрения, какой придерживалось подавляющее большинство членов правой фракции Государственного Совета, кроме Штюмерера и Н.А. Маклакова, лично знавших Распутина.

Своим собеседникам я ответил, что если бы речь шла о моем отношении к устранению Распутина средствами партийных монархических организаций, то можно было бы говорить о моем колебании, но в данном случае, когда осуществление всего акта А.Н. Хвостов возлагает на меня, я не могу не обдумать каждого своего шага.

Затем при одном из ближайших моих посещений в Царском Селе дворцового коменданта генерал-майора Воейкова последний также повел разговор на эту тему, указав на то, главным образом, что в армии идет как среди командного состава, так и среди войсковых частей открытое брожение на почве возмущения влиянием Распутина на августейших особ, которое может вылиться в самые нежелательные формы антидинастического движения. Передав об этом А.Н. Хвостову, Воейков считал нужным обратить на это мое особое внимание. Когда же я указал, что согласно одобренному и им плану мною приняты все меры к избежанию лишних разговоров о Распутине, Воейков на это ответил, что это паллиативы и что мне надо подумать о чем-либо более существенном, чтобы раз навсегда положить этому предел. Затем и впоследствии я имел такой же разговор с Воейковым, причем заметил некоторую сухость с его стороны по отношению к себе. Это было незадолго до истории с Ржевским, когда А.Н. Хвостов повел уже свою личную политику в отношении Ржев-

ского, так что в перемене к себе Воейкова я видел отражение влияния Хвостова.

Наконец, с Комиссаровым, а затем и со мною, по поручению А.Н. Хвостова, на эту тему говорил князь Андрей Ширинский-Шихматов. Но последнему и Комиссаров, и я, зная его доброжелательность к нам, откровенно расшифровали побуждения Хвостова; поставив его в курс всех своих соображений по этому делу — и он их разделил, — мы рассказали ему о той позиции, какую я и Комиссаров заняли по отношению к Хвостову в этом вопросе.

Из всего происшедшего я вынес убеждение, с одной стороны, в том, что Комиссаров прав в оценке поведения Хвостова в этом деле и его неконспиративности, с другой — в необходимости что-либо предпринять, чтобы усыпить на время бдительность Хвостова. А он между тем становился с каждым днем все более и более настойчивым и обнаруживал желание или избить Распутина, или, если мы не убьем его, самому его убить на свидании из револьвера... При этом Хвостов показывал свой небольшой браунинг...

Тогда я, воспользовавшись брошенной Хвостовым мыслью об избииении Распутина, стал доказывать министру, что подобного рода мера, если она будет проведена под видом мести мужа за поруганную честь жены, даст нам в будущем, когда совершится основной акт, основание указать и Вырубовой, и высочайшим особам, что и убийство является таким же актом мести. Вместе с тем, развивая этот план, я указал Хвостову, что, желая отвлечь Распутина от посещения ресторанов, я, в числе других лиц, между прочим, вошел в соглашение с другом Манасевича-Мануйлова — сотрудником «Вечернего Времени» М.А. Снарским (он же Оцуп), которого снабдил авансом для приглашения Распутина к себе на вечер. Я просил Снарского, в случае настойчивых попыток Распутина ехать в те или другие увеселительные заведения, сопровождать его, удерживая от скандалов и устраивая эти кутежи в изолированных от публики помещениях.

Ввиду этого я заявил Хвостову, что, переговорив со Снарским, который живет в малолюдном переулке, я дам ему еще денег для устройства у себя вечера: узнав, когда Распутин будет у него, я сообщу об этом Комиссарову, который замаскирует своих людей, и они при выходе Распутина с соответствующими угрозами нападут на него, привлекут шумом борьбы внимание дворников, чтобы последние могли доставить Распутина в полицию — для регистрации этого случая, — и сами исчезнут на автомобиле Комиссарова. Затем филеры, встревожась долгим отсутствием Распутина, начнут осведомляться из его квартиры по участкам и таким образом отведут от себя всякое подозрение, а нам дадут

возможность сослаться на этот случай как на доказательство трудности охраны Распутина при его стремлении скрывать свои выезды от филеров, что может повлечь за собой и более серьезные против него выступления.

Когда А.Н. Хвостов одобрил этот план, то я переговорил с Комиссаровым, который согласился осуществить его, так как Комиссарова постоянно смущали тайные от филеров отлучки Распутина.

Ко мне зашел Снарский. Я объяснил ему необходимость ввиду поведения Распутина поугатать его и попросил Снарского пригласить Распутина, задержать его при выходе гостей и выпустить его одного. Для устройства этого вечера я выдал Снарскому аванс.

Через несколько дней Снарский сообщил мне о дне, когда назначено у него на квартире свидание Распутина с двумя дамами. Я передал об этом Комиссарову и просил, чтобы он внушил филерам не переусердствовать. Когда вечером Комиссаров мне доложил, что люди поставлены им на посту и роли распределены, А.Н. Хвостов пожелал прокатиться и лично посмотреть всю инсценировку подготовлявшегося нападения на Распутина. Мы отправились втроем, проехали по переулку, где жил Снарский, видели и автомобиль Комиссарова с опущенным верхом, и заgrimированных филеров. Однако, показывая нам квартиру Снарского, Комиссаров обратил наше внимание на то, что она не освещена, но я успокоил его тем, что вечеринка состоится после 12 часов ночи, когда дамы приедут из театра, и что Снарский к этому времени обещал привезти и Распутина.

На другой день Комиссаров доложил, что никакой вечеринки у Снарского не было, и план избиения, таким образом, не мог быть осуществлен. Снарский объяснил мне, что вечеринка расстроилась из-за Распутина, который не мог в этот вечер почему-то приехать к нему, но я узнал впоследствии, что всю ночь Распутин вместе со Снарским прокутил в отдельном кабинете Палас-Театра.

А.Н. Хвостов был очень недоволен такой неудачей потому, вероятно, что сказал кому-то, что Распутина побили, потому что с этого же дня по городу пошли в разных версиях разговоры об избиении, о чем я узнал от князя Волконского, товарища министра.

ГЛАВА XVII

После этого инцидента А.Н. Хвостов начал уже сам, без меня, приглашать к себе Комиссарова для разработки плана убийства Распутина, и о проектах министра я узнавал, таким образом, со слов Комиссарова.

Однажды, вернувшись от Хвостова, Комиссаров рассказал мне, что Хвостов ради скорейшего исполнения плана убийства предложил Комиссарову лично 200 тысяч рублей на расходы по подготовке этого дела и для дальнейшего материального обеспечения филеров, которые будут участниками убийства, с тем чтобы они, предварительно акта, официально уволились со службы, попрощались с Распутиным, получили увольнительные билеты из департамента полиции и выписались, как выбывшие из Петербурга.

А.Н. Хвостов даже показал Комиссарову эти деньги, вынув их из несгораемого министерского шкафа.

Комиссаров на это предложение ответил, что если он и его филеры берутся за это дело, то не ради денег и что такое предложение их обидит.

Наличность у Хвостова такой большой суммы денег меня весьма поразила, так как я знал финансовые дела министра. Личных денег в таком размере у него быть не могло, ибо хотя его жена, урожденная Попова, дочь старшего председателя киевской судебной палаты, и принесла ему в приданое миллионное состояние, но, по рассказам Хвостова, я знал, что она состояние свое держит на своем счету и только дала возможность Хвостову очистить его родовые имения от долгов и завести большое свиное хозяйство, обещавшее в будущем давать доходы, в чем жена его сомневалась.

Что касается секретных сумм, то помимо меня он их получать не мог, взял же он до сих пор лишь 300 тысяч рублей на усиление рептильного фонда. Но он был намерен, в силу полученного им согласия государя, возбудить секретным всеподданейшим представлением ходатайство об отпуске особых сумм на предвыборную кампанию 1917 года и на задуманную им для этого широкую правительственную агитацию, затем на осуществление плана борьбы с оппозиционной прессой по проекту Гурлянда, на получение еще дополнительного отпуска на рептильную прессу и, наконец, особого ассигнования на пополнение позаимствований из сумм департамента полиции на монархическую печать и другие расходы, произведенные в связи с его назначением и охраною Распутина.

Из указаний Комиссарова я вынес убеждение, что Хвостов был, по-видимому, прав, когда говорил, что у него есть особый фонд на убийство Распутина. Положение мое, таким образом, в деле об убийстве Распутина становилось все сложнее, но подходящего случая, чтобы уйти от Хвостова, мне не представлялось, — а тут мне пришлось съездить в Ставку, что находили желательным Вырубова и

Распутин и что советовал и князь Андронников, обещавший написать об этом письмо графу Фредериксу и Воейкову. Перед поездкой я побывал у Вырубовой и узнал, что императрица уже писала обо мне в Ставку.

В Ставке я переговорил с Воейковым, сделал все необходимые доклады генералу Алексееву и был приглашен к высочайшему столу.

После обеда государь подробно расспрашивал меня о моих докладах Алексееву, обещая их разрешить благоприятно для нашего министерства, и затем спросил меня о служебных новостях. Я доложил его величеству о настроении рабочих в связи с 9 января, о свиданиях Бурцева с А.И. Гучковым и о первых выступлениях членов Бюджетной комиссии по поводу Распутина, что, по-видимому, остановило внимание государя, судя по сделавшемуся сосредоточенным его лицу.

Ввиду этого я, по поручению Хвостова, вместо того, чтобы, как повелевал долг и совесть, откровенно высказать свое мнение о Распутине, повторил точку зрения А.Н. Хвостова на это выступление и его надежду, что этим будут исчерпаны все дальнейшие разговоры о Распутине в общих собраниях. Это успокоило государя, и он, прощаясь, поблагодарил меня за службу и за солидарность в работе с Хвостовым.

Милостивый прием, оказанный мне государем, в особенности напутственные его слова при прощании, ставили меня в безвыходное положение относительно Хвостова и его замысла на Распутина. Ввиду этого, переговорив с Комиссаровым, я решил восстать против предложенного Хвостовым убийства Распутина в автомобиле, а чтобы затянуть дело, предложил Хвостову отравить Распутина, дав ему в мадере яду. Яд обещал достать в Саратове (куда он должен был съездить) Комиссаров.

Хвостов с этим согласился и даже высказал проект послать ящик отравленной мадеры Распутину как бы от банкира Д.Л. Рубинштейна, чтобы затем как-нибудь связать и последнего с делом отравления Распутина. Против Рубинштейна Хвостов все время был враждебно настроен. Однако я указал Хвостову на неудобство такого плана отравления, так как Распутин может поблагодарить по телефону за присылку мадеры Рубинштейна, который часто к нему обращался с просьбами, — и тогда весь план рухнет.

Комиссаров вернулся из Саратова с несколькими флаконами яда. Когда я пришел к Хвостову, то застал у него Комиссарова, объяснявшего министру свойство и действие каждого яда. Комиссаров уверял, что он попробовал действие одного из ядов на коте, забредшем

на кухню конспиративной квартиры, и живописно рассказывал Хвостову, что доставило последнему удовольствие, — как вертелся и наконец издох кот. Хотя я и обратил внимание на то, что окраска всех порошков ядов во всех банках была одинаковой, тем не менее сначала я подумал, что это действительно яд. И когда при ближайшем свидании с Распутиным Комиссаров наливал ему мадеры, то я подставил и свою рюмку, думая, что если Комиссаров дает Распутину отравленную мадеру, то мне уж ее не нальет. Затем на мои настойчивые вопросы относительно яда Комиссаров признался в своей проделке: во флаконах, показанных им Хвостову, были безобидные порошки. О свойствах ядов Комиссаров рассказывал Хвостову по учебнику фармакологии, которые купил себе в дорогу, а историю с отравлением кота он выдумал.

Наши свидания на конспиративной квартире с Распутиным продолжались, но Хвостов начал часто уходить в соседнюю комнату под предлогом отдохнуть, прося меня переговорить с Распутиным по поводу его кандидатуры на пост председателя Совета Министров с сохранением портфеля министра внутренних дел. Но в целях проверки моих бесед Хвостов, притворяясь спящим, столь громко храпел, что Распутин заметил это притворство и указал мне на него. Распутин увидел в этом знак некоторого пренебрежения к себе и начал с тех пор отвечать уклончиво на мои вопросы относительно Горемыкина и заместительства Хвостова.

В это время я обратил внимание на то, что Хвостов, приближая к себе Комиссарова, начал вызывать к себе с очередными докладами и начальника охранного отделения Глобачева. Боясь, чтобы Хвостов не начал вести с Глобачевым разговор о ликвидации Распутина, и не зная, как к этому относится Глобачев, я в один из заездов последнего сам начал с ним разговор о Распутине и о вреде его для трона и высказался в духе пожеланий Хвостова. Но из всего поведения Глобачева и из удивленного взгляда, брошенного им на меня, я убедился, что он не пойдет на соглашение в этом вопросе с Хвостовым. После этого я начал еще более бдительно следить за Распутиным, а Хвостова заверял, что с осуществлением плана отравления ввиду опасности его для жизни других, кроме Распутина, лиц надо повременить, пока Распутин не будет использован для проведения Хвостова в премьеры. Но это последнее соображение теперь даже его не останавливало; свидания с Распутиным он начал отдалять, что последнего задевало, а в отношениях Хвостова ко мне начала просвечиваться некоторая враждебность.

Однажды Манасевич-Мануйлов, делая мне свой очередной доклад и проводя в нем интригу против Комиссарова, возбудившего уже к себе недоверие Распутина, попросил меня уделить ему несколько минут для выслушивания его личной просьбы, имеющей весьма важное для него значение. И Мануйлов, вдруг разрыдавшись, в нервном тоне рассказал мне свою личную драму.

Несмотря на свое старое чувство привязанности к своей гражданской жене, о которой мне Комиссаров отзывался как об умной, тактичной женщине, в чем и я убедился впоследствии, когда Мануйлов сидел в тюрьме, — Мануйлов сердечно увлекся артисткой Лерма. И драма заключалась в том, что Мануйлов имеет основание бояться, что завязавшееся на почве уроков верховой езды знакомство Лерма с берейтором Пецом может перейти со стороны Лерма в чувство любви к Пecu, что причинит глубокую сердечную рану ему, Мануйлову. Поэтому Мануйлов просит меня, во имя расположения к нему и его всегдашней ко мне преданности, спасти его путем временного отдаления Пeca от Лерма.

Когда я указал Мануйлову, что не могу же я, как бы ни желал быть для него полезным, принять репрессивные меры к Пecu без всяких законных к тому поводов, то Мануйлов ответил мне, что Пец не только порочный человек, но и состоит под особым наблюдением следственной комиссии генерала Батюшина, имеющей веские основания подозревать Пeca в сбыте лошадей в воюющую с нами державу путем транспорта через Швецию. На мой вопрос, откуда Мануйлов мог получить такие сведения, он отвечал, что ему удалось оказать безвозмездно ряд весьма ценных услуг комиссии Батюшина вследствие близости к члену этой комиссии полковнику Резанову, тоже сотруднику «Нового Времени», и получить сведения о Пece из этой комиссии. Мануйлов говорил, что он не настолько вошел в доверие к генералу Батюшину, чтобы обратиться к нему с личной просьбой, но просит меня хотя бы временно арестовать Пeca, пока вопрос о нем не будет разрешен комиссией Батюшина, или выслать его административно из столицы.

Я не дал Мануйлову категорического ответа, сославшись на необходимость получить сведения о Пece. Хвостов же, которому я доложил о просьбе Мануйлова, увидел в этом деле ту цепь, на которой можно будет держать Мануйлова все время ради исполнения им наших желаний, и поручил мне, если сведения о Пece подтвердятся, арестовать временно Пeca. Так как сведения под-

твердились, то Пец был арестован охранным отделением. Мануйлов горячо благодарил меня, сказав, что такой услуги он никогда не забудет... Однако затем полковник Глобачев доложил мне, что тщательное расследование не подтвердило первоначальной справки о Пече, что семья его ни в чем не замечена, об отце его имеется хороший авторитетный отзыв, а сам молодой Пец служит в Пскове в одном из учреждений, работающих на оборону. По данным Глобачева, все обвинения Печа покоятся на чувстве мести Мануйлова из-за ревности к Лерма. Глобачев поэтому полагал необходимым освободить Печа за истечением законного срока содержания его под арестом.

Хвостов рассудил, что нам пока необходимо помучить Мануйлова и согласиться на исполнение его просьбы относительно продолжения ареста Печа под условием полного его служения нашим интересам. Что касается Печа, то Хвостов распорядился продлить ему арест, объяснив Глобачеву, что это необходимо, ради приведения в подчинение Мануйлова, пустившего крепкие корни около Распутина. Я несколько дней держал Мануйлова в неизвестности относительно нашего решения продлить арест Печа. Мануйлов несколько раз заходил ко мне и просил меня, рыдая, успокоить его и написал мне три письма по тому же поводу.

Глобачев подчинился этому решению, но записал Печа, как арестанта, числящимся за мной; я же указал, что Глобачев допустил здесь неточность, потому что Пец должен «считаться за министром», ибо арестован по его распоряжению. Глобачев затем несколько раз намекал мне на необходимость ликвидировать это дело... Но когда ко мне приходил с просьбой о сыне старик Пец, служивший в учреждении, где его начальником был бывший начальник сыскного отделения Филиппов, то я все же говорил Пecu-отцу о серьезности улик против его сына. Но когда Пец, узнав, вероятно, от Филиппова подробности дела, подал мне прошение с обвинением Мануйлова в клевете на сына и когда затем приходили ко мне просить за молодого Печа его две сестры, взволнованные и нервные, то вид чужого горя образумил меня: не докладывая Хвостову, я вызвал Мануйлова, сказав ему, что отныне я отказываюсь от содействия в этом деле, и приказал Глобачеву освободить молодого Печа, посоветовав ему не ездить в Финляндию, где у Лерма была своя дача, чтобы не возбуждать против себя Мануйлова, который на этот раз может действовать против Печа через комиссию Батюшина. Впоследствии оказалось, что отец Печа подавал на меня жалобу в Ставку, но департамент полиции дал отзыв, устранявший мою ответственность в этом деле.

При последующих моих свиданиях с Мануйловым, неоднократно расспрашивая его об отношениях Распутина, к А.Н. Хвостову и Горемыкину, я получал уклончивые ответы относительно возможности кандидатуры Хвостова на пост председателя. Относительно Горемыкина Мануйлов сообщал, что при дворе в нем в последнее время разочаровались.

В один из этих дней, приехав от Распутина, Комиссаров доложил мне, что Распутин просил его устроить ему свидание с И.Г. Щегловитовым, но в абсолютном секрете. Распутин о цели свидания ничего не говорил, несмотря на попытки Комиссарова узнать, в чем дело.

В это время И.Г. Щегловитов, незадолго перед тем ушедший с поста министра юстиции, был выбран товарищем председателя правой фракции Совета. Эта роль не удовлетворяла. Он продолжал следить за политической жизнью, интересовался Горемыкиным, которого считал виновником своего ухода, и почти ежедневно звонил ко мне за политической информацией, которой я его снабжал. Щегловитов очень интересовался отношением к нему высоких особ, прося меня собрать в этом направлении точные сведения, и о нем я не раз говорил Вырубовой.

Переговорив по телефону со Щегловитовым по поводу желания Распутина с ним повидаться, я намекнул Щегловитову, что подобного рода предварительное ознакомление знаменует собой ранее или позже призыв к власти. Согласно нашему условию вскоре Комиссаров привез вечером секретно Распутина к Щегловитову, который просил нас решительно никому не говорить о своем знакомстве с Распутиным. По отзывам того и другого, они произвели друг на друга хорошее впечатление; беседа их носила общий характер и не касалась конкретных предложений. Свидание было строго конспиративным, и о нем знало только 4 лица.

Щегловитов просил меня узнать о результатах разговоров о нем Распутина при дворе. Я обещал, но дальнейшие события пошли так быстро, что я не успел ничего узнать.

Вслед за этим Мануйлов известил меня, что уход Горемыкина после докладов Хвостова государю и моих разговоров с Вырубовой решен, но выбор заместителя пал не на Хвостова и не на Щегловитова, а на кандидата митрополита Питирима — Штюмерера, которого при дворе ценили, как испытанной преданности престолу человека, много потрудившегося во время сопровождения царской семьи при юбилейном посещении в 1913 году древних

обитателей, как председателя собиравшегося у него влиятельного кружка правых сановников, имевшего огромный круг знакомств в придворных сферах и являющегося для Думы новым человеком, который сумеет соединить мягкость с проявлением в нужных случаях твердости власти. С Штюмером я был в давнишних отличных отношениях и был принят в его кружке, державшемся строго консервативного направления.

Несмотря на такой свой вес, его попытки вернуться к активной деятельности до сих пор не имели успеха, несмотря на поддержку князя Мещерского и на знакомство Штюмера и его жены с Распутиным. Я понял, что здесь сыграл свою роль Мануйлов, давнишний знакомый и друг Штюмеров, и обратился к нему с вопросом об этом. Мануйлов мне отвечал, что, пользуясь благорасположением к нему митрополита Питирима, когда последний сообщил ему о недовольстве государыни на Горемыкина и о колебаниях в выборе преемника, позволил себе рекомендовать митрополиту Штюмера, который в своей программной деятельности будет держаться советов владыки. Владыка заинтересовался Штюмером, виделся с ним, беседовал о нем с императрицей, Вырубовой и Распутиным. По просьбе Штюмера с Распутиным говорил о нем и Мануйлов. Распутин решил поддержать Штюмера при дворе и пожелал поближе с ним познакомиться. Свидание между ними должно было состояться в день моего разговора с Мануйловым на квартире артистки Лерма.

Я спросил Мануйлова, почему он держал в секрете дело о Штюмере и не содействовал видам Хвостова. Мануйлов мне отвечал, что он не верит Хвостову и его расположению ко мне и что мне будет гораздо лучше при Штюмере, который относится ко мне с большим доверием и рад был бы повидаться со мной теперь.

Я понял, что назначение Штюмера означает то, что Хвостов не приобрел еще к себе доверия государыни и что предстоит борьба между Штюмером и Хвостовым из-за портфеля министра внутренних дел, к чему первый, как ближайший и любимый сотрудник Плеве, естественно, будет стремиться.

Я доложил Хвостову о предстоящем назначении Штюмера, рассказав о роли, сыгранной в этом деле Питиримом, Распутиным и Мануйловым. Хвостов начал упрекать меня в излишнем доверии к Мануйлову, припомнил преждевременное освобождение Пеца, которым мы могли бы держать в своих руках Мануйлова, и указал мне, что если бы я своевременно устранил Распутина, то все его планы были бы осуществлены. Это меня задело. Я ответил, что

он сам виноват в своем поведении по отношению к митрополиту и к Распутину, а что с исчезновением Распутина все равно значение Питирима увеличилось бы. Я добавил, что ввиду недоверия к себе я прошу его только об одном — устроить мне возвращение в сенат. Хвостов начал меня успокаивать, говорить о своей доверии, но все же с этого момента наши отношения определились.

Свидание Штюрмера с Распутиным на квартире артистки Лерма состоялось, что подтвердило и наблюдение Глобачева. Мануйлов же мне доложил, что свидание привело к благоприятному результату. Штюрмер просил Распутина оказать ему поддержку перед государем и государыней и обещал, со своей стороны, советоваться с Распутиным по делам, имеющим важное значение для трона. При прощании они расцеловались. После этого свидания Штюрмер зашел на квартиру Мануйлова, был в восторге от исхода свидания, расцеловался с Мануйловым и обещал ему относиться как к родному сыну и устроить его после своего назначения согласно с его пожеланиями.

Результатом дальнейших свиданий Питирима со Штюрмером, поездки митрополита к императрице и выезда в Царское Распутина явилась поездка Питирима в Ставку для проведения, дополнительно к письмам императрицы и Распутина к государю, кандидатуры Штюрмера у последнего. Государь отложил вопрос о Штюрмере до своего возвращения в Царское. И когда государь вернулся туда, то Мануйлов, по возвращении Распутина из дворца, узнал о согласии государя на назначение Штюрмера и о назначении ему аудиенции. О случившемся я предупредил Горемыкина, но об этом обстоятельстве я уже говорил выше.

Как только Штюрмер был назначен, он принял меня самым любезным образом, расцеловался, просил его держать в курсе всех политических проявлений жизни, продолжать политику доброжелательства к Распутину и спросил меня, сколько мы выдавали ему денег. Получив ответ, он мне ответил, что еще не знает, какими суммами он располагает из секретного для себя фонда, поэтому с согласия Хвостова я ему выдал из наших сумм 2 т. р. Что касается Мануйлова, то Штюрмер сказал мне, что он хотел бы что-либо для Мануйлова сделать. И меня Штюрмер обещал обеспечить согласно моему желанию. И действительно, Мануйлов накануне назначения Штюрмера сказал мне, что Штюрмер проведет меня в члены Государственного Совета с оставлением товарищем министра внутренних дел.

Мануйлов, вскоре причисленный к министерству с откомандированием в распоряжение председателя Совета,

с первых же дней вступил в исполнение секретарских обязанностей при Штюмере, всюду сопровождал его в служебном автомобиле, сумел в это время проникнуть в дом Вырубовой, завел пишущую машинку и переписчицу в доме Распутина и установил регулярные сношения с Вырубовой путем посылки написанных на машинке под диктовку Мануйлова всякого рода сообщений для Вырубовой в интересах Питирима и Штюмера. Над этими сообщениями Распутин ставил свой обычный крест. Эта форма сообщений нравилась во дворце, и императрица некоторые из них посылала в Ставку государю.

Свое значение при Штюмере Мануйлов прекрасно использовал. Он вошел в самые близкие отношения с графом Борхом. Утром, переговорив с Распутиным и приняв графа Борха и секретаря митрополита Осипенко, которого он подавил своим авторитетом, он оказался в курсе всех новостей, из которых сообщал мне то, что находил нужным, а затем устраивал у себя приемы просителей.

Причисляясь к министерству, Мануйлов имел, конечно, свои виды. Вскоре он завел разговор о необходимости для меня, ради облегчения работы, взять знающего розыск директора департамента полиции и предложил мне познакомиться с полковником Резановым, известным своими литературными трудами о немецком шпионаже и по розыскной в этой области работе в Прибалтийском крае, членом комиссии генерала Батюшина. Я познакомился с ним, и он на меня произвел хорошее впечатление. Мануйлов затем дал мне понять, что Штюмер не считает Хвостова отвечающим своему назначению как министра и предполагает сам взять портфель министра внутренних дел, как я это и думал давно.

Из приведенных выше двух случаев уступок Хвостовым Штюмеру — по поводу совместного доклада и распоряжения фондом для печати — я решил, что, очевидно, Хвостов имеет план путем заманивания Штюмера в сферу действий по министерству внутренних дел ясно обнаружить его стремление узурпировать себе положение министра внутренних дел и сделать перед государем Штюмера ответственным за изменение политики министерства в крупных вопросах, например, по отношению к Государственной Думе; с этой целью он убедил Штюмера лично принимать доклады не только от начальника главного управления по делам местного хозяйства, но и директора департамента общих дел и директора департамента духовных дел и иностранных исповеданий. Затем Хвостов любезно предложил Штюмеру сделать общий прием высших чинов министерства, чего не делал доселе ни один председатель Совета Министров. После этого

приема пошли толки о ярко выраженном намерении Штюрмера взять себе портфель министра внутренних дел. Поэтому я счел нужным открыть Штюрмеру глаза на обаз действий Хвостова. По моему совету, Штюрмер сделал приемы и высших чинов некоторых других министерств, чтобы придать этому общий характер и, доложив о том осударю, предупредить неточность возможного об этом доклада со стороны Хвостова.

Вместе с тем Хвостов воспользовался своим старым накомым Гурляндом, которого и откомандировал почти всецело в распоряжение Штюрмера под видом доброжелательства своего к последнему для правильного освещения в прессе взглядов и начинаний Штюрмера. При этом Хвостов не прерывал своих ежедневных свиданий с Гурляндом. Если Гурлянд был обязан Штюрмеру своей карьерой по министерству внутренних дел, то, в свою очередь, Штюрмер был во многих отношениях обязан Гурлянду, и между ними и их семьями была старая и тесная связь. Эта связь началась, когда Штюрмер был ярославским губернатором, а Гурлянд, будучи приват-доцентом ярославского Демидовского лицея, составлял Штюрмеру всеподданнейшие отчеты и памятные записки по многим вопросам, в особенности по старообрядческому. Записки эти в свою пору останавливали на себе внимание Александра III, Плеве, Святейшего Синода и кружка князя Мещерского и заставляли говорить о Штюрмере как о выдающемся администраторе, знающем историю предмета и знакомом с практикой европейских государств. Для таких же работ Гурлянд был приглашен Штюрмером в департамент общих дел, а впоследствии по рекомендации Штюрмера был ближайшим сотрудником Крыжановского как по составлению изменений положения о выборах в Государственную Думу, так и в работах по выборам в третью и четвертую Государственные Думы.

Гурлянд оставался в роли ближайшего советника Штюрмера по делам внутренней политики и личного друга семьи Штюрмера с первых же дней его премьерства. Граф Горх и Мануйлов, ввиду усиливающегося влияния, отделавшего Мануйлова от Штюрмера, Гурлянда от Штюрмера, вели против Гурлянда кампанию. Они указывали, что Гурлянд загипнотизировал своими взглядами Штюрмера, который под его влиянием вызвал неудовольствие Думы, что Гурлянд пользуется своим положением для того, чтобы пристроить себя и брата в весьма прибыльных частных финансовых предприятиях. Ввиду этого митрополит, Вышубова и Распутин сначала сами настаивали у Штюрмера на удалении Гурлянда, а затем, несмотря на свидание Гурлянда с Распутиным, как последний, так и означенные вы-

ше лица добились того, что императрица лично предложила Штюмеру удалить от себя Гурлянда.

Вышеупомянутый граф Борх, старый друг Штюмера, бывший владимирский вице-губернатор, был вызван в Петроград Штюмером, состоял чиновником особых поручений и был, благодаря своей энергии и умению вращаться в самой разнообразной среде, хорошим политическим осведомителем Штюмера и помогал ему в борьбе с Хвостовым. В свою очередь, и Хвостов собирал сведения о Борхе и занялся расследованием дела Борха об его покровительственном отношении к одной водворенной во Владимирскую губернию за германофильство семье, что чрезвычайно озлобило Борха.

Наружно наши отношения с Хвостовым оставались прежними, но свидания наши ограничивались официальными часами, причем Хвостов заставлял меня ждать очереди для доклада, чего раньше не бывало. Совместные наши свидания с Распутиным продолжались. Однажды я спросил Распутина до прихода Хвостова, отчего он не мог провести кандидатуру Хвостова в председатели Совета Министров. Распутин, улыбнувшись, ответил: «Больно много сразу хочет А.Н. Хвостов; пусть не горячится; все будет в свою пору».

Хвостов за это время еще больше озлобился на Распутина и стал настоятельно требовать от Комиссарова скорейшего осуществления плана убийства. В это же время Хвостов приблизил к себе прибывшего из Москвы дворянина Торопова, деятеля монархических организаций, намеревавшегося на свое близкое участие в партийной борьбе с революцией в Москве, когда был убит депутат Иоллос. Торопов много говорил мне о том, что он может предупредить заговоры против сановников, императрицы и т. п. Как неуравновешенного человека, я отказался принять его на службу в департамент полиции, чего хотел Хвостов. Торопов проник и к Распутину, и к Вырубовой, которых встревожил своими рассказами о заговоре в Москве против императрицы и о плане насильственного ее заточения в монастырь. Зная участие Торопова в деле Иоллоса, я пришел к заключению, что Торопов, приближаясь к Распутину и Вырубовой, осуществлял замыслы Хвостова. Торопов после ареста Ржевского немедленно исчез из Петрограда.

ГЛАВА XX

На почве ареста Ржевского произошел мой окончательный разрыв с Хвостовым.

Ржевский был близким Хвостову человеком еще в Нижнем Новгороде, где он исполнял, в бытность там Хво-

стова губернатором, его секретные поручения, в особенности во время выборов в Государственную Думу депутата Барача, а впоследствии при борьбе с Кильвейном, не прошедшим в IV Думу. Но, по словам Хвостова, Ржевский часто подводил его в денежном отношении

Ржевского до его приезда в Петроград я совершенно не знал, и он был принят в агентуру по личному желанию Хвостова. На меня Ржевский произвел неприятное впечатление, и я уклонялся от дачи ему поручений. Получив сведения о его широком образе жизни, я агентурным путем узнал, что Ржевский, занимая должность уполномоченного Красного Креста северо-западного района, злоупотребляет внеочередными свидетельствами на перевозку грузов. Расследование было произведено полковником Савицким, и после откомандирования ввиду этого Ржевского от министерства внутренних дел я сообщил председателю общества Красного Креста о неблагоприятных действиях Ржевского и доложил Хвостову о необходимости выслать этого агента.

Когда Ржевский вернулся вместе с своей гражданской женой из-за границы и явился ко мне, то стал меня умолять пощадить его, не подымая дела о злоупотреблениях. Ввиду того, что я был непреклонен, Ржевский, желая меня подкупить искренностью, заявил мне, что он за границу ездил не за покупкою мебели для литературного клуба, о чем он мне говорил ранее, а по секретному поручению Хвостова для свидания с Илиодором. Так как в первоначальный период наших совместных обсуждений плана убийства Распутина Хвостовым была высказана мысль о возможности сделать ответственным за это дело Илиодора, уже раз пытавшегося убить Распутина, то я понял, зачем посылал Хвостов Ржевского к Илиодору. Чтобы не связывать себя с Ржевским и по этому делу, я прервал его рассказ, указав ему, что как агент министерства он не имеет права выдавать секретов, ему порученных. А затем я потребовал от Ржевского объяснений по поводу двух протоколов, составленных жандармской властью в Белоострове при проезде Ржевского за границу. Едучи туда, Ржевский обиделся тоном жандармского офицера, потребовавшего у него и жены его паспорта, и угрожал офицеру своей близостью к министру внутренних дел. Офицер составил протокол. Возвращаясь из-за границы, Ржевский, зайдя в дежурную жандармскую комнату, начал справляться, какое направление дано протоколу, и советовал направить его не ко мне, а к Хвостову, по секретному поручению которого Ржевский ездил за границу. Указав Ржевскому на неумение конспирировать, я сказал ему, что своего мнения не переменю и прошу его оставить мой кабинет.

В дальнейшем я решил посоветовать Хвостову решительно отказаться от услуг Ржевского и выслать его, если Хвостов будет со мной откровенен относительно данного за границей Ржевскому поручения. Если Хвостов будет конспирировать, то я сам решил арестовать Ржевского и выслать его. Хвостов после моего доклада — я не обнаружил, что знаю цель поездки Ржевского — предоставил мне решить все это дело. Ввиду этого я отдал приказ Глобачеву арестовать Ржевского, произвести у него обыск и затем изготовить доклад об его высылке.

Пока еще Ржевский был на свободе, я заявил Хвостову, что в интересах нашего плана о Распутине необходимо отвести от него Комиссарова. Комиссарову я предписал заявить Распутину, что ввиду частых тайных отлучек Распутина, исключающих возможность охраны, Комиссаров отказывается впредь охранять его. Я думал, что Распутин, насторожившись, будет после этого сидеть дома, а затем попросит вернуть ему Комиссарова. Но Комиссаров был так рад развязаться с Распутиным и излить чувство своего на него негодования за четыре месяца отношений с ним, что вышел из рамок данного ему мною поручения и так накричал и выругал Распутину, что семья его не только перепугалась, но и насторожилась против нас, передала обо всем по телефону Вырубовой, высказав свое недоверие к нам и предположение, что все это сделано нами с какой-либо целью против Распутину. Обо всем этом мне доложил Мануйлов. Я немедленно переговорил с Распутиным по телефону, извинялся за Комиссарова — который, по словам Распутину, «уж больно шибко ругал меня, прямо страсть как шибко» — и советовал в эти дни никуда не выходить и пускать к себе лишь самых близких лиц. Узнав от Распутину, что Комиссаров увел от него и своих филеров, я приказал им вернуться.

На другой день я узнал, что Хвостов рвет и мечет по поводу того, что при произведенном у Ржевского обыске офицер взял, приобщил к делу и ознакомился с письмом Ржевского на имя Хвостова. Глобачев передавал мне, что в этом письме Ржевский просил Хвостова спасти его, тем более что поездка за границу была предпринята по поручению его, Хвостова. Приехав к Хвостову, я услышал от него нервные обвинения Глобачева по поводу взятого письма. Я отвечал, что жандармский офицер не имел права иначе поступить, и что если бы Хвостов не конспирировался от меня в деле Ржевского, то ничего подобного не произошло бы, и что вообще все дело Ржевского не стоит беспокойства, ибо переписка зависит от усмотрения Хвостова. Тогда Хвостов сообщил мне, что Ржевский послал письмо и к Распутину, в котором возвел на Хвостова

какие-то обвинения. Тут я заявил Хвостову, что гораздо лучше будет для всех нас отойти от Распутина и от той атмосферы, которой нам пришлось дышать в это время, а вместо всяких замыслов об убийстве Распутина представить государю записку о поведении Распутина в форме выписок из филерского дневника за подписью Глобачева и Комиссарова и откровенно раскрыть глаза его величеству на личность Распутина. Если это может не привести, судя по бывшим примерам, к положительным результатам, то все же мы исполним свой долг. Хвостов согласился, и в одну ночь Глобачев и Комиссаров составили записку, которую утром я привез к Хвостову. Мы с ним отправились на вокзал вместе, и я старался дорогой укрепить его в мужестве для представления записки государю.

По возвращении Хвостова из Царского я спросил его о записке. Хвостов отвечал мне, что он сделал устный доклад государю о Распутине, выставив последнего причиной антидинастического движения в стране, а затем передал и записку. По словам Хвостова, государь в начале его доклада нервно вертел в своих руках карандаш, затем подошел к окну, начал барабанить по стеклу, и, когда доклад был кончен, государь взял записку и отнес ее в покои императрицы. Оттуда Хвостов слышал отзвуки повышенного разговора государя и государыни. Затем государь вернулся, оставил записку у себя и сухо попрощался с Хвостовым. Когда Хвостов вышел из кабинета, чтобы переодеться, то я попросил секретаря Граве посмотреть в портфеле министра, есть ли там записка о Распутине. Оказалось, что записка привезена обратно... Весь свой рассказ Хвостов, таким образом, сочинил, построив его на известных ему личных чертах государя. Хвостов продолжал вести со мной игру...

Вскоре я повидался с князем Андронниковым, которому и рассказал про все разговоры о планах убийства Распутина. Андронников сообщил мне, что Хвостов уже сделал доклад государю о назначении меня вместо Князева иркутским генерал-губернатором. Жена моя была страшно рада этому назначению, да и я сам понял, что в моем выезде из Петрограда заключается спасение от тины, которая может меня засосать окончательно и довести до опозорения чести. В последующем моем разговоре с Хвостовым, когда я задал ему один вопрос: «За что?», он ответил, что все поправимо, если я ликвидирую Распутина. Затем я узнал из беседы, что, по-видимому, Хвостов желает меня и Комиссарова сделать ответственными за все события, связанные с делом Ржевского. Я откровенно предупредил Хвостова, что я пока примирюсь с положением дел, если Хвостов будет корректен и

не заденет моего самолюбия. Затем я узнал, что везде и всюду, вплоть до думских кругов, Хвостов говорил про меня, что я, пользуясь близостью к Вырубовой и Распутину и интригуя против него, чтобы занять его должность, истолковал командировку Ржевского за границу как шаг для организации убийства Распутина. В этом Хвостов изобличил, мол, меня перед государем — поэтому меня решено удалить в Иркутск. Такое же освещение событиям дал Хвостов и в своей беседе с представителями совета редакторов М.А. Сувориным и И.В. Гессеном. Я понял, что в будущем, после моего отъезда, Хвостов постарается еще решительнее подорвать мой авторитет и добьется быстрого моего ухода из Иркутска.

Ввиду этого я добился через Осипенко и Мануйлова у митрополита того, что у последнего в покоях состоялось мое свидание с ним, со Штюмером и Распутиным. Я рассказал всем им всю правду о деле Ржевского и заявил, что Хвостов желает так или иначе покончить с Распутиным. Но я не рассказал им о наших планах убить Распутина в автомобиле или отравить ядом, о последнем же знал со слов Андронникова и Распутин. Затем я рассказал и Вырубовой в присутствии сидевшей в соседней комнате, чтобы слышать разговор для передачи его Распутину, сестры милосердия Акилины все про планы убийства Распутина, упомянув и Воейкова. Свидания мои с Вырубовой возобновились. В ее руки попало письмо Ржевского, привезенное ей Симановичем от Распутина, в котором Ржевский обвинил Хвостова в поручении ему организации убийства Распутина. Ввиду этого Вырубова, заехав к Штюмеру лично, передала ему это письмо с высочайшим повелением расследовать это дело, а затем, по поручению императрицы, просила генерала Беляева учредить через контрразведку наблюдение за перепиской Ржевского.

Хвостов с этого момента старался всячески приблизить к себе Мануйлова, увеличил его содержание и просил держать его в курсе всех сведений. Но Мануйлов, передавая мне об этом, заметил, что он и не подумает служить интересам Хвостова и будет стоять на стороне Штюмера. От Мануйлова я узнал о полученных через генерала Беляева телеграммах Илиодора на имя Ржевского, в которых Илиодор настойчиво требовал высылки 5 т. р. для выезда пяти лиц из Саратовской губернии, близких к Илиодору. Эти лица, как уверял Ржевский в своем первоначальном показании, должны были убить Распутина в автомобиле, шофером на котором должен был быть Ржевский. Распутину хотели заманить на любовное свидание через посредство жены Ржевского. Труп Распутина должны были бросить в Неву. Но потом Ржевский, вследствие пристра-

стного допроса Гурляндом, изменил свое показание. Вырубова и Распутин, пока дознание не перешло в руки Гурлянда, очень интересовались показаниями Ржевского. Штюрмер ездил с докладами об этом деле к императрице, заезжая к Вырубовой, которая по тому же делу тоже приезжала к Штюрмеру. Хотя дознание о Ржевском получило неопределенный характер, однако Вырубова и Распутин усумнились в искренности Хвостова. Штюрмер же, не веривший Ржевскому под влиянием Гурлянда, все же ускорил высылку Ржевского. Поэтому Хвостов, несмотря на свое желание повидаться с Вырубовой и Распутиным, не мог получить от них приглашения, а обычный доклад его государю был отложен. Это вывело Хвостова из равновесия, и он, выслав князя Андронникова навстречу Воейкову, ехавшему из своего имения с подробным докладом с целью заручиться поддержкой государя, начал действовать против Вырубовой и Распутина, сделав обыски у некоторых близких Распутина, и арестовал его друга Симановича, угрожая арестовать и Распутина, о чем и постарался довести до сведения Вырубовой. Эта угроза встревожила Вырубову, написавшую письмо к Хвостову с вопросом, правдивы ли дошедшие до императрицы сведения о предстоящем аресте Распутина. Это письмо Хвостов показывал очень многим лицам. Тогда я решил поехать к Вырубовой. Она мне сообщила, что в ответ на письмо Хвостов сказал ей по телефону, что он недоволен поведением ее и Распутина в этом деле и нежеланием с ним видаться. Вырубова ввиду этого пригласила Хвостова и Распутина на примирительный обед. Тогда я раскрыл Вырубовой всю игру Хвостова, и она обед отменила. Хвостов понял, что его игра проиграна. Штюрмер при поддержке митрополита, Распутина и Вырубовой доказал государю необходимость ухода Хвостова и передачи портфеля ему, Штюрмеру.

Я торопился выездом из Петрограда. За несколько дней до отъезда ко мне зашел редактор «Биржевых Ведомостей» М.М. Гаккебуш-Горелов и просил меня сообщить ему лично, но не для печати, историю Ржевского на случай, если после моего отъезда пришлось бы защищать меня в прессе.

Я взял с него слово не оглашать моего рассказа и передал все то, что Горелов напечатал затем в «Биржевых Ведомостях», несмотря на отданный приказ по цензуре — не касаться дела Ржевского. Статья вызвала большой шум: говорили о запросе в Думу по инициативе Керенского. Правая группа Государственного Совета была возмущена, и Кобылинский послал в «Вечернее Время» свою статью с требованием моей отставки. Хвостов же был так воз-

мущен, что Замысловскому и Маркову стоило немало усилий отговорить Хвостова от выступления на кафедре Государственной Думы. Тогда Хвостов потребовал от Штюмерера удовлетворения наказанием меня

Что касается Гаккебуша, о дружбе которого с Гурляндом я до тех пор не знал, то он объяснил мне, что счел необходимым выступить в мою защиту. Разрешения печатать нашу беседу он от меня не добился за моим отсутствием дома. Запретительный же циркуляр, по недоразумению, не попал в редакцию. Узнав о последствиях всего этого дела, Гаккебуш предложил мне напечатать разъяснение от моего имени и от редакции. Военная цензура, по приказанию Штюмерера, не разрешила к печати таких писем. Тем не менее я добился помещения в «Новом Времени», что мне окончательно повредило, так как до появления моего письма можно было отрицать самый факт беседы. После же — всякое сомнение в этом отпало. Как я узнал, Штюмерер послал по поводу письма доклад государю. Вслед за этим я был приглашен Штюмерером к нему на квартиру, и он передал мне высочайшее повеление об увольнении меня от должности иркутского генерал-губернатора с оставлением в звании сенатора. Штюмерер, по получении через день доклада обо мне, вызвал меня вновь к себе, показал мне указ о моей отставке с оставлением сенатором и высочайшее повеление о пожаловании мне 18 тысяч рублей. Прощаясь со мной, Штюмерер настойчиво мне рекомендовал, намекая на желание государя, уехать на некоторое время из Петрограда и добавил, что он думает, что и А.Н. Хвостов уедет также.

А.А.МОСОЛОВ



ПРИ ДВОРЕ
ПОСЛЕДНЕГО
РОССИЙСКОГО
ИМПЕРАТОРА

ЗАПИСКИ НАЧАЛЬНИКА
КАНЦЕЛЯРИИ МИНИСТРА ДВОРА



Генерал А.А.Мосолов
«При дворе последнего Российского
императора»

Записки начальника канцелярии
Министерства Императорского Двора
Париж, газета «Последние новости», 1934 г.

А.А.Мосолов (1854—1939), генерал-лейтенант по гвардейской кавалерии, был влиятельнейшим придворным, занимая пост начальника канцелярии Министерства Императорского двора и уделов (1900—1916 гг.), затем посланник в Румынии. Написанные в эмиграции мемуары содержат ценные сведения о жизни двора и царской семьи.

В 1912 году в Спале цесаревич, причаливая лодку, сделал усилие ногою, и у него открылось кровотечение в паху. Несчастный ребенок страшно страдал. Императрица проводила все ночи у его кровати. Было больно смотреть, на нее и на государя, так они были неимоверно озабочены.

Лечили наследника лейб-медик Е.С.Боткин, лейб-хирург профессор Федоров и выписанный из Петербурга лейб-педиатр Раухфус. Хотя императрица и не позволяла печатать бюллетеней, министр двора все же потребовал, чтобы врачи ежедневно их составляли. Для сего они приходили в мою комнату, и я присутствовал при обсуждении положения больного. Несмотря на все средства, ими прописываемые, кровотечение не останавливалось; они единогласно признавали положение бедного маленького мученика весьма угрожающим.

Раз вечером Федоров остался после ухода двух своих коллег и сказал мне:

— Я с ними не согласен. По-моему, надо бы применить более энергичные средства. К сожалению, они весьма опасны. Однако, лечи я один, применил бы. Как вы думаете, сказать мне об этом императрице или сделать помимо ее ведения?

Я ответил, что не берусь давать советы, но, конечно, тотчас после его ухода передал этот разговор министру двора.

Граф Фредерикс, обсудив со мною положение, решил доложить самому государю на другой день о моем разговоре с Федоровым. Однако уже рано утром граф и я узнали, что в апартаментах императрицы и наследника царит большое волнение. Государыня получила телеграмму от Распутина, сообщавшего, что здоровье цесаревича исправится и что он вскоре освободится от страданий. Не привожу дальнейших подробностей, так как они уже известны по воспоминаниям тогдашней свиты.

Как известно, цесаревич страдал гемофилией. Болезнь эта наследственна и неизлечима, передается от матери только к сыновьям. Гемофилия проявляется в неспособности крови сворачиваться. При малейшем ранении наступа-

ет кровоизлияние, почти не поддающееся остановке. Этою болезнью страдает гросс-герцогский Гессенский род.

В 2 часа дня врачи пришли опять ко мне, и первое, что они сказали, было, что кровотечение у цесаревича остановилось. При уходе я спросил его (Федорова), применил ли он то лечение, о котором говорил. Профессор махнул рукою и сказал, уже стоя в дверях:

— И примени я его, при сегодняшних обстоятельствах в этом не сознался бы!

Он поспешно ушел.

Императрица вышла к обеду (в первый раз за все время болезни сына) и с бодрым видом объявила, что боли у цесаревича прекратились: «Через неделю мы едем в Петербург». Присутствовавшие при этом врачи казались растерянными, так как государыня об отъезде с ними не советовалась. После обеда Ее Величество позвала меня и приказала пронаблюдать за тем, чтобы дорогу до вокзала починили, дабы не было толчков при перевозе больного ребенка.

Ровно через неделю мы выехали, и я видел и говорил с наследником, весело игравшим в своей кровати; очевидно, он не ощущал никакой боли.

По словам императрицы, это было уже не в первый раз, что старец спасал жизнь наследника.

Полагаю, что рассказанный мной выше случай при мистической натуре императрицы заставил ее верить всему, что ни скажет Распутин. А говорил хитрый мужик, что жизнь Алексея Николаевича и все существование дома Романовых — да вообще все благо России — зависит от его молитв: после его смерти все пойдет прахом. Это мне передал низший персонал служащих при государыне. Не думаю, чтобы царь этому верил, но допускаю, что некоторый суеверный страх вкрался и в его душу после этого случая.

ПРИМАДОННА И ДЬЯКОН

Некоторые сношения с Распутиным у меня начались по следующему поводу.

Однажды мне доложили, что неизвестная дама настаивает на отдельном приеме. Вошла довольно подозрительного вида дама в глубоко декольтированном, чуть не бальном платье, и протянула мне записку. Я моментально узнал единственный в своем роде почерк Распутина:

Милой. Сделай для нее. Она хорошая.

Григорий.

Я в то время Распутина лично не знал.

Дама объяснила, что желает быть принятой солисткою в оперу. Несмотря на то, что я терпеливо и ясно изложил

ей порядок поступления в императорскую оперу и сказал, что я в этом деле бессилён, она долго ещё не уходила, стремясь помочь делу силою своих чар. С такою же запискою явился однажды какой-то дьякон, почувствовавший влечение к сцене. Он мне заявил, что отец Григорий «благословил» его на это.

ДЕЛО Т А РОДЗЯНКО

Более близко познакомился я с методами Распутина из дела Т. А. Родзянко. В кратких словах оно заключалось в следующем.

Царская семья пребывала в Ливадии. В Ялте в это время жила Тамара Антоновна Родзянко. Она была дочерью моего товарища по полку Новосильцева, и я её хорошо и близко знал с детства. Выйдя замуж за племянника бывшего председателя государственной думы М. В. Родзянко, она уехала со своим мужем в Италию. Там между ними произошла какая-то история, подробностей которой я не знаю. В результате муж посадил Тamarу Антоновну в сумасшедший дом, из которого она выбралась через год или полтора и приехала в Россию. Но Родзянко забрал к себе детей, что для неё было большим горем.

Однажды в Ливадии меня просила обер-гофмейстерина Елисавета Алексеевна Нарышкина помочь составить письмо барону Будбергу (главный управляющий канцелярией по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых) с просьбой пересмотреть дело Т. А. Родзянко и сделать все возможное для возвращения ей детей. Елисавета Алексеевна пояснила мне, что государыня принимала в частной аудиенции Тamarу Антоновну и после длительного разговора с ней признала несправедливым содеянное по отношению к ней; государыня хочет её поддержать.

Составив письмо, я поехал к Т. А., жившей в гостинице «Россия», и рассказал ей, желая её обрадовать, о только что составленном мною письме. На мой вопрос, как это случилось, что государыня её приняла, тогда как раньше Её Величество относилась к ней недоброжелательно, Т. А. мне сообщила, что это свидание устроил Распутин, с которым она познакомилась по настоянию подруги своей — Головиной. Тут же она мне сказала, что на другой день пойдет благодарить Распутина.

На следующий день меня вызывает по телефону Т. А. и взволнованным голосом просит к ней приехать. Чрезвычайно возбужденная, она мне рассказала, что когда она пришла к Распутину, все дамы, находившиеся в это время в комнате, угодливо-поспешно ушли, оставив их вдвоем;

Распутин немедленно набросился на нее с ласками. Т. А. дала ему пощечину...

Через день или два, встретив Нарышкину, я спросил ее о судьбе письма.

— Ах, знаете, императрица приказала его не отправлять, так как Родзянко ввела Ее Величество в заблуждение и рассказала неправду...

С этого времени я стал замечать изменение отношения ко мне государыни. Она избегала говорить со мной, а если говорила, то очень коротко. Дело обернулось так, будто бы я протезировал Т. А. и чуть было не уговорил императрицу вступить за нее, а вот Распутин открыл царице глаза и спас ее от несправедливого шага.

Я рассказал всю историю графу Фредериксу. Тот был очень возмущен и все повторял: «Какой мерзавец!»

ВСТРЕЧА СО СТАРЦЕМ

Летом 1914 года в Петербург приехали мои хорошие друзья Мдивани. Муж был начальником штаба Севастопольской крепости. Вскоре, по приезду государя в Крым Мдивани получил в командование Эриванский полк, который был на следующий год вызван в Ливадию на охрану. Впоследствии Мдивани был пожалован флигель-адъютантом.

Елисавета Викторовна Мдивани, женщина умная, оставалась в Петербурге и очень скоро стала своим человеком в распутинском кружке. Однажды, воспользовавшись тем, что я был болен и никуда не выходил, она приехала меня навестить. После краткого вступления она приступила к цели своего посещения:

— Александр Александрович, а вы знаете, что у вас есть враги?

— Ну, разумеется, знаю.

— А вы знаете, кто из них самый главный и важный? Распутин. У него совершенно превратное о вас впечатление. Он вам враг только потому, что вас не знает. Граф Фредерикс не любит Распутина, а тот думает, что это происходит благодаря вашим интригам. Обязательно нужно вас познакомить.

Я наотрез отказался.

Через несколько дней Елисавета Викторовна позвонила мне по телефону и просила к ней приехать, говоря, что будет кое-кто из друзей. Я пытался отговориться, ссылаясь на срочную работу, но она настояла.

Приехавши к 11 часам вечера в «Европейскую» гостиницу, где Мдивани занимала апартамент, я застал у нее

Головину и несколько других лиц из явного окружения старца. Я спросил Елисавету Викторовну, не попал ли в ловушку и не ожидается ли Распутин?

— Нет, нет, Распутина не будет...

В это время раздался звонок. Все засуетились. Распахнулись двери, и ввалился вдребезги пьяный Распутин. Меня назвали...

— А, Мосолов! Вот ты! Ну, давай знакомиться. Что же ты меня не любишь? И «старик» (граф Фредерикс) твой меня не любит... Я пьяненький... Ты на меня не смотри, что пьяненький... Я понимаю!.. А вот, когда буду трезвый, мы с тобой поговорим... Давай выпьем!

Он схватил меня за рукав и потащил к столу. Мы выпили несколько стаканов вина.

— Ты приходи ко мне... У меня все бывают... И Витя (граф Витте) ходит, и министры. А вот ты и «старик» кобенитесь... За это и «мама» (императрица) тебя не любит.

— Это ты устроил, что меня «мама» не любит?

— Да, я... А ты меня полюби, тебя и «мама» полюбит.

— Я против тебя ничего не имею. Ты хороший человек. Кто выпивает, у того душа есть. Я сам люблю выпить...

— Ты ко мне приезжай... Выпьем и поговорим...

Он внял моему совету, что ему надо ехать спать, и убрался.

Выходя, я заметил, что моя шинель тяжело пострадала от Распутина. Елисавета Викторовна очень предо мною извинялась. Через несколько дней она вновь ко мне приехала и заявила, что Распутин хочет непременно со мною видеться. Она меня уговаривала, что нельзя отказывать и этим озлоблять старца. Я сам это понимал, но афишировать встречу мне никак не хотелось. Мы остановились на том, что я встречу с Распутиным совершенно конфиденциально, у товарища обер-прокурора Синода Даманского.

В условленный час я приехал к Даманскому. Тот принял меня в своем кабинете. Затем провел через коридоры и переходы Синода в свою частную квартиру; там, в задней комнатке, меня уже ожидал Распутин.

Он был совершенно трезв, говорил умно и хитро, все время пристально смотрел мне в глаза. Он вновь заговорил о «старике». Целью его свидания со мной было установить добрые отношения с графом Фредериксом. Он хотел, чтобы я в этом смысле повлиял на своего министра. Поговорив, мы расстались.

Должен признаться, что очень скоро я заметил, как отношения государыни ко мне вновь изменились к лучшему. Прошло еще несколько времени. Мдивани пригласила меня к ужину. Нас должно было быть трое: хозяйка дома, Распутин и я. Согласился. Это было осенью 1916 года.

В это время я переживал тяжелый кризис. Фредерикс болел, все министерство двора лежало на мне. Государыня относилась ко мне все-таки плохо, неприятности и интриги сыпались на меня, как из рога изобилия. Ввиду болезненности своего состояния граф не мог оказывать мне обычной поддержки и меня ободрить. Я думал подать в отставку, и только преданность Фредериксу меня останавливала.

Мне хотелось выпытать у Распутина причины, или лучше сказать сплетни, из-за которых я был в немилости у императрицы. Этот ужин втроем мне давал возможность сделать то, что не удалось у Даманского.

К назначенному часу мы собрались. Едва приступили к супу, как вошел человек и доложил, что Григория Ефимовича зовут к телефону. Через минуту вернулся Распутин, пошатываясь, с искаженным лицом, и сказал нам, что произошла катастрофа: «Аннушку (Вырубову), ехавшую в Царское Село, раздавил поезд, и она при смерти». Он должен немедленно ехать в Царское. Я посоветовал взять один из автомобилей гостиницы... Через несколько минут Распутин уехал.

Как известно, Распутину удалось привести в себя А. А. Вырубову, несмотря на безнадежное ее состояние. Мне говорили фрейлины, что, вернувшись во дворец, императрица рассказывала об этом, как о якобы произошедшем чуде.

ГОСУДАРЬ И РАСПУТИН

О том, как познакомился с Распутиным, я, конечно, доложил Фредериксу. Тот не только не принял это плохо, но, напротив, обрадовался, рассчитывая, что мне удобнее будет быть в курсе влияния старца на их величества.

При этом добавлю, что много ранее, вскоре после известной беседы Коковцова с царем о Распутине, Фредерикс тоже решил говорить с государем на тот же предмет и долго к этому готовился. Но ему не удалось высказать всего, что хотел, так как император с первых слов его остановил, сказав:

— Милый граф! Со мною уже много говорили о Распутине... Я вперед знаю все, что вы можете мне сказать... Останемся друзьями, но об этом больше не говорите.

Кроме этого, много позднее Фредерикс пытался вернуться к этой теме, но опять без результата, встретив еще более сильный отпор.

Лица, менее влиятельные, чем Фредерикс, просто вылетали со службы за малейшее проявление непочтения к старцу.

Сошлюсь на два наиболее ярких инцидента.

Князь Орлов был одним из довереннейших людей как царя, так и царицы. Заведуя автомобильным делом, он виделся с Их Величествами чуть не каждый день.

Когда появился Распутин, Орлов, как и многие другие, им сильно возмущался. Но вдобавок к этому он имел неосторожность пустить в обращение несколько весьма едких словечек по адресу старца. Лица, завидовавшие его влиянию при дворе, преподнесли их императрице Александре Федоровне. Царица стала высказывать свое неудовольствие Фредериксу, говоря, что Орлов вмешивается в то, что до него не касается, и что она этого допустить не может. Министр передал Орлову, что ему следует быть осторожнее в своих разговорах. Можно было надеяться, что при большей сдержанности князя недоразумение удастся уладить.

Был назначен отъезд на «Штандарт». Когда Орлов туда явился, царица позвала Фредерикса и заявила ему, чтобы граф приказал князю съехать с яхты, ибо Ее Величество не желает его видеть.

Фредерикс пошел к государю, но тот подчинился воле своей супруги.

Орлова просили — правда, под каким-то предлогом — сойти. Только доводами военного времени министру удалось удержать князя от отставки. Однако, когда император назначил великого князя Николая Николаевича наместником на Кавказ, то последний просил государя перевести Орлова в его распоряжение и вскоре после этого дал ему заведование гражданской частью края.

Второй инцидент произошел с С. И. Тютчевой, воспитательницей великих княжон.

Не знаю, кто именно рекомендовал Софию Ивановну Тютчеву, но выбор нам всем казался весьма удачным. София Ивановна, лет под тридцать, была умна, весьма культурна, барышня с твердым характером, из отличной старинной московской семьи. Помню, сразу по приезде ее в Ливадию, мы все заметили хорошее ее влияние на детей.

Не могу припомнить, ни с которого года она была при детях, ни точно сколько времени, но помню, что она была воспитательницей, когда старец проживал в Ялте. Все, казалось, шло обыденным порядком.

В один вечер фрейлины нам передавали, что из-за посещения Распутиным детских комнат вышло недоразумение между императрицей и Софией Ивановной. Мы все думали, что, вероятно, это уладится, но на другой день Тютчева уехала в Москву.

Ходили бесконечные слухи о причинах ухода Тютчевой. Мне достоверно известно, что Фредерикс по поводу отъезда воспитательницы ходил к императрице, чтобы пояснить

ей, какое дурное впечатление в Москве произведет эта скоропалительная отставка. Фредериксу ответили, что София Ивановна вмешивалась в то, что ее не касается, и хотела учить императрицу, что детям можно и чего нельзя, на что ее величество ответила, что как мать она лучше знает.

Тут Тютчева просила отпустить ее в Москву, на что Александре Федоровне ничего не осталось сделать, как согласиться; задерживать фрейлину при этих условиях было бы бестактно. Полагаю, что при этом объяснении сдержанность обеих женщин была недостаточной.

Последствия ухода Тютчевой были, конечно, крайне нежелательны, но, увы, государыня слишком мало считалась с общественным мнением, полагая, что клевета не может ее коснуться. Нужна была неделикатность лиц, опубликовавших интимную переписку мужа с женою, чтобы смыть клевету, распространяемую насчет императрицы.

РАСПУТИН И СЕПАРАТНЫЙ МИР

Во время войны ходил слух, особенно в дипломатических кругах, что Распутин старается влиять на императрицу в смысле заключения сепаратного мира. Мне хотелось эти сведения проверить, да, кроме того, я в то время носился с мыслью, что излишняя централизация России ныне стала вредна, вызывая центробежное движение на окраинах. Если государь признает это положение, то для введения новой системы управления посредством более или менее автономных областей, управляемых наместниками и областными Думами, было бы уместно ввести эту реформу при победоносном окончании войны. При этих условиях нужно было бы не демобилизовывать войска, а возвращать их в Россию, в предполагаемые наместничества, где под их защитой совершить намеченное выше государственное переустройство.

Этот переворот, демократизирующий местное управление, давал бы государю самодержавную власть в верховной администрации. Добавлю, что эти проекты обсуждались в то время, когда верховное командование готовилось к весеннему наступлению и верило в его удачу и когда, с другой стороны, общее недовольство в России достигло того напряжения, что ясна была опасность для династии.

Министром путей сообщения был тогда мой друг и шурин А. Ф. Трепов, который на докладах государю много говорил об общем политическом положении. Трепов докладывал царю содержание моей записки по вышеизложенному вопросу. По словам Трепова, государь заинтересовался ей, и мне впоследствии стало известно от А. Ф., когда

он стал премьером, что император высказал предположение создать особую комиссию для рассмотрения этого вопроса.

Так вот, мне хотелось испытать Распутина и посмотреть, поймет ли он смысл того построения государственного управления, о котором я в то время мечтал, и если да — будет ли он его поддерживать. А вместе с тем я полагал, что это мне даст возможность понять, действительно ли Распутин поддерживает мысль о сепаратном мире, только из осторожности притворяясь, как я имел причины думать, что настаивает на доведении войны до победного конца.

Имея все это в виду, я пошел к одной своей хорошей знакомой, которую назвать не могу, так как она до сих пор живет в Совдепии: Е. В. Мдивани в это время не было в Петербурге. Я знал, что у этой знакомой, которую назовем баронессою, собираются почитательницы Распутина. Меня пригласили приехать вечером.

В небольшой квартире баронессы было много народа. Пришел Распутин; расцеловался, здороваясь со всеми дамами. Со мною поздоровался, как мне казалось, без особой радости меня видеть. Его повели в столовую, где он питался, залезая в тарелку руками. Мне было довольно противно видеть, как этот мужик ест и обходится со своими поклонницами; лесть этих дам Распутину мне была не менее противна. Наконец он встал. После водки и вина он сделался немного веселее и общительнее. Затем, обратившись к баронессе, сказал:

— Верочка, выведи нас с Мосоловым в твою спальню, не приехал же он смотреть, как я буду есть.

Нас провели в спальню. Распутин начал:

— Что ты хочешь мне сказать? — и пристально посмотрел мне в глаза.

Я ответил, что приехал из Могилева и хочу знать, что он думает про войну.

— Хочешь испытать, не хлопочу ли о замирении?

— Да.

— А ты что думаешь об этом?

— Я до войны был за дружбу с немцами. Это лучше было для государя. А раз началась война, то надо добиваться победы, а то государю будет плохо.

— Верно...

Я понял, что истинных его мыслей так и не добьюсь, и сказал:

— Кроме того, хотел тебе выложить, что управлять всей Россией из Петербурга нельзя; нужно устроить иначе все управление. Надо, чтобы разделили Россию на области и там бы управляли наместники царя и свои думы.

Он прервал меня:

— Одна проклятая Дума, и той не надо...

— Погоди! Ведь с теми думами будет возиться не царь, а наместники — тех и будут ругать; а царь будет только миловать, и его будут любить.

Распутин задумался.

— А он будет как управлять?

— Как прежде. Самодержавно. Он будет войну объявлять или мириться; он будет войском командовать. И мужику будет лучше: он будет выбирать себе свое ближайшее начальство.

— Верно. Но я всего хорошенько не пойму...

В это время пришли его звать, что, мол, всем без него скучно и что пришел князь Шаховской (тогда министр торговли).

— Надо идти. А что ты говоришь, кажись, хорошо. Что-то Витя скажет? Я б ему сказал, да хорошо не разберу. Витя ведь умный, но хитрый. Не скажет, что думает. Ты приходи ко мне завтра, никого не будет — поговорим.

На другой день, часов в 9 вечера, я пришел к Распутину. Он спал. Я с полчаса ждал. Пришел он растрепанный, за-спанный. Сел. Начали говорить, но разговор не вязался.

— Знаешь, что: у меня есть хорошая мадера. Пойдем в столовую, выпьем.

— Идем.

С час сидели. Я молчал вздор, он смеялся и подливал вина. Начали вторую бутылку. Как выпили по первой рюмке, он сказал:

— Ну, что же не говоришь о том, что намедня говорил? Аль раздумал говорить об этом Гришке?.. Напрасно...

— Я думал, ты забыл. Я решил хорошей мадеры с тобой попить... Но — как хочешь... Ладно, буду говорить.

— Мне што! И так попить можно... Ты славный, с тобой весело. А мне што?.. Как выдумал что хорошее для «папы» (императора) и «мамы», скажи. А не хошь, так выпьем за их здоровье.

Я начал объяснять, в чем дело. Говорил долго. Сначала он не мог усвоить, потом вдруг по-своему мне объяснил и довольно верно.

— Знаешь, все же жаль, что нельзя объяснить Вите... Он умный. Но по-своему переделает, так, что «папе» будет скверно... Нельзя ему говорить. Он часто мне скажет — кажется, хорошо... А подумаю: окажется «папе» скверно будет, а Вите хорошо.

Наконец, когда мы кончили третью бутылку, Распутин спросил меня:

— А «папа» знает это дело?

— Нет, полностью не знает. Но в общих чертах ему сказали, и, говорят, понравилось.

— Так ему пока не говорить?

— Нет. Я скажу тебе, когда будет время... Тогда можешь.

— Да я што?.. Только скажу, чтоб тебя послушал — послушает... Он умный. Сам разберет. А я што?.. Только благословить могу.

Я пожал ему руку. Вино его разбирало. Он встал, начал целовать меня и плакать. Я вывел его из столовой. Какая-то женщина нашла, повела его вдоль коридора, отворила дверь. Перед тем как выйти, он крикнул мне:

— Приходи опять, выпьем... Ты хороший.

БОРЬБА С ПРОТОПОПОВЫМ

Прошло некоторое время. Трепов назначен был председателем Совета Министров. Назначения этого я ожидал. Мне раза два-три пришлось замещать Фредерикса в Совете Министров, и я видел, как при разборе общих вопросов все министры соглашались с высказываемыми А. Ф. мнениями. Он, видимо, пользовался авторитетом.

Я зашел к Александру Федоровичу за день до его поездки в ставку с докладом государю. Доклад этот, сказал он мне, для него решающий, так как он везет четыре указа об отставке министров. Если государь все подпишет, ему, Трепову, удастся составить министерство, подающее надежды. Если нет, ему придется уйти, так как он считает, что положение безвыходно. Трепов меня расспрашивал о том, как двор принял его назначение. Я ему сказал, что знал, и, между прочим, заговорил о Распутине — с ним нужно считаться. Он согласился, но сказал, что не может с ним ни в коем случае иметь общения, как бы обстоятельства ни повернулись.

Мы сговорились, что я его встречу на вокзале при его возвращении в Петербург, и что, едучи домой, он мне расскажет, как прошел доклад (потому что дома его будут ждать несколько министров и другие лица).

Я встретил Трепова. В карете он мне сказал, что кончилось почти благополучно. Указы об отставке трех министров у него в портфеле, четвертый подписан, но остался у государя, и это — указ о Протопопове. В последнюю минуту доклада царь оставил его у себя в столе, сказав:

— Оставьте его мне. Я вам его пришлю еще сегодня вечером или завтра утром.

Подъезжая к дому, Трепов просил меня приехать к нему на следующий день, в 8 часов утра, так как с 9 часов начнутся у него приемы. До того времени он надеялся получить телеграмму о том, послал ли ему вечером государь отставку Протопопова; если нет, то, по его и моему мнению, было мало шансов, чтобы он ее получил.

В 8 утра я застал Трепова в кабинете, в здании министерства путей сообщения. Телеграммы не было. Телеграмму эту А. Ф. ожидал, как впоследствии я узнал от В. И. Гурко, бывшего тогда начальником штаба верховного главнокомандующего. Гурко мне так рассказывал эпизод:

— За высочайшим завтраком я виделся с А. Ф., приехавшим с первым докладом к государю. Затем, после доклада, он зашел ко мне уговориться, может ли он в случае надобности переговорить со мной из Петербурга по телефону для доклада спешных вопросов государю, и вместе с тем пояснил, как для составления кабинета ему важно получить указ об отставке Протопопова. Этот указ уже подписан, почему он меня просит об этом после обеда доложить государю, насколько ему важно иметь ответ к утру.

После обеда Гурко докладывал императору, и тот ответил ему, что, вероятно, на следующее утро отправит указ. На следующее утро царь дал уклончивый ответ. Поэтому Гурко и не послал Трепову телеграммы.

Трепов объяснил мне свой проект распределения министерских портфелей и свое затруднение от незнания, принята ли отставка Протопопова. Он предполагал, в крайнем случае, назначить Протопопова министром торговли, а Шаховского — внутренних дел, имея в виду потом сделать еще новое перемещение, но лишь бы не оставлять первому портфеля министра внутренних дел.

А. Ф. Трепов при наличии четырех свободных министерских портфелей надеялся дать их лицам, пользующимся доверием общественности и Думы. Доколе Протопопов оставался министром внутренних дел, этих лиц привлечь было невозможно. К сожалению, память мне изменяет, и я не могу перечислить этих лиц. Но помню, что кабинет этого состава неминуемо бы произвел успокаивающее на общественность впечатление.

Поговорили с полчаса.

В это время пришел Шаховской. Когда он вышел, Трепов опять меня позвал, сказав, что Шаховской, в случае крайности, согласился поменяться министерствами с Протопоповым. Затем Трепов задумался и спросил меня:

— Ты можешь сейчас поехать к Распутину?

— Да.

— Как мне это ни противно и какие бы это ни могло иметь последствия для меня лично и для дела, я на это иду, так мне важно, чтобы отставка Протопопова была у меня в руках.

— Но что же ему предложить?

— Житье в Петербурге с уплатой его расходов на квартиру и содержание домашнего хозяйства, с той охраной, которая ему нужна для его личной безопасности, и 200 ты-

сяч рублей единовременно, если Протопопов будет уволен. За это я требую, чтобы он не вмешивался в назначение министров и высших чинов управления. Относительно духовенства, если он на этом будет настаивать, я обещаю в это не вмешиваться. Но чтобы он ко мне не приходил — если что нужно, то через тебя это будет делаться. Ты его знаешь. Твое дело, как хочешь его убедить.

— Хорошо. Но имей в виду, что при неудаче он немедленно телеграфирует государю, что его хотели подкупить, и дело станет хуже, чем теперь.

— Ну, что же. Я и так, и иначе уйду. Государь о Распутине говорить не будет, найдет другой предлог, чтобы меня выгнать. И ставлю ва-банк на одну карту. С Протопоповым, министром внутренних, дел я управлять не могу.

— Понимаю. Но тут еще и я замешан. Мое положение при отказе Распутина хуже твоего... А отказаться Гришка вполне может. Это даже вероятно.

— Ты сумеешь с ним справиться; к тому же твое назначение в Румынию уже давно решено государем. Ты туда и поедешь. Это недурно. Пожалуй, даже лучше, чем твое место здесь. Не теряй времени, поезжай и вернись мне сказать.

Я поехал на Гороховую. Пока ехал, обдумывал, как начать разговор с Гришкой, и ругал себя, что вообще заговорил о нем с Треповым.

Начал я мой разговор так:

— Вот что, Григорий Ефимович. Как знаешь, назначен председателем Совета Министров мой друг и шурин А. Ф. Трепов. Я хотел бы, чтобы вы жили в мире друг с другом... И это вполне возможно. Он против тебя не предубежден. Лишь бы ты ему не мешал в его действительно трудной задаче, тогда и он против тебя ничего не предпримет.

— Что же, это хорошо... Пусть себе работает... Лишь бы он-то моих друзей не трогал.

— Видишь ли, он готов устроить так, чтобы тебе ежемесячно платили за квартиру и на содержание твоего дома и семьи; чтобы у тебя осталась надежная охрана, без которой ты обойтись не можешь. Принимай, кого хочешь, делай, что хочешь. Только одно — не вмешивайся в назначение министров и высших чинов. Относительно духовенства он перечить тебе не станет, да и мелкие твои протекции будет по возможности исполнять.

Я не успел договорить, как он побледнел. Глаза его стали злыми, почти совсем белыми, с крошечной черной точкой в середине.

— Тогда сейчас соберусь и уеду в Покровское, домой... Здесь я, значит, не нужен.

Такого быстрого оборота дела я не предвидел и, сознаюсь, в первую минуту опешил:

— Не волнуйся, Григорий Ефимович. Поговорим по добру, по-хорошему. Ты же сам управлять Россией не можешь!.. Не Трепов — будет другой, который тебе ничего не предложит, а тебя на казенный счет отправят в твое Покровское...

Глаза стали еще злее.

— Ты думаешь, что «мама» и «папа» это позволяют? Мне денег не нужно — любой купец мне довольно даст, чтобы раздавать бедным да неимущим. Да и дурацкой охраны мне не нужно. А он, значит, гонит!..

Распутин назвал какую-то кличку, которую я не запомнил, но которая обозначала Протопопова. Ко мне вернулось самообладание, я бросил на стул свою фуражку, которую взял, чтобы уходить, и сказал:

— Знаешь что, ты зря расхорохорился! Брось! Пойдем в столовую и дай мне мадеры. Поговорим по-хорошему.

Он минуту помолчал. Я улыбнулся. Он разом успокоился.

— Пойдем.

Выпили молча две-три рюмки, затем я заговорил. Распутин уже спокойно слушал.

— Что же ты хочешь?.. Чтоб Трепов приходил тебя спрашивать, кого куда назначить министром? Ты понимаешь, что это невозможно. Ты хочешь, чтобы Протопопов оставался министром, он и останется, только не внутренних дел, а будет там, где теперь Шаховской... А твой друг Шаховской будет на его месте... Чего же ты хорохорился, не выслушав меня?

— А зачем ему это? Такого преданного «папе» он второго не найдет...

— Кроме преданности, есть и другое, надо уметь делать то или иное дело...

— Эх, да что дело... Дело — кто истинно любит «папу»... Вот Витя умнее всех, да не любит «папу», его и нельзя.

Болтали мы с час. Выпили две бутылки, но с утра, видимо, на него вино не так действовало, как вечером. Он не хмелел.

Я все же довел его до того, что он сказал, что пошлет телеграмму «папе», попросив выслать Трепову подписанный указ. Но Распутин не захотел при мне ее написать. Я понял, что он напишет обратное. Я притворился, что верю ему. Но он это хорошо понял, однако был доволен тем, что от меня отделался. У него был, без сомнения, дар читать чужие мысли, как, впрочем, у всех, до известной степени. У него это чутье было более развито.

На прощание он сказал мне:

— Вот что, останемся друзьями... И с твоим Треповым останусь другом, если не будет трогать моих друзей. Если же тронет, то уеду в Покровское, а «мама» его прогонит,

а меня назад позовет... Ну, выпьем еще стакан и разойдемся, ты все же хороший.

Потерпевши это фиаско, я вернулся обратно к Трепову и рассказал все, как было. Он понял, что дело обстоит плохо.

Все, что он предвидел, отправляя меня к Распутину, сбылось. Государь указа не прислал. Протопопов остался министром внутренних дел, а Трепов сдал несколько месяцев спустя свою должность князю Н. Д. Голицыну. Окончательный провал России начался.

ГОСУДАРЫНЯ И ПРОТОПОПОВ

После моего назначения посланником в Бухарест царь вызвал меня в Могилев.

В Петербурге мне передали через даму из окружения Распутина, что императрица желала бы, чтобы я познакомился с Протопоповым до моей аудиенции к Ее Величеству. Я это исполнил, под каким-то предлогом спросив по телефону, когда министр может меня принять. Протопопов ответил:

— Сейчас же...

...И продержал меня три часа, поясняя свою программу, но так сумбурно перескакивая с одного вопроса на другой, при этом вытаскивая разные дела и заставляя меня их читать, что я вынес впечатление, что пробыл с сумасшедшим.

На другой день во время аудиенции императрица мне сказала, что рада моему знакомству с Протопоповым и спросила, какое впечатление он на меня произвел. Я ответил по-русски:

— Это сумбурный человек.

А затем уже по-немецки:

— Не нахожу немецкого слова, чтобы его выразить.

Я постарался пояснить Ее Величеству его смысл.

— Да, я знаю, у него не всегда последовательны мысли, но самые идеи хороши, и он нам так предан. Он не умеет, мне кажется, своих мыслей дисциплинировать и приводить в исполнение именно потому, что у него их слишком много. Ему нужен был бы помощник, менее нервный, чем он, который умел бы выбрать исполнимые мысли и с энергией их проводить.

— Я вчера его слушал весьма внимательно, но в течение трех часов разговора не заметил ни одной практически исполнимой мысли.

— Да, он очень нервен и часто увлекается.

Помолчав, совершенно неожиданно государыня сказала:

— А вы не пошли бы к нему товарищем министра? Это не слишком ли малая для вас должность? Ведь можно

было бы ее повысить, предоставив вам право личного доклада у государя.

Я улыбнулся и сказал:

— Ваше Величество! Я бы принял самую малую должность, если бы чувствовал, что могу принести пользу отечеству и исполнить ваше желание. Но, повторяю, с таким сумбурным человеком я служить не мог бы. К тому же в принципе невозможно, чтобы у государя было два докладчика по одному и тому же министерству. А без этого Протопопов через неделю меня бы выгнал.

— Кого же, вы думаете, можно дать ему в помощники?

— Ваше Величество, нужно выбрать такого, который дело знает.

— Да вы сколько лет ведете канцелярию министерства двора...

— Она ничего не имеет общего с министерством внутренних дел. Там нужно знать полицейское дело, о котором я понятия не имею.

Перед уходом я просил государыню простить меня, что, быть может, резко выразился относительно Протопопова.

— Напротив, я довольна, что вы откровенно высказали свое мнение о нем; нам так редко говорят правду. Я думаю, что ваше впечатление не совсем верно: преданного человека не надо осуждать, а надо ему помогать.

На этом моя аудиенция кончилась.

Относительно же Распутина скажу, что он меня удивил тем, что мне гадости не сделал и не пошатнул доверия императрицы ко мне. Я этого ожидал, судя по его поступку по отношению к Тамаре Родзянко, и этим он для меня стал еще непонятнее, чем раньше.

Милостивое отношение императрицы ко мне осталось и после убийства Распутина. Когда я вернулся в Петербург для доклада государю о матримониальных намерениях принца Кароля, я имел двухчасовую аудиенцию у Ее Величества, во время которой царица выказала мне большое доверие.

КНЯЗЬ АНДРОННИКОВ

Одним из главных агентов Распутина был князь Андронников, фигура примечательная.

Один из князей Андронниковых служил в Уланском Ее Величества полку и был весьма порядочный и любимый товарищами офицер. Другой, о котором я собираюсь говорить, нигде не служивший, пользовался репутацией опасного интригана. Ввиду этого я избегал случая с ним соприкасаться.

У одних моих знакомых мне пришлось, однако, сидеть за столом рядом с ним. Когда во время разговора я удивился осведомленности моего собеседника о делах по придворным пожалованиям, князь заявил мне, что он «адъютант Господа Бога» и в этом качестве все знает, что делается в Петербурге, что это — единственная его служба: другой он не хочет, но она заставляет его блюсти и поддерживать справедливость: это — цель его жизни.

Вскоре после этого разговора он меня посетил и просил поддержать пожалование двух имевшихся у меня в списке кандидатов. Я пояснил ему, что лично я ничего в этом отношении сделать не могу, но если буду иметь случай, то передам о его рекомендации министру двора.

На этом его визит не кончился. Тут же он мне сказал, что есть еще двое лиц, которые представлены своим начальством, но которые совершенно недостойны этой чести, и начал мне повторять какую-то городскую сплетню. На вопрос, может ли он мне представить документальные доказательства о том, что он передает, Андронников ответил, что таковых у него нет.

Тогда я встал и резко прекратил разговор.

После этого он мне прислал какую-то огромную рыбу с запиской, что получил несколько подобных с Волги и хотел поделиться со своими доброжелателями; я вернул ему рыбу без всякой записки. Оказалось, что одновременно со мною Андронниковым была послала такая же рыба Фредериксу и что повар подал ее к столу, ничего не сказав своему барину. Выяснилось же это недели две спустя. Министру это было очень неприятно, но реагировать было и поздно, и неудобно.

Несмотря на все это, князь опять явился ко мне, на этот раз с объемистой запиской общеполитического содержания, и просил меня сначала об аудиенции у министра двора, а затем, когда я это отклонил, — передать записку Фредериксу, что я исполнил. Оказалось, что он подобные меморандумы передал и другим министрам. Должен сознаться, что записка была умно составлена и довольно объективно, за исключением каких-то неясных намеков о деятельности одного из министров и хвалебного гимна по отношению к моему графу.

Я, конечно, всеми силами старался не допустить Андронникова до личного свидания с Фредериксом. Таких записок князь приносил мне четыре или пять, и должен сознаться, министр их с интересом читал.

Прошел год или два. Двор находился за границей: Их Величества — в Вольфсгартене, а вся свита — во Франкфурте, куда приехал и Андронников опять досаждать мне,

с просьбой представить его министру двора. Я же выдумывал предлоги, дабы этого не исполнять.

Самому мне приходилось князя принимать, так как он указал, что состоит корреспондентом какой-то газеты, и мне пришлось его видеть наравне с другими репортерами. Раз как-то он опять меня просил о представлении, на что я сказал, что это неисполнимо, так как министр едет в этот день провожать графиню, уезжающую в Петербург, до Кельна, где он посадит ее в Норд-экспресс, а затем один вернется во Франкфурт.

Граф действительно вернулся во Франкфурт с поездом, приходящим в 5 часов утра. Когда я позже пришел к нему, он рассказал мне следующее.

На вокзале по приезде он увидел перед своим вагоном господина, стоявшего с цилиндром на руках. Фредерикс подумал, что это кто-либо из железнодорожной инспекции, и подошел к нему со словами благодарности за удобный проезд, конечно, по-немецки. Господин же ответил по-русски:

— Я не железнодорожный служащий, я русский князь, который пришел сюда, чтобы, господин министр, выразить свое восхищение перед вами, только что исполнившим рыцарский поступок...

Граф в недоумении спросил:

— Какой?

Андронников ответил:

— Да проводив в Кельн вашу супругу, глубокоуважаемую графиню...

Затем он сопровождал министра до гостиницы, находившейся на площади перед вокзалом, и донес ему туда его дорожный несессер, наговорив приторно-сладких слов.

Фредерикс смеялся над способом Андронникова с ним познакомиться и выразил надежду, что на этом знакомство и кончится. Но тем не менее на следующий день князь явился к нему в гостиницу, и после визита этого граф мне уже хвалил ум и приятный разговор этого господина. А по возвращении в Петербург графиня получила цветы и конфеты от Андронникова, но лично его, кажется, не принимала. Свои записки он уже носил сам к графу, который их мне передавал. Но так как они не касались министерства двора, то остались без последствий.

Позже этот господин сумел втереться и к императрице Александре Федоровне и даже пытался мне передать повеление Ее Величества об изъятии из придворных цензурных правил какой-то газеты, которую он собирался издавать для увеличения популярности Их Величеств и августейших детей.

На это я ему ответил, что повелевает лишь государь и повеления эти передаются через генерал-адъютантов. А

так как князь лишь «адъютант Господа Бога», то от него никаких повелений не приму. На этом кончился наш разговор, и после этого я его больше не видал.

Конечно, я постарался через приближенных дам сообщить государыне о посещении князя Андронникова и узнать, правда ли, что он был послан Ее Величеством; но ответа на это не добился, почему полагаю, что он был у меня не без ведома императрицы.

Мне кажется, что сказанного достаточно, чтобы охарактеризовать Андронникова; невольно верилось невероятным слухам о том, что его квартира всегда была открыта Распутину: там было ему удобно получать от жен лиц, добившихся благодаря его посредничеству мест и повышений, плату натурой.

РАСПУТИН И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

В заключение, слегка отрешаясь от роли свидетеля, дающего показания, я позволю себе отметить, что, по моему мнению, личность Распутина явилась одной из главных причин того недоверия, которое осталось неискоренимым по отношению к Думе, даже последнего состава.

В. Н. Коковцов прилагал все усилия к тому, чтобы наладить нормальные отношения между царем и Государственной Думой.

Назначив министром внутренних дел Макарова и обер-прокурором Синода князя Ширинского-Шихматова, В. Н. Коковцов надеялся достичь своей заветной цели. Он добросовестно работал в этом направлении и даже стал постепенно лично сходитьсь с оппозицией, подружившись с Поливановым — другом главы оппозиции А. И. Гучкова. Последний был личным врагом государя и как председатель думской комиссии по государственной обороне имел серьезное влияние на войска, с которыми он всеми средствами старался сблизиться.

Можно было предполагать, что благодаря Коковцову постепенно все предубеждение государя к Думе после первых ее двух революционных составов пройдет и совместная государственная работа станет возможной. На это весьма надеялся и Коковцов во время «медовых месяцев» своего премьерства. К сожалению, это не удалось.

Причиной тому был злой рок в лице того же Распутина, являвшегося Божьей карой России.

Пресса заговорила о близости этого проходимца ко двору и его влиянии на назначение высшего духовенства.

Да позволено мне будет небольшое отступление, дабы объяснить взгляд высочайших особ на прессу. Свободу

слова они признавали и к этому относились миролюбиво. Но, во-первых, под «словом» не хотели признать «печатного слова», а когда наконец нехотя с этим мирились, то считали, что высказанную или напечатанную ложь надо иметь возможность тут же административным порядком карать, неверно сказанное — исправлять. Одно лишь обращение к суду казалось им непонятным, равно как им казалось невероятным, чтобы воля государя не могла запретить печатание нежелательных статей.

Так, например, я как начальник придворной цензуры запрещал все статьи, где имя Распутина сопоставлялось с именами высочайших особ, на что закон меня уполномочивал. Но те статьи, где имена высочайших особ не значились, на цензуру мне вовсе не представлялись, и против них я был бессилён реагировать.

Мне немало труда стоило это вполне растолковать своему министру, да и ему нелегко было убедить государя. Императрица же осталась при убеждении, что компетентные власти не желают ни строго относиться к этим вопросам, ни исполнять волю Его Величества.

Совершенно непонятна была в то время для наших верхов необходимость считаться с прессою. Строгие меры не только не останавливали нежелательных публикаций, а, напротив, их вызывали. Деньги в виде субсидий, а в сущности — взятки, тоже опасны, вызывают разные шантажи, а если аппетиты разыгрываются, то в конце концов ведут к катастрофам.

Возвращаясь к вопросу об отношении государя к третьей Думе. Все инсинуации прессы относительно Распутина просачивались в Думу, вносились запросы, в кулуарах высказывались совершенно невозможные сплетни, да и во время прений с трибуны допускались безусловно непристойные речи и возгласы.

Государь требовал у Макарова прекращения этих обидных для императрицы пересудов... Макаров ничего сделать не мог. Обращались к Коковцову, который неопровержимо доказал, что закон не даёт правительству способа этому противодействовать.

Слова эти, разумеется, ни царя, ни царицу не удовлетворили. Но в это же время Владимир Николаевич в каждом докладе хвалился перед Его Величеством своими успехами в становившейся государю ненавистной Думе... Он скоро впал в немилость; рознь между государем и Думой увеличилась.

М.В.РОДЗЯНКО



КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ



Михаил Владимирович Родзянко
«Крушение империи»

Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — крупный помещик, один из лидеров партии октябристов. Окончил Пажеский корпус, служил в кавалергардском Его Величества полку. С 1886 по 1896 гг. — Новомосковский уездный предводитель дворянства. Камергер двора Его Величества. В 1906 г. избран в Государственный совет. Депутат II и IV Думы от Екатеринославской губернии. С 1911 г. председатель Думы. Накануне и в дни Февральской революции возглавлял Временный комитет Государственной Думы. Уговаривал Николая II ввести конституцию, чтобы сохранить монархию. Летом 1917 г. один из организаторов корниловского мятежа. После Октябрьской революции бежал на юг, к генералу Л.Г.Корнилову. В 1920 г. эмигрировал. Скончался в Югославии.

Мистицизм царицы и «пророки» с запада. — Епископ Феофан и появление Распутина. — В чем сила его влияния на царицу. — Столкновение с Гермогеном и Илиодором и обер-прокурор синода Саблер.

К тому времени, когда после японской войны я по избранию екатеринославского губернского земства сделался членом Государственного Совета, относится и знакомство мое, более или менее близкое, с высшими правящими сферами, а, следовательно, сделались доступными многие интимные подробности быта этих сфер, недоступные и неизвестные широкой русской публике.

Общее мнение, и несомненно правильное, заключалось в том, что императрица Александра Федоровна еще с малых лет имела склонность к мистическому миросозерцанию; это свойство ее природы, по мнению многих, — наследственное, крепло и усиливалось с годами, а в описываемый мною период достигло религиозной мании, скажу даже, религиозного экстаза — вера в возможность предсказаний будущего со значительной долей суеверия.

Причины такого ее душевного состояния объяснить, конечно, трудно. Было ли это последствием частого деторождения, упорной мысли о желании иметь наследника, когда у нее рождались все дочери, или крылось ли это настроение в самом ее душевном существе — определить я не берусь.

Но факт ее болезненного мистического и склонного к вере в сверхъестественные явления настроения, даже к оккультному, — вне всякого сомнения.

Это обстоятельство было немедленно учтено дальновидными политиками Западной Европы, изучавшими всегда более внимательно нас, русских, и особенно придворные настроения. Чтобы иметь сильную руку при Дворе русском, быстро ориентировавшись в создавшемся положении, они немедленно решили использовать это настроение.

В начале 1900 года стали появляться при императорском русском Дворе несколько загадочные апостолы мистицизма, таинственные гипнотизеры и пророки будущего, которые приобретали значительное влияние на мистически настроенный ум императрицы Александры Феодоровны. В силу доверия, которое оказывалось этим проходимцам царской семьей, вокруг них образовывались кружки придворных, которые начинали приобретать некоторое значение и даже влияние на жизнь императорского Двора.

В этих кружках тайное, незаметное участие принимали, без сомнения, и агенты некоторых иностранных посольств, черпая, таким образом, все необходимые для них данные и интимные подробности о русской общественной жизни. Так, например, за это время появился некий Филипп. Он отвечал как нельзя лучше тому типу людей, которые, пользуясь своим влиянием на психологию царственной четы, готовы служить всякому делу и всяким целям за достаточное вознаграждение.

Ко двору этот господин был введен двумя великими княгинями. Но вскоре агент русской тайной полиции в Париже Рачковский донес в Петербург, что Филипп темная и подозрительная личность, еврей по национальности и имеет какое-то отношение к масонству и обществу «Гранд Альянс Израелит». Между тем Филипп приобретает все большее и большее влияние. Он проделывал какие-то спиритические пассы и сеансы, предугадывал будущее и убеждал императрицу, что у нее непременно явится на свет в скором будущем сын, наследник престола своего отца. Филипп приобретает такую силу при Дворе, что агент Рачковский был сменен за донос его на Филиппа. Но как-то загадочно исчез и Филипп при своей поездке в Париж.

Не успел он исчезнуть с петербургского горизонта, как ему на смену появился в высшем обществе такой же проходимец, якобы его ученик, некий Папюс, который в скором времени и тем же путем был введен ко Двору.

Не могу не отдать справедливости тогдашним руководителям русской внутренней политики и высшим иерархам церкви. Они были озабочены столь быстро приобретаемым влиянием приезжающих, а, может быть, и подсылаемых загадочных субъектов.

Власти светские были озабочены возможностью сложных политических интриг, так как в силу доверия, оказываемого им царями, вокруг них образовывались кружки придворных, имевших, конечно, в виду только свои личные дела, но способные и на худшее.

Власть духовная, в свою очередь, опасалась возникновения в высшем обществе сектантства, которое могло бы пойти из придворных сфер и которое пагубно отразилось бы

на православной русской церкви, примеры чему русская история знает в царствование императора Александра I.

Совокупными ли усилиями этих двух властей, или в силу других обстоятельств и происков, но Папиус вскоре был выслан, и его место занял епископ Феофан, ректор СПб Духовной академии, назначенный к тому же еще и духовником их величеств. По рассказам, передаваемым тогда в петербургском обществе, верность которых документально доказать я, однако, не берусь, состоялось тайное соглашение высших церковных иерархов в том смысле, что на болезненно настроенную душу молодой императрицы должна разумно влиять православная церковь, стоя на страже и охране православия, и, всемерно охраняя его, бороться против тлетворного влияния гнусных иностранцев, преследующих, очевидно, совсем иные цели.

Личность преосвященного Феофана стяжала себе всеобщее уважение своими прекрасными душевными качествами. Это был чистый, твердый и христианской веры в духе истого православия и христианского смирения человек. Двух мнений о нем не было. Вокруг него низкие интриги и происки иметь места не могли бы, ибо это был нравственный и убежденный служитель алтаря господня, чуждый политики и честолюбивых запросов.

Тем более непонятным и странным покажется то обстоятельство, что к императорскому Двору именно им был введен Распутин.

Надо полагать, что епископ Феофан глубоко ошибся в оценке личности и душевных свойств Распутина. Этот умный и тонкий, хотя почти неграмотный мужик ловко обошел кроткого, незлобивого и доверчивого епископа, который по своей чистоте душевной не угадал всю глубину разврата и безнравственности внутреннего мира Григория Распутина. Епископ Феофан полагал, несомненно, что на болезненные душевные запросы молодой императрицы всего лучше может подействовать простой, богобоязненный, верующий православный русский человек ясностью, простотой и несложностью своего духовного мировоззрения простолюдина. Епископ Феофан, конечно, думал, что богобоязненный старец, каким он представлял себе Распутина, именно этой ясной простотой вернее ответит на запросы государыни и легче, чем кто другой, рассеет сгустившийся в душе ее тяжелый мистический туман. Но роковым образом честный епископ был жестоко обморочен ловким пройдохой и впоследствии сам тяжко поплатился за свою ошибку.

Кто же был по существу своему Григорий Распутин? Его *curriculum vitae* до появления его на государственной арене установлено документально.

Крестьянин села Покровского, Тобольской губернии, Распутин, по-видимому, мало чем отличался от своих односельчан, был рядовым мужиком среднего достатка.

Из следственного о нем дела видно, что с молодых лет имел склонности к сектантству; его недюжинный пытливый ум искал какие-то неизведанные религиозные пути. Ясно, что прочных христианских основ в духе православия в его душе заложено не было, и поэтому и не было в его мировоззрении никаких соответствующих моральных качеств. Это был, еще до появления его в Петербурге, субъект, совершенно свободный от всякой нравственной этики, чуждый добросовестности, алчный до материальной наживы, смелый до нахальства и не стесняющийся в выборе средств для достижения намеченной цели.

Таков нравственный облик Григория Распутина на основании следственного о нем дела, бывшего у меня в руках. Из этого же дела я почерпнул и следующие сведения. Местный священник с. Покровского стал замечать странные явления во дворе Григория Распутина.

Была возведена в глухом углу двора какая-то постройка без окон, якобы баня. У Распутина с сумерками стали собираться какие-то таинственные сборища. Сам Распутин часто стал отлучаться в Абалакский монастырь вблизи Тобольска, где содержались разные лица, сосланные туда за явную принадлежность к разным религиозным сектам. Пока местный священник выслеживал подозрительные обстоятельства, происходящие во дворе Распутина, этот последний решил испытать счастье вне родного села и махнул прямо в Петербург. Документально установить, каким образом Распутин сумел втереться в доверие к епископу Феофану, мне не удалось. Слухов было так много, что на точность всех этих разговоров полагаться нельзя. Указывали как на посредника между епископом Феофаном и Распутиным на священника Ярослава Медведя, духовника одной из русских великих княгинь, ездившего почему-то в Абалакский монастырь или туда сосланного, где он будто бы познакомился с Распутиным и привез его с собой. Эта версия наиболее вероятная, но были и другие. Но как бы там ни было, в начале 1900-х годов, еще до китайской войны, мы видели уже Распутина в большой близости к епископу Феофану, духовнику их величеств; недаленовидный архипастырь ввел его и ко Двору в качестве старца и начетчика, которыми еще при московских царях кишмя кишели терема цариц московских.

Распутин на первых порах держал себя очень осторожно и осмотнительно, не подавая виду о своих намерениях. Естественно, что он осматривался, изучал придворный быт и придворных людей, придворные нравы и своим недю-

жизненным умом делал из своих наблюдений надлежащие для своей дальнейшей деятельности выводы. Этим он не только укрепил веру в себя своего покровителя епископа Феофана, но приобрел еще влиятельного сторонника в лице епископа саратовского Гермогена, впоследствии члена Святого Синода, сознавшего, в конце концов, свое заблуждение и много за него пострадавшего. Сторонником же Распутина явился и небезызвестный иеромонах Илиодор, но про последнего определенно говорили, что это карьерист и провокатор, хотя своим пылким темпераментом и горячим красноречием был одно время в Саратове идолом толпы, народным трибуном и, несомненно, пользовался огромным влиянием на народные массы в Саратове и Царицыне, имея там могучего покровителя в лице местного епископа Гермогена.

В тот период времени Распутин не выходил из роли богобоязненного, благочестивого старца, усердного молитвенника и ревнителя православной церкви Христовой. Во время тяжелого лихолетья японской войны и революции 1905 года он всячески утешал царскую семью, усердно при ней молился, заверял, что-де при его усердной молитве с царской семьей и наследником цесаревичем не может случиться никакой беды, незаметно приобретал все большее и большее влияние и наконец получил звание «царского лампадника», то есть заведывающего горевшими перед святыми иконами неугасимыми лампадами.

Таким образом, он получил беспрепятственный вход во дворец государя и сделался его ежедневным посетителем по должности своей, вместо спорадических его там появлений по приглашению. Надобно при этом заметить, что император Николай II был большой любитель, знаток и ценитель Святых икон древнего письма и обладал редкой и высокоценной коллекцией таковых, которую очень бережно хранил. Надо полагать, что, вверяя попечению Распутина столь чтимое им собрание икон, государь, несомненно, проявлял к новопожалованному царскому лампаднику известное доверие, считая проявляемое им благочестие искренним и правдивым, а его самого достойным хранителем Святых ликов.

Почувствовав, таким образом, под собою твердую почву, Распутин постепенно меняет тактику, отдаваясь мало-помалу своим безнравственным наклонностям и сектантским побуждениям.

По мере того, как затихали революционные волны и жизнь государства входила исподволь в нормальное русло, стали ходить, сначала неопределенно, неясно, слухи о проделках этого пройдохи. Потом определеннее и точнее стали указывать на то, что Распутин основывает хлыстовские

корабли с преобладанием в них молодых женщин и девиц. Стали поговаривать, что Распутин часто видит в отдельных номерах петербургских бань, где он предавался дикому разврату. Стали называть имена лиц высшего общества, якобы, последователей хлыстовского вероучения Распутин. Мало-помалу гласность росла, стали говорить уже громко, что Распутин соблазнил такую-то, что две сестры, молодые девицы, им опозорены, что в известных квартирах происходят оргии, свальный грех. В моем распоряжении находилась целая масса писем матерей, дочери которых были опозорены наглым развратником. В моем же распоряжении имелись фотографические группы так называемого «хлыстовского корабля». В центре сидит Распутин, а кругом около сотни его последователей: все как на подбор молодые парни и девицы или женщины. Перед ним двое держат большой плакат с избранными и излюбленными хлыстами изречениями Святого писания. Я имел также группу гостиной Распутин, где он снят в кругу своих поклонниц из высшего общества и, к удивлению своему, многих из них узнал. Мне доставили два портрета Распутин: на одном из них он в своем крестьянском одеянии с наперсным крестом на груди и с поднятой, сложенной трехперстно рукою, якобы, для благословения. На другом он в монашеском одеянии, в клобуке и с наперсным крестом. У меня образовался целый том обличительных документов. Если бы десятая доля только того материала, который был в моем распоряжении, была истиной, то и этого было бы довольно для производства следствия и предания суду Распутин. Ко мне, как к председателю Городской Думы, отовсюду неслись жалобы и обличения преступной деятельности и развратной жизни этого господина.

Наконец, дело перешло на страницы повседневной печати. Цензурный комитет и министерство внутренних дел переполошились не на шутку, конечно, имея через департамент полиции и его агентуру гораздо более точные сведения и неопровержимые доказательства справедливости бродящих в обществе слухов. Положение государственной власти было донельзя трудное. Она не могла не понимать, в какую бездну влечет Распутин царскую чету, а, с другой стороны, влияние на последнюю отвратительного сектанта становилось все сильнее и могущественнее.

Чем же объяснить это роковое влияние, несомненно, положившее начало русской революции, ибо оно первое поколебало веру в престиж царской власти и растлило народную совесть?

Вне всякого сомнения, Григорий Распутин, помимо недюжинного ума, чрезвычайной изворотливости и ни перед

чем не останавливающейся развратной воли, обладал большой силой гипнотизма. Думаю, что в научном отношении он представлял исключительный интерес. В этом сходятся решительно все его сколько-нибудь знавшие, и силу этого внушения я испытал лично на себе, о чем буду говорить впоследствии.

Само собой разумеется, что на нервную, мистически настроенную императрицу, на ее мятущуюся душу, страдавшую постоянным страхом за судьбу своего сына, наследника престола, всегда тревожную за своего державного мужа, — сила гипнотизма Григория Распутина должна была оказывать исключительное действие. Можно с уверенностью сказать, что он совершенно поработил силою своего внушения волю молодой императрицы. Этою же силою он внушил ей уверенность, что, пока он при Дворе, династии не грозит опасности. Он внушил ей, что он вышел из простого серого народа, а потому лучше, чем кто-либо, может понимать его нужды и те пути, по которым надо идти, чтобы осчастливить Россию. Он силою своего гипнотизма внушил царице непоколебимую, ничем непобедимую веру в себя и в то, что он избранник божий, ниспосланный для спасения России.

Вдобавок, по мнению врачей, в высшей степени нервная императрица страдала зачастую истерически нервными припадками, заставлявшими ее жестоко страдать, и Распутин применял в это время силу своего внушения и облегчал ее страдания. И только в этом заключался секрет его влияния. Явление чисто патологическое, и больше ничего. Мне помнится, что я говорил по этому поводу с бывшим тогда председателем Совета Министров И.А. Горемыкиным, который прямо сказал мне: «C'ets une question clinique».

Тем отвратительнее было мне всегда слышать разные грязные инсинуации и рассказы о каких-то интимных отношениях Распутина к царице. Да будет грешно и позорно не только тем, кто это говорил, но и тем, кто смел тому верить. Безупречная семейная жизнь царской четы совершенно очевидна, а тем, кому, как мне довелось ознакомиться с их интимной перепиской во время войны, и документально доказана. Но тем не менее, Григорий Распутин был настоящим оракулом императрицы Александры Феодоровны, и его мнение было для нее законом. С другой стороны, императрица Александра Феодоровна, как натура исключительно волевая, даже деспотическая, имела неограниченное, подавляющее влияние на своего, лишенного всякого признака воли и характера августейшего супруга. Она сумела и его расположить к Распутину и внушить ему доверие, хотя я положительно утверждаю на основании

личного опыта, что в тайниках души императора Николая II до последних дней его царствования все же шевелилось мучительное сомнение. Но тем не менее, Распутин имел беспрепятственный доступ к царю и влияние на него.

Мне говорил следующее мой товарищ по Пажескому корпусу и личный друг, тогда дворцовый комендант, генерал-адъютант В. Н. Дедюлин. «Я избегал постоянно знакомства с Григорием Распутиным, даже уклонялся от него, потому что этот грязный мужик был мне органически противен. Однажды после обеда государь меня спросил: «Почему вы, В. Н., упорно избегаете встречи и знакомства с Григорием Ефимычем?» Я чистосердечно ему ответил, что он мне в высшей степени антипатичен, что его репутация далеко нечистоплотная и что мне, как верноподданному, больно видеть близость этого проходимца к священной особе моего государя. «Напрасно вы так думаете, — ответил мне государь, — он хороший, простой, религиозный русский человек. В минуты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно».

Вот какое влияние через императрицу имел Распутин на императора Николая II. Удивляться поэтому, что всякие честолюбцы, карьеристы и разные темные аферисты окружали толпою Распутина, видя в нем доступное орудие для проведения личных корыстных целей, — нечего. И в этом обстоятельстве заключалась затруднительность государственной власти, обязанной свято хранить и блюсти неприкосновенность ореола и престижа власти верховной. Не надо забывать при этом, что в кружке Распутина были весьма влиятельные сановники, как, например: Штюрмер, обер-прокурор Святого Синода Саблер, митрополит Питирим и другие.

Как я уже сказал, разговоры о похождениях Распутина перешли на страницы печати. Толки эти пока конспирировались в столичной прессе, а провинция еще не ознакомилась с ними, и время упущено не было. Разгоревшийся пожар возможно было легко потушить. Но вместо того, чтобы понять весь ужас создавшегося положения, чреватого самыми мрачными последствиями, вместо того, чтобы, дружно сплотившись, в корне пресечь возрастающую вокруг царского престола грозную опасность, в размерах и значении которой император и императрица, очевидно, не отдавали себе отчета, — высшие государственные чины разделились на два враждебных лагеря — распутинцев и антираспутинцев. К сожалению, была и третья группа сановников — нейтральная, которая хотя и понимала положение и скорбела искренно о нем, но, имея возможность противостоять

беде, из малодушия, а, может быть, и личных расчетов, — упорно безмолвствовала, не противясь злу. К группе, которая открыто держала сторону Распутина, надо отнести: обер-прокурора Святого Синода В. К. Саблера, его товарища Даманского, законоучителя царских детей, протоиерея Васильева, генерала Воейкова, митрополита Питирима, гофмейстера Танеева, его дочь А. Вырубову, Б. В. Штюрмера и многих им подобных. Во главе второй группы стоял до своей смерти П.А.Столыпин, со своими сотоварищами-министрами, митрополит петербургский Антоний, сознавшие свои ошибки епископы Гермоген и Феофан и многие другие. Ясно, что такое деление высших сановных лиц только облегчало действие распутинских сторонников. Пользуясь его влиянием, последние просто устраняли своих противников интригою и происками, очищая последовательно все препятствия на своем пути, усиливая этим значение и удельный вес своего председателя. Нельзя забывать при этом, что постепенное возвышение и успех в своих начинаниях сторонников Распутина создавали соблазн для инаковедующих, и случаи перебежки из антираспутинского лагеря в распутинский стали учащаться. Даже в нейтральной группе чувствовалось колебание... Но, несомненно, что если бы высшие слои русского общества дружно сплотились и верховная власть встретила серьезное, упорное сопротивление ненормальному положению вещей, если бы верховная власть увидела ясно, что мнение о Распутине одинаковое у всех, что ей не на кого опираться, — то от Распутина и его клики не осталось бы и следа. Если бы все без исключения болели душой за нарастающую угрозу монарху, даже монархии, и глубокий патриотизм, а не личный эгоизм был бы их политическим символом веры, то не было бы двух мнений, двух лагерей, один из которых верховная власть могла взять себе для опоры, пренебрегая неразумно другим, антираспутинским, искренно преданным царю и России. Распутинцы положили вместе с крайне правыми течениями начало русской революции, отчуждая царя от народа и допуская умаление ореола царского престола. Император Николай II, видя раскол мнений среди людей, его окружающих, находясь под влиянием своей августейшей супруги и не чувствуя иной опоры себе, не мог по существу своему избрать иной путь на почве антитезы распутинству. Вот почему я и позволил себе определенно утверждать, что вина за начавшуюся разруху не может быть отнесена исключительно на ответственность императора Николая II, но всею тяжестью должна лежать на той части правящих классов, которая, одер-

жимая исключительно честолюбием, карьеризмом и преследованием личных выгод, ослепленная этими побуждениями, забыла про громадную опасность для царя и России.

Как только Распутин почувствовал под собой твердую почву, он стал постепенно изменять свою тактику из пассивной в агрессивную и наглек с каждым днем, не видя препон своим изуверским выходкам. Тем не менее, надо удивляться, как быстро Распутин приобрел последователей и учеников среди общества. Последних он имел значительный круг и преимущественно женщин, которые льнули к нему, как мухи к меду.

Вот что мне рассказывали про силу внушения, которою обладал Распутин. Одна дама, наслышавшись в провинции про влияние Распутина при Дворе, решила поехать в Петроград хлопотать через него о повышении по службе своего горячо любимого мужа. Эта дама была счастливой и образцовой семьяниной. Приехав в Петербург, она добилась приема у Распутина, но тот, выслушав ее, сурово и властно сказал ей: «Хорошо, я похлопочу, но завтра явись ко мне в открытом платье, с голыми плечами. Да иначе ко мне и не ездь», при чем пронизывал ее глазами, позволяя себе много лишнего в обращении. Дама эта, возмущенная словами и обращением Распутина, покинула его с твердым намерением прекратить свои домогательства. Но, вернувшись домой, она стала чувствовать в себе непреодолимую тоску, сознавала, что она что-то непременно должна выполнить, и на другой день добыла платье декольте и в назначенный час была в нем у Распутина. Муж ее повышение получил впоследствии. Этот рассказ документально точен.

Легко себе представить, какое отталкивающее впечатление производила эта женско-распутинская вакханалия на окружающую этих лиц прислугу, для которой не существует альковных тайн, да и вообще на простолюдинов. Какое в них должно было подниматься презрение к «господам», предающимся цинично позорному разврату? Какими же соображениями религии и искания высшей правды можно это оправдать? Ясно было всем, что только самые низменные цели руководили искателями покровительства Распутина и ничего другого. Характерно то, что на серых людей, обслуживающих прихоти этого развратника: извозчиков, возивших его с женщинами в баню, банщиков, отводивших ему банные номера, половых в трактирах, служивших ему во время его пьяных оргий, городских и агентов тайной полиции, охранявших драгоценную его жизнь и мерзнувших ночами на улицах для этой цели, и т. д., — Распутин вовсе не импонировал сво-

ей святостью, ибо вся повседневная, видимая его жизнь говорила совсем о другом. Их суждения сводились к выражению: «господа балуются». Но ведь Распутин находился в приближении и под покровительством высочайших особ. Какие же делались отсюда выводы — судите сами.

Развертывающаяся безнравственность и цинизм Распутина открыли, наконец, глаза его первородному покровителю епископу Феофану на то, что такое в сущности его детище. Епископ стал к нему в открытую оппозицию, старался убедить молодую царицу, что мнимый праведный старец не заслуживает того внимания и почета, которые ему оказываются, что присутствие его компрометирует Двор и что он должен быть удален, — но было уже поздно. Недостойный старец оказался сильнее праведного святителя. Борьба оказалась неравная. Епископ Феофан был довольно быстро отрешен от звания царского духовника и от ректорства Петербургской Духовной академии и был переведен на епископскую кафедру в таврической епархии в Симферополе.

Распутин победил и, почувствовав легкость своей победы, сознав окончательную силу своего влияния, стал сначала истреблять лиц, не поклонявшихся ему при высочайшем Дворе, а затем перенес этого рода деятельность в ряды высших духовных иерархов, а позднее обратил свое внимание и на высших государственных деятелей и сановников. Судьбу епископа Феофана разделил и другой покровитель его, епископ Гермоген, тоже наконец убедившийся в мнимой святости рекомендованного им сторяча старца, но удаление или, вернее, падение преосвященного Гермогена сопровождалось уже общественным скандалом. Преосвященный Гермоген, не имевший доступа ко Двору, решил повести дело иным образом. Убедившись в безнравственности Распутина и огромной опасности для царской семьи, которая грозила ей от близости этого проходимца, он вызвал последнего к себе и, в присутствии иеромонаха Илиодора, войскового старшины Родионова (автора небезызвестной книги «Наше преступление»), келейника епископа и странника Мити, — стал обличать все его грязные дела и увещевать его, убеждая добровольно покаяться и уйти от царского дома.

«Ты обманщик и лицемер, — говорил епископ Гермоген Распутину (рассказ привожу со слов Родионова), — ты изображаешь из себя святого старца, а жизнь твоя нечестива и грязна. Ты меня обошел, а теперь я вижу, какой ты есть на самом деле, и вижу, что на мне лежит грех — приближения тебя к царской семье. Ты позоришь ее своим присутствием, своим поведением и своими рассказами, ты порочишь имя царицы, ты осмеливаешься

своими недостойными руками прикасаться к ее священной особе. Этого нельзя терпеть дальше. Я заклинаю тебя именем бога живого исчезнуть и не волновать русский люд своим присутствием при царском Дворе».

Распутин дерзко и нагло возражал негодующему епископу. Произошла бурная сцена, во время которой Распутин, обозвав площадными словами преосвященного, наотрез отказался подчиниться требованию епископа и пригрозил ему, что разделается с ним по-своему и раздавит его. Тогда выведенный из себя епископ Гермоген воскликнул: «Так ты, грязный развратник, не хочешь подчиниться епископскому велению, ты еще мне грозишь! Так знай, что я, как епископ, проклинаю тебя!». При этих словах осата-невший Распутин бросился с поднятыми кулаками на владыку, при чем, как рассказывал Родионов, в его лице исчезло все человеческое. Опасаясь, что в припадке ненависти Распутин покончит с владыкой, Родионов, выхватив шашку, поспешил с остальными присутствующими на выручку. С трудом удалось оттащить безумного от владыки, и Распутин, обладавший большой физической силой, вырвался и бросился наутек. Его, однако, нагнали Илиодор, келейник и странник Митя и порядочно помяли. Все же Распутин вырвался и выскочил на улицу со словами: «Ну, погоди же ты, будешь меня помнить», что он и исполнил с точностью, воспользовавшись следующими привходящими обстоятельствами.

Мне рассказывал епископ, член Синода, что в одном из секретных заседаний Синода обер-прокурор Саблер, один из наиболее влиятельных сторонников Распутина, предложил синоду рукоположить Распутина в иереи. Св. Синод с горячим негодованием отверг это предложение, и, несмотря на настояние Саблера, указывавшего на высокий источник этого предложения, склонить ему на свою сторону синод не удалось. При этом епископ Гермоген произнес в заседании громовую речь изобличая всю грязную жизнь и деятельность мнимого святого старца. Конечно, Распутину это стало известно через Саблера.

К тому же времени относятся следующие обстоятельства. Великая княгиня Елизавета Феодоровна, сестра императрицы, возбудила ходатайство об учреждении первых веков христианства общества дьяконисс. Эти общины полумонашеские имели в древние времена целью молитвенные собрания, устройство общежитий с приютами при них, устройство приютов для детей и богаделен, а также уход за больными и калеками. Дело это было на рассмотрении синода приблизительно одновременно с инцидентом по вопросу о рукоположении Распутина в иереи. В заседании синода по этому вопросу возникли ожесточенные прения.

Душою оппозиции ходатайству великой княгини оказался тот же Гермоген. Возражая по существу ходатайства, он доказывал, что учреждение общин дьяконисс противоречило бы каноническим правилам, ибо такие общины первых веков христианства были уничтожены постановлением одного из вселенских соборов.

Одновременно с предложением великой княгини Саблер, видя, что синод неумолим в вопросе о рукоположении Распутина, придумал новую комбинацию. Он предложил возвести в сан епископа викарного каргопольского некоего архимандрита Варнаву, сторонника Саблера и Распутина, малообразованного монаха, бывшего до пострижения своего простым огородником. Саблер рассчитывал, что этот послушный обер-прокурору епископ исполнит его волю и рукоположит Распутина в священнический сан. Надо отдать справедливость синоду: он и против этого восстал единодушно и ответил отказом. Но Саблер не смутился. Он объяснил иерархам, что лично он тут ни при чем и что это — воля лиц, повыше его стоявших, и Синод заколебался. Первоприсутствующий в синоде петербургский митрополит Антоний был так потрясен этой интригой, что после заседания слег в постель и проболел всю зиму, не принимая участия в заседаниях Синода. В конце концов, Саблер уломал-таки большинство членов синода: под председательством епископа Сергия Финляндского, который замещал митрополита Антония, вопрос о возведении Варнавы в епископы был разрешен большинством голосов в утвердительном смысле. Епископ Гермоген остался верен себе; он не унимался, громя и обер-прокурора и малодушных членов Синода, и наконец вызывающе покинул заседание, заявив, что не желает принимать никакого участия в этом нечестивом деле и грозя участникам постановления церковной анафемой за отсутствие в них ревности к достоинству православной церкви. По странной игре судьбы все эти интриги совпали по времени. Результат обличительной речи епископа Гермогена был совсем неожиданный: последовало высочайшее повеление, безотлагательно приказывавшее ему вернуться в свою епархию с исключением из числа членов синода. Одновременно был выслан из столицы и иеромонах Илиодор, бывший совершенно ни при чем в решении синода. Этот остракизм в отношении двух ярых врагов старца ясно показывает, кто руководил этим действием и кто мстил и устранял со своего пути противников.

Распутин с образовавшимся уже тогда кружком начал проявлять себя. Однако строптивый владыка Гермоген отказался подчиниться постигшей его опале. Он написал государю горячее искреннее письмо, умоляя его вырвать выросшие вокруг трона плевелы, доказывая силою неоп-

ровержимых доводов все малодушие синода и всю кривду возникшего гнусного дела. Всей мощью своего красноречия он молил императора побережь себя, наследника и всю царскую семью от того ужасного вреда, который им приносится, требовал суда епископов над собой, который только и может по каноническим правилам устранить его от участия в синоде. Письмо это осталось без ответа, но обер-прокурор Саблер уведомил епископа Гермогена, что за послушание царскому приказу он ссылается на покой в Жировецкий монастырь и, если не уйдет туда добровольно, то будет выслан силой. Владыка серьезно заболел, но оправившись, смирился, подчинился приказу и добровольно отправился в ссылку.

Иеромонах Илиодор, однако, иначе использовал свою высылку, подняв по этому поводу шумиху вокруг своего имени. Он помещал, где мог, откровенные интервью, прямо указывая на Распутина, как на инициатора и вдохновителя всего происшедшего. Затем он таинственно исчез, отправившись в Саратов пешком. Корреспонденты гнались за ним по пятам, описывая это путешествие, превратившееся, таким образом, в триумфальное шествие. В конце концов, Илиодор был арестован и водворен в предназначенное ему место ссылки. Общественный скандал получился изрядный. Выражения сочувствия летели к епископу Гермогену со всех сторон, и возмущение было всеобщее. Я помню хорошо, как член Государственной Думы В. М. Пуришкевич в то время пришел ко мне в кабинет в возбужденном состоянии и с ужасом и тоской в голосе говорил мне «Куда мы идем? Последний оплот наш стараются разрушить — святую православную церковь. Была революция, посягавшая на верховную власть, хотели поколебать ее авторитет и опрокинуть ее, — но это не удалось. Армия оказалась верной долгу, и ее явно пропагандируют. В довершение темные силы взялись за последнюю надежду России, за церковь. И ужаснее всего то, что это как бы исходит с высоты престола царского. Какой-то проходимец, хлыст, грязный неграмотный мужик играет святителями нашими. В какую пропасть нас ведут? Боже мой! Я хочу пожертвовать собой и убить эту гадину, Распутина»... А ведь Пуришкевич принадлежал к крайне правому крылу Думы. Но он был честный убежденный человек, чуждый карьеризма и искательства, и горячий патриот. Насилу удалось мне успокоить взволнованного депутата, убедив его, что не все пропало, что Дума еще может сказать свое слово и, быть может, верховная власть внемлет голосу народных избранников

Характерно при этом, что император Николай II лично ничего не имел против сосланного владыки. По-

следний, по прибытии на свое новое местожительство, прислал ко мне своего секретаря с письмом, в котором призывал меня к исполнению моего долга в том отношении, чтобы я раскрыл всю правду царю и со своей стороны предостерег его величество от надвигающейся опасности.

В одном из ближайших моих всеподданнейших докладов я доложил всю подноготную инцидента в Святом Синоде и просил смягчить участь невинно пострадавшего владыки. Государь ответил мне буквально следующее: «Я ничего не имею против епископа Гермогена. Считаю его честным, правдивым архипастырем и прямодушным человеком, способным стойко и бесстрашным отстаивать правду и непоколебимым в служении истине и достоинству православной церкви. Он будет скоро возвращен. Но я не мог не подвергнуть его наказанию, так как он открыто отказался подчиниться моему повелению».

Но прощения все же не последовало. Вероятно, иные воздействия оказались сильнее и поколебали слабую волю императора.

Для расследования дела Илиодора государем был послан в Царицын флигель-адъютант Мандрыка. Попутно он узнал многое и о преступной деятельности Распутина. Вернувшись в Петербург, Мандрыка, как местный человек, решил довести обо всем до сведения государя и в присутствии императрицы, сильно волнуясь (он так волновался, что ему сделалось дурно, и государь сам приносил ему стакан воды), рассказал, что он узнал о хлыстовской деятельности Распутина в Царицыне. Это подтверждает, что в сущности государь не был в неведении относительно Распутина.

Общественная совесть была возмущена и требовала правды. В печати появились мельчайшие подробности этого дела. Газеты платили большие штрафы в цензуру, но все же статьи свои помещали. И в самом деле, с какой бы стороны ни подходить к этому делу, правда все же останется на стороне Гермогена. Какое преступление совершил он в сущности, что навлек столь жестокую кару? Как человек без страха и упрека, он считал долгом высказаться прямо и честно; согласно велению своей пастырской совести, он смело, и не боясь никаких возмездий, боролся за правое дело, отстаивая высокое достоинство церкви. Где же состав его преступления? И все же он пал в угоду низким проходимцев.

Вот какое могучее влияние уже тогда, в конце 1911 года имел Распутин и его кружок. Могло ли русское общество оставаться спокойным, равнодушным зрителем происходящего? Но кто же боролся против развивающегося зла?

П. А. Столыпин о Распутине. — Инцидент с нянюшкой царских детей. — Опала петербургского митрополита Антония. — Запрос о Распутине в Государственной Думе. — Разговор с вдовствующей императрицей о Распутине.

Возвращаясь несколько назад, а именно к 1908-1910 гг., я должен сказать, что председатель Совета Министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин уже тогда был немало озабочен неожиданным и последовательно упорным возрастанием значения и влияния Распутина при императорском Дворе. На той же точке зрения стояли и обер-прокуроры Святого Синода за время премьерства Столыпина — П. П. Извольский и Лукьянов. Столыпин неоднократно указывал императору Николаю II на губительные последствия, могущие произойти от близости к царской чете несомненного сектанта. Но Распутин в период 1905—1909 гг. держал себя сравнительно в тени, подготавливая себе твердую почву медленно и методично. Чувствуя все возрастающую свою силу, этот изувер мало-помалу распоясывается. Похождения эротического характера делаются все наглее и отвратительнее, число его жертв все увеличивается, и захватывается им все больший круг последователей и поклонниц. Ввиду такого обстоятельства тогдашний обер-прокурор Святого Синода Лукьянов совместно с председателем Совета Министров П. А. Столыпиным предприняли обследование документальных данных, имевшихся в наличности о Распутине, чтобы пролить свет на загадочную и неясную еще тогда личность этого проходимца. Истина не замедлила вылиться во всем своем неприглядном виде. Имея в своем распоряжении все секретные дела архива Синода, обер-прокурору Лукьянову было легко приступить к расшифровке личности «великого старца». Документы, на основании которых это обследование производилось, были впоследствии в моем обозрении и изучении. Результаты обследования оказались довольно убедительными, и на основании этого обильного следственного материала председателем Совета Министров П. А. Столыпиным был составлен исчерпывающий всеподданнейший доклад, приведший, однако, к совершенно неожиданному результату. Император Николай II внимательно выслушал доклад премьера, не принял, однако, по нему определенного решения, но поручил Столыпину вызвать к себе Распутина и лично убедиться в том, каков он есть человек. Об этом повороте дела мне лично говорил при моем докладе о том же деле государь

император Николай II. От самого Столыпина я слышал, что он действительно вызывал к себе Распутина. Последний немедленно, войдя в кабинет министра, стал испытывать над ним силу своего гипнотического свойства: «Он бегал по мне своими белесоватыми глазами, — говорил Столыпин, — произносил какие-то загадочные и бессвязные изречения из священного писания, как-то необычно водил руками, и я чувствовал, что во мне пробуждается непреодолимое отвращение к этой гадине, сидящей против меня. Но я понимал, что в этом человеке большая сила гипноза и что он на меня производит какое-то довольно сильное, правда, отталкивающее, но все же моральное впечатление. Преодолев себя, я прикрикнул на него и, сказал ему прямо, что на основании документальных данных он у меня в руках и я могу его раздавить в прах, предав суду по всей строгости закона о сектантах, в виду чего резко приказал ему немедленно, безотлагательно и притом добровольно покинуть Петербург и вернуться в свое село и больше сюда не появляться».

Это было в начале 1911 года. Премьер оказался сильнее гипнотизера, который понял, что дело грозило принять очень невыгодный для него оборот, и действительно очень быстро и неожиданно исчез с петербургского горизонта и долгое время на нем не появлялся. Но надо при этом заметить, что если на такого железной воли человека, каким был по существу своему Столыпин, Григорий Распутин все же оказывал скрытой в нем силой гипноза известное влияние, то какой же силы влияние могло быть на натурах, менее крепких нервами и самообладанием?

Однако, несмотря на кажущееся безмолвное согласие государя на изгнание Распутина по настоянию Столыпина, дело приняло несколько иной оборот. В скором времени после отъезда «старца» в родное село следом за ним отправилась одна из приближенных к императрице Александре Феодоровне дам, А.А.Вырубова, и с нею он вернулся, но не в Петербург, а в Киев, куда прибыла царская семья на торжества введения земских учреждений в юго-западном крае. Надо при этом помнить, что положение Столыпина сильно поколебалось в это время при Дворе. Закон о введении земств в юго-западном крае, принятый в Государственной Думе, был отклонен в Государственном Совете. П.А.Столыпин заявил государю императору, что он выходит в отставку. Но состоялся компромисс, в силу которого законодательные палаты были распущены на три дня, и в это время закон о введении земства в юго-западном крае был обнародован по 87-й статье, в точной редакции принятого Государственной Думой законопроекта, и П. А Столыпин взял свою отставку обратно. Негодованию членов

Государственного Совета не было границ, но и в придворных кругах поднялась по этому поводу сильная агитация против председателя Совета Министров

Много было толков в обществе о том, что уже сформировавшийся тогда кружок Распутина принимал в этой кампании деятельное участие. Как бы то ни было, но факт поездки Вырубовой в с. Покровское, очевидно, за Распутиным до некоторой степени подтверждал эти разговоры. Определенно уже говорилось тогда, что Распутин успел убедить царскую чету в том, что, пока он при ней в наличии, никакого несчастья ни с ней, ни в особенности с наследником цесаревичем, случиться не может. Императрица Александра Феодоровна, души не чаявшая в своем сыне, дрожавшая за него постоянно, в силу своего мистического настроения вполне подчинялась этим внушениям ловкого гипнотизера. Ей казалось, что она обязана принимать все меры, не брезгать ничем, лишь бы оберечь и охранить своего обожаемого сына. Поэтому в ее мировоззрении, естественно, сложилось твердое убеждение, что Распутин должен находиться неотлучно при царской семье и в Киеве, где предстоял ряд торжеств и многочисленные появления царской четы среди народа. Во всяком случае, Распутин был привезен Вырубовой в Киев, а затем отправился вслед за императорской фамилией в Крым, в Ливадию, где жил в Ялте в гостинице «Эдинбург», но под именем Никонова. Когда это обстоятельство дошло до сведения тогдашнего градоначальника города Ялты генерала Думбадзе, этот честный человек немедленно выслал Никонова (Распутина) из Ялты административным порядком, не считаясь с опасностью для своей карьеры. По возвращении царской семьи в Петербург Распутин был уже там и вновь занял прежнюю позицию при Дворе.

Таким образом, кажущаяся победа Столыпина и оберпрокурора Лукьянова была лишь временной им уступкой, и все вошло в прежнюю колею. В Киеве во время торжеств Столыпин был предательски убит во время парадного спектакля, и на его место был назначен Коковцов. Лукьянов понял, что ему без Столыпина не сохранить своего поста, вышел в отставку и был заменен В. К. Саблером, убежденным сторонником Распутина, при котором уже и разыгрались все описанные мною выше инциденты в Синоде, окончившиеся опалой епископа Гермогена и Илиодора.

Последовательные политические победы все более и более окрыляли Распутина, и он закусил удила.

Стало известно, что он соблазнил нянюшку царских детей, воспитанницу императорского воспитательного дома.

Мне известно, что в этом она каялась своему духовному отцу, призналась ему, что ходила со своим соблазнителем в баню, потом одумалась, поняла свой глубокий грех и во всем призналась молодой императрице, умоляя ее не верить Распутину, защитить детей от его ужасного влияния, называя его «дьяволом». Нянюшка эта, однако, вскоре была объявлена ненормальной, нервнобольной, и ее отправили для излечения на Кавказ. Побывав у лечившегося там митрополита Антония, она чистосердечно призналась ему в своем грехе и обрисовала во всех подробностях преступную деятельность Распутина в царском дворце, умоляя владыку митрополита спасти из когтей этого «черта» наследника цесаревича.

Вернувшись в начале 1911 года в Петербург, митрополит Антоний, испросив всеподданнейший доклад, подробно доложил императору о всем ему известном. Государь с неудовольствием возразил ему, что эти дела его, митрополита, не касаются, так как эти дела его — семейные. Митрополит имел твердость ответить: «Нет, государь, это не семейное дело только, но дело всей России. Наследник цесаревич не только ваш сын, но наш будущий повелитель и принадлежит всей России». Когда же царь вновь остановил владыку, сказав, что он не позволит, чтобы кто-либо касался того, что происходит в его дворце, митрополит, волнуясь, ответил: «Слушаю, государь, но да позволено будет мне думать, что русский царь должен жить в хрустальном дворце, доступном взорам его подданных».

Государь сухо отпустил митрополита, с которым вскоре после этого сделался нервный удар, от которого он уже не оправился.

Очевидно, влияние Распутина крепло, а число его апологетов росло. К нему уже начали обращаться за помощью и покровительством со всех сторон. У него завелось несколько секретарей, он, как высокопоставленное лицо, имел приемные часы и сделался даже малодоступным. Явиться перед его ясные очи сделалось уже делом довольно сложным: записывались в очередь и все же шли со всякого рода возможными и невозможными просьбами в полном убеждении, что «всемогущий» старец все сделает. По-видимому, и Распутин убедил себя в том же. По крайней мере, еще председатель Совета Министров П. А. Столыпин, а впоследствии и другие высшие должностные лица стали получать от него безграмотно написанные записки в довольно императивной редакции, на «ты»: «помоги такому-то» или «сделай то, что просит такой-то», «я его знаю, он хороший человек».

К сожалению, надо сказать, что отказ эти домогательства встречали редко. Лично я один раз тоже получил та-

кую записку, но, конечно, ничего не сделал по ней, и после принятых мною довольно суровых и решительных мер этого больше не повторялось. Просители, видя, что заступничество Распутина помогает, рассказывали о нем другим, и слава его росла. Приезжали даже специально из далекой провинции ходатайствовать о помощи пресловутого Григория Ефимовича.

Итак, безграмотный, безнравственный, развратный мужик, сектант, человек порочный, явился как бы в роли всемогущего временщика, которого, к сожалению, часть общества поддерживала и окружила организованным кружком. Что хорошего могло сулить России такое мрачное явление? Как назвать психологию тех, кто являлись апологетами «старца», как не низкопробным карьеризмом, сервилизмом низкой марки, корыстью и преследованием узких личных выгод? Этим людям не было дела до величия и ореола верховной власти, основы которой явно ими колебались. Им не было никакого дела и до России.

В это время в силу исключительного положения, занятого Распутиным, вокруг него стали образовываться темные деловые кружки сомнительного финансового свойства, чаявшие через влиятельного «старца» втихомолку обделать свои делишки, и было фактически известно, что своих целей эти люди достигали. Государственная Дума, конечно, не могла остаться в стороне от всех толков о значении для государства создавшегося соблазна. Среди членов Думы царило немалое беспокойство. Но Государственная Дума была в известной степени бессильна что-либо предпринять для успокоения общества по самому существу круга своей деятельности. Наконец, члены Думы донельзя опасались гласного признания с думской кафедры, что проходимец и хлыст является как бы в исключительной роли царского советника и взял такую силу, что целое законодательное учреждение оказалось вынужденным вступить с ним в борьбу. К прискорбию, однако, избежать этого не удалось. Воздерживаясь до поры до времени от вмешательства в дело Распутина, члены Государственной Думы, тем не менее, не могли не быть озабочены все возрастающим его влиянием.

Если бы дело ограничивалось исключительно увлечением императрицы Александры Феодоровны воображаемым даром пророчества этого человека и гипнотической его силой, облегчавшей ее нервное страдание и умерявшей ее страхи и опасения за свою семью, в особенности за жизнь наследника, — то, конечно, это особой тревоги возбудить бы не могло. Но Распутин, завладев неограниченным доверием царской семьи, организовал (или вокруг него был другими организован) плотно спаянный кружок едино-

мышленников, который сначала преследовал личные цели, а затем мало-помалу стал вмешиваться сначала в церковные, а затем весьма основательно и в государственные дела, устраняя популярных деятелей и заменяя их своими ставленниками. Наконец, подрастал наследник престола. Всем было известно, что Распутин вмешивался в интимные семейные дела царской семьи, и, не без основания, являлось опасение, что постоянная проповедь сектантства может оказать влияние на впечатлительную детскую душу и что этой проповедью наследник престола может быть совращен из лона православной церкви, а фанатическая проповедь изувера мало-помалу привьет его мирозерцанию вредный мистицизм и может сделать из него в будущем нервного и неуравновешенного человека. Наконец, близость к царскому престолу заведомо безнравственного и развратного, безграмотного мужика, слава о безобразных похождениях которого гремела, очевидно, способна была в корне подорвать высокое чувство уважения и почитания верховной власти. Были темные слухи о том, что именно это и входило в план вдохновителей распутинского кружка, причем дело, якобы, не обходилось без зарубежных влияний из других стран. По крайней мере, когда я собирал материал для предстоящего мне всеподданнейшего доклада, я имел в своем распоряжении вырезки из иностранных газет. В них говорилось, что на масонском съезде в Брюсселе, кажется, в 1909 или 1910 году, проводилась мысль, что Распутин удобное орудие для проведения в России лозунгов партии и что под разлагающим его влиянием династия не продержится более двух лет. Видя и оценивая общее настроение, я понял, что председателю Государственной Думы не избежать подробного доклада государю о нарастающих общественных настроениях. События, однако, развернулись быстрее, чем я думал.

Когда в конце 1910 года разыгралось нашумевшее по всей России дело епископа Гермогена и Илиодора, приват-доцент Московской Духовной академии Новоселов, специалист по делам сектантства, выпустил в свет брошюру, в которой он, шаг за шагом следя за деятельностью Распутина, документально изобличает его в хлыстовстве. Новоселов резко обвинял в своем труде высшую церковную иерархию в попустительстве сектантству. Брошюра эта была немедленно изъята из продажи, конфискована, и за выдержки из нее в горячей статье того же автора, помещенной им в газете «Голос Москвы», газета заплатила большой штраф, и номер был полицией конфискован. Эти репрессии имели, однако, обратное действие: брошюра Новоселова и номер газеты в уцелевших экземплярах стали покупаться за баснословные деньги, а в га-

зетах всех направлений появлялись статьи о Распутине и незаконной конфискации брошюры; печатались во всеобщее сведение письма его бывших жертв, прилагались фотографии, где он изображен в кругу своих последователей. И чем больше усердствовала цензура и полиция, тем более писали и платили штрафы. Дело епископа Гермогена не могло не возбудить волнения среди членов Государственной Думы, а появившаяся брошюра Новоселова и начавшаяся газетная кампания только подлили масла в огонь. Ввиду таких обстоятельств я решил безотлагательно испросить всеподданнейший доклад. Но совершенно неожиданно для меня, без предварительных со мной переговоров некоторыми членами Думы был предъявлен запрос по поводу незаконных действий придерживающих властей по конфискации брошюры Новоселова и номера газеты «Голос Москвы».

На основании наказа Государственной Думы я не имел права не поставить на обсуждение запрос, внесенный в порядке спешности. Но так как можно было ожидать и по поводу обсуждения спешности его большого скандала в Думе, я предварительно собрал лидеров отдельных думских фракций. Я старался убедить первого подписавшего запрос, А. И. Гучкова, обождать с запросом в целях охраны верховной власти от страстного осуждения во время прений. Мне казалось, что еще не настало время выносить все мрачные явления на суд общества и страны, что подобное широкое предание дела всеобщей гласности преждевременно. Я находил, что было бы целесообразнее и осторожнее, имея в руках обильный материал, попытаться путем доклада председателя Государственной Думы ясно показать государю императору всю опасность для него же разворачивающихся событий и добиться удаления совсем от Двора вредного лжеучителя.

А. И. Гучков возразил на это, что общее настроение донельзя повышенное и задержка запроса умеренных партий повлечет к тому, что таковой будет предъявлен социалистами, которые не поскупятся внести такие мотивы, которые не разрядят, но еще сгустят атмосферу. При предъявлении же запроса центральными партиями можно достигнуть соглашения и скандала в Думе избежать. Гучков полагал, что путем запроса в настоящих обстоятельствах можно избежать обсуждения распутинства при рассмотрении сметы Святого Синода: сейчас прения могут ограничиться рамками дела епископа Гермогена и брошюры Новоселова, тогда как при обсуждении сметы Святого Синода прения развернутся во всю ширь. Мнение Гучкова одержало верх, и запрос по вопросу о спешности был поставлен на обсуждение.

Надо отдать справедливость Государственной Думе, что все ее члены держали себя во время обсуждения запроса вполне корректно, и никакого скандала не произошло. Говорили по вопросу о спешности А. И. Гучков и В. Н. Львов. Спешность запроса была принята единогласно.

Здесь не лишне упомянуть о том, как относилась государственная власть к создавшемуся положению.

Министром внутренних дел был тогда А. А. Макаров. Когда предъявлен был запрос по поводу конфискации брошюры Новоселова, я обратился к нему с письмом, в котором просил сделать распоряжение о присылке мне экземпляра брошюры, ввиду необходимости изучить дело и знать, как вести прения. Макаров ответил, что у него брошюры Новоселова в распоряжении нет и что он вообще не видит надобности в ее распространении. Меня такое отношение взорвало, и я поехал к нему лично. Макаров, очевидно, не ожидал моего приезда. Когда я вошел к нему в кабинет, то к немалому моему удивлению увидел на его письменном столе несколько экземпляров брошюры Новоселова. Таким образом, и такой порядочный человек, как Макаров, был не чужд известной доли сервизма во имя спасения Распутина. Произошла бурная сцена между нами, после чего я все же брошюру получил. Вот еще яркий пример, как силен был Распутин, если государственная власть считала необходимым его защищать, вместо того, чтобы заниматься более важными государственными делами.

В сущности, запрос вынес целиком дело на суд общества. Статья в «Голосе Москвы», за которую номер был конфискован, приведенная полностью в тексте запроса, попала в стенографические отчеты и была напечатана поэтому во всех газетах. Вот что в статье этой говорилось: В № 19 «Голоса Москвы» было помещено письмо в редакцию под заглавием: «Голос православного мирянина», за подписью редактора-издателя «Религиозно-Философской Библиотеки» Михаила Новоселова следующего содержания «*Que usque tandem!*». Эти негодующие слова невольно вырываются из груди православных людей по адресу хитрого заговорщика против святыни церкви государственной, растлителя чувств и телес человеческих — Григория Распутина, дерзко прикрывающегося этой святыней-церковью. «*Que usque*» — этими словами вынуждаются со скорбью и с горечью взывать к синоду чада русской церкви православной, видя страшное попустительство высшего церковного управления по отношению к названному Григорию Распутину. Долго ли, в самом деле, синод, перед лицом которого несколько лет уже разыгрывается эта преступная коме-

дия, будет безмолвствовать и бездействовать? Почему безмолвствует и бездействует он, когда божеская заповедь блюсти стадо от волков, казалось, должна была с неотразимой силой сказаться в сердцах иерархов русских, призванных править словом истины?

«Почему молчат епископы, которым хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя? Почему молчат и стражи Израилевы, когда в письмах ко мне некоторые из них откровенно называют этого лжеучителя — лжехлыстом, эротоманом, шарлатаном? Где его святейшество, если он по нерадению или малодушеству не блюдет чистоты веры церкви Божией и попускает развратного хлыста творить дело тьмы под личиной света? Где его правящая десница, если он пальцем не хочет шевельнуть, чтобы низвергнуть дерзкого растлителя и еретика из ограда церковной? Быть может, ему недостаточно известна деятельность Григория Распутина? В таком случае прошу прощения за негодующие дерзновенные слова и почтительнейше прошу меня вызвать в высшее церковное учреждение для представления данных, доказывающих истину моей оценки хлыстовского оболъстителя».

Таким образом, появлением в печати брошюры Новоселова и запроса в Государственной Думе по поводу ее конфискации, все разговоры, слухи и сведения о деятельности и значении при высочайшем Дворе Григория Распутина были поставлены на твердую почву документа, и уже ни в ком не могло быть сомнений в истине циркулирующих о нем слухов. Предъявлением документального запроса в Государственной Думе верховная власть была поставлена лицом к лицу с необходимостью решить безотлагательно вопрос: быть или не быть Распутину? Всякому было ясно, что борьба распутинского кружка с Россией должна была разрешиться победой или поражением той или другой стороны. Силы, однако, были неравные. На стороне Распутина стояла волевая и властная императрица Александра Феодоровна, имевшая подавляющее влияние на своего августейшего супруга и поддерживаемая придворной камарильей, хорошо знавшей, что она хочет. А в лагере противников царя нерешительность, опасение энергичным вмешательством разгневать верхи и отсутствовало объединение, потому что не помнили главного — блага России.

Император Николай II колебался и искал таких обстоятельств, которые бы поставили его в положение, вынуждающее в силу вещей удалить Распутина. В этот период он еще смутно отдавал себе отчет о значении всех переживаемых событий, но склонялся перед более сильной волей своей августейшей супруги.

Таким образом, вся тяжесть борьбы легла на Государственную Думу, и это обстоятельство подало повод в некоторых общественных кругах обвинить ее в революционных тенденциях; на самом же деле Дума боролась за неприкосновенность царского престижа.

После запроса в Думе председатель Совета Министров Коковцов был вызван к государю. Он мне говорил, что императрица Александра Феодоровна требовала непременно роспуска Думы. Если до запроса я колебался, ехать ли мне с докладом о Распутине или нет, то после запроса я уже бесповоротно решил, что поеду с докладом и буду говорить с государем о Распутине.

Я целый месяц собирал сведения; помогали Гучков, Бадмаев, Родионов, Граф Сумароков, у которого был агент, сообщавший сведения из-за границы. Через князя Юсупова же мы знали о том, что происходит во дворце. Бадмаев сообщил о Гермогене и Илиодоре в связи с Распутиным. Родионов дал подлинник письма императрицы Александры Феодоровны к Распутину, которое Илиодор вырвал у него во время свалки, когда они со служкой били его в коридоре у Гермогена. Он же показывал и три письма великих княжон: Ольги, Татьяны и Марии.

В феврале 1912 года князь Юсупов сказал мне, что императрица Мария Феодоровна очень взволнована тем, что ей пришлось слышать о Распутине, и что, по его мнению, следовало бы мне поехать ей все доложить.

Вскоре после того ко мне явился генерал Озеров, состоявший при императрице Марии Феодоровне, по ее поручению.

Он говорил, что императрица Мария Феодоровна желала бы меня видеть и все от меня узнать. Императрица призвала князя Юсупова и у него расспрашивала, как он думает, какой я человек и может ли председатель Думы все откровенно сказать. Князь Юсупов ответил: «Это единственный человек, хорошо осведомленный, на которого вполне можно положиться, он вам скажет лишь святую правду».

Вся царская фамилия с трепетом ожидала моего доклада: буду ли я говорить о Распутине, и какое впечатление произведет мой доклад. Великая княгиня Ольга Александровна говорила кн. В. М. Волконскому, что она очень надеется, что председатель Думы будет говорить с государем.

За несколько дней до моего доклада позвонил телефон, и мне сообщили, что императрица Мария Феодоровна ждет меня на другой день в одиннадцать часов утра. Я взял с собой все материалы и поехал. Немедленно был введен в ее маленький кабинет, где она уже ожидала. Императрица обратилась ко мне со словами:

— Не правда ли, вы предупреждены о мотиве нашего свидания? Прежде всего я хочу, чтобы вы объяснили мне причины и смысл запроса. Не правда ли, в сущности цель была революционная, почему же вы тогда этого не оставили?¹

Я ей объяснил, что хотя я сам был против запроса, но что я категорически должен отвергнуть, будто тут была какая-нибудь революционная цель. Напротив, это было необходимо для успокоения умов. Толки слишком далеко зашли, а меры правительства только увеличивали возмущение.

Она пожелала тогда осмотреть все документы, которые у меня были. Я ей прочел выдержки из брошюры Новоселова и рассказал все, что знал. Тут она мне сказала, что она только недавно узнала о всей этой истории. Она, конечно, слышала о существовании Распутина, но не придавала большого значения.

— Несколько дней тому назад одна особа мне рассказала все эти подробности, и я была совершенно огорчена. Это ужасно, это ужасно, — повторяла она.

«Я знаю, что есть письмо Илиодора к Гермогену (у меня действительно была копия этого обличительного письма) и письмо императрицы к этому ужасному человеку. Покажите мне», — сказала она.

Я сказал, что не могу этого сделать. Она сперва требовала непременно, но потом положила свою руку на мою и сказала:

— Не правда ли, вы его уничтожите?

— Да, ваше величество, я его уничтожу.

— Вы сделаете очень хорошо.

Это письмо и посейчас у меня: я вскоре узнал, что копии этого письма в извращенном виде ходят по рукам, тогда я счел нужным сохранить у себя подлинник.

Императрица сказала мне:

— Я слышала, что вы имеете намерение говорить о Распутине государю. Не делайте этого. К несчастью, он вам не поверит, и к тому же это его сильно огорчит. Он так чист душой, что во зло не верит.

На это я ответил государыне, что я, к сожалению, не могу при докладе умолчать о таком важном деле. Я обязан говорить, обязан довести до сведения моего царя. Это дело слишком серьезное, и последствия могут быть слишком опасные.

— Разве это зашло так далеко?

— Государыня, это вопрос династии. И мы, монархисты, больше не можем молчать. Я счастлив, ваше величес-

¹ Разговор передается в переводе с французского, на котором происходил

тво, что вы предоставили мне счастье видеть вас и вам говорить откровенно об этом деле. Вы меня видите крайне взволнованным мыслью об ответственности, которая на мне лежит. Я всеподданнейше позволяю себе просить вас дать мне ваше благословение.

Она посмотрела на меня своими добрыми глазами и взволнованно сказала, положив свою руку на мою:

— Господь да благословит вас.

Я уже уходил, когда она сделала несколько шагов и сказала:

— Но не делайте ему слишком больно.

Впоследствии я узнал от князя Юсупова, что после моего доклада государю императору императрица Мария Феодоровна поехала к государю и объявила: «Или я, или Распутин», что она уедет, если Распутин будет здесь.

Когда я вернулся домой, ко мне приехал князь В. М. Волконский, князь и княгиня Ф. Ф. и З. Н. Юсуповы, и тут же князь мне сказал: «Мы отыгрались от большой интриги».

Оказывается, что в придворных кругах старались всячески помешать разговору императрицы Марии Феодоровны со мной, и когда это не удалось, В. Н. Коковцов поехал к императрице Марии Феодоровне, чтобы через нее уговорить меня не докладывать государю. Между тем у меня уже все было готово для доклада, и я просил меня принять.

III

Я отлично отдавал себе отчет в том, что доклад председателя Государственной Думы не даст достаточных результатов, ибо не даст той почвы государю, стоя твердо на которой, он неопровержимо мог бы сказать: *non possumus*, отвергая всякую защиту развратного временщика. Надо было добиться коллективного доклада, дабы ясно было, что не одна Дума, а все слои общества видят глубину той пропасти, в которую ведет царя и Россию злой обманщик. Мне казалось, что соединенный доклад председателя Совета Министров, Государственной Думы и первоприсутствующего в Святом Синоде митрополита достиг бы этой цели, доказав, что вся страна возмущается близостью к престолу наглого проходимца и его влияния на ход государственных дел, что совесть народная не спокойна и этим смущена. К сожалению, попытка моя в этом направлении не имела успеха. По тем или иным причинам указанные мною лица уклонились от совместного со мной доклада. Пришлось ехать одному и взять всю ответственность за последствия на себя.

26 февраля государь назначил мне явиться в шесть часов вечера. Утром в этот день я ездил с женой в Казанский собор и служил молебен. Доклад мой продолжался в кабинете государя около двух часов. Сперва я доложил текущие дела, коснулся положения артиллерийского ведомства под управлением Великого князя Сергея Михайловича и сомнительной безопасности Кавказа под сомнительным управлением графа Воронцова-Дашкова, а потом перешел к главному.

— Ваше величество, — начал я, — доклад мой выйдет далеко за пределы обыкновенных моих докладов. Если последует на то ваше высочайшее разрешение, я имею в виду подробно и документально доложить вам о готовящейся разрухе, чреватой самыми гибельными последствиями...

Государь взглянул на меня с некоторым удивлением.

— Я имею в виду, — продолжал я, — старца Распутина и недопустимое его присутствие при Дворе вашего величества. Всеподданнейше прошу вас, государь, угодно ли вам выслушать меня до конца или вы слушать меня не хотите, в таком случае я говорить не буду.

Опустив голову и не глядя на меня, государь тихо сказал:

— Говорите...

— Ваше величество, присутствие при дворе в интимной его обстановке человека, столь опороченного, развратного и грязного, представляет из себя небывалое явление в истории русского царствования. Влияние, которое он оказывает на церковные и государственные дела, внушает немалую тревогу решительно во всех слоях русского общества. В защиту этого проходимца выставляется весь государственный аппарат, начиная с министров и кончая низшими чинами охранной полиции. Распутин — оружие в руках врагов России, которые через него подкапываются под церковь и монархию. Никакая революционная пропаганда не могла бы сделать того, что делает присутствие Распутина. Всех пугает близость его к царской семье. Это волнует умы.

— Но отчего же такие нападки на Распутина? — перебил государь. — Отчего его считают вредным?

— Ваше величество, всем известно из газет и из рассказов о том, что благодаря Распутину в синоде произошел раскол и что под его влиянием перемещаются иерархи.

— Какие? — спросил государь.

— История Гермогена всех глубоко оскорбила, как незаслуженное оскорбление иерарха. У Гермогена есть много приверженцев. Я получил прошение ходатайствовать

за него перед вашим величеством, подписанное десятью тысячами подписей.

— Гермогена я считаю хорошим человеком, — сказал государь, — он будет скоро возвращен. Но я не могу не подвергнуть его наказанию, когда он открыто отказался подчиниться высочайшему повелению.

— Ваше величество, по каноническим правилам иерарха судит собрание иерархов. Преосвященный Гермоген был осужден по единоличному обвинению обер-прокурора, по его докладу, — это нарушение канонических правил. Государь промолчал.

— История Илиодора тоже произвела тяжелое впечатление. После расследования, назначенного вашим величеством, суд над ним был год тому назад прекращен. Теперь он без всякого суда заключен во Флорищеву Пустынь, и это после его открытого выступления против Распутина. Подобным же образом пострадали Феофан, который был лишен звания духовника императрицы и перемещен в Симферополь, и Антоний Тобольский, первый указавший синоду на Распутина, как на хлыста, и потребовавший суда над ним. Его переместили в Тверь. Все, кто поднимает голос против Распутина, преследуются синодом. Терпимо ли это, ваше величество? И могут ли православные люди молчать, видя развал православия? Можно понять всеобщее негодование, когда глаза всех раскрылись и все узнали, что Распутин хлыст.

— Какие у вас доказательства?

— Полиция проследила, что он ходил с женщинами в баню, а ведь это из особенностей их учения.

— Так что ж тут такого? У простолудинов это принято.

— Нет, ваше величество, это не принято. Может быть, ходят муж с женой, но то, что мы имеем здесь, — это разврат. Позвольте прочесть вам, во-первых, письма его жертв, которые сперва попали в ловушку, а затем раскаялись в своем грехе. Вот письмо одного сибирского священника, адресованное некоторым членам Думы (я не хотел сказать, что Гучкову), в котором он умоляет довести до сведения начальства о поведении Распутина, о развратной его жизни и о том, какие слухи он распространяет о своем значении в Петербурге и при Дворе. (Это письмо я прочел целиком).

Вот письмо, в котором одна барыня кается, что Распутин ее совратил, нравственно изуродовал; отшатнувшись от него, покаясь, и после этого она вдруг видит, что Распутин выходит из бани с ее двумя дочерьми. Жена инженера Л. тоже увлеклась этим учением. Она сошла с ума и теперь еще в сумасшедшем доме. Проверьте, ваше величество...

— Я вам верю.

Я прочел ему письма, выдержки из брошюры Новоселова, я указал ему на впечатление, которое произвело запрещение писать о Распутине. Он не подходит под категорию лиц, о которых нельзя писать, он не высокопоставленное лицо, не принадлежит к царской фамилии. Мы видим, что часто критикуют министров, председателей Думы и Совета, — для этого запрещения нет, — а о Распутине запрещено писать что бы то ни было. Это невольно вызывает мысль, что он близок к царской семье.

— Но отчего вы думаете, что он хлыст?

— Ваше величество, прочтите брошюру Новоселова: он специально занялся этим вопросом. Там есть указание на то, что Распутина судили за хлыстовство, но дело почему-то было прекращено. Кроме того, известно, что радения приверженцев Распутина происходили на квартире Сазонова, где Распутин жил. Позвольте вам показать вырезку из заграничной газеты, где сказано, что на съезде масонов в Брюсселе говорили о Распутине, как об удобном орудии в их руках. Интрига эта в связи с последующими обстоятельствами совершенно ясна. Дело идет не только о троне и престиже царской семьи: ведь может быть и серьезная опасность для наследника.

— Как? — произнес с волнением государь.

— Ваша величество, ведь при наследнике нет серьезного ответственного лица, при нем деревенский парень Деревенько — он, может быть, очень хороший человек, но это простой крестьянин — невежественные люди, вообще, склонны к мистицизму. Что, если с наследником случится что-нибудь? — это всех волнует... Обаятельный ребенок, которого все так любят.

Государь, видимо, все время волновался. Он брал одну за другой папиросы и опять бросал.

Тогда я решил подойти с другой стороны и убедить государя, что Распутин обманщик. Я показал ему фотографию Распутина с наперсным крестом.

— Вы видите, ваше величество, Распутин не иерарх; он здесь изображен как бы священником.

Государь на это сказал:

— Да, уж это слишком. Он не имеет права надевать наперсного креста.

— Ваше величество, это кощунство. Он, невежественный мужик, не может надевать клобук и, кроме того, это дается при священстве. Вот другая фотография — «хлыстовский корабль», эта фотография была в «Огоньке», ее видела вся Россия. Вот Распутин, окруженный молодыми девушками, а вот и мальчики, он среди них.

Вот Распутин с двумя молодыми людьми: они держат доску, и на ней текст хлыстовский, а у Распутина в руках икона Божьей матери хлыстовская. Корабль, ведущий к повальному греху.

— Что это такое? — спросил государь.

— Прочитайте брошюру Новоселова, которую я вам представляю. Вот его фотография, где Распутин с двумя женщинами и подписано: «Путь, ведущий к спасению». Ведь это соблазн. А запрещение писать о нем невольно возбуждает мысль, что царь покровитель хлыстов. А если вспыхнет война? Где же престиж царской власти? Многие лица, близко стоящие ко Двору, называются как приверженцы Распутина. Слухи о том, что высшее общество подпало влиянию Распутина, как хлыста, дает повод пренебрежительно относиться к этому обществу — это унижает общество, унижает Двор. Несмотря на запрещение писать о нем, слухи и толки о Распутине с жадностью перепечатываются в провинциальных газетах.

— Читали ли вы доклад Столыпина? — спросил меня государь.

— Нет, я знал о нем, но не читал.

— Я ему отказал, — сказал государь.

— Жаль, — ответил я, — всего этого не было бы. Ваше величество, вы меня видите крайне взволнованным, мне тяжело было говорить вам жестокую истину. Я молчать не мог, не мог скрывать опасности положения и возможности страшных последствий. Я верю, что господь поставил меня посредником между царем и представителями народа, собранными по его державной воле, и мой долг русского и верноподданного сказать вам, государь: враги хотят расшатать трон и церковь и замарать дорогое для нас имя царя. Я всегда помню слова присяги: «О всяком же вреде и убытке его величеству своевременно извещать и предотвращать тщатися». Умоляю вас, во имя всего святого для вас, России, для счастья вашего наследства, прогоните от себя грязного проходимца, рассейте мрачные опасения верных трону людей...

— Его теперь здесь нет, — произнес государь.

— Позвольте мне всем говорить, что он не вернется? Государь помолчал немного и сказал:

— Нет, я не могу вам этого обещать — вашим же словам верю вполне.

— Верите ли вы, государь, что возбуждавшие запрос были движимы самыми верноподданническими чувствами и преданностью к престолу, что их побудили к тому те же чувства, которые заставили и меня вам докладывать?

— В вашем докладе я чувствовал искренность и верю Думе, потому что верю вам.

Мне хотелось узнать, остался ли доволен государь моим докладом.

— Ваше величество, — сказал я, — я шел сюда, готовый понести кару в случае, если бы я имел несчастье разгневать ваше величество. Если я превысил свои полномочия, скажите слово, и я сниму с себя звание председателя Государственной Думы. Я думал исполнить свой долг. Я считал своей прямой обязанностью довести все до вашего сведения. Видя, какое волнение вызывает это дело в Думе, я не мог молчать своему государю.

— Я вас благодарю. Вы поступили, как честный человек, как верноподданный.

— Ваше величество, позвольте мне просить у вас, в знак особой милости ко мне, счастья быть представленным наследнику цесаревичу.

— Разве вы его не знаете?

— Я никогда его не видал.

Государь велел позвать наследника, и я представился ему как «самый большой и толстый человек в России», чем вызвал его веселый смех. На мой вопрос, удачен ли был накануне сбор в пользу «колоса ржи» — этот удивительно симпатичный ребенок весь просиял и сказал: «Да, я один собрал пятьдесят рублей», это очень много.

Государь с доброй улыбкой смотрел на сына и добавил:

— Он целый день не расставался со своей кружкой.

Здесь государь встал и, протянув руку, сказал:

— До свидания, Михаил Владимирович.

И когда уходил, услышал громкий шепот наследника: «Кто это?» и ответ государя: «Председатель Думы».

Наследник выбежал за мной в переднюю и все время смотрел в стеклянную дверь. «Не простудитесь, — сказал я ему, — здесь дует». Он закричал: «Нет, нет, ничего». Рядом появился улыбающийся Деревенько, и я обратил внимание на всех, выстроенных в шеренгу лакеев, солдат и казаков. С какой любовью они смотрели на наследника.

Характерно, что старший камердинер государя Чемодуров, провожая меня, сказал: «Ваше превосходительство, вы бы почаще приезжали к нам. У нас мало кто бывает, и мы ничего нового не знаем».

Я был растроган доверием к себе и терпением, с каким я был выслушан до конца, особенно после всех предупреждений: «Он не будет слушать, он заупрямится, он рассердится и т. д.».

Когда я вернулся домой, у меня произошел интересный разговор с управляющим собственной его величества канцелярией А. С. Танеевым в телефон:

— Михаил Владимирович, скажите мне, отчего меня хотят видеть два члена Думы?

— Не могу вам сказать, ничего от них не слышал.

— Я боюсь, что они по поводу Григория.

— Какого Григория?

— Да вы знаете... Григория (заикаясь) Распутина.

— Что общего между вами и Распутиным, какая связь?

— Так знаете... Я думал...

— Рад, что вы сами признаете, что с вами есть причина говорить об этом мерзком хлысте. Я вам скажу, что если вы честный человек, вы должны его убрать из Царского — и вы знаете как.

— Я ничего не знаю.

— Нет, вы знаете и если не исполните своего долга честного человека, вся ненависть России падет на вашу голову. Ваше имя все связывают с проклятием России — Распутиным.

— (Издает какие-то звуки...). До свидания...

В тот же вечер я поехал в Думу и был моментально окружен депутатами, которым в кратких словах сообщил содержание доклада и о милостивом ко мне отношении государя. На всех мой рассказ произвел хорошее впечатление. Самым близким же я передал все дословно.

28 февраля утром мне из Царского Села позвонил по телефону дворцовый комендант генерал-адъютант В. Н. Дедюлин и просил заехать к нему на городскую квартиру. С Дедюлиным мы были старые школьные товарищи и друзья, почему разговор наш носил интимный характер.

Дедюлин сообщил мне следующее: «Стало известно, что после твоего доклада государь почти не прикасался к еде за обедом, был задумчив и сосредоточен. На докладе моем на другой день я позволил себе спросить его: «Ваше величество, у вас с докладом был Родзянко. Кажется, он очень утомил вас?». Государь ответил: «Нет, нисколько не утомил. Видно, что Родзянко верноподданный человек, не боящийся говорить правду. Он сообщил мне многое, чего я не знал. Вы с ним товарищи по корпусу, передайте ему, чтобы он произвел расследование по делу Распутина. Пусть он из синода возьмет все секретные дела по этому вопросу, хорошенько все разберет и мне доложит. Но пусть об этом пока никто не будет знать».

Я был поражен этим известием и вечером того же дня собрал членов Государственного Совета В. И. Карпова и депутатов: Каменского, Шубинского и Гучкова. Мы до поздней ночи обсуждали, как лучше поступить. На другой день я вызвал Даманского, товарища обер-прокурора, в Думу с тем, чтобы он привез требуемое дело. Даманский явился. Я решил представиться ничего не знающим, чтобы

лучше все выпытать от Даманского. Это очень ловко удалось. Он выболтал все, что надо было знать. Стараясь убедить меня в чистоте и святости Григория, он сказал, что многие почтенные и видные лица уважают старца и любят с ним беседовать; назвал много имен и подтвердил многие данные, переданные мне раньше разными лицами. Сказал, что Распутин живет у Сазонова, почтенную семью которого он, Даманский, знает хорошо, что там бывают: гофмейстер Танеев, генеральша Орлова, «такой уважаемый человек», как епископ Варнава, графиня Витте и многие другие. На все это я выражал удивление и поддакивал. Даманский держал все время портфель в руках и доказывал мне, что никакого значения это дело не имеет и не стоит его смотреть. Расписывая далее добродетели старца, Даманский выражал негодование на все сплетни и клевету, которые распускаются всюду про него:

— Говорят, что он хлыст, развратник, и даже дошли до того, что будто бы императрица Александра Феодоровна живет с ним...

Здесь я ударил кулаком по столу, встал во весь рост, сбросил наивный вид, сделал свирепое лицо и закричал так, чтобы рядом было слышно:

— Вы, милостивый государь, с ума сошли! Как вы смеете говорить при мне подобную гнусность. Вы забываете, про кого и кому вы это говорите!.. Я вас слушать не желаю.

Мой гнев для него был так неожидан, что он побледнел, согнул спину и стал извиняться. Его грязная цель понятна. Он вообразил, что одурачил меня, хотел вызвать меня на скользкий путь сплетен, услышать от меня какие-нибудь сальные подробности и передать кому следует. Он был уверен, что я, удовлетворяясь его объяснениями, дела совсем не возьму, и был поражен, когда я решительным жестом взял папку у него из рук, запер в стол и положил ключ в карман со словами:

— По приказанию государя императора я подробно ознакомлюсь с этим делом и вас извещу.

Получив нужные документы, я немедленно засадил всю канцелярию, всех присяжных переписчиц за копирование дела в полном его объеме, и вместе с начальником думской канцелярии Я. В. Глинкой мы составили план работ по столь щекотливому делу. На другой же день Даманский по телефону потребовал от меня частной беседы у меня на квартире. Я сразу понял, что здесь готовится подвох, и ответил ему, что в служебных делах я не признаю частных бесед и прошу его пожаловать в три часа в мой кабинет — в Государственную Думу, — и сразу же повесил трубку во избежание ненужных объяснений.

Когда я приехал в Думу, то Даманский был уже там, но, к моему немалому удивлению, его сопровождал протоиерей Александр Васильев, законоучитель царских детей. Такое появление отца протоиерея меня немало удивило и, догадываясь, что на меня готовится какой-то натиск, я решил разъединить их. Я рассадил их по разным кабинетам.

Первая моя беседа была с Даманским, который заявил мне, что он имеет поручение получить обратно все дело о Распутине. Я выразил удивление такому требованию и сказал, что раз состоялось высочайшее повеление по данному делу, то оно может быть отменено только таким же путем — высочайшим повелением или словесно переданным через генерал-адъютанта или статс-секретаря, или же письменным повелением. Тогда Даманский, несколько волнуясь, путаясь и понизив голос, стал мне объяснять, что высочайшего повеления он не имеет, но что этого требует одно очень высокопоставленное лицо.

— Кто же это? Саблер? — спросил я.

— Нет, повыше, — махнув рукой, ответил Даманский.

— Да кто же? — сказал я, делая удивленное лицо.

Помявшись немного, Даманский отвечал:

— Императрица Александра Феодоровна.

— В таком случае передайте ее величеству, что она такая же подданная своего августейшего супруга, как и я, и что оба мы обязаны в точности исполнять его повеление. А потому я ее желания исполнить не могу.

— Как, — воскликнул недоуменно Даманский, — и я должен ей это передать? Но ведь она этого хочет.

— К сожалению, — ответил я, — я ее желание, все-таки, исполнить не могу, — и ввиду попыток Даманского убедить меня я прекратил с ним разговор.

Затем я вызвал отца Васильева. Он передал мне, что императрица Александра Феодоровна поручила ему высказать мне свое мнение о старце:

— Это вполне богобоязненный и верующий человек, безвредный и даже скорее полезный для царской семьи.

— Какая же его роль, особенно по отношению к детям, в царской семье?

— Он с детьми беседует о боге, о вере.

Меня эти слова взорвали:

— Вы мне это говорите, вы, православный священник, законоучитель царских детей. Вы допускаете, чтобы невежественный, глупый мужик говорил с ними о вере, допускаете, чтобы его вредный гипноз влиял на детские души? Вы видите роль и значение в семье этого невежественного сектанта, хлыста, и вы молчите. Это преступное попустительство, измена вашему сану и присяге. Вы все

знаете и из угодливости молчите, когда бог вам дал власть, как слугителю алтаря, открыто бороться за веру. Значит, вы сами сектант и участвуете в сатанинском замысле врагов царя и России — забросать грязью престол и церковь...

Несчастный священник был страшно поражен моими словами, бледнел и дрожащим голосом сказал.

— Никто никогда не говорил со мной так, как вы. Ваши слова открыли мне глаза. Скажите, что я должен делать?

— Идите и скажите от моего имени царице, что, если она не хочет губить мужа и сына и расшатать престол, она должна навсегда прогнать от себя этого грязного хлыста. Положение серьезное: никакая революционная пропаганда не могла бы сделать более вреда монархии и более уронить достоинство царского дома. Если вы опять будете молчать и не откроете всю правду, — крест, который вы носите на груди, сожжет вам душу и сердце.

Он потом говорил Волконскому «Я трепещущий вышел от председателя и почувствовал, сколько в его словах силы и истины».

Впоследствии мне сообщили, что священник Васильев все передал императрице в исковерканном виде, еще более восстановив ее против меня. Он поддерживал ее в увлечении Распутиным и, одним словом, играл все ту же двойственную роль.

От Гучкова я узнал, что все приверженцы Распутина забеспокоились, смущенные моим продолжительным докладом у государя, и решили выписать Распутина.

Княгиня З. Н. Юсупова по телефону сообщила, что высылка Распутина так подействовала на императрицу, что она захворала и легла в постель. Интересен факт, но после запроса в Думе императрица написала В.Н. отчаянное письмо на восьми страницах, где она жаловалась на клевету и несправедливые нападки на них: «Нас не любят и стараются нам повредить. Этот запрос — революционный акт». Она в этом письме писала столько жалоб на их ужасное положение, что Юсуповой стало жалко царицу, и она передала в телефон, что собирается прийти к ней на другой день. Но, вероятно, происками Вырубовой ей сказали, что императрица больна и никого не принимает.

Только 9 марта 1912 года ей удалось быть у императрицы. Это уже было после речи Гучкова по поводу сметы синода, где он упоминал о Распутине.

Княгиня З.Н. Юсупова серьезно и убедительно говорила, подтверждая мои слова государю, но со стороны императрицы встретила сильный отпор, возбуждение и негодование. Она высказала свое неудовольствие по по-

воду моего доклада государю и особенно сердилась на мой отказ вернуть дело о Распутине:

— По какому праву он задерживает дело и не хочет его вернуть?

Княгиня З.Н. Юсупова убеждала ее верить словам председателя Думы:

— Это честный и верный человек.

— Нет, вы, не знаете, что он сказал отцу Васильеву; Родзянко и Гучкова мало повесить.

Княгиня З.Н. Юсупова в порыве негодования сказала:

— Как вы можете говорить подобные вещи? Благодарите Бога, что находятся еще честные люди, которые правду доводят до сведения государя. Распутин должен быть изгнан. Это хлыст, который злоупотребляет своим положением при вас.

— Нет, нет, на него клеветают, он святой человек.

Когда дела, переданные Даманским, были изучены во всей полноте, раскрылась грязная эпопея этого вредного человека.

Первый донос, обвиняющий Распутина в сектантстве хлыстовского толка, был сделан тобольским уездным исправником тобольскому губернатору еще в 1902 году на основании официального сообщения местного священника села Покровского. Губернатор препроводил все дело на распоряжение местного архиерея преосвященного Антония. Последний поручил сделать дознание одному из миссионеров епархии. Миссионер энергично взялся за дело. Он представил обширный доклад, изобилующий документальными данными, сделал обыск в квартире Распутина, произвел несколько выемок вещественных доказательств и раскрыл много бывших неясными обстоятельств, несомненно изобличающих принадлежность Распутина к хлыстовству. Некоторые из этих подробностей, указанные в докладе, были до того безнравственны и противны, что без отвращения нельзя было их читать.

Получив доклад миссионера, епископ Антоний поручил изучить его специалисту по сектантским делам инспектору тобольской духовной семинарии Березкину. Дело затянулось, и во время его производства Распутин успел уехать в Петербург и там постепенно, как уже мною сообщено, втерся в доверие ко многим высокопоставленным лицам и получил доступ к высочайшему Двору. Между тем при обозрении следствия, произведенного весьма толково и обстоятельно Березкиным, подкрепленного свидетельскими показаниями, письмами, ссылками на догматы хлыстовского вероучения, не могло быть сомнения в том, что Распутин заправский хлыст, притом высшего полета, умелый пропагандист и растлитель душ православного простодушного

люда. Он ввел, по данным следствия, несомненную связь со многими пророками хлыстовства, между которыми играл не последнюю роль. Березкин в своем докладе тобольскому епископу заявил, что для него нет никаких сомнений в сектантстве Распутина, но, считая, что дело должно быть направлено светской власти для судебного преследования вредного еретика, Березкин полагал необходимым произвести некоторые дополнительные исследования и засим уже передать дело прокурорскому надзору. Преосвященный Антоний тобольский на основании такого заключения предписал тобольской духовной консистории в точности исполнить указания Березкина и передать Григория Ефимова Распутина в распоряжение судебной власти. Пока длилась эта процессуальная волокита, Распутин вернулся из Петербурга в родное село. Но вернулся он отсюда с значительными денежными средствами, начал строить себе прекрасный дом с богатой обстановкой. Он хвастается уже открыто милостями членов царского дома — показывает всем их подарки: например, богатый золотой крест на золотой цепи, медальон с портретом императрицы Александры Феодоровны, портреты высокопоставленных лиц с соответствующими надписями, щеголяет в богатых собольих шубах, словом, из гонимого сектанта преобразается во влиятельное лицо, перед которым многие уже начинают заискивать.

После резолюции епископа о привлечении Распутина к суду дело заканчивается указом синода о бытии по высочайшему повелению преосвященному Антонию, епископу тобольскому, — архиепископом тверским и кашинским, то есть перемещением епископа. Так и не состоялся суд над еретиком. Впоследствии я узнал от весьма компетентных лиц, что, во избежание излишнего скандала, тобольскому епископу предложили на выбор: или прекратить начатое против Распутина дело и ехать с повышением в архиепископы в Тверь, или же удалиться на покой. Он избрал первый вариант, и дело Распутина заглохло.

Изучив всесторонне и обстоятельно все порученное мне дело, я составил сжатый доклад и 8 марта 1912 года послал государю свою просьбу о приеме меня для доклада ему во исполнение возложенного на меня высочайшего поручения.

На мое ходатайство о всеподданнейшем докладе долго не было ответа. Мне стало известно, что императрица упорно сопротивляется моему вторичному докладу с документами в руках. Наконец, за несколько дней до отъ-

езда царской семьи в Крым председатель Совета Министров В. Н. Коковцов получил мое ходатайство о приеме, на котором государь начертал: «Прошу В.Н. передать председателю Думы, что я его принять не могу и не вижу в этом надобности, так как полторы недели тому назад я его принимал. Кроме того, прения по смете синода приняли неправильное направление, которое мне не нравится. Прошу вас и председателя Думы принять меры к тому, чтобы этого не повторялось».

Мы оба обомлели, читая эти строки, которыми был нанесен афронт Думе и оскорбление ее председателю, так как по основным законам последний сносится непосредственно с верховной властью. Здесь же передавалось поручение через премьера, который на это прав не имел. Я объявил Коковцову, что достоинство Думы оскорблено и мне придется выйти в отставку и снять с себя придворное звание. Получился бы конфликт между Думой и царем, то есть как бы революционное направление Думы, что еще более осложнило бы и без того тяжелое положение.

Тогда мы решили следующее: Коковцов должен ехать на следующий день в Царское, объяснить государю неловкость его ответа и добиться или приема или личного письма по адресу председателя Думы. Так и было сделано. Коковцов хорошо исполнил поручение, передал мои слова и желание выйти в отставку и снять придворное звание. На что государь сказал:

— Я обижать его не хотел, напротив, я им очень доволен. Дума стала другая при нем: ассигновали на флот и артиллерийское ведомство... Что же делать?

Коковцов посоветовал написать собственноручное письмо, и на другой день я получил его со следующим содержанием: «Не имея времени перед отъездами в Крым принять вас, прошу доставить письменный доклад».

Письмо я сохранил у себя.

От Думы я скрыл этот инцидент и сообщил только о собственноручном письме с просьбой прислать письменный доклад. И то многие выражали негодование, что государь принимал Балашева, студентов-академиков, многих представлявшихся лиц, а для председателя Думы времени не нашлось.

Я тотчас же принялся за составление письменного доклада, в чем мне особенно помогал В. И. Карпов и начальник канцелярии Думы Я. В. Глинка.

Доклад вышел убедительный, в особенности в заключении, где говорилось о том, какие надо принять меры для успокоения взволнованного общества и упорядочения церкви. Вернуть Гермогена, выгнать Распутина и созвать

собор. Во время составления доклада ко мне от лица Гермогена явился Родионов, чтобы передать, что он знает о моем разговоре с царем в защиту православия, что посылает свое благословение, молится за меня и просит и впредь крепко стоять за веру православную.

Распутин между тем опять явился в Петербург и, как сообщали газеты, был встречен сборищем своих приверженцев на квартире госпожи Головиной. Этот раз по пятам за ним следила полиция и корреспонденты. Друзья Распутина доставили его в Царское, но, несмотря на их старания, до императрицы он допущен не был. На шестой неделе великого поста царская фамилия уехала в Крым. Вырубова умудрилась посадить Распутина в свитский поезд в купе князя Туманова. Кто-то доложил об этом государю. Государь страшно рассердился, что его ослушались, велел остановить поезд на станции Тосно, высадить Распутина и с агентом тайной полиции отправить в Тобольскую губернию.

Итак, мои слова достигли желаемого результата. С тех пор Распутин при Дворе некоторое время не появляется. Он приезжает в Петербург на два дня, оставаться дольше он не смеет. Директор департамента полиции жаловался мне:

— Он так мне надоел. За ним надо следить — он прямо с вокзала отправляется в баню с двумя какими-нибудь бабынями.

Я уверен, что императрица, конечно, моего вмешательства не простила. О судьбе моего доклада я ничего не знал: ни ответа, ни возражения. Читал ли его государь — я сведений не имел. Говорили, впрочем, что государь читал в Крыму доклад вместе с герцогом Гессенским.

V

В Думе начали упорно говорить, что Распутин опять появился в Петербурге. Я получил бумагу из Царицына со многими подписями, в которой просили принять меры и сообщали, что жителям Царицына известно, будто Распутин находится у В.К.Саблера и снова бывает при Дворе. Я послал эту бумагу Саблеру с письмом, прося дать этим лицам исчерпывающий ответ. Саблер ответил письменно довольно неприятным тоном, что Распутина он не видал и с ним ничего общего не имеет. Вслед за его письмом ко мне официально приехал новый министр внутренних дел Маклаков и заявил, что государю императору известно, будто в Думе готовят опять запрос по поводу Распутина, и что председатель этот запрос поддерживает. Государь поручил Маклакову передать, что это ему не нра-

вится и он не желает, чтобы вопрос о Распутине вновь поднимался в Думе. Я ответил Маклакову, что ничего подобного нет, а что, вероятно, донес об этом Саблер, и рассказал ему о письме из Царицына. В скором времени на обеде у Коковцова я встретился с Саблером и высказал ему свое негодование по поводу того, что он позволил себе извратить жалобу царицынских граждан на присутствие Распутина в доме обер-прокурора Синода. Саблер был чрезвычайно сконфужен и в замешательстве заверял, что я не так его понял. С своей стороны, я предупредил Саблера, что буду иметь всеподданнейший доклад по этому делу. При первом же докладе я представил дело в таком виде:

«Бю вашему величеству челом на обер-прокурора Святого Синода в том, что он преднамеренно ввел вас в заблуждение относительно петиции царицынских граждан, покрытой чуть ли не пятьюстами подписей. Раз жалоба касалась действий обер-прокурора, то ведь нормальный порядок требует, чтобы это дело было передано первоисточнику, то есть самому обер-прокурору — напрасно он на это жаловался вашему величеству. Что же касается второй стадии дела, переданной мне по высочайшему повелению Н.А.Маклаковым, то здесь уже сплошной вымысел. Настроение Думы совершенно неверно истолковано; о Распутине разговоры в Думе затихли, никаких запросов о нем не предполагается делать, а поэтому я считаю, что г. обер-прокурор Святого Синода просто наклеветал на меня, в каких целях — мне, конечно, неизвестно».

Государь, внимательно выслушав мой доклад, вполне согласился с моими доводами.

На том же докладе я воспользовался милостивым расположением государя и доложил ему дело о священнике Дмитриеве.

Священник Дмитриев, член Государственной Думы III созыва, за свою принадлежность к партии октябристов после окончания сессии подвергся преследованиям екатеринославского архиерея Агапита. Последний лишил его места, отстранил его от преподавания в гимназии. Несчастный священник остался без куска хлеба на руках бывших прихожан, которые содержали его из милости, и терпел преследования. Я ходатайствовал о восстановлении священника Дмитриева во всех правах. Государь записал все это в книжку, обещав удовлетворить ходатайство, что действительно и совершилось.

Несмотря на то, что при докладе пришлось затронуть щекотливый вопрос о Распутине, аудиенция окончилась милостиво, и когда я попросил позволения при романов-

ских торжествах сказать приветственное слово, его величество разрешил мне это¹.

Торжества назначены были в феврале. В то время в Думе стали ходить слухи, будто Государственный Совет намеревается преподнести императорской семье икону. Проверив этот слух, члены Думы решили, что и они не должны отстать от Государственного Совета.

Я собрал сеньорен-конвент, на котором согласились, что Дума должна преподнести икону царской семье. Был командирован Щепкин, секретарь председателя Думы, в Москву к профессору Остроухову, который указал на чудный, редкий старинный образ. Тот же Остроухов предложил купить старинный плат, на котором изображена встреча Михаилом Феодоровичем своего отца Филарета Никитича, въезжающего в Москву. Плат этот длиной в двадцать четыре аршина из белого холста, по которому шелками вышиты процессии бояр и боярынь в разнообразных и разноцветных костюмах, рынды с оружием, Филарет, выходящий из колымаги, крестьяне с хлебом-солью, Михаил Феодорович, простирающийся ниц перед отцом; вдали Москва, Кремль и купола церквей, а над всем этим пресвятая Троица и ангелы, трубящие славу. Купили под старинный рисунок парчу и сделали два футляра. Они перевязывались длинными золотыми шнурами, на концах которых висела старинные орлы с драгоценными камнями и золотые кисти. Все вышло очень красиво и подходило к случаю. Дума одобрила и согласилась пополнить излишек истраченной суммы.

В день открытия романовских торжеств, которые начались с литургии и молебна в Казанском соборе, которые совершал патриарх Антиохийский в облачении, пожалованном ему государем, мне сообщили, что Г. Думе отведено неподходящее ее достоинству место. Действительно, оказалось, что Государственная Дума была поставлена далеко сзади не только Государственного Совета, но и сената. Если романовские торжества должны были носить характер народного празднества, то нельзя было забывать, что в 1613 году народ в лице земского собора, а не группа сановников избрала царем Михаила Феодоровича Романова.

Я указал на это обер-церемониймейстеру барону Корфу и графу Толстому и после неприятного спора добился того, что сенат должен был уступить нам свое место и был отодвинут значительно в глубь собора. Покончив с этим делом, я вышел на паперть отдохнуть, так как до приезда членов Думы было достаточно времени. Должен оговориться: чтобы упрочить «занятую позицию», я оцепил места депутатов со-

¹ Никаких речей на этих торжествах, согласно церемониалу, не должно было быть

ставом приставов Государственной Думы. Не прошло и десяти минут, как за мной прибежал взволнованный старший пристав барон Ферзен и доложил, что, не взирая на протесты его и его помощника, какой-то человек в крестьянском платье и с крестом на груди встал впереди Государственной Думы и не хочет уходить. Догадавшись, в чем дело, я направился в собор к нашим местам и там, действительно, застал описанное бароном Ферзеном лицо. Это был — Распутин. Одет он был в великолепную темно-малинового цвета шелковую рубашку-косоворотку, в высоких лаковых сапогах, в черных суконных шароварах и такой же черной поддевке. Поверх платья у него был наперсный крест на золотой художественной цепочке. Подойдя к нему вплотную, я внушительным шепотом спросил его:

— Ты зачем здесь?

Он на меня бросил нахальный взгляд и отвечал:

— А тебе какое дело?

— Если ты будешь со мной говорить на «ты», то я тебя сейчас же за бороду выведу из собора. Разве ты не знаешь, что я председатель Государственной Думы?!

Распутин повернулся ко мне лицом и начал бегать по мне глазами: сначала по лицу, потом в области сердца, а потом опять взглянул мне в глаза. Так продолжалось несколько мгновений.

Лично я совершенно не подвержен действию гипноза, испытал это много раз, но здесь я встретил непонятную мне силу огромного действия. Я почувствовал накапливающую во мне чисто животную злобу, кровь отхлынула мне к сердцу, и я сознавал, что мало-помалу прихожу в состояние подлинного бешенства.

Я в свою очередь начал прямо смотреть в глаза Распутину и, говоря без каламбуров, чувствовал, что мои глаза вылезают из орбит. Вероятно, у меня оказался довольно страшный вид, потому что Распутин начал как-то ежиться и спрашивал:

— Что вам нужно от меня?

— Чтобы ты сейчас убрался отсюда, гадкий еретик, тебе в этом святом доме нет места.

Распутин нахально отвечал:

— Я приглашен сюда по желанию лиц более высоких, чем вы, — и вытащил при этом пригласительный билет.

— Ты известный обманщик, — возразил я. — Верить твоим словам нельзя. Уходи сейчас вон, тебе здесь не место...

Распутин искоса взглянул на меня, звучно опустил на колени и начал бить земные поклоны. Возмущенный этой дерзостью, я толкнул его в бок и сказал:

— Довольно ломаться. Если ты сейчас не уберешься отсюда, то я своим приставам прикажу тебя вынести на руках.

С глубоким вздохом и со словами: «О, господи, прости его грех», Распутин тяжело поднялся на ноги и, метнув на меня злобным взглядом, направился к выходу. Я проводил его до западных дверей, где выездной казак подал ему великолепную соболью шубу, усадил его в автомобиль, и Распутин благополучно уехал.

Этот эпизод был рассказан гораздо позже, летом 1913 года самим Распутиным члену Думы Ковалевскому, который случайно ехал с ним в одном поезде. Распутин начал с того, что бранил меня и спрашивал, за что члены Думы любят своего председателя, а потом сказал: «Он нехороший человек. Вы знаете, что он сделал во время торжеств? Он меня даже из Казанского собора выгнал, а не спросил, что сам царь сказал мне, чтобы я там был».

Ковалевский, рассказывая мне об этой встрече, добавил: «Я, признаться, не верил вам, думал, что вы прихватули, когда говорили, что выгнали его из храма».

...4 июня 1914 года газеты принесли известие, что Распутин убит. Какая-то уродливая безногая женщина подошла к нему в селе Покровском Тобольской губернии и «пырнула» его ножом в живот. Распутин послал в Царское телеграмму: «Кака-то стерва пырнула меня в живот ножом». Это сделала бывшая его поклонница. Она заявила, что хотела его убить за то, что он обманывал всех, за то, что он ложный пророк, что задумала это она сама и сообщников не имеет. В газетах писали, что благословил ее на это дело Илиодор, но она отрицала. Истеричная женщина на допросе то плакала, то была очень возбуждена. Газеты обрадовались случаю и опять начали писать о похождениях Распутина; вспоминали все старое, забытое. Писали, что выехал лейб-хирург Федоров, что поехали из Петербурга поклонницы, в том числе и Вырубова, что у Распутина началась агония. Однако ликование оказалось преждевременным. Следующие известия были, что Распутин твердит: «Выживу, выживу». Ему действительно становилось лучше, и писать о нем прекратили.

В результате он все-таки выжил.

...Принял великий князь меня любезно, сказал, что он должен ехать в Брест на совет командующих армиями, и предложил проехать туда с ним.

...Вообще, великий князь очень охотно выслушивал все, что я говорил ему, а в заключение просил приезжать почаще и обо всем его осведомлять. Когда зашла речь о Распутине, я передал ему петроградские слухи. Говорили, что Распутин хотел приехать в Ставку и запросил телеграммой и будто бы Николай Николаевич ответил:

«Приезжай — повешу».

На вопрос, правда ли это, великий князь засмеялся и сказал:

— Ну, это не совсем так.

По его ответу было ясно, что что-то в этом роде имело место.

Великий князь жаловался на пагубное влияние императрицы Александры Феодоровны. Он откровенно говорил, что она всему очень мешает. В Ставке государь бывает со всем согласен, а приехав к ней, меняет свое решение. Он сознавал, что императрица его ненавидит и определенно желает его удаления.

...В газетах промелькнуло известие, что княгиня С.Н.Васильчикова, жена члена Государственного Совета, уезжает в свое имение в Новгородскую губернию. Все поняли, что Васильчикова уезжает не по своей воле. И скоро все знали, что Васильчикова написала письмо царице о Распутине. Так же, как Васильчикова, пострадал обер-гофмейстер Кауфман-Туркестанский.

...В ночь на 17 декабря 1916 года произошло событие, которое по справедливости надо считать началом второй революции — убийство Распутина. Вне всякого сомнения, что главные деятели этого убийства руководились патриотическими целями. Видя, что легальная борьба с опасным временщиком не достигает цели, они решили, что их священный долг избавить царскую семью и Россию от окутавшего их гипноза. Но получился обратный результат. Страна увидела, что бороться во имя интересов России можно только террористическими актами, так как законные приемы не приводят к желаемым результатам. Участие в убийстве Распутина одного из великих князей, члена царской фамилии, представителя высшей аристократии и членов Государственной Думы как бы подчеркивало такое положение. А сила и значение Распутина как бы подтверждались теми небывальными репрессиями, которые были применены императором к членам императорской фамилии. Целый ряд великих князей был выслан из столицы в армию и другие места. Было в порядке цензуры воспрещено газетам писать о старце Распутине и вообще о старцах. Но газеты платили штрафы и печатали мельчайшие подробности этого дела.

Политика правительства как бы назло общественному мнению повернула еще правее, и доверие оказывалось только сторонникам Распутина. Результатом шума, поднятого возле этого дела, было то, что террористический акт стал всеми одобряться, и получилось внутреннее убеждение, что раз в нем участвовали близкие к царской чете лица и представители высших слоев общества, — значит, положение сделалось безвыходным.

Еще с зимы 1913—1914 годов в высшем обществе только и было разговоров, что о влиянии темных сил. Определенно и открыто говорилось, что от этих «темных сил», действующих через Распутина, зависят все назначения как министров, так и должностных лиц. Приближенные ко Двору вовсе не отдавали или не хотели отдавать себе отчета, какими губительными последствиями для династии грозит такое положение вещей. Возмущались решительно все, но... почти все молчали и покорялись. При таком настроении общества вспыхнула в июле 1914 года мировая война. Всеобщий горячий и искренний патриотический подъем народного духа на время отодвинул на задний план все внутренние тревоги и опасения русского общества. Казалось, что перспективы жестокой, требовавшей жертв войны сгладили все разногласия и общество слилось на одной мысли — «война до победоносного конца».

Но распутинцы не дремали. Скоро опять начались их происки, направленные к тому, чтобы поставить правительство в оппозиционное положение к обществу. Осторожно, опытной рукой была пущена легенда о назревавшем революционном настроении в стране: хотели возбудить недоверие власти к народу. Никакой почвы для таких страхов тогда не было, но русское общество было взято правительством под подозрение, и эта политика недоверия упорно проводилась властью вплоть до дней переворота. Так как в большинстве случаев министры назначались по указаниям Распутина, то я в праве утверждать, что именно из недр его кружка исходил лозунг разъединения общества и правительства. Патриотический подъем сменился тревогой, и роковое слово «измена» сначала шепотом, тайно, а потом явно и громко пронеслось над страной. Пораженческое движение подняло голову, и пропаганда преступных и предательских мыслей стала все более и более усиливаться, захватывая колеблющихся и малодушных.

Я заканчиваю на этом описание жизненного пути Распутина, пройденного им в истории русского государства. Ручаясь за точность приведенных мною фактов, я вижу, как они складываются в определенную и бесформенную картину того громадного влияния, которое имел Распутин через императрицу Александру Феодоровну на ход государственных дел. Сомнениям в этом случае нет места, но при близком наблюдении всех указанных мною явлений меня всегда поражала плановость действий распутинского кружка. Как будто он вел дело к заранее обдуманной и твердо намеченной цели.

Я далек от мысли утверждать, что Распутин являлся вдохновителем и руководителем губительной работы своего кружка. Умный и пронырливый по природе, он же был

только безграмотный необразованный мужик с узким горизонтом жизненным и, конечно, без всякого горизонта политического, — большая мировая политика была просто недоступна его узкому пониманию. Руководить поэтому мыслями императорской четы в политическом отношении Распутин не был бы в состоянии. Если бы он один был приближенным к царскому дому, то, конечно, дело ограничилось бы подарками, подачками, может быть, некоторыми протекциями известному числу просителей и только. С другой стороны, следует совершенно и раз навсегда откинуть недобрую мысль об «измене» императрицы Александры Феодоровны. Комиссия Временного Правительства под председательством Муравьева с участием представителей от совета рабочих и солдатских депутатов, занимавшаяся этим вопросом специально по документальным данным, совершенно отвергла это обвинение. Быть может, императрица Александра Феодоровна полагала, что сепаратный мир с Германией был более выгоден для России, чем дальнейшее участие в союзе с Антантой, но фактически это установлено не было. Тем менее можно говорить об «измене» русскому делу императора Николая II, он погиб мученической смертью именно в силу верности данному слову.

А между тем совершенно ясно, что вся внутренняя политика, которой неуклонно держалось императорское правительство с начала войны, неизбежно и методично вела к революции, к смуте в умах граждан, к полной государственно-хозяйственной разрухе.

Довольно припомнить министерскую чехарду. С осени 1915 года по осень 1916 года было пять министров внутренних дел: князя Щербатова сменил А. Н. Хвостов, его сменил Макаров, Макарова — Хвостов старший и последнего — Протопопов. На долю каждого из этих министров пришлось около двух с половиной месяцев управления. Можно ли говорить при таком положении о серьезной внутренней политике? За это время было три военных министра: Поливанов, Шувалов, Беляев. Министров земледелия сменилось четыре: Кривошеин, Наумов, граф А. Бобринский и Риттих. Правильная работа главных отраслей государственного хозяйства, связанного с войной, неуклонно потрясалась постоянными переменами. Очевидно, никакого толка произойти от этого не могло; получался сумбур, противоречивые распоряжения, общая растерянность, не было твердой воли, упорства, решимости и одной определенной линии к победе.

Народ это наблюдал, видел и переживал, народная совесть смущалась, и в мыслях простых людей зарождалось такое логическое построение: идет война, нашего брата,

солдата, не жалеют, убивают нас тысячами, а кругом во всем беспорядок, благодаря неумению и нерадению министров и генералов, которые над нами распоряжаются и которых ставит царь.

Все то, что творилось во время войны, не было только бюрократическим легкомыслием, самодурством, безграничной властью, не было только неумением справиться с громадными трудностями войны, это была еще и обдуманная и упорно проводимая система разрушения нашего тыла, и для тех, кто сознательно работал в тылу, Распутин был очень подходящим оружием.

Вот почему я утверждаю, что тяжкий грех перед родиной лежит на всех тех, кто мог и обязан был бороться с этим уродливым явлением, но не только не боролся, но еще и пользовался им во вред России.

Интересно, что охранники, которые дежурили около квартиры Распутина и которых он в роковую ночь отпустил перед тем, как за ним приехал автомобиль от Юсупова, — на утро явились и, не подозревая об убийстве, заняли свои посты. Слухи об убийстве Распутина ходили еще задолго до того, как это совершилось, а после убийства полиция бросилась по всем направлениям. Заподозрила даже моих сыновей, и под видом грабежа у меня на квартире произвели обыск. Какие-то люди выломали замок в парадной двери, перерыли комоды и ящики, ничего из одежды не унесли, зато разбросали на квартире все бумаги.

Надеялись, что убийство даром не пройдет, что в Царском Селе наконец опомнятся, послушают предостережений или просто испугаются. Вышло совсем наоборот. Как бы назло стали выдвигать тех, кто был сторонником Распутина.

...Протопопов не только продолжал играть в Царском роль, но и, по-видимому, заменил Распутина. Рассказывали, что он занимается спиритизмом и вызывает дух Распутина. Считаю не безынтересным упомянуть, что мне рассказывал граф Д. М. Граббе. Его пригласил к завтраку известный князь Андронников, обделявавший дела через Распутина. Войдя в столовую, Граббе был поражен, увидев в соседней комнате Распутина. Недалеко от стола стоял человек, похожий как две капли на Распутина: борода, волосы, костюм — все было под Распутина. Андронников пытливо посмотрел на своего гостя. Граббе сделал вид, что он вовсе не поражен. Человек постоял, постоял, вышел из комнаты и больше не появлялся.

СЕРГЕЙ ТРУФАНОВ
(Бывший иеромонах Илиодор)



СВЯТОЙ ЧЕРТ



С.Труфанов. «Святой черт»
Журнал «Голос минувшего». №3, 1917 г.

Сергей Михайлович Труфанов, иеромонах Илиодор (1881—1952) — реакционный проповедник, фанатик-черносотенец, пользовавшийся в 1908—1912 гг. сильным влиянием в определенных кругах столицы и при дворе. Учитель, защитник и близкий друг Григория Распутина. Ссора с ним привела к падению иеромонаха. В 1912 г. Илиодор публично отрекся от «бога, веры и церкви», был сослан, а после организации покушения на Гришку бежал в Норвегию. Там он издал свои скандальные воспоминания о Распутине, которые наделали много шума в столице.

Слухи о нем. — Встреча с ним. — Первый его приезд в Царицын. — Моя поездка с ним в село Покровское. — Второй приезд Распутина в Царицын. — Третий приезд.

В конце 1902 года, в ноябре или декабре месяце, когда я, обучаясь в С.-Петербургской духовной академии, действительно готовился к принятию ангельского образа — монашества, среди студентов пошли слухи о том, что где-то в Сибири, в Томской и Тобольской губерниях, объявился великий пророк, прозорливый муж, чудотворец и подвижник по имени Григорий.

В религиозных кружках студенческой молодежи, группировавшихся вокруг истинного аскета, тогдашнего инспектора академии — архимандрита Феофана, рассуждения о новоявленном пророке велись на разные лады.

От этих толков о «старце» я оставался в стороне. Мне некогда было ими заниматься и к ним прислушиваться. Отчасти потому, что я, привезши в начале 1902 года из Кронштадта в академию некоего Митю-блаженненького, о котором подробная речь будет ниже, на примере этого блаженного уже успел разочароваться в новых юродивых и прозорливых; а главным образом, потому, что я тогда самым серьезным образом готовился отречься от мира и вступить на путь самоотверженного служения истине и ближним.

Но были моменты, когда вопрос о «старце» Григории прямо-таки гвоздем становился в моем мозгу.

Особенный интерес к «старцу» возбуждали во мне речи моего духовного отца и приготовителя к монашеской жизни о. Феофана.

Сидели мы однажды с ним в его покоях, пили чай и вели душеспасительную беседу. Не знаю, в связи с чем о. Феофан во время беседы заговорил о Божьем человеке Григории.

— Да, — говорил он, — есть еще Божьи люди на свете. Не оскудела русская земля преподобными. Посылает Господь утешенье людям своим, время от времени воздвигая им праведных мужей. Вот ими-то и держится еще святая Русь.

Я, вообще с жадностью ловивший каждое слово своего учителя — Феофана, помню, особенно насторожился, когда он начал речь о современных праведных людях.

Он продолжал:

— И вот теперь такого мужа великого Бог воздвигает для России из далекой Сибири. Недавно оттуда был один почтенный архимандрит и говорил, что есть в Тобольской губернии, в селе Покровском, три благочестивых брата: Илья, Николай и Григорий. Старший из них — Григорий, а два первых — его ученики, еще не достигшие высокой ступени нравственного усовершенствования. Сидели как-то эти три брата в одной избе, горько печаловались о том, что Господь не посылает людям благословенного дождя на землю; потом Григорий встал из-за стола, помолился и твердо произнес: «Три месяца, до самого покрова, не будет дождя...» Так и случилось. Дождя не было, и люди плакали от неурожая... Вот вам и Илья-пророк, заключивший небо на три года с месяцами! Господи! Господи! — глубоко вздохнувши, заключил о. Феофан.

Я был в умилении от его слов. Душа моя загорелась желанием видеть этого «божественного старца» и показать ему все свое гадкое и хорошее нутро.

Не вытерпел я и спросил своего отца:

— А не приедет ли сюда тот старец?

— Приедет, приедет! Один архимандрит обещал его привезти. Мы его ждем...

Дни шли за днями. Я готовился к своему делу и почти ничего не слышал, что говорили о «старце».

В великом посту 1903 года из Сибири в академию приехал начальник корейской духовной миссии — архимандрит Хрисанф Щетковский (умерший года через три после этого епископом Елисаветградским). По всем академическим углам заговорили, что архимандрит этот привез в Петербург великого «старца» Григория, что Григорий был уже у ректора академии — епископа Сергия Страгородского, некоторые студенты видели его, получили предсказания и т. д. Прошло порядочно времени, а я «старца» видеть не удостоился. Опять начинал успокаиваться на чувстве своего недостойнства, отдаваясь всецело благочестивым размышлениям об иноческой жизни, а новые разговоры и вести о «старце», как надоедливые осы, не давали мне возможности не отвлекаться от того дела, к которому готовился.

Иные говорили, что «старца» Григория трудно видеть, что он бывает только у ректора и что с ним они ездят во дворец.

Что ни день, то слухи о славе, величии «старца» все более и более увеличивались.

При своем маленьком положении и сознании своего недостойнства я рассудил, что мне не видать блаженного пророка, как ушей своих.

В конце 1903 года, 29 ноября, я принял монашество. Из Сергия меня обратили в Илиодора. 16 декабря этого же года я как новоиспеченный инок шел по темному академическому коридору со взорами, опущенными книзу, согласно учению святых отцов.

Вдруг меня кто-то деликатно, едва слышно, потрепал за плечо. Я поднял взор свой и увидел о. Феофана и какого-то неприятно скаблившегося мужика.

— Вот и отец Григорий из Сибири! — застенчиво сказал Феофан, указывая на мужика, перебиравшего в это время своими ногами, как будто готовившегося пойти танцевать в галоп.

— А-а-а, — смущенно протянул я и подал мужику руку и начал с ним целоваться.

Григорий был одет в простой, дешевый, серого цвета пиджак, засаленные и оттянувшиеся полы которого висели спереди, как две старые кожаные рукавицы; карманы были вздутые; брюки такого же достоинства, как и пиджак, поражали своею широкою отвислостью над грубыми халявами мужицких сапог, усердно смазанных дегтем; особенно безобразно, как старый истрепанный гамак, мотался зад брюк; волосы на голове «старца» были грубо причесаны в скобку; борода мало походила вообще на бороду, а казалась клочком свалывшейся овчины, приклеенным к его лицу, чтобы дополнить все его безобразие и отталкивающий вид; руки у «старца» были корявы и нечисты, под длинными и даже немного загнутыми внутрь ногтями было много грязи; от всей фигуры «старца» несло неопределенным нехорошим духом.

Григорий, поцеловавши меня, упорно и продолжительно смотрел своими круглыми, неприятно серыми глазами мне в лицо, потом зашлепал своими толстыми, синими, чувственными губами, на которых усы торчали, как две ветхих щетки, потрепал меня по плечу одною рукою, держа пальцы другой около рта, и, обращаясь к Феофану с какою-то заискивающею, лукавою, неестественною, противною улыбкой, сказал про меня:

— А он ведь круто молится, о, как круто!

Не понимая, что значит «круто», я поклонился. Феофан взял под руку «старца»; они пошли в покои инспектора, а я, пораженный неожиданной встречей с знаменитым пророком, немало растерялся и отправился в свою убогую келью.

Так состоялось мое знакомство со «старцем» Распутиным. И не знал я тогда, встретившись с ним, что это знакомство ровно через восемь лет, то есть 16 декабря 1911

года, будет для меня роковым, перевернет всю мою жизнь, выбросит меня за борт того корабля (монашеская жизнь), на который я только что, перед знакомством сел.

Наступил 1904 год. В январе месяце приехал в Петербург, по делам, Антоний, епископ Волынский. Так как он считался большим другом и покровителем ученого монашества, то меня, как молодого монаха, еще незнакомого с важным епископом, повели в лавру, в покои, в гости к Антонию. Здесь я увидел большую компанию разных по положению и занятиям людей. Все с большим вниманием слушали, что говорил Антоний. Зашла речь о Григории Распутине. Много о нем говорили... Антоний сказал: «Не верьте ему, он — обманщик, он в Казани на бабе ездил; такой человек не может быть праведником». Тогда я не поверил Антонию, потому что, по слухам, знал его как человека, всегда занимающегося рассказами о разных скабрзностях, доходящего в этих рассказах до чудовищных преувеличений. А так как фигура старца к тому времени как-то потускнела в моем воображении, то я просто мало интересовался ею: говорили ли о нем хорошее, говорили ли дурное, — мне было все равно.

На Пасху 1905 года я, будучи уже на последнем курсе академии, пришел в гости к инспектору Феофану. На конторке, где Феофан имел обыкновение стоя писать, я увидел довольно прекрасной работы дорогую икону «Воскресение Христово». Феофан, указывая на икону, сказал:

— Вот эту икону мне сейчас прислала великая княгиня Милица Николаевна с мужем Петром Николаевичем. Я сегодня был у них со старцем Григорием...

Я насторожился слушать, что скажет дальше Феофан о старце, так как, признаться, давно уже о нем ничего не слышал.

Сели пить чай. Феофан охотно продолжал:

— Много раз бывали мы со старцем и у государя, а особенно у государыни. Вот Божий человек! И говорит-то не так, как мы, грешные. Было раз так. Государь, государыня с наследником на руках, я и он сидели в столовой во дворце. Сидели и беседовали о политическом положении России. Старец Григорий вдруг как вскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя. Государь вздрогнул, я испугался, государыня встала, наследник заплакал, а старец и спрашивает государя: «Ну, что? Где екнуло? Здеся али тут?» — при этом он сначала указал пальцем себе на лоб, а потом на сердце. Государь ответил, указывая на сердце: «Здесь; сердце забилося!» — «То-то же, — продолжал старец, — коли что будешь делать для России, спрашивайся не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума...» Государь сказал: «хорошо», а государыня

поцеловала его руку, произнесла: «Спасибо, спасибо, учитель».

В начале февраля 1907 года я привез в Петербург 9 крестьян — членов Государственной думы от Волынской губернии.

Совершенно случайно остановился на квартире у председателя Союза русского народа — врача Дубровина. Здесь я встретил племянника жены Дубровина — молодого поручика И... Полюбили мы скоро друг друга, и он мне много рассказывал об ужасах японской войны, где на передовых позициях он был ранен в ногу. Закончил лечение раны в Царскосельском госпитале, куда, по его словам, часто приезжала государыня Александра, особенное внимание обратила на него, и когда он выписывался из госпиталя, то она дала ему даже право время от времени представляться ей.

— Баба хорошая, — говорил поручик, — только вот при дворе завелся какой-то черт Распутин: взял через жену офицера Вырубову в свои руки государыню, отбил от нее царя, так что государь только и знает, что в шахматы играет да красное вино пьет, а Александра с Распутиным возится. Императорские царскосельские стрелки собираются застрелить и Вырубову, и Григория Распутина.

На мой вопрос: «Откуда вы все это знаете?» — поручик кратко ответил: «Офицеры в госпитале только об этом и говорили».

В последних числах февраля 1908 года я, переведенный из Волынской епархии на службу в Саратовскую, поехал с Волыни на новое место службы. Счел нужным заехать в Петербург, где в это время на Ярославском подворье, в качестве члена Синода, проживал мой новый начальник — епископ Саратовский Гермоген.

Гермоген поместил меня, как редкого гостя, в большой комнате, рядом со своим кабинетом.

И вот я здесь однажды услышал и увидел следующее. В один прекрасный день приехали к Гермогену инспектор духовной академии, уже известный читателю Феофан и приват-доцент академии — иеромонах Вениамин. Все они сели в кабинете, повели речи об автономии духовной академии, тогда большими усилиями профессоров проводившейся в жизнь.

Дверь из моей комнаты была открыта, и мне было все слышно, что говорили в кабинете.

Немного поговорили, как кто-то вбежал к ним, скоро семеня ногами. Вбежал и так же торопливо заговорил: — Ну, что? Пошто меня вызывали? Вот я! — Собеседники сначала задвигались; как я понял, значит, здоровались с кем-то вошедшим; потом Вениамин сказал: — Да вот, до-

рогой друг, мы приготовили важный доклад об уничтожении зародившейся автономии духовных академий... Надо тебе ехать с ним к царю. — Хорошо, вот хорошо, а я туда-то и направляюсь. Звали по важному делу, да, звали. А поди-ка, скажи мне, што такое за штука — эта автономея?

Вениамин начал объяснять.

Его перебил вошедший. — А слухай-ка, эта самая автономея, не Антония Волынского выдумка?¹ О, какая ерунда! Прочь ее, не надо!

Вениамин объяснил, что автономия слово иностранное.

— Фу, гадость, вот гадость! — возмущался вошедший.

Тут все, друг друга перебивая и не слушая, заговорили, что автономия действительно гадость.

Я, слыша весь разговор в открытые двери, не вытерпел, чтобы не посмотреть, кого же три друга посылали к государю уничтожать автономию и что это за уничтожитель, не умеющий назвать предмета правильно.

Посмотрел и увидел... Григория Распутина

Троица степенно сидела около большого письменного стола; Вениамин держал в руках какую-то бумагу, а Григорий, которого я не видел уже четыре года, стоял около них, нетерпеливо перебирал ногами, как молодой, застоявшийся лошак, тыкал грязным указательным пальцем правой руки себе в зубы и все повторял: — Ну, скорей, скорей давайте, а то меня ужо там давно ждут. Пора ехать!

На Григории в этот раз была хорошая черная суконная русская поддевка и прекрасные лакированные сапоги бутылками. Борода его была уже похожа на бороду, а волосы на голове, сзади хорошо подстриженные, спереди рассыпались во все стороны правильным веером. Видно было, что на Григории начинал сказываться придворный дух...

В марте месяце 1909 года меня Синод, по настоянию графа Татищева, саратовского губернатора, и премьер-министра Столыпина, с соизволения государя, за обличение правительства в неправде, перевел из Царицына в Минск, в архиерейский дом. Я поехал не в Минск, а в Петербург, к епископу Феофану, уже ректору академии, с просьбой похлопотать перед царем об оставлении меня в Царицыне.

Приехал утром в великую субботу.

Объяснил Феофану, в чем дело.

¹ Распутин, как я узнал после, не любил епископа Антония за его лукавый нрав

Феофан отказался хлопотать на том основании, что часто обращаться с просьбами к царям опасно, так как та дверь, лазейка, куда он проходит к ним, может в конце концов закрыться, «могут на нее замочек повесить».

Получив такой ответ, я приуныл

Сидел за столом и думал, что же делать.

Феофан сидел против меня и тоже молчал, как бы тяготясь моим присутствием

В передней послышался звонок Кто-то пришел.

Не прошло и одной минуты, как в столовую, где мы сидели, не вошел, а прямо-таки вскочил человек, вскочил с какими-то странными кривляниями и прыжками; казалось, что то был не живой человек, а игрушечный, который в одно и то же время начинает дрыгать и ногами, и руками, и головой, когда дернешь за ниточку, соединенную со всеми частями его фигуры. Человек тот был одет роскошно: на нем была малинового атласа русская сорочка; подпоясан он был поясом с большими шелковыми кистями; брюки из дорогого сукна сидели на ногах в обтяжку, как у военных; дорогие лакированные сапоги бросались в глаза своим блеском и чистотою. Человек тот поздоровался сначала с Феофаном, а потом, обратившись ко мне, начал целовать меня, приговаривая: «Ну, здорово, голубчик; не горюй, все будет хорошо!..»

Это был Григорий Распутин. Он, по-видимому, уже знал, что я переведен в Минск, что не хочу туда ехать, что приехал в Петербург хлопотать.

Григорий сел рядом со мною, против Феофана

Феофан смотрел прямо на Григория, Григорий — на него, но оба ничего не говорили

Чувствовалась какая-то неловкость, неестественность

Мне казалось, что между ними возникла какая-то неприятность, о которой они друг другу стеснялись говорить. .

Впоследствии уже я узнал, что в это время между Феофаном и Григорием произошел крупный разлад из-за «старческой» деятельности последнего, усердно снимавшего с женщин и невинных девушек блудные страсти. Феофан узнал об этом на исповеди от жертв Распутина и предложил Григорию бросить заниматься такими гнусными делами. Григорий противился, и между ними завязалась борьба не на жизнь, а на смерть. Вот я и попал среди них как раз в то время, когда они очень и очень косо смотрели друг на друга, но внешних сношений не порывали, надеясь как-нибудь сговориться и по-прежнему бывать у царей.

Заметив, что Феофан не желает с ним и разговаривать, Распутин обратился ко мне, потрепал меня за плечо и

спросил: — Ну, что, дружок, голову-то повесил? А? В Царицын небось хочешь?

— Хочу, очень хочу, — ответил я. — Как же, ведь там большое дело, там жизнь моя; ведь я ни к чему больше не стремлюсь, как только дела делать. Что же я сделаю, если меня, как собаку, будут гонять с одного места на другое...

Феофан воспользовался моментом и быстро-быстро куда-то скрылся.

Мы остались с Григорием вдвоем.

Григорий продолжал: — Хорошо, хорошо, голубчик! Ты будешь в Царицыне...

— Когда? Быть может, лет через десять, когда мое святое дело там порастет бурьяном и колюкой?

— Нет, нет; ты будешь скоро, дня через три поедешь отсюда, но не в Минск, а к себе, домой.

— Как так? Мне обер-прокурор сказал, что возврата к прежнему нет, так как государь уже два раза, по докладу Столыпина, подписался об удалении меня из Царицына.

— Два раза, два раза?! Это для них много, а для меня ничто. Будешь в Царицыне, понимаешь? Ну, не беспокойся напрасно и помни Григория. Потом, вот еще что знай: нельзя теперь так царей и правительство изобличать, как это делал, к примеру сказать, Филипп Московский; теперь, дружок, времена не те.

Говоря это, Распутин как бы отвечал на мою проповедь, сказанную в Царицыне в вербное воскресенье: я тогда говорил о том, что долг священников всех обличать во грехах, всех, какое бы они высокое положение на земле ни занимали...

Естественно, что я был удивлен и недоумевал, почему это Распутин говорил как бы против моей проповеди. «Он, должно быть, действительно муж прозорливый», — подумал я.

Григорий встал, чтобы уходить.

Я тоже встал и отвесил ему поясной поклон.

Если бы в это время кто хотя бы нарочно намекнул мне поклониться Григорию в ноги и поцеловать их, то я бы, не задумываясь, сделал это, так как чувствовал, что он возвращает меня к жизни, оказывая благодеяние лично мне, делу святому, над которым я трудился в Царицыне.

Во время пасхальной заутрени в академическом храме Григорий подошел ко мне в алтарь, похристосовался и сказал:

— Завтра получишь из Царского Села письмо. Когда будешь представляться царице, то ты ей и Вырубовой скажи проповедь, чтоб они не убегали от заутрени, а стояли и обедни. Только ты не строго говори и не громко, а то

они испугаются. Здесь в храме сейчас есть придворные. Я их привез посмотреть, как служит Феофан.

На второй день Пасхи я, узнавши, что Распутин находится в покоях архиепископа Финляндского Сергия, позвонил по телефону, стора я нетерпением узнать, как же идут дела насчет моего возвращения в Царицын. По телефону говорил сам Сергий. На мой вопрос: «Можно ли видеть Григория Ефимовича?» — он ответил: «Они почивают». Эти слова меня немало озадачили. «Вот штука так штука — Распутин; такие важные сановники, как Сергий, выражаются о нем с таким почтением: «Они почивают!» — думал я.

В тот же день после обедни в квартиру епископа Феофана генеральша Лохтина принесла мне письмо из Царского.

На третий день Пасхи в 9 часов вечера я в Царском Селе, в доме № 2 по Церковной улице, имел в присутствии А. Вырубовой продолжительную беседу с государыней Александрой.

Она приехала... Высокая, вертлявая, с какими-то неестественно вычурными ужимками и прыжками, совсем не гармонировавшая с моим представлением о русских царицах, как о важных, степенных, осанистых, величественных особах, она поцеловала мою руку. Потом моментально села в кресло и с грубым немецким акцентом заговорила: «Вы из Петербурга приехали?»

Эти слова сказаны были так неправильно, что я не понял их и вместо ответа вытаращил на Александру глаза. Произошла крайне тяжелая и неприятная пауза. Из беды выручила Вырубова. Она передала мне вопрос царицы на чистом русском выговоре.

Государыня тогда засыпала, как горохом, или лучше сказать, маком: «Вас отец Григорий прислал? Да? Вы привезли мне расписку по его приказанию, что вы не будете трогать наше правительство... Вот вы обругали во время службы, литургии, саратовского губернатора Татищева. Назвали его татаринном и что ему не достает только татарской чалмы...»

Я рискнул было оправдываться, возражая Александре, что она введена в заблуждение, что я никогда в присутствии Татищева не служил ни литургии, ни вообще никакой церковной службы; руководимый дружественными к Гермогену чувствами, умалчивал о том, что епископ Гермоген за литургией 5 октября, в день именин наследника, действительно обличал «язычествовавшего» в своих отношениях к православию графа, но скоро увидел, что говорить Александре слова оправдания все равно что кричать покойнику в ухо; увидел и, конечно, замолчал, а она поистине тарабарским языком продолжала читать мне

нотацию: «Да, да, вот, вот... Так как нельзя губернаторов бранить. Давайте сюда расписку, что вы этого никогда не будете делать. Да смотрите, слово отца Григория, нашего общего отца, спасителя, наставника, величайшего современного подвижника, соблюдайте, соблюдайте... Он сам хотел здесь быть, но до сих пор нет, а мне некогда его дожидаться. Ну, да ладно. Я его завтра буду видеть... Скажу ему, что я вам говорила... А вы его, наставника и учителя, слушайтесь во всем, во всем...»

Во время этого «поучения» я не помню, как я себя чувствовал; не отдавая себе отчета, смотрел на государыню... Опомился только тогда, когда она так же вертляво и подвижно, как и в начале, подскочила ко мне, поцеловала мою руку и сказала:

«Ну, до свидания», — и быстро-быстро ушла из гостиной, шурша длинным, очень длинным хвостом шелкового платья светло-серого цвета.

На четвертый день Пасхи ко мне в академию явился Григорий и предложил поехать с ним на могилку Иоанна Кронштадтского. Я согласился. Когда мы с ним шли по Лаврскому парку, то Григорий не пропускал ни одной дамы, чтобы не пронизать ее своим упорным, настойчивым взглядом. Когда с нами поравнялась какая-то довольно красивая женщина, Григорий сказал: «Вот баба так баба, должно, к какому-либо монаху идет на постельку». Я, слушая его неприличные речи, молчал, у меня тогда и вопроса в мозгу не поднималось о том, к лицу или не к лицу такие речи Божьему старцу; весь я был тогда поглощен глубоким почтением к своему, чуть не с неба свалившемуся благодетелю.

Когда были уже на обратном пути, Григорий вдруг спросил меня:

— Слушай-ка, дружок, а ты у графини Игнатьевой бываешь?

— Раз как-то был. Она каждый раз, как я приезжаю в Петербург по делам, приглашает меня к себе; я обещаюсь быть, но не бываю, потому что там нечего делать, там одно ханжество.

— Вот, вот, верно, брат! Вздорная баба эта графиня: она раз написала царице письмо о том, что нужно делать, чтобы поднять нравственность в русском народе... А государыня прочла письмо это мне и говорит: «Вот дура-то, нашла кому писать; как будто я сама не знаю!» И вообще государыня Игнатьеву очень не любит за то, что она слишком много знает... А все-таки заедем-ка к ней; ведь я ее ни разу не видел.

— Заедем, если ты желаешь.

Заехали.

Графиня была дома. Встретила нас очень любезно.

Я представил ей Распутина, сказавши «Вот мой друг!»

Игнатьева с недоумением посмотрела на Распутина, так, что как будто на губах ее застыл какой-то невысказанный вопрос, процедила сквозь зубы: «Очень приятно», — и предложила нам сесть.

Мы сели. Я сел рядом с Игнатьевой, а Григорий против нас.

После минутного молчания графиня начала говорить:

— Пожаловали к нам в Питер? Хорошо. Едете в Минск?

— Нет, в Саратов.

— Как в Саратов? Ведь вас же Синод перевел в Минск. И я вам здесь услугу оказала; когда по настоянию Столыпина подняли вопрос о переводе вас, то не знали куда, так как все архиереи вас, как человека беспокойного, боялись брать. Тогда я и М. М. Булгак упросили епископа Михаила Минского взять вас к себе...

— Ваша услуга принесла мне много горя. Если бы вы не хлопотали, то Синод, в силу необходимости, так как меня некуда бы было деть, оставил бы в Царицыне, откуда я сам никуда не хочу идти до самой смерти.

Графиня очень сконфузилась, но потом скоро оправилась и продолжала:

— Да, вот как? А мы думали, что вам добро сделали...

— Не хочу я этого добра!

— Да, но вы же должны ехать в Минск.

— Не поеду я в Минск!

— Но ведь Синод постановил!

— И пусть себе постановил.

— И государь дважды подписывался.

— Хорошо.

— Езжайте в Минск, послушайте Синода. Ведь знаете, что такое Синод?..

— Не знаю и знать не хочу Синода, заносящего хвост насильнику Столыпину!

Тут в разговор вмешался Распутин. Он дрожал, как в лихорадке, пальцы и губы тряслись, лицо сделалось бледным, а нос даже каким-то прозрачным; задвигавшись в кресле, он приблизил свое лицо к лицу графини, поднес свой указательный палец к самому ее носу и, грозя пальцем, отрывисто, с большим волнением заговорил:

— Я тебе говорю, цыть! Я, Григорий, тебе говорю, что он будет в Царицыне! Понимаешь? Много на себя не бери, ведь все же ты баба!..

Графиня от этих слов «старца» совершенно опешила.

А Григорий, поднявшись с кресла, дернул меня за рукав рысы и сказал:

— Гайда! Домой!

Я поднялся и направился за Григорием к выходу, на пути скоро прощаясь с крайне смущенной графиней С. С. Игнатьевой.

По пути от Игнатьевой к лавре, на какой-то улице, из одного большого дома вышел почтенный генерал в военной форме. Увидя его, Распутин стал прятаться за меня и просить: «Схорони, схорони, пожалуйста, меня от этого генерала». Я начал загораживать его, но не успел: генерал уже поравнялся с нами, увидел Распутина и с большим почтением сделал под козырек. Распутин снял шляпу и как-то конфузливо замотал генералу головой...

Через полминуты я спросил:

— Кто это такой?

Распутин махнул недовольно рукой и проговорил:

— Э-э, это управляющий дворцом великого князя Петра Николаевича.

— Почему же от него тебе хорониться надо? Какое зло, что ли, он тебе сделал?

— Нет, да так, там вышло дело...

Какое именно дело, Распутин не объяснил, но видно было, что дело плохое и свидетелем, по всей вероятности невольным, этого дела был встретившийся генерал.

А дело-то, как я после узнал, заключалось в следующем: Милица Николаевна, узнавши о старческих художествах Распутина, выгнала его из своего дворца. Это и генерал знал, но, сознавая силу Распутина при дворе, по-прежнему отвешивал ему поклоны и отдавал честь.

В этот же день вечером Григорий затащил меня к присяжному поверенному С. Пришли. Он спросил жену С. Сказали, что она, по всей вероятности, у начальника переселенческого управления. Пошли к Г. С. была там. Боевая и красивая, С. недолго была вместе: ее скоро куда-то увез Григорий, а я остался, продолжая с Г. вести беседу о том, кто лучше: православные священники или католические ксендзы. Ждал Григория, так и не дождался: он «приятно» проводил время с С...

На пятый день Пасхи я был в доме генерала Лохтина, где Распутин останавливался на квартире.

Не веря всему совершающемуся, я спросил здесь Распутина:

— Да правда ли, что я возвращаюсь в Царицын?

— Вот чудак! — ответил Григорий.

А присутствовавшая здесь же О. В. Лохтина укоризненно покачала головой и прибавила:

— Какой вы маловерный, если о. Григорий раз сказал, что «да», то, значит, нечего об этом больше и вопроса поднимать.

Вечером этого же дня я уезжал с Николаевского вокзала в Саратов. Григорий пришел провожать меня. Все время утешал меня, приговаривая:

— Дело все сделано; тебя никто из Царицына не возьмет. Езжай, утешай своих детей. Помни Григория. Правительство не ругай, а жидов и люцинеров...

В сентябре месяце 1909 года я, будучи в Царицыне, получил от Гермогена из Саратова письмо с просьбой ехать к нему повидаться с дорогим другом Григорием Ефимовичем. Я поехал. Распутина еще не было в Саратове. Он прислал из Казани телеграмму, что скоро приедет. Через два дня он приехал. Встретил я его около ворот архиерейского дома. Одет он был щеголевато: было на нем дорогое осеннее пальто и мягкая шляпа. Как только он вошел в дом, то сейчас же сказал:

— Вот, брат, штука: как меня-то жандармы поддели. В Камышлове, как только поезд остановился, так сейчас меня разбудили и повели в жандармскую. Офицер спросил паспорт. Я показал. Меня отпустили. А смеха-то было. Люди думали, что я какой разбойник. Это все козни Столыпина. Был друг, а вот я его поддел из-за тебя, а он и обозлился. Ну-ка, садись, пиши телеграмму тому офицеру. Пиши, что, дескать, я, Григорий Распутин-Новый, сижу сейчас в покоях епископа Гермогена и спрашиваю его: какое он имел право тревожить меня в Камышлове...

Все это Распутин говорил, сильно волнуясь. Видно было, что его, придворного «пророка», слишком задела придирака самого обыкновенного жандармского офицера.

Я написал телеграмму в таком духе, как говорил Григорий.

Распутин взял телеграмму и сам побежал сдавать ее. Вскоре приехали Лохтина, Лена и Митя.

Я с Распутиным встретил их на вокзале. Девушка Лена, о которой мне часто говорил Распутин, была молода, красива, но во всем ее поведении заметна была какая-то пришибленность. Казалось, что ее насильно держат Лохтина и Распутин около себя, что на душе у нее есть какое-то большое, никому не высказанное горе, что она следует в этой компании в силу какой-то страшной, роковой необходимости.

Вопрос о странном поведении Лены для меня разрешился далеко после, но в данный момент я все ее странности приписал просто ее природной застенчивости.

Все мы явились к Гермогену. Беседовали. Обедали вместе. Во время разговоров и обеда О. В. Лохтина только и знала, что прикладывалась к ручке о. Григория. Как только Григорий скажет какое-либо слово, так Лохтина лезла целовать его грязную руку; то же делать она заставляла и Лену. Лена целовала, но как-то нехотя. Мы с Гермогеном, видя это, переглядывались, и я думал: «Вот какой почет старцу. Видно, заслужил!»

Григорий, поместивши женский пол в доме эконома, и сам оттуда почти не уходил.

День-два спустя я собрался ехать в Царицын. Григорий меня удерживал, а потом отпустил, пообещав осенью, в ноябре месяце, приехать с Гермогеном ко мне в гости. Я поехал с мыслями, как я буду скоро с народом встречать своего друга и великого благодетеля.

Незаметно подошел и ноябрь.

Я начал готовиться к приему гостей. Кое-что народу сказал о старце, сильном у высоких людей и возвратившем меня из Минска в Царицын.

Все были заинтересованы личностью Распутина.

19 ноября 1909 года, в полдень, приехал в Царицын Гермоген и привез с собой Григория. Остановились они в доме купчихи Таракановой, потом приехали в монастырский храм, где по случаю дня моего ангела шла служба.

Гермогена и Распутина встретили торжественно. Гермоген взошел на амвон и обратился к народу со словом, а Григорий в это время стоял среди народа на женской половине.

Никогда, ни прежде, ни после, он не был для меня так противен, как в этот раз. Я стоял около Гермогена, смотрел на Григория и готов был рвать на себе волосы за те чувства, которые возбуждал во мне Григорий своим видом: а вид его был до крайности отвратителен. Одет он был в черный крашенный овчинный полушубок, руки его от краски были черны, грязны, как у кочегара, лицо неприятное, изможденное, взгляд холодный, скользкий, нечистый. Он стоял выше других, как-то неестественно вытянулся, положил свои грязные руки на головы впереди стоящих женщин, голову свою высоко задрал, так что борода стала почти перпендикулярно к лицу в его естественном положении, а мутными глазами он водил во все стороны, и, казалось, своим взглядом он выговаривал: «Что вы слушаете Гермогена, епископа; вот посмотрите на грязного мужика: он ваш благодетель; он возвратил вам батюшку; он может миловать и карать ваших духовных отцов».

Когда Гермоген окончил проповедь, я, поборов в душе своей чувства крайнего отвращения к старцу и мысленно

сваливая все эти чувства на бесовские козни, вызвал Распутина на амвон и сказал народу:

— Дети! Вот наш благодетель. Благодарите его.

Народ, как один человек, низко поклонился Распутину и, как бы скрывая какую-то тайну, сказал:

— Спаси, Господи! Спаси, Господи!

Распутин был крайне растроган оказанною ему честью, ничего не сказал и сбежал в алтарь к Гермогену.

Скоро Гермоген и Распутин покинули монастырь и уехали в город.

Придя домой, я обратился к своему келейному Емельяну:

— Ну что, Емельян, видел друга и благодетеля, видел царского учителя, пророка и наставника? Не слышал ли, что народ говорит по поводу приезда в Царицын брата Григория?

Емельян, человек 52 лет, спокойный, степенный, ничем невозмутимый, вместо того, чтобы сразу дать ответ на мой вопрос, сначала, по обыкновению, подсадил повыше на нос очки рукой, как будто они у него спадали, потом начал одною рукою гладить бороду, а другою водить по своей лысой голове и переминаться с ноги на ногу, при этом застенчиво, как невинный ребенок, улыбался...

— Ну, что, что, — говори, — подгонял я его.

— Да что, батюшка, хи-хи-хи, правду вам нужно сказать...

— Говори, говори правду, всю правду, я люблю правду. Ты это сам знаешь хорошо. Ну?

— Да народ говорит нехорошо; хоть он и кланялся в храме брату Григорию, а вышел из храма и говорит по углам: «А ведь владыка ездит с жуликом!»

Этот народный отзыв о «старце» засел у меня с тех пор в мозгу, как ледяная сосулька.

Вечером приехал ко мне в келью брат Григорий. Как только вошел в комнату, так и заговорил:

— А нашшот этих баб. У тебя, я говорю, чисто. Они тебя слушаются, и ни одна из них даже и не помыслит, а у Андрея так дело плохо: там бабы стоят около него, а сами и не слушают его слов, а думают совсем о другом, о нехорошем. Он им повод сам дает.

— Да, я держу себя строго и их строго, — смущенно ответил я и в то же время недоумевал: «Почему это он такой разговор повел, совсем не монашеский?».

Немного помолчав, Распутин продолжал:

— А счастливый ты, право, счастливый!

— Чем? — спрашиваю.

— Да к тебе любая пойдет из тех многих, каких я сейчас видел в твоём храме.

Я до края был смущен такими речами, не знал, что говорить и думать на речи «старца», и постарался завести разговор о другом¹.

«Старец», видя, что я не могу говорить на его излюбленную тему, начал ходить по кельям, заглядывать в углы, а потом, как-то незаметно для меня, исчез из моей кватирры.

На другой день рано утром я поехал в город к Гермогену. Здесь я наткнулся на неприятную историю. «Старец» лез с кулаками на хозяйку дома, Тараканову, и кричал: «Я тебе покажу! Ишь ты! Мне цари руки умывают, а ты чего?»

— В чем дело, в чем дело? — с волнением спросил я.

Хозяйка-старушка стояла в углу, испуганным взглядом исподлобья смотрела на Распутина и молчала, видимо, сдерживала свой гнев и досаду.

Распутин горячился: «Вот тебе и в гости приехал. Она только тебя да владыку кормит, а на меня плевать... Вот Гермогену она поставила рукомойник, а я спросил, где умыться, так она ткнула пальцем на кухню да пробормотала сквозь зубы: «Вот там тебе» Мотри, каково? А ведь мне цари руки моют, воду несут, полотенце, мыло. А она?»

Я растерялся окончательно, не знал, что сказать в утешение расходившемуся «старцу». Мне было жалко старушку-хозяйку; досадно, что рассердили друга и благодетеля, а тут мысли о том, что друг-праведник, а так гневается и обижает хозяйку, которая со всею душою принимала гостей, только больше почтения оказывала епископу, а не мужику, прямо-таки не давали моей голове покоя. Кое-как дело уладилось.

Поздно вечером проводили Гермогена в Саратов.

Я и Распутин возвратились в дом Таракановой. Григорий опять начал нападать на старушку, когда она, подавая нам чай, буквально весь стол уставила вазами с разным

¹ Но «старец» энергично заставлял меня говорить с ним о том, о чем ему желалось. Он отрывисто спросил у меня

— А как, дружок, звать твоего регента?

— Иван Сорокоумовский

— Поди, какие у него волосы красивые!

— Да, красивые

— Знаешь что? Ты, голубчик, прикажи ему, того остричь волосы

— Это зачем? Ему так идут волосы. Он — краса моего хора!

— Ну, да! Да это Богу не нужно, а он своими волосами форсит, и девки за ним уж больно бегают из-за волос. Прикажи ему непременно остричь волосы

— Нет, я этого сделать не могу, не имею никакого права

— А, поди, он здорово с бабенками возится?

Я молчал

вареньем, а сама остановилась тут же следить, не будет ли кто из нас иметь в чем-либо нужду.

Григорий погрозился на хозяйку пальцем и строго начал говорить:

— Смотри у меня. Твое чаю я не буду пить. Ты меня обидела. За одними смотришь, а другого так...

Старушка стояла, спокойно смотрела, и казалось, что своим спокойным взглядом она выговаривала: «Не выкаблучивайся, голубчик, много я вашего брата на своем долгом веку видывала; меня не проведешь!»

И действительно, Григорий ее не провел. С самой первой встречи и до последних дней она говорила и говорит про него: «Это не святой; это озорник какой-то! Господи, и на кого цари засмотрелись? Что они, с ума, что ли, спятили? Господи, батюшки! Помилуй нас и сохрани!»

На другой день после отъезда Гермогена Распутин объявил мне, что 27 ноября поедет с ним в с. Покровское, а до этого дня надо объехать в Царицыне всех моих видных почитателей. Я, конечно, был согласен: в то время я даже и не думал о том, что я мог бы не исполнять какое-либо желание, конечно, приличное, своего друга Распутина.

Начали ездить по домам почитателей. В день объезжали домов 50—60. В каждом доме Григорий Ефимович считал долгом перецеловать всех особ женского пола; особенно красивых он принимался целовать по нескольку раз.

Я задавал себе вопрос: для чего это? Зачем? И, не умея дать на эти вопросы определенного ответа, успокаивал себя тем, что так, значит, надо, значит, для святого это не вредно и не грешно, значит, брат Григорий очень цельный духом человек, а быть может, даже и бесстрастен. Был таким Ефрем Сирин.

О грязных целях поцелуев «старца» я тогда и предположить не осмеливался.

Купцы Рысины, по моей просьбе, справили брату Григорию хороший полушубок на лисьем меху, так как мое нутро не выносило того, чтобы мой друг ходил в противном овчинном полушубке и марал себе руки, которые целовали люди. От полушубка Григорий не отказался. Надел его и стал щеголять.

Распутин приемами почитателей остался очень доволен. Он так расчувствовался, что однажды в моей келье обратился ко мне:

— Ну-ка, дружок, пиши папе и маме, что за мною здесь бегают тышши. Да пиши, чтоб они тебе поскорее метру дали.

— Не смею я писать царям, да еще о награде себе.

— Вот чудак, да ты от меня. .

— Так рука-то моя будет. Нет, не могу.

— Ну ладно, я сам напишу.

Он сел и при мне начал выводить каракули: «Миленькие папа и мама! Здеся беда, прямо беда: за мною тышши бегают. А Илиодорушке нужно метру...»

— Не пиши, не пиши про меня, — закричал я.

— Ну ладно, не твое дело.

Письмо это он послал.

После я понял, для чего он писал о «тышшах».

Тогда против него поднималась компания во главе с епископом Феофаном; так Распутин старался парализовать домогательства этой компании указанием на тот авторитет, которым он, якобы, пользуется среди народа. А народ-то и принимал его только ради меня. Это и сам Распутин хорошо сознавал, а поэтому к «тышшам» припел в письме к царям и «метру».

Дни поцелуев окончились. Наступило 27 ноября. В монастырь собрался народ и шумно провожал нас из Царицына в далекую Сибирь, на родину Григория Ефимовича, в с. Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии. Ехали до места девять суток. За это время я, будучи с Распутиным один на один, наслышался от него столько разнообразных, чудовищных до сказочности, прямо-таки невероятных вещей! Но все им рассказанное было правда, ибо подтверждено фактами.

Всю дорогу Григорий болтал мне обо всем, что было интересного в его жизни. Изредка он отрывался от рассказа только тогда, когда замечал в каком-либо купе вагона женщин или девушек; тогда он начинал ходить мимо того купе взад и вперед, останавливаться около него, без всякого стеснения заглядывать в него, навязывался к дамам, особенно красивеньким, с разговорами, с пустыми расспросами. Где удавалось ему завести знакомство, а где и не удавалось. Ходил он по коридору вагона вприпрыжку; будучи в шелковой сорочке, он то и дело пристукивал сапогами об пол. Я смотрел на него, удивлялся и думал: «Друг-то, друг мой, а все-таки я хочу рассмотреть получше, что ты за пророк и за святой». А он все ходил, говорил, потом возвращался в свое купе и все рассказывал и рассказывал мне.

Вот что он мне за дорогу рассказал.

Был он до тридцати лет горьким пьяницей и развратником. Потом покался. Во время молотбы, когда над его святостью смеялись домашние, он воткнул лопату в ворох зерна и, как был, пошел по святым местам. Ходил целый год. Много видел, много слышал. Пришел домой. Домашние приняли его ласково и уже не смеялись над его религиозностью. В хлеву у себя выкопал пещеру и молился

там Богу две недели. Через некоторое время пошел опять странствовать. Повелел ему это сделать св. Симеон Верхотурский. Он явился ему во сне и сказал: «Григорий! Иди, странствуй и спасай людей». Он пошел. На пути в одном доме он повстречал чудотворную икону Абалакской Божьей матери, которую монахи носили по селениям. Григорий заночевал в той комнате, где была икона. Ночью проснулся, смотрит, а икона плачет, и он слышит слова: «Григорий! Я плачу о грехах людских; иди странствуй, очищай людей от грехов их и снимай с них страсти».

И Григорий послушался Владычицу, пошел. Исходил почти всю Россию. Посетил лавры, многие видные монастыри. Знакомился со священниками, монахами, монахинями, старцами, архимандритами, епископами и, наконец, добрался до царей.

— Был я у о. Иоанна Кронштадтского. Он меня принял хорошо, ласково. Сказал: «Странствуй, странствуй, брат, тебе много дал Бог, помогай людям, будь моею правою рукою, делай дело, которое и я недостойный делаю...»

Был у старца Гефсиманского скита, Варнавы. Здесь произошло нечто неприятное и смешное.

— Пришел я к нему, — рассказывал Григорий, — в первый раз мужик мужиком: в дешевом засаленном пиджаке, в лаптях, нечесаный, грязный... А он все чистых да видных, да богатых подзывает к себе, а меня-то все рукою отталкивает подальше, подальше. Тогда я пошел в лаврскую гостиницу, к своему другу — богатому купцу, надел его костюм, шубу, дорогую шапку, вымылся, расчесал бороду и пришел к Варнаве: нарочно даже и цепочку золотую от часов на вид выставил. Старец увидел меня и сейчас же замахал рукою: «А пойди сюда, пойди сюда, дружок». Я подошел. Он меня благословил и поцеловал. Потом повел меня в свою внутреннюю келью. Здесь я ему и говорю:

— Старец, я тебя обманул.

— Как так?

— Да вчера я к тебе пришел мужиком, как я и есть, и ты меня все отталкивал... А сегодня пришел я к тебе купцом, ты меня позвал, честь оказал.

— А-а, — протянул «старец», — какой ты, Григорий, озорник. Да ведь сам знаешь, что со всеми людьми одинаково обращаться негоже. К богатым так, а к бедным так. Ведь от богатых нам больше пользы.

Конечно, больше всего Распутин рассказывал мне о том, как он бывает у царей и что там делает. Всего рассказанного им я в этой главе приводить не буду, чтобы избежать ненужных повторений в следующих главах. Все-таки обо всем скажу, только в своих местах.

— Не думай, — говорил мне Распутин, — чтобы с царями легко говорить. Нет, трудно, аж губы кровью запекаются, весь съежишься, когда даешь им какой-либо совет... Они у меня спрашиваются обо всем... О войне, о Думе, о министрах... Вот враги хотят, чтобы я там не был. Шалишь... Без меня цари не могут. Хотя им трудно выслушивать выговоры мужика, а они слушают. Раз царь говорит так, а я говорю: «вот так», так у него аж румянцы заиграли на обеих щеках, весь затрясся, неохотно-то мужика слушать, а послушался... Он без меня и дыхнуть не может. Все мне говорит: «Григорий, Григорий! Ходи чаще к нам, когда ты с нами, нам весело, легко, отрадно. Ходи, только ни о ком не проси меня. Ведь знаешь, я тебя люблю и всегда готов сделать все то, что ты скажешь, но мне бывает трудно иногда исполнять твои желания, так как ты желаешь так, а министры иначе, ведь они тебя не любят, особенно Столыпин».

Царь раз упал предо мною на колени и говорит: «Григорий, Григорий, ты Христос, ты наш Спаситель». А почему? Когда революция подняла высоко голову, то они очень испугались, что наступили последние времена. Они и давай складывать вещи, чтобы куда-то спрятаться. Позвали меня и спросили. А я долго их уговаривал плюнуть на все страхи и царствовать. Все не соглашались. Я на них начал топтать ногою и кричать, чтобы они меня послушались. Первая государыня сдалась, а за нею и царь. Когда я пришел к ним после успокоения, они оба упали предо мною на колени, стали целовать мои руки и ноги. Царица подняла кверху руки свои и со слезами говорила: «Григорий! Если все люди на земле восстанут на тебя, то я не оставляю тебя и никого не слушаюсь». А царь, тоже поднявши руки, закричал: «Григорий, ты Христос!»

Для меня открыта их казна. Только царица скупа все-таки. Если брат у ней по тысяче, она ничего не говорит, всегда беспрекословно дает, а если, к примеру сказать, когда попросить десять тысяч или больше, то она начинает мяться и спрашивать: «А на што деньги? Куда?» Когда ей объяснишь, она дает мне и по двадцать тысяч.

Раз царь говорит мне:

— Григорий! Мне Столыпин не нравится своею наглостью. Как быть?

— А ты его испугай своею простотою.

— Как так?

— Возьми одень самую простую русскую рубашку и выдь к нему, когда он явится к тебе с особенно важным докладом.

Царь так и сделал. Столыпин, явившись, увидел царя и спросил: «Ваше величество! Как вы просто одеты». А

царь по моему совету ответил: «Сам Бог в простоте обитает». От этих слов Столыпин прикусил язык и даже как-то покоробился.

Ты хочешь знать, как у меня явилась новая фамилия, Новый? Слушай! Когда я однажды поднимался во дворец по лестнице, в это время цари, дожидаясь меня, сидели в столовой. Государыня держала на коленях наследника, тогда еще не говорившего ни слова. Как только я показался в дверях, то наследник захлопал ручонками и залепетал: «Новый, Новый, Новый!» Это были первые его слова. Тогда царь дал приказ именовать меня по фамилии не Распутин, а Новый.

Когда я бываю у царей, я целые дни провожу в спальне у царицы... Целую ее, она ко мне прижимается, кладет на плечи мне свою голову, я ее ношу по спальне на руках, как малое дитя. Это ей нравится. Так я делаю часто-часто.

Также часто бываю в спальнях детей. Благословляю их на сон, учу молиться, пою с ними «гимн»... Однажды запели, девочки хорошо пели, а Алешка не умел, да брал, брал не в тон, да как заорет на все комнаты, аж царица прибежала и его успокоила.

С детьми я часто шучу. Было раз так. Все девочки сели мне на спину верхом; Алексей забрался на шею мне, а я начал возить их по детской комнате. Долго возил, а они смеялись. Потом слезли, а наследник и говорит: «Ты прости нас, Григорий, мы знаем, что ты — священный и так на тебе ездить нельзя, но это мы шутили».

Когда бываю у царей, то встречаю там иностранных королей. Раз видел такого в кабинете царя, но не знаю, кто он был, так как себя не назвал, а я с ним поздоровался и ушел к царице.

Князь Николай Черногорский видел меня во сне, когда болел. Трудно ему было, и он увидел во сне какого-то русского мужика. Мужичок сказал ему: «Будь здоров! Через три дня поедешь!» Так и случилось. Он выздоровел. Написал об этом письмо дочери, та взяла мой портрет и послала ему. Он, получивши, ответил, что видел во сне именно того мужичка, который изображен на карточке... А я, когда он болел, горячо молился об его здоровье Богу.

Возил во дворец и жену свою Пелагею. Там ее цари, как и меня, принимали хорошо, ласкали, кормили.

Хорошо мне бывает во дворце, да только враги зубы щерят. Первый Столыпин. Друг был, писал телеграммы, спрашивал, поздравлял, вызывал меня в Питер, а потом бесу начал служить, особенно когда я тебя из Минска в Царицын перевел. С тех пор и ранее он следил за мною; как приезжаю в Питер, то приказывает сыщикам бегать за моею каретою. Я об этом говорил царям, а они мне: «Плюнь,

погоняется да отстанет, ведь ему в рот не въедешь, а он тебе что сделает, когда мы с тобою и ты с нами».

Они, Столыпин и Татищев, тебя готовы в ложке утопить, но только пусть помешкают. У них руки коротки. Татищев раз написал письмо о тебе государю. В письме том жаловался, что царь тебя, монаха-бунтовщика, поставил выше губернатора, который — товарищ царю, так как служил с ним офицером в Семеновском или Преображенском полку. Царь читал мне его письмо. Прочитал, засмеялся и сказал: «Вот дурак-то, так дурак, а губернатор царя называет своим товарищем, высоко хватил. Правда, Григорий?»

Антония Волынского государь страшно не любит. Считает его человеком лукавым, неверующим, нечестным. Он говорил мне несколько раз так: «Неприятно мне видеть Волынского епископа, нехороший он человек, когда я с ним разговариваю, то он никогда в глаза мне прямо не смотрит, а все водит ими по сторонам или закрывает».

Про архиереев царь говорил мне так: «Никого я не опасюсь так, как архиереев. Министров, вельмож покараешь, они смиряются. Архиереев боюсь: они — гордецы, тронь их, поднимутся, так не отвяжешься, они накинутся прямо, как дьяволы. Боюсь их».

Тебя цари очень любят за то, что ты в годы революции очень стоял за них, ругал люционеров и жидов. Они говорят: «Так Илиодор поступал, хотя и резко, а правильно, такое время было. А теперь ему надо потише, уже успокоение наступает. Да правительство ему трогать никак не надо! Скажи ему, чтобы он министров и полицию не обличал». Так я тебе и говорю царскими словами: не тронь министров и полицию, а только жидов и люционеров, да и то потише, не так, как тогда. Время, брат, не такое. Опасность миновала. А правительство никогда не ругай, цари говорят, что на него и так много нападок.

Все царские дочери не прочь приехать к тебе в гости, в Царицын.

Много зла делают мне при дворе сестра царицы — Елизавета и Тютчева. Царица сердится на Елизавету, что народ ее считает святой, а ее, маму, нет. Как она ни старается: и в театры не ходит, и балов не устраивает, а все народ говорит, что Елизавета святая, а про нее не говорит этого. А Тютчева всегда против меня идет. Раз заявила царям, чтобы я не ходил в спальню к девочкам, когда они еще лежат и раздеты. Она сказала: «Если Григорий будет ходить, то я уйду из дворца». А я царям сказал: «Я хожу молиться и о Боге детям говорить, а на Тютчеву плевать, пташка небольшая. Кароста!» Смирилась, замолчала.

А видишь на мне крест золотой? Вот смотри, написано: «Н». Это мне царь дал, чтобы отличить. Этим крестом я

бесов изгоняю. Когда ехал к тебе в Царицын, в Казанской губернии я из одной женщины изгнал беса, злого беса, изгонял на берегу реки, он меня укусил: вот смотри, как кожа под ногтем почернела. А все-таки я его одолел; он выскочил и убежал под лед, аж лед затрещал. Я об этом написал из Царицына письмо царям, чтобы они не слушали врагов, а помнили, что меня и бесы боятся: и как они от меня убегают, так и враги все разлетятся... Они думают, легко с Григорием справиться. Нет, шалишь... Попы сибирские злятся, что я этот крест ношу, а мне, что царь дал, повесил, так какой поп либо архиерей может снять с меня этот крест. Шалишь! Подожди немного...

Когда я слушал незатейливые повествования Распутина обо всех его чудовищных приключениях, то мысль моя была прямо-таки прибита, и я ни о чем не рассуждал, а только удивлялся и до края поражался тем, что слышал.

Незаметно прошло восемь дней, как мы приехали в Тюмень. В Тюмени остановились у сундучника. Здесь встретилась Григорию Ефимовичу старая знакомая, какая-то монахиня с лукавой улыбкой на красивом лице, с которою Григорий Ефимович познакомился давно, во время одного странствования. В этот раз Распутин бесцеремонно целовал ее, мял ее бедра, расписывал мне, какая она полная раньше была, и т. д.

Ночь ночевал Распутин не со мной, а куда-то убежал.

После мне сделалось известным, что Распутин ночевал у дочери сундучника, очень красивой молодой замужней особы. Мужа не было в это время, и его заменил Распутин. Распутин каждый раз, когда возвращался из Питера, дарил ей деньги и подарки разные... Когда мы пили чай в доме хозяина, то Распутин все время гладил голые до самых локтей, пухлые белые руки красавицы и все лез к бедрам.

Григорий очень хотел, чтобы я на родине его, в селе Покровском, отслужил обедню 6 декабря и сказал крестьянам проповедь. Он желал просто похвалиться перед односельчанами, что у него есть хороший друг-проповедник. С этой целью он послал епископу Тобольскому Антонию телеграмму с просьбой разрешить мне в его епархии служить и проповедовать, так как я без благословения местного епископа не соглашался этого делать. Епископ Григорию ничего не ответил. Тогда он уже из Покровского послал, тотчас по приезде, телеграмму царям. Вырубова ответила: «Как хотите, так и делайте, но мама и папа боятся только шума».

Я решил не служить и не проповедовать.

В Покровском домашние Распутина встретили меня очень любезно и торжественно, даже постлали дома до самых ворот ковры.

В Покровском я увидел и услышал следующее.

Увидел отца Распутина, старого, крепкого, расторопного, самого обыкновенного сибирского крестьянина, жену Распутина, Прасковью Федоровну, хорошую, но болезненную женщину, которая знала все художества своего муженька, но из-за корыстных расчетов скрывала его происхождения, и когда у ней спрашивали о «делах» Григория, она всегда отвечала и отвечает отрицательно.

Старшая дочь Матрена была в это время в Петербурге, уже училась в каком-то пансионе, играла, по словам Распутина, на рояле, танцевала.

Поместил Распутин дочь свою в пансион с помощью Г. П. Сазонова. По этому поводу он в свое, нужное время писал Сазоновым: «Я вот душой с вами Боже, храни вас во спасенье. Не знаю, когда Матрешино дело подать в ваше учреждение училище. Я думаю, приеду в Питер. Не знаю, как я приеду. Глубоко вас чту и бескорыстно. Возведи, Боже, правду на высоту и утешь бескорыстных». (Дневники Лохтиной.)

Позже, когда Матреша выучилась в пансионе танцевать и на рояле играть, Распутин возымел дерзкое намерение поместить ее в Смольный институт.

В 1914 году он и готов был это намерение привести в дело. Но этому воспротивилась начальница института, княжна Ливен. Она заявила, что если Григорий успеет в своих домогательствах и поместит свою дочь Матрену в институт, то она уйдет в отставку. Григорий учел всю неприятность такого дела, не стал настаивать на своем желании и благоразумно отказался от своего намерения. А когда его после этого спрашивали: «А правда, что вы, Григорий Ефимович, хотели свою дочь отдать на воспитание в Смольный институт?» — он отвечал: «Враки — это куда мне, мужику, туда с своими дочерьми лезть? Там все высокие да знатные. Да и баба там, начальница-то, уж слишком вздорная и глупая. Не стоит мне с ней связываться. Свяжись с дураком, сам дураком станешь».

Хотя об этом столкновении Распутина с Ливен я узнал из газет, но я верю, потому что мне лично Григорий однажды говорил о своем намерении отдать «Матрешку» в Смольный институт.

Увидел прекрасный дом. Распутин объяснил: «Прежде у меня была хатенка, а теперь какой дом-то, домина настоящий. Все Милица сделала: дала мне для этого 2700 рублей, вот и дом получился».

В доме увидел хорошо меблированные комнаты, дорогой большой ковер на полу, на стенах множество дорогих икон, разных ненужных вещей, царские портреты с золотыми коронами. Когда все это я, недоумевая, рассмат-

ривал, Распутин, как бы танцуя вокруг меня, объяснял: «Вот этот портрет сами цари заказывали для меня; вот эти иконы, пасхальные яйца, писанки, фонарики царица мне в разное время давала. Вот этот ковер стоит 600 рублей, его мне прислала жена вел. кн. Н. за то, что я благословил их на брак, ни Антоний-митрополит, ни Синод, ни патриарх Константинопольский не разрешили ему жениться на ней, а я разрешил, и они мне ковер, во какой ковер, самый лучший, персидский, 600 рублей стоит!»

Показавши все, что было на виду, Распутин взял ключ и отпер им большой сундук. Из сундука он вынул целый узелок с чем-то. Развязал. Там были письма: «Это все письма ко мне царицы, девочек ихних, великих княжон и князей... А вот письма наследника, смотри, какие ко-велюги, только одна буква «А», а все остальное — чепуха. Это он писал тогда, когда научился писать только одну букву, вот расписался и дал мне на память»...

Я посмотрел пристально на письмо наследника. На небольшом клочке уже истрепанной бумаги в середине была написана буква «А», а от нее во все стороны шла бесконечная кривая линия — росчерк наследника.

— Брат Григорий, дай мне на память несколько писем, — взмолился я.

Распутину очень понравилось мое удивление и просьба, и он сказал: «Хорошо, выбирай, только письмо наследника не тронь, оно у меня самого одно только».

Я выбрал письма государыни и великих княжон.

Письмо Александры. — Возлюбленный мой и незабвенный учитель, спаситель и наставник. Как томительно мне без тебя. Я только тогда душой покойна, отдыхаю, когда ты, учитель, сидишь около меня, а я целую твои руки и голову свою склоняю на твои блаженные плечи. О, как легко мне тогда бывает. Тогда я желаю мне одного, заснуть, заснуть на веки на твоих плечах, в твоих объятьях. О, какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие около меня. Где ты есть? Куда ты улетел? А мне так тяжело, такая тоска на сердце... Только ты, наставник мой возлюбленный, не говори Ане о моих страданиях без тебя. Аня добрая, она — хорошая, она меня любит, но ты не открывай ей моего горя. Скоро ли ты будешь опять около меня? Скорее приезжай. Я жду тебя и мучаюсь по тебе. Прошу твоего святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя. М. (ама).

Письмо Ольги. — Бесценный друг мой! Часто вспоминаем тебя, как ты бываешь у нас и ведешь с нами беседу о Боге. Тяжело без тебя: не к кому обратиться с горем, а горя-то, горя сколько! Вот моя мука. Николай меня с ума сводит. Как только войду в собор, в Софию, и увижу

его, то готова на стенку влезть, все тело трясется... Люблю его... Так бы и бросилась на него. Ты мне советовал поосторожней поступать. Но как же поосторожней, когда я сама с собою не могу совладать... Ездим часто к Ане. Каждый раз я думаю, не встречу ли я там тебя, мой бесценный друг; о, если бы встретить там тебя скорее и попросить у тебя советов насчет Николая. Помолись за меня и благослови. Целую твои руки. Любящая тебя *Ольга*.

Письмо Татьяны. — Дорогой и верный друг мой! Когда же ты приедешь сюда? Долго ли будешь сидеть в Покровском? Как поживают твои детки? Как Матреша? Мы, когда собираемся у Ани, то вспоминаем всех вас. А как хотелось бы побывать нам в Покровском! Когда же настанет это время? Скорее устрой все; ты все можешь. Тебя так Бог любит. А Бог, по твоим словам, такой добрый, хороший, что непременно исполнит все, что ты задумаешь. Так скорее же навести нас. А то нам без тебя скучно, скучно. И Мама болеет без тебя. А нам так тяжело на нее, больную, смотреть. О, если бы ты знал, как нам тяжело переносить Мамину болезнь. Да ты знаешь, потому что ты все знаешь. Целую тебя горячо и крепко, мой милый друг. Целую твои святые руки. До свидания! Твоя *Татьяна*...

Письмо Марии. — Милый, дорогой, незабвенный мой друг! Как я соскучилась по тебе. Как скучно без тебя. Не поверишь ли, почти каждую ночь вижу тебя во сне. Утром, как только просыпаюсь, то я беру из-под подушки евангелие, тобою мне данное, и целую его... Тогда я чувствую, что как будто тебя я целую... Я такая злая, но я хочу быть доброю и не обижать нашу милую, хорошую, добрую няню. Она такая добрая, такая хорошая, мы ее так все любим. Помолись, незабвенный друг, чтобы мне быть всегда доброю. Целую тебя. Целую твои светлые руки. Твоя всегда *Мария*.

Письмо Анастасии. — Милый мой друг! Когда тебя увидим? Аня мне вчера сказала, что ты приедешь. Вот я буду радоваться. Я люблю, когда ты говоришь нам о Боге. Я люблю слушать о Боге. Мне кажется, что Бог такой добрый, такой добрый. Помолись Ему, чтобы Он помог Маме быть здоровой. Часто вижу тебя во сне. А ты меня во сне видишь? Когда же ты приедешь? Когда будешь в детской нашей говорить нам о Боге? Скорее приезжай. А я стараюсь быть пай, как ты мне говорил. Если будешь всегда около нас, то я всегда буду пай. До свидания. Целую тебя, а ты благослови меня. Вчера на маленького обиделась, а потом помирились. Любящая тебя твоя *Анастасия*.

Еще я взял манифест по поводу открытия мощей Серафима, манифест, писанный рукою царицы.

На вопрос: «Каким образом манифест попал к тебе?» — Распутин ответил: «Да это мама прислала мне проверить, хорошо ли написан или нет; прислали одобрить, и я одобрил; тогда они его обнародовали. Вообще они всегда обращаются в таких случаях ко мне за советом».

«Цари обращаются к безграмотному мужику! — мелькнула в голове моей искусительная мысль... — Но ведь и апостолы были просты, а просветили всю вселенную», — поспешил я поправить себя, искренно опасаясь, как бы прозорливый старец не угадал моих преступных мыслей и не изобличил бы меня за это...

Видел я в доме Распутина двух миловидных девушек: Катю и Дуню. Они покорно служили в доме, пели песни, вели себя тихо и смирно. А раз сделали так. Когда я ложился в зале на кушетке, они приволокли свои матрацы и начали стелить их около меня. Я запротестовал. Они оправдывались:

— Это нам о. Григорий приказал.

— Нет, нет, нельзя! Если я кого здесь стесняю, места нет кому-либо для ночлега, то я уйду в баню, кстати, ее сегодня топили...

Из другой комнаты послышался окрик Григория: — Ну, ладно, ладно, не надо! Уйдите.

Девушки подхватили свои постели и быстро, конфузясь, побежали из зала.

После уже я понял, что Распутин хотел меня соблазнить на грех, чтобы сделать меня связанным, когда я, при случае, дерзнул бы, по примеру прежних его друзей, выступить против грязных дел Григория.

Это мне стало ясно из следующего. Когда против Распутина пошел иеромонах Вениамин, обвиняя его в нехороших делах с женщинами, то Григорий и мне говорил, и царям, по его словам, писал, что Вениамин лжет про него, сам, якобы, грязен и других грязнит. При этом он всегда на разные лады рассказывал, как Вениамин ему про себя будто говорил, что, едучи в поезде в московскую лечебницу для душевнобольных к некоему монаху Неофилу Шалаурову, он будто бы соблазнился одною молодой дамою, когда, лежа на верхней полке, посмотрел на нее, спавшую и соблазнительно раскинувшуюся на нижней полке, что будто бы хотел даже слезть...

Так вот этот случай Распутин выдвигал против своего обвинителя как тяжкое преступление. Что же бы он говорил, когда знал бы за мною что-либо подобное? А так как не знал, ибо ничего не было, а нужно, чтобы на всякий случай что-либо было, то он и хотел своими девушками соблазнить меня, потом ошельмовать, если пришлось бы, и сделать меня безответным...

Видел я, как Распутин писал великим княгиням Анастасии и Милице, чтобы они прислали ему 300 руб. денег помочь бедным. Я особенно заинтересовался этими телеграммами и лукаво думал: «А ну-ка, пришлют или нет?»

Княгини не ответили.

Распутин это объяснил так: «Враги, враги на меня в Питере идут. Отбивают друзей от меня. Это все Феофан да Вениамин. Наплевать. Поеду после крещения к маме, достану 3000 рублей».

В это время Феофан был в Ялте, лечился воздухом от чахотки. Распутин, видимо, еще не теряя надежды на «покаяние» своего первого друга, послал ему при мне телеграмму, чтобы он каждый день пил чайный стакан вина и тогда будет здоров. Просил его ответа.

Феофан не ответил. Распутин понял, что Феофан на мировую не пойдет, и очень мучился, волновался, и по временам лицо его чернело, он бил себя в грудь и говорил: «Враги, враги там работают». Действительно, как оказалось после и что узнает читатель, в то время во главе с епископом Феофаном начиналась первая серьезная кампания против Распутина...

Утром 6 декабря Распутин от себя и от меня послал царям поздравительную телеграмму. Из дворца был получен ответ: «Сердечно благодарим. Рады приезду. Анна».

В этот же день Распутин посылал телеграмму Барнаульскому епископу Мелетию, прося его приехать в гости. Мелетий ответил, что приедет.

Здесь уместно сказать, что Распутин вообще очень часто обращался к царям с письмами и телеграммами, утешениями, наставлениями и другими.

Посылая 30 ноября 1910 года царице Александре икону Благовещения, он сделал на ней такую надпись: «*Бог радуется и утешает, как сие*». «*Извещает событие, дает в знак цвет*».

Поздравляя в 1911 году царя Николая со днем ангела, Распутин писал ему в телеграмме: «*День ангела Бог прославит кротостью, верую в Бога. Решительность на небе. Папа мой*».

Посылая 5 декабря — какого года, неизвестно — царю Николаю икону «Нерушимой Стены», «старец» сделал на ней такую надпись: «*День ангела! Не убоимся страха. Смело говори истину, — Бог научит! От слов твоих трепет. Не бойся зла, папа мой*».

Однажды, утешая Александру, Распутин писал ей: «*Радауйтесь воспоминаниям, чувствуйте вместе; тревога неуместна; пусть будет благодать ума. Там быть не могу. — Дорогие мои! Мама, голубчик, дорогой мой, не скучай и не унывай, ничего, все приятно*».

Когда Александра приболела, «старец» посылал ей телеграмму: *«Надеюсь, здоровье улучшится. Благодарь Божия выше болезни. Будь безбоязненна во всем».*

По какому-то неизвестному мне поводу Григорий писал царям: *«Спаси Господи мне живетца хорошо и вы радуйтесь».*

Иногда «старец» писал письма царям стихами. Например: *«Скука бесценная, мука бесконечная, веселье суть ангелов, премудрости несть числа».*

Поклоняясь гробу Господню в Иерусалиме, Распутин телеграфировал оттуда царице: *«Золотые мои малютки достиг град свят слово повели по святым местам чего я здесь напишу о всей церемонии умыли ноги я расскажу приеду вы истинные мои боголюбивые вы хотя без вас умыванье ног Господи гроб это такая радость и вы со мной стояли Аннушка ты была и мама и папа и все были мои кабы боле захотелось стать близко друг ко другу и хоть перстиком задеть потому тут любовь более мама поймите Аннушка тут стыда нет целую мои, мои все, все все мои».*

Заглянувши по пути в Иерусалим, в Почаевскую лавру, Распутин 1911 года 22 февраля написал царям такое письмо о полученных в лавре своих впечатлениях: «Дивная Почаевская лавра что меня удивило: перво увидел я людей Божиих и возрадовался богомольцам очень, что нашел я истинных поклонников тут, явился страх в душе и наука: искания Бога как оне собирают жемчуг истинный, а потом увидел мать Божию и объял страх и трепет и получил тишину и заметил в себе кротость прибавляется после всякой святыни дорогой жемчуг — смирение».

* * *

«И увидел пещеры, дивные чудеса чудес как их Господь благословил как же нам не верить; поневоле вздохнешь, он в диком камне сама рука Божия творила их и укрывались там иноки от нашествия инородцев. Тяжелые воспоминания мучителей иноплемеников, а в настоящее время более мучения: брат на брата, и как не познают своя своих поэтому и мучения более тяжелые, п. ч. обида берет поэтому венцы, более я уверен близко к лицу Божию будут эти мучители настоящее время 1911 года. Тех мучили инородцы, а теперь сами себя наипаче батки батков, а монахи монахов и вот слово Божье на нас брат на брата и сын на отца: конец приближается. И увидел Иова в пещерах почаевских, где его конурочка тесная претесная и несет ароматом благоухания. И за что это несет? Очень просто, что не избрал и не избрал себе чертогов, а возлег ясли убоги, и терпеливо, и покойно понес свою

тесноту, а нам хоть бы в ПРОСТОТЕ и РОСКОШИ перенестись духом в его тесную конурочку и попросить его молитв и Господь не откажет его святым молитвам и будем участниками с ним адесную Отца, а высказать о его терпении невозможно и в сами книги не вместишь».

* * *

«И вот я вступил в собор и объял меня страх и трепет и помянул суету земную, дивные чудеса, где сама Матерь Божия ступила своим следом и истекает источник сквозь каменную скалу вниз в пещеру и там все берут воду с верой и нельзя, что не верить. О, как счастливы русские люди! И не ценим, и не знаем цены чудесам. Горе, христианам, неубедительно: посмотреть, лень съездить; а ездим за границу смотреть разные горы; да, творение Божие, но ведь мы смотрим как на роскошь, а не на Божье создание».

Вся приведенная переписка Распутина с царями помещена в дневниках Лохтиной.

Видел я в с. Покровском место, где стояла старая изба Распутина. Проходя мимо нее, Григорий проговорил: «Вот, здесь я, когда гуляю, то набираюсь духу: бывают мне здесь видения. Здесь мы в прошлое лето с епископом Феофаном простаивали целые ночи и молились Богу».

Но самое главное, что я видел в Покровском, — это купание с Григорием Ефимовичем в бане. Собственно, то, что я видел, было обыкновенно, но слышал я в бане от Григория необыкновенное. Он здесь, во время купания, рассказал мне следующее:

— Я бесстрастен. Бог мне за подвиги дал такой дар. Мне прикоснуться к женщине али к чурбану, все равно. Хочешь знать, как я этого достиг? Вот как! Я хотение направляю отсюда, из чрева, в голову, в мозги; и тогда я неуязвим. И баба, прикоснувшись меня, освобождается от блудных страстей. Поэтому-то бабы и лезут ко мне: им хочется с мужиком побаловаться, но нельзя; оне боятся лишиться девства или вообще греха, вот и обращаются ко мне с просьбой снять с них страсти, чтобы они были такие же бесстрастные, как и я. Было раз так: ехал я из Питера сюда с Л., с Мерею, с Ленкой, с Б., В. и другими. Заехали в Верхотурье, в монастырь, к старцу Макарию, которого я дважды возил в Питер и представлял царю и царице. Старец всю ночь молился в прихожей своей убогой кельи. А мы поместились в главной комнате. Легли все на полу. Сестры попросили меня раздеться, чтобы они могли прикоснуться к моему голому телу и освятиться, сделаться чистыми... Что ж, с бабами-дурами спорить, что ли, будешь? Этак они сами тебя разденут. Разделся. А они

легли около меня, кто как мог; Ленка обхватила своими голыми ногами мою левую ногу, Л. — правую, В. прижалась к боку, Меря — к другому и так далее, а старец Макарий молился Богу. Привез я их сюда. Повел всех в баню. Сам разделся; приказал им раздеться. И начал говорить им, что я бесстрастен; они поклонились мне в ноги и поцеловали мое тело. А ночью Меря дралась с Л. из-за того, кому из них ложиться около меня на ковре в зале по правый бок, а кому по левый. Меря желала по правый, и Л. тоже. Друг дружке не уступали и начали таскать друг друга за косы...

Во время этого рассказа я забыл, зачем в баню пришел; казалось, что все лицо мое обратилось в одно ухо, с жадностью ловившее все то, страшно-чудовищное, что рассказывал мне Григорий. А Григорий между тем продолжал: — Да, и не только я баб лечу от страстей, но и мужиков. Ты знаешь епископа Иннокентия.

— Знаю, он заезжал один раз ко мне в Царицын.

— Так вот, он мой большой друг. Страдает он, бедняга, очень от блудных мыслей. Как увидит бабу, то готов, по его словам, прыгнуть на нее, как жеребец на кобылу. Я его лечил. Как только заявлюсь к нему, то он меня кладет с собой в постель под одно одеяло и говорит: «Лежи, лежи, Григорий, со мною; как ты со мною, так у меня нет плохих помышлений. Так трудно монаху с ними бороться!..»

А вот слушай, я расскажу, как лечил царя. Лечил я и министра Коковцова.

Я не спрашивал Григория, как он помог, и вообще мало вмешивался в повествование его на эту тему, так как считал эту тему себе не по плечу.

Когда выходили из бани, я, идя за Григорием, думал: «Ефрем Сирин, настоящий Ефрем! Святой! Бесстрастный! Господи, с кем я сподобился мыться в бане!»

Вечером, в день знаменитой бани, Григорий устроил у себя вечеринку. Пригласил на нее всю покровскую интеллигенцию: двух священников, двух учительниц, сестер их, купцов, писаря с женой и других из публики почище.

Собрались гости и начали угощаться: обильно ели пирожки с вареньем, конфеты и щелкали орехи.

Разговор завязывался как-то натянуто; особенно держал себя странно старший священник, отец П. Остроумов. Он почти все время молчал и как будто бы ко всему прислушивался. Григорий заставил меня что-либо сказать на религиозную тему. Я, сидя в глубине зала на кушетке, начал говорить речь о прогрессе и нравственности. Гости внимательно слушали. Григорий тоже.

Потом девушки и жена Григория запели сочиненный мною к празднику Рождества стих: «Торжествуйте, весе-

литесь, люди добрые, со мной»... Подпевал я и другие. Священники молчали; Григорий в это время ходил в центре круга по ковру, пел не в тон неприятным, скрипучим голосом, тряс бородкою, пристукивал ногами об пол: был он одет в атласную малинового цвета рубашку, подпоясанную поясом с пышными шелковыми кистями; суконные брюки были глубоко вобранны в длинные шелковые голубого цвета чулки; на ногах были красные турецкие туфли. Ходил он, заложив руки в карманы плохо пристегнутых брюк.

Гости разошлись поздно вечером. После них Григорий, указывая мне на свою атласную сорочку, сказал: — Эту сорочку шила мне государыня. И еще у меня есть сорочки, шитые ею.

Я попросил показать мне их.

Через полчаса жена Григория принесла несколько сорочек.

Я начал рассматривать их.

— Что, на память хочешь взять? — улыбаясь, спросил Григорий.

— Да, можно хоть одну, две?

— Возьми три! Вот эти, — и он отобрал для меня три сорочки: красную, белую чесучовую и белую дорогого полотна, вышитую по воротнику и рукавам. Я взял и положил в свой багаж. Первая и последняя сорочки хранятся у меня и теперь

Красная сорочка была без воротника. Я спросил у «старца», почему нет воротника, куда он девался?

Григорий ответил так: «Болело у папы (царя) горло; он просил моей помощи. Я ему приказал помене курить и надевать ночью на шею и горло воротник вот этой сорочки. Выздоровел. Почел чудом».

Наступил последний день моего пребывания в гостях у Распутина. Я изъявил желание пойти к старшему священнику побеседовать. Григорий и жена его стали меня отговаривать, указывая на то, что поп нехорошо относится к Григорию Ефимовичу, клеветает на него, выдумывает разные небылицы.

— Ничего, я пойду к нему и изобличу его.

— Ну, ладно, походи. Только ничего хорошего не услышишь. Он — плохой человек. Сердится на меня, так как я раньше изобличал его в том, что он опоганится с попадшей, а потом идет обедню служить.

К священнику меня повез духовный брат — ученик Григория — Илья Арапов. Как только я вошел к о. Петру, он, едва поздоровавшись со мною, спросил меня: — Зачем приехали сюда?

— В гости, к другу.

— Не к другу, а к мерзавцу, развратнику!

— Что вы, батюшка, что?

(Признаюсь, я поехал к отцу Петру с намерением больше ему противоречить, чтобы он больше разгорячился и больше рассказал бы мне про Григория.)

— Да, к развратнику. Дали ему фамилию «Новых». Истинно, он новый распутник.

— Но ведь фамилию дал царь?

— Так что же? Он и государыня — люди мистически настроенные, вот и попались ему в когти, а нас не проведешь.

— Батюшка! Если вы знаете что плохое про брата Григория, то почему же не доведете до сведения царя?

— Многое знаю, а до царя нам нет пути: побольше нас, да молчат, а нас не послушают. Вот Феофан епископ тоже сюда приезжал. Зачем? Увеличивать авторитет развратника? И вы приехали. Я что-то даже не верю, что вы священник; разве священник поедет к такому подлецу? Вы — беглый преступник?

— Батюшка! А вы зачем же сами вчера были в гостях у брата Григория?

— Зачем, зачем. Я не орехи приходил щелкать, а по поручению архиерея смотреть, что вы там делать будете. Ведь раньше там у него оргии были.

— Какие оргии?

— Самый форменный разврат. Наберет Григорий девушек, прыгает, прыгает да начнет с ними свальный грех творить.

— Так он, значит, форменный хлыст?

— Да, да. Он во время странствований всякой пакости набрался; тогда же и подругами обзавелся: монахинями и разными девушками. А теперь к нему ездят петербургские дуры; он их в баню водит голыми, ложится с ними. А главное, ни в чем не сознается; есть здесь одна женщина — просфирня; она еле от него отбилась. Спросили Григория об этом, а он говорит, что ничего не было. И жена его отказывается от всего. А разве не она в прошлое лето за косы вытаскивала из двора петербургских барынь, которых захватывала с Григорием на постели. С Л. она разве не дралась?

— А до странствования он чем занимался?

— До странствования он был пьяницей и озорником. Его не иначе на всем селе звали, как Гришка-вытул, Гришка-дурак...

Отец Петр горячился, а я краснел до самых ушей.

— Батюшка! А все то, что вы говорите, вы сами видели, хорошо знаете?

— Все знаю, все на моих глазах делалось. А если чего не видел сам, то другие видели. Его крестьяне покровские

и теперь считают за жулика, а епископ так даже и на глаза к себе не пускает, а он сколько раз хотел ему представиться. Чтобы задобрить епископа, Григорий раздобыл 20 000 рублей на построение храма. Так что же вы думаете? Крестьяне не приняли от него денег; так и сказали: «Не надо нам твоих денег, знаем, как ты их достaeшь».

— Он нас, священников, ни во что ставит. Ишь, выдумал учение, что благодать с недостойных пастырей отлетает и ложится на простецов... На нем всего больше, и ему даже поэтому не грешно женщин и девушек пробовать. Еще говорит, что он своим совокуплением освящает их и снимает страсти. Вот подлец! Да вы присмотритесь получше к Григорию, и вы сами увидите, что он мошенник.

И многое, многое еще говорил о. Петр про Григория. Я попрощался с ним, поблагодарил и ушел, думая: «Присмотрюсь, присмотрюсь, батюшка; затем сюда я приехал, чтобы присмотреться».

Когда я садился в сани, брат Илья притворно, тяжело вздохнувши, простонал: — Ох, и тяжело же у меня было на сердце, когда вы с о. Петром беседовали...

Я промолчал, а сам думал: «И Илья, получающий от Григория малую толику, должно быть, скрывает про похождения Григория, а быть может, и в самом деле ничего он худого не знает, а быть может, этого худого нет совсем, быть может, батюшка клеветает, ведь попы злы, а особенно на тех, кто подрывает авторитет их среди прихожан. А Григорий такой. Его все-таки многие простецы считают святым. Попам это и не нравится, вот они и бесятся...»

Встретил меня Григорий с большим смущением.

— Ну что, небось, с три короба наврал?

— Да, много говорил.

— Что же, что же, однако? — приставал Григорий.

— Да вот говорил, что жена твоя дралась с дамами из-за тебя.

Из другой комнаты выбежала Прасковья Федоровна и закричала:

— Врет он, косматый, никогда ничего подобного не было!

— Вот подлец так подлец! — добавил Григорий. — Не верь ему, ты сам знаешь, попы злы и клеветливы. Разве ты мало от них зла натерпелся. Не верь им, а то мне это будет обидно.

Я прямо-таки растерялся и не знал, кому же верить: Григорию ли Петру? Размышляя: «Попы вообще злы и клеветливы, а Григорий — мой благодетель. Как же, надо поосторожнее отнестись к тому, что о нем говорят, чтобы не бросать зря камень в своего друга и благодетеля и не замарать его грязною клеветою».

Я поверил Григорию, хотя нехорошие мысли о нем начинали уже одолевать меня.

Погостивши у Григория целых 10 дней, я 15 декабря поехал обратно в Царицын. Со мной поехал и Григорий с женой.

До самой Тюмени (80 верст) думал я о своем друге, который сидел рядом со мною. Думал, кто он: бес или ангел?

В Тюмени ночевали опять у сундучника. И опять Григорий куда-то на ночь убегал, а в храме не молился, хотя был канун воскресного дня. Да и вообще Григорий, как я наблюдал, нигде не молился: ни в Саратове, ни в Царицыне, ни в одном монастыре, куда мы с ним заезжали... Он все бегал, ловил женщин, девушек и давал им наставления.

Переночевавши у сундучника, мы сели в поезд и направились на Саратов. Перед отходом поезда, когда из нашего купе вышел, попрощавшись с нами, сундучник, Григорий говорит мне:

— Мотри! Вот чудак-то, этот Дмитрий Дмитриевич. Говорит: «Григорий, возьми меня к царям; я тоже могу советовать не хуже тебя». Вот чудак, как будто это так просто: «Возьми». Как будто каждому Бог дал такие таланты.

При этом Григорий так улыбался, что нельзя было не заметить, что в этой улыбке сказывалось полное сознание своего превосходства, убеждение в своем посланничестве от Бога для великих целей и убийственное осуждение желания бедного, с большим сизым носом картошкой Дмитрия Дмитриевича, которому только и нужна была, для расширения маленького сундучного дела, всего-навсего какая-нибудь одна лишняя тысяча рублей. Вот за эту-то тысячу он и хотел царям хоть что-либо посоветовать; но мечта его не осуществилась!

20 декабря приехали в Саратов. Жену Григорий проводил в Питер, обещаясь к крещению сам приехать. Григорий до Нового года собирался пробыть в Царицыне. В Саратове жили только полдня. Все это время он бегал в квартиру эконома.

Гуляя со мною по большому архиерейскому залу, он сказал мне: «А ну-ка, пойдем к Гермогену, да ты скажи, что я хожу с бабами в баню». Пошли. Говорю, а Гермоген замахал руками и недовольно заговорил: «Зачем ходить, не надо, не надо».

Григорий как-то лукаво, виновато, заискивающе осклабился, взял меня под руку, повел и сказал: — Вишь, ему не надо было говорить, он этого не поймет, а цари хорошо понимают.

Здесь я должен, кстати, сказать о том, что я, слушая в разное время рассказы Распутина о его делах, придерживался тактики не гермогеновской. Я никогда не осуждал «старца», как будто молчаливо соглашался с ним, желая этим не смущать Распутина и выводить его на крайнюю откровенность. Я с этим успевал. Посему Распутин никому так откровенно не говорил о своей разнообразной «старческой деятельности», как мне. В силу этого я теперь и имею возможность сказать о Распутине более, чем кто-либо другой из знакомых лично с Григорием.

23 декабря 1909 года я с Распутиным приехал в Царцын.

24 декабря за всеобщим бдением Распутин у меня исповедовался. Исповедь была странная. Я с большим страхом исповедовал праведника. Стоял около анаоя и молчал. Молчал и Григорий, кусая ноготь указательного пальца и переминаясь с ноги на ногу. Наконец, я заговорил: — Ну, брат Григорий, если есть какие грехи, то скажи.

Григорий молчал.

— Быть может, ты делаешь что-либо противное учению Церкви?

Григорий сморщился, выражая неудовольствие, закрутил пальцем вокруг носа и сказал:

— Нет, нет, я не об этом.

— А о чем же?

— Да вот враги; что, если они успеют и царицу смутят, шумом будут грозить...

— Бог тебя возвысил, в Божьей воле и судьба твоя находится.

— Ну, больше ничего! — произнес Григорий, и исповедь была кончена.

После того я долго стоял в алтаре и думал: «Что это значит: царицу смутят?»

Так ни до чего я и не додумался.

На праздниках опять ездили по почитателям. Опять были дни поцелуев. На почве поцелуев происходили и скандалы, но об этом в другом месте.

Были скандалы и иного рода. Так, например, в доме И. Р. Краснощенова я подвел Григория к Насте-юродивой, сидевшей на своих лохмотьях за дверью, и представил ей «старца». Настя сначала закрывалась от него руками, как от солнца, и кричала: «Уйди, уйди, не хочу на тебя смотреть!» — а потом начала плевать на Григория и в конце концов плеснула ему в лицо чай из грязной чашки. Григорий очень испугался, дернул меня за рукав рясы и сказал: «Ну, брат, пойдем скорее, а то другие увидят. Ведь это беда! Какая бешеная она».

28 декабря Распутин уговорил меня послать во дворец царской бонне М. И. Вишняковой и царским детям телеграмму со стихом: «Торжествуйте, веселитесь». Настоял, чтобы на телеграмме я подписался после него так: «Илиодорушка». Я все это сделал.

29 декабря Григорий устроил в монастыре особый праздник. Он ранее, дня за три, попросил меня, чтобы я купил тысячу полотенец, тысячу носовых платков, конфет, яблок, пряников, сахару, икон, крестиков и колец. Я все это купил.

В храме было объявлено, что 29-го, вечером, брат Григорий будет раздавать подарки.

Народу собралось около 15 000 человек.

Григорий, приступая к раздаче подарков, сказал речь. Он говорил: «Вот здесь батюшка Илиодор насадил виноградник, а я, как опытный садовник, приехал подрезать его, подчистить. Вот подарки получите: знайте, что подарки со значением: кто что получит, тот то и в жизни испытает. Ну, подходите».

(Вообще Григорий любит выступать перед народом в качестве оратора. Любит дневники писать; одним словом, человек он с замашкой стоять с образованными людьми на одной ноге.)

Люди с жадностью хватали ничтожные гостинцы, с жадностью, потому что каждый, считая Григория прозорливым, желал по подарку угадать скорее свою судьбу. Кто получал платок, то тут же начинал плакать.

За сахар, хотя он и означал сладкую жизнь, мало кто хватался, как за слишком уже неценный подарок. Девушки-невесты почти сами хватали из рук Распутина кольца и неприятно конфузились, когда Григорий совал им в руки иконку, что значило: идти в монастырь... Как бы то ни было, подарки были розданы и по всему городу пошли о них разные толки... Бывали случаи, что если кто получил подарок нехорошего значения, то закапывал его в землю, а потом шел служить молебен, чтобы с ним не случилось того, что означала полученная от Григория вещь.

Раздачей подарков Распутин так остался доволен, что пообещал выхлопотать у царей 50 000 рублей на постройку около Царицына женского монастыря, но просить меня прежде этого совершить с народом к нему, в Покровское, паломничество.

30 декабря, ночью, я и 2000 народа провожали Григория в Петербург. Перед выходом из монастыря я сообщил народу, что Григорий Ефимович хочет строить женский монастырь, где будет старцем, и просить народ съездить к нему в гости. Люди закричали: «Спаси, Господи! Поедем, поедем с батюшкой! Непременно поедем!»

Из монастыря вышли с Рождественскою звездою. На вокзале пели гимны и славили Христа. Григорий с площадки вагона начал говорить речи о своем высоком положении, но речь была такая путаная, что даже я ничего не понял.

После него говорил речь некий Кузьма Косицын. Так как и его речь мало чем по достоинству отличалась от речи Григория, то я его остановил. Тогда Григорий сделал в мою сторону жест рукою, такой, какой обыкновенно делает генерал солдату, когда солдат что-либо невпопад скажет или сделает, а Косицыну гордо, покровительственно, в духе придворного этикета, промолвил: «Продолжайте, продолжайте, пожалуйста».

Я, конечно, смирился и не противоречил «святому старцу».

Поезд увез Распутииа.

Мы возвратились в монастырь.

В январе 1910 года Григория начали разоблачать.

Я стал защищать его.

В марте 1910 года я на исповеди монахини Ксении и царицынской купчихи узнал про Григория такие вещи, которые положили конец моим сомнениям о нем. Я понял, что он не кто иной, как дьявол.

С этого дня душа моя оторвалась от Григория, и я начал помышлять о том, как бы только развязаться благополучно с этим «другом».

Приходилось встречаться с ним и после марта 1910 года, но эти встречи были в силу крайней необходимости и уже не носили на себе печати какой бы то ни было дружественности. Здесь я уже только и заботился о том, чтобы собрать как можно больше материала о «старческой деятельности» Распутина с целью на его основании отказаться от него.

Распутин же, не подозревая, что я душою и сердцем оторвался от него, считал меня своим искренним другом и время от времени присылал мне письма и телеграммы. Так», когда в апреле месяце 1910 года мне пришлось обвинять в суде своих наглых клеветников из царицынской интеллигенции, то он прислал мне в утешение такую телеграмму: *«Царицын Ерманаху Лиодору. Светильник во мраке светит. Его свету тьма не мешает. Злой язык — грош, похвальба — копейка. Радость у престола, здесь».*

В конце апреля 1910 года я поехал в Петербург приобрести для монастырской библиотеки книги. Остановился на квартире у Г. П. Сазонова, бывшего когда-то редактором или издателем газеты «Россия», закрытой правительством за фельетон Амфитеатрова «Обмановы».

Позвонил по телефону в духовную академию к иеромонаху Вениамину. Просил его прийти ко мне и расска-

зять про «художества» Распутина. Он посоветовал мне обратиться за этим к кандидату богословия, диакону Владимирской церкви и его сестрам. Я обратился.

— Отец Илиодор! Зачем вы защищали Распутина? Ведь он такой развратник, — спросил, поздоровавшись со мной, С.

— Вот я и пришел теперь к вам взять материал против Распутина, чтобы после изобличить его: я его защищал, я его изобличу и погублю... Ведь я раньше, истинно говорю, не знал, что он бес, а не ангел...

— Так-то и мы думали сначала. Вот и отец Феофан ошибся и пострадал. Жаль, что нет Лены и моих сестер, а то бы они рассказали, что делал с ними Григорий. Лена сейчас скрывается, боясь быть убитой друзьями Распутина за то, что она на исповеди рассказала Феофану, как Григорий с нею поступил.

Далее диакон рассказал мне все то, что он знал про Распутина. Когда я пришел к Сазонову, здесь был и Распутин.

Оказалось, что он только что приехал из дворца.

Григорий и Сазонов начали уговаривать меня поехать с ними к Витте...

— Поедем, поедem, голубчик, — говорил Григорий. — Витте человек хороший. Я у него бывал несколько раз.

— Нет, я к нему не поеду: не люблю его, он умный, но лукавый.

Тут вступился Сазонов: — Да вы его не знаете! Это — прекрасной души человек. Хотите, я позвоню ему по телефону, и он сам приедет сюда повидаться с вами?

— Нет, нет, не надо. Да что он так со мною хочет познакомиться? На что я ему сдался? Не хочу я новых друзей, — бросил я загадочную фразу.

Сазонов обиделся: — И с таким великим человеком вы не желаете познакомиться! Какой вы упорный и недалеконovidный!

На этом разговор наш и окончился.

В квартиру Сазонова начали собираться какие-то военные господа. Среди них был профессор Мигулин и несколько английских банкиров. Все они, особенно Мигулин и Сазонов, подобострастно относились к Григорию.

После немного я от Семенова же узнал, что они образовали компанию для орошения закаспийских степей и для учреждения в России какого-то хлебного банка, а Григорий Ефимович взялся это дело провести при дворе и главным образом достать нужные для этих операций деньги.

В этот раз в квартире Сазонова Распутин получил письмо от А. Вырубовой; в письме Вырубова просила «старца» и меня приехать в 6 часов вечера в Мраморный дворец. Поехали.

Дорогой Распутин рассказывал: — Хиония, вдова офицера, обиделась на меня за то, что я про ее отца сказал, что он будет в аду вместе с чертями угли в печи класть. Обиделась, написала про меня разной чуши целую тетрадь и передала царю. А царь вот вчера пригласил меня и спрашивает: «Григорий! Читать эту тетрадь али нет?» Я спрашиваю: «А тебе приятно читать в житиях святых, как клеветники издевались над праведниками?»

Он говорит: «Нет, тяжело». — «Ну, как хочешь, так и делай». Папа тогда взял тетрадь, отодрал крышки, ее самое разорвал на четыре части и бросил в камин. Вот и вся подлая затея Б.

— А Феофан-то, Феофан, — продолжал Григорий, — достукался! Как он тебе тогда-то говорил, что лазутка, что ли, закроется, если к царям часто ходить? Ну, брат, закрылась для Феофана лазутка, закрылась навсегда. Он пришел к царице с клеветой на меня, грязью меня забросал. Да, а царица ему: «Уйди отсюда, а то прикажу людям вывести». Во как! Теперь ему и в Петербурге места не будет, а ведь царским духовником был! Вот тебе лазутка. Полез не вслед, ну и закрылась лазутка. Больной он. Сгинет собака, чтобы не восставал напрасно.

Незаметно приехали в Мраморный дворец. Во дворце Распутина встретили Т., Сана, его младшая дочь, и ее муж, камер-юнкер.

Т., хитренький старичок, отвел Распутина в сторону, о чем-то с ним таинственно поговорил, взял портфель и удалился.

Распутин начал беседовать с Саной. Во время беседы несколько раз целовал Сану, а муж был здесь же и как-то невинно, по-младенчески улыбался.

Минут через десять приехала Вырубова. Сана с мужем попрощались и ушли.

В. поздоровалась и начала: — Беспокоятся очень; много врагов, много шума...

Это она говорила про царей.

Распутин успокаивал: — Ничего, ничего; все напрасно, клевета, так она и останется клеветой.

У меня мелькнула мысль: сказать, что не клевета, а правда: вот я уже знаю Ксению, Лену, Б. и других... Но кому сказать? Вырубовой? Тогда я пропаду! Царям? Но как до них добраться? Нет, подожду, а улучу более удобный момент и открою царям глаза на Распутина! А, быть может, они лучше меня знают все и с ним грешат? Они только боятся шума. А я еще прибавлю его. Нет, не буду ничего говорить, а то тогда пропал я!..

Распутин в это время прямо-таки танцевал около Вырубовой; левою рукою он дергал свою бороду, а правой

хватал за плечи, бил ладонью по бедрам, как бы желая успокоить игривую лошадь.

Вырубова покорно стояла. Он ее целовал...

Я грешно думал: «Фу, гадость! И как ее нежное, прекрасное лицо терпит эти противные жесткие щетки...»

А Вырубова терпела, и казалось, что находила даже некоторое удовольствие в этих старческих поцелуях.

Наконец Вырубова сказала: «Ну, меня ждут во дворце; надо ехать, прощай, отец святой...»

Здесь совершилось нечто сказочное, и если бы другие говорили, то я бы не поверил, а то сам видел.

Вырубова упала на землю, как простая кающаяся мужичка, дотронулась своим лбом обеих ступней Распутина, потом поднялась, трижды поцеловала «старца» в губы и несколько раз его грязные руки...

Ушла.

Мы поехали. Григорий и говорит:

— Ну, видел?

— Видел.

— Каково?

Молчу. Что же мог сказать по поводу того, что видел. Мысль моя прямо онемела...

— Это — Аннушка так. А цари-то, цари-то. О, если бы ты все знал; ну, ничего, коли-либо узнаешь... И все это я делаю своим телом. Прикоснусь, и сила из меня исходит. Вот, мотри, я к тебе прикоснусь, что ты почувствуешь?

Он прикоснулся своей рукой до моего плеча и спросил: — Ну, что?

Я ничего не почувствовал, ровно ничего, а в ответе sluкавил немного; на его вопрос: «Ну что?» — протянул: — М-м-м-да-а!

Григорий засуетился: — Вот видишь, вот видишь, голубчик; так-то и он; но ведь я к ним прикасаюсь иначе, везде, когда бываю у них... А вот Феофан хотел, чтобы я не прикасался. О, какая глупость! Да разве можно зарывать талант в землю? Разве можно? — спрашивал он меня.

Я молчал.

— Нет, нет, николи, пусть они себе и не думают, а я своего не брошу... А Сана-то, Сана? Видел Сану? Недавно только замуж вышла. А до замужества так прямо на всех и кидалась. Вот блудный бес-то. Так я ее вылечил, теперь ничего!..

Как ее лечил Григорий, я не спросил, да и вообще я мало говорил и спрашивал, а только слушал и диву давался.

Из Петербурга, в первых числах мая, я поехал в Саратов, к Гермогену, по служебным делам.

На пути, в Москве, я с Гофштеттером¹, сотрудником «Нового времени», заехал к редактору «Московских ведомостей» — Льву Тихомирову. Он сначала не хотел меня принимать за то, что я, защищая в январе месяце Распутина, бранил его, Тихомирова, за изобличение в газете Григория. Я по телефону указал Тихомирову, что истина требует с ним беседовать. Лев Тихомиров смягчился и принял меня. Мы долго беседовали с ним о Распутине.

Он обвинял меня, а я, как мог, оправдывался...

— Вот вас за то, что вы стоите за Распутина, очень не любят Джунковский, Тютчева, воспитательница царских детей, и сама великая княгиня Елисавета Федоровна.

— Да разве я виноват, разве у меня злая воля, что, не зная худого дела за Григорием, я защищал его.

— И теперь не знаете?

— Нет, теперь знаю! И уже защищать не буду. А почему великая княгиня не откроет глаза царям на Распутина, ведь она там часто бывает? А Тютчева? Что они накидываются на меня? Я давно слышал, что они ведут против меня кампанию и вредят моему, народному, святому, царицынскому делу!

— Да вы не горячитесь, — советовал мне Лев Тихомиров.

— Как не горячиться? Они, значит, боятся там рот раскрыть? А я бы раскрыл, да ведь, как туда добраться-то мне? Прямо пойти, напролом, застрелят как собаку и вечной памяти даже не пропоют. Скажите княгине и Тютчевой, чтобы они не грешили, не травили меня. У меня и так врагов много. Пусть они сделают доброе дело: пусть изобличат Распутина. А мы люди маленькие и ничего не можем сделать. Я и так еле-еле держусь в Царицыне.

Тихомиров слушал меня внимательно, и в конце концов мы как будто расстались друзьями, хотя он не обещал мне помочь ничем...

Приехавши в Саратов, я увидел там Григория, прибывшего из Казани, по всей вероятности, от Лохтиной.

В этот раз, вошедши из Гермогенова кабинета в свою комнату, я увидел довольно странную картину: в глубине комнаты стоял Григорий, одетый в мою рясу, и на нем был мой золотой наперстный крест. При виде меня он как-то противно, заискивающе, как будто только что совершил какую пакость, начал улыбаться и говорить:

¹ У «старца» с Гофштеттером была какая-то неприятность. Об этом можно судить из следующего письма Распутина к Сазоновым «Ласкаю дорогих и родных моих Скажи Гофштеттеру, пусть меня никогда не бранят, — я его жену очень люблю, его — менее, и деток люблю, но они балуют. Всех целую» (Дневники О В Лохтиной).

— Ну, ну, что, дружок, как мне идет ряса? Ну-ка, скажи, скажи?

— Ничего, идет, — протянул я, а у самого мысль в мозгах так и прыгала: «Идет, как свинье шелковое платье».

— А может, лучше так, вот как? — при этом Григорий взял со стола мой клобук и надел себе на голову.

— Нет, не идет, — сказал я, а сам думал: «Ох, монах, пусти тебя в монастырь, ты так намонашишь там, как козел в огороде с капустой. — Вместе с этим я недоумевал: — И что ему в голову взбрело одеться в рясу; и крест повесил: уж не хочет ли быть попом? Вот тварь-то! Будет! Ведь недаром он мне как-то говорил: «Вот сделают меня попом, буду царским духовником, тогда уже из дворцов не выйду, а Прасковья пусть уже с детьми живет, а я только помогать буду, а домой не буду ездить». Ведь пройдет, ей-богу, пройдет!

Я мыслил об этом безошибочно. Через какой-либо час мое недоумение разрешилось.

Я начал собираться в Царицын. Гермоген мне говорит: — Погодите, не уезжайте; здесь дело есть.

— Владыка! Там же застой, без меня там и постройка монастыря остановилась. Я и так уже больше недели шляюсь. Отпустите.

— И вечно вы торопитесь! — недовольно проговорил Гермоген. — Останьтесь, уважьте мою просьбу, дам вам здесь серьезное дело, а там, в Царицыне, подождут.

— Ну, хорошо, владыка! Останусь. Не обижайтесь. Какое же дело прикажете делать?

— Да, вот, Григория Ефимовича нужно в священники приготовить.

— Владыка! Да он же безграмотный, читать и писать не умеет, да и жизни...

— Ничего, покается, а его только нужно научить ектениям и возгласам.

— Хорошо. Ради послушания сейчас же займусь делом. Сели мы с Григорием в гостиную за круглым столом, на мягком диване; Гермоген принес свой большой, крупной печати служебник, и я начал учить Распутина священству.

— Ну, брат Григорий, вот произнеси это: «Миром. Господу по...молимся».

Григорий в служебник не смотрел, водил только пальцем приблизительно по тому месту, где было напечатано прошение, задирал высоко голову, вытягивал губы и каким-то гнусавым голосом монотонно тянул: «Мером Господу помолимся!»

При этом казалось, что он уже заранее представлял себя в роли священника, влюбился сам в себя и мечтал,

без сомнения, как он наденет рясу, в рясе окончательно вберется во дворец и будет царским духовником.

В первый день он выучил первое прошение.

Я думал, с таким учеником я далеко не уйду! И не ушел.

Весь второй день я бился с Григорием над вторым прошением: о свышнем мире и о спасении душ наших, Господу помолимся.

Григорий того прошения осилить никак не мог. Оно ему не давалось. То он начинал произносить его с конца, то с начала, то сбивался на первое прошение...

В конце концов я не выдержал, пошел к Гермогену и говорю: — Владыка! Да отпустите же меня, пожалуйста, в Царицын!

— Что так? А как же брат Григорий?

— Ничего, владыка, не выходит. Не поверите ли: целый день сидели над вторым прошением, и ничего не вышло. Не усваивает да часто бегаёт к эконому... Отпустите, владыка... Ведь он — настоящий чалдон, ничего не усваивает. Так, какой-то обрубок.

Гермоген низко опустил голову и долго молчал. Потом сказал: — Да, я и сам вижу, что Григорий неспособен. Ну, с Богом! Езжайте домой. — Я поклонился Гермогену в ноги и ушел в свою комнату.

А после, в 1913—1914 гг., Григорий всегда на вопрос, обращенный к нему газетными сотрудниками и вообще людьми из публики: «А правда, Григорий Ефимович, что вы хотели быть священником?» — неизменно отвечал одно и то же: «Ну, куда мне, мужичку безграмотному!»

— А вот все говорят, что хотели?

— Врут, что с вряями поделаешь?

Это печатали в газетах, и это верно, судя по факту приготовления мною Григория к принятию священства.

В одном поезде и купе выехал из Саратова со мною и Григорий. Ехали в первом классе. В наше купе, в Саратове же, сели два важных господина. Они меня узнали и завязали разговор. Один из них показал мне карточку председателя Государственной думы — А. И. Гучкова и прибавил: «Я часто у него бываю».

Из их разговора, в котором они часто упоминали имя Столыпина, Государственную думу, отрубное хозяйство, и из того, что они часто выглядывали из окна вагона и указывали пальцами вдаль, где виднелись новые постройки и хутора, я понял, что они посланы Столыпиным, поклонником закона 9 ноября, посмотреть в пределах Саратовской губернии, как обстоят дела с выделением крестьян из общины на отруба.

— Куда едете? — спросил один из них, обращаясь ко мне.

— Домой, в Царицын!

— У Гермогена были?

— Да. Знаете его?

— Как же, знаем лично и много слышали про него.

Тут вмешался Распутин: — Да, брат, были у Гермогена, хороший он человек. А жида его бранят.

— Мы с вами не разговариваем, — недовольно бросил в сторону Григория член Думы.

— Почему же не разговаривать? Либо я не такой же человек? Со мною повыше, похлеще вас люди, да разговаривают.

— Да о чем они с мужиком будет разговаривать; вот с иеромонахом поговорить, с образованным человеком, это дело вероятное.

— А разговаривают, — наставлял Григорий, — да еще как. Советов его спрашивают, слушают его...

— Не может быть! Никогда не поверим, чтобы мужика слушали образованные люди...

С Григорием произошло здесь нечто особенное. Он страшно заволновался, заерзал на мягком диване, потом как-то подпрыгнул, упершись руками в диван, влез на него ногами, поджал их под себя, забился в угол, засверкал своими большими, круглыми, серыми глазами, рукой сбил волосы на лоб, задергал бороду и зашлепал губами. В этот момент он походил на безумного, и страшно было даже на него смотреть.

— Вот и видно, что настоящий мужик, — дразнил его собеседник. — Смотри, с ногами на диван забрался.

— Да, мужик! Никчемный мужик, а бываю у царей...

— Что ты врешь, зря болтаешь! Голову мне отруби, а уж этому-то я никогда не поверю. Кто тебя туда пустил?

— А вот пускают, да еще кланяются. А как, брат, попал туда, вот как: сначала познакомился с монахами, потом с попами, архимандритами, епископами, вельможами, князьями, королями и с царями. Понял? Так знай и помни Григория!..

— Фу ты, враль какой! Нас не проведешь. Прощайте, батюшка! — сказали они мне и слезли в Аткарске.

Мы с Григорием поехали дальше.

Распутин, уставши от волнения, убито говорил: — Вот по-ди же ты, поговори с ними! Им то, а они свое. Ну, да наплевать на них. Большое дело... Там при дворе такой разврат, такой разврат, все в грязи ходят. У, если бы меня они тронули, я бы им показал: они все у меня в руках; кто с тем лез, кто с тем, а я всем им помогал: мирил их, сводил, отбивал...

Слушая эту бессвязную болтовню Григория, я думал: «Вот черт-то, всех связал и меня, дьявол, своею дружною связал. Когда я с тобой развяжусь?»

Хотя я многого не понимал в его речи, не понимал хорошо, что значит: «отбил, сводил» и т. д., но объяснений не спрашивал, стараясь показать вид, что я уже не интересуюсь тем, что он делает при дворе. Делал я это и потому, что Григорий был уже слишком противен мне.

— Ртищево! — сказал проводник, заглянув в наше купе.

Я стал собираться. Григорий начал танцевать около меня, приговаривая: — Ну, что же, смотри, дружок, стой за меня; враги злы, мстительны, приутихли, а потом опять пойдут на меня, так ты того, им зубы пообломай...

— Хорошо, хорошо, — процедил я сквозь зубы, а сам думал: «Рога тебе, дьяволу, пообломаю, а не им зубы...»

В Ртищеве я расстался с Распутиным: он поехал в Москву, а я в Царицын.

В ноябре месяце этого года я послал царю Николаю телеграммы по случаю смерти графа Л. Н. Толстого. Григорий откликнулся. Он прислал мне такую телеграмму: *«Немного строги телеграммы. Заблудился (Толстой) в идее — виноваты епископы мало ласкали и тебя тоже бранят, твои же братья. Разберись».*

В декабре месяце 1910 года Гермоген был в Петербурге. Виден там в лавре с епископом Феофаном, уже переведенным в Крым. Феофан познакомил Гермогена с истинным обликом Распутина. Гермоген в беседе с каким-то сотрудником «Нового времени» выразился про Распутина: «О, да он, оказывается, настоящий бес».

Это было очень принято во внимание во дворце, конечно, не в пользу Гермогена

15 января 1911 года я, по приказанию Гермогена, приехал в Петербург по делу об отыскании Казанской иконы Божьей матери.

Привез от Гермогена для императрицы святую воду, просфору, гомеопатические лекарства и письмо. Остановился у Сазоновых. Сюда пришла Лохтина. Я попросил ее вызвать из Царского Вырубову. Вырубова скоро приехала. Я передал все, что прислал Гермоген, царице и объяснил, зачем я приехал. Она осталась очень недовольна, что Гермоген, назвавший Григория бесом, обращается к царице. Все-таки обещала передать «маме» все и мое пожелание видеть ее.

На другой день ко мне опять пожаловала Вырубова. Она стала говорить: — Царица больна; принять вас не может; к лекарству епископа царица даже и не дотронулась. А насчет иконы, вот мы спрашивали телеграммой отца Григория, и он ответил из села Покровского.

Она подала мне телеграмму, я прочел: *«Это — обман; иконы нет. Григорий»*

Вырубова добавила: «При каждом докладе Столыпин настаивает, чтобы вас из Царицына убрать. Папа пока не соглашается, отец Григорий не велит вас брать. Ну, благословите и прощайте». Через два дня я узнал, что меня Синод перевел настоятелем в Новосильский монастырь.

Камер-юнкер А. Э. Пистолькорс, явившись ко мне, объяснил:

— В вашем переводе большую роль сыграло то, что вас Гермоген послал с делом об иконе. Отец Григорий признал это шантажом со стороны епископа, «папа» и «мама» обиделись на епископа и под влиянием этого дали свое согласие на перевод вас из Царицына.

Вечером этого же дня я был по приглашению у А. И. Дубровина. Он мне после обеда сказал. — Вас Синод сегодня перевел в Новосиль. Поезжайте. Там недалеко купил я себе имение: будете ко мне ездить.

В это время в газетах действительно печатали, что Дубровин на какие-то «темные» деньги, на границе Тульской и Орловской губерний, купил себе хорошенькое имение.

— Поезжайте, не слушайте Синода. А на Григория не надейтесь. Он — плут и развратник. Недавно я проследил, как он ездил на Охту к своей любовнице. Да и в масонских ложах участвует: мои люди видели, как он входил несколько раз в красный дом около Кузнечного переулка.

— Я на Григория не надеюсь: узнал, кто он такой. А на счет масонских лож сомнение... Что он там делает? Это вы, Александр Иванович, бредите масонскими ложами. Напрасно. В Новосиль же не поеду, не подчинюсь Столыпину; пусть он не обращает церковь в полицейский участок.

Дубровин остался очень недоволен моим ответом, и мы расстались.

Из Петербурга в этот раз я поехал в Сердобск, где в пустыне отдыхал епископ Гермоген. В Новосиль не ехал. Распутин, находясь в это время в селе Покровском, прислал мне две телеграммы: в первой из них говорилось, что он приказал им (царям) послать ко мне епископа, а во второй, что он приказал им послать ко мне своего человека.

Действительно, по приказанию Григория царь распорядился послать в Сердобск члена Синода, епископа Тульского Парфения, убеждать меня ехать в Новосиль. Я не слушался. Тогда, по приказанию же Григория, царь прислал для той же цели «своего человека», флигель-адъютанта М.

Потом меня в дороге, когда я направлялся в Царицын, арестовали, отцепили от поезда мой вагон, возили по России и привезли опять к Гермогену. Я, посоветовавшись с ним, поехал в Новосиль. Но через три недели оттуда убежал в Царицын, устроил с народом двадцатидневное сидение в монастыре, и государь разрешил мне опять остаться в Царицыне.

Григорий в это время был уже на Афоне и в Иерусалиме и замаливал какие-то свои тяжкие грехи, в которых никому никогда не признавался.

Собираясь отправиться в далекое путешествие — паломничество, «старец» прислал епископу Гермогену такое письмо: «Благослови, мой миленький, я очень тронут твоим приветом на телеграмму, спаси тебя, Боже! Я бы рад приехать, но боюсь, как бы не навредить: тебя не назвали со мной участником».

Перед самым отъездом в Иерусалим Распутин настаивал, чтобы Николай, не смущаясь поднятою вокруг имени «старца» шумихою, принял его открыто, торжественно и этим, так сказать, дал бы по зубам всем врагам и ненавистникам «блаженного праведника и подвижника».

Николай смалодушничал: открыто его не принял, а имел, по обыкновению, с ним тайное свидание.

Обо всем этом обстоятельно говорит О. В. Лохтина в своих дневниках.

С Афона и Иерусалима «блаженный» посылал обо мне телеграммы царю и царице. Об этом говорила мне Лохтина. Это записано и в дневниках ее.

В мае месяце 1911 года я был в Петербурге, представлялся государю. Николай, считающий, по словам самого же Распутина, «старца» Христом, на приеме страшно нервничал, моргая своими безжизненными, усталыми, туманными, слезящимися глазами, мотая отрывисто правой рукою и подергивая мускулами левой щеки, едва успел поцеловать мою руку, как заговорил буквально следующее:

— Ты... вы... ты не... трогай моих министров. Вам что Григорий Ефимович говорил... говорил. Да. Его нужно слушать. Он наш... отец и спаситель. Мы должны держаться за него... Да... Господь его послал... Он... тебе, вам, ведь говорил, что... жидов, жидов больше и революционеров, а министров моих не трогай... На них и так нападают враги... жида. Мы слушаемся отца Григория, а вы так что же...

Нечего и говорить, что я, слушая Николая, стоял ни живой, ни мертвый.

17 июня 1911 года в Царицын приехали: секретарь Распутина — некая Лаптинская и О. В. Лохтина. Они обратились ко мне:

— Готовьтесь встречать великого гостя.

— Какого?

— Едет о. Григорий из Иерусалима через Петербург.

— А когда он в Царицын приедет?

— Написал, что сейчас после двадцатого числа.

— А мне как раз в эти числа придется быть в Ростовском округе; поеду посмотреть пожертвованную монастырю землю.

— Как так? Так вы не будете встречать о. Григория? Кто же его будет встречать? Разве так можно относиться к важному делу? Собрать нужно народу больше и выйти на вокзал или к пароходной пристани, смотря потому, как приедет отец наш: по Волге или по железной дороге. Вы забудьте, пожалуйста, свое имение. Тут едет больше имения и больше всего вашего монастыря и всего вообще, что вы здесь делаете...

— Нет, не могу. У меня все время уже рассчитано.

Лохтина очень обиделась, а я уехал туда, куда собирался. Приехал через три дня. В Царицыне уже был Григорий. Он уже успел завести знакомство с красивенькой учительницей с Урала, приехавшей посмотреть монастырь и поселившейся в монастырской гостинице.

По рассказам послушницы П., «старец» часто обращался к учительнице, чего-то от нее добивался. И когда та не соглашалась, «старец» сокрушенно часто повторял: «Да, вы не понимаете! Колодец-то глубок, а у вас веревки короткие».

Нет сомнения, что Распутин хотел полечить уральскую красавицу, но она упорно не признавалась в своей болезни и не желала «старческого» врачевания.

Распутин поздоровался со мной холодно и как-то косо посмотрел на меня.

— Вот все некогда, — начал я. — Только что приехал и опять ехать.

— Куда? — спросил Григорий.

— Да в Дубровский монастырь служить на праздник. Уж игуменья очень просила. Надо уважить. Народу будет много, а священник там один, да и тот старый и больной.

Со мной поехали Григорий, Лохтина и Лаптинская и около 50 девушек, певчих.

Ни в дороге, ни в монастыре на Григория никто из моих почитателей не обращал никакого внимания, не обращались к нему за советами, не целовали его рук, не бегали за ним, как делали это в первый и во второй приезд его в Царицын. Это особенно было заметно, когда Лохтина и Лаптинская, как две ходячие мумии, неотступно следовали по пятам Григория; если даже он во время прогулки по монастырскому саду заходил в известное место, то они останавливались около того места, дожидаясь, пока Григорий справится со своим делом. Здесь уместно будет

сказать о том, что народ царицынский уже давно раскусил Григория, чуть ли не раньше меня, только боялся об этом говорить открыто, думая, что я еще люблю «друга» своего. Свой глухой ропот на Распутина народ выразил так: он приказал фотографу Лапшину отрезать Григория от моей и Гермогеновой карточки, где мы втроем сняты; приказал под угрозой, что если фотограф этого не сделает, то никто не будет покупать карточек. Лапшин отрезал...

В Дубровском монастыре Распутину начальствующие лица оказывали особую честь. Игуменья Августа особенно заискивала его расположения, надеясь через него где-либо достать деньги на устройство при саде водоемов.

В храме, во время всенощного бдения, ему вынесли из алтаря свечу с роскошными искусственными цветами. Он взял, но со свечою стоял недолго; скоро убежал из храма и все время службы бегал по монашеским кельям.

Из монастыря возвратились в Царицын.

Мне некогда было возиться с Распутиным, так как много было хлопот по устройству народного паломничества в Саровскую пустынь.

На следующий день Григорий, вошедши в мою келью, говорит:

— Вот что. Уж так мне хочется поехать с народом в Саров.

Я подумал: нужно здорово, в дороге еще вздумаешь виноград срезывать, благо его много собирается в паломничество.

— Только вот там цари меня ждут, а сначала-то я поеду отсюда в Покровское... Он говорил: — Вот, дружок, ты меня слушайся. Ведь я тебя возвратил в Царицын. Я царей здорово донимал телеграммами с Ерусалима... Упорно держались, а потом сдались. Возвратили. Прокурора Лукьянова я велел им прогнать. Прогнали. Скоро Столыпина сгоню. На его место Коковцова поставлю. А на место Лукьянова уже поставил Цаблера. А знаешь что? Ведь Цаблер-то мне в ноги вот недавно поклонился за то, что его в прокуроры доспел.

При этом Распутин наглядно показал, как кланялся ему Саблер: одно колено к земле пригнул, другую на голени держал, а лбом коснулся земли.

— Нужно еще Петра Даманского повысить. Просится на товарищи Цаблеру. Сделаю... А цари на тебя осерчали, что ты убежал из Новосиля. Они хотели тебе уже денег послать на постройку нового храма, а ты возьми да удери... Ну, чего... А все-таки они тебя любят, во как любят! Ты, когда представлялся, очень понравился государю. А твою проповедь так он слушал бы без конца. Про тебя царь говорил пятого дня мне: «Илиодор — хороший мо-

нах, вот монах так монах». А Нестор, камчатский миссионер, тоже недавно был у меня: он настоящий жулик... Говорил мне царь, как он осаживал Столыпина, когда он приставал к нему с тобою, чтобы взять тебя из монастыря. Царь ему сказал: «Петр Аркадьевич! Вы кашу заварили, вы и расхлебывайте. Берите Илиодора из монастыря: он мне не нужен, но берите так, чтобы ни одна старушка не была тронута». Это я так из Ерусалима научил царя. Вот Столыпин и нагнал сюда, к тебе, казаков, жандармов взять тебя, связать и увезти, а ан ничего не вышло... Тут и милость царская подоспела... Послушай-ка, что про тебя мама говорит. Да думаю, это она напрасно. Она прямо сказала мне: «Григорий! Ты Феофана и Вениамина не бойся, они люди не опасные; они ходят с низко опущенною головою, а вот Илиодора-то бойся; он друг-друг, а потом так шугнет нас, что и тебе некуда будет деться, да и нам-то нелегко придется». Вот что. А «мама» тебе готовит дорогую бриллиантовую панагию, стоит будет 150 000 руб. Тебя они хотят сделать епископом; уж больно ты царю понравился своею службой в Царскосельской церкви, и проповедью, и всем...

— Да за что же мне, такому молодому, такая большая честь? Подостойней меня есть, — не вытерпел и спросил я.

— А за то, голубчик, что со мною ты и их здорово защищаешь. Да царю понравился, говорю же тебе. Уж будь покоен. Я верно говорю.

Я думал: «О дьявол! Когда я с тобой развяжусь?»

А он продолжал: — Пусть тогда епископы пощелкают зубами. Они тебя ненавидят, вот царь и хочет почтить тебя. Епископы люди жестокие, как дьяволы. Папа говорит: «Что если б они ласкали Л. Н. Толстого, то он бы без покаяния не умер. А то они сухо к нему относились. За все время только один Парфений и ездил к нему беседовать по душе. Гордецы они!»

Все это он мне говорил в самом конце июня месяца 1911 года.

В этот же день, помню, я ставил Григория перед иконой и говорил: — Григорий! Покайся в том, в чем тебя обвиняют. Правду про тебя пишут?

Он погрозился на меня пальцем и сказал: — Что ты, чужак? Всякому вздору веришь? Мотри у меня!

Я испугался и замолчал, удивившись искренно своей дерзости и смелости.

Приготовления к Саровскому паломничеству шли своим чередом. Каждый вечер в монастырь собиралась масса народу, шла запись, выдавались билеты... Было много бедняков, которым не на что было поехать в Саров. Григорий этим воспользовался, чтобы попробовать в последний раз

поднять свой авторитет и значение среди моих почитателей. Он предложил народу 3000 руб. на нужды бедных, обещая эти деньги исхлопотать. Народ благодарил Распутина, а он пошел в келью и написал телеграмму государыне, прося ее немедленно выслать 3000 руб. на паломничество в Саров.

Я, конечно, очень заинтересовался этим. Меня особенно подмывало то, что хотелось воочию убедиться еще раз, имеет ли при дворе Григорий силу, а быть может, он все врет, что мне говорил.

На другой день, как предполагал Распутин, денег не пришло. Атмосфера в настроении всех стала сгущаться; каждый думал: «А ну-ка, что, пришлет царица деньги или не пришлет?» Больше всех, конечно, волновался Григорий.

Пришли ко мне Лаптинская и Лохтина и говорят: — Беда! У отца Григория кровь из горла пошла, уж больно он волнуется, что царица долго денег не шлет.

На четвертый день деньги пришли. Камер-юнкер Пистольскорс писал: «Аннушка передала от мамы 3000 руб. на Саровское паломничество. Замедление произошло, потому что мама сначала не разобрала, куда устраивается паломничество; сначала думала, что в Саратов, к Гермогену, а потом поняла свою ошибку и немедленно дала деньги для отсылки по назначению. Любящий А. Пистольскорс».

После получения денег Григорий заявил, что он через день уезжает в село Покровское.

Явились ко мне Лохтина и Л. и начали говорить, что нужно как можно торжественнее проводить о. Григория, нужно поднести ему хорошую икону, цветы и подарок дорогой. Он сам этого желает. Я повиновался.

В воскресный день я приказал пройти по народу с тарелкой и собрать денег на проводы Распутина.

Народу было в храме очень много, но собрано было только 29 руб. На эти деньги я послал купить дешевенькую икону и такой же чайный сервиз.

Между тем Л. и Лохтина, зорко следившие за приготовлениями, узнали об этом, прибежали ко мне и начали кричать: — Вы уже послали за подарками отцу Григорию?

— Послал. А что?

— Да что вы, с ума сошли? Такому великому человеку да такую дрянь подносить? Что же народ скажет?

— Народ уже сказал свое слово: он бросил на тарелку только 29 руб., а на подарки у меня денег нет.

— Ах! Так дело только в деньгах. Что же вы не скажете отцу Григорию? Мы сейчас же принесем деньги.

Они убежали и через пять минут принесли 300 руб.

— Вот деньги!

— Ну, идите сами и покупайте, что знаете.

Они пошли и купили дорогую икону и дорогой серебряный чайный сервиз.

Распутин тоже внимательно следил за всею этой историей. Вечером того же дня, когда покупали подарки, Григорий в доме Рыбакова учительнице Тоне Рыбаковой говорил буквально так: — Илиодор непочтительно относится к моему положению. Испортился. Разве он не знает, что он только мною и держится в Царицыне? Плохо ему будет.

Наступил день проводов. Собрался народ. Девочка Плюхина поднесла «старцу» букет цветов и сказала: — Как прекрасны эти цветы, так прекрасна душа ваша.

Кто-то поднес чайный сервиз.

Я, ломая все свое нутро, поднес икону и сказал речь. Когда говорил эту речь, то чувствовал, что каждое слово ее вылетает из моего горла, как иголка, ставшая поперек.

Григорий всем был очень тронут и начал держать речь к народу. Здесь, в первый раз за все время моего знакомства, он показался мне очень привлекательным. Тонкая, высокая фигура его, аккуратно перехваченная в поясище талией дорогой русской поддевки, как-то особенно важно выделялась и тянулась вперед, упираясь на тонкие ноги в дорогих лакированных сапогах. Григорий показался мне каким-то воздушным, готовым вот-вот сняться с высокого дощатого помоста, где он стоял, улететь, но только не на небо, а в преисподнюю. Вымытые волосы его и борода, слегка развеваемые ветром, красиво метались во все стороны, как бы играя между собою и нарочно сталкиваясь. Он говорил отрывисто, твердо и звучно. Речь его дышала серьезностью и силою. Говорил недолго. Мне запомнились следующие слова из его речи: «Да! Враги восстали на меня. Думали, что мне конец. Нет. Шалишь. Им конец, но не мне. Кто они? Червяки, которые ползают на внутренней стороне покрышки кадушки с кислой капустой. Вот кто они! Хотели ссадить меня. Пусть помешкают!»

Из монастырского двора пошли провожать Григория на пароходную пристань. С верхней палубы парохода Григорий говорил еще речь, тоже о врагах.

II ЖЕРТВЫ СТАРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РАСПУТИНА

Приготовься, читатель, увидеть в этой главе нечто скверное и отвратительное.

Преимущественное содержание «старческой» деятельности Распутина — это врачевание в людях так называемых блудных страстей.

Снимать блудные страсти, по словам «старца», — великий дар, данный Распутину самим Богом за его усиленные подвиги поста и молитвы.

Распутин за время своей деятельности снимал страсти как с женщин, так и с мужчин.

Конечно, женский пол, как слабый и вообще легко поддающийся влиянию разного рода «бесов», обращал на себя особенное внимание «старца».

В деле врачевания мужчин «старец», право, не знаю, почему, имел весьма ограниченное поле, но зато в врачевании женщин и девушек судьба очень щедра для «великого старца»: она отвела ему широкое, прямо-таки необозримое поле «подвигов».

«Старец» начал «лечение» с самых низов: начал со странниц и монахинь.

Чаще всего он врачевал женский пол легкими способами, как более невинными и мало заметными.

На его деятельность в этом направлении я достаточно насмотрелся во время приездов его в Царицын, особенно в первый раз, когда народ бежал за ним, принимая его за действительно прозорливца и целителя.

Здесь Распутин положительно в каждом доме, где я бывал с ним, сначала руками «свидетельствовал» всех женщин и девушек, конечно, молоденьких и красивых, а потом начинал целовать. Целовал долго, несколько раз; целовал в доме, а потом на дворе. Конечно, я спрашивал: — Брат Григорий, для чего ты женщин целуешь?

Он отвечал: — Да ведь мне прикоснуться к женщине все равно что к чурбану. У меня нет похоти. И дух бесстрастия во мне сущий, я передаю им, а они от этого делаются чище, освящаются.

Я верил, но все-таки недоумевал, потому что не находил подтверждения «подвига» Григория, как он называл свои поцелуи, в святоотеческих писаниях.

Григорий, как бы угадывая мои мысли на этот счет, говорил: — Я делаю новый подвиг, Церкви еще не известный. Пришло время новых подвигов.

Я не противоречил своему другу и благодетелю, но в то же время и не соглашался. Народу в храме говорил: — Отношение к женщинам (поцелуи) брата Григория я считаю странными и сам этого никогда не сделаю по своей слабости. Видно, Бог дал Григорию великий дар бесстрастия.

Бывали случаи, когда я прорывался, и дело чуть не доходило до скандала.

Так, в первый приезд в Царицын в одном доме на Курской улице напал «старец» на красивеньких и молоденьких дамочек и девочек. Целовал их несколько раз в доме, целовал их и на дворе, и за воротами.

Погода была холодная и мокрая, я промочил ноги и уже начинал чувствовать, как постепенно простуживалась грудь моя.

Сидя в санях в ожидании Григория, целовавшего в это время за воротами хорошеньких женщин, я сказал ему: — Брат Григорий! Да будет тебе, а то я пропаду!..

Григорий сел в сани, осерчал и говорит: — Перебиваешь мне дело делать. Нехорошо. Молод ты. Не знаешь ничего, ведь не подмажешь, брат, так и не поедешь!..

— Прости, брат Григорий! — смущенно в волнении взмолился я, искренно поверивши, что поцелуями «святой старец» делает великий «подвиг».

— Ну, ничего, — ласково успокаивал меня «старец».

Целовал «старец» только молодых, но так как и старые — и гораздо усерднее молодых! — лезли освятиться поцелуями «старца», то он их бесцеремонно отталкивал.

В одном доме на Дар-Горе одна бедная старушка, поцеловавшись с Григорием только один раз, хотела поравняться с молодыми членами семьи и тянулась еще за «старческим» поцелуем, так Григорий так ее двинул, что она ударилась головой о печь, а «старец», выходя из дома того, проговорил: — И куда старая карга лезет, как будто не знают, что с молодыми гораздо приятнее целоваться...

Мне хотя и очень было жалко бедную старушку, но я подумал: «Ну да, ведь у старых и блудных страстей нет, — правильно Григорий поступает».

Подумал искренно. Как хотите меня называйте, а в искренность мою, человека, бывшего в высшей степени мистически настроенным, верьте, читатель!

На почве поцелуев происходили и иного рода скандалы, повергавшие меня в крайнее смущение и искреннее горе.

Раз было такое дело.

Приехал я с Григорием на святках 1909 года в дом царицынской купчихи — молодой вдовы, красивой г-жи Н. В это время здесь же в гостях была сестра хозяйки, тоже купчиха, молодая, красивая, видная.

Я принялся за свое дело, начал славить Христа, а Григорий в это время, прищуривая глаза и озираясь во все стороны, рассматривал миловидных дам и пять хорошеньких горничных. (Хозяйка содержала номера, где горничные прислуживали.)

Когда я окончил свое дело, произошло что-то невероятное. Григорий, поцеловавши три раза хозяйку, меня очень почитавшую, полез к сестре ее, меня мало знавшей... Б. в это время сидела в кресле. И, о горе! Как только Григорий поцеловал ее, она подняла свою большую, сильную руку и со всего размаха ударила «старца» по лицу.

Григорий опешил, а дама, принявши воинственный вид, стояла против «подвижника», намереваясь еще раз треснуть его; девушки выглядывали из комнат, хихикали, «старец» побежал в переднюю, а меня, сгоравшего от стыда, выручила хозяйка, пригласившая закусить и выпить стакан чаю...

За столом все держали себя непринужденно, как будто ничего особенного только что и не случилось. Не было только «старца», который в это время ходил около дома по тротуару, дожидаясь меня. Когда я сел с ним в экипаж, он, глубоко вздохнувши, проговорил: — Вот стерва-то, как она меня шарахнула! — Я молчал.

На почве поцелуев же произошло что-то крупное, неладное еще в семье А. В этой семье без отца были три барышни-учительницы. К средней из них, молоденькой и миловидной блондинке, ходил в это время студент-жених. И вот между ним и «блаженным старцем» из-за барышни произошло что-то очень неприятное. Раньше Григорий туда частенько бегал, а потом вдруг перестал. Я спрашивал у семьи объяснения этого факта, но мне не ответили, а только конфузливо улыбались... Я догадывался, что, должно быть, «старец» напакостил...

Помимо поцелуев и последнего способа. «старец» лечил больных женщин еще особого рода прикосновениями и способом «изгнания бесов».

Посему я «жертвы» Григория разделяю в перечислении на четыре категории: жертвы поцелуев и бань, жертвы особого рода прикосновений, жертвы изгнания бесов и жертвы плотского совокупления.

Жертвы поцелуев и бань

Этих жертв бесчисленное множество. В одном Царицыне их можно насчитать сотни. А в монастырях женских, куда вообще старец Григорий любит заглядывать, их не перечесть. Когда я с ним ехал в Сибирь, на его родину, он затаскивал меня в Екатеринбургский монастырь, в Пензенский, в Саратовский, в Балашевский. Да вообще, где бы ни бывал Григорий, он везде врачевал поцелуями.

Иногда лечил и баней. Это он делал в Покровском, Казани и, без сомнения, в других местах. В покровской бане он, как известно уже читателю, сам мне объяснил, что делает это для снятия страстей с женщин. А сотруднику «Нового времени» в 1912 году он давал пространное объяснение совсем в ином духе. На вопрос: «Зачем он ходит в баню с дамами?» — Григорий разглагольствовал: «Вот они приедут ко мне в Покровское в золоте, в бриллиантах, в шелковых платьях с длинными хвостами, горды, заносчивы, а я вот, чтобы смирить их, и поведу их голых в баню. А оттуда-то они выходят совсем иными...»

Жертвы особого рода «старческих» прикосновений

Н., девушка, в 1909—10 гг. жила в Царицыне. На пятый день Рождества я приехал в их дом славить Христа. Со мной был и Григорий. Я вошел в зал и стал около икон. Григорий остановился в дверях, ведущих из зала через переднюю в спальню. Как только я запел соответствующие дням песнопения, «старец» ухватил Надю за руку, потом за другую и потащил в спальню. Она, испугавшись до последней степени, слабо сопротивлялась.

В спальне «старец» начал целовать ее и валить на койку, но в это время я уже окончил молитву и все домашние забеспокоились: — А где же Надя?

Показался «старец» и начал, по обыкновению, целовать прочих членов семьи женского пола.

Надя стояла в углу передней и испуганно смотрела. На вопрос хозяйки: «Что с тобой?» — она ничего не отвечала. Я заметил: «Должно быть, она немного прихворнула», — и вместе со «старцем» вышел из дому.

З.В. — жена саратовского священника, матушка совсем молоденькая, застенчивая, красивенькая и в высшей степени благородная.

Об этом «подвиге» Гермоген рассказывал мне так: — Заметил я что-то неладное за Григорием и нарочно поместил его поближе к себе в кабинете. В час ночи Григорий встал и подошел к моей койке узнать, сплю ли я или нет. Я притворился спящим. Григорий поспешно оделся и куда-то исчез. Оказалось, что он побежал в квартиру В. И наделал там беды...

Дальше Гермоген как будто не хотел рассказывать.

— А дальше что, владыка? Что же он там наделал?

Гермоген заговорил: — Вот пес проклятый! Отца Ивана не было дома, а матушка лежала в постели. Григорий вошел в спальню, подошел к кровати и говорит: «Ну, что, скучно?» Потом начал поднимать одеяло и уже лезть на кровать... Тогда З. крикнула: «Куда, куда! Ах ты, черт!» — и ударила его по лицу. Он отскочил и говорит: «Да и молодец ты! Ты первая меня так ошарашила; ведь все бабы — дуры, с ними што хошь, то и делай, а ты не такая, проучила меня». И ушел.

Об этом Гермоген рассказывал мне в мае месяце 1911 года, когда я, после представления государю, заезжал в Саратов.

Сам В. тогда же говорил мне: — Вот, батюшка, беда; лезет Григорий к моей жене. А жена говорит: «Убью этого черта; хоть все пусть его ангелом считают, а я говорю, что он — черт. Ничего я не боюсь. Пусть тебя Гермоген гонит с места, а его друг Григорий — черт, и больше никто. И глаза у него дьявольские, и весь противный, а дела-то его каковы!..»

Рассказал мне священник В. и о том, что Григорий делал с сестрой его жены, молоденькой девушкой, только что окончившей гимназию.

Девушка приехала в гости к сестре. Как раз в это время был в Саратове и Григорий. Он обратил свое внимание на миловидную девочку. Пригласил ее однажды пройтись в город. Она, конечно, ничего не подозревая, пошла. Вышли из дома часов в 9, а возвратились около одиннадцати. Шли по архиерейскому саду около стены. Вдруг Григорий схватывает девушку, начинает ее мять, целовать, хватать за разные части тела и прижимать к стене.

Со всею силою она рванулась из «старческих» объятий, прибежала домой, трясется, плачет и даже не может ответить на тревожный вопрос: «Что с тобой, что с тобой?»

После все объяснилось. А Григорий, надругавшись над бедненькой, убежал в город к каким-то своим знакомым и там ночевал.

В, ее дочь и знакомая. Дело происходило в 1913 году, в феврале месяце в Петербурге.

Пострадавшие рассказывали моему родному брату Аполлону, студенту духовной академии, так.

Все они, трое, последовательницы известного проповедника трезвости — петербургского братца И. Чурикова.

Когда духовные власти напали на братца и даже запретили ему проповедовать, они, по совету О. В. Лохтиной, пошли с просьбой о помощи к Распутину, жившему в то время в Петербурге на Гороховой улице.

«Старец» принял их ласково. Когда они, подавая Распутину прошение, все встали на колени перед ним, он вдруг набросился на них, стал их целовать, мять, валить на землю, расстегивать груди.

Страшно испугавшись, они выбежали из комнаты и направились домой, не отдавая себе в первое время ясного отчета в том, что именно произошло...

Прошло месяца два. Духовные власти по-прежнему гнали братца и его последователей. Помощи и защиты нигде не было.

Тогда В. решила опять идти к «старцу» просить, чтобы он объяснил царю, как над трезвенником издеваются духовные власти. «Что будет, то будет!» — думала бедная женщина, вспоминая первый визит. Но, чтобы не случилось прежнего, она взяла с собою свою пятнадцатилетнюю дочку, миловидную, ангелоподобную девочку. «Усрамится девочки и не сделает старого», — размышляла наивная женщина.

Но «старец» ничего не усрамился: как только г-жа В. объяснила, в чем дело, зачем она пришла к нему, «старец» на нее и на дочку бросился, как зверь голодный; через

минуту он буквально их оборвал, и они, чуть не теряя разума, вырвались из его рук и побежали домой с обещанием больше к «старцу» за помощью не обращаться.

А.М.Л. — богатая царицынская купчиха, вдова 47 лет, красивая, немного болезненная, но с большими чувственными позывами женщина.

Она на исповеди в марте месяце 1910 года рассказала мне следующее:

— Пришел в мой дом брат Григорий вечером в такой-то день. Сидели. Говорили. Потом он попросил меня приготовить ему ванну. Я приказала прислугам немедленно исполнить просьбу «старца». Через час ванна была готова. Григорий вошел в ванную, а дверь оставил открытой. Разделся, лег в ванну и кричит: «Александра, подь-ка меня помой! Подь скорее, помой!» Я отвечаю: «Ну вот глупости! Я мужа своего никогда не мыла, а то тебя буду мыть». И не пошла. Старец очень рассердился, сейчас же вылез из ванной, что-то сказал бранное и убежал в город.

Послушница Ксения. — послушница женского монастырского подворья, находящегося в Царицыне. Девушка 28 лет. Не красивая, но очень симпатичная, полная, упругая, в высшей степени набожная и целомудренная. Она сейчас живет при епископе Гермогене в Жировицком монастыре, на гостинице.

Когда я был в Царицыне, она доставляла в храм моего монастыря просфоры. В марте месяце 1910 года приходила ко мне на исповедь. Перечисляя свои грехи, она запнулась, застеснялась...

— Ну, говори, все, все, — предложил я ей.

— Да вот Григорий Ефимович делал со мною...

— Нехорошее?

— Да.

— Ну, довольно. Я понял. О такой пакости здесь не место говорить. Приди ко мне через три дня после причастия и тогда расскажешь мне все подробно.

Это я сделал ввиду предположения, что Григорий сделал с ней что-то особенно нехорошее, о чем нужно будет рассказать и другим. А потому я решил расспросить ее дома, чтобы иметь возможность другим говорить, так как рассказанное на исповеди церковными правилами запрещается священнику передавать кому бы то ни было.

Через три дня Ксения пришла в мою келью.

— Ну, дочь моя, стань перед святою иконою и расскажи мне все, все, что с тобой делал Григорий. Забудь совершенно, что тебя выслушивает мужчина. Помни одного Бога и знай, что все то, что ты скажешь, послужит к разоблачению «старца», которого мы, по царям, почитали, как пророка и чудотворца, а он оказывается бесом.

Стояла бедная монахиня, низко опустив голову, и видно было, что нелегко было ее девической невинности передать то, как над ней ругался «старец», а еще труднее было переносить «старческие» ухищрения.

Собравшись с духом и одобряемая мною, она начала: — Дело было, дорогой батюшка, на святках. Старец заранее предупредил А. М. Л., в доме которой, как вам известно, я ради послушания, по приказанию матушки-игуменьи, кое-что исполняю в домашних работах, что он придет к ней ночевать в такой-то день. Пришел. Когда настала пора спать, он и говорит А. М.: «Голубка, пошли в монастырь за Ксениею: она мне очень нужна». А. М., конечно, послала прислугу, и я, как водится, явилась, хотя мне странным показалось, почему это я в такой поздний час понадобилась. «Старец» недолго раздумывал. Как только А. М. легла в постель, Григорий приказал мне раздеть его. Я раздела. Потом приказал раздеться самой; я разделась. Он лег на приготовленную кровать и говорит: «Ну, милка, ложись со мною». Я, дорогой батюшка, как и вы, считая его великим праведником, освятителем наших грешных тел и целителем, повиновалась, легла около него, а сама думала: «Господи, что же дальше-то будет?» А дальше вот что было!..

Тут Ксения запнулась, как будто что-то застряло в ее горле.

— Ну, говори, говори, что было дальше, если не скажешь, то я на три месяца запрещу тебе в храм ходить и к иконам прикасаться! — строго прикрикнул я на нее.

— Он меня начал целовать, так целовать, что на моем лице не осталось ни одной точки, старцем не поцелованной. Целовал меня, как говорится, взасос, так что я еле-еле не задыхалась. Я не вытерпела и закричала «Григорий Ефимович, что вы со мною, бедною, делаете?!»

— Ничего, ничего, лежи и молчи...

Я у него спрашиваю: «Брат Григорий! То, что вы со мной делаете, и батюшка мой Илиодор знает?» — «Знает, знает!» — отвечал Григорий.

— Вот дьявол, вот сатана! — крикнул я, не вытерпевши.

А Ксения продолжала: — Потом я спрашиваю: «А владыка Гермоген об этом знает?» — «Ну, а то как же, знает, все знает. Не смущайся!» — «И царь-батюшка и царица-матушка об этом знают?» — «Фу, да они-то больше всех знают; я с ними то же делаю, что и с тобой; пойми это, голубушка!»

Батюшка! Я, слушая ответы Григория, прямо-таки не знала, что думать и говорить. Мучил меня он четыре часа. Потом пошла домой. Через два дня я у Григория спросила «Брат Григорий, а можно мне рассказать батюшке Илио-

дору о том, что вы со мною делали тогда-то ночью?» Он погрозился на меня пальцем и сказал: «Вот еще чего выдумала! Вот я тебе расскажу!» — «Брат Григорий! Да вы же сами говорили, что батюшка знает, что вы делаете, почему же нельзя ему рассказать?»

Он замахал рукою, недовольно перекошил лицо и сказал: «Ну, говори, говори, он поймет, он все понимает», — закончила Ксения.

Но, к счастью Истины и к великому горю «старца», я не понял его «великого подвига», и с того момента, как выслушал рассказ страдальцы Ксении, я сделался непримиримым врагом «блаженного старца», ожидая времени, когда придется открыто изобличить его и навсегда отказаться от него.

От рассказа Ксении у меня в душе поднялась буря. Мысли начали кружиться в голове, как щепки и тряпки в вихре. Не разделаться ли с Григорием теперь? Но как? Изобличить его! Из Царицына погонят, а ведь здесь — жизнь моя, я без Царицына жить не могу; меня уже и так, как собаку загоняли с одного места на другое. А народ-то как бросить?.. Нет, подожду. Приглашу к себе друзей; расскажу им, что я узнал о Ксении; быть может, хоть они что-либо хорошее мне посоветуют... Как же с друзьями не посоветоваться? Ведь они близко около сердца держат общее святое дело. Приглашу, приглашу и расскажу!..

На пятой неделе великого поста, вскоре после «открытия» Ксении, я пригласил к себе в келью своих видных царицынских друзей: К. К. Косицына, А. А. Жукова, С. Н. Аникина, Н. А. Кононова, Л. М. Карташева, Т. И. Шмелева, Л. М. Шмелева, Г. С. Платонова, А. И. Панина, Н. П. Попова и еще кое-кого, всего более двенадцати человек. Рассказал им, спросил совета. Все они ничего мне не посоветовали, а только, удивляясь, пожимали плечами и конфузливо улыбались.

Проводив их, я опять-таки упал перед иконою и прямо-таки закричал: — Господи! Царица небесная! Развяжите меня со святым чертом. Одно внешнее знакомство с ним чернит меня. Вот как на меня нападают газеты, а он ведь не знает, что у меня в душе. Господи, помоги и пощади меня!

В этом же году монахиня Ксения ездила, сопровождая купчиху Л., в Петербург поклониться праху Иоанна Кронштадтского. Здесь она встретилась со «старцем».

Григорий, желая, по-видимому, похвастать перед царицынскими «дикарками» тем, как его принимают в Петербурге, затянул их или к генеральше Головиной, или к сенатору Мамонтову.

Здесь, сидя за столом и целуя петербургских дам и девушек, «старец», обратившись к Ксении, сказал: — Видишь, это не то, что там Илиодорушка возится с царицынскими бабенками. Вот повозился бы здесь с ними, то узнал бы, как трудно...

Ксения недоумевала...

Приехавши обратно в Царицын, она обратилась ко мне: — Батюшка, как же теперь думать про Григория? Вот я видела сама в Питере то-то и то-то.

— Все уже, дочь моя, передумано и перестрадано. Подлец он, и только. Погоди, я до него доберусь!

Жертвы способа изгнания бесов

Казанская баба, о которой в 1904 году в лавре Петербургской упоминал епископ Антоний, без сомнения, была «блудно-бесноватой» и, конечно, познакомившись со «старцем», не избежала его чудотворной силы.

Тогда я Антонию, как вообще вралю большой руки, не поверил.

Теперь, насмотревшись в Царицыне «старческих» приемов при изгнании бесов, верю.

Должно заметить, что Григорий признает в женщинах существование преимущественно блудных бесов, и, конечно, из жалости к слабому полу, он, насколько хватает сил, избавляет его от бесовских приставаний.

В этом отношении он размахнулся в Царицыне, что называется, вовсю. Быть может, да и без сомнения, он и в других городах размахи делал в этом отношении, но я того не знаю и не видел. А его царицынские подвиги видел. Поэтому считаю долгом остановить на них внимание читателя.

С.М.Ш. — вдова, 52 лет. Очень сильная женщина. По временам кликушествует.

По приезде Григория в Царицын она обращалась к нему за советом. «Старец» признал, что в ней сидит бес. Несколько раз являлся к ней в дом изгонять беса.

После, когда люди спрашивали у г-жи Ш., каким образом «старец» лечил ее, она всегда конфузливо улыбалась и неизменно давала такой краткий ответ: — Стыдно об этом и говорить.

П.Х. — богатая царицынская купчиха, 55 лет. Здоровая, полная. Имеет мужа, но он часто отлучается из дома и путешествует по святым местам: Афону, Иерусалиму и другим.

Как только Григорий приехал в Царицын, она немедленно обратилась к нему за врачеванием.

Конечно, «старец» сейчас же установил диагноз: признал блудного беса.

Началось лечение.

Поехали мы с ним в дом Х. Я с рождественским визитом, а Григорий по своей «специальности».

В главных комнатах огромного купеческого дома «старец» хватил за грудь хозяйскую невестку женщину лет 32-х, очень смазливую и очень привлекательную. Невестка как-то странно вскрикнула и убежала от «старца».

Григорий и говорит: — Здесь, в этих комнатах, беса нельзя выгонять, надо выбрать более укромное место.

Пошли в другое помещение, состоявшее из четырех маленьких комнаток; одна комната была совсем маленькая: в ней стояла только одна большая кровать. «Старец» сказал: — Вот здесь хорошо беса выгонять. Повели туда «больную». Она начала трястись и мычать. Вошел в ту комнату и «старец», закрывши за собою двери.

Я с мужем больной остался в залике и начал его, как мог, утешать.

В комнатке поднялась страшная возня. Тянулась она долго. Я начал нервничать. Не вытерпел, заглянул в дверь сквозь стекло и увидел такую картину, что, крайне смущенный, прямо-таки отскочил от дверей...

Минут через пять вышел из «кабинета» и «старец». Вид его был ужасно усталый, он тяжело дышал. — Ну, брат, вот бес так бес. Фу, какой большой. Во как я умирался! Мотри, вся сорочка мокрая! Устал, заснула и она...

Когда «старец» это говорил, несчастный муж плакал, а я, искренно веривший в бесноватых, как о них в Евангелии написано, думал: действительно, бесов трудно изгонять.

В этот раз я Григорию поверил. О его же приемах при лечении просто размышлял, что так надо. Из Х., однако, беса Григорий не изгнал. Она по-прежнему кричала и бесилась.

Елена, жена извозчика. Всякий, кто посещал по праздничным дням монастырский храм, видел бесноватую, молоденькую, очень симпатичную, полненькую женщину.

Я служил о ней молебен, кропил ее святой водой, а она, открывая широко глаза, мотала головой и громко кричала: — Нет, погоди! Не выгонишь, понимаешь, я — Григорий, меня не выгонишь; я не Елена, а я — Григорий, семь лет тому назад поселился здесь!

Мне очень жалко было эту бедную женщину. Я молился, а сам разузнавал, с чего это так сделалось с ней.

Муж ее, очень прекрасный человек, рассказал мне, что у нее до замужества был жених Григорий, которого она очень любила, а вышла замуж за него. Вот с тех пор с ней и приключилось неладное.

«Старец», приехавши в Царицын, моментально обратил свое благосклонное внимание на хорошенькую «больную»,

когда увидел ее в храме. Она обратилась к нему. Он повел ее в мою келью. Здесь она начала, по обыкновению, безумствовать. Вдруг «больная» совершенно выздоровела, огонек разума блеснул в ее черных, красивых глазах, и она громко-громко закричала на «старца»: — Ты зачем меня лапаешь? А? Я тебе полапаю! Ты что ко мне лезешь? Я пришла в монастырь за батюшкиными молитвами, а ты кто? Вот тебе как дам по морде, то будешь знать Елену.

Григорий окончательно опешил и испуганно смотрел во все стороны. Ему было стыдно предо мною и перед теми людьми, которые ожидали меня в передней.

Я, как мог, успокоил Еленушку и отпустил ее домой.

В последний приезд «старца» в Царицын я с требы ехал с ним по городу.

Вдруг из своего домика выскакивает Еленушка и кричит: — Батюшка, дорогой батюшка! Заезжай в мою хатку, отслужи молебен с водосвятием. — Хотя и некогда было, я все-таки заехал. А Григорий приговаривал: — Надо, надо заехать: она бабенка хорошая.

Вошли в дом. Я начал служить молебен. Еленушка упала на землю и стала биться. Начал мочить ей голову святою водою; наконец, она впала в обморочное состояние; я приказал людям, бывшим на молебне, осторожно взять ее и положить на постель, предварительно освободивши ее грудь от тесной одежды.

Григорий говорит: — Вышли отсюда всех людей; мне надо кое-что с тобою поговорить.

Я, недоумевая, в чем дело, выслал всех мужчин и женщин.

«Старец» смотрел на нее, что-то думал и кусал ноготь пальца.

— Ну, что, говори, — перебил я его раздумье.

— А ты знаешь, где у ней бес?

— Да где? Как и у других: вот здесь, под ложечкой. — Я указал крестом себе под ложечку.

— Нет! У нее — блужный бес. Слушай-ка, дружок, ты езжай домой, а я беса... того, выгоню.

— Как выгонишь?

— А ты как бы его изгонял?

— Да как? Известно: молитвой, крестом да водой.

— Нет, так этого беса не выгонишь. Его нужно, проклятого, вот чем.

— О, нет, нет! Я на это согласиться не могу. Пойдем отсюда. Пусть Елена отдыхает.

— Ну, ничего, до другого раза.

Тут я остановился, вышел из себя и крикнул на Григория: — Не до другого раза, брат Григорий, а этого вовсе никогда, ни с кем не надо делать!

«Старец» очень рассердился на меня, даже не сел со мною в экипаж, чтобы ехать в монастырь. Он куда-то убежал.

Е.Г.С. — царицынская богатая купчиха, молодая и очень красивая. Мужа имеет довольно пожилого. От половой неудовлетворенности, считая себя «бесноватой», иногда кричит. Григорий также на нее обратил свое «старческое» внимание и сразу заподозрил присутствие в ней блудного беса.

Когда я с ним был в доме Г., то после молитвы и закуски он позвал ее в кабинет, находящийся в довольно глухом углу большого дома. Она пришла. «Старец» спрашивает: — «Ну, как бес-то?»

Купчиха улыбается так сладко-сладко: «Вот Господь послал врача-то, так врача», — думала она.

«Старец» не замедлил при мне начать свои «операции».

Жертвы последнего способа

Тюменская монахиня. Одною из первых жертв «старца», без сомнения, была та монахиня, которую я встретил в Тюмени, когда ехал в село Покровское.

Григорий называл ее старою знакомою, бесцеремонно обращался с нею.

И сама монахиня смотрела лукаво и, казалось, познакомившись со мною, недоумевала: «Что ты за человек, что дружишь с Григорием; ведь я его хорошо знаю; он меня лечил, он делал со мною то-то и то-то. Уж не такой ли и ты?»

Домашние девушки. Последующими жертвами «старца», когда он уже бросил странствовать, а занялся своею «старческою» деятельностью на месте, в селе Покровском, были многочисленные девушки, жившие у него в доме.

С ними он предавался самому крайнему разврату.

Об этом мне говорили священник Остроумов и дьякон Солодовников.

Двух девушек, Катю и Дуню, я сам видел в доме Распутина. Обе эти девушки, при всей своей скромности и покорности, в половом отношении вели себя очень подозрительно и готовы были пойти на самые отвратительные «старческие» ухищрения.

Дочь Д. Д. Подвигаясь со своими «подвигами» в Россию, Распутин нашел для себя прекрасную пациентку в Тюмени — дочь известного уже читателю сундучника.

Он много лет жил с ней, как муж с женою.

Хитрая тюменская красавица отдавалась «старцу» за те деньги и подарки, которые он каждый раз привозил ей к праздникам из Питера.

Сам же «старец», живя с этою женщиною, конечно, думал, что он делает «подвиг», изгоняет из нее блудного беса.

Так он успокаивал и родителей бедовой дамочки.

Родители видели, что Григорий нехорошо поступает с их дочерью, но мирились, потому что верили: «старец» ее вылечит от блудного беса и она перестанет бегать от своего мужа по чужим постелям.

З. М. и С. Это две родные сестры. О второй уже упоминалось, а первая — помещица Смоленской губернии. Молодая, образованная и отличается выдающейся красотой. Отношения к обеим сестрам «старца», насколько мне приходилось наблюдать, были в высшей степени подозрительные, однако никаких свидетельских показаний в пользу того, что Григорий лечил их последним способом, я в руках не имею. Знаю только, что он всегда бредил З. Говорил, что она неописанной красоты и вся отдавалась ему.

Бывая в Царицыне, он всегда посылал ей телеграммы самого соблазнительного содержания; часто ездил к ней в имение. В силу этого я имею основание предполагать, что она, как и ее сестра, получала от «старца» радикальное врачевание.

Жена К. Пробравшись в столицу, «старец», конечно, и здесь не оставил без внимания женский пол.

Одною из первых жертв «старца», по последнему способу, была г-жа К. — жена видного сановника. Она просила Григория вселить страстность в мужа. Григорий же не может сажать в людей блудных бесов, о чем просила К.; он только изгоняет их.

После лечения К. говорила «старцу», что теперь дело обстоит хорошо.

А.П. Жена камер-юнкера. «Старец» ее лечил. Лечил поцелуями, прижатием и, без сомнения, последним способом.

Он неоднократно мне говорил:

— А. — моя; с А. я что хочу, то и делаю.

И действительно, был случай, когда я убедился, что Григорий с А. делает самые невероятные вещи.

После знаменитого обличения «старца», о котором читатель узнает из последней главы, я был «на суде» в доме генеральши Г., тетки А.

Когда я, намереваясь пройти в переднюю, по ошибке заглянул в спальню, то увидел...

Е.М.Т. Эта девушка окончила, кажется, Исидоровское петербургское духовное училище. Познакомившись со «старцем», она скоро подпала под его деспотическое влияние. Уверениями своими, что он может сделать ее совершенно чистою от блудных помышлений, «старец» склонил ее на сожительство с ним. Жила она с ним несколько лет.

Чтобы не потерять ее, «старец» обещал пристроить ее при дворе чуть ли не фрейлиною. Она очень тяготилась

сожительством со «старцем». Сомневалась, что это «богоугодно».

В то время как я ее видел в Саратове какую-то пришибленную, у нее в душе начинало сказываться мятежное восстание против «старца», но она, ободряемая О. В. Лохтиной, что все дела о. Григория только освящают тела женщин, на время смирилась, а буря в душе готова была разразиться каждый момент...

Будучи в Саратове и живя в квартире эконома, она вместе с Лохтиной догола раздевала «старца», а потом надевала на него чистое белье.

При этом, по свидетельству З. В., в той комнате, где растленная девушка и покоренная генеральша облачали «старца», слышались закатыстые смешки и раздавались шлепанья ладонью по голому телу.

Это «старец» забавлялся со своими поклонницами...

Буря разразилась. Бедная девица не вытерпела, пошла на исповедь к ректору Петербургской духовной академии — епископу Феофану, и рассказала ему все-все...

Об этом писал мне письмо иеромонах Вениамин.

За покаяние «старец» хотел подослать убийц к своей несчастной жертве; и одно время, по свидетельству дьякона С., Лена принуждена была скрываться от «старца».

В 1910 году она, обиженная, жила в г. Козельске у неприимимого врага Григория, мещанина Мити-блаженненького, узнавшего все его художества еще в бытность свою придворным пророком до Распутина; но об этом речь ниже.

В это время по России пошли вести, что Распутин собирается строить в Царицыне женский монастырь.

Е. М. Т. прислала мне из Козельска открытое письмо. Письмо это было получено бывшим у меня в гостях братом — студентом Аполлоном; и так как содержание его было очень для меня незаслуженно-оскорбительно, то брат утаил это письмо у себя, чтобы меня не расстраивать.

Теперь, спрошенный мною, он передал, что письмо было приблизительно такое: «Подлец! Ты затеваешь с Распутиным там (в Царицыне) строить женский монастырь. Это зачем? Затем, чтобы там насиловать невинных девушек, как Григорий растлил и погубил меня?! Лена».

В настоящее время бедная Лена живет в каком-то женском монастыре, кажется, Петербургской губернии.

Хиония Б. Дочь видного и очень богатого генерала, вдова военного инженера или строевого офицера, молоденькая, на одну ногу хроменькая, но, по рассказам, в высшей степени красивенькая и нежная дамочка. Со «старцем» она познакомилась давно, чуть ли не с того времени, когда Григорий был привезен в Петербург со своими «специальными медикаментами».

Сначала «лечение» шло хорошо. Б. неотступно следовала за Григорием. Ездил к нему в Покровское. Ходила со «старцем» в баню и даже, с его слов, написала «Житие опытного странника».

Потом вышло что-то неладное в дружбе с Григорием. Она от него ушла... Исповедовалась у епископа Феофана... Написала целую тетрадь о «подвигах» Распутина и подала ее государю... О судьбе этой тетради читатель уже знает.

Хиония, «старцем» весьма обиженная, вот как объясняет: ехала она однажды со «старцем» в Покровское в вагоне 1-го класса, в отдельном купе... Долго ее «старец» ласкал, целовал, мямлил и спрашивал: — Поди, блудный-то бес тебя во как мучает; ведь муженька-то нет. Ну я его того...

После того она, унылая, сидела на диване и размышляла о той пакости, какую с ней проделал «блаженный старец».

А «старец» не падал духом, подошел к ней да так ласково-ласково говорит: — Ну, что, миленькая, пригорюнилась? А? Чай, думаешь, что я с тобой плохо поступил? Не думай так: это — грешно; как не грешно есть и пить, так не грешно с тобою мне валяться; да и легче тебе будет. Блудный-то бес отскочил от тебя, в окошко выскочил. Я это видел. Ей-богу! А вот за то, голубка, что ты подумала, что я с тобою грех сделал, становись-ка да клади вот здесь двести земных поклонов, да и я с тобою помолюсь, о прощении твоего греха...

Убитая Хиония встала и начала отбивать поклоны; сзади нее «старец» тоже усердно ударял лбом об пол купе.

Моление кончилось. Но это было последнее моление с Григорием. Скоро Хиония рассказала все, кому надо, и бросила «старца».

А «старец», конечно, без страха и уныния направился искать для себя новых «пациенток».

О. В. Лохтина. Жена действительного статского советника, 52 лет. Женщина гордая, умная и всесторонне образованная. Первая пациентка Григория, пациентка усердная, отчаянная, безумная. До знакомства со «старцем» она была чуть ли не первою дамою в свете, своей красотой, богатейшими, изысканными нарядами и горделивым сознанием своих достоинств покорявшая сердца кавалеров.

Но как только сошлась самым форменным образом с Распутиным, то бросила свет и исключительно занималась тем, что ходила во дворец к императрице и государю, пила там чай, обедала и толковала царям «мудрые изречения» и пророчества «отца» Григория.

Так продолжалось до тех пор, пока «старец» не нашел для этой цели более подходящую особу — А. А. Вырубову.

Царям пришлось расстаться с Лохтиной. Хотя это и трудно было сделать, так как царица не иначе называла Лохтину, как «милая Олечка, подруга моя драгоценная», но старческие «веления» были гораздо сильнее личных привязанностей и симпатий.

О. В. Лохтина «смирилась» с таким поворотом в своей судьбе. Но по-прежнему ходила за «старцем» и имела самые подробные записи о его деятельности, а главным образом, она в своих дневниках выражала свои чувства к «старцу» и глубокое преклонение перед его личностью.

О. В. Лохтина отказалась от семьи.

Начала юродствовать: говорила, что видела о. Григория в белом сиянии, стала ходить босиком, одевать в высшей степени странные костюмы с бесчисленными ленточками, позвонками и с шапочкой на голове, на которой было вышито: «Во мне вся сила. Аллилуйя».

Основываясь на каком-то, мне неведомом, пророчестве Ф. М. Достоевского о том, что в наше именно время придет спасти Россию в образе смиренного мужичка сам Бог, она считала Григория — Богом Саваофом, меня — Сыном Божиим, а себя — Богородицею.

Все мои и Гермогена усилия убедить ее в крайней кощунственности выдуманного ею учения ни к чему не привели. Она твердо стояла на своем.

Распутин тоже старался внушить ей, что он — не Бог. В этих видах он писал ей: *«Умоляю не фотасируй»*, и еще: *«Боле дома сиду мене говри неиши вдватцатом веке бога на земле»*.

И это не помогло. Лохтина громко проповедовала, что «отец» Григорий есть Господь, во плоти пришедший.

При дворе Лохтину очень любили и очень боялись. Она командовала царем и царицей. Григорий мне рассказывал, что однажды она из Одессы прислала государю такую телеграмму: «Николай! Немедленно переведи мне по телеграфу двести рублей для нищих. Ольга». Николай, прочитав телеграмму, говорит «старцу»: «Григорий! Ведь я — царь. Разве так можно писать императору? Что же другие скажут? А?» Старец, улыбаясь, отвечал: — «Дуре, дружок, все можно простить». Лицо государя от волнения раздурманилось; все-таки он приказал послать ей двести рублей.

Жена «старца» Прасковья очень ревновала Лохтину к своему мужу. Устраивала драки и сцены. Сам Григорий и Прасковья это категорически отрицают, но Лохтина, описывая в дневниках свое пребывание в селе Покровском, утверждает, что Параскева Федоровна била ее и выгоняла за ворота с криком: «Не дам тебе больше целовать голову о. Григория».

Про сожительство «старца» с женским полом О. В. Лохтина придерживается очень определенного взгляда.

На вопрос моего брата Аполлона: «Ольга Владимировна! Вот про Григория Ефимовича говорят неладно, что будто бы он с женским полом, того... имеет дело. Как на это смотреть?» — Лохтина отвечала: «Ничего здесь неладного нет; для святого — все свято. Что, отец Григорий такой, как все люди, что ли? Люди делают грех, а он тем же только освящает и низводит благодать Божию!» Брат замолчал. Ну что скажешь против такого убийственного довода?.. Когда «старец», обличенный мною, сослал меня во Флорищеву пустынь, то О. В. Лохтина, не теряя надежды на мое примирение о «отцом» Григорием и на восстановление прежней компании для управления, как она выражалась, двором, несколько раз приезжала во Флорищеву пустынь.

Я ее до себя не допускал, а только из окна перечислял «подвиги» «отца» Григория и просил ее бросить его и возвратиться в семью. Она никогда ничего мне на это не отвечала.

Приезжая в пустынь, она ходила вокруг моей кельи, забираясь на стену, на крышу дома и все кричала одно и то же: «Илиодорушка! Красное солнышко!» Монахи, думая, что у меня с ней были грешные отношения, смеялись, а стражники буквально истязали несчастную генеральшу. Таскали ее за волосы, босые ноги ее разбивали сапогами до крови, потом сажали в экипаж и увозили в Гороховец. Она никогда не сопротивлялась, притворяясь мертвой.

Когда я освободился из пустыни и, уже мирянином, приехал к своим родителям на Дон, то приехала туда и Лохтина в своем странном костюме и с дневниками.

Она поселилась на хуторе Большом, потом переселилась на хутор Морозов, в трех верстах от моей дачи «Новая Галилея». За 18 месяцев я ни разу не принял ее, не допустил до себя.

Люди клеветали на нее, что она потому жила около меня, что была в меня влюблена. Это — неправда! Я решительно утверждаю, что она бегала за мною исключительно из желания опять привлечь меня в свою придворную компанию как сильного, по ее мнению, духом человека, в чем она будто бы убедилась, когда, бывая в Царицыне, видела мою службу, слушала мою проповедь и внимательно следила за всею мою деятельностью.

Приходя ко мне на дачу, она выкидывала какие-либо фокусы: то изрекала пророчества, то копала себе могилу, то клала свои балахоны на курган, а чаще всего она привешивала на ветках деревьев узелки. В этих узелках она каждый раз завязывала часть своих дневников и писем, которые она писала царям и получала через Вырубову от них.

За все время она перетаскала мне все свои дневники и письма: получилась целая куча.

Царям она писала очень ругательные письма, проклинала их, угрожала Божиим судом; копии писем она, как сказано, передавала мне. Вообще она относилась к царям с презрением.

Однажды, придя в «Галилею», она бросила мне на крыльцо рубль с изображением царей — Михаила и Николая, перевязанный голубой ленточкою.

Я сказал: — Ольга! Зачем ты бросаешь под мои ноги! — Она дико захохотала и ответила: — Вот и хорошо! Так и надо!

В письмах и телеграммах к царям она всегда подписывалась так: «Ольга Илиодора» или: «Ольга-Дура».

Вырубова в ответных письмах к ней от лица царей называла ее «святою матерью», просила ее благословения и святых молитв.

9 ноября 1912 года Лохтина, направляясь ко мне во Флорищеву пустынь, послала Николаю такую телеграмму: «Государь! Выпусти орла на волю. Я опять еду. Допусти. Не любите Церковь живую».

В этот же день она писала наследнику: «Я жду от тебя подарок — серебряный самоварчик нам с отцом Илиодором».

9 июля 1913 года она телеграфировала Николаю: «Рейд Штандарт. Его императорскому величеству, государю императору. Христос воскрес! Царь, проси прощения у отца Илиодора и возврати ему полнейшую свободу, а мне переведи десять тысяч. Именинница Ольга Илиодора».

Письмо Вырубовой от 15 августа 1913 года она, называя ее в обращении к ней министром двора, заканчивает так: «Боюсь, как бы Господь не лишил порфир».

6 августа 1912 года она писала царю в телеграмме: «Вспомяни Бога Живого! На Россию грянут великие беды! Повели мне помимо Синода привезти отца Илиодора возвестить тебе волю Божию... Повели проклятому Синоду без издевательств освободить его».

4 сентября 1912 года Лохтина обращается к царю так: «Царь! Спроси своего холопа Саблера, правда ли он согласен на соединение нашей православной церкви с англиканской... Митрополит Палладий называл Саблера Саратовским колонистом» и т. д.

28 марта 1913 года Ольга Владимировна Лохтина писала царю: «Христос воскрес! 1) В России нет царя! 2) В России нет законов! 3) В России попраны законы Божеские! 4) В России законы превратились в правила, и все в этих правилах запутались, и каждый поступает по своему собственному усмотрению и разумению, вследствие чего происходят великие ошибки... Ольга Владимировна Лохтина, юродивая Христа ради».

Несмотря на такое отношение к царям, Лохтина пользуется их внимательным к ней отношением. У меня имеется подлинная телеграмма с рейда Штандарт, в которой цари, за подписью Вырубовой — «Анна», поздравляют Лохтину с днем ангела. Телеграмма была ими послана 1913 года, 12 июля.

Распутин в 1913 году выпросил у царя крест для Ольги Владимировны, чтобы она носила его на груди, как это делает великая княгиня Елизавета Федоровна, но Лохтина отказалась от креста и ответила царю, что она служит Богу не за награды.

Государыня прислала Лохтиной разные дорогие материи на балахоны, ленты, золотое кольцо и другие вещи. Часть материй и лент Лохтина приносила в «Галилею» и привешивала на деревьях. Кое-что из этого и сейчас хранится у меня.

Вообще отношения Лохтиной к Александре были гораздо сердечнее, чем отношения к Николаю. Это отчасти можно видеть из писем Вырубовой к Ольге Владимировне. В них Вырубова писала Лохтиной: «Дорогая Ольга Владимировна, посылаю Вам от Мама на дорогу 200 рублей, — и отец Григорий мне сказал Вам послать лент, я спросила каких. Он сказал — разных... Помолитесь за нас, нерадивых... Здесь все слава Богу, но Мама болеет, и мне тяжело, уповаю на молитвы о. Григория... Мама Вас целует. Помолитесь за нас. Ваша Анна... Получили ли Вы кольцо от Мама?.. Благодарю Вас, дорогая Ольга Владимировна, что написали, мне так дорого каждое слово из Покровского, надеюсь увидеть скоро о. Григория, а то все соскучились... Обнимаю Вас крепко. Мама и Дети Вас целуют... Помолитесь за нас... Ваша Анна».

Все эти письма Вырубова писала Лохтиной в 1913 году. Подлинники у меня имеются.

Царица за полтора года (1913 и 1½ 1914 г.) переслала Лохтиной около 5.000 руб. На эти деньги Лохтина построила себе на хуторе Морозове прекрасный домик.

В последнее время она, по рассказам казаков, все ждала к себе в гости наследника и царских дочерей.

Живя вблизи меня, она все время просила царицу и государя прислать ей 10 000 руб. Эти деньги она хотела отдать мне на гомеопатическую лечебницу, хотя я об этом, как вообще ни о чем, ее не просил. Распутин пронюхал про это и запретил царям посылать ей 10 000 руб. Об этом А. Вырубова писала Лохтиной так: «Святая мать! Вы просите десять тысяч рублей. Мама спросила об этом отца. Отец Григорий написал, что не надо. Не знаем, кого из вас слушать. Подождем. Сам Бог укажет, как поступить» (далее идет речь о посылаемых «мамой» материях, лентах и просьба помолиться).

При этом Вырубова приложила подлинное письмо Распутина царям о том, чтобы они не давали Лохтиной десяти тысяч.

В письме том, между прочим, «старец» нарисовал какое-то пузатое чудовище с лягушиною головою, с тонкими, как жердочки, ногами и с растопыренными, наподобие паутины, пальцами. Под этим изображением он написал. *«Серьга Труханов, отступник»*, а около рта чудовища он написал: *«Денег дай!»*

Это замечательное письмо цари через Вырубову переслали Лохтиной, Лохтина отдала мне, а у меня вместе с другими письмами Распутина взяли его прокуроры и, несмотря на мои настойчивые требования, не возвратили.

Так десять тысяч государыня и не прислала Лохтиной. Распутин был очень недоволен, что Лохтина жила около меня. По этому поводу он писал ей бранные письма. Вот доподлинно одно из них:

«А бессовестная, А бесстыдница, А проклятая, стерва. Ты чего там живешь подле Серьги отступника. Ему, дьяволу анихтиема, анехтема, анехтема. А ты подлюка там живешь. Я тебе морду всю в кровь разобью. Да! Григорий. Да!»

Где сейчас О. В. Лохтина, достойная крайнего сожаления, и что с ней, — я не знаю. Очень боюсь, как бы она в своих странных балахонах и с ленточками не посетила Христианию...

М.И.В. Дочь сенатора, девица очень красивая, 35 лет. Познакомилась со «старцем» на первых порах его деятельности в Петрограде. Увлеченная учением Распутина об изгнании блудных бесов, она, боримая, не желая выходить замуж и лишаться через это высокого придворного места, решила лечиться в «старческой лечебнице» Распутина.

«Старец», конечно, оказал милосердие и начал лечить ее. Сначала врачевал обычными поцелуями, прикосновениями и банями. Меря, как ее всегда звал «блаженный», повиновалась и, по всей вероятности, ожидала, что вот-вот она совсем будет чистая и святая и ей легко будет пребывать в девичестве.

Она участвовала в радении у Макария и даже дралась с Лохтиной из-за того, кому лежать по правый бок «старца».

Видимо, все шло по-хорошему. «Старец» писал ей письма.

В конце концов «блаженный» и здесь пересолил, ошибся, дал слишком сильное лекарство, и Мери ушла от него...

После одной бани, где «старец» убедил Мерю, что он бесстрастен и ничего не чувствует, когда прикасается к женщине, Мери легла рядом с Григорием, заснула, и —

о, ужас! — в это время «блаженный» сделался страстным и растлил чистую, невинную бедную девушку... Мери рассказала об этом Феофану на исповеди...

Когда Распутин, во время первого посещения Царицына, послал ей заискивающую телеграмму с рождественским кантом, то она даже и не ответила... Уже была обижена «старцем».

Об этом ужасном преступлении Распутина я узнал уже после защиты его из письма иеромонаха Вениамина. Говорил мне об этом в апреле 1910 года и диакон Солодовников.

Наконец, проговорился об этом, по нужде, конечно, большой друг Распутина — П., получивший от «старца» придворное звание камер-юнкера.

Когда я 23 мая 1911 года служил у него в доме, в Царском Селе, молебен, то он, желая заранее устранить то неприятное впечатление, которое могли на меня произвести ходившие по Петербургу слухи о растлении Распутиным, завел меня в одну глухую комнату и как-то таинственно начал говорить: «А что выдумывает про нашего великого прозорливца М. И. то, и отца! — Говорит, что он ее растлил».

Тут П. замолчал и задумался.

— Что же дальше? — спрашиваю я.

— Дальше, дальше... я ей сказал, чтобы она молчала, и показал ей вот что!

Я посмотрел на большой мясистый кулак драгунского офицера и подумал: «Да, перед этим кулаком, перед таким жестом поневоле замолчит не только что девушка, занимающая высокое положение при дворе, но и вообще всякая»...

А.А.Вырубова. Старшая дочь А. С. Танеева, разведенная, жена гвардейского офицера. Распутин говорил: — Аннушка отдала мне душу и тело.

По словам «старца», она разошлась с мужем, потому что муж ее очень бил и истязал. Но большая часть правды в том, что она приглянулась царице; Александра без нее не могла спать, есть, в комнате быть. Нужно было ее освободить от мужа.

Как это сделать? На сцену явился «старец» и все сделал. Он изгнал из Вырубовой блудного беса, и она забыла о муже. Тогда-то Лохтина и была при государыне заменена Вырубовой. Вырубова поселилась около дворца в Царском Селе, в маленькой, скромной квартирке.

Здесь всегда обитал «старец», и когда ему почему-либо неудобно было являться во дворец, то к нему, на квартиру Вырубовой, приезжала Александра и часто сам Николай.

В этой квартире и я представлялся государыне. Ждали Григория и Николая, но они почему-то не приехали. После я решил — просто потому, что царица стеснялась при мне

целоваться со «старцем», что она, по словам Распутина, делает всегда, как только с ним встречается.

Если Григорий был и есть для царей Бог и Христос, то Вырубова была и есть для них пророк, истолковательница воли Григория.

Все письма, телеграммы, советы, предписания, предсказания, повеления цари получали и получают от Распутина и отвечают ему через Вырубову. Вырубова исполняет свое послушание исправно, честно. Это нравится государыне.

Был только один случай, когда Александра была недовольна Вырубовой. О. В. Лохтина рассказывала мне об этом так: — Царица нервничает. И уже Аннушкой недовольна. Вот Аня прислала мне письмо и жалуется на это. Да. А сердится потому, что Аннушка плохо воспитана. Не во всем угождает государыне.

Гермоген, со слов придворных чинов, когда посылал меня к Александре с лекарствами, рассказывал мне: — Григорий-то, Григорий! Вот дьявол! Ведь он «маму» с ума свел, да и ту, Вырубову. Что он с ними делает, что делает, так невысказано. Видели это слуги, а мне рассказали придворные чины, когда я ездил в последний раз в Петербург и беседовал с сотрудником «Нового времени» о Григории...

— Владыка! Да почему это они так делают? — горячо спросил я.

Гермоген начал говорить, что это — хлыстовская штука.

Императрица Александра. Красивая, нервная, впечатлительная женщина, отдалась в руки «старца» еще тогда, когда он явился в Питер в больших мужицких сапогах.

Прямых свидетелей этого факта, кроме самого Распутина, я не имею, но косвенных достаточно.

Во дни обличения «старца», от 11—16 декабря 1911 года, блаженненький Митя все время в покоях преосвященного Гермогена на Ярославском подворье кричал: — Вот вешайте меня, сейчас вешайте, а я говорю правду!..

Приведенные слова Митя произносил несколько дней и бесконечное число раз. Говорил он их при мне, при Гермогене и при писателе Родионове. Гермоген в этих случаях молчал.

Считаю уместным здесь сказать, кто такой Митя.

Митя — мещанин г. Козельска Калужской губ., Дмитрий Попов, 45 лет. Был сначала немым и полным калекой.

В 1900 году он, от удара грома, выздоровел, пошел и стал кое-как говорить.

Каким-то чудом, конечно, по его рассказам, у него тогда же появился в правой руке крест.

После исцеления Митя поехал по городам и начал крестом творить чудеса, преимущественно изгонял «бесов», но не блудных, и пророчествовал.

В 1901 году он приехал в Кронштадт, а оттуда был мною привезен в Петербург, в духовную академию.

Митя пошел в гору. Архимандрит Феофан провел его сначала к Милице Николаевне, а потом к царям. У царей Митя бывал со старичком-переводчиком, хорошо понимавшим, что говорил косноязычный Митя. Блаженненький давал царям советы, предупреждал о революции, о восстании в войсках и вообще, пробираясь черным ходом, помахивая своею отсохшею рукою, прихрамывая немного на левую или правую ногу и нося запросто в карманах то чернику, то землянику для царских детей, пророчествовал.

Митю, как далеко не такого жулика, как Григорий, придворные очень любили. Особенными его друзьями были: начальник походной канцелярии князь Орлов и начальник конюшенной части князь Путятин. Любил его также и дворцовый комендант — покойный В. А. Дедюлин.

Блаженненький был при дворе недолго. Явился Григорий и затмил Митину звезду. Митю уволили в «отставку» и даже без пенсии. Блаженненький, конечно, повиновался, но начал через своих придворных друзей зорко следить за «деятельностью» Гришки.

И выследил, очень многое выследил. Об этом немного сказано и еще более будет сказано.

Помимо слежки, Митя образовал у себя бюро для записи лиц женского пола, так или иначе пострадавших от «старческой» деятельности Распутина. И не только бюро, но он в своем доме, в Козельске, сделал штаб-квартиру для пострадавших от Гришки. Здесь, между прочим, нашла себе на несколько месяцев приют несчастная Леночка Т.

Митя сначала дружил с отцом Иоанном Кронштадтским, а потом поссорился. Иоанн Кронштадтский не передал царю о Мите-прозорливце. Когда Митя вошел в силу при дворе, он вызвал Иоанна Кронштадтского к государю для объяснений. Николай спросил Иоанна при Мите: — Почему вы не сказали мне, в свое время, что в Кронштадте явился прозорливый Митя и просил вас довести об этом до моего сведения? — Иоанн Кронштадтский, по словам Мити, очень трусился и ничего не отвечал.

Митя первый начал разоблачать «деятельность» Иоанна Кронштадтского. Он говорил, что отца Иоанна между Ораниенбаумом и Кронштадтом поймали какие-то люди, били за нехорошие отношения к женщинам; Ивана привезли домой без чувств; две простыни на кровь потребовалось. После чего Иван долго болел и его лечили доктора, а от чего лечили, ясно о том не говорили.

Вообще о Мите писать нужно столько же, сколько о Грише, но это сейчас не входит в мои планы.

Посмотрю, если читатель заинтересуется Распутиным и вообще придворными пророками, старцами, блаженными, то тогда я могу написать еще книжки: «Про святую мать Ольгу» (Лохтину), «Блаженненького Митю», про «Босоногого странника Васю» (Ткаченко), про «Матронушку босоножку» и прочих.

А пока я только скажу: у императора Николая и царицы Александры при приемах министров и должностных лиц с докладами есть правило: сначала выслушивать «старцев» и «блаженненьких», а потом уже министров.

В силу этого правила получается приблизительно такая картина: сначала по черному ходу дворца бегут к кабинету Николая и Александры грязные, хромые, вприпрыжку или как-нибудь еще «блаженные советники», а потом от парадного хода важно направляются к кабинету тайные и действительные.

Что из этого получается, читатель отчасти уже видел, а еще более увидит в последних главах книги.

Возвратимся к оставленному предмету. 14 января 1912 года я, Гермоген и Родионов были у И. Л. Горемыкина. Горемыкин рассказал нам следующее: — Беда! Жалко государя. Ведь этот шарлатан Распутин окончательно отбил от него государыню императрицу. Придет к ней и возится целыми неделями, а бедный император, как голубок без голубки, походит, походит, да унылый и уйдет к себе в кабинет. И нельзя его, подлеца Распутина, выгнать. Если его убить, то государыня или с ума сойдет, или покончит жизнь свою самоубийством.

Писатель Родионов, когда я собирался изобличать Распутина, говорил мне несколько раз на разные лады: — Да вы, батюшка, всего-то не знаете. Вы живете в низах народных. Что там знают? Почти ничего! А вот я вращаюсь здесь, в верхах, чуть не каждый день бываю у И. Г. Щегловитова, и он мне рассказывает прямо-таки невероятные вещи! Распутина и царь боится!..

III РАСПУТИН — НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ РУССКИЙ ЦАРЬ И ПАТРИАРХ

Если кто думает, что в России есть Синод, управляющий громаднейшею русскою Церковью, что в России есть царь с правительством, Думою и Государственным Советом, управляющий царством, заключающий разные разговоры с иностранными державами, решающий такие важные вопросы, как воевать или нет, то тот жалко заблуждается!

В России нет Синода, в России нет царя, в России нет правительства и Думы! В России только есть Великий Рас-

путин, являющийся неофициальным Патриархом Церкви и Царем Великой Империи.

Начинаю перечислять факты, неопровержимо и неоспоримо доказывающие мое приведенное решительное утверждение.

Распутин — русский император

Факты: 1. Распутин всегда в разговоре со мной, похвываясь тем положением, какое он занял при дворе, выразился так: — Мне ничего не стоит любого министра сместить! Кого захочу, того и поставлю!

На мой вопрос: «Неужели государь всегда слушает тебя?» — Григорий однажды ответил мне: — «Папа-то» с трудом меня слушается, волнуется, ему стыдно, а «мама» говорит, что «без тебя, Григорий, я ни одного дела не решу; обо всем тебя буду спрашивать». А ведь знаешь, царь так «маму» слушается, так слушается, что она всегда им командует.

Распутин слова о своей силе у царей подтверждал всегда делами. Печать и общество очень и очень останавливали свое внимание на законе 9 ноября, какого года — не помню.

Гермоген, недовольный этим законом, в то время как законопроект Думы и Совета был представлен на утверждение государя, послал из Саратова телеграмму Распутину, бывшему в то время в Петербурге.

В телеграмме той Гермоген умолял «старца» и друга попросить «папу» не утверждать закона, пагубного для народного быта.

Григорий ответил приблизительно такую телеграммой: «Миленький владыка! Не беспокойся, закон я провожу. Он — хорош. Все будет хорошо. Сам после увидишь и узнаешь. Григорий».

Закон вскоре после этого был утвержден. Государь, под диктовку «старца», сделал положительную надпись на докладе о законе.

Если кто пожелает проверить истинность рассказанного мною факта, то прошу того усердно обратиться в саратовскую телеграфную контору. Там он найдет телеграмму Григория.

2. Всем известно, как вся Россия волновалась, когда печать — и правая и левая — на все лады обсуждала вопрос об истинных причинах ссылки Гермогена в Жировицкий монастырь, а меня — во Флорищеву пустынь.

Все сходились на том, что наша ссылка — дело рук «старца» Распутина. Все возмущались этим до крайней степени.

Под влиянием напора общественного мнения Государственная дума при обсуждении в 1912 году в феврале или

марте месяце сметы Святого Синода ребром поставила вопрос о личности Распутина в связи с той ролью, какую «старец» играл и играет в делах государственных и церковных.

Дума постановила сделать два срочных запроса о деятельности «старца» министру юстиции Щегловитову и министру внутренних дел Макарову.

Запросы были сделаны.

Но дело как-то враз оборвалось, заглохло, умерло.

Сначала по этому поводу немного недоумевали, а потом, как обычно, и забыли о нем, забыли о сделанных запросах.

Я, сидя во Флорищевой пустыни, в темнице, ломал голову: «Почему же это о запросе ничего не слышно?»

Так ничего и не было.

И только в 1913 году, перебирая дневники Лохтиной, я разрешил вопрос о запросах.

Оказывается, что в то время, когда Государственная дума волновалась, делая запросы, «старец» сидел в Покровском и немислимыми ковелюгами выводил письмо «папе и маме». Копию этого письма, как и много других «знаменитых» писем, Лохтина занесла в свои дневники, по всей вероятности, немного исправив орфографию «старца».

Вот это письмо: «Миленькаи папа и мама! Вот вес то силу берет окаянный. А Дума ему служит: там много люцинеров и жидов. А им что? Скорее бы Божьего Помазаннека долой. И Гучков господин их прихвост, — клеветет, смуту делает. Запросы. Папа. Дума твоя, что хошь, то и делай. Какей там запросы о Григории. Это шалость бесовская. Прикажи. Не какех запросов не надо. Григорий».

После этого письма запросы были сняты с очереди и погребены.

3. Когда Австро-Венгрия проводила аннексию Боснии и Герцеговины, то Россия тоже бряцала оружием. Не вмешалась в «воровство» Австрии только по настоянию Распутина.

Григорий об этом говорил так мне: — Вот, брат, при дворе-то было охотников много воевать с Австрией из-за какех-то там земель. Но я, дружок, отговорил «папу», потому не время, нужно дома в порядок все приводить.

И войны не было.

Во время Турецко-Балканской войны вопрос о вмешательстве России в распрю славян с турками стоял ребром; все ждали решительных шагов со стороны России в пользу братьев балканских. Но ничего не было. Где причина? Вот она. В то время я был в заключении. Приезжает во Флорищеву пустынь О.В. Лохтина. По обыкновению, она стала около окон моей кельи со стороны леса.

— Откуда пожаловала, Ольга? — спрашиваю я.

— Из Покровского, все время там была.

Она развернула свои дневники и начала при стражниках читать, как она проводила время у «старца» в гостях.

Я ее перебил: — Ольга! А читала ты газеты? Как насчет войны?

— Да что же насчет войны? Дерутся. А взгляд о. Григория на это известен: России никак нельзя вмешиваться, потому что здесь, в доме, не все в порядке; много внутренних врагов.

— Да при чем же здесь взгляд подлеца и мерзавца?! — нарочно подчеркнул я свое отрицательное отношение к «старцу».

Лохтина с видом, что как будто она и не слышит моих цветистых эпитетов по адресу ее «Бога Саваофа», невозмутимо продолжала: — И цари уже поставлены в известность относительно его взгляда. Ослушаться, конечно, не посмеют...

Россия не вмешалась.

А вот об японской войне сам Григорий, когда я был у него в Покровском, рассказал мне следующее: — Папа послал Виття куда-то там, не знаю, мир с японцами заключать... Вот я вечером, часов в десять, выхожу из ворот этих, а темь, темь такая! Смотрю я вверх и вижу: Божия Матерь на небе с мечами в руках поворачивается от русских к японцам. Я думаю: значит, теперь мы будем побеждать. Побежал на станцию, отбил на своем языке телеграмму, чтобы папа и мама не заключали мира, а ждали бы меня. Получил ответ, что будут ждать только тричетыре дня, а больше не могут. Я скоро поехал к ним. Но на поезд запоздал, приехал к ним, а Виття уже заключил мир...

Когда Распутин закончил это чудовищное повествование, присутствовавшая при беседе жена его Прасковья промолвила: — И письмо твое, отец, есть, которое ты нам прислал из Тюмени с извещением, что ты запоздал на поезд.

На мою просьбу показать то письмо, она скоро принесла его.

Я прочел. Письмо (открытка) было такое: «Тобольской губ. тюменского уезда покровское новом я сию вагзале пять часов надо ехать истюмени двенадцать дня явнешь вечера долго сидеть всем привет».

Я спросил у Распутина позволения взять это знаменитое историческое письмо на память.

«Старец» охотно позволил.

Подлинное письмо то сейчас хранится у меня в документах, относящихся к этой книге.

Думаю, что трудно во всем мире найти такого нормального человека, который бы не удивился такому легкому «старческому» способу разрешения сложных и страшных

вопросов о войне, где погибают сотни тысяч, миллионы драгоценных человеческих жизней...

4. Настоящая кровопролитнейшая война начата царем Николаем по «благословению» «старца» — Григория Распутина.

Доказательства таковы.

16 июня Распутин, достигший в то время высшей точки своего влияния на Николая и Александру, отъезжал из Ливадии и, стоя на площадке вагона, провожавшим его высоким господам и таким же дамам говорил: — Ужо увидимся с вами в сентябре месяце и при весьма знаменательных обстоятельствах!

Я тогда же подумал: значит, «старец» благословил Николая воевать; значит, будет война с Германией и Австрией из-за убийства престолонаследника; значит, «праведник» признал, что Россия готова к войне, но не в том смысле, чтобы у нее все нужное для войны было, а в том, что с «внутренними врагами» дело покончено и настала пора приняться за внешних; ведь недаром «старец» на пути в Ливадию заехал в Киев и, по газетным известиям, основал в этом городе «общество расширения России на счет мелких славянских государств».

Подумавши так, я начал с нетерпением ожидать страшных последствий «старческого благословения», полученного Николаем на войну с Австрией и Германией.

Ожидание мое обострилось еще более, когда «старец», приехавши из Ливадии в Петербург, начал громко, очень громко, на все стороны говорить: «Немцев надо проучить, настала пора: надо проучить!»

Событие, вызванное в жизни «придворным пророком», не заставило ждать себя долго.

5. Не любил «великий прозорливец» Государственную думу и Финляндию. Всегда, когда бы я с ним ни встречался, раз заходила речь на политические темы, он непременно выражал свои мнения о Думе и Великом княжестве. Правда, о Думе он говорил гораздо меньше, чем о Финляндии.

Я спрашивал его: — Как Дума? Она не стесняет царя?

Старец отвечал: — Пустяки! Гадость! Кто ее будет слушать? Так собрал папа собак, чтобы другие собаки потише сидели по местам и не лаяли... Я все ему говорю, что вовсе Думы не надо. А он что-то боится. Боится, а потом беда будет... Ну, да я его заставляю, чтобы Думы не было.

На Финляндию же «старец» гораздо больше нападал. Он крайне возмущался, что у Финляндии есть «какая-то там гвардия»...

Настаивал, чтобы царь послал туда войска и усмирил Финляндию.

Указывал, что нужно «смирить чуконцев», как он называл финнов, отнять у них права.

Выражался всегда так: — Вот эта гадина Финляндия, спать папе не дает; я ему говорю: отруби хвост этой змее, чтобы она им не виляла...

И Николай рубил...

6. Министрами Распутин играет, как мячиками.

Возвративши меня из Минска в Царицын, «старец» Григорий, по его собственным словам, настаивал на удалении с поста обер-прокурора С. М. Лукьянова. Но Лукьянов не был удален только потому, что Распутин в то время не имел подходящего человека на обер-прокурорское место.

Когда же меня государь, главным образом по приказанию Распутина из Иерусалима, возвратил из Новосилья в Царицын, то Лукьянов, ставленник Столыпина, был немедленно удален с места. Об этом «старец» говорил мне так: — Я папе и маме сказал, что давно бы надо этого Лукьянова, прихвостня Столыпина, прогнать, а вы медлили; вот теперь не было бы такого скандала с Илиодорушкой; это все Лукьянов сделал, теперь ему нужно дать отставку...

С. М. Лукьянов получил отставку с назначением в Государственный Совет.

7. На место Лукьянова «старец» Распутин поставил В. К. Саблера.

Прямым кандидатом на пост обер-прокурора был товарищ его — А. П. Рогович; последнему очень хотелось быть прокурором, но он не был знаком со «старцем». Владимир же Карлович в то время уже очень подружился с Григорием. Приглашал его несколько раз к себе на квартиру и, по выражению Распутина, ласкал его.

Григорий в долгу не остался. Он возвел Саблера на высокий пост обер-прокурора Синода. Читателю уже известны слова Распутина о том, как ему в ноги кланялся «Цаблер».

Сам В. К. Саблер с Думской трибуны дважды отрицал это, утверждая, что он никому в жизни не кланялся, кроме как Господу Богу. Он, чудака, думает, что кто-либо ему поверит. Из последней главы читатель увидит, что Саблер неправду говорил, Григорий же верно рассказывал.

Помимо Григория, Саблер однажды лежал в ногах у старца Варнавы, прося его принять от него золотой наперстный крест; видимо, он желал быть в милости у «старца», которого при дворе очень в то время почитали.

Обо всем этом мне рассказывала серьезнейшая старушка — царицынская купчиха Тараканова.

Значит, утверждение Саблера и в той части, что он никому вообще, кроме Бога, не кланялся, также ложно.

Саблер почти исключительно поклонами поднялся на высокую ступень государственной власти.

8. После Саблера Распутин на пост товарища обер-прокурора возвел П. С. Даманского, выскочку из бездарных студентов Петербургской духовной академии. Старичок очень хитрый, покладистый; ради карьеры он готов всем пожертвовать. В деле ссылки Гермогена и меня за обличение Распутина, как читатель увидит ниже, Даманский играл выдающуюся роль. Всеми силами старался за Распутина, большим другом которого он был. Старался, зная все пакостные дела «блаженного» Григория. Когда у него газетные сотрудники спрашивали: «Как же с «подвигами»-то Григория Ефимовича Синод поступил?» — Даманский отвечал: «Все «подвиги» преданы забвению!»

А новые хотя были, но они еще не были тогда открыты. А о том, что еще было скрыто, друзья «старца» и не заикались, ради карьеры мирясь со всем.

«Блаженный» Григорий уже давно, по его собственным словам, собирался «повысить» Даманского, но дело медлилось только из-за того, что Даманский был очень невысокого происхождения. Но когда В. К. Саблер был «доспет» в прокуратуру, то и эта причина потеряла силу. Даманский получил от Распутина проходное свидетельство к товарищескому креслу.

Ход П. С. Даманского из «грязи в князи» был под натиском «старческих» указаний при дворе так быстр и решителен, что бедный гофмейстер А. П. Рогович, два года мечтавший об обер-прокурорском месте, лишился и товарищеского кресла, будучи принужден выйти из казенной квартиры на Литейном в свою...

9. Особенно дорогим другом Григория Ефимовича является граф С.Ю.Витте, которого «старец» всегда зовет просто: Виття.

Когда «старец» бывает в Петербурге, то непременно бывает у Витти с визитом, а Виття к нему на квартиру ездит.

«Старец» считает Виття очень умным и благородным человеком, а Виття в свою очередь до последних дней, зная «подвиги» Григория, говорит, что у Распутина возвышенная душа, что он — человек больших добродетелей и исключительного ума.

Кукушка хвалила ворону, а ворона — кукушку.

С давних пор, еще со времени «падения» Витте при дворе, «старец» старается, чтобы провести Витте на какой-либо высокий пост; к этому Витте, по словам Распутина, очень стремится, но пока не выходит.

В 1912 году, когда я был во Флорищевой пустыни, Г. П. Сазонов, заразившись, по всей вероятности, от Распу-

тина, пророчесственным духом, говорил моему брату, Аполлону: — Вот скоро Григорий Ефимович поставит С. Ю. Витте в премьер-министры и старых министров заменит новыми, тогда конец Гермогену и Илиодору за то что они устроили бунт против самодержавия. Витте их проучит...

10. Граф С. С. Татищев, будучи саратовским губернатором, очень преследовал меня за обличение корыстолюбивых представителей власти и вообще дворян. Вместе со Столыпиным он все время принимал меры к тому, чтобы меня не было в его губернии, в Царицыне. Писал об этом известное письмо царю Николаю.

В конце концов, по приказанию «старца» Григория, он должен был оставить управление и идти на «покой» коров доить и кур считать...

Прошел целый год. Я изобличил «старца» и начал с ним борьбу.

Мстя мне, «старец» начал выбирать из-под спуда тех администраторов, которых он прежде из-за меня карал. Вскоре, после ссылки меня во Флорищеву пустынь, граф С. С. Татищев получил высокое назначение начальником Главного управления по делам печати. Тогда для меня было неизвестно, почему это он призван из «запаса».

В 1913 году я, живя в «Новой Галилее», разгадал тайну.

В дневниках О. В. Лохтиной я нашел копию такого письма Распутина царям: *«Миленькаи! Ошибки наго исправлять, и милость Божья будет. Граф Татищев из за бунтовщиков был опечален. Теперь наго его ласкать. Дать ему место повыше. Я и сам преж на него, а не наго. Ошибку поимел в Гермогене и Илиодоре. Да, это знайте. Григорий».*

11. Самым первым и сильным врагом «старца» из министров был П. А. Столыпин.

Сначала он его очень почитал; в первое время его «старческой придворной деятельности» он, как и я, в нем души не чаял, а потом разлюбил... Да как разлюбил?! Прямо-таки не давал покоя «бедному подвижнику». Изводил его своею слежкой.

«Старец» был очень недоволен им и всегда старался свалить Столыпина, а на его место поставить своего друга — В. Н. Коковцова.

Желание «старца» в этом направлении было так сильно, что он не вытерпел и, по его словам О. В. Лохтиной, переданным мне в декабре месяце 1911 года, «предсказал», за целых семь дней *до 1 сентября 1911 года*, назначение на пост премьер-министра Коковцова...

Но как же со Столыпиным?..

Столыпин уступил силе «старческого предсказания», и 1 сентября 1911 года был пристрелен в Киеве, в театре, господином Богровым.

Вопрос об убийстве Столыпина до сих пор не разрешен...

Патриарх российской церкви

Факты: 1. Здесь рассказывается о разводе одного из великих князей, о чем было упомянуто вкратце выше.

2. Читатель помнит, как «блаженный старец» беседовал с Гермогеном, Феофаном и Вениамином об уничтожении автономии духовной школы; как он возмущался самым словом «автономей».

Здесь я скажу, как тогда дело обстояло с автономией и что вышло, когда за дело взялся «старец».

Сторонником того, чтобы сбросить наконец черную монашескую руку к свободной мысли искателей истины, был в то время обер-прокурор Синода П. П. Извольский.

Он хотел сначала провести автономию в столичной Петербургской духовной академии.

По его указанию совет профессоров приступил к делу и выбрал уже ректором бывшего профессора протоиерея Тимофея Александровича Налимова.

Доклад об этом Извольский немедленно передал государю.

Тут вмешался «старец». Он в тот день, когда беседовал с «Троицей», поехал к царю и приказал ему положить на докладе Извольского о выборе Налимова ректором академии такую, как мне передавал после епископ Феофан, резолюцию: *«Оставляя протоиерея Тимофея Налимова под большим сомнением. Николай»*.

Прочтя такую резолюцию, Извольский опешил и с горя подал в отставку. Профессора академии испугались и пошли служить молебны о свышнем мире и о спасении душ своих.

Протоиерей Налимов после того до самого дня смерти не показывался в родную академию.

А ректором академии был по-прежнему назначен Синодом архимандрит Феофан с возведением в сан епископа...

Об автономии же остались одни сладкие воспоминания.

«Старец» на деле доказал, что «автономей» — гадость. Доказал просто, скоро и внушительно.

3. Много спора, много скандалов было в Синоде в ноябре и декабре месяце 1911 года, когда обсуждался вопрос о восстановлении древнего чина диаконисс.

Митрополит Антоний в это время был болен. Его заменял в Синоде Московский митрополит Владимир.

Этот покладистый иерарх, желая угодить великой княгине Елизавете, стремившейся в своей московской общине установить чин диаконисс на протестантский лад, все

меры употреблял, чтобы желание Елизаветы было исполнено.

Члены Синода соглашались. Им что, Митрополит Киевский Флавиан, по словам Гермогена, даже заявлял, что теперь-де не такое время, чтобы в точности исполнять церковные каноны.

Только один Гермоген восстал против предполагавшегося к восстановлению чина диаконисс. Он требовал в этом вопросе руководствоваться не желанием Елизаветы, а исключительно церковными правилами.

Елизавета присылала ему письма и умоляла его не «упорствовать».

Но Гермоген оставался непреклонным. Он даже послал телеграмму царю о том, что Синод идет против него, царя, когда-то сказавшего, чтобы обновление русской Церкви было производимо на основании древних канонов.

Когда Гермогена сослали за обличение Распутина, о чем подробная речь будет после, и все спрашивали, за что Гермоген ссылается, то Синод, скрывая истинную причину ссылки, в «Церковных ведомостях» разглагольствовал, что Гермоген ссылается за то, что обратился к царю с телеграммой, в которой грубо и дерзко критиковал деятельность Синода в вопросе о диакониссах и вообще.

Синод лгал.

Дело обстояло так.

Когда Распутин приехал в декабре месяце из Ливадии, то он сказал: — Папа и мама очень довольны Гермогеном, что он идет против диаконисс. Я папе сказал, что архиереи делают диаконисс для того, чтобы завести у себя в покоях бардаки. Царь с этим вполне согласился и, отпуская меня из Ливадии, просил низко кланяться Гермогену за борьбу с восстановлением диаконисс.

Дело с диакониссами провалилось.

Синод писал, что провалилось не потому, что Гермоген был против, а потому, что больной митрополит Антоний положил такое свое мнение: «Вопрос о диакониссах отложить до поместного собора».

Синод ошибался или опять намеренно лгал.

Вопрос о диакониссах провалил Распутин. Он приказал царю дело о диакониссах прекратить. И оно было прекращено.

Если тщательно пересмотреть архив телеграфных контор Петербурга за декабрь месяц 1911 года, то там можно найти такую телеграмму Распутина к Гермогену: «Я уничтоживаю диаконицы». Такая телеграмма была. Это я хорошо помню.

Это и Синоду особенно нужно знать и помнить.

4. Много хлопот пришлось Столыпину принять на себя из-за знаменитой андреевской «Анатэмы», протопоповских «Черных воронов» и по поводу панихид в Саратове по артистке Комиссаржевской.

Гермоген, как известно всей читающей газеты России, был против «Анатэмы», «Черных воронов» и торжественных панихид по несчастной актрисе.

Столыпин же, действуя через Синод, разрешал к постановке на театральной сцене и «Анатэму» и «Черных воронов».

Завязывалась во всех этих случаях жестокая борьба между Гермогеном, с одной стороны, и Синодом со Столыпиным — с другой.

Гермоген во всех случаях вышел победителем.

Общественное мнение, конечно, не знало истинного основания Гермогенова могущества. Оно наивно полагало, что победу одержал сам Гермоген. Нет. Одержал победу «старец» Распутин.

В то время когда на «военном поле» перед взорами публики стоял Синод со Столыпиным, против Гермогена, Распутин стоял за Гермогеном, заставляя царя давать приказы о запрещении «Анатэмы» и «Черных воронов».

Если кому желательно проверить это, тот пусть пересмотрит на то время архивы телеграфных контор: царскосельской, покровской, петербургских и саратовских.

Там он непременно найдет много, много телеграмм, неоспоримо показывающих, что «Анатэма», «Черные вороны» и актриса, умершая черною смертью в Туркестанском крае, провалились благодаря исключительно непоборимой силе «старца» и «пророка» русского двора.

5. Епископ Феофан, просвещенный аскет, ввел «старца» во дворцы. Несколько лет дружил с ним. Оказывал ему послушание даже прямо-таки до глупости: спрашивал у Григория, какого цвета, например, носки покупать.

«Старец» щедро платил за дружбу Феофану. Он возвел его в епископы, сделал ректором первой духовной академии и царским духовником. Духовником Феофан был два года...

Но всему бывает конец. Пришел конец и дружбе Феофана с Григорием. Съездил Феофан к Григорию в Покровское и что-то там заметил неладное... Охладел к Григорию.

Ольга Владимировна Лохтина, объясняя этот важный факт, плетет в своих дневниках какую-то чепуху о каких-то сапогах, которые Григорий купил в Петербурге для царя: царю они не подошли, малыми оказались, и «отец» Григорий принес их Феофану, заставил надевать, а Феофан возгордился, отказался принять сапоги, и Бог его на-

казал: он, Бог, отвратил сердце его от «старца» и «пророка» о. Григория...

Так объясняет причину охлаждения Феофана к «старцу» несчастная генеральша.

Дело же обстояло гораздо проще... Феофан в Покровском кое-что заметил, потом, по приезде в Петербург, исповедовал девиц и дам, которых «блаженный» освящал. Поисповедовал, и в него вселился бес ненависти к Григорию.

Как человек богобоязненный и честный, Феофан пошел против Григория... Прошел и во дворец, к императрице, и заговорил ей о «подвигах» «старца» и о том, что нужно его удалить от двора и посадить в покровскую клетку.

Императрица — не дура — на удочку Феофанову не пошла. Она, по словам Григория, затопала на него ногами, а когда он начал ей объяснять, что он пришел к ней с речами о Распутине по долгу священства и духовника ее, то она указала ему на дверь, объяснив, что если он добровольно не выйдет, то она прикажет своим слугам его вывести...

Феофан, понятно, ушел... Об этом изгнании он писал мне краткое письмо во Флорищеву пустынь, прося меня не снимать сана, так как Господь скоро-скоро покарает «сосуд беззакония» — «блаженного подвижника» Распутина. Феофан был изгнан из академии, послан в Таврическую епархию, потом в Астраханскую, потом в Полтавскую...

А «старец», встречаясь после со мною, всегда говорил о нем так: — Сгинет, проклятый! Сгинет! Живым сгинет! Закрылась лазутка! Закрылась навсегда!

— Да разве так можно про епископа говорить? — возмущался я.

— А он чего грязью хотел забросать меня? Не забросал, а сам в болоте утонул!

6. Во время ссылки Гермогена в Жировицкий монастырь, а меня во Флорищеву пустынь в Синоде заседали митрополиты: Московский Владимир, Киевский Флавиан; архиепископы: Тверской Серафим, Волынский Антоний, Финляндский Сергей, Одесский Назарий и Никон, бывший Вологодский. Все они очень старались исполнить волю Николая и Александры, хорошо зная, что эти последние, как читатель увидит ясно из последней главы, гнали нас исключительно за обличение своего «пророка» Распутина.

Вскоре все эти епископы получили от Николая и Александры награды, но не разом, а так — один за другим, через небольшие промежутки времени.

Владимир получил «благоволение», Флавиан — свечу для предношения во время священнослужения, Антоний — постоянного члена Синода, Сергей — бриллиантовый крест на клобук, Назарий — орден Святого Александра Невского, Серафим — сан архиепископа, Никон — сан архиепископа.

Кажется, что в истории русской Церкви синодального периода не было еще такого случая, чтобы все члены Синода какой-либо сессии получили награду в одно время.

Не было, но он произошел. Странно, но стоит только заглянуть в знаменитые дневники О. В. Лохтиной, записывавшей каждое слово, каждый шаг о. Григория — Бога Саваофа, как вся мудреная задача о наградах владыкам, услужливо запрятавшим в темницы изобличителей «святого черта», сама собою разрешается. Именно в дневниках есть такое письмо «старца»: *«Миленькаи папа и мама! Вот миленькие владыки как беса-то поразили. Бунтовщиков Помазанника Божьего покарали. Оно и правильно. Теперь нужно их поласкать. Награду им. Только не сразу всем, а так одному, а опосля другому, а то собаки Гермоген и Илиодорка лаять будут. Да, нужно. Это пишу я, Григорий. Да. За подвиг надо ласкать. Григорий».*

7. В высшей степени причудлива карьера епископа Тобольского Варнавы. Он — мужичок. Каргопольский огородник. Ничем особенным не отличается.

В 1907 году в феврале месяце в квартире врача А. И. Дубровина поручик Иванов говорил мне про этого человека так: — Вот, батюшка, есть архимандрит Варнава, настоятель монастыря около Москвы. Знаете его? Ну, и жулик же он. Только и знает, что ездит в Питер и трется в салонах. Я знаю его, был у него в кельях. Смотришь, все как будто по-монашески... А потом открывает под иконами шкафчик, а там всякая всячина: коньяк, ромок, рябиновочка, первосортная водочка, семга, разный балычок и колбаса. Пригласил меня и товарища, и мы вместе с ним здорово-таки дернули...

Пошли дни за днями, месяцы за месяцами.

Я забывал архимандрита Варнаву. Мало ли каких монахов не бывает? Нашел поручик чем удивить меня! Я еще похлеще молодцов знаю.

Но Варнава действительно оказался молодцом из молодцов.

В 1909 году, будучи в Царицыне, Распутин, болтая обо всем, между прочим говорил мне:

- А знаешь ты, Илиодорушка, архимандрита Варнаву?
- Который настоятелем монастыря около Москвы?
- Да, да! Кажется, Голутвина!
- Знаю, знаю. Слышал. А что?

— Да вот что: мама постоянно говорит мне про него: вот беда, Григорий, с сусликом, с Варнавой! Придет этот суслик ко мне, упадет на землю, ухватится обеими руками за ноги, целует их сквозь чулки и одно твердит: матушка-царица, матушка-царица! Сделай меня епископом, хочу быть епископом. Ну, что с ним поделаешь? Уже несколько раз так приставал.

— Ну, и что же из этого вышло? — спросил я «старца».

— Да мама говорит: как ты, Григорий, так и я. А я ей говорил: хоть архиереи и будут обижаться, что в среду их, академиков, мужика впихнули, да ничего, наплевать, примирятся. А суслика надо в епископы. Он очень за меня стоит.

Кажется, в начале 1911 году «суслика» сделали епископом, но с большим скандалом. Члены Синода, по словам Григория, никак не хотели давать Варнаве епископа, потому что он без образования. Но мама через Саблера настояла.

Варнава был послан епископом в Каргополь.

Во время обличения мною «старца» Варнава был вызван во дворец для успокоения Николая и Александры. Успокоил. Поехал опять в Каргополь. Потом ему сделалось скучно в захолустном городке.

Газеты заговорили, что Варнава просится на покой и что Синод посылает его управлять прежним Голутвинским монастырем.

Я, живя в «Галилее», думал, что здесь что-либо не так, — здесь какая-либо хитрость!

Действительно, немного спустя Варнава назначается на родину «блаженного старца» на Тобольскую кафедру.

Что за оказия? Мужика, огородника, назначили на древнюю кафедру, где раньше были митрополиты? Но оказия эта опять-таки легко объясняется строками дневников О.В.Лохтиной. Там есть такое письмо «старца» царям: *«Миленькаи папа и мама! Забот много, а успеху нет. Думка кого послать в Сибирь. А он под рукою. Владыку Варнаву, друга и защитника. Его сюда наго. Он усердно старается. Григорий».*

А немного раньше, когда освободилась кафедра в Екатеринбургской епархии, Распутин писал о Варнаве царю Николаю так: *«Миленький! Премудрость. Нельзя ли общаго друга, он ведь сам молитва и находчив в забаву, его в Екатеринбург самостоятельным. Ну, его не видел, хочет ли он, а достоин, это — да! А там ему хорошо бы. Ты, миленький, не обидься, что я не свои сани везу и это — да! Прости. Григорий. Молюсь и целую».* (Дневники Лохтиной.)

Варнава в Екатеринбург не попал потому, что Распутин не спросил у него согласия, а в Тобольск, на родину Григория, попал.

И Варнава, «суслик», забравшись в тобольскую норку, мужичок, начал немилосердно издеваться над образованными священниками Тобольской епархии. А когда Распутина ранила Х. К. Гусева, то, как читателю уже известно, «суслик» пропищал о своем друге: «Молитесь за верного раба Господня!»

8. Покойный экзарх Грузии Алексей был в 1910—11 годах епископом Псковским. Как человек в высшей степени корыстолюбивый и любитель мзды несправедливой, он за деньги дал возможность «черным воронам — иоаннитам» свить себе в Псковской епархии прочное гнездо и заниматься своею темною деятельностью.

Синод тщательно расследовал все дело Воронцовского монастыря, в каком-то далеком углу Псковской губернии, и после расследования сослал Алексея в Тобольскую губернию.

Алексей не дурак, сейчас сообразил, что он едет в епархию, где «подвизается» «блаженный старец» и «природный пророк». Он хорошо знал все темные дела Григория и то, как со мною и Гермогеном Синод, по приказанию Николая и Александры, разделался за обличение «старца».

Сделав всему этому учет, он на епархиальном съезде Тобольского духовенства, когда комиссионеры подняли вопрос о прекращении «старческой деятельности» Распутина, торжественно провозгласил: «Не касайтесь этого Божьего человека! Кто против него пойдет, того Бог какает!»

Попы, конечно, замолчали, хорошо поняв, что теперь у них два архиерея: Алексей и Григорий...

Григорий не замедлил наградить своего высокого защитника. Через короткое время Алексей, опальный, простой епископ, из захолустья, получил высокое, выдающееся положение: он, к удивлению всех, был назначен экзархом Грузии и возведен в архиепископы...

Проводя его на этот пост, «старец» писал царям: *«Папа мой миленький и мама. Кого послать на Кавказ, покою вам нет. А вот дорогой епископ Тобольский Алексей хоть куда. Ему и место на Кавказе. Пошлите его. Это я очень желаю. Он меня ласкает. Понимает подвиг. Честь ему нужно оказать. Верный, везде верный. И на Кавказе он будет нашим другом. Да, я, Григорий».*

Алексей блаженствовал недолго. Он скоро умер от горловой чахотки, а после его смерти, дня через три, застрелился его секретарь из-за каких-то недоразумений по отчету в денежных суммах экзархата.

9. В 1913 году, за переводом Владимира в Петербург, освободилась Московская митрополичья кафедра.

Начали гадать: кого государь назначит в Москву. Общественное мнение остановилось на двух видных кандидатах: Сергии Финляндском и Антонии Волынском.

Между ними завязалась уже борьба: сторонники того и другого старались разукрасить всячески своих любимцев; печатались по их адресу похвальные статьи, выдумывали, по обыкновению, их добродетели, приписывали им несуществующие у них качества души и т. д.

Горячка шла порядочная. Вдруг, против всех ожиданий, Николай назначает митрополитом Московским Томского архиепископа Макария, человека только с семинарским образованием, старичка хитренького, покладистого.

Все недоумевали по поводу этого назначения, недоумевали, потому что не знали, что Макарий с давних пор большой друг «блаженного» Распутина.

Вот «старец» и вызволил убогого, слабенького старичка из алтайских ущелий на кафедру знаменитого Филарета, а на место старичка Макария, в Томске, он провел другого своего друга, епископа Барнаульского Мелетия, который каким-то образом обратил Григория когда-то на путь покаяния, приказавши ему странствовать и «старчествовать».

О назначении Макария на Московскую кафедру Распутин писал Николаю и Александре так: *«Миленькаи папа и мама! Много шуму, много спору, а все одна суета. Кого послать на Москву. Антоню не надо, он лукав. Да молод. Зависть пойдет и злоба. А бесам того и надо. Вот кого: подвижника алтайского Макария, мово друга. Божий старец. Его надо. Да. Григорий».* (Дневники О. В. Лохтиной.)

10. Волны народного движения 1905 года выбросили на поверхность русского житейского моря очень хитрого, умного, корыстолюбивого, кровожадного, гордого и клеветливого попа Восторгова. С Кавказа его взяли в Москву. Здесь он быстро пошел в гору на «патриотическом» поприще. Получил митру.

А. И. Дубровин говорил: «Восторгов получил митру на царской конюшне».

Что это значит, я не понимаю. Только догадываюсь, что в деле получения Восторговым митры большую роль сыграл начальник придворной конюшенной части — князь Путятин.

Иоанн Кронштадтский называл Восторгова просто — мазуриком.

Несмотря на это Восторгов все шел в гору и в гору. Чуть не каждый год он получал ордена.

Где причина этого странного явления? Вот где — Восторгов очень дружил со «старцем» Распутиным! Зная, но не заикаясь о его бесстыдных «подвигах» и злодеяниях.

Но было время, когда Восторгов находился в опасности. Когда он мог упасть с лестницы славы и могущества и разбиться навсегда.

Видите, в чем дело. Восторгов однажды поднес наследнику Алексею икону и сказал, что эта икона его родовая... Поверили. Но неутомонные «союзники», во главе с врачом А. И. Дубровиным, за голову которого, кстати сказать, Восторгов в свое, нужное, время давал 20 000 рублей, пронюхали, что икона вовсе не родовая, а купленная в Петербурге на Александровском или Апраксинском рынке...

Против Восторгова подняли кампанию. Скандал был в разгаре и грозил нехорошим концом. Но Восторгов, по всей вероятности, родился в сорочке. Он обратился к «блаженному старцу». «Старец» не замедлил написать «миленьким папе и маме». Писал он, по обыкновению, так: *«Миленькаи! Бесы напали на отца Ивана. Икону на него. А вы не слушайте. Хоша она и базарская, а все равно святая как принять и еще более. А Восторгову награду за Сибирь. Враги пусть плачут. Григорий»*. (Дневники О. В. Лохтиной.)

Вскоре после этого поп Восторгов получил от царей орден Св. Анны первой степени.

Коротко и ясно!

11. Правую руку попа Восторгова в Москве был архимандрит Макарий Гневушев, настоятель Петровского монастыря.

Он завел в этом монастыре такие порядки, что прихожане монастыря, почтенные купцы старинных фамилий, подавали на него несколько раз в Синод жалобы, обвиняя Макария в уголовных преступлениях.

Все их прошения-жалобы оставались без последствий. Бедные жалобщики недоумевали, что это значит.

Несчастные! Они не знали одного: не знали того, что Макарий, как и Восторгов, большой приятель «блаженному» сибирскому подвижнику и изгонителю бесов, как Григорий всегда любил себя называть; еще, бывало, стукнет себя кулаком в грудь да скажет так гордо, гордо: «Я изгонитель бесов. У, как они меня боятся. Бегут, ревут!»...

Да, так благодаря другу — изгонителю бесов, Макарий держался, и против него ничего не могли сделать сотни скорбевших о поругании священного места — монастыря — людей.

Спасая своего друга, Распутин писал самому Макарию: *«Миленький, отче! Твое письмо я отослал в Крым и черновик телеграммы обер-прокурору: ведь беды на нас — горе им, а не нам, пойми, не здесь дух, а мы там идём»*.

Обер-прокурору Саблеру: *«Миленький! Премудрость: Снизойди Гневушину поменее наказания; для него смерть. Новый!»*

Вырубовой в Ливадию: *«Беды на праведниках; помогите ему, труженник для войск. Целую вас. Пишите все, читать есть кому».*

Царю Николаю и царице Александре: *«Папа мои миленькаи и мама! О как многое множество жалоб на Макария. А что бесам наго. Все на наших грузей идут. А вы не строго поступайте. Наго его ласкать, он сделал много, на него клеветуют жиды. Защита ему нужна. Видел его. Жалко. Вот вам пишу я. Да. Григорий».*

Вскоре после этого Макарий получал сан епископа.

12. В великих муках родился в России в освободительные годы (1904—1907) вопрос о созыве церковного собора... Об этом долго говорили, много писали, совещались, устраивали предсоборные присутствия, но ничего не вышло, «воз и ныне там», собора нет и, по всей вероятности, нескоро он будет...

И все это потому, что «блаженный старец» не хочет собора; он мне лично говорил: «и без собора хорошо; есть Божий помазанник, и довольно; Бог его сердцем управляет, какой же еще нужно собор».

А другу своему Даманскому, когда слухи о созыве собора обострились, он так телеграфировал 5 марта 1912 года: *«Неужели, миленький, собор? Ах! не доросли».* (Дневники О. В. Лохтиной.)

Да! Не доросли! Вот и все! Возраст русской церкви будет совершенным только после смерти «старца». А сейчас она не доросла, потому что не может понимать и даже отвергает «подвиги» «великого праведника». Можно утверждать, что собор будет создан только после смерти «блаженного» или же после его «падения».

13. Гораздо более приведенных случаев государственная и церковная сила Распутина сказала на фактах двукратного возвращения меня в Царицын.

Здесь Григорий проявил себя не только русским царем, но и патриархом. Проявил с такою силою, что даже самого царя сделал в руках своих игрушкой, а на Синод и на Совет Министров прямо плевал.

Думаю, что читатель хорошо помнит, как я, гонимый Столыпиным и послушным ему Синодом за обличительные проповеди из Царицына в Минск, встретился в великую субботу, в покоях епископа Феофана, с «блаженным и великим прозорливцем» и как Григорий, ища моей дружбы, предложил мне свое благодеяние — вернуть меня в Царицын.

Не зная в то время Распутина и не будучи предупрежден о нем Феофаном, который тогда уже ведал «подвиг старца», я принял «добро» из рук рокового для меня, и думаю, что для всей России, человека...

На второй день Пасхи я получил через О. В. Лохтину письмо из Царского от А. А. Вырубовой. Она писала мне: «По благословению о. Григория, мама примет вас завтра в 9 часов вечера у меня в квартире, на Церковной улице № 2. Отъезжайте из Петербурга в Царское с поездом в 8 1/2 часов. Анна».

Действительно, на следующий день я виделся с императрицей в указанном месте и беседовал с ней 50 минут. Ждали царя и Григория, но они почему-то не приехали.

Александра взяла с меня подписку, что я не буду обличать правительство. Я дал эту подписку, как и всякую другую дал бы в то время, лишь бы только возвратиться в Царицын.

На другой день после приема Григорий мне говорил: — Вот, дружок, о тебе с царем говорил. Я ему: «Возврати Илиодорушку в Царицын!» А он мне: «Как же это сделать, Григорий? Ведь я уже два раза подписался на докладах Столыпина, чтобы Илиодора удалить из Царицына в Минск. Если я отменю свое решение, то тогда, что же про меня скажут министры, Синод и Россия?» А я ему и выпалил: «Ты — царь?» — «Да! — Да!» — говорит. «Ну, так будь всегда царем. Ты как подписывался на докладах?» — «Вот как: слева направо!» — «Да! Так теперь распишись справа налево! Отмени свое слово, и только! Вот тогда ты настоящий царь, умеющий владеть собою, и плюешь на всех!» И папа послушался; сказал: «Сделаю, но только это в последний раз; пусть Илиодор знает и не трогает мое правительство и моих министров».

Так посоветовал Григорий.

В тот же день я говорил по телефону с обер-прокурором С. М. Лукьяновым.

— Вы скоро уедете из Петербурга? — спрашивал Лукьянов.

— Через два дня!

— Конечно, в Минск?

— Нет, в Саратов!

— Как так? В Минск вам нужно ехать!

Вместо ответа я повесил трубку и уехал в Саратов.

В Саратове получил от Вырубовой телеграмму: «Дело двигается. Анна».

Через двадцать дней получил от Синода указ о возвращении меня обратно в Царицын. В указе была приведена такая резолюция царя: «Разрешаю иеромонаху Илиодору возвратиться в Царицын на испытание, и в последний раз. Николай».

Чувствам благодарности к сильному благодетелю — Г. Е. Распутину-Новых в душе моей не было предела.

Жизнь вошла в обычную колею и пошла обычным порядком. Я, забыв о данной подписке не обличать правительства и министров, по-прежнему нападал на них за корыстолюбие, за неправду, за нечестность, за неисполнение требований православной религии.

Столыпин, Татищев, Синод, обозленные моею первою «победою», и боясь, по свидетельству графини Игнатьевой и товарища министра внутренних дел — Курлова, как бы я не поднял бунта народного на Волге и не повторил бы знаменитую Пугачевщину, усердней прежнего думали о том, как бы меня из Царицына куда-либо убрать.

И додумались.

К январю месяцу 1911 года Столыпин убедил царя, что меня нужно непременно убрать из Царицына.

Николай в конце концов согласился, и Синод назначил меня настоятелем в Новосильский монастырь Тульской губернии.

И в этот раз я за помощью к «блаженному старцу» не обратился. Но он, не желая упустить из своих рук хорошую рыбу, пойманную им совершенно случайно в великую известную субботу, сам начал хлопотать обо мне.

Сначала-то он, по-видимому, думал так, что мне лучше поехать на время в Новосиль, как по его поручению, и писал мне А. Э. Пистольскорс.

С этой целью он приказал царю, как уже и читателю известно, послать для моего увещания епископа Парфения, а потом флигель-адъютанта Мандрыку.

Парфению я за ужином сказал: — Вы там в Синоде не пляшите перед полицмейстером Столыпинам и не насиуйте невесту Христову — Церковь Божию. — Услышав это, Парфений вскочил из-за стола, бросил половину вареника на вилке на стол, держа другую половину зубами на губах... Собрался уезжать с жалобой на Гермогена за то, что будто бы последний портит меня, но решил подождать Мандрыку.

Мандрыка приехал торжественно, в сопровождении вице-директора департамента полиции Харламова и саратовского вице-губернатора Боярского, в полной парадной форме, при всех чинах и орденах.

Он вытянулся в струнку и громким голосом в одну высокую ноту отрапортовал мне: — Я приехал передать вам волю его императорского величества, самодержца всероссийского. Воля его императорского величества такова, чтобы вы ехали из Царицына в Новосиль!

— Больше ничего? — спросил я.

— Больше ничего.

— Так передайте его императорскому величеству, самодержцу всероссийскому, что я в Новосиль не поеду, ибо знаю, что это — воля не его, а насильника Столыпина.

Мандрыка удалился. А Парфений захохотал, повалился на диван и заговорил: — Ох, ох! У меня чуть разрыв сердца не случился! Да разве так можно отвечать? Ведь это вы самому царю так дерзко говорили?!

— Не царю, а Аркадьевичу. Не уступлю ему, врагу Божьей церкви! Никогда не послушаюсь: ни царя, ни Синода...

В конце концов настоятеля Новосильского монастыря жандармы представили братии...

Сыщики жили в монастыре, следили за мною, исповедовались у меня и на исповеди со слезами уверяли меня, что они — не сыщики, а просто богомольцы...

Но не уследили, я убежал в Царицын... Сидел с народом в монастыре 20 дней. Сидел до тех пор, пока 3 апреля 1911 года не получена была от митрополита Антония такая телеграмма: «Государю императору, во внимание к мольбам народа, благоутодно было 1 апреля разрешить иеромонаху Илиодору возвратиться в Царицын из Новосиля. Митрополит Антоний».

Я до июня месяца того же года наивно думал, что здесь правда-таки подействовали на царя и царицу мольбы народные, но в июне месяце, как уже говорилось, «старец» объяснил мне, в чем дело.

Я сначала не поверил, но один скандал, устроенный в монастыре «старцем», укрепил мою веру в том, что и второе возвращение меня в Царицын он устроил.

Дело было так. Красивенькая уральская учительница устроила у себя в номере угощение для «старца».

На это угощение позвали и бывшего в монастыре моего родного брата Михаила, очень подозрительно относившегося к «старцу» за его поцелуи и вообще прикосновения к женщинам.

Когда зашла речь о том, кто возвратил батюшку, то есть меня, в Царицын, Лохтина, Лаптинская и сам Григорий категорически утверждали, что это сделал «старец» своими телеграммами из Иерусалима.

Брат Михаил, как человек грубоватый, прямой и нетерпеливый, стукнул по столу кулаком и закричал: — Врете вы все! Не Григорий возвратил о. Илиодора, а народ его отстоял.

Тут Григорий прямо взбесился: зафыркал, заплевал, заругался, бросил салфетку под стол, встал из-за стола и убежал.

Негодование его было так искренно, что очевидцы этого скандала вполне уверовали, что Григорий был прав, а брат Михаил напрасно его жестоко обидел...

14. «Блаженный» Григорий и «миловал» меня и «карал». Читателю известно, что 21 мая 1911 года я представлялся Николаю; служил всенощную при нем и

проповедовал. Служба и проповедь ему очень понравились; он благодарил меня и говорил: — Приятно было с вами Богу молиться. — Хвалил меня в обществе гвардейских офицеров и Григорию.

Пожелал наградить меня произведением в сан архимандрита. Дал об этом приказ. В начале июня газеты уже печатали, что я по высочайшему соизволению возвожусь в сан архимандрита. Гермоген поздравлял меня с монаршей милостью...

Но потом все заглохло... Мне ничего не было. Где причина? Причина простая. Приехавши в Царицын в двадцатых числах июня, «старец» очень заметил, что я «непочтительно отношусь к его положению, что я испортился»... Заметил и написал царям: *«Миленькие папа и мама! Вот Илиодорушка-то маленько испортился. Не слушается. Погодите ему митру. Пусть так будет, а там видно. Он ничего, да Гермогена слушает. Епископ Феофан послушался и запутался. Наго смотреть кому что. Григорий»*. (Дневники О. В. Лохтиной.)

После этого письма с моим архимандритством «повременили» до Флорищевой пустыни, а в пустыни содрали с меня монашескую шкуру за дерзкое отношение к «великому праведнику» и за «гордость».

Так «блаженный старец» работал. Но работа его достигла наивысшего предела успешности в деле ссылки меня и Гермогена за восстание на своего «друга и благодетеля». Об этом подробная речь будет в последней, пятой главе, а пока я поставлю ребром вопрос: чем же Распутин берет успех? И каким образом, наконец, он достиг господства над царем и царицею? В ответах на поставленные вопросы я ограничусь почти исключительно прямыми выводами из высказанного прежде.

Распутин — самый форменный грязный, корявый русский мужик, 48 лет. Сильная воля дала ему возможность круто повернуть от разгульной жизни к подвигам поста и молитвы.

Сначала этими подвигами, а потом крайним половым развратом он утончил свою плоть и довел нервы свои до высшего предела колебания. Это достигается вообще или подвигами, или половым развратом, или, наконец, бывает результатом какой-либо изнурительной болезни, например чахотки.

Во всех таких случаях люди бывают очень нервны, впечатлительны, глубоко чувствуют, проникают в душу другого, читают мысли посторонних и даже предсказывают.

Распутин — пророк; прозорливый, натура — сильная духом, экзальтированная, глубоко чувствующая и проникающая в души других.

Сила, в нем находящаяся, которую сам «старец» называл писателю Родионову «электричеством», исходит из него через руки, а преимущественно через его серые, неприятные, пристальные резкие глаза.

Этою силою он прямо-таки покоряет себе всякую слабую впечатлительную душу.

При всем этом он не ест мяса и не пьет вина.

Успех его проявился преимущественно в низах народных и в самых верхах. В середине он успеха не имел и не имеет.

Это объясняется тем, что в низах и в верхах ищут Бога... В низах ищут потому, чтобы хоть немного мыслями о будущей жизни забыться от тяготы земной жизни.

В верхах ищут Бога, занимаются мистическими вопросами от переполнения чрева: там все уже земное изведано, и вот любопытство толкает сытых людей в область еще непознанного.

В середине народной жизни этого, повторяю, нет, потому что там люди поглощены заботами о насущном куске хлеба, но жизнь их не настолько трудна, чтобы под ее давлением пищать и вопить к небу о помощи...

Стоит только какому-либо проходимцу явиться в народные низы или в самые верхи, вести себя странно, поститься, притворно молиться, называть себя пророком, разбрасывать предсказания направо и налево, авось какое-либо из них да исполнится, говорить отрывочными, непонятными фразами, странно прыгать, делать разные ужимки и т. д., как низы народные начинают указывать на того субъекта пальцами и говорить: — Пророк! Прозорливец! Божий человек!..

Тут сказанное «пророком» на ком-либо совершенно случайно сбывается и народная молва растет, растет.

Сотни поклонников обращаются в тысячи до тех пор, пока не откроются «подвиги» пророка...

Григорий все это хорошо понимал. И с таким пониманием дела он начал свою «старческую» деятельность. Делал так, как уже сказано.

Имел успех: и в верхах, и в низах.

Итак, по воле провидения, направляющего все к тому, чтобы избавить многострадальный русский народ от вековых державных разбойников, «святой черт» связал Николая и Александру, связал по рукам и по ногам.

Связал для того, чтобы их, связанных, легче было взять и освободить от них Россию.

Связал, но об этом ни Николай, ни Александра и никто из их компании не скажет...

Скорее царь и царица пойдут против мнения всей России, скорее они смерти предадут верных слуг своих, но со «святым чертом» не развяжутся.

Там они все-таки могут утешать себя тем, что пройдет шум, смирятся восставшие на них из-за старца и на самого старца, но выгнать от себя Распутина, спасителя, чудотворца и наставника, для них — явная погибель, открытая могила, могила навсегда!..

Они это хорошо понимают, знают и благоразумно действуют

Распутин же, чтобы крепче держать их в своих дявольских руках, пугая их, твердит им, как он мне сам передавал: — Если меня около вас не будет, то наследник умрет.

Ему верят они. Жалко наследника.

А чтобы поддержать свой авторитет вне двора, Распутин пускает в ход свою изворотливость и хитрость.

Проявляет наглость и бесстыдство до последней степени: его открыто изобличают, а он идет дальше и дальше, как ни в чем не бывало, поднимается выше и выше, называя себя подвижником, чудотворцем, пророком, исполняющим какую-то особенную волю Божию.

Ханжит, чудовищно лицемерит, заискивающе улыбается, когда нужно, сует бедным деньги, благо ему открыт неограниченный кредит в царском кармане.

Презирая выводы общественного мнения о его деятельности, он настойчиво популяризирует себя очень частыми фотографическими снимками, позированиями художникам для писания его портретов и показыванием себя в кинематографических лентах.

Окружает себя шумными, усердными поклонниками, умеющими всегда постоять за честь «великого отца»; обзаводится подручными и послушными газетными сотрудниками, которые за какое-нибудь «старческое» обещание охотно, конечно, страшно преувеличивая, расписывают о его приемах, на которых будто бы бывает просителей более, чем у министров, и во время которых будто бы «старец» раздает деньги направо и налево.

Правда, он иногда, как сказано, деньги раздает, особенно у себя в Покровском и в других местах, но всегда он делает это, преследуя личные выгоды, и, конечно, уж не настолько он много раздает, как об этом пишут «присяжные репортеры».

Гораздо охотнее «старец» кладет деньги на сбережение в банк, это — факт! — и, кажется, — хорошо не знаю — в последнее время он купил для себя, конечно, где-то в Сибири более тысячи десятин земли.

Обзаводится также видными друзьями, чтобы знакомством с ними реабилитировать себя не перед царями, а перед обществом, с целью заткнуть последнему, наблюдающему его «деятельность», рот...

V КАМПАНИЯ ПРОТИВ РАСПУТИНА

По свидетельству Мити блаженненького, Феофан, чуть ли не первый по времени друг Распутина, давно знал про «подвиги» старца» Григория. Несколько раз он ставил его перед иконами и брал с него клятву никоим образом не прикасаться к женскому полу и вести себя прилично...

«Старец» клялся, божился, но бросить своего «врачебного искусства» не мог или не хотел...

Феофан терпел, быть может, боясь «старца», быть может, надеясь привести его к покаянию.

В январе 1910 года Феофан, не выступая против Григория открыто, все же поднял против него кампанию.

Помощником своим он избрал своего ученика, приват-доцента академии, уже известного читателю иеромонаха Вениамина

Газеты, хотя и очень сдержанно, но начали тоже бросаться на «блаженного старца».

Распутин, только что сделавший визит мне в Царицын и перебравшийся для своего «великого дела» в Питер, прислал мне письмо: «Голубчик! Ведь ты же ничего не видел, когда я был в Царицыне, а Феофан с Вениамином меня грязью забрасывают. А я в Царицыне только ласкал людей, и более ничего. Войди в защиту. Григорий!»

Я, правда, ничего не видевший от него в Царицыне, кроме поцелуев, не поверил рассказам о Григории отца Петра Остроумова и, не получив никакого предупреждения от Феофана даже в великую субботу, когда он имел возможность и даже должен был отвести меня от дружбы с «старцем», начал защищать своего друга и благодетеля, защищать без всяких корыстолюбивых намерений.

Защищал отчаянно. Поцелуи и баню я объяснял его бесстрашием, ибо искренне верил «старцу», что ему прикоснуться к женщине все равно что к чурбану.

Два воскресенья сряду, по вечерам, я говорил пяти тысячам народа двухчасовые речи в защиту «блаженного прозорливца»...

Камер-юнкер А. Э. Пистолькорс по телеграфу из Петербурга просил меня изложить проповеди на бумаге и выслать ему для передачи «папе и маме».

Я, никогда вообще не записывавший своих проповедей, защитительные речи записал и отослал Пистолькорсу.

Скоро от него получил ответ, что речи читались государем и государыней и очень им понравились.

Но речи не понравились Л. Т. Тихомирову и писателю М.А. Новоселову, так как я в них нападал на них за «оскорбление брата Григория», и особенно не понравились П. А. Столыпину.

По поводу моих речей Столыпин, уже к тому времени окончательно разошедшийся со «старцем», дважды входил в Синод со своим мнением.

Синод присылал Гермогену два указа о речах моих в защиту Распутина. В указах тех только утверждался факт, что тогда-то я в монастырском храме защищал Григория Распутина. Но ставил ли сам Столыпин и Синод защиту Распутина мне в вину, из указов не явственно.

Когда окончились дни защиты, в конце января 1910 года, я получил от Вениамина одно за другим два письма. Вениамин в тех письмах писал мне приблизительно так: «Дорогой отец Илиодор! По поручению владыки Феофана я пишу вам о следующем. Мы оба умоляем вас не защищать Григория, этого истинного дьявола и Распутина. Клянемся Богом Всемогущим, что на исповеди у владыки Феофана открылись его пакостные дела. Дамы, им обиженные, и девицы В. и Т., им растленные, свидетельствуют против него.

Он, сын бесовский, нас водил в баню и нарочно уверял нас, что он бесстрастен... А потом мы поняли, что он лгал и обманывал нас. Поверьте нам и не защищайте больше его... Любящий Вас иеромонах Вениамин».

Почти одновременно с этими письмами приходит ко мне царицынская дама П. и говорит: «Вот, дорогой батюшка, мы заметили в о. Григории кое-что неладное, — у г-жи П. есть молоденькая, красивенькая замужняя дочка, живущая у нее в доме, — послали запрос о нем к епископу Феофану в Петербург; получили письмо. Вот оно».

Я взял письмо и прочитал: «Сестра Варвара! Храни Вас Господь иметь какое-либо дело с Григорием Распутиным. Он — подлинный слуга дьявола. Епископ Феофан».

Прочитавши Вениаминовы письма и письмо Феофана к П., я обратился к Распутину с письмом, прося его ответить.

Распутин писал мне: «Миленький мой Илиодорушка! Не верь ты клеветникам. Они на меня клеветают. А знаешь почему? Из зависти. Вот я ближе их стоял к царям, цари меня больше любят, а их нет. Вот они и пошли против меня, хотят свалить меня! Не верь им. Им за

этот грех капут. Закроется для Феофана лазутка. Григорий».

В этот раз я Григорию не поверил. Душа моя поднялась на него. Ясные сомнения начали точить мое сердце. Я ждал новых разъяснений.

Во время этого ожидания я получил от Григория из Петербурга или из Покровского такую телеграмму: «Папа обещал золотую шапку. Григорий».

Не помню, право, что я подумал при чтении этой телеграммы. Но последовавший вскоре за этим известный визит ко мне монахини Ксении вывел меня из нерешительности и положил между мною и Григорием преграду, серьезную преграду навсегда...

С того дня я только и молил Бога о том, как бы мне развязаться со «старцем», умевшим и могшим держать пойманных друзей в своих руках...

Почувявши для себя и своих царственных друзей большую беду от выступления Феофана и громкого шума, поднятого по поводу этого выступления, Григорий энергично принялся за самооправдание. Приехавши в Петербург, он писал Вырубовой: *«Здравствуй, дорогая отроковица небес! А я чем похваюсь? Немощами. Бог да воздаст за благоденство чистоты Вашей. Писал Григорий богомолец ваш, — поруган всеми. Желал бы видеть. Остановился у Сазоновых».*

Феофану заискивающе писал: *«Благослови, владыко, непотребного и прости. Поклоняюсь перед вашим смиренным саном. Ежели я огорчил — помолись и прости; будем помнить хорошую беседу, а худую забывать и молиться. А все-таки не столь грех, а милосердие Божие боле. Прости и благослови, как прежний единомышленник. Писал Григорий».*

В другой раз «богомолец» писал Феофану так: *«Благослови, владыко! Я желаю икону, на Невском; она вот мне и говорила, что помнишь плакала о России, это не должен забыть; как она захочет, Матушка, и положит на память. Ваша воля, я говорю не от себя, так Богу угодно. Прошу, молись. Писал Григорий епископу Феофану».*

Антонию, епископу Волынскому: *«Благослови, владыко миленький, не обижайтесь. Я вам зла не принесу, а ежели ваших очах я пал, то молитесь. Вы наши пасемы, и пасите назиданьями и молитесь о грешном Григории; а евреи пусть ругают. Писал Григорий непотребный».*

Антонию, митрополиту Петербургскому: *«Благослови, миленький владыко, и прости меня! Желая вас видеть и охотно принять назидания из уста ваших, потому много сплетней. Но виноват, дал повод, но не сектант, а сын православной Церкви. Все зависит от того, что бываю*

там у их, Высоких, — вот мое страданье. Отругивать гажету не могу».

Премьер-министру Столыпину: «Добрый Господин! Пожалуйста скажи мне и спроси у Императорских великих нашей Земли: какое я сделал зло, и они свидетели всему: ведь у них ум боле, чем у кого, и примут кого хотят, или спросят кухарку. Я гдумаю просто; они хотят и видят. Лучше подумать: ведь дух дышет, где хочет, не оскорбятся на то, что Бог находится, где ему хочется».

Стреляя письмами во все стороны, «старец» действовал при дворе против Феофана... Скоро он сдeлал Феофану «капут».

Епископ был выгнан из покоев императрицы, лишен высокого положения царского духовника.

Потом его выдворили и из Петербурга...

В начале декабря 1911 года я поехал из Царицына в Петербург купить типографию и исхлопотать разрешение на издание мною в монастыре журнала: «Жизнь и Спасение» и газеты «Гром и Молния».

В Петербурге я остановился на Ярославском подворье у епископа Гермогена, бывшего в то время членом Святого Синода.

На квартире у Гермогена я каждый день встречал Митю-блаженненького и писателя И. А. Родионова. Они рассказывали мне про Григория и его придворную деятельность невероятные вещи. Родионов передавал со слов Щегловитова, а Митя — со слов князя Путятина и князя Орлова.

С этими господами Григорий был знаком и раньше очень дружил. Я видел фотографическую карточку, где Григорий в самых дружественных позах снят с князем Путятиным и капитаном Ломеном, ктиторм церккви сводного полка государя.

Потом дружба расстроилась...

Митя объясняет, что расстроилась потому, что Путятин, Ломен и Орлов узнали хорошо, что Гришка — прохвост; они бы его во дворец не пустили, да боятся и на цыпочках перед ним ходят.

А сам «старец» однажды мне объяснял, что он разошелся с Путятиным, потому что Путятин при постройке в Петергофе подворья Дивеевского монастыря украл царских денег 72 000, а Григорий открыл это «пророческим чутьем» и донес «папе и маме». С тех пор и дружба расстроилась.

Кому верить — Мите или Грише, — предоставляю самому читателю, а я лично склоняюсь на сторону Мити, потому что князь Путятин до сих пор в большой милости

у царей и немыслимо, чтобы они такого крупного вора, после разоблачения его Григорием, держали около себя.

12 или 13 декабря, когда Гермоген был на заседании Синода по вопросу о диакониссах, курьер принес телеграмму и, подавая ее мне, сказал: «Телеграмма-то на имя епископа, только текст ее не ему: так сказал мне на телеграфе чиновник».

Я, чтобы убедиться в этом и не принять чужой телеграммы, распечатал ее и прочел: «Миленький владыка! Был там; они тебе низко кланяются. Просят тебя с Феофаном и Федченкой (Вениамином) не говорить. Дня через два буду. Григорий».

Я успокоил курьера. Он ушел.

Телеграмму Григорий прислал из Москвы, куда заехал по пути из Ливадии, где был на именинах Николая 6 декабря. В телеграмме передавал Гермогену поклон от царей.

Явился из Синода Гермоген.

Я подал телеграмму.

Гермоген прочитал ее, плюнул на нее и сказал мне: «Вот пес, прости Господи! Надо с ним покончить!»

— Я давно вам, владыка, об этом говорил.

— Как же поступить?

— Дело, владыка, очень трудное и серьезное; связаться с этим дьяволом легко было, но развязаться, как Бог даст. Нужно поставить на карту все.

— Нет, надо монашество пожалеть.

— Не от нас будет это зависеть. А мы должны, принимаясь за развязку со «старцем», быть готовыми ко всему...

Гермоген глубоко задумался, мрачные тени легли на его смуглое, серьезное и оригинальное лицо.

— Как же быть?.. — спустя немного, продолжал он. — Ведь не хотелось бы страдать через этого гада.

— Владыка! Если приступить к делу, то вот как приступить. Пригласить Григория сюда, обличить его, запереть его в угловую комнату; никого до него не допускать; не подпускать его к телефону, я ему сам буду подавать в комнату пищу и даже горшок... А тем временем вы езжайте к государю и убедите его развязаться со «старцем». Упадите в ноги и добейтесь, что для спасения трона и России нужно Григория захнуть в сибирскую нору... Если же после обличения выпустят Григория, то тогда мы пропали; не знаю, как вы поступите, когда на нас нападет он с своими друзьями, а я не останавлиюсь ни перед чем!..

— Да, вы хорошо говорите, но ведь об этом надо посоветоваться с министром юстиции.

— Хорошо, поедemте завтра к нему.

Уговорились, испросил у Щегловитова время для визита, и вместе с его другом — писателем Родионовым 14 декабря поехали к нему.

Беседовали о Григории 4 часа.

Я рассказывал министру про «старца» все, министр особенно внимательно слушал меня, а Гермоген, касаясь одной рукой коленки моей и смотря на Щегловитова, все говорил: «Да, отец Илиодор — дитя, настоящее дитя; он все рассказывает...»

Министр улыбался, а я ему передавал, как нужно с Распутиным поступить, и еще добавил: «Потом, после обличения и «заклyчения» Григория, нужно послать хороших людей в Покровское, сжечь весь дом со всеми вещами, чтобы сгорели все царские подарки, портрет, письма, чтобы и следа не осталось от того, что Григорий бывал у царей и пользовался их благоволением...»

Щегловитов, наконец, заговорил: «Да этого, батюшка, по нынешним временам нельзя сделать. Как же человека запереть в комнате?»

— Такого подлеца, Иван Григорьевич, можно запереть. Это я все сам сделаю и всю ответственность принимаю на себя.

Министр глубокомысленно молчал.

15 декабря Волынский Антоний прислал ко мне на Ярославское подворье архимандрита Виталия; прислал передать мне, что ко мне нехорошо архиереи относятся будто бы, потому что я с Григорием дружу.

Я ответил: «Давно уже с ним не дружу, а вот не сегодня-завтра я его к стенке привинчу, как выюн, на сковородке запрыгает».

Виталий ушел.

После оказалось, что Антоний стремился отбить от меня Григория, чтобы «смирить» меня перед Синодом, которому я до того времени не подчинялся, потому что он, Синод, плясал перед Столыпиным, этим патриархом-городовым.

Роковой день развязки со «старцем» приближался.

Вот-вот должен был приехать из Москвы «великий чудотворец».

Я очень волновался, а желание развязаться со «старцем» все более и более возрастало в душе моей.

Развязать, обличить его мне желалось по следующим причинам: я стремился снять с себя грех защиты «старца», обнаружить его лукавую, хитрую, лицемерную душу, сорвать на нем досаду свою за то, что он меня все время обманывал, отказываясь от всех пакостей, которые ему приписывало общество и про которые я уже к тому вре-

мени успел точно знать; наконец, я имел тайное желание схватиться из-за Григория с самими царями. Об этом желании я еще 22 февраля 1911 года, когда убежденный Гермогеном собирался ехать в Новосиль, говорил священнику Вострикову на перроне вокзала в г. Сердобске, так: — Батюшка, знаете, что я думаю сейчас?

— Что?

— Да мне хочется с самими царями сцепиться.

— Что вы? Что вы? Да вы тогда погибнете!

— Пусть погибну, но мне хочется их дернуть за то, что они с такою сволочью, как Григорий Распутин, возьтятся. Посмотрю, откажутся они от этого подлеца или нет. А то это что же: мы за них здесь умираем, изводимся, а они там Бог знает что разделявают с распутником.

— Оставьте, оставьте об этом и думать даже... Погибнете...

Я тогда замолчал, но думать не перестал. И в этот раз, перед приездом Распутина, когда я готовился взять «блаженного старца» за шиворот, эта мысль овладела всем моим существом.

Я весь был погружен в приготовление к обличению.

Главным образом, я заботился о том, чтобы к известному роковому часу приготовить свидетелей; при свидетелях хотелось обличить, чтобы Григорий после не отказывался от того, что было, в чем он сознался, и как вообще было дело...

Свидетели, конечно, нашлись, это: Родионов, Митя, купец Чернышев и священники: Ледовский, Сошестввенский и академик Стефан Твердынский.

15 декабря вечером я говорил по телефону с В. М. Скворцовым.

— Как поживаете? — спрашивал Скворцов.

— Ничего, хорошо. Вот готовимся распрощаться с братом Григорием!

— Как так?

— Да просто обличить его и проводить в Сибирь опять землю пахать.

— Смотрите, осторожно поступайте; человек он сильный и опасный. Смотрите, головы свои не ломайте.

— Постараемся рога ему обломать. План хороший есть; если по плану поступим, то дело будет в шляпе.

— Ну, помогай Бог... Только осторожно. Кланяйтесь владыке Гермогену. До свидания!

16 декабря, утром, из квартиры г-жи Головиной Григорий позвонил по телефону, приглашая меня к себе.

Поехал, а Гермогена попросил собрать к 11 часам всех свидетелей.

Распутин встретил меня очень ласково.

Я его пригласил поехать к Гермогену.

— А что, как владыка? Ничего? На меня не сердится? Телеграмму получил?

— Ничего. Получил. Доволен. Ждет тебя. Так и сказал мне: поезжайте и привезите Григория Ефимовича, да скорее, хочу с ним повидаться.

— Вот, брат, что поклон-то царский ему сделал. А летом-то, когда я уехал от тебя, он на меня в Саратове во как нападал! — Оказывается, Григорий, едучи в конце июня 1911 года из Царицына на пароходе, заехал к Гермогену; Гермоген укорял «старца» за его «подвиги».

— Нет, теперь ничего! — подтвердил я.

— Ну, поедем, поедем, голубчик! Вот хорошо!

Сели на извозчика и поехали.

Дорогою Григорий мне болтал: «И тебе цари низко, низко кланяются; вот скоро, скоро епископом будешь; ихний новый дворец видел. Пять миллионов стоит. Во как! Есть комнаты сплошь стеклянные... А стекла-то, стекла, фу, какие большие, широчайшие. Мама немного прихвывает, а папа сам меня водил по дворцу. Долго меня водил, все показывал; потом вышли мы с ним на крыльцо и долго на небо смотрели. А звезды, звезды... Папа говорил мне много, много... Больно Гермогеном доволен, что он против диаконисс. Со мной согласен, что это архиереи хотят у себя в покаях из диаконисс бардаки поделать... Папа сказал: «Молодец Гермоген! Он понимает, в чем дело, и идет против диаконисс». А про Феофана-то, про Феофана что папа говорил!

— Что?

— Да что? Сказал: «Когда я сходил с парохода на берег в Севастополе и Феофан стоял на берегу, я поклонился, и он, улыбаясь, поклонился. А я подумал: вот дурак-то, ведь я офицерам поклонился, а ты думаешь, тебе, что ли?» Во как! Закрылась лазутка! Скоро его и оттуда попрут». Пусть знает, как грязью мазать... И про Столыпина папа говорил... Ведь я за семь дней предсказал смерть Столыпина и за семь дней уже назначил В. Н. Коковцова. Этот — хороший человек. Я давно с ним знаком. Папа не хочет Столыпину ставить памятник. Только говорит: «Ты смотри, Григорий, не говори Илиодору, что я памятника Столыпину не хочу, а то ведь он не любит Столыпина, да и начнет на всю Россию кричать, что и царь, и я не хочу памятника Столыпину!» Ха-ха-ха! Во, брат!..

— Брат Григорий, а я не люблю царя! — не знаю, почему вырвалось у меня. — Не люблю, да и только; не понравился он мне; такой слабый, очень табак курит, говорить не умеет, весь истрепанный, рукою дергает, да, должно быть, он не умный.

— У-у, ты так не говори! Боже тебя паси. Разве так можно? — заговорил «старец» и погрозился на меня пальцем.

Я замолчал, осуждая себя за неуместные слова о царе.

Вдруг, когда уже подъезжали к подворью, «старец» встрепенулся: «Слушай-ка, голубчик, а Митя у владыки будет?»

— Я, право, не знаю. Разве он в Петербурге? Я его не видел. А что?

— Да так! Я его не люблю. Он такой бешеный...

Приехали и пришли к Гермогену в кабинет.

Свидетели собрались, но не все.

Родионов и Митя с Чернышевским еще не приехали.

Я бросился к телефону и поторопил их.

Через 20 минут все свидетели были налицо.

«Старец» начал догадываться, что что-то неладное готовится... Быстро стрелял своими серыми глазами, недоумевая и предчувствуя что-то недоброе.

Проходя с Родионовым по передней, я бросил: — Посмотрите, Иван Александрович, старческое рубище!

Родионов взял в руки шубу и шапку «старца», потом сказал: — Ого! Шапка стоит по меньшей мере 300 рублей, а за шубу здесь надо отдать тысячи две. Вполне подвижническая одежда!

Исторический час наступил.

Гермоген, я, «старец» и все свидетели собрались в парадную красную комнату.

«Старец» сел на большой диван за круглый стол, потом встал, прошелся и остановился около дверей.

Свидетели сидели. Гермоген стоял. Я тоже.

Митя, прихрамывая и помахивая отсохшею рукою, ходил взад и вперед около Григория, вскидывая на него неприятные взгляды.

Все молчали.

Тут Григорий окончательно понял, что вот-вот должно произойти что-то для него крайне неприятное.

— Ну, Митя, начинай! — проговорил я.

Гермоген на меня закричал: — Что вы самого маленького заставляете; вы всех больше знаете, вы и начинайте!

Только что я хотел раскрыть рот, как произошло нечто невероятное, смешное, но в то же время и ужасное.

Митя с диким криком: «А-а-а! Ты — безбожник, ты много мамок обидел! Ты много нянек обидел! Ты с царицею живешь! Подлец — ты!» начал хватать «старца»... «Старец» очень испугался, губы у него запеклись, он, пятясь назад к дверям, сгибался дугою.

А Митя взял его за рукав, притащил к иконе и, тыкая ему пальцем в грудь, еще громче, еще неистовее кричал:

«Ты — безбожник! Ты с царицею живешь! Ты — антихрист!»

Григорий наконец заговорил; тыкая в свою очередь в Митю пальцем, он дрожащим голосом произнес: — Нет, ты безбожник! Ты безбожник!

Не знаю, до каких бы пор «старцы» препирались между собою и обдавали друг друга слюною, если бы не вмешался в распрю противников Гермоген. Он надел епитрахиль, взял в руку крест и сказал:

— Григорий, пойдی сюда!

Григорий приблизился к столу, трясаясь всем телом, бледный, согнувшийся, испуганный...

— Ну, отец Илиодор, начинайте! — скомандовал Гермоген.

Мысли в голове моей лезли друг на друга, как бы играя в чехарду; сердце учащенно билось; волнение охватывало все мое тело.

Я начал: «Брат Григорий! Ты целый год насилывал меня своею дружбою; зная хорошо, что для меня Царицын — жизнь моя, ты страхом и угрозами держал меня около себя. Теперь пробил роковой час развязаться мне с тобою, чтобы не грязниться дружбою с тобою. Чувствую, что плохо мне будет, но не хуже, чем возиться с тобою. Все нутро мое протестует против твоей пакостной деятельности. Ты всегда обманывал меня, скрывая свои дьявольские «подвиги». Ты ввел меня в величайший грех; я пред многими тысячами народа православного призывал в свидетели Праведного Бога, лгал, называя тебя праведником, бесстрастным, ибо верил тебе... Я ставил тебя перед святыми иконами, спрашивал тебя: «Правду ли пишут про тебя?» А ты только угрожал мне за те сомнения, которые появлялись в душе моей относительно твоей личности. Праздничные дни твои окончились. Сегодня я, собравшись с духом, — ибо сознаю, что нелегко с тобою бороться, — вот при этих свидетелях выступаю уже не другом твоим, а беспощадным обвинителем, прокурором. Я начну перечислять твои подвиги. Первый:...»

Дальше я рассказывал про «подвиги» старца.

Гермоген и все свидетели близко подступили к «блаженному».

«Старец» стоял за круглым столом, согнув ноги в коленях.

Стоял бледный, дрожащий, растерянный.

Кусая ногти пальцев то на одной руке, то на другой, он безумно вращал своими неприятными серыми глазами, вскидывая их то на одного, то на другого свидетеля, как бы ища себе среди них поддержки и защиты от тех со-

крушительных ударов, которые сыпались на него от моей речи.

Не встречался взглядами «старец» только с Гермогеном и Митей.

Последними словами моей речи были: «Григорий! Я тебя защищал, я тебя погублю, а с тобою и всех, которые с тобою!»

Когда я окончил говорить, дотоле спокойно стоявший Гермоген в епитрахили и с крестом в руках закричал на Григория:

— Говори, бесов сын, сейчас, при свидетелях, правду ли про тебя говорил отец Илиодор?

«Старец» открыл рот, показал зубы, зашевелил губами, сел на диван, потом моментально встал, опять сел и опять встал, и, наконец, проговорил замогильным голосом с спазмами в горле: «Правда, правда, все правда!»

Гермоген продолжал: — Какою же ты силою делаешь это?

— Силою Божьею! — уже более решительно отвечал «старец».

— О, окаянный! Зачем ты мучил так бедную невинную девушку — монахиню Ксению?

— Снимал «страсти»!

Тут все свидетели тихо засмеялись, а Гермоген схватил «старца» кистью левой руки за череп, правой начал бить его крестом по голове и страшным голосом, прямо-таки потрясающим, начал кричать: «Дьявол! Именем Божиим запрещаю тебе прикасаться к женскому полу. Запрещаю тебе входить в царский дом и иметь дело с царицей. Разбойник ты! Как мать в колыбели вынашивает своего ребенка, так и Святая церковь своими молитвами, благословениями, подвигами вынянчила великую святиню народную — самодержавие царей. А теперь ты, гад, губишь, разбиваешь наши священные сосуды — носителей самодержавной власти. Доколе же ты, окаянный, будешь это делать? А? Говори! Побойся Бога, побойся этого животворящего креста!..»

Григорий молчал. Лоб его был неприятно багровый, как у мертвеца. Глазами, налитыми кровью, он страшно и дико высматривал из-под кисти большой гермогеновской руки, видимо, он хотел высвободиться от Гермогена, но не мог этого сделать, потому что от волнения слабо держался на ногах.

Гермоген схватил правой рукою за плечо «старца» и прямо-таки потащил его в храм с криком: «Пойдем-ка, пойдем-ка в храм; там перед святыми мощами дашь заклятие не ходить туда, куда не следует...»

Григорий, как пойманный на месте преступления вор, шел за Гермогеном, спотыкаясь и по-прежнему дикими, блуждающими глазами, озираясь по сторонам.

Пришли в храм. Остановились перед иконою с мощами. Из свидетелей подошел к иконе только один Родионов, а остальные, пораженные странным зрелищем, остановились в дверях храма и с испуганным видом дожидались, что будет дальше. Даже храбрый Митя не вошел в храм, а, стоя впереди свидетелей около дверей, притоптывал хромою ногою и, отчаянно жестикулировал здоровою рукою...

Гермоген по-прежнему дико кричал: «Поднимай руку! Становись на колени! Говори: клянусь здесь, перед святыми мощами, без благословения епископа Гермогена и иеромонаха Илиодора не переступать порога царских дворцов! Клянись. Целуй икону, целуй святые мощи!»

Григорий, вытянувшись в струнку, трясаясь, бледный, окончательно убитый, делал и говорил все, что ему приказывал Гермоген...

Что было дальше, я положительно не помню.

Когда я, слабый от волнения, вошел в свою комнату, там был писатель Родионов.

— А может, и правда, что Митя так нападает на Григория из-за старческих портфелей?..

От этих слов Родионов упал на широкую кушетку и начал от хохота кататься по ней, хватаясь руками за живот.

— Что же вы смеетесь, Иван Александрович! Шутка ли, что ли, здесь. Ведь знаете, Григорий уже убежал, пропали мы с Гермогеном!

— Ох! ох! ох! Ха-ха-ха! Да как же, дорогой батюшка, не смеяться-то? Из-за портфелей? Господи! Да ведь мертвый засмеется, зная Митю и Григория. Из-за портфелей!

Тут Родионов опять упал на кушетку и начал, катаясь по ней, хохотать.

Я тоже начал смеяться. И действительно, как не засмеяться, представив картину, как при дворе к кабинету Николая и Александры бегут, стараясь опередить друг друга, с портфелями блаженные старцы... Да еще и ножку друг другу подставляют! Политика! Карьера! Слава! Величие! Побросали старцы темные деревни, где нужен их совет, и пришли во дворцы, где без них вполне можно обойтись. Пришли, да еще и интригуют друг против друга!..

Иван Александрович встал с кушетки и заговорил: «Боже мой! Да ведь Митя сейчас хватал почти самого царя. Как же, человек только что приехал из царского дворца, на именинах был у царя, с царицею под ручку ходил, а вдруг тут какой-нибудь калека — Митя так с ним поступил».

Я, усталый, уже ничего не говорил. Родионов попрощался и ушел. Архиерейские покои совсем опустели.

Стояла мертвая тишина, особенно заметная после пронесшегося адского шума...

Я вошел в кабинет к Гермогену. Епископ стоял около стола и, по обыкновению перебирая иконки, крестики, папагии и другие святости, благоговейно целовал их, как ни в чем не бывало.

— Ну что, владыка, как себя чувствуете?

— Ничего, славу Богу! Развязались с дьяволом.

— Да развязка-то только началась, дорогой владыка!

— Пускай себе бьется, а мы будем бороться.

— До конца?

— До конца! Ни в чем и никак уступки не делать!

Я горячо поцеловал Гермогенову руку, утешаясь его твердостью и бесстрашием.

Вечером, в этот же день, О. В. Лохтина говорила мне по телефону: «Отец Илиодор! Ради Бога, приезжайте сейчас к Головиным... Здесь сейчас Петр Степанович Даманский. Скоро приедет В. К. Саблер. Приезжайте. Посоветуемся. Помиримся!»

— Не приеду. Все кончено. Советы излишни. Прощайте! — сказал я и повесил трубку.

После этого Лохтина еще несколько раз вызывала меня к телефону, но я не подходил.

Оказалось, что меня вызывали Даманский и Саблер узнать, как случилось «происшествие» и нельзя ли как уладить дела. Об этом мне после передавала Лохтина же.

17 декабря, рано утром, когда я еще лежал в постели, вошел в мою комнату Григорий.

— Григорий, да зачем ты? Ведь уже все кончено... — смущенно и недовольно проговорил я.

— Голубчик, дружок! Пойми меня! Пожалей меня! Я ведь тебе помог когда-то. Окажи мне милость. Помири с Гермогеном.

— О, это никак невозможно, Григорий! Уходи отсюда!

— Все возможно, голубчик! Все возможно! Я сейчас же спрошу у мамы 5.000 рублей на типографскую машину... Только помири меня с Гермогеном.

Я встал с постели и начал одеваться. Когда уже умылся, Григорий вдруг упал к моим ногам, заплакал и заголосил: «Спаси меня! Спаси! Папа и мама шума боятся. А это ведь шум будет. Пожалей папу и маму, ведь они тебя так любят, так любят...»

— Отстань, Григорий! Не пойду я к Гермогену!

— Голубчик! Хоть проводи меня к нему: я с ним поговорю. Ради Бога, проводи!

— Да он с тобой и говорить не будет.

— Да ты только проводи.

— Не поведу. Боюсь обидеть владыку.

— Ну, пойдй скажи, что я, Григорий, с ним хочу поговорить и попрощаться... Понимаешь, попрощаться.

У меня мелькнула мысль: «И к дьяволу нужно быть не только справедливым, но и милостивым!»

В ту минуту мне жалко сделалось Григория, и я пошел к Гермогену: «Владыка! Пришел Григорий. Просит, чтобы вы поговорили с ним».

— Нет, нет, никак нельзя!

— Владыка, плачет, в ногах валяется...

— Ну, пойдите скажите: пусть идет, но только я к нему лицом не повернусь; буду стоять к нему задом и так разговаривать. Близко к себе его, пса, не подпущу.

Я пошел и передал Гермогену волю Григорию.

Григорий встрепнулся и прямо-таки вбежал в кабинет.

Гермоген стоял задом к нему, а лицом почти вперся в иконный угол; стоял, жевал просфору и пил святую воду.

— Владыка! — крикнул Григорий и, как бы кем ужаленный, выбежал из покоев, на ходу надевая шубу и шапку...

Это было его последнее свидание с Гермогеном.

Григорий, как оказалось потом, побежал с Ярославского подворья на телеграф и послал царям телеграмму, полную невероятной клеветы... Он писал, что будто бы я и Гермоген хотели его у себя в покоях лишить жизни, задушить.

Об этом факте говорит следующее обстоятельство. В феврале месяце 1912 года, когда мы с Гермогеном были уже в заключении, Щегловитов однажды молвил слово царю за нас. Но Николай похлопал его по плечу и сказал: «Нельзя, нельзя таких злодеев миловать. Ведь они хотели человека, Григория Ефимовича, задушить, жизни лишить!»

Это мне передавал со слов Родионова друг Щегловитова, Н. П. Попов, приезжавший в пустынь из Петербурга проведать меня.

Через час после Григория пришел к Гермогену камер-юнкер А. Э. Пистолькорс, и в разговоре с Гермогеном он все недоумевал по поводу всего происшедшего. Уходя, он настоятельно приглашал меня пожаловать вечером на совет в дом Головиной.

По уходе Пистолькорса Гермоген вдруг горько, горько заплакал и, рыдая, заговорил: «Дитя вы, дитя вы; вы ничего не знаете! Ведь Григорий взял себе царицу; а чтобы царь не отдался другой, вот шайка Гришкина и стремится приблизить к государю жену П., а потом уже командовать: и царем и царицею...»

— Да они и так командуют, владыка!

— Это правда, — утирая платком катившиеся по обеим щекам слезы, отвечал Гермоген.

Начиная с 4 часов вечера, из квартиры Головиной все время звонил телефон. Головина, Лохтина, Вырубова, Пистолькорс, сам Григорий звали меня к себе.

«На суд меня зовут! — думал я. — Пойду, пойду, узнаю, как обстоят дела».

Движимый непреодолимою силою, я, одев самый скромный костюм: простой холщовый подрясник и грубую, афонскую шапочку, без рясы и без креста, подпоясанный кожаным поясом, — направился туда, куда меня так усердно звали для «расправы».

Уже когда я был в выходных дверях, Гермоген крикнул мне: — Куда?

— К Григорию.

— Ну, так и живите с хлыстом. Я вас не знаю. — Гермоген набрал полон рот слюны и плюнул на меня.

— Владыка! Я хочу жить только с Чистым и Святым Господом Богом. Это вы хорошо знаете. А иду туда, потому что хочу узнать, скоро ли нам с вами дадут по тылице, ведь мы начали дело делать не по плану...

Гермоген очень рассердился, убежал, хлопнув за собою дверью.

Я пошел.

Войдя в переднюю квартиры Головиной, залитую ярким электрическим светом, я сразу, по обстановке и настроению людей, понял, что ответ от царей Григорием получен и ответ для меня и Гермогена убийственный.

Распутин уже сбросил одежду «покаяния», в которой он являлся утром на Ярославское подворье и валялся у меня в ногах...

Теперь он стоял передо мною в роскошной шелковой, с косым воротом русской рубашке. Подпоясан был красивым поясом, пышные кисти которого он то и дело перекидывал из одной руки в другую. Ноги попеременно закидывал одну за другую, как будто выделял какой танец. Встретил он меня с наглою, злою улыбкою и со словами на своих безобразно-чувственных губах: «Ну что, как Гермогешка, достукался! Нарвался. А если б я его по морде ударил, когда он меня за голову схватил, то что бы, поди, небось Родионов-то меня шашкою-то рубанул?..»

Я стоял и молчал.

Вся «старцева» компания выглядывала из зала в дверь, лезла друг на дружку и кричала: «Так-то с праведником расправляться?»

Наконец и я заговорил: «Да позвольте, господа! Дайте мне войти в зал. Тогда и поговорим!»

— Ну, пожалуйста, пожалуйста, — закричали все, и Григорий тоже.

В зале я занял место в углу, давши возможность наступающему «неприятелю» двигаться на меня только с одной, передней стороны.

Сел в маленькое кресло.

Весь «неприятель» стоял. Не было только «старца» и Саны. «Старец» в это время, как я успел рассмотреть, стоял в глубине соседней комнаты и сладко, сладко целовал Сану.

«Это после клятвы-то, только что данной у св. мощей не прикасаться к женскому полу?! Здорово! Вот подлец!» — подумал я.

Но думать и смотреть было некогда.

На меня наступал грозный, но не особенно сильный «неприятель».

Головина кричала: «Это он, это он вывез о. Григория; это его дело; он обманул. Так вчера и Владимир Карлович с Петром Степановичем говорили, а вы, Ольга Владимировна, все свое толкуете: это Гермоген. Нет, это отец Илиодор вывез нашего праведника на распятие! Вот кто!»

Лохтина вопила: «Да неужели же? О, Господи! Я никогда этого от Илиодорушки не ожидала».

Вырубова энергично говорила: «Зачем это вы так поступили? Разве о. Григорий вам мало добра сделал? А?»

Головина, перебивая Вырубову, опять кричала: «О, если бы я знала, что вы везете о. Григория на такие мучения, то никогда бы, ни за что я не отпустила бы его. Я на вас надеялась, а вы... Да еще здесь говорили, что Гермоген любит о. Григория и очень желает его видеть... Это как называется?»

Я сидел и молчал, ища глазами какой-нибудь предмет подороже и поудобнее, чтобы в случае нападения на меня запустить им во всю лезшую на меня компанию... И думал: «С бабами-то я справляюсь одним маленьким креслом. Как махну им, так и разбегутся все, но вот Пистолькорс, драгунский офицер, с сильными большими кулаками, как с ним-то справлюсь: ведь он храбрый и жестокий; он, по его собственным словам, во время революции один своими руками повесил 85 латышей в Прибалтийском крае...»

Дальше было думать невозможно.

Пистолькорс приблизился ко мне, за ним двигалось все бабье войско, намереваясь, без сомнения, учинить надо мною самосуд. Я решил тогда, что нужно действовать, спасая свою шкуру.

Я поднялся с креслица и закричал: «Не забываетесь! Если только прикоснетесь ко мне, то я моментально вот

этими дорогими подсвечниками разобью окно и во весь голос, по-казацки, закричу: «Караул!» Понимаете? Это за тем-то меня приглашали? Ольга Владимировна, затем? А где Григорий? И он меня приглашал...»

Я говорил это и очень волновался.

«Неприятель» испугался и начал отступать, виновато заявляя: «Да что вы думаете, мы вас бить, что ли, будем?!...»

Я надел свою шапочку и быстро пошел в переднюю. Волнуясь, я попал не в среднюю комнату, которая лежала между залом и передней, а в спальню; отворив дверь, я увидел «лечение» старцем прехорошенькой Саны.

С тяжелым предчувствием чего-то крупно-неприятного проводил я праздники...

Гермоген все праздники молился в храме Ярославского подворья. А Григорий, сидя у Вырубовой в Царском Селе, мобилизовал все свои силы: царя, царицу, Вырубову, Макарова, Коковцова, Саблера и Даманского, предварительно поставивши последнего на пост товарища обер-прокурора Святого Синода.

Чтобы скрыть свое пребывание в столице, Григорий сказал своим сотрудникам напечатать в газетах, что, дескать, он, Григорий Новых, уехал на родину.

Газетчики, конечно, это охотно исполнили.

К этой мере скрывать себя в столице Распутин прибегал несколько раз, и раньше этого случая, и после него.

Чтобы успокоить Николая и Александру насчет того, что вне дворца все обстоит благополучно и «дерзкая выходка» против «старца» Гермогена и Илиодора не имеет ровно никакого значения, Распутин вызывал во дворец уже известного читателю «суслика» — епископа Варнаву. Варнава успокоил царей. Он им говорил: «Не беспокойтесь! Мы постоим за великого раба Божия, Григория».

Цари, понукаемые Григорием, решились всю расправиться со «злодеями», посягнувшими на жизнь праведника и подвижника. Расправа началась на святках, когда в Синоде был только один епископ Никон. Приступили к Гермогену...

8 января 1912 года, вечером, я, едзя по Царицыну с крещенскою водою, получил от Гермогена из Петербурга такую телеграмму: «Милый и драгоценный друг мой, отец Илиодор! Враги разрушают все наши дела Меня удалили из Синода Вам запрещают разрешенные уже типографию, газету и журнал. Вовсю работают два семяющие старца (Саблер и Даманский) и не зарезанный, виденный вами

восне, филин пакостный. Скорее езжайте сюда. Будем бороться с общим врагом. Помогите мне. Любящий епископ Гермоген».

На другой день я собрал народ и отслужил путешественный молебен.

Народ, предчувствуя недоброе, горько плакал и даже не хотел отпускать меня в Петербург...

12 января утром я приехал в Петербург.

Только что поздоровался с Гермогеном, как он начал рассказывать: «Вот уволили меня из Синода. 3 января приходит ко мне Саблер и врет: «Вас, владыка, Синод уволил в епархию, там у вас много дел». — «Как Синод? — спрашиваю я. — Ведь в Петербурге только один член Синода — епископ Никон!» Говорит: «Ну, да ничего. Государь уже утвердил мой доклад. Теперь вам остается только с миром ехать. Поезжайте, а меня благословите, владыка!» Я на него как крикну: «Какой я вам владыка! Ваш владыка — Гришка Распутин! Вон с моих глаз». Да к нему. Он от меня задом, испугался. Я на него наступаю, кричу: «Вон!» А он еле-еле успел схватить свою шубу и шапку. Уже на лестнице надевал их. Вот как я его пробрал!»

— Начало положено вполне правильное, ваше преосвященство. Так и дальше нужно действовать.

Не успели мы с Гермогеном поговорить о делах как следует, как являются Митя-блаженненький и писатель Родионов.

Митя, поздоровавшись со мною, начал докладывать: «Тебя, батюшка, царица хотела за Гришку сейчас же расстричь и с волчьим билетом пустить. Да государь не захотел устраивать соблазнительный скандал».

— Да откуда ты все это знаешь?

— Орлов и Путятин несколько раз уже об этом мне говорили.

— Ну-ка, пусть попробует расстричь. Это за что же? За Распутина, за дьявола. О, я пойду против царя!

— Что вы, что вы, батюшка, разве можно против царя идти? — урезонивал меня страшно волновавшийся Родионов.

— Пойду, пойду. Против всех пойду! Погибну, а пойду. С неправдою не помирюсь. Я смерти не боюсь, а людей и подавно. Они — цари, а что вытворяют. Я долго терпел, теперь довольно...

Все молчали и смотрели на меня, а я, волнуясь, ходил по комнате и бранил царей, Синод и министров.

В этот же день я принял газетных сотрудников и заявил им, что не Гермогена нужно гнать из Синода, а Саблера, Даманского и их друзей.

Сотрудники на другой день отпечатали мои слова.

Гермоген тоже свой протест выражал через печать.

Утром 13 января мне, явившемуся из города, Гермоген говорит: «А у меня был Михаил Осипович!»

— Кто это такой?

— Да Меньшиков.

— Сам явился?

— Нет, я его приглашал.

— Напрасно, владыка, вы связываетесь с такою собакою.

Гермоген задумался и сказал: «А и правду вы говорите, что он собака. Вот и во сне он мне представился в виде какого-то отвратительного животного с длинною мордою и большими, большими зубами; быстро бежал и нес какую то грязную тряпку».

— Ну, вот увидите, что она нас облает, а Распутина возьмет под свою защиту.

Так и случилось. Меньшиков через два дня после визита к Гермогену пригласил Распутину к себе на обед, а потом пропел ему в «Новом времени» похвальный гимн, утверждая, что у Распутина возвышенная душа. А позже, когда мы уже были в заключении, он написал статью «Царь-скандал», в которой безобразно высмеивал наш великий подвиг развязки с «блаженным пророком».

14 января Гермоген, я и Родионов ездили к И. Л. Горемыкину. Я просил его: «И. Л.! Вы сами вот рассказывали, что вы разогнали первую Думу. За это государь целовал вас, назвал вас отцом своим, попросил благословить его и наследника. И. Л.! Вы уже получили все чины. Если повесить на вас ваши ордена и медали, то не хватит места на груди, придется вешать их или на брюках, или на спине... Вам нечего искать и нечего терять. Поезжайте, ради Бога, к царю и попросите его принять владыку Гермогена и объясниться...»

— Нет, нет, не могу! — отвечал Горемыкин. — Придворный этикет этого не позволяет, батюшка Илиодор.

В этот же день Гермоген ездил советоваться с великою княгиней Милицею Николаевною. Милица, по словам Гермогена, очень ругала Распутину, но пойти против него отказалась, ссылаясь на то, что «старец» держит в руках царя и особенно царицу крепко.

Конечно, читатель догадывается, почему Милица так бранила «старца».

15 января И. Л. Горемыкин приезжал на Ярославское подворье, но помочь ничем не мог.

Государь уже дважды писал Синоду: «Надеюсь, что Святейший Синод убедит епископа Гермогена уехать из Петербурга в Саратов».

Три члена Синода: Назарий, Серафим и Никон, желая получить награды за исполнение царской воли, смилив-

пись, пришли на Ярославское подворье и упрашивали Гермогена подчиниться государеву слову.

Гермоген стоял на своем, говорил: «Государю подчинюсь, но Гришке Распутину нет».

Члены Синода кланялись ему до земли, а он, больной, лежал в постели.

Ничто не помогло.

Особенно старался Никон. Я не вытерпел и заглянул в Гермогенову спальню.

Гермоген полулежал на подушках, а Никон сидел на стуле около ночного столика, развел свои раскосые глаза в разные стороны: одним что-то нащупывал под кроватью Гермогеновой, а другой запускал высоко-высоко в угол, в паутину, висевшую там толстым слоем, и каким-то замогильным голосом вытягивал: «Владыко! Брат мой во Христе! Да послу-у-шайтесь вы государя...»

— Я не слушаюсь Распутина! — резко говорил Гермоген.

— Ну, да, там Распутин же через царя действует. Пожалейте царя, пожалейте церковь Божию. Ведь нельзя же открыто говорить о язве царской — Распутине. Кто из нас не знает этого сына дьявола. Но сказать никому нельзя: ведь тогда он пойдет против царя, против нас и против церкви Божьей.

— Пусть Синод разъяснит царю все. Зачем народу об этом знать?

— Да царь ведь никого и слушать не хочет. Он вон одно повелевает: выслать Гермогена из Петербурга, и только! Любезный брат Гермоген! Да послушайтесь слова царского... — начал снова Никон петь Лазаря.

Так и ушел ни с чем.

Когда он выходил из передней, я вслед ему сказал: «Стыдно так праведного человека отговаривать от подвига; вы поступаете так, как Петр с Христом».

Никон метнул на меня своими дикими глазами и прямо-таки прошипел: «И вам будет!»

— Я ничего не боюсь. Хоть шкуру снимите с меня!

16 января вечером я, по предложению Гермогена, писал от него телеграмму царю. Гермоген сидел около меня и горько, горько плакал, а я выводил: «Царь-батюшка! Всю свою жизнь я посвятил служению Церкви и Престолу. Служил усердно, не щадя сил. Солнце жизни моей уже зашло далеко за полдень, голова моя побелела. И вот на склоне лет моих с позором, как преступник, изгоняюсь тобою, государь, из столицы. Готов ехать куда угодно, но прежде прими меня, я открою тебе одну тайну. Епископ Гермоген».

На эту телеграмму скоро был через Синод получен от Николая такой ответ: «Не о какой тайне знать не желаю. Николай».

Гермоген, прочитав ответ, опять заплакал. А я говорю: «Какую тайну, владыка, открывать царям. Они больше нашего знают. Смотрите, царь правильно писать не умеет; написал: «Не о какой!»

Гермоген продолжал плакать, закрыл лицо руками и говорил: «Убьют царя, убьют царя, непременно убьют».

Затем епископ заставил меня писать телеграмму Александру. Я написал: «Царица-матушка! Закрыта дорога для меня к государю. Помогите мне. Откройте эту дорогу. Епископ Гермоген».

Александра ответила: «К сожалению, ничего не могу сделать. Нужно повиноваться властям, от Бога поставленным. Александра».

Гермоген плюнул на телеграмму и проговорил: «Какое лицемерие! Это — Гришкины ответы. Он сидит во дворце и диктует их».

Действительно, как узнал Митя-блаженненький, Распутин в то время был во дворце и советовал царям, что делать и как поступать.

17 января в 11 часов вечера на Ярославское подворье из Синода принесли два пакета: большой Гермогену, а малый мне.

Гермоген распечатал свой; там было сказано, что он за послушание Синоду и государю ссылается по высочайшему повелению в Жировицкий монастырь.

Распечатал и я свой; из него я узнал, что я ссылаюсь по высочайшему повелению во Флорищеву пустынь, Владимирской губернии, находящуюся вдали от всякого человеческого жилья в непроходимых и необозримых дремучих лесах.

За что ссылают, об этом в бумаге не было сказано ни одного слова. И после, когда Синод, отвечая на вопрос общественного мнения, за что сосланы Гермоген и Илларион, про Гермогена отвечал, что он сослан за диаконисс, а про меня ничего не упоминал.

На заседании Синода, когда решена была наша ссылка, особенно лютовали митрополит Владимир и Антоний Волинский. Владимир, мстя Гермогену за то, что он не допустил устройства в архиерейских покоях бардаков, кричал: «Сослать, чтобы другим неповадно было идти против помазанника Божия!» А Антоний, давно собиравшийся ввести нас в послушание Синоду, прямо-таки вопил: «Если я дерзну ослушаться государя, то и меня, как бунтовщика, берите, вяжите и ввергайте в темницу!»

И Владимир, и Антоний, как и все остальные члены Синода, хорошо, во всех подробностях знали, за что меня и Гермогена гнал Николай, знали, но желание выслужить-

ся и удовлетворить свое злобное чувство победили в их продажных душах сознание долга, благоговение перед истиной и уважение к народной святыне. Они на изобличителей «святого черта» намеренно посмотрели, как на каких-то ужасных преступников, достойных высшей меры наказания...

Все члены Синода, как уже известно читателю, за расправу с дерзкими обличителями «старца» были награждены Распутиным.

Прочитавши указ о ссылке, я, по свидетельству Родионова, опустил низко голову и, даже ни с кем не попрощавшись, ушел в глубину покоев, в свою комнату.

В ту минуту и решил я непременно довести дело до конца.

В 12 часов ночи меня позвал к телефону сотрудник «Вечернего времени» М. Ф. Паозерский и спросил: «Сосланы? Что думаете делать?»

— Пойду пешком в Сергиеву лавру, а оттуда во Флорищеву пустынь. В указе не сказано, как я должен добраться до места ссылки. Пойду пешком...

— Благополучного пути! Смотрите, не замерзните!

18 января утром газеты уже напечатали, что Илиодор пошел в Москву пешком, а я в это время, тепло одевшись и прицепив сзади мешок с Библией, попрощавшись с Гермогеном, выходил из покоев, серьезно намереваясь пойти до Флорищевой пустыни пешком.

Вдруг меня келейник Гермогенов, Федя, окликнул:

— Батюшка, куда вы! Да вас же сейчас около Петербурга арестуют. Вернитесь. Посоветуйтесь с владыкой...

Эти слова привели меня в чувство и разум, и я остался на Ярославском подворье, спрятавшись в дальней комнате...

Между тем редакторы газет мобилизовали всю сотрудническую армию на поиски Илиодора... Сотрудники писали, что видели меня в разных частях Питера, окруженного народом, на автомобилях гнались за мною за Петербург верст на 60 и более, всюду искали, выспрашивали, высматривали, но все-таки, конечно, не нашли. Так и решили, что я пошел в Москву.

А меня в это время Гермоген, Родионов и Митя переодели в чье-то старое пальто. Посадили в каретнике на извозчика и ночью перевезли во дворец доктора тибетской медицины П. А. Бадмаева.

Здесь я прожил семь дней. Читал газеты, как меня полиция и газетные сотрудники искали.

Я не хотел ехать в пустынь, а намеревался пробраться в Царицын, засесть с народом в монастыре и открыть бунт против Распутина...

Когда же я узнал, что монастырь закрыт и по всем дорогам, ведущим в Царицын, поставлены караулы следить за мною, тогда я открылся властям и меня в сопровождении десятка жандармов отправили в место ссылки.

Живя во дворце П. А. Бадмаева, я не покидал мысли как-нибудь дело исправить и взять Распутина от царей.

Я просил Бадмаева, как старинного царского друга, ехать к Николаю и объяснить ему, в чем дело.

Бадмаев не соглашался, но обещал просить сановников и придворных.

Сначала он просил сенатора Мамонтова. Мамонтов боялся ехать к царю, а про Распутина говорил: «Хотя он нам и много добра сделал, но он — настоящий черт; вот смотрите на картинку: если вот так рога рукою закрыть, то будет Распутин. Правда, Петр Александрович?»

Однажды ночью, в два часа, Бадмаев через экономку зовет меня из моей комнаты к себе наверх и говорит: «Ну, вот что! Был я сейчас на балу у министра внутренних дел А. А. Макарова. Долго там беседовал о вашем деле с дворцовым комендантом — В. А. Дедюлиным. Он просит нас написать кратко все, что вы знаете о Распутине. Я ему передам ваше письмо, а он передаст его государю, и тогда Гришке конец! Идите пишите!..»

Я исполнил совет Бадмаева. Написал письмо. Писал его от 4 до 7 часов утра. Передал его Бадмаеву. В письме том я описывал «подвиги» Распутина, но далеко не полно. Письмо то было через два года напечатано в газетах: и в России, и за границей, но с весьма большими сокращениями.

В тот же день, когда я написал письмо, Гермоген выехал в Жировицкий монастырь.

Когда он меня провожал во дворец Бадмаева, то дал мне слово выбраться из Петербурга не иначе как под конвоем жандармов, в одном подряснике и с иконою в руках... Но Бадмаев убедил его «подчиниться» царской воле.

Блаженненький Митя, по словам Бадмаева, не пускал Гермогена: он ложился под колеса автомобиля, поданного министром Макаровым Гермогену, и что-то диким голосом выкрикивал.

Митя, со слов придворных, так описывал Бадмаеву положение в последние минуты перед отъездом Гермогена. Государь вызвал Макарова, затопал на него ногами и закричал: «Вы все толкуете мне, что я самодержавный царь, самодержавный царь! Какой же я самодержавный, когда вы не исполняете моего приказания, не выдворяете из Петербурга каких-то ничтожных монахов-бунтовщиков!»

Макаров, дотолѣ не решавшійся круто поступить со своимъ близкимъ другомъ Гермогеномъ, явившись отъ царя домой, приказалъ двумъ жандармскимъ генераламъ переодѣться въ штатское платье, взять Гермогена подъ руки, посадить въ автомобиль и везти на вокзалъ.

Бадмаевъ это узналъ и убѣдилъ Гермогена «добровольно» сѣсть въ Макаровъ автомобиль.

Отѣзжая изъ Питера, Гермогенъ прислалъ мнѣ съ Бадмаевымъ записку: «Возлюбленное дитя мое! Поезжайте съ Богомъ въ Флорищеву пустынь. Да хранитъ васъ Царица небесная. Любящій епископъ Гермоген».

— Поедете? — спрашивалъ меня Бадмаевъ.

— Поеду.

— Вотъ и хорошо. Гермогенъ уже теперь около царскаго сердца сидитъ. И вы тамъ будете, если поедете.

— Я поеду, но только не хочу уже сидѣть около царскаго сердца.

— Какъ такъ? Значитъ, вы противъ царя пойдете?

Я молчалъ.

Черезъ полтора дня меня жандармы ввели въ Флорищеву темницу и окружили монастырь стражей.

Поместили меня, по приказанію изъ Петербурга, въ маленькую сырой комнаткѣ съ гнилыми полами, съ развалившейся печкой и съ прочными железными решетками въ очень узенькихъ окнахъ.

Настоятель монастыря очень этому удивился, потому что онъ мнѣ, какъ ученому монаху, приготовилъ хорошее помѣщеніе изъ четырехъ комнатъ. Я и самъ недоумевалъ о такомъ порядкѣ вещей, но уже въ 1913 году, читая дневники Лохтиной, я понялъ все. Тамъ я нашелъ такое письмо «старца», написанное, по всей вероятности, имъ изъ Петербурга: *«Миленькаи папа и мама! — Бунтовщика Богъ съ неба свалилъ. И Илиодора нужно въ темницу. Пускай тамъ подумаетъ, какъ идти противъ Божьяго помазанника. Прежде убивали, а теперь хорошо проучить темницею. Никакой ему ласки приказать Владимірскому епископу. Григорій»*.

Заткнувши меня въ Флорищевскую темницу, жандармскій полковникъ въ коридорѣ, около моей кельи, выстроилъ въ рядъ 13 сыщиковъ-караульчиковъ и скомандовалъ имъ такой приказъ: «Такъ смотрите! Лучше караульте этого бунтовщика. Если провороните и онъ убежитъ, тогда всемъ вамъ каторга», — громко отчеканилъ полковникъ.

— Потіше, пожалуйста! — сказалъ я въ отворенную дверь.

— Бунтовщикъ! Какъ вы смѣете мнѣ приказывать?! Я здѣсь по приказанію государя императора?!

— А я здѣсь по чьему повелѣнію? Не государя императора? Развѣ ты этого не знаешь?

— Сумасшедший монах!

— Дурак! — крикнул я и захлопнул дверь.

Во время этого обмена «любезностями», сыщики, вытянув головы вперед, как гуси, спокойно стояли.

Как бы то ни было, я очутился на «благословенном» «старцем» месте ссылки.

Гермоген тоже был уже в своем месте.

А «старец», чтобы замести следы свои, удалился в село Покровское, предварительно побывши 2 часа на любезном приеме у В. Н. Коковцова, проведенного им в сентябре месяце на пост премьер-министра. «Дескать, на всех плюю! Сам первый министр — мой друг и два часа со мною благосклонно беседовал!»

О таком характере визита Распутин сам, перед самым отъездом из Петербурга, заявлял в печати через своих репортеров.

Цари, по-видимому, очень были смущены поднявшимся в России шумом по поводу нашего дела.

Они спрашивали совета у «старца».

«Старец», тихонько сидя в Покровском, пылал злобою против меня. В дневниках Лохтиной под «6 марта 1912 года» записано буквально следующее: «Отец Григорий говорил в этот день, что он распорол бы живот отцу Илиодору...»

Но так как это сделать было страшно, да и невозможно, то «блаженный праведник» устремился на мою бедную душу с другими средствами. Он писал мне: «Добра и видел ты увногих ворот стучишь нет глутня дле тябя».

И всеми силами старался «великий чудотворец» оправдать свои слова делами.

Прежде всего он написал царям: *«Папа мой и мильная мама! Шума то сколько; вода утечет и нет. А вы пошто смущаетесь. Это все так. Полают, да отстанут. Цари выше всего. Так и будьте. Утешенье от Бога, а от беса горе. А Бог бесов сильнее. Саблер и Даманский все сделают. Да! Григорий».* (Дневники О. В. Лохтиной.)

И еще: *«А, как страшно мушек. Молимся о благодати Божьей».* (Дневники О. В. Лохтиной.)

Цари, успокоенные мудрым «старческим» словом, пошли дальше.

В первые десять дней заключения Гермоген прислал мне из Жировицкого монастыря письмо, в котором писал, чтобы я не волновался, а все упование возложил на Владычицу мира!

Я ему отвечал: «Дорогой владыка! Вы, по-видимому, изменяете своему слову бороться со «старцем» до конца... Как хотите, так и поступайте. А я уверен, что время мо-

литвы прошло. После помолюсь, а сейчас буду бороться не на жизнь, а на смерть».

И начал бороться. Из кельи своей никуда не выходил. Принимал газетных сотрудников. Они писали.

«Старцу» это очень не нравилось. Он писал царям о смирении бунтовщика: *«Миленькие папа и мама! Илиодора — нужно бунтовщика смирять. А то он, собака, всех съест. Собака злой. Ему ништо. А зубы пообломать можно. Построже с ним. Стражу больше. Да. Григорий».* (Дневники О. В. Лохтиной.)

Меня смиряли через пьяного епископа Влад. Никона, который недавно от пьяного удара умер в Петербургской лавре.

Никого ко мне не допускали. Письма не давали. Деньги тоже. От меня писем не принимали. Келью мою окружали вооруженные солдаты... К окнам приделали ставни и, как только солнце садилось, на ставни вешали замки.

С каждым днем жизнь моя в заключении становилась все тяжелее и тяжелее. Я не унывал. Выдвигал свою тяжелую артиллерию и палил по Синоду...

Синод все глотал и держал себя так, как будто бы я и не к нему обращался.

За это время в Петербурге произошла крупная история с письмом, которое я написал только для государя и передал Бадмаеву.

Оказалось, что Бадмаев письмо это передал не государю, а председателю Думы — Родзянко и членам: Гучкову и Каменскому.

Эти лица, по свидетельству посла Бадмаева, бывшего у меня в пустыни, несколько раз бывали у Бадмаева и обсуждали содержание моего письма. Потом, основываясь на этом содержании, Гучков и Пуришкевич произносили громовые речи по адресу Синода и Саблера. Саблер защищался, а Синод подносил ему адрес, называя его исповедником. Одним словом, стояли друг за друга хорошо.

Дума постановила сделать срочные запросы о деятельности Распутина Щегловитову и Макарову.

Судьба этих запросов уже известна читателям.

Повторяю, мое письмо к царю не попало, а, перепечатанное на ремингтоне в сотнях экземпляров, распространилось через «друзей» по Петербургу, по салонам и по рукам членов Совета и Думы.

Таким образом «тайна», о которой никак не желал знать Николай и которую Синод так бережно прикрывал, начала понемногу открываться.

Письмо дошло до Александры. Она взбесилась...

По этому поводу А. Э. Пистолькорс писал мне в пустынь: «Ходит письмо по Петербургу, попало и к маме. Письмо ужасное. Приписывается вам. Ответьте».

Я, конечно, ничего не отвечал.

А А. А. Вырубовой писал: «Сестра во Христе! Доколе же вы будете держаться Григория? Забудьте его. Если не бросите его, то разразится грандиозный всероссийский скандал. Тогда будет беда! Послушайте меня. Побойтесь Бога. Покайтесь. Илиодор».

За Вырубову отвечал мне Пистолькорс: «Отец Илиодор! Каким это вы скандалом угрожаете в письме Аннушке? И кто этот скандал собирается устроить? Уж не вы ли? Это можно сделать, ведь и Французская революция была устроена тогда, когда королеву оклеветали в краже каких-то бриллиантов...»

Я осторожно отвечал: «Я не собираюсь ни на кого клеветать; стою только за правду. А вы бросьте грязного «старца». Меня же больше не беспокойте своими письмами. Илиодор».

Во время этой переписки И. А. Родионов в один прекрасный день прислал ко мне в пустынь Г. К. Гнатовского и А. П. Коробович за известными уже читателю письмами к Григорию царицы и царских дочерей. Эти письма доставил мне из Царицына, по моей телеграмме, мой родной брат Александр. За визит ко мне его немедленно без суда лишили места псаломщика и отдали в солдаты...

В один день с Гнатовским и Коробович приехал за письмами и посол Бадмаева. Я передал подлинники писем Родионову через Гнатовского, а Коробович, Гнатовскому и послу Бадмаева вручил копии этих писем.

Копии писем я оставил и у себя.

В письме, присланном мне с Гнатовским, Родионов писал: «Дорогой батюшка! Беда! Сегодня меня вызывал к себе Макаров и говорит: вот вы все стоите за Илиодора. А смотрите, как он чернит царскую семью. Вот его письмо. Это он писал; он пишет отрывочными фразами. Слушайте. И министр начал читать ваше письмо о «подвигах» Распутина. Когда я слушал, то чувствовал, как постепенно кровь моя стынет и почва подо мною для защиты вас улетучивается... После прочтения письма я, как мог, защищал вас, уверял министра, что это не ваше письмо, что вы пишете периодами и т. д. Но, по-видимому, ничего не вышло. Министр остался при своем мнении, что письмо — ваше. Вот как иметь дело с глупыми друзьями. Сами знаете, что услужливый дурак опаснее врага. Простите. Родионов.

Через несколько дней после этого Родионов с дворянином Н. П. Поповым прислал мне другое письмо. Он

писал: «Дорогой батюшка! Царские письма я передал через министра Макарова царю. Царь остался очень доволен и велел Макарову передать вам благодарность за то, что вы поступили благородно и отдали письма туда, откуда они вышли. Родионов».

Я остался очень недоволен этим поступком Родионова, потому что передавал ему письма не для передачи царю, а думал, что он, на основании их, поведет в Питере серьезную кампанию против «старца».

Оказалось же, что и Родионов сыграл в руку «блаженного».

Дело в следующем.

Николай, получивши от Макарова письма, обратился с ними к Александре. Александра обратилась по телеграфу в Покровское к «старцу» с вопросом: «Каким образом ея и детей ея письма очутились у Илиодора?»

«Старец», оставаясь верным своей натуре и в этот раз, писал Александре: *«Миленькая мама! Фу, собака, Илиодор. Вот вор. Письма ворует. Какая гадость! Украл из сундука, или еще как. Да. Вот вам и священник. Бесам служит. Это знай. Остры у него зубы, у вора. Да! Григорий».* (Дневники О. В. Лохтиной.)

И еще: «У Лохтиных был как дома или гость стащил одно, письма лежали везде по неосторожности; нечего о том беспокоится; умоляю, будьте без страха, это все запутывают; ничего тут нет».

А мне в пустынь «старец» прислал такую телеграмму: «Что тебя понудило передать письма? Григорий». Эту телеграмму всякий желающий может найти в телеграфных конторах: гороховецкой и покровской.

Переданные царю письма и клевета «старца» о краже мною у него царских писем сделали свое дело: против меня Александра и Николай выставили убийственные «доводы» моей «преступности»...

Тогда я пошел в борьбе со «старцем» и его державными и святейшими поклонниками дальше...

8 мая 1912 года я подал Синоду прошение о снятии сана. В прошении я писал: «Или предайте суду Распутина за его ужасные злодеяния, совершенные им на религиозной почве, или снимите с меня сан. Я не могу помириться с тем, чтобы Синод, носитель благодати Св. Духа, прикрывал «святого черта», ругающегося над церковью Христовою!

Знайте, что я в заключении готов сгнить, я — монах, но с осквернением достояния Господня я не помирюсь! Иеромонах Илиодор».

По поводу этого прошения мне Феофан и Родионов прислали письма, а Гермоген телеграмму.

Родионов писал: «Своим прошением о снятии сана вы посадили всех членов Синода головою в нужник».

Феофан просил: «Ради Бога не снимайте сана; вот скоро, скоро Господь покарает «сосуд беззакония».

Я думал: «Какая наивность! Они все надеются на Бога, а сами ничего не предпринимают; хоть бы руководство-вались русскою пословицею: на Бога надейся, а сам не плошай».

Гермогенова телеграмма была такая: «Дорогой отец Илиодор. Потерпите. Возьмите свое прошение о снятии сана обратно. Уже идет девятый вал, а там и спасение будет. Любящий епископ Гермоген».

На эту мольбу я ответил Гермогену телеграммою только в одно слово: «Прощайте!»

И с тех пор я Гермогена не знаю, знать не хочу, хотя никогда худым словом его не помянул...

Синод на мое прошение о снятии сана определил «уве-щевать меня в течение шести месяцев, как требует закон».

Я, конечно, увещателей не принимал, гнал их от порога своей кельи, говорил им: «Идите Синод увещевайте, чтобы он не поклонялся святому черту».

А Синоду отвечал: «Прошу надо мной не смеяться. Зачем вы тревожите меня своими увещателями? Не меня нужно увещевать, а вас, поклонявшихся дьяволу — Гришке Распутину. Я своего слова о снятии сана не возьму до тех пор, пока и вы, и светский суд не возьметесь за «подвиги» Гришки! Требую от вас не присылать ко мне больше увещателей и покаяться в страшном грехе и беззаконии! Иеромонах Илиодор».

Одновременно с увещанием из Петербурга «приятели» мои пускали слухи, что если я смирюсь, то в день 300-летнего юбилея дома Романовых меня помилуют. Я на это в бумаге Синоду отвечал так:

«Ходят слухи, что меня помилуют 13 февраля 1913 г., то есть в день празднования трехсотлетнего юбилея царствования дома Романовых, если только я успокоюсь. Но разве я могу успокоиться? Пусть лучше отпадет язык мой, пусть кругом пойдет голова моя, если я успокоюсь! С каждым днем, с каждым часом огонь ревности о Правде Божией все более и более разгорается в душе моей, и все существо мое наполняется мучительною жаждою священной мести против вас, ибо вы, забывши Бога и Христа Его, за звезды, за ордена, за золотые шапки, за бриллиантовые кресты, за панагии, усыпанные драгоценными камнями, за славу и за честь человеческие, — продали Славу Божию, забыли дружбу Христову, сокрыли истину в неправде, умолкали перед сильными мира, не изоблачили великую блудницу — нечестие богатых и вы-

соких людей, отдали церковь Святую на поругание, гнали, трепали меня целых семь лет только за то, что Неподсудный никому из смертных Господь наделил меня великим талантом возбуждать веру в людях. Где я ни служил, везде за мною бежали тысячи жаждущих и алчущих правды. Это бесило вас, моих начальников, пастырей и сослужителей. Вы, завистники злые, слепые, давно уже точили на меня свои зубы. Если же теперь вы увещеваете меня не снимать сан, то это — одно фарисейство. Вы и во сне видите погибель мою с человеческой точки зрения. Вы теперь увещеваете меня, чтобы показаться перед людьми справедливыми законниками, сердобольными, а сами готовы в каждый час и в каждую минуту не только рясу с меня снять, но прямо-таки содрать и в клочья ее разорвать. Вы полны неправды, злобы, зависти; для вас нет ничего святого. Я не допущу, чтобы меня когда бы то ни было помиловали. Милуют только преступников, а я не преступник; я совершил великий подвиг. Христос, Апостолы и святые мученики не просили милости у своих беззаконных гонителей, но шли за правду на крест, на костры, в кипящее олово. Теперь я не милости хочу, а мести, святой, праведной мести. Я борьбе за правду все отдал: и годы молодые, и силы телесные, и все привлекательное в мире этом. Отдал, полагая некогда, что те, в ряды которых я вступал, когда принимал монашество и священство, так же, как и я, горят желанием со всею решительностью послужить Христу. Я не знал их хорошо; не знал, что скрывается у них под елейною наружностью... Теперь и я все, все узнал. И уже никто не убедит меня в противном тому, что я узнал. Под золотыми шапками дорогими у них увидел я дешевые головы, помышляющие только о земном, под звездами и орденами я нашел в них сердца, полные зависти, злобы, корысти, ненависти, братоубийства и богоотступничества. О, обманщики! О, змеи! О, потомки по духу древних христубийц — первосвященников иудейских! Как мне не возгореться против вас мстью, когда вы оскорбили меня в самых лучших чувствах, чувствах необходимости архиереям и священникам стоять за Правду Христову даже до смерти; когда вы осквернили и опозорили мои идеалы, подменили их, оплевали их! Вы отступили от Христа и желаете мне тысячу смертей за то, что я стремился искренно исполнять волю Господа Спасителя. Вам нужна моя ряса? — Возьмите ее! Но знайте, что когда моя месть вам примет стихийные размеры, тогда я силою непобедимой Правды разорву ваши мантии, шелковые рясы, как разрывает пантера добычу свою; бриллианты

ваши и драгоценные камни, за которые вы продали Христа и счастье Народа Русского, от духа Правды рассыплются, как рассыпаются пыль и древесные листья в осеннее время; а звезды ваши, которыми вы так гордитесь друг перед другом, — эти ничтожнейшие побрякушки, — померкнут, когда перед всем миром воссияет свет той Правды, за которую вы теперь с такою злобою и ожесточением берете у меня скромную, никому не нужную монашескую рясу. За грош вы поплатитесь миллиардами, ибо поругались над Истиной, которая дороже всех сокровищ земных. — Иеромонах Илиодор».

«Старец» зорко следил из с. Покровского за моим поведением. И очень негодовал, видя, что я не только не «смиряюсь», но даже еще больше восстаю на «Божьего Помазанника».

Негодую, он советовал царям принять по отношению ко мне весьма строгие меры. Он писал: *«Миленькие папа и мама! Илиодор с бесами подружился. Бунтует. А прежде таких монахов пороли. Цари так делали. Нонче смирите его, чтобы стража ему в зубы не смотрела. Вот бунтовщик. Григорий»*. (Дневники О. В. Лохтиной.) «Старческий» совет державные послушники не замедлили исполнить. В конце мая я, не зная, что есть приказ не выпускать меня даже и за ограду пустыни, вышел за монастырские ворота, чтобы опустить в почтовый ящик три письма, потому что никто из монахов и караульщиков не решался это сделать. А письма были очень важные... Не успел я дойти до ящика, как старший жандарм скомандовал стражнику: «Не пускай!»

Я шел, не обращая внимания.

— Ты что ж стоишь и не делаешь, что приказано?

Стражник бросился на меня и ударил меня в грудь. Я упал, стражник, намереваясь еще раз ударить, через меня упал на землю и разбил мне лицо сапогом.

Я, весь окровавленный и в пыли, поднялся и говорю: «Братцы! Да ведь так же нельзя!»

— Так точно, нельзя, ваше благословение!

— Ведь я же все-таки священник.

— Так точно, священник, ваше благословение!

— Зачем же вы меня ни за что бьете?

— Так точно, ни за что...

— Вот и бить не надо.

— Так точно, не надо, но приказано... — говорил младший.

— Ты, подлец, не рассказывай, — закричал на проговорившегося старший.

— Почему же? — спросил я, удивляясь.

— А потому, что, значит, не велено говорить, что здесь делается! Идите в монастырь!..

Я пошел, письма положил в карман. После, в 1913 году, из дневников Лохтиной, я узнал, кто и когда приказывал меня бить.

Дни шли за днями, месяцы за месяцами.

Увещеватели приходили к дверям моей кельи и несо-лоно хлебавши уходили...

А «старец» работал. Работал не только над усмирением меня, но и над усмирением моих духовных детей, кото-рые, расставшись со мною 8 января 1912 года, скорбели обо мне и, как люди простые, только и находили себе небольшое утешение в молитве в монастырском храме... Они молились Царице Небесной, чтобы она разогнала «старцову компанию» и вернула бы к ним их «дорогого батюшку». Но компания оказалась сильнее Владычицы ми-ра. Последняя не могла побороть даже одного «блажен-ного праведника»...

«Старцу» не нравились молитвы илиодоровцев, потому что они поддерживали неприятный для него шум вокруг его имени. Для преследования их, илиодоровцев, он на-значил трех жестоких неверующих духовных лиц: священ-ника Строкова, которого Гермоген всегда звал Макбетом, иеромонаха Иринарха и безобразного по телу, а еще более по душе епископа Алексея. Чтобы вызвать у них особенное усердие в разрушении моего монастыря и разгоне объеди-ненного народа, он через Синод дал Строкову сан протои-ерея, Иринарху — сан архимандрита, а Алексею — самостоятельную кафедру.

Из Флорищевой пустыни я послал Алексею телеграмму: «Владыка! Покройте своею мантиею гонимых распутипча-ми бедных людей, защитите их. Иеромонах Илиодор».

Алексей ответил: «Оставить просьбу иеромонаха Илиодора без последствий». И в то же время, по при-казанию распутинского Синода, давал распоряжение, од-но другого отвратительнее, о смирении беспокойных илиодоровцев.

Подкупленные религиозные проходимцы и обманщи-ки старались вовсю. Обер-секретарь Мудролюбов, при-сланный по распоряжению Синода для расследования моей деятельности в Царицыне, вместе со Строковым и Иринархом, по пьянствовавши и не нашедши за мною ничего худого, взял из канцелярии полицмейстера «квач», торжественно победный трофей моей «позор-ной» деятельности, повез в Петербург, принес его на заседание Синода, и, конечно, по велению Духа Святого, гадкий, ничтожный «квач» был положен на хранение в Синодальный архив.

Цари, Синод, а особенно «старец», были очень уд-ручены, что ревизия моей деятельности, предпринятая ис-

ключительно для того, чтобы через нее как-нибудь скомпрометировать меня перед обществом, нашла только «квач», к которому по справедливости я не имел никакого отношения, потому что этим квачем во время Саровского паломничества мазали лицо шутливому газетному сотруднику в Саратове какие-то озорники без моего ведома, а тем более позволения...

Мои почитатели продолжали молиться и надеяться, что вот-вот цари образумятся и откроют мне дорогу из Флоренции в Царицын.

Но цари, наставляемые «старцем», все более и более безумели...

«Старец» писал царям из Покровского: *«Миленькие папа и мама! Илиодор их научил бунтовать. Вы не смотрите на его баб. Молитва их бесам. Надо приказать похлеще поучить этих баб. Тогда они забудут бунтовщика. И сами смирятся. Григорий».* (Дневники О. В. Лохтиной.)

Вскоре после этого письма в Царицыне было совершено величайшее, невероятное злодеяние.

23 сентября мои почитатели собрались в монастырский храм и пели Владычице мира молебен: «Радуйся Заступница усердная рода Христианского!»

В храм явился протоиерей Строков с приставом Василием Броницким и, имея инструкции из Петербурга — от Синода и министров, — дал распоряжение полиции выгнать народ из храма.

26 городских во главе с приставом со страшными ругательствами, в шапках, обнаживши шашки, начали истязать народ: таскали бедных женщин и девушек по храму, вырывали волосы, выбивали зубы, рвали на них платье, били по лицу и даже оскорбляли шашками девическую стыдливость самым невероятным образом...

Через 2 часа богомольцы были изгнаны из храма... Пол храма представлял собою поле битвы. Везде виднелась кровь, валялась порванная одежда и лежали девушки и женщины в обморочном состоянии.

Многих полицейские увели в тюрьму, где несчастные люди томятся и до сего дня!

Получивши об этом ужасном злодеянии подробные известия, я написал Коковцову, Макарову, Саблеру, Даманскому, саратовскому губернатору Стремоухову, его помощнику Боярскому и царицынскому полицмейстеру Василевскому резкие письма.

В письмах тех я проклинал их всех именем Божиим за то, что они, будучи христианами, да еще православными, дерзнули допустить избиение детей Божиих у Престола Праведного Бога и тогда, когда больные сердцем и истерзанные телом люди обращались с молитвами к Владычице мира.

А Саблеру, кроме проклятий, прибавил еще: «Ты, как дьяволу, поклонился до земли развратному хлысту — Гришке Распутину... Предатель и богоотступник! Твоими грязными руками не святейшее кормило Невесты Христовой — церкви Божией держать, а чертям в аду сапоги чистить. Говорю это по долгу священства! Илиодор».

Не знаю, что делали с этими письмами перечисленные господа, но Саблер носил свое проклятие, по рассказу О. В. Лохтиной во Флорищевой пустыни, к царям, и цари, прочитав «письмо мое Владимиру Карловичу, очень рассердились на меня».

А Синоду я, выведенный из терпения неслыханным разбоем в Царицыне, писал:

«Святые отцы! Почему вы не разделяетесь со мною до конца? Если по христианской любви, то прямо скажу вам, что я в вашей любви не нуждаюсь, ибо она слишком похожа на жалость волка к кобыле.

Хорошо вижу, что вы не можете, вы боитесь удовлетворить на мне свою злобу. По этому поводу мне невольно напрашиваются некоторые сравнения.

Так. Когда я был шаловливым мальчуганом, у меня был любимый щенок. Однажды я взял у матери на кухне кусочек мяса, дал его откусать щенку, потом положил его, отнес щенка на некоторое расстояние, пустил его, и, когда он бросился к лакомому куску мяса, я наступил ему на хвост; щенок быстро обернулся, перекинулся и зарычал на меня. Думаю, что и вам, святители, что-то наступает на хвост; если бы этого не было, то вы, конечно, давно бы разделились со мною, как щенок с мясом.

Вы сердитесь, негодуете на меня за это некрасивое сравнение.

Знаю. Не сердитесь, не негодуйте. Я допустил это сравнение на следующих неопровержимых основаниях. Пять лет тому назад я написал известную статью «Моим высочим судьям». В той статье я митрополита Флавиана назвал покорным послушником митр. Антония. Три года тому назад меня сослали в Минск. Будучи проездом в Петербурге, я зашел к митрополиту Флавиану, как к святому человеку, получить благословение... И что же? Он от злобы говорить не мог! Я тогда подумал: правду про него говорил епископ Антоний Волынский, что он, Флавиан, самый злой и мстительный человек.

Это — один пример злобного ко мне отношения члена Синода.

Вот — другой. Архиепископ Антоний в одном доме говорил обо мне буквально следующее: «Нам бы только Илиодора вырвать из царских рук, а там мы его немед-

ленно расстрижем; после же расстрижения он непременно повесится, и песня его будет спета!»

Третий пример. Митрополит Владимир недавно называл меня моим духовным детям башибузуком только за то, что я не мог под конвоем шести стражников, среди толпы любопытных людей ходить в храм на молитву.

Ну, скажите, святители, это ли не собачье отношение ко мне с вашей стороны? Подлинно, я — кусок мяса, вы хотите съесть его, но что-то сильное наступает вам на хвост и вы только рычите

Вы давно бы со мною разделались: но как неверные приказчики, озлобленные на любимых народом слуг, боятся притеснять их, опасаясь раскрытия перед народом своих собственных грешков, так и вы боитесь чего-то и только поэтому не разрываете меня.

Как Ирод из-за страха перед народом, почитавшим Иоанна за великого пророка, не решался долго казнить пророка Божия; как первосвященники иудейские долго не могли через народ взять Иисуса Христа, так и вы, архиереи, боитесь погубить меня, ибо знаете любовь верующего народа ко мне. Хотя вы и показываете вид, что вы этой любви не замечаете или не хотите замечать, но все-таки видно, что она вам не дает покоя, она вас режет и сокращает ваши алчные аппетиты на жизнь слуг Божиих.

Почему бы то ни было, но, — повторяю, — вы не можете, не смеете покончить мое дело. Не можете, так я вам помогу.

Когда я обучался в академии на втором курсе, то один из товарищей моих показал мне однажды картинку. На картинке было изображено следующее. На высокой подставке поставлена площадка. На площадке стол с различными яствами и напитками. Вокруг стола с кусками закуски и бокалами вина стояли тучные, пузатые митрополиты в белых клобуках, архиереи и монахи. Над ними была такая надпись: «Мы молимся за вас!» Внизу, под площадкою, было изображено множество рабочих за делом: кто ковал железо, кто пахал землю, кто рубил дерево, кто строил дом и т. д. Над рабочими было напечатано: «А мы работаем на вас!»

Тогда я с негодованием отверг упомянутую картинку и сказал грубо товарищу. «Ты с такими вещами в другой раз ко мне не обращай, ведь ты знаешь мои убеждения; таким вещам не место в духовной школе и где бы то ни было среди христиан!»

Теперь же я сознательно утверждаю, что на картинке была изображена жизненная правда. В подтверждение се-

го моего убеждения я мог бы привести неисчислимое количество примеров развратной жизни православных архиереев и священников, но это не входит в ближайшую задачу этого моего писания вам.

Я в данном случае ограничусь тем, что буду писать резко о вас, святители, и вообще о членах Синода последнего времени.

Важно знать, кто вы, кого имеете своим погонщиком, какую имеете совесть и чем вы занимаетесь. Нужно знать это для объяснения ваших преступных действий в этом 1912 году.

Кто вы? Вы все — карьеристы. В Бога вы не веруете. Всю жизнь вы не знаете покоя от корыстолюбивых расчетов. Славу Божию вы забыли; стремитесь только к славе человеческой. Вы к начальству ласковы, смиренны, чтобы сохранить за собою земное благополучие. Бедных вы презираете, а с богатыми целуетесь, дружите с ними, ухаживаете за ними, хотя бы они были беззаконники и кровопийцы. Вся жизнь ваша — сплошное удовольствие. Антоний Волинский однажды говорил: «Каждый воскресный и праздничный день для вас, архиереев, является юбилейным торжеством!» Вы одеваетесь в роскошные шелковые ряссы, ездите в дорогих каретах, спите на мягких постелях, услаждаетесь вкусными обедами, пьете прекрасное вино, копите много денег. Вы горды, надменны, злы, мстительны. Вы людям постоянно указываете на небо, велите им там готовить сокровище, а сами заботитесь только о том, что как бы побольше здесь себе собрать богатства. Вы оправдываете себя в этом тем, что намерены при смерти отдать свои деньги на добрые дела; но христианство не знает такой благотворительности. Оно ценит благотворительность, в которой царит сознательное самопожертвование, бескорыстие... А это что за благотворительность, когда при смерти все равно нужно расставаться со всем. Если бы на том свете нужны были деньги, то вы бы их не отдавали, а брали бы с собою. Вы за правду не стоите, борцов за нее не поддерживаете; за орден, за звезду, за расположение угнетателей народных вы готовы продать душу свою дьяволу. В загробную жизнь вы не веруете; проповедуя же о ней, вы только обманываете и морочите темных, простых людей. Если бы вы хоть сколько-нибудь верили, то вы не жили бы так, как живете. Вы не слуги народа, вас кормящего, а грубые, гордые владыки. Вы только измыиваетесь над наследием Божиим. Под своими широкими рясами и мантиями вы скрываете всякую нечистоту и неправду. Вы прославляете древних пророков, отечественных стоятелей за правду, а современных пророков-подвижников вы из зависти и злобы готовы по-

садить на кол. Вы ослепляете народ своею пышностью, а не даете ему жизни.

Кто является нашим погонщиком, руководителем? — Теперь В. К. Саблер. Что это за человек?

В бытность мою в академии студенты не иначе называли его, как Скаблер — от слова: скоблить. Называли потому, что, по утверждению многих, он умел отчаянно скоблить архиереев, настоятелей и настоятельница монастырей, то есть брал взятки. На награбленные деньги он, по утверждению многих, покупал богослужебные книги и колокола, рассылал по бедным приходам, чтобы по книгам дьячки голосами, а в колокола звонари звоном проповедовали о его добрых делах.

Антоний Волынский однажды, приехавши в Петербург и остановившись в Лавре, в комнатах сзади митрополичьей крестовой церкви, говорил про взятки Саблера: «О-о-о! Это такой артист, что у самого беса кошелек из кармана вытащит!»

Эти слова я сам слышал... В.К.Саблер — не русский по плоти, а немец или, как некоторые утверждают, швабский еврей. Он обманывал царя. Он продал душу сатане, темной, проклятой силе. Известный духовный разбойник, окаянный хлыст Гришка Распутин в конце июня 1911 года, в Царицыне, в монастыре, в моей маленькой келье, в три часа дня говорил мне буквально следующее: «А знаешь что? Ведь Цаблер мне в ноги до земли поклонился, когда я к нему пришел с визитом, за то что я его в прукароры доспел!»

Святители! Смотрите же, какого погонщика вы имеете? Положим, вам все равно, хотя бы руководителям вашим был сам сатана, но это я говорю не столько ради вас, а ради народа, чтобы он, бедный, верящий вам, наконец, познал бы, кому он верит и за кем идет.

Какова ваша совесть? — Воплощением вашей Синодальной совести является Антоний Волынский. Он — ваш запевало, так сказать.

Кого же и что представляет из себя этот человек? Он для многих темная, неразгаданная, черная сила. Но я его хорошо узнал. Он — сквернослов и матерщинник. Сколько раз мне ни приходилось иметь с ним беседы, он всегда ругался матерными словами. Про архиереев он всегда говорил: «Все епископы дураки, блудодеи и пьяницы». Порядочными архиереями он считал только себя да архиерея Сергея Финляндского. Этого последнего он считал выше себя, потому что Сергей, по его словам, видит на три аршина в землю, а он, Антоний, только на два. Он расточитель народных денег: он получает в год от Почаевской лавры народных, кровных денег около тридцати тысяч.

Деньги большие. Куда же он деваает их, эти кровавые народные, трудовые деньги? Он постоянно стремится слить между людьми, особенно учащуюся молодежью, благотворителем, бескорыстным. И вот, чтобы о нем хорошо говорили, он благотворит, но благотворит без разбора, расточительно. Я знаю студентов, которые, получая от него деньги, по 70 рублей за одну ночь прогуливали с блудницами. Это и он, Антоний, хорошо знал, но все-таки продолжал благотворить подобным хулиганам, единственно потому, что они имели хорошо привешенные языки, красно проповедовали про его несуществующие достоинства. Так, Антонию нельзя распоряжаться святыми, народными денежками...

Про высочайших особ и существующий государственный строй этот епископ всегда говорил такие вещи, за которые его давным-давно нужно много бить шелепами и спровадить на каторгу. Но он как хитрый человек умеет прятать концы в воду, а на расправу выставять других.

Эта особа имеет какую-то сатанинскую способность обольщать людей, доводить их до умоисступления и даже до самоубийства. Талантливый иеромонах Тарасий, молодой киевский миссионер Грисюк, священник Стефановский покончили самоубийством именно, по-моему, потому, что имели несчастье сблизиться с темною силою — епископом Антонием. Смотрите, святители, какая темная личность является воплощением вашей совести. Прямо страшно за вас и за общение с вами!

А какова ваша деятельность во время присутствования в Синоде? Чем вы занимаетесь? Лучше бы об этом и не говорить, но куда же убежишь от того, что есть? Вы преимущественно занимаетесь бракоразводными делами. Антоний Волынский несколько раз говаривал: «Если у Синода взять бракоразводные дела, то ему, Синоду, нечем будет и заниматься, так как эти дела составляют три четверти всех синодских занятий». А что это за дела? — Самые грязные, поганые, отвратительные. Этими делами заниматься бы какому-либо околоточному надзирателю Держимордину, а не вам, старцы-святители. Ну, прилично ли вам, старичкам, читать бумаги о том, как кто-то видел, как Алена лежала на кровати с Петром, Петр был без штанов, Алена... Нет, нет! Прямо нельзя и писать!.. Ну, к лицу ли вам, проповедникам слова Божия, читать хотя бы следующее письмо одного генерала-лейтенанта: «Милая Акуля! Сначала все было шито-крыто. Потом генеральша егоза все узнала и вышла одна херовина. Твой Абдулка». Конечно, неприлично; но вы после вкусных завтраков и обедов смакуете своими старческими умами и сердцами эти грязные дела. Какое

же после этого у вас будет настроение? Можете ли вы при таком настроении понять, что где-то там далеко, например, в Царицыне какие-то илиодоровцы молятся Богу, жаждут духовной жизни, хотят жить в общении с Богом, в мире и любви с людьми?

Плотским, низменным вашим настроением и объясняется вся ваша деятельность. Посему я, как и всякий истинный человек, не удивляюсь тому, что вы совершили и совершаете. Вы в третьем году, например, когда я возвращался из Новосиля в Царицын, приказали избранным пресвитерам вытащить меня из алтаря храма, вывести за ворота монастыря и отдать полиции. Об этом вы присылали епископу Гермогену телеграмму, подписанную митрополитом Владимиром. На что это похоже? Не безумие ли это, происшедшее оттого, что вы — люди с плотским настроением? И сколько таких примеров вашей деятельности можно найти?

Восемь лет вы издевались надо мной, как только могли; гнали меня из города в город за ревностную службу; трепали меня нравственными и телесными муками. Но я не буду сейчас писать о том, как вы поступали со мною и моими духовными детьми в прежние годы; я останавливаюсь только на том, что вы сделали с нами в нынешнем, 1912 году. Заранее скажу, что от того, что я напишу о ваших преступных действиях, содрогнутся все человеки. Вы, быть может, думаете, что все ваши деяния будут сокрыты от мира, которого вы боитесь больше Бога, — если только вы хоть сколько-нибудь боитесь Его, — но вы забыли слова Христа: «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным!» И вот тайное, хотя и отчасти, я открываю, а что уже известно, я повторяю для того, чтобы люди запомнили лучше и отвернулись бы от вас с омерзением.

Вы, святители, с какою-то сатанинскою злобой заточили в медвежий угол великого человека, праведного епископа Гермогена, вы недостойны и края риз его целовать, а так дерзнули поступать с ним. За что?

Видимая, маловажная и не истинная причина та, что он изобличил вас в уклонении от церковных правил, когда решали вопрос о диакониссах и другие дела. Он назвал вас прямо еретиками. И вы, вместо того чтобы оправдываться, заточили его, а митрополит Антоний вопрос о диакониссах отложил до поместного Собора. За этот поступок теперь славят покойного митрополита. Хвалят его за то, что он вывел вас из затруднительного положения, из тупика. Но я не за это добром поминаю покойного, а за то, что он своею резолюцией по вопросу о диакониссах расписался в полной негодности Синода

решать какие бы то ни было церковные вопросы. Слава ему за это! Ведь если он признал, что Синод не может решить вопрос о диакониссах и его, вопрос, нужно отдать на рассмотрение поместного Собора, то, значит, Синод не Собор, быть непогрешимым не может и слушаться его не стоит!

А я-то, бедный, вплоть до настоящего времени считал Синод поместным собором, непогрешимым, действующим по изволению Духа Святого. Да и я ли один так думал? Не вся ли русская православная Церковь считала Синод органом Духа Святого, живущего в Церкви и управляющего Ею? И вот митрополит Антоний торжественно заявил, что Синод может ошибаться... Ну, владыка, счастье твое, что ты так скоро после своей резолюции убрался к праотцам, а то досталось бы тебе, когда раскусили бы, в чем дело, несдобровать бы тебе! Я же тебе, мертвому, славу пою. Ты открыл людям глаза. Ты сказал им, — хотя и не хотел того говорить и думал, что не сказал, — что то, что они считали Богом, не — Бог. Велика твоя, покойничек, заслуга, хотя ты и бессознательно, по чувству политиканства, совершил этот подвиг.

Синода как органа Св. Духа больше не существует, как и не существовало никогда!

Если так, то чем же вы, святители, гордитесь? И какое вы имели право так жестоко расправиться с человеком, пожелавшим остаться верным правилам соборным и Апостольским?

Одновременно с епископом Гермогеном вы, святители, заточили в темницу и меня, грешного, опять является вопрос: за что?

Совершенно без всякой видимой причины.

Вся Церковь русская, в лице своих лучших сынов и дочерей, обращалась к вам и спрашивала несколько раз у вас: «За что заточен Илиодор? За что он изгнан из Царицына?» И вы ничего не отвечали и до сих пор не отвечаете. Да и что вы можете ответить? Если вы, паче чаяния, осмелились бы сказать правду, то тогда половина бы Церкви от вас отпала. Поэтому вы из-за страха не говорите правду. Так я за вас скажу в своем месте. Вашим же утверждениям о том, что я сослан за вредное влияние на епископа Гермогена, никто не поверит. Если же кто-либо поверит, то кому я заранее скажу, что из Царицына в Петербург я приехал исключительно по требованию своего епископа — святителя Гермогена. О том же, что будто бы я, живя в Петербурге вместе с епископом Гермогеном, влиял дурно на него и подбивал бороться с неправдою синодскою, смешно даже и думать. Разве мог я, ничтожный человек, как-нибудь влиять на такого колосса, бога-

тыря мысли и воли, каким был всегда и есть доблестный Гермоген. Я рад бы был очутиться в подобной роли, почел бы это честью для себя, но этого нет; и утверждать этого я никак не могу, чтобы не оскорбить великого Гермогена; оскорбить его тоже не могу, потому что я люблю его и Истину Божию.

Нет, нет, не вопрос о диакониссах — причина ссылки епископа Гермогена и, значит, моей, а нечто другое, ужасное, потрясающее и для истинного человека-христианина нравственно не переносное.

Вы, изменники Христу, заключили меня по приказанию сильных людей за изобличение хлыста Распутина!

Как вы поступали со мною и моими возлюбленными дорогими духовными детьми?

Полагаю, что и сами вы не откажетесь, что все то, что было мне и моим детям сделано неприятного духовными и светскими властями с 18 января 1912 года и до сего дня, сделано по вашему благословию.

Когда вы 18 января сделали постановление о ссылке меня во Флорищеву пустынь, меня, по вашему благословию, арестовали жандармы. За что? Я действительно хотел идти пешком в Сергиеву лавру, а оттуда в Флорищеву пустынь, ибо в вашем постановлении не было сказано, как отправляться мне в место ссылки: пешком или на поезде; денег у меня на проезд не было, вы не дали, и я решил идти пешком. И пошел. Но когда увидел, что меня ловят везде власти, я вернулся в Петербург, после потрясения нравственного и физического отдохнул в доме одного порядочного человека и сам, добровольно, заявился властям с условием, чтобы меня чины полиции не сопровождали до пустыни; я давал слово министру внутренних дел направиться прямо на место назначения. Министр обещал не делать за мною надзора, но обманул. Не успел я войти в вагон поезда, как из этого вагона выгнали всех вольных пассажиров, а их места заняли жандармы. Зачем это нужно было делать? Зачем было так меня оскорблять? Зачем было так жестоко попирать мое слово и обманывать меня? Неужели вы думали, что я мог после слова, данного мною, направиться не во Флорищеву пустынь, а в Царицын? Глупо! Да если бы у меня было намерение проникнуть в Царицын, то хоть бы вы благословили правительство мобилизовать всю российскую армию, чтобы не пропустить меня в Царицын, я все равно бы проник туда и посрамил бы вас и всех насильников! Повторяю, я добровольно хотел ехать в пустынь, а вы меня на первом шаге так безбожно оскорбили. Неужели вы поверили отвратительному клеветнику — епископу Антонию, гром-

ко в те отвратительные дни заявлявшему в газетах, что я — человек обмана?..

В Москве, по вашему благословению, меня окружили на перроне вокзала около тридцати полицейских чинов. Народ, там присутствовавший, с недоумением смотрел на эту необычайную картину, смотрел и, конечно, соблазнялся. Чувствовали ли вы это?

Ну, где же вам чувствовать, когда, быть может, вы в тот час прочитали интересные подробности бракоразводного дела.

Привезли меня во Флорищеву пустынь.

Здесь я должен немного остановиться на описании жизни этой обители, чтобы вас, святители, познакомить с нею; а то ведь вы засели в высоких палатах и ничего не видите, что делается в народных низах. Да и не интересуетесь вы этим; для вас интересно только то, где и кем готовится вам хорошенькое местечко с 20 тысячами дохода, орденом или что-либо подобное; а как протекает жизнь обителей и люда христианского, это вас настолько интересует, поскольку эти интересы связаны с вашим, простите, брюхом и поповским карманом.

Флорищева пустынь — это не обитель, а дом терпимости. Здесь почти каждый монах имеет женщину, а то и две. Неимение женщины обуславливается не требованием аскетизма, целомудрия и воздержания, а количеством лет, проведенных в обители тем или иным монахом: если кто долго живет в обители, тому можно иметь жену свободно; если кто только поступил, тому можно заводить женщину с оглядкой. На этот счет был такой случай. Поступил в обитель один послушник; по прошествии года он завел себе возлюбленную; настоятель призывает его и говорит: «Э-э-э! Ты только один год пожил, а уже завел себе кралю!»

Раза два или три в году собираются в обитель богомольцы, преимущественно женщины; большинство из них приходят не Богу молиться, а блудодействовать с монахами. Монахи и распутные женщины ведут себя в обители весьма откровенно, даже без границ. Так, у одного иеромонаха в келье его краля напилась в попойке до бесчувствия. Другие монахи взяли ее на руки, как мертвую, понесли по двору с пением «Со святыми упокой», а ее возлюбленный, иеромонах, шел сзади и притворно, конечно, плакал навзрыд, как будто в самом деле близкого покойника хоронили.

По пьянственному делу в доме отца настоятеля бывают еще и вот какие случаи. Приезжали однажды к нему в гости местные, гороховецкие, полицейские власти, напились все пьяными, открыли окна и давай стрелять из ре-

вольверов в лес. Пьяный иеромонах, живший по соседству с настоятелем, выскочил из кельи и начал ударять в набат. Поднялась, конечно, тревога в монастыре. Все это дело с тех пор стало называться монастырскою потехою и... только! Бывали здесь потехи еще и получше. Так рассказывают. Послушники взяли таз, налили в него воды, испражнялись в воду, несли таз с испражнениями вокруг собора и всем встречным говорили: «Поклоняйтесь, поклоняйтесь! Вот несем мощи. Жертвуйте!»

Святители! Еще хотите слушать о флорищевских «потехах»? Что ж. Еще об одной расскажу, а за остальными многими уж вы сами бы сюда приехали. Что вы сидите-то на одном месте?

Дело было так. В одно время, года два тому назад, женщины мыли в храме алтарь. Бросили мыть, взяли с престола антиминс, развели кадило и начали бегать вокруг престола, приговаривая: «Вот нам и свадьба!»

Все эти безобразия в пустыни, не говоря уже о крайнем мужеложестве, которому предаются монахи, по моему, происходят оттого, что отношения епископа Николая к пустыни не столько архипастырские, сколько в буквальном смысле масляные. Дело в том, что в пустыни есть прекрасный скотный двор; с этого двора ежегодно отправляется транспорт масла владыке, членам консистории, всей братии и всем консисторским христианам. Естественно, что сам епископ Николай и его правые и левые руки интересуются больше качеством масла, чем качеством жизни монастырской братии.

Святители! Сославши меня во Флорищеву пустынь, вы отдали меня под надзор епископа Николая. Сделали вы это с явным намерением как можно острее поиздеваться надо мной. Дело в том, что епископ Николай — человек больной, невменяемый, подвержен пьянственному пороку. Что же от него хорошего можно ожидать?

Помимо этого он еще раньше был настроен против меня. Это произошло, во-первых, потому, что он, сбежавший с Кавказа во время революции, не переваривал моей деятельной натуры, а во-вторых, потому, что епископ Гермоген, мой покровитель и защитник, четыре года тому назад не пропустил в ректора СПб духовной академии родного брата Николая, протоиерея отца Тимофея Налимова. Вот к какому человеку я попал под начало. Естественно, что он, пьяный и грубый, вооружившись сухим послушанием вам, злобою и местью ко мне, начал с усердием, забывши все дела епархии, которыми он и раньше неохотно занимался, истязать меня и моих дорогих духовных детей. Он начал преследовать меня прежде, чем я успел дать ему какой либо повод к этому. Настоятель

монастыря, по благословению епископа Николая, зорко следил за тем, чтобы я чего-либо не писал в газеты.

В пустыни я, по вашему благословению и под отеческим руководством пьяного епископа Николая, подвергался всяческим издевательствам. Но я не буду описывать все то, что мне пришлось перенести, не буду из-за боязни, чтобы меня не обвинили в самовосхвалении; скажу только то, что издевательства доходили даже до учинения надо мною стражниками физического насилия. И это по вашему постановлению! По вашему же благословению полиция в Царицыне, в монастырском храме, избивала моих невинных молящихся духовных детей. За что? На каком основании вы приказали совершать столь неслыханное святотатство и дерзкое кощунство перед Престолом Милосердного и Праведного Господа?

Дети мои собрались в храм молиться обо мне, о том, чтобы Бог заставил вас возвернуть им любимого пастыря! А вы побили их?!

Что же, неужели же вы и в таких случаях хотите командовать?

Неужели о полноте чрев ваших можно молиться, а о своих нуждах нельзя?

Зачем вы права Божьи присвоили себе? Зачем вы храмы — места общения людей с Богом, обратили в полицейские участки, торговые конторы и постоянные дворы?

Если заплатить вам, кинуть деньги в ваши бездонные карманы в виде платы за ваши молитвы, церковные налоги, то можно молиться во всякое время дня и ночи, а если не заплатить, то нельзя? Вы тогда учиняете над молящимися насилие и запечатываете храм, дом Божий!

Зачем вы стали на место Бога Живого?

Гордецы вы и безумцы! Безбожники — вы!

Вы ни в какого Бога не веруете? Вы самих себя сделали богами! И проклятиями, и пеплом, и вечным огнем заставляете бедных, малодушных людей поклоняться вам и питать ненасытное чрево!

Антихристы — вы! Противники вы истинного Бога.

Пусть, кто хочет, кланяется вам, как Богу!

А я знаю Единого Истинного Бога и Христа Его. Истинного, Чистого Христа, Сына Божия.

Вас же я не знаю и знать отныне не хочу!

Вас я презираю всею силою души!

С вами, поклонниками «святого черта», грязного хлыста — Гришки Распутина, я не хочу быть в духовном общении ни одной минуты!

Потому скорее сорвите с меня рясу и отлучите меня от своей церкви!

Вы должны это сделать!

Этого требует и закон ваш!

Животные, упитанные кровью народною, доколе вы будете сидеть на шее народной и кощунственно прикрываться Именем Божиим?!

Иероманоах *Илиодор*».

8 ноября, в день истечения законного срока для моего увещевания, с меня сана не сняли.

Распутинцы боялись развязывать меня от рясы... Цари со «старцем» этого же не хотели. Феофан передавал мне чрез А. А. Жукова, что я, по имевшимся у Феофана сведениям, должен бы сходить в храм хоть два раза и был бы выпущен из пустыни... Митрополит Владимир тому же Жукову жаловался на меня: «Вот, как его «миловать»? Он не смиряется: ни разу даже в храм не пошел, как башибузук какой...»

Но «смирение», какого желали от меня «старец» со своими державными и святейшими помощниками, далеко-далеко было от моей души.

По всей вероятности, в нее вошли своею гордостью все бесы, в разное время изгнанные из людей блаженным Григорием.

Вошли и овладели ею, овладели окончательно.

19—20 ноября я сел и написал в Синод «отречение». Написавши, я разрезал бритвой руку свою и кровью своею подписал: «Илиодор».

Я писал Синоду:

«Целых десять месяцев и делами, и словами я звал вас к покаянию: умолял вас, просил вас, предлагал вам, дважды требовал от вас восстановить поверженную Правду, оградить Невесту Христову — Церковь русскую от насилия и поругания хлыстом Гришкой Распутиным.

Вы не покаялись и даже не выражали и желания когда-либо покаяться.

Остается вам сказать: «Оставляется дом ваш пустым».

Да судит Вас Вечная Истина!

Я же отрекаюсь от вашего Бога.

Отрекаюсь от вашей веры.

Отрекаюсь от вашей церкви.

Отрекаюсь от вас, как от архиереев.

Если бы Христос воскрес, если бы Он был жив и пребывал в вашей Церкви, то тогда бы Он не допустил того, что вы сделали.

Вы под своими мантиями сокрыли «святого черта» — Григория Ефимовича Распутина: вы знали, что этот сосуд беззакония, обольщая людей тем, что он-де своим плотским совокуплением может освящать тела людские и снимать с женщин страсти блудные, растлил многих девиц

и изнасиловал замужних женщин, знали, но скрыли его, а блюстители чистоты и невинности Невесты Христовой, избличителей «святого черта», вы с ожесточенною злобою отдали на проклятие.

Когда Тело Церковное трепетало, как подстреленная чайка, как горлица, попавшаяся коршуну, как непорочная девица пред дерзким насильником, вы в Синоде охотнику, коршуну, насильнику торжественно читали хвалебную грамоту, называя его исповедником.

Мало этого, вы послали своих слуг в Государственную думу заявить на всю Россию, на весь мир, что у вас под мантиями «святой черт» не скрывается. И это была неправда... «Святой черт» скрывался у вас, теперь скрывается, ибо он, достойный высшей кары человеческого суда за свои преступления, свободно живет, приезжает в Петербург и даже останавливается в синодальном доме на Литейной улице.

Быть может, с кем-нибудь вы можете так шутить, а со мною нельзя, нельзя! Не позволю так ругаться над своими идеалами!

Посему: Бога вашего отныне я не знаю и вас, как архиереев, не признаю».

Мое отречение было и для царей, и для Синода, и для «старца» неожиданным.

Оно застало их врасплох.

«Старец» первый очнулся и из Покровского написал царям: *«Миленькае папа и мама! Вот бес то Илиодор. Отступник. Проклятый. Наго бы его сделать сума сошел. Докторов наго, а то беда. Он пойдет играть в гудку беса. Григорий».* (Дневники О. В. Лохтиной.)

Но из этого ничего не вышло. Я хотя и не знал тогда об этом «старческом» письме, но, побуждаемый только слухами, шедшими из Петербурга, в свою очередь написал г. министру юстиции: «Господин министр! В Петербурге мои «приятели» во главе с митрополитом Владимиром хотят признать меня сумасшедшим.

Какая дьявольщина!

Я не могу допустить, чтобы история, когда будет беспристрастно разбирать мое дело, сказала, что все то, что я сейчас делаю, я делал в состоянии невменяемости.

Посему прошу вас немедленно прислать сюда, в пустынь, докторов и самым тщательным образом меня исследовать.

Я совершенно здоров. Я хочу, чтобы доктора это подтвердили и запротоколили!

Буду со дня на день ожидать докторов. Верю и надеюсь, что я не ошибусь в своих законных святых упованиях

на ваше охранение прав человеческих, прав русских граждан.

Да благословится имя ваше ныне!

А в будущем да не станет оно среди тех имен Иродов, убийц Иоанновых, которые недалекие, грядущие поколения русских людей будут проклинать и с омерзением вспоминать! Искренно вам верящий иеромонах Илиодор».

Докторов, конечно, не прислали, и Синод 13—17 декабря 1912 года снял с меня сан не по моей просьбе, а по суду за отречение, за то, что я «усумнился в спасительном Воскресении Господа Бога и Спаса Нашего Иисуса Христа».

22 декабря в мою убогую келью-тюрьму пришли: настоятель монастыря Макарий, казначей Мелхиседек, благочинный — протоиерей Дмитриевский, жандармский полковник, жандармы, исправник, пристав, стражники, монахи и послушники со стульями для почетных гостей, всего человек 20.

Предложили мне расписаться на синодальной бумаге о снятии с меня священного сана и монашества.

Я после девятилетнего перерыва, когда я писал себя Илиодором, написал: «Сергей Труфанов», написал спокойно и подумал: «Вот в сию минуту отлетела от меня, как от недостойного, «Божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудевающая, воспаляющая», благодать, когда-то сведенная на меня в академии епископом Сергием, а отнята теперь жандармами и стражниками; эта благодать почилла теперь на муже достойнейшем, на «старце» Григории. Берегитесь теперь, окаянные бесы! К вашему великому изгонителю еще благодати прибавилось!»

Власти ушли, а я, уже мирянином, поехал на родину, в дом своих родителей, в Донскую область, станицу Мариинскую, хутор Большой.

Когда я въехал, а может быть, еще и раньше, «старец» строчил царям: *«Папа мой и миленькая мама! Ну, пошел бес Серьга Труханов, оступник. Анахтема. Теперь гуляет. Надо следить, а то он смуту будет делать. Полицию к нему. Пусть она ему зубы почистит. Окаянный! Да! Григорий»*. (Дневники О. В. Лохтиной.)

Полтора года я прожил на родине. Все это время, по приказанию из Петербурга, за мною отчаянно следили.

Следили от 7 до 10 человек стражников и 2 местных священника — Ивдиев и Стефанов; последний из них 27 лет тому назад учил меня в начальной школе тому, что будто бы Бог творил мир так, как малые дети, играя, пускают с ладони через трубочку мыльные пузыри...

Слежка была отчаянная. Но интереснейшие подробности о ней я дам в своей автобиографии.

Сейчас скажу только, что местные следители получали указание от наказного атамана Войска Донского, генерала Покотилло и донского епископа Владимира, а они исполняли волю Синода и министров. Синод же и министры делали то, что им приказывал чрез царей «старец».

Следили, вели дневники, записывали каждое мое слово и каждый шаг. Жившая около меня О. В. Лохтина, как уже читателю известно, все меры принимала, чтобы меня помирить с Григорием и жить по-прежнему

Она об этом писала царям.

Цари через Вырубову спрашивали совета у «старца».

«Старец» им писал: *«Серьгу Труханова, отступнека, надо карать. Кол ему в задницу забить, анахтеми»,* и: *«Серьгу Труханова, отступнека, надо повесить так, чтобы у него, как у собаки, язык на сторону высунулся. Григорий».*

О. В. Лохтина, однако ж, надежды на примирение не теряла.

Однажды она послала на Штандарт царям такую телеграмму. «Когда полюбите отца Илиодора? Ольга Илиодора».

Цари передали эту телеграмму на рассмотрение «старца». «Блаженный» на обратной стороне телеграфного бланка положил такую резолюцию: *«Ежели собаке прощать, Серьгу Труханова, то он, собака, всех с ест».*

Эта телеграмма с «резолюцией» находится у меня среди других документов о деятельности Распутина.

Итак, О. В. Лохтина не успевала в своем деле.

А слежка между тем шла, что называется, вовсю...

Синод тоже не дремал. Он, по приказанию «старца», присылал увещателей за увещателями, присылал миссионеров, благочинного Дубровского, академика Грацианского уговаривать меня не отречься от «Православной Христианской Церкви». Я отписывал Синоду: «Вы поклонением «святому черту» совратили меня из Православия, а потом увещеваете меня идти опять в лоно вашей церкви. Как вам не стыдно! Ведь это похоже на то, как разбойник убьет человека, ограбит его карманы, а потом кидается на него и целует его закоченевший труп. Я мертв для вас, вашей лжи! Отстаньте от меня. Скорее формально отлучайте меня от своей компании. Что вы медлите? Или у вас писцов мало? Или бумаги нет? Или стыдитесь зарегистрировать «отступника», совращенного вами же, вашими бесстыдными делами... Не скрывайтесь. Пакости своей не спрячете от людских взоров...»

Синод, получая такие ответы на «свои хлопоты о спасении моей погибающей души», выходил из себя и придумывал для меня казни...

Но придаться не к чему было до тех пор, пока на помощь не явился облагодетельствованный мною бродяга — Иван Синицын, вскоре после предательства отравившийся во время еды рыбьим ядом. Он, подкупленный жандармами за 1000 рублей, поехал в Петербург к бывшему там «старцу» Григорию и 28 декабря 1913 года рассказал ему о том, что я про него говорю, про царей и про архиереев.

«Старец» дал Синоду слово, что он засадит меня в Петропавловскую крепость, как об этом печатали все газеты.

Слово «старца» вскоре начало оправдываться.

26 января 1914 года, по приказанию из Петербурга, судебный следователь Корзюков безо всякого формального повода арестовал меня и повез в тюрьму, предложивши мне свободу только под 50 000 залога.

Конечно, у меня не оказалось и 500 рублей, не то что 50 000. Я пожаловался в Петербург министру юстиции, считая его, по старой памяти, хорошим человеком. В Питере сделали совет и решили, что я арестован по пустяковому поводу; что нужно еще поискать моих «преступлений» и тогда уже, на вполне «законном» основании, запрятать меня куда-либо подальше, чтобы не было шума и соблазна среди общества.

Меня пока освободили...

О таком намерении правительства Распутина и судебные чины, и полицейские говорили везде открыто, никого не стесняясь. Корзюков, например, об этом заявлял в станции Николаевской на въездной квартире, а местный пристав Быкадоров на хуторе Большом, в доме священника.

Начали искать «преступления». И искали очень усердно, так как ведь приказывал сам Григорий Ефимович Распутин-Новых.

Прежде всего они, чтобы расчистить мне дорогу в крепость, беззастенчиво, нагло оклеветали моего родного брата Михаила, будто бы со слов меня, Илиодора, поносившего царя...

В обвинительном акте, выданном ему, они чаще употребляли мое имя, чем его...

Оклеветали и посадили на 1,5 года в крепость...

Посадили и начали открыто бахвалиться. «Вот засадили Михаила, а около него уже приготовили камеру и для Илиодора. Он от наших рук не уйдет».

Когда я женился, они палили: «Женился! Вот мы его не так женим. Получен приказ из Синода засадить его туда, где и брат его Михаил!..»

По поводу этого шантажа судебных саратовских властей я несколько раз обращался к Щегловитому, но получал .. красноречивое молчание.

Министр молчал, а саратовские прокуратура и суд в лице прокурора палаты Корчевского, прокурора суда Богданова, товарищей его — Нелидова и Веселовского, члена суда Алексеева с жандармами: знаменитым Комиссаровым и его помощниками — Орловским, Руженцевым и Тарасовым работали вовсю для вящей славы самодержца Григория Распутина...

Новочеркасские прокуроры и следователи поехали в другой округ, в город Царицын, и допрашивали там всех моих почитателей, бывших у меня в «Галилее» в течение всего 1913 года. Допрашивали в полной надежде, что от кого-нибудь из них можно что-либо узнать о моих «преступных деяниях». Допросили более 300 человек и ничего не нашли.

Допрос производился с явной склонностью в одну сторону — найти непременно мое «преступление».

Так, не говоря уже о многом другом, между прокурором и девицею О. В. Д. произошла такая перепалка:

— Вы — православная?

— Нет!

— А раньше были православною?

— Да!

— К Илиодору ездили?

— Ездил и жила у него в гостях две недели.

— В храм теперь не ходите?

— Не хожу!

— Это вас Илиодор научил так поступать?

— Нет, Синод!

— Как так?

— 23 сентября 1912 года я пришла в храм Богу молиться. Синод, по приказанию кого-то, благословил полицию избить меня. Меня избили: вот часть волос, у меня вырванных из головы, вот вся изорванная моя юбка, вот выбитый зуб... Меня полицейские выволокли из храма. С тех пор я и не хожу в храм и никогда не пойду... А отец Илиодор здесь ни при чем. Его самого совратили из православия Синод и Гришка Распутин.

— Это к делу не относится, вы о деле говорите! — заорал на бедную девушку диким голосом прокурор.

— Да я же о деле и говорю!

— Какое это дело! Вас Илиодор совратил? Так и говорите. Это будет дело...

— Нет! Меня совратил...

— Замолчите! Уходите! — кричали на девушку и прокурор, и следователь.

Не нашедши ничего в Царицыне, судебные чины приехали ко мне на Большой хутор. Жили в захолустном селении 5 суток и все допрашивали.

Кого же они допрашивали?

По указанию местных священников, весь 1913 год следивших за мною, они допрашивали всех, кого я в продолжение года лечил гомеопатией, с кем я встречался на улице, с кем здоровался, кто ко мне в дом приходил и даже тех, которых ни я, ни они меня никогда и не видели... Допрашивали также моего родного отца и зятя! Всего допросили более 50 человек.

И опять-таки ничего не нашли.

Больные в один голос заявляли, что я их исцелил, а все прочие говорили про меня, что я человек хороший; ничего худого от меня не слышали и не видели.

Тогда прокуроры приступили ко мне.

Допрашивали 20 часов.

Спрашивали, между прочим: «Неужели те каракули, которые отобрал у вас Корзюков 26 января, есть письма Распутина, о которых так много пишут в газетах и везде говорят?»

— Да, Распутина. Но те каракули во сто раз сильнее красивых министерских росчерков. Пока о моем переводе из Царицына расписывались Столыпины, ничего не выходило: я сидел там; а как только расписался Распутин, то я очутился сначала во Флорищевой, потом здесь, и вот вы ко мне приехали...

Чины задумались и, по всей вероятности, озадачены были тем, что вот им, генералам, приходится скучать в захолустном хуторе по воле какого-то безграмотного простого мужичка...

Они сами прекрасно сознавали, что придираются ко мне, не имея на то достаточных оснований, но работали, исполняя волю пославших...

Прокурор суда Соколовский и судебный следователь по особо важным делам Лебедев говорили при допросе мне буквально так: — Мы к вам предъявили очень тяжкие обвинения, по важным статьям. Собственно говоря, эти статьи требуют ввергнуть вас в темницу теперь же, но мы этого не делаем, потому что почти нет никаких оснований обвинять вас в тех преступлениях, которые мы вам предъявили...

— Так зачем же их и предъявлять, когда нет оснований? — горячо спрашивал я.

Следователь молчал, а прокурор, пожимая плечами и сдавливая губы, как две лепешки из сырого теста, произнес: «М-м-м».

Я же мысленно добавлял: «(М)-ы делаем это потому, что так приказано!»

Хотя услужливые Распутину чиновники очень помучились с открытием моих ужасных преступлений, но их труд вознагражден очень хорошо...

Вскоре после того, как против меня были найдены неоспоримые «улики», прокурор окружного суда Соколовский назначен был членом Одесской судебной палаты, а прокурор Новочеркасской палаты Пресняков получил чин тайного советника.

Меня допрашивали 1 мая.

А 23 июня я уже получил от Новочеркасской судебной палаты пространный обвинительный акт, которым я предавался суду по 73, 74, 103 и 102 статьям уголовного уложения, то есть меня обвинили в кощунстве, богохульстве, оскорблении его величества и в образовании преступного сообщества с целью произвести ряд террористических актов...

Эти страшные обвинения построены на сбивчивых показаниях только трех бродяг: Синицына, казака Сивякова и Кузьмы Киреева, которые меня никогда в одно и то же время не видели, а значит, и ничего приписываемого мне они вместе не слышали.

Синицын ко времени моего допроса уже отравился рыбою. Киреев дважды отказывался от показаний против меня и уже дважды дал показания в мою пользу.

Сивяков — вор и первой степени жулик; жил у меня в «Галилее» только один месяц; я его кормил и поил ради Бога; он меня обокрал: украл деньги, револьвер, варенье, сахар, еще кое-что по мелочи и хотел сжечь мой дом, о чем сам заявлял полиции. Я его прогнал. Он пошел к властям и рассказал, что он от меня слышал в «Галилее».

Не зная и не предвидя, что Сивяков был около меня не кем другим, как провокатором, подосланным властями с целью уловить меня на словах, я не стеснялся его. Иногда ко мне из Царицына приезжали гости, и я им в присутствии Сивякова довольно подробно говорил о том, за что именно я пострадал...

Бродяга все мои слова мотал себе на ус и, наученный местными священниками, продолжал выводить меня на откровенность самыми непристойными выходками против государя, царицы и сановников. Так, не было такого дня, чтоб он, садясь за стол обедать или ужинать, не произносил такой молитвы: «Помяни, Господи, царя Николашу, жену его Сашу, наследника Алешу косолапого, всех его деточек — косматых девочек, Гришу Распутяшу и всю поповскую лохматую братию нашу!»

Произнося эту «молитву», бродяга непрестанно крестился.

А через месяц его у меня пребывания он оказался агентом полиции: светской и духовной.

Мстя ему за донос и желая ослабить силу и значение его доноса, я, в свою очередь, заявил властям о безобраз-

ных словах и «молитве» казака Сивякова. Заявление свое я подтвердил многочисленными свидетельскими показаниями и требовал суда. Прокуратура и жандармы молчали.

Тогда я обратился к министру Щегловитову.

Щегловитов тоже молчал.

И сколько я ни требовал суда над Сивяковым, ничего не вышло.

Ясно, что у власти он был своим человеком...

Меня же на основании показаний, собственно говоря, только одного человека, да и то бродяги, вора, разбойника и провокатора, прокуратура, исполняя волю «старца», предала суду палаты.

Получивши обвинительный акт, я понял, что меня хотят засадить в Петропавловскую крепость...

Понял и начал собираться в дорогу, в землю иную, за границу...

Пред самым бегством я получил из Петербурга телеграмму с известием, что Распутин в селе Покровском ранен Хионией Гусевой.

Газеты связали мое имя с именем Хионии Гусевой, хотя я к делу покушения не имел никакого прямого отношения.

Хионию Кузьминичну Гусеву я знаю хорошо; она — моя духовная дочь. Девушка — умная, серьезная, целомудренная и трудолюбивая. Начитана очень в священном писании, и на почве этой начитанности она кое-где немного заговаривается... До 18 лет она была очень красива лицом, а потом сделалась уродом: у нее отпал нос. Сама она объясняет это тем, что она молила Бога отнять у нее красоту. И Он отнял. Просто она во время паломничества по святым местам, ночуя по ночлежным домам в больших городах, заразилась скверною болезнью, сифилисом, и сделалась уродом.

В течение 1913 года она два раза была у меня в «Новой Галилее». Во время бесед о причинах моей ссылки и ее последствиях я много рассказывал ей, как и другим гостям, о «блаженном» Распутине. Она часто прерывала мои речи и горячо, горячо говорила: «Дорогой батюшка! Да Гришка-то настоящий дьявол. Я его заколю! Заколю, как пророк Илья, по повелению Божию, заколол 450 ложных пророков Вааловых! А Распутин еще хуже их. Смотрите, что он делает. Батюшка, благословите с ним разделаться!»

Я, чтобы испытать твердость ее намерения, обычно спрашивал у нее: «Фионушка! Зачем так говорить? Зачем это делать? Ведь это грех. Это — пролитие крови человеческой!»

— О, батюшка! Нет, нет! Архиереи и цари попрали, по приказанию Распутина, все наши святыни. Как раз-

бойники, лишили нас последнего утешения духовного, разрушили наш монастырь, отняли у нас доброго пастыря и прекрасного проповедника, а мы будем исполнять то, чему они нас учат. Нет! Пусть дураки их теперь слушают, а мы поумнели. Никакого нет греха, если заколоть Гришку Распутина. Я его порешу, непременно порешу!

В таких случаях я только думал: «Эта девушка все может сделать! Она понимает, в чем дело!»

Так как вообще с мнением Гусевой о разделке с Гришкой я был согласен, то не препятствовал, когда в октябре месяце 1913 года среди моих гостей образовалась компания из обиженных Распутиным девушек и женщин для оскотления «блаженного старца». Компания эта уже была готова к «делу», уже были пошиты великосветские платья, как явился предатель Синицын. Он донес об этом Распутину... И дело провалилось...

Хиония же Гусева тогда же решила дело поставить на очередь, и хотя одной, а довести его до конца...

По имеющимся у меня верным сведениям, Гусева сделала свой подвиг так.

В мае месяце она прочитала в газетах сокращенное мое письмо царям о Распутине от 25 января 1912 года. Прочитала заявление Синода, что он-де не может судить Распутина за преступления, перечисленные в моем прошении Синоду от 17 апреля 1914 года. В том прошении я, требуя от Синода отлучения меня от церкви, как Синод обещался это сделать еще при снятии с меня сана, заявлял, что я отрекся от православия и вообще всякой ложной религии потому только, что Синод поклонялся «святому черту». А дела черта вот каковы. Синод его должен судить...

Синод, однако, по обыкновению, лукаво уклонился от суда над Распутиным, ссылаясь на то, что его преступления — дело светского суда...

Светский же суд к этому делу не приступал, полагая, что оно подлежит Синоду. Ну, одним словом, Иван кивал на Петра, а Петр на Ивана. А всесильный «старец» продолжал работать и работать и даже бахвалиться. На заявление сотрудников, что Илиодор собирается писать за границей книгу о нем, Распутин задорно отвечал: «А пускай себе пишет, коли хочет. Его песня спета, а я уже ничего и никого не боюсь!»

Все это прочитывала решительная Х. К. Гусева.

Она возмутилась содержанием письма моего к царям, возмутилась лукавством Синода и министерства юстиции, трепещущих перед «старцем», возмутилась безмерным бахвальством Распутина и решила положить конец своим колебаниям и своим судом, судом герой-

ским, разделаться со слугою сатаны, издевающимся над святым религиозным чувством народным, над женскою честью и, несмотря на все это, свободным от всякого земного суда.

Решилась, купила у черкеса кинжал и выехала из Царицына в Ялту. Выезжала она в то время, когда Распутин, окруженный великосветскими ханжами и бесчестными карьеристами, отъезжал из Ялты в Петербург и с площадки вагона 1-го класса торжественно заявлял, что он-де встретится с провожающими в сентябре, но при весьма знаменательных обстоятельствах.

Без сомнения, он разумел решение Николая воевать с Австрией, по приказанию его, «великого праведника».

В Ялте Гусева, конечно, не застала Распутина. Узнавши от газетчиков, что «старец» проследовал в Петербург через Москву, она тоже направилась в Питер. В Питере ей тоже газетчики сказали, что Распутин уже уехал в село Покровское. Гусева поверила этому, так как и в газетах прочла подробное описание отъезда Распутина из Питера в Сибирь, и поехала по его следам.

Приехала в Покровское, но узнала, что «блаженный» еще в Петербурге и что газетчики, подговоренные, по обыкновению, «старцем», врали о его отъезде.

Гусева десять дней жила в Покровском, поджидая «старца».

В конце июня Григорий с большой помпой двинулся из Петербурга.

На пути, в Перми, епископ Палладий, желая снискать благоволение всесильного «старца», чтобы получить кафедру пожирнее, устроил ему торжественную встречу в парадных комнатах вокзала.

Вскоре после этого Палладий из захудалой Пермской епархии был переведен в центральную, богатую, почетную Саратовскую.

Когда Григорий приехал в Покровское, Гусева подошла к нему и пырнула его ножом...

Гусеву арестовали.

Распутина положили в больницу.

Цари прислали ему в Тюмень две телеграммы: «Скорбим о случившемся и молимся усердно Богу», и: «Радуемся благополучной операции».

Откликнулись на «несчастье» «старца» многие сановники, архиереи и просто почитатели.

Архиепископ Питирим, которого «старец» провел в экзархии Грузии, прислал Григорию такую телеграмму: «Пусть ваше выздоровление послужит нравственным оздоровлением для тех людей, которые думают распространять христианство огнем и мечом».

Сам Григорий, лежа на больничной койке, телеграфировал своим друзьям в Петербург: *«Кака-то стерва пырнула меня ножом, но с Божией помощью остался жив. Григорий»*.

20 августа «старец» выписался из больницы. И сейчас же явился в Петербург. Здесь его, по сообщению мне одного видного русского писателя, встретили очень торжественно, во-первых, как «невинно пострадавшего», а во-вторых, как «пророка, предсказания которого сбываются».

Теперь «старец» хлопочет о том, чтобы Хионию Гусеву не судили. Боится «блаженный» обнаружения на суде своих темных подвигов...

2 июля я, несправедливо обвиненный Распутиным в подсылке к нему убийцы, покинул родину и, переодетый в женское платье, бежал за границу.

19 июля 1914 года я перешел реку Торнео, около г. Торнео, четырьмя километрами выше таможни и пограничной стражи.

ТОВАРИЩ ОБЕР-ПРОКУРОРА
СВЯЩЕННОГО СИНОДА
КНЯЗЬ Н.Д.ЖЕВАХОВ



ВОСПОМИНАНИЯ



Князь Н.Д.Жевахов
«Воспоминания». Том 1
(сентябрь 1915—март 1917)
Мюнхен, 1923 г.

Князь Н.Д.Жевахов — видный церковно-общественный деятель Российской Империи. Автор многочисленных книг и статей религиозного содержания. Ярый монархист. Любимчик императрицы. С 1916 г. — товарищ обер-прокурора Святого Синода. Как неггибаемый синодал, князь Жевахов усиленно отстаивал обер-прокуратуру, считая, что это духовное ведомство многое сдделало для укрепления роли церкви в русском обществе.

Когда человек богат и славен, у него нет недостатка в друзьях. Когда же он впал в несчастье, подвергся клевете или лишился своего богатства, тогда друзья его, один за другим, покидают его, и он остается одиноким часто в самые тяжелые моменты своей жизни.

Вчера ищущие и пресмыкающиеся, эти друзья ходят сегодня с гордо поднятою головой и с каким-то непостижимым злорадством забрасывают своего бывшего благодетеля камнями, вымещая на нем свою злобу, точно он и в самом деле был виноват в том, что они перед ним холопствовали, жертвовали своим достоинством и пресмыкались...

На фоне общей мерзости, творимой злой волей человека, есть ли явление более гадкое, более отвратительное и в то же время более старое?! Это свойство испорченной человеческой натуры было давно подмечено врагами правды, и они широко использовали его. Я сказал бы даже, что никакая революция не была бы возможна, если бы люди не попадались так легко в сети, расставленные теми, кто видел в клевете свое сильнейшее оружие, без промаха попадавшее в цель.

Если бы люди были менее восприимчивы к клевете, менее падки к сенсациям, если бы развили в себе больше гражданского мужества и не судили бы тех, кого не знают, а наоборот, смело выступали бы на защиту поруганной правды, не оглядываясь по сторонам, не считаясь с «общественным» мнением, не боясь запачкаться грязью клеветы, ибо этого боятся только грязные люди, то выбили бы из рук революционеров самое главное их оружие. Ибо революция всегда ложь, всегда клевета...

Имя Распутина приобрело мировую известность, но я еще не видел человека, который бы имел мужество подойти к этому имени с тем беспристрастием, какое исключало бы опасение подвергнуться обвинениям в «распутинстве». Никто еще не делал попыток рассмотреть Распутина в связи с условиями революционного времени, переживавшегося Россией в момент его появления, а все

останавливались на его облике, как частном лице, и приписывали ему то, что, по всей справедливости, нужно было бы приписать делателям революции.

«А вдруг мое «беспристрастие» будет понято как защита грязного имени, и меня самого забросают грязью! А вдруг я сам прослышу «распутинцем» и подвергнусь травле» — вот что удерживало и удерживает малодушных людей от объективного отношения к Распутину.

Принято ведь думать, что выгоднее присоединяться к стадному голосу толпы, чем идти вразрез с ним и плыть против общего течения, хотя это и неверно, ибо, даже базируясь только на выгоде, нужно признать, что выгоднее иметь на своей стороне хотя бы горсть нравственно чутких, верных Богу людей, чем разношерстную толпу.

Распутин имел много отрицательных сторон; но его личные минусы сводились к одной причине: он был — мужик.

Это значит, что он, подобно всем мужикам, рассматриваемым в массе, был хитер и пронырлив, угодлив и вкрадчив, любил не столько деньги, сколько жирный кусок мяса с салом, и рюмку водки, какие получал за деньги; был ленив и беспечен и цепко держался за те блага жизни, какими пользовался, причем нужно сказать, что эти блага были очень скромные и не выходили за пределы потребностей желудка, главных и почти единственных потребностей русского мужика. При этих условиях я даже затрудняюсь инкриминировать Распутину его развязную манеру держать себя в обществе, проявление бестактности, самомнение и неучтивость, словом, все то, что отличает всякого зазнавшегося мужика, вскормленного милостями своего господина. Это был типичный мужик, со всеми присущими русскому мужику отрицательными свойствами.

Все же прочие его минусы в большинстве случаев, и притом в гораздо более широком масштабе, явились чрезвычайно тонкой и искусной прививкой со стороны тех закулисных вершителей судеб России, которые избрали Распутина, именно потому, что он был мужик, орудием для своих преступных целей, и в том и была вина русского общества, что оно этого не понимало и, раздувая дурную славу Распутина, работало на руку революционерам... На эту удочку попался даже такой типичный монархист, каким первое время был В.М.Пуришкевич.

Но были у Распутина и хорошие стороны: о них никто не говорил, и они тщательно замалчивались.

Распутина спаивали и заставляли говорить то, что может в пьяном виде выговорить только русский мужик; его фотографировали в этом виде, создавая инсцениров-

ки всевозможных оргий, и затем кричали о чудовищном разврате его, стараясь при этом особенно резко подчеркнуть его близость к Их Величествам; он был постоянно окружен толпою провокаторов и агентов Думы, которые следили за ним, измышляя поводы для сенсаций и создавая такую атмосферу, при которой всякая попытка разоблачений трактовалась не только даже как защита Распутина, но и как измена Престолу и династии... При этих условиях неудивительно, что молчали и те, кто знал правду.

Нужно ли говорить после этого о том, что и так называемое вмешательство Распутина в государственные дела, приведшее к утверждению, что не Царь, а Распутин «правит Россией», назначает и сменяет министров, явилось только одним из параграфов выполнявшейся революционерами программы, а в действительности не имело и не могло иметь никакой под собою почвы. Именем Распутина пользовались преступники и негодяи; но Распутин не был их соучастником и часто не знал даже, что они это делали. Как на характерный пример я укажу на визит ко мне некоего Добровольского, надоедавшего Обер-Прокурору Святого Синода Н.П.Раеву домогательствами получить место вице-директора канцелярии Святого Синода, остававшееся вакантным после перемещения на другую должность А.Рункевича.

Явился этот Добровольский ко мне на квартиру, развязно вошел в кабинет, уселся в кресло, положив ногу на ногу, и цинично заявил мне, что желает быть назначенным на должность вице-директора канцелярии Святого Синода.

«Кто вы такой и где вы раньше служили, и какие у вас основания обращаться ко мне с таким странным ходатайством?.. Предоставьте начальству судить о том, на какую должность вы пригодны, и подавайте прошение в общем порядке, какое и будет рассмотрено, о наведении о вас надлежащих справок», сказал я.

«Никакого другого места я не приму; а моего назначения требует Григорий Ефимович (Распутин)», — ответил Добровольский.

Посмотрев в упор на нахала, я сказал ему:

«Если бы вы были более воспитаны, то я бы вежливо попросил вас уйти; но так как вы совсем не умеете себя держать и явились ко мне не с просьбою, а с требованием, то я приказываю вам немедленно убраться и не смей показываться мне на глаза...»

С гордо поднятой головой и с видом оскорбленного человека Добровольский поехал к Распутину жаловаться на меня, а я обдумывал способы выхода в отставку, стараясь не предавать огласке истинных причин, вызвавших

такое решение, и только поделился своими горькими мыслями с моим прежним начальником, государственным секретарем С.Е.Крыжановским.

«Александр Николаевич, — обратился я мысленно к А.Н.Волжину, — вот как Вы должны были поступить со мною, если видели во мне второго «Добровольского»: я как раз очутился в Вашем же положении, но вышел из него иным путем...»

На другой день Н.П.Раев вызвал меня в свой служебный кабинет, и между нами произошла такая беседа:

«Вы прекрасно поступили, что выгнали этого проходимца, но я боюсь огласки, — сказал Обер-Прокурор. — Он станет закидывать Вас грязью, а наряду с этим будут опять кричать о Распутине и жаловаться, что он вмешивается не в свое дело. Если бы Распутин знал, что за негодяй этот Добровольский, то, верно, не хлопотал бы за него... Добровольский совсем уже замучил митрополита Питирима...»

«Другими словами, Вы хотите, Николай Павлович, чтобы я лично переговаривал с Распутиным и заставил бы его взять назад кандидатуру Добровольского?» — спросил я Обер-Прокурора.

Н.П.Раев вспыхнул, очень смутился, что я угадал его мысль, и нерешительно ответил:

«Знаете, бывают иногда положения, когда приходится жертвовать собою ради общих целей... Я не смею просить Вас об этом, ибо хорошо сознаю, какому риску подвергаю Вас, как неправильно бы истолковалось Ваше свидание с Распутиным; но, если бы Вы нашли в себе решимость поехать к Распутину, то сняли бы великое бремя с плеч нашего доброго митрополита, который один борется с Добровольским и отбивается от нею».

«Господи, — подумал я, что за напасть такая!.. И А.Ф.Трепов находит, что я должен быть принесен в жертву В.Н.Львову; а теперь и Н.П.Раев требует от меня жертвы».

«Хорошо, — ответил я после некоторого раздумья, — верным службе нужно быть и тогда, когда это невыгодно. Если Вы и митрополит считаете этот выход единственным, то я поеду, ибо готов идти на всевозможные жертвы, лишь бы только не допустить в Синод проникновения таких негодяев, как Добровольский».

И я поехал... Я ехал с тем чувством, с каким идут на подвиг: я отчетливо и ясно сознавал, какое страшное оружие даю в руки своим врагам, но все эти опасения подавлялись идеей поездки, сознанием, что я еду к Распутину не для сделок со своей совестью, а для борьбы с ним, для защиты правды от поругания, что я жертвую

собой ради самых высоких целей... И эти мысли успокаивали меня и ободряли.

«Знаю, миленькой, я всегда все знаю, — Доброволов напирает; пушай себе напирает», — сказал Распутин.

«Как пушай, — возразил я, с раздражением, — разве вы не знаете, что это за негодяй; разве можно таких людей натравливать на Синод!.. Мало ли кричат о вас на весь свет, что вы наседаете на министров и подсовываете им таких мерзавцев. Вчера Добровольский был у меня, и я его прогнал и приказал не показываться мне на глаза».

«А потому и кричат, что все дурни... Вольно же министрам верить всякому проходимцу... Вот ты, миленькой, накричал на меня, а того не спросил, точно ли я подсунул тебе Добровола... А может быть, он сам подсунулся, да за меня спрятался... Ты, хоть и говоришь, миленькой, что он негодящий человек, а про то и не знаешь, что он человекоубийца и свою жену на тот свет отправил... Пушай себе напирает, а ты гони его от себя. Он и на меня напирает, и я сам не могу отвязаться от него»... Я был ошеломлен и чувствовал себя посрамленным.

Слова Распутина подтвердились буквально: Добровольский вскоре был арестован, будучи уличен в отравлении своей жены.

Предо мною было еще одно свидетельство доверчивости митрополита Питирима и того, что свидания с Распутиным вовсе не были так часты, как об этом кричали, ибо иначе Владыка не терзался бы из-за Добровольского, а путем личных переговоров с Распутиным убедился бы в том, что Добровольский лишь прикрывался именем Распутина так же, как и многие другие проходимцы, рассчитывавшие на то, что ни один из министров не отважится, путем личных расспросов Распутина, проверять их слова.

Как и следовало ожидать, этот факт моего личного посещения Распутина сделался известным членам Думы и закрепил за мною прозвище «распутиец», что и требовалось доказать тем, кому это было нужно.

Но, значит, министры действительно считались с Распутиным, если для того, чтобы отбиться от негодяев и проходимцев, пользовавшихся именем Распутина, посылали к нему своих товарищей для переговоров, вместо того, чтобы смело прогонять от себя этих проходимцев?..

Да, так может казаться, и во всяком случае такие факты, как мною приведенный, всегда будут иметь двусмысленную внешность. В действительности же здесь было иное... Здесь было, во-первых, выражение общего гипноза, созданного именем Распутина, а во-вторых — добросовестное желание оградить ведомство от его предполагаемых

посягательств на него; в-третьих, вполне понятное желание не допустить огласки факта, диктуемое верноподданныческим долгом.

ДЕНЬ СВ ИОАСАФА, 10 ДЕКАБРЯ 1916 г. ВЫЗОВ В ЦАРСКОЕ
СЕЛО К ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Было 4 часа дня 10 декабря. Я сидел за письменным столом и был погружен в свои обычные занятия. Раздался телефонный звонок и голос: «Сейчас будут говорить с Вами по дворцовому проводу»...

Я взволновался, ибо никогда ни с кем не разговаривал по этому проводу. У телефона была А.А.Вырубова, сказавшая мне:

«Императрица желает видеть Вас. Приезжайте сегодня к 6 часам вечера во дворец».

«Сомнений нет, — быстро пронеслось в моем сознании, — Распутин обманул меня, отрекшись от Добровольского; нажаловался на меня Императрице, и меня требуют к ответу».

Однако делать было нечего: быстро собравшись, я поехал в Царское Село.

Но странно: я не только не волновался, а, наоборот, чувствовал себя героем; я ехал с гордым сознанием решимости сделать то, чего не удавалось сделать другим. Я хотел сказать Ея Величеству, что не верил никаким сплетням о Распутине, никаким жалобам на вмешательство его в служебные дела министров, пока сам в этом не убедился; я хотел нарисовать картину самочувствия министра, вынужденного делать выбор между долгом совести и опасением вызвать недовольство Императрицы, и подбирал слова, которые бы сказали, что нельзя создавать таких коллизий, ибо иначе среди министров не останется ни одного честного человека, и министерские портфели будут захвачены такими же проходимцами, как Добровольский... Так я тогда думал; а теперь краснею за свои мысли.

Вот до чего был велик гипноз имени Распутина! С обычною лаской и чарующей приветливостью встретила меня Императрица и в этот раз.

«Вы знаете, кажется, все святые места в России, сказала мне Государыня, — и Я бы хотела посоветоваться с Вами, прежде чем куда-нибудь поехать... Сначала Я хотела бы, вместе с дочерьми, посетить Новгород, а потом Тихвинский монастырь. Вы, верно, знакомы с Новгородскими святынями: скажите мне, куда Я должна заехать, а Я запишу».

Я вспомнил, что сегодня день Св.Иоасафа, и в словах Ея Величества увидел одно из многочисленнейших чудес Святителя... Я был убежден и громко высказывал свои мысли, доказывая, что Их Величества до той поры не сделают верной оценки Распутина, пока не увидят подлинных старцев и подвижников, пока не предпримут путешествия по святым местам. И я молил Святителя внушить Их Величествам эту мысль и, потому, в словах Государыни Императрицы увидел ответ на просьбу, обращенную к дивному угоднику Божию.

Я хорошо знал Новгород. Сделав перечень Новгородских святынь, я добавил:

«В Десятинском монастыре проживает и до сих пор великая подвижница, 116-летняя старица Мария Михайловна. Я ездил к ней для назидания еще будучи студентом Университета... Она пользуется большим почитанием и слывет среди народа за прозорливую».

«Пожалуйста, запишите ее адрес: Я непременно заеду», — сказала Императрица, подавая мне карандаш и кусочек почтовой бумаги.

Беседа длилась долго и непринужденно. Императрица с большим интересом выслушивала мои рассказы о посещении мною всевозможных обителей, о встречах с подвижниками и старцами и выражала намерение объездить эти места, сказав:

«Как непонятно, что русские так любят ездить на заграничные курорты, вместо того, чтобы посещать святые места, каких так много в России... Там они скорее бы набрались и физического здоровья, и духовных сил».

Высказав мне благодарность за полученные указания, Императрица отпустила меня, сказав, что желает ехать в Новгород 12 декабря...

Только вернувшись домой, я вспомнил, что не спросил Государыню, должен ли я сопровождать Ея Величество в этой поездке, или нет. На мой телефонный запрос, А.А.Вырубова ответила, что Ея Величество желает придать своей поездке частный характер, так как едет на богомолье.

«Вот и Распутин! — подумал я. — Императрица даже не вспомнила о нем, как никогда и не вспоминала ни раньше, ни позже... Распутин также сказал мне правду о Добровольском, и мои предположения, что он нажаловался на меня Императрице, оказались навеянными той общей атмосферой, среди которой мы все жили, атмосферой лжи, непроверенных слухов, невысказанных сомнений и всякою рода подозрений». Как ни велика была вера Императрицы в Распутина, и как ни сильно было его влияние, но никто еще не отметил того, что

это влияние было ограничено тесными пределами области, отведенной «старцам», и никогда не выходило за эти пределы. Об этом свидетельствуют государственные взгляды Императрицы, нашедшие столь яркое отражение в переписке Их Величеств, какие могли принадлежать только мудрой Императрице, а не полуграмотному русскому мужику, хотя, высказывая свои взгляды, Государыня часто и ссыалась на авторитет Распутина, желая придать ему больший вес.

Вскоре после возвращения Ея Величества из Новгорода, А.А.Вырубова уведомила меня телеграммой о том впечатлении, какое произвело на Императрицу посещение старицы Марии Михайловны. Я не буду останавливаться на этом впечатлении, нашедшем отражение в «Письмах» Императрицы к Государю; скажу лишь, что в гостинных провинциальной новгородской аристократии много шептались по поводу того, что Ея Величество посетила, по моему совету, старицу, жившую в такой грязной келии... Передавая мне об этом, Императрица сказала:

«Меня все отговаривали от посещения старицы, находя, что ее келья, откуда она не выходила 40 лет, действительно очень грязна; но зато душа ее чистая, и Я никогда не забуду того часа, который провела у нее».

Эта поездка чрезвычайно освежила Императрицу. Последующие дни были заняты заготовлением тех подарков, какие Ея Величество, впоследствии, передала мне для вручения их как старице Марии Михайловне, так и в те храмы, какие посетила. Я отвез их в Новгород к праздникам Рождества Христова... Об этом скажу ниже, а сейчас вынуждаюсь сделать довольно большой перерыв, вызванный убийством Распутина 17 декабря 1916 года.

РУССКОЕ БОГОИСКАТЕЛЬСТВО

Всякий факт становится понятным только в историческом освещении. Вот почему, прежде чем перейти к обрисовке облика Распутина и к выяснению его роли в событиях, предшествовавших революции, нужно сказать несколько слов о русском богоискательстве вообще, а затем остановиться на религиозной атмосфере столичного общества, вызвавшей самую возможность появления Распутина.

Распутин — вовсе не случайное явление, а чрезвычайно сложный бытовой факт русской жизни, и говорить о Распутине без исторических предпосылок — нельзя.

По поводу жизни и смерти Распутина написаны сотни книг и десятки тысяч всякого рода статей; но в них нет

ни одной верной характеристики. Все отзывы о Распутине или грубо тенденциозны и стараются оправдать гонения, коим он подвергался, и в связи с этим преступления деятелей революции, или недостаточно глубоко разъясняют природу его действительного облика, или не учитывают того специального значения, каким он пользовался при Дворе. Важно сказать, чем он в действительности был; но не менее важно отметить и то, чем он казался в глазах Их Величеств и тех людей, которые считали его святым. Об этом или ничего не сказано в обширной литературе о Распутине, или сказано очень мало и недостаточно ясно, и этот пробел мне бы и хотелось восполнить. Однако же, прежде всего нужно остановиться на русском богоискательстве и его истории, точнее — на ее беглом очерке, ибо писать историю русского богоискательства — значило бы писать историю России, труд, невыполнимый в условиях нашей горемычной беженской жизни, где вместо библиотек и исторических материалов приходится пользоваться только скудными обрывками памяти...

Много было в России разных писателей, но едва ли не все они соблазнялись ароматом «неблагонадежности» и вносили в свои произведения струи революционного воздуха, не без удовольствия ими вдыхаемого. И только два из них были столько же гениальными, сколько и поистине русскими писателями и, к стыду русских читателей, прошли почти незамеченными.

Это были Павел Иванович Мельников и Николай Семенович Лесков. Первый из них написал повесть: «На горах», одно из величайших произведений русской литературы, настоящий русский эпос в прозе. Вот что пишет мне по поводу этой повести русский ученый А.В.Стороженко:

«К сожалению, русские читатели плохо оценили гениальное произведение Мельникова, а критика наших толстых журналов даже замолчала его, ибо останавливалась преимущественно на произведениях, отражавших революционные веяния... В эпической же повести П.И.Мельникова не было и не могло быть ничего революционного; иначе она не была бы эпической.

Русское богоискательство нашло в этой повести свое вернейшее отражение и представлено в лицах, со всею выпуклостью, свойственной великим мастерам слова. Картина захватывает все слои русского народа: и высшую помещичью интеллигенцию, и средний купеческий и чиновный круг, и простонародье. Господа Луповицкие, Мария Ивановна Алымова, уездный чиновничек, с прозрачной, полинялою дочкой, отставной солдат, диакон-пчеловод, разные бабы — все, по-своему, искали Бога и

оказались в хлыстовском «Корабле». Книжник и начетник Герасим Силич перепробовал что-то восемь или десять «вер» и пришел к заключению, что только бескорыстная любовь к обнищавшей семье брата может дать ему нравственное успокоение. Дуня Смолокурова родилась с порывами к неземным областям и «чтоб сердцем взлетать во области заочны», по выражению Пушкина, и чувствуя себя оскорбленной в своей чистой любви к Пете Самоквасову, поддавалась было влиянию хлыстовки Алымовой, но потом опомнилась, главным образом, благодаря беседе с простеньким, но верующим православным священником, убежала с «корабля» в мир, чтобы стать доброю женою раскаявшегося Самоквасова.

Обращаю особенное внимание на этот психологический фактор, на беседу с посторонним, простеньким священником, давшим Смолокуровой возможность посмотреть на «корабль» (читайте, на Распутина) *со стороны*.

Пред читателями повести Мельникова вскрывается самая сущность русской души, а не те ее революционные увлечения, которые столь лубочно, аляповато изображаются так называемыми «народниками» вроде Писаревых, Успенских, Помяловских, Добролюбовых, Решетниковых, Горьких и К°.

Войдя в живой круг изображенных в повести Мельникова русских богоискателей, мы можем, под его руководством, произвести анализ побуждений к богоискательству в русском народе.

Если мужиков и баб ведет к этому, главным образом, лень, стремление отмахнуться как-нибудь от ежедневного упорного труда, прожить как птица небесная, не сея и не собирая в житницы, на счет хлыстовского «корабля» или большевистской «коммуны», то интеллигенцию и тонко одаренную натуру толкают — мечтательность и те, прибавлю от себя, высокие душевные движения, какие были описаны мною в статье «Природа русской души. Русские проблемы духа», входящей в состав главы 36-й моих воспоминаний. В погоне за великим, русская интеллигенция теряла и то малое, что имела, мечтала о земном рае, не удовлетворяясь прозою жизни, и... потеряла Россию.

Достойна быть отмеченною и книга В.В.Розанова: «Апокалиптические секты», где приведено много интересных соображений о хлыстовстве и скопчестве. Книги Мельникова и Розанова — это введение к изучению богоискательства, для более полного ознакомления с которым надлежало бы остановиться, затем, на деятельности русских мартинистов 18-го века, последователей испанского жида Мартинеса Пасхалиса.

Надежным руководством могут служить сочинения М.Н.Лонгинова о Николае Ивановиче Новикове и его кружке, в котором играл, между прочим, видную роль профессор Шварц, прадед министра народного просвещения Александра Николаевича Шварца. Личности самого Н.И.Новикова, проф. Шварца, Семена Ивановича Гамалеи и других членов «Дружеского ученого общества» чрезвычайно интересны и привлекательны. Самым крупным человеком среди них был, конечно, Н.И.Новиков. Он стремился «просвещать» людей в смысле понятий французских энциклопедистов, но, в противоположность им, искал Бога и в просвещении видел способ привить людям человеколюбие, христианскую любовь к ближнему. Когда в 1773 году Новиков встретился с приехавшим в Петербург энциклопедистом Дидро, то его впечатление выразилось в следующих словах: «Он (Дидро) — умный француз; но ему, как неверующему, верить нельзя».

Императрица Екатерина, обладая чересчур сухим умом, не понимала Н.И.Новикова и подвергала его преследованию, вместо того, чтобы ему помогать. Между тем Новиков мыслил совершенно правильно:

«Все науки сходятся в религии: лишь в ней разрешаются их важнейшие проблемы. Без нее никогда не доучитесь, а притом и не будете спокойны», — вот его подлинные слова.

В уме Екатерины II можно было подметить интересный изгиб.

28 июня 1744 года она приняла православие, а того же 28 июня 1762 года — взошла на престол. Каким-то внутренним чутьем угадывая, что носитель короны в России по идее — ктитор православной русской церкви, она, вероятно, по совету с кем-либо из иерархов, постановила в день празднования восшествия ее на престол читать на литургии из Апостола 20 стихов 16-ой главы послания Ап. Павла к Римлянам, начинающейся словами: «Представляю вам Фиву, сестру нашу, диакониссу церкви Кенхрейской. Примите ее для Господа, как прилично святым, и помогите ей, в чем она будет иметь нужду у вас»...

Екатерине, очевидно, хотелось, чтобы в душах ее православных подданных сложилось о ней представление, как о диакониссе, по-русски — служительнице православной Российской Церкви, что вполне соответствует православной идее власти. Можно только удивляться необычайной проницательности императрицы Екатерины II. Но по отношению к Новикову ум ей изменил: богоискателя она стала гнать как политического преступника и, наконец, заточила его в Шлиссельбургскую крепость, где Новиков просидел 4 1/2 года, до воцарения Павла. Дело Новико-

ва — это одна из крупнейших ошибок умного и великого, в общем, царствования Екатерины. Желая опираться на религию, она загубила жизнь человека, стремившегося будить в соотечественниках религиозные чувства. Тогдашний митрополит Московский Платон считал Новикова одним из лучших своих чад и всецело был на его стороне. Напуганная французской революцией, Екатерина II не разобралась в деле.

Профессор Шварц стремился обосновать науку на религиозных началах и читал лекции о трех родах познания: любопытном, приятном и полезном. Корень полезного познания — вера, что Бог есть «руководитель к мудрости и исправитель мудрых» (Прем. Сол. 7, 15). «Всякая премудрость — от Господа, и с Ним пребывает во век» (Иис. Сир. 1, 1). К сожалению, Шварц очень рано умер (17-II 1784 г.).

Семен Иванович Гамалея — был глубочайший мистик, как то видно из речей его, напечатанных во 2-ой части «Магазина свободно-каменщического» (1784 г.). Гамалея происходил из Малороссии; кажется, имел много родственного со Сковородой.

Из Московских мартинистов интересны еще фигуры *Лопухина* — аристократа, посвятившего себя печатанию в собственной типографии духовно-нравственных книг мистического настроения; купца *Походяшина*, пожертвовавшего буквально все свое состояние на человеколюбивые предприятия Новикова; писателя *Лабзина*, очень популярного потом среди хлыстов.

Из малороссийских богоискателей выдаются в XVIII веке *Величковский* и *Сковорода*. Первый перевел «Добротолюбие», а второй оставил целую религиозно-философскую систему, о которой много писали харьковские ученые *Зеленогорский*, *Багалея* и др.

В царствование Александра I интересен петербургский кружок богоискателей, с Татьяной Филипповной Татариновой во главе. Она, помнится, была под влиянием писаний Лабзина. К кружку Татариновой принадлежал знаменитый художник *Боровиковский*, родом из Миргорода, ближайший земляк Гоголя. Его церковная живопись потому столь возвышенна и вдохновенна, что он сам в мистическом экстазе переживал душою те видения, которые потом переносил на стены храмов и в иконы. К Татариновой примыкала баронесса *Крюднер*, с которой был дружен Император Александр I. Здесь источник мистицизма Государя. В связи с мистическим настроением Александра I (в последние годы Его царствования) сложилась легенда о Его мнимой смерти и о старце Федоре Кузьмиче, скончавшем свои дни в Томске. Мистические

течения, связанные с Оптиной Пустынью, известны каждому образованному человеку, и распространяться о них нет нужды. Нельзя не отметить, впрочем, интересной личности Климента Зедергольма, сына немецкого пастора, протестанта, принявшего православие и иноческий сан, одного из самых преданных учеников знаменитого старца Амвросия Оптинского; Константина Николаевича Леонтьева, братьев Киреевских, Аксаковых, Хомякова и др. Хомякова можно изучить основательно по книге проф. Завитневича, о которой имеется, между прочим, замечательный отзыв священника Флоренского, в «Богословском Вестнике», напечатанный незадолго до революции. Священник Флоренский высказывает ту мысль, что, восстанавливая патриаршество, мы идем к восточному папизму, с его догматом непогрешимости папы «ex cathedra», мысль, уже неоднократно мною высказываемую. Нашло свое отражение русское богоискательство и в сочинениях Мережковского, Розанова, Булгакова, Бердяева, князей Трубецких, Сергея и Евгения, и, конечно, также у Владимира Сергеевича Соловьева, поднявшегося в своих полетах мысли на такую высоту, какая дала ему возможность написать «Три разговора», — произведение исключительное по проникновенности и интуиции.

Тема о русском богоискательстве до того обширна и необъятна, а материалов для ее изучения, заключающихся лишь частично в светской литературе и сосредоточенных, преимущественно, в литературе святоотеческой, так много, что, конечно, не в беглом очерке обозреть ее.

Я наметил лишь общие вехи того пути, каким шли верующие люди в поисках Бога, точнее, литературу по этому вопросу, к которому возвращаюсь в главе 36-ой, указывая начальные и конечные этапы этого пути.

РЕЛИГИОЗНАЯ АТМОСФЕРА ПЕТЕРБУРГА ПРЕДШЕСТВЕННИКИ РАСПУТИНА — АРХИМАНДРИТ МИХАИЛ, СВЯЩЕННИК ГРИГОРИЙ ПЕТРОВ И КОСНОЯЗЫЧНЫЙ МИТЯ

Какова же была религиозная атмосфера Петербурга в момент появления Распутина? Что представляла собою столичная знать, аристократия, о которой провинция всегда так гордо отзывалась, не находя для нее ни одного доброго слова? С духовной стороны столица была и лучше, и чище провинции. Религиозная атмосфера столицы резко отличалась от провинциальной. В то время как эта последняя отражала определенный индифферентизм, жизнь столицы, наоборот, представляла исключительно благодарную почву для духовных посевов. Петербургская

аристократия не только чутко отзывалась на религиозные вопросы, но искренно и глубоко искала в разных местах удовлетворения своих духовных запросов.

Салоны столичной знати точно соревновались между собою в учреждении всевозможных обществ и содружеств, преследовавших высокие религиозные цели. Так возникли Общество распространения Священного Писания в России, Христианское содружество молодежи, Общество распространения христианского просвещения, Общество Единения, Кружок имени княжны М.М.Дондуковой-Корсаковой, Братство Святителя Иоасафа и мн. др. Во главе каждого из этих обществ стояли представители высшего столичного общества, объединявшие вокруг себя лучших людей столицы. В притонах нищеты, среди чернорабочих Петербургской гавани, в подвалах и трущобах, в тюрьмах и больницах, *всегда*, и я это подчеркиваю не как случайное явление, можно было встретить представителей столичной знати, с евангелием в руках и всякого рода приношениями... Я не упоминаю уже о тех бесчисленных «духовных беседах» у графини С.С.Игнатьевой, баронессы Корф, камергера Е.Г.Шварца, А.Брянчанинова, Ф.Пистолькорса и др., какие заменили собою карты, танцы, журфиксы и какие сделались обычною принадлежностью каждого салона, привлекая не только интеллигенцию, но и духовенство... Эти салоны были центром, объединявшим высшую иерархию с ее столичною паствою, средоточием религиозной мысли, барометром религиозного настроения, очень чутко отзывавшимся на каждое религиозное явление или событие церковной жизни. Митрополиты и епископы, члены Государственного Совета, сенаторы, крупные государственные и общественные деятели, писатели и литераторы были не только обычными посетителями этих салонов, но и активными деятелями, выступавшими со своими докладами и рефератами на религиозные темы... Нужно ли говорить о том, что при этих условиях ни одно явление церковной жизни не проходило мимо без того, чтобы не найти своей оценки и отражения в этих салонах! Излишне добавлять и то, что такое отражение было часто уродливым и свидетельствовало об изумительном незнакомстве столичного общества с церковною областью и о религиозном невежестве.

Вопросы христианского социализма привлекали в то время особое внимание Петербургского общества, и имя доцента Духовной академии, архимандрита Михаила (Семенова), выпускавшего серии своих брошюр, под общим заглавием «Свобода и христианство», пользовалось чрезвычайной популярностью. Эти брошюры ходили по рукам, читались нарасхват и производили сильнейшее впечатле-

ние на тех, кто не прозревал их сущности и не догадывался о намерениях автора, еврея, принявшего православие, впоследствии перешедшего в старообрядчество, с возведением в сан старообрядческого епископа, и убитого при крайне загадочной обстановке...

На смену ему явился священник Григорий Петров. Трудно передать то впечатление, какое он произвел своим появлением. Залы, где он читал свои убогие лекции, ломились от публики; многотысячная толпа молодежи сопровождала каждый его шаг; знакомства с ним искало как высшее общество, так и широкая публика; газеты были переполнены описаниями его лекций; издательство Сытина не жалело ни денег, ни бумаги для распространения его «сочинений» в народе; фотографические карточки и портреты его красовались в витринах магазинов на Невском, и «общественная» мысль была погружена в созерцание его облика, создавая ему небывалую славу. Даже такие авторитеты, как незабвенный, великий пастырь земли русской, о.Иоанн Кронштадтский, не могли поколебать той почвы, на которой утвердился бездарный Григорий Петров, человек неумный, необразованный, этот типичный «оратор», умевший трескучими фразами прикрывать свое скудоумие. А между тем его «сочинения», в виде мелких брошюр, с громкими заглавиями, но крайне тощим содержанием, расходились в миллионах экземпляров, создавая ему столько же славу, сколько и состояние; его газетные фельетоны печатались на страницах повременной печати, а лекции, как я уже говорил, осаждались публикою, жадно прислушивавшейся к каждому его слову.

В чем же была причина такого успеха Григория Петрова? Она очень несложна. Он пел в унисон с теми, кто был хозяином общественного мнения, кто, сидя за кулисами, создавал его и управлял им. Лейтмотивом его лекций и сочинений был призыв к счастью, к царствию Божию на земле, какое он ставил в зависимость от переустройства социальных форм жизни, достигших, по его мнению, почти полного совершенства за границей... Было ли такое убеждение продуктом его собственного недомыслия, или же Петров сознательно осуществлял задания интернационала — сказать трудно; но ясно, что только немногие прозревали действительную сущность его деятельности; большинство же тянулось к нему так же, как и к архимандриту Михаилу, как тянется к каждому, от кого надеется услышать новое слово или получить ответ на свои сомнения и запросы... И не виноваты эти темные люди, к какой бы среде ни принадлежали, если в поисках этих ответов наталкивались на ложных пророков, посрамлявших их веру...

Слава священника Петрова была недолговечной. Она стала быстро падать, столько же потому, что общество увидело в нем такого же христианского социалиста, каким был и архимандрит Михаил, только менее глубокого и менее искреннего, заимствовавшего свои мысли из сочинений Функе и других немецких источников, столько и потому, что, одурманенный славой, он стал посягать на исконные верования русского народа. Это последнее обстоятельство отшатнуло от него лучших и привлекло худших, именно тех, кто рассчитывал использовать славу Петрова для революционных целей. Такая попытка не удалась, ибо Святой Синод вовремя снял с него священный сан, после чего личность Петрова утратила интерес даже для революционеров. Разочарованный теориями христианского социализма, оскорбленный в своих надеждах на архимандрита Михаила и священника Петрова, религиозный Петербург стал искать ответов на свои сомнения и духовные запросы в иной плоскости и вступил на почву народной веры, не знающей никаких религиозных проблем, не сталкивающейся ни с какими противоречиями, не связанной ни с какою наукою... Сделать это было тем легче, что в представителях такой веры не ощущалось недостатка... И скоро эти представители, доньше вращавшиеся среди Петербургской бедноты и богомольных торговцев столичных рынков, или посещавшие известного Петербургу высотой религиозной настроенности инспектора Духовной академии архимандрита Феофана, перешагнули пороги великосветских салонов и гостиных. Наиболее почетное место среди них занял косноязычный Митя. Это был совершенно неграмотный крестьянин Калужской губернии, и притом лишенный дара речи, издававший только нечленораздельные звуки. Тем не менее, народная молва наделила его необычайными свойствами, видела в нем святого, и этого факта было достаточно для того, чтобы перед ним раскрылись двери самых фешенебельных салонов. В тех звуках, какие он издавал, безуспешно стараясь выговорить слово, в мимике, мычании и жестикуляциях окружающие силились угадывать откровение Божие, внимательно всматривались в выражение его лица, следили за его движениями и делали всевозможные выводы. Увлечение высшего общества «Митей» было так велико, что, в порыве религиозного экстаза, одна из воспитанниц Смольного института благородных девиц предложила ему свою руку и сердце, какие «Митя», к ужасу своих почитателей, и принял. Насколько, однако, девица, вышедшая замуж за юродивого, засвидетельствовала свою подлинную религиозность, настолько «Митя», женившись на воспитаннице Смольного института, расписался в об-

ратном и похоронил свою славу. Его признали обманщиком и мистификатором, и он скоро исчез с Петербургского горизонта.

Я нисколько бы не удивился, если бы меня спросили: неужели же высший свет Петербурга состоял из сумасшедших людей, способных увлекаться даже такими типами, как косноязычный «Митя»? Неужели уровень духовного развития русского общества был так низок, что не позволял ему различать действительную святость от мнимой!.. Что это, религиозное невежество, некультурность или самодурство?! В чем причина такого непонятного явления, что образованные люди, принадлежащие к высшему обществу, и даже представители высшей церковной иерархии, митрополиты и епископы, преклоняются перед неграмотным мужиком, в котором видят полноту нравственных совершенств и мудрость даже тогда, когда этот мужик не в состоянии произнести ни одного слова, а, будучи косноязычным и глухонемым, издает только нечленораздельные звуки?!

Причина этого явления в том, что этот мужик стал известен Петербургу как *юродивый*.

В природе русской жизни есть много явлений, совершенно неизвестных западной Европе. Впрочем, «юродство во Христе» настолько сложное явление, что даже в России не всем известно. Спотыкаются в определении этого понятия даже ученые богословы, и это понятно, ибо явления духовной жизни не укладываются ни в какую науку, а стоят *над* нею. Чтобы понять сущность того явления, необходимо сделать психологический анализ самой природы русской души и остановиться на *русских* проблемах духа. Я подчеркиваю слово «русских» потому, что, хотя природа души и одинакова у всех людей, как созданий Божиих, однако проблемы духа различны... Одни довольствуются малым, другие более требовательны к себе: от этого и духовные устремления разных людей различны, и проблемы у них разные.

ПРИРОДА РУССКОЙ ДУШИ. РУССКИЕ ПРОБЛЕМЫ ДУХА

Истина — едина. Путь к Истине — один. В разные времена разные люди различными способами восходили к Богу, и потому принято думать, что таких путей много. Это — неверно.

Путь к Богу — *Один*.

Какими бы извилистыми тропинками, сквозь толщу греховных наслоений, сквозь житейские дебри, ни пробивались люди навстречу к Богу, но, если они выберутся

на прямую дорогу, то непременно встретятся друг с другом... А, встретившись, будут видеть одинаковые картины, испытывать одинаковые впечатления, будут знать одно и то же. И то, что видели и знали и испытывали впереди идущие, много веков назад, в глубочайшей древности, то увидят, узнают и станут испытывать и люди нашего времени, идущие позади них. И ни время, ни пространство, ни расовые и национальные особенности, ни различие верований не изменит этих картин и видений, впечатлений и ощущений, ибо Истина — *Едина, Вечна и Неизменна*.

Пока люди находятся каждый на своей тропинке и еще не вышли на прямую дорогу к Богу, они Истины не видят и Ее не знают... Они настолько далеки от Нее, что только наиболее чуткие люди верят в Нее и инстинктивно стремятся к Ней, ищут Ее и не доверяют себе... Огромное же большинство людей довольствуется выводами своего разума и принимает за Истину то, что открывается их полю зрения... Они не догадываются даже, что со своего места видят ровно столько, сколько видит человек, сидящий на дне глубокого колодца... Они и не могут знать больше, ибо их разум является пока единственным проводником приобретаемых ими познаний, а вера еще враждует с ним...

Но вот они выбрались из своих дебрей, вышли на прямую дорогу и вереницею потянулись к Богу... По мере движения вперед, им открываются все новые и новые картины; они знакомятся с ощущениями людей, шедших этим путем до них; опытно проверяют их впечатления и рассказы, выводы собственного разума и науки и начинают *верить* тому, чему раньше не верили. Они знают, что то, что еще не попало им навстречу при первом повороте, то они увидят при втором, и терпеливо ждут оправдания своей веры, какая все более укрепляется и все более колеблет выводы разума и науки, оказавшиеся, после проверки их личным опытом, неверными. Прежние самонадеянность и самоуверенность сменяются смирением; увеличивается доверие к Промыслу Божию; наступает спокойствие... Прошрое, причинявшее столько боли и страданий, создававшее такой мучительный разлад с собою, отражавшее на самом деле только страх одиночества, все жертвы, принесенные ими, чтобы разорвать с этим прошлым и выбраться на дорогу к Богу, — все это забыто. Они более не одиноки. Они счастливы, что выбрались на эту дорогу, и, дойдя до первого привала, успокаиваются на этом этапе и... останавливаются. Они *нашли* себя. В условиях новой жизни, они не чувствуют более душевного разлада; им хорошо; они задерживаются на этом этапе, и нет у них потребности идти дальше...

Таковых большинство.

Но есть люди, которые не удовлетворяются первым этапом, а идут дальше. Для них недостаточно *найти себя*: они стремятся *найти Бога*. Они ищут не своего, как бы возвышенно оно ни было, не душевного спокойствия, как результата компромисса между небом и землею, а *правды*, какая требует активной борьбы, истины, не знающей никаких компромиссов... Они успокаиваются только тогда, когда найдут Бога, когда будут жить и растворяться в Нем.

Стремление выбраться из дебрей житейского омуты на путь к Богу присуще каждому человеку, и нет той души, которая бы не слышала зова Божьего. Но отношение к такому зову у всех людей разное. Одни вовсе не откликаются на этот зов; другие отзываются и идут за ним, однако только до первого поворота, до первой встречи с тем, чему нужно верить и против чего восстает их разум, на который они привыкли полагаться. Здесь они останавливаются и не идут дальше... Доверие к собственному разуму и недоверие к вере не пускают их вперед... Они слышат звуки небес, но их не постигают; они видят впереди идущих, но не понимают ни природы их стремлений, ни их точек зрения, обесценивающих самый мир и его задачи. Но это их не беспокоит. Они уживаются с противоречиями и часто их не замечают.

Совершенно исключительное место среди людей, ищущих Бога, занимает русский человек. Только у русского эти поиски Бога превращаются в *самостоятельное и важнейшее дело жизни, несовместимое ни с каким другим делом*; только у русского это дело является самоцелью, обесценивающей все прочие цели, опрокидывающей весь мир, со всеми его задачами... И в этой сфере исканий Бога ни один народ не проявляет такой изумительной *добросовестности*, как русский.

Эта добросовестность сказывается не только в области разрыва с прошлым, как бы дорого оно ни было, как бы крепки ни были связи с ним, не только в области достижения новых целей, как бы трудны они ни были, но и в выборе способов, посредством которых эти цели достигаются. Русская душа неохотно покидает свое место на земле и, слыша зов Божий, не сразу откликается на него. Но, если раскачается и сорвется со своего места, то уже ничто не удержит ее полета к небу... Она будет лететь до тех пор, пока не сбросит с себя не только мирское иго, под бременем которого изнемогала, но и свою земную оболочку, пока не долетит уже до той предельной высоты, где, лицом к лицу, будет говорить с Богом.

Этот процесс восхождения русской души к Богу нашел, к сожалению, весьма бледное отражение в русской ли-

тературе и выясняется гораздо яснее из святоотеческих творений, этой бесценной сокровищницы потустороннего знания, так мало, однако, известной людям.

В своем полете к Богу русская душа ни на шаг не уклонялась от путей, указанных величайшими подвижниками древности, и часто даже оставляла их позади себя.

Вот схема восхождения русской души к Богу:

С момента вступления на путь к Богу, или иначе, с момента своего обращения к Богу, русский резко порывает с прошлым.

У него уже нет середины... Или все, или ничего.

С этого момента все прошлое становится ему не только не нужным, но и мешает, и пугает его.

Он начинает оценивать окружающее с недостижимых точек зрения, и весь мир, со всеми своими задачами, кажется ему бессмыслицей.

Зачем люди занимаются пустяками, думает он, зачем начинают с конца и перестраивают свою жизнь в соответствии с требованиями времени, когда время предъявляет все более жестокие требования, вызывая у лучших людей коллизии между совестью и долгом и выбрасывая их за борт жизни?! Разве зло так неотделимо от жизни, что в жертву ему нужно перестраивать весь уклад жизни, приспособляясь к его требованиям, разве нельзя христианизировать жизнь и ввести ее в русло, указанное Богом?! Но отчего же никто не делает этих попыток?.. Оттого, что никто не доходит до конечных этапов, а с полпути поворачивает назад; оттого, что никто не хочет проникать в ту область веры, где живет Истина, с какою все встретятся за гробом, но какую можно познать еще на земле; оттого, что никто не думает о спасении и загробную жизнь считает выдумкой...

И весь мир кажется ему в величайшей опасности, и он бросается спасти его от гибели... Отсюда это тяготение русского к широким масштабам, это характерное свойство поучать других, переставлять чужие точки зрения, сочинять проекты спасения, разрешать мировые проблемы...

Попытки эти не достигают цели; душевный разлад растет; одиночество увеличивается; начинается процесс углубления в сущность своих личных переживаний, и с каких бы сторон он ни рассматривал себя и окружающее, он приходит к выводу, что нужно начинать с самого себя. Но этот вывод не только обесценивает в его глазах его собственную жизнь и то дело, какое он делает, но и заставляет его видеть в окружающем повсюду расставленные вражеские сети, каких не замечали другие, и с неудержимою силою выталкивает его из мира...

Так возникли монастыри, эти излюбленные убежища русской одинокой мысли, эти земные очаги небесной правды и истины, приюты страдающих душ, не нашедших места в мире.

«Пусть считают меня эгоистом, думающим только о собственном спасении, — говорит русский, разрывая свои связи с миром, но гораздо важнее закладывать верный фундамент жизни, чем строить здание на неверном».

И с этого момента русская душа, не стесняемая мирскими заботами, стремительно поднимается к небу... Яснее чем когда-либо она видит, что на земле есть только одно осмысленное дело, и это дело заключается в систематической и непрерывной работе над совершенством своего духа...

Следить за состоянием своей духовной сущности, изучать природу своих страстей и их источник, вести борьбу с ними, обостряя свое духовное зрение и улучшая свою нравственную природу, отдаться всецело «стяжанию Святого Духа», как говорил Преподобный Серафим Саровский, — вот что нужно делать каждому человеку, вместо того, чтобы заниматься пустяками и делать то дело, какое кажется нужным только потому, что люди злы и не желают быть лучше. Когда все это поймут, тогда увидят, как много из того, что они делают, не нужно делать и как много нужного они не делают. Тогда явятся другие дела, и можно будет выйти в мир и вместе работать. А теперь нужно идти все вперед и набираться новых знаний; нужно все дальше и дальше убегать от людей и мирской заразы...

И он идет и идет, и все глубже уходит в себя, и перед ним открываются все новые горизонты, новые цели и задачи, новые способы достижения их, новые понятия и новые точки зрения...

Он сам делается новым, испытывает неизведанные раньше ощущения, новые элементы радости и горя, какие переставляют все прежние точки зрения его на жизнь и ее задачи на свое место в ней, на отношение к окружающему и отношение последнего к нему...

Он постигает уже слова Апостола Павла: «кто во Христе, тот *новая тварь*; древнее прошлое, теперь все *новое*» (2-е Посл. к Коринф., гл. 5, ст. 17). Ему кажется непонятным интерес людей к делу, какое не может быть продолжено в пределах вечности; кажется страшным это равнодушие их к загробной участи; его путает их беззаботность, это общее желание укрыться от скорбей и слез, от всего, что народ так глубоко и метко называл «посещениями Божиими», эта погоня за славой, за радостями и благами жизни... Он плачет, когда другие смеются... Он знает цену земным радостям и бежит от них; ему тяжело,

когда его приобщают к ним; еще тяжелее, когда хвалят и превозносят, привязывают к земле и удаляют от неба...

«Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?.. Или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Матф., гл. 16, ст. 26) — слышит он слова Христа Спасителя.

Но, приобретая *новое* знание, он связывает себя и новыми обязательствами к Богу. Чем выше он поднимается, чем более возрастает, тем ближе приближается к Богу, тем глубже проникает в его душу свет Божий, озаряющий глубочайшие недра ее, и перед ним раскрывается во всем своем необъятном значении и ужасе величайшая Жертва на Голгофе, от которой, в страхе за свое преступление, содрогнулся даже тот мир, который пригвоздил к Кресту Божественного Страдальца.

Принесенные им жертвы, бегство из мира, отказ от земных благ, почестей и славы, добровольная нищета, одиночество монастырской келии и затвор, все это уже перестает удовлетворять чуткую душу русского, и он ищет уже подвигов и личных страданий, радостно идет им навстречу, считает потерянным для Бога тот день, когда не плакал, сокрушается, когда не страдает, счастлив, когда изнемогает... Он чувствует уже потребность приобщиться к страданиям Христовым...

Здесь, на этом месте, он расстается и с теми немногими, каких встретил, дойдя до него. Те остались, а он пошел еще дальше.

Мир, со всеми своими сокровищами и соблазнами, остался уже далеко позади него... внешние связи порваны, привязанностей нет больше, и ему не нужно вести борьбы с ними... Но у него остались еще природные страсти, наследственные и приобретенные, и он вступает с ними в невидимую брань и безжалостно вырывает одну за другой, побеждая «естества чин», пока не достигнет полной победы и превратится в небесного человека, или земного ангела... Этот удивительный процесс превращения, духовного обновления и перерождения самой природы человека нашел свое отражение в многотомном творении, известном под названием «Добротолюбие», где с изумительною правдою, какую каждый человек может проверить на личном опыте, переданы малейшие изгибы душевных движений и ощущений человека, стремящегося к Богу, и указаны пути, приемы и способы достижения этой цели...

Трудно было дать этому творению более точного заглавия, ибо, действительно, с того момента, когда человек вступил на путь борьбы с собственными страстями и увидел свою собственную греховную скверну, с этого момен-

та он сделался снисходительнее к немощам других и строже к самому себе, сделался добрее, приобрел любовь к доброте...

Но и на этом этапе чуткая русская душа, с природным запасом добра, растворенного жалостью, не останавливается, а летит и летит все выше, пока не достигнет предельных высот, пока не долетит до Самого Бога и проникнется всепрощением и любовью...

И очищенная личными страданиями, обновленная и возрожденная, с небесными точками зрения на окружающее, она выходит из затвора и возвращается в мир не судить и карать, а спасать его своею любовью.

Здесь подвиги и жертвы, перед которыми в изумлении останавливается человеческая мысль, перед которыми содрогалось само Небо, останавливая земные стихии, запрещающая им вредить подвижникам, приносившим себя в жертву Богу.

Казалось бы, здесь предел достижений, и дальше идти некуда...

Но русская душа идет еще дальше.

Она на высоте, откуда всем видна. Она желает укрыться и бежать от славы людской... Эта слава заслоняет образ Распятого; она обесценивает в глазах русского подвижника все его достижения и принесенные жертвы... Он ищет страдания и боли, чтобы сораспяться Христу и тем хотя отчасти заглушить сознание той виновности перед Богом, какое не позволяет ему забывать о Голгофской жертве, делает неспособным испытывать какие-либо радости на земле... Он все отдал Богу, пожертвовал всем, отказался от всего, сбросил с себя не только греховное иго, но и свою земную оболочку, превратился в земного ангела; а взамен получил только сторицею, вкусил только блаженство, изведal только небесные ощущения, и его стали считать за ангела, за святого, и слава земная стала для него еще более тяжким игом, чем его прежнее греховное бремя...

И он поднимается еще выше и достигает уже таких высот, откуда только тонкое духовное зрение может его заметить... Большинство же не замечает его, не понимает, не постигает... Он надевает на себя маску безумия; навлекает на себя гонения и преследования, подвергает себя всевозможным истязаниям и нравственным пыткам, идет к Богу не проторенным путем, а выбирает самый трудный, каким шли лишь немногие избранники. Это — *юродивые во Христе*. Это люди с наиболее тонкой душевной организацией, наиболее глубоко чувствующие и мыслящие. Это — предел святости, доступной человеческим силам, предел достижений...

В основе этого величайшего из подвигов, доступных человеческим силам, лежит прежде всего сознание той страшной виновности перед Богом, которая не только не позволяет чуткой душе пользоваться никакими благами на земле, но и обязывает ее страдать и сораспинаться Христу. «И воздух тот, которым дышишь Ты, считаем мы стяжанием неправым», — вот идея этого подвига. Сущность же его заключается в добровольном принятии на себя поношений и поруганий в целях довести смирение, незлобивость и кротость до предельной высоты и развить в себе любовь даже к своим врагам и гонителям. Это — беспощадная борьба не с грехом только и страстями, а с их источником, борьба с самолюбием в его тончайших, неуловимых проявлениях. В сущности говоря, даже лучшие, наиболее нравственно развитые люди не замечают того, что основывают все содержание своей жизни и характер взаимоотношений с другими на отношении лично к себе. Жить так, чтобы снискать себе расположение и любовь окружающих, прожить жизнь так, чтобы оставить после себя добрую память, все это азбука общежития, с которой знакомятся, вступая в жизнь... Вот почему даже лучшие, наиболее смиренные люди, далекие от славолубия, гордости, или тщеславия, в то же время чрезвычайно чувствительны к тому отношению, какое к ним питают окружающие. Стремление заслужить любовь окружающих, приобрести доверие и уважение со стороны возможно большего числа не только не считается греховным, а, наоборот, признается естественным и является часто одним из главных побудительных мотивов к деятельности, дающей этим людям наибольшее нравственное удовлетворение. Отсюда понятно, что малейшее недоброжелательство, незначительная клевета, недостаточное признание их нравственной стоимости, заставляет этих людей, а таких большинство, опускать руки, терять точки опоры и нравственное равновесие и чувствовать себя заброшенными и покинутыми... Настолько велика зависимость среднего человека от общественного мнения.

Психология таких гигантов духа, как «юродивые», совершенно иная.

Они знают, что в основе даже такого чувства, как нравственное удовлетворение, лежит часто самолюбие; что нередко нравственное удовлетворение черпается из нечистых источников и служит не наградой совести, а результатом компромиссов с нею. Они видят, какую цену и путем каких нравственных преступлений приобретает часто любовь со стороны других. Угождение

людским страстям, непротивление злу, поругание правды и подмена ее требованиями момента являются часто той почвой, которая создает наибольшую популярность между людьми, питает их тщеславие и самолюбие, рождая все большую зависимость от общественного мнения. Не замечая того, насколько такая почва шатка, люди вступают на нее тем охотнее, чем громче рукоплескания толпы, и скоро делаются жертвой этой толпы, отнявшей у них, взамен своих рукоплесканий, способность даже незначительного нравственного сопротивления. Самолюбие все глубже погружает их в сферу нравственного безразличия, и мнение окружающих становится законом их совести...

«Юродивые», наоборот, думают не о том, чтобы снизить себе любовь и расположение, или оставить добрую после себя память, а о том, чтобы прожить жизнь без малейших уступок неправде, и потому не только не считаются с общественным мнением, но бросают ему вызов, вызывают его на поединок и... всегда побеждают. Побеждают потому, что они неуязвимы и ничего уже не должны миру, ибо уже разорвали все связи с ним. Здесь источник того дерзновения, той смелости и силы, с какими «юродивые» обличают грех и борются с неправдой; здесь и причина того, что их так боится русский народ; здесь, наконец, и причина их чрезвычайных успехов... Одного появления «юродивого» бывает часто достаточно для массового пробуждения от греха, для нравственного возрождения греховного общества... Кто не знает юродивого Василия Блаженного, перед которым трепетал даже Царь Иоанн Грозный?!

Но, выполняя свою великую общественную миссию, юродивые преследуют и цели личного нравственного совершенствования... Само собою разумеется, что обе эти цели лежат в одной плоскости, и я бы не останавливался на каждой из них в отдельности, если бы достижение этих последних целей не связывалось бы с некоторыми особенностями, свойственными только «юродивым во Христе». Какими способами ведут юродивые борьбу с грехом? Эти способы и по форме, и по содержанию резко отличаются от обычно практикуемых. В противоположность тем, кто связывает успех борьбы с высотой своего личного авторитета, хотя бы такая высота была и наружной, «юродивые», наоборот, стараются казаться грешниками, скрывая от окружающих свою действительную нравственную высоту. Вот почему, когда они выступают в роли обличителей греха, их встречают насмешками, поруганиями и издевательствами. Им не верят, не признают за ними права обличать других, их гонят и преследуют до тех пор, пока не обнаружится вся дивная красота их нравствен-

ного облика, так тщательно скрываема за обманчивую внешностью, пока Сам Бог не засвидетельствует их святость... Тогда одно вскользь брошенное слово их творит чудеса и перерождает грешника; но тогда же юродивые, скрываясь от славы людской, удаляются туда, где их никто не видит, где никто не считает святыми, чтобы в тишине и молитве снова предаваться тем подвигам, перед которыми в изумлении всегда останавливалась человеческая мысль.

Для чего это нужно, для чего эти добровольные бичевания и поругания, сознательно и умышленно вызываемые, эта маска безумия, какую носят «юродивые», эти суровые способы борьбы с личными и чужими грехами?!

Ответы на эти вопросы всегда останутся непонятными для тех, кто не представляет себе конечных пределов сознания своей виновности перед Богом, исключающих возможность пользоваться даже малейшими благами жизни при мысли о Распятом за нас Христе, приобщиться к страданиям Которого является уже потребностью чуткой, не знающей никаких компромиссов, совести. Что дал Христос миру и что Он получил от мира, от людей?! Спасителю негде было преклонить Свою усталую голову; Он видел вокруг Себя измену и предательство; нес на Своих плечах грехи всего мира; подвергался преследованиям и гонениям, поношениям и надругательствам, пока не был предан мучительной казни на кресте, одно представление о которой отнимает у чуткой совести право стоять в стороне от Искупительной Жертвы, а обязывает к страданиям, как выражению ее покаяния, виновности перед Богом. Могу ли я предаваться веселью и радости при виде страданий моих отца и матери?! А юродивые, равно как и прочие подвижники, *всегда* видели страдания Христа и *никогда* их не забывали. Распятый Христос всегда был перед их глазами, всегда был живым укором, всегда звал к Себе на Голгофу... И чем живее они слышали этот зов, тем радостнее шли ему навстречу и шли тем путем, какой всегда и во все времена был самым трудным и тяжелым. Легко идти ко Христу тем, кто имеет спутника, знающего дорогу, или не встречает препятствий на пути, и неизмеримо труднее двигаться между скал и ущелий, наполненных дикими зверями, готовыми в каждый момент растерзать вас. И юродивые шли именно этим последним путем, ибо считали греховным всякий иной путь... Легко казаться святым тем, кого признают таковым; но неизмеримо труднее удерживаться на определенной нравственной высоте тем, за кем не признается даже малейших нравственных качеств. «Юродивые» своим поведением и отношением к окружающим умышленно создавали себе

такую почву, какая до крайности осложнила их борьбу с их личными грехами, но в то же время доводила эту борьбу до конечных пределов, искореняющих самый источник греха. Они стояли уже на такой нравственной высоте, какая обязывала их вести борьбу с общественным мнением не тогда только, когда это мнение было против них, но и тогда, когда оно было за них, и эта последняя борьба была еще более ожесточенной, упорной и настойчивой... В первом случае была борьба с чужими грехами, во втором — борьба с личными страстями. И, убегая от славы людской, удаляя от себя поводы для признания за ними даже обычных качеств среднего человека, эти чистые люди жили в атмосфере гонений, насмешек и издевательств, подвергались поруганиям и побоям, крестясь крещением Христовым, разделяя чашу Христа...

Короче сказать, «юродивые», в противоположность грешникам, носившим личину святости, были святыми, носившими личину грешников.

Жизнь этих великих людей отвечает на вопрос, почему в Нагорной Проповеди отведено последнее место заповеди, обещающей блаженство тем, кого «поносят и ижденут и рекут всяк зол глагол». Потому, что для способности перенести клевету нужно выполнить сперва все предыдущие заповеди. Нужно ли говорить, что под видом святых, носивших личину грешников, появлялись грешники, носившие личину святости, и что на этой почве создавалось много мистификаций и обманов со стороны тех, кто эксплуатировал веру народа!.. Нужно ли доказывать, что такое сложное явление, как «юродство во Христе», требующее для распознавания не только духовных познаний, но и духовного опыта, могло ввести в заблуждение даже иерархов, не говоря уже о светской интеллигенции, не сведущей в духовной литературе!

Вот почему на поставленный в начале главы вопрос я отвечаю определенным утверждением, что петербургское общество, во главе со своими иерархами, отнеслось с доверием даже к косноязычному «Мите» не потому, что было духовно слепо, а, наоборот, потому, что чрезвычайно чутко отзывалось на всякое явление религиозной жизни, предпочитая ошибиться, приняв грешника за святого, чем наоборот, пройти мимо святою, осудив его.

ПОЯВЛЕНИЕ РАСПУТИНА СТАРЧЕСТВО И ЕГО ПРИРОДА

Как, однако, ни печально кончилась карьера Мити Косноязычного, тем не менее столичное общество несколько не было поколеблено в своем отношении к существу, ха-

рактеру и выражениям «народной» веры. В ней, и только в ней, видели разрешение религиозных сомнений и ответы на вопросы духа. И когда на горизонте Петербурга появился Распутин, которого народная молва называла «старцем», приехавшим из далекой Сибири, где он, якобы, прославился высокою подвижническою жизнью, то общество дрогнуло и неудержимым потоком потянулось к нему. Им заинтересовались и простолюдин, и верующие представители высшего общества, монахи и миряне, епископы и члены Государственного Совета, государственные и общественные деятели, объединяемые между собою столько же общим религиозным настроением, общими религиозными сомнениями, сколько, может быть, и общими нравственными страданиями и невзгодами... Славе Распутина предшествовало много привходящих обстоятельств и, между прочим, тот факт, что известный всему Петербургу высотой духовной жизни и духовным опытом архимандрит Феофан будто бы несколько раз ездил к Распутину в Сибирь и пользовался его духовными наставлениями... Нужно знать психологию русского верующего, чтобы не удивляться такому явлению. Когда из «старца», каким он был в глазах веровавших, Распутин превратился в политическую фигуру, тогда легко стало осуждать этих людей и усматривать в их заблуждении даже низменные мотивы. Но несомненным остается факт, что, до этого момента, к Распутину шли не худшие, а лучшие, вся вина которых заключалась или в религиозном невежестве, или в излишней доверчивости к рассказам о святости Распутина. Это были те наиболее требовательные к себе люди, которые не удовлетворялись никакими компромиссами со своей совестью, какие глубоко страдали в атмосфере лжи и неправды мира и искали выхода в общении с людьми, сумевшими победить грех и успокоить запросы тревожной совести; те люди, которым уже не под силу была одинокая борьба с личными страданиями и невзгодами жизни, и нужна была нравственная опора сильного духом человека. Потянулся к Распутину тот подлинный русский народ, который не порвал еще своей связи с народной верой и народным идеалом, для которого вопросы нравственного совершенствования были не только главнейшим содержанием, но и потребностью жизни. Об этих людях еще Достоевский в своих «Братьях Карамазовых» сказал: «... Для смиренной души русского простолюдина¹, измученной трудом и горем, а главное — всегдашнею несправедливо-

¹ Не только простолюдина, но и для каждой смиренной души русского человека, а душа человека интеллигентного бывает часто еще смиреннее души простолюдина Н Ж

стью и всегдашним грехом, как своим, так и мировым, нет сильнее потребности и утешения, как обрести святыню, или святого, пасть перед ним и поклониться ему: если у нас грех, неправда и искушение, то все равно, есть на земле там-то, где-то, святой и высший; у того зато правда, тот зато знает правду; значит, не умирает она на земле, а, стало быть, когда-нибудь и к нам перейдет и воцарится по всей земле, как обещано»...

К числу этих истинно русских лучших людей принадлежал и архимандрит Феофан, инспектор Петербургской Духовной академии, для которого было достаточно услышать о сибирском подвижнике, чтобы потянуться к нему, с полною верою в него. К числу этих же людей принадлежал и непонятый, неоцененный русским народом Государь Император, глубокая вера и величайшее смирение которого, в связи с великими страданиями, выпавшими на Его долю, заставляли императора, подобно Его прадеду, Императору Александру Благословенному, искать общения с теми, кого весь мир был недостоин, кто скрывался от людского взора в укромных келиях монастыря и был известен только ищущим Бога... Я никогда не забуду рассказа Государя Императора о свидании Их Величеств с Пашей Саровской и общении со старцем Макарием Верхотурским, гостившим одно время в Царском Селе...

Одного этого рассказа было бы достаточно для того, чтобы преклониться перед красотой и высотой нравственного облика Государя и Императрицы... Имею право сказать, что я знал Государя и Императрицу с этой стороны, и имею основание, при рассмотрении дальнейших событий, исходить из совершенно иных отправных точек зрения и с негодованием отвергать созданную интернационалом гнусную клевету, витавшую вокруг священных имен Царя и Царицы.

Я уже сказал, что еще задолго до своего появления в Петербурге Распутин был известен как «старец», проводивший подвижническую жизнь в Сибири. Что такое «старец?»

Под этим именем разумеются люди, отмеченные особою благодатью Божиею, призванные вещать волю Божию людям, живущие в уединении, посте и молитве, вдали от мира, и несущие в монастырях, сохранивших древние уставы иноческой жизни, подвиг «старчества». Институт «старчества» сохранился в России далеко не во всех монастырях, несмотря даже на то, что является главнейшим условием успеха иноческой жизни и неразрывно связан с таинством покаяния, отличаясь от последнего тем, что в таинстве покаяния верующему подается отпущение грехов, а в старчестве, как откровении

помыслов, ниспосылается благодатная помощь для борьбы с ними. В первом случае прощается уже совершенный грех, а во втором — совершение греха предваряется своевременной поданною благодатною помощью чрез чистосердечное признание в греховном помысле, влечении к греху, или страсти. Это тонкие душевные движения свойственны преимущественно природе русского человека, всегда недовольного собою, всегда ищущего Бога и ни при каких условиях не способного удовлетвориться земными благами. Удивительная высота и красота этих тонких движений, переживаний и настроений нашла свое отражение в духовной литературе русского народа, с которой, к сожалению, незнакома не только западноевропейская, но и русская интеллигенция, благодаря чему многие явления русской духовной жизни не только неверно толкуются и превратно понимаются, но нередко вообще неизвестны.

В представлении русского народа «старец» есть человек, ниспосланный Самим Богом для врачевания этих тонких душевных переживаний и страданий духа, непонятных среднему человеку, не усваиваемых никаким знанием, не постигаемых никакою наукою. Их может понять только обладающий даром прозорливости, наделенный особыми дарами благодати Божией человек, растворивший свое сердце такою любовью к человечеству, какая позволила ему вместить в нем всю полноту его страданий... Таким старцем был Амвросий Оптинский, ставший прототипом старца Зосимы Достоевского в «Братьях Карамазовых», прототипом, к сожалению, неудачным, ибо Достоевский знал о «старцах» только понаслышке и с сущностью иночества был незнаком; таким был Исидор Виоанский, Варнава Гефсиманский, Иосиф Оптинский, Анатолий (Зерцалов) и мн. др. Такие старцы живут и в наше время в монастырях, сохранивших институт «старчества», в Оптиной, Глинской, Саровской, Зосимовой и других пустынях, в скитах Сергиевской и Киево-Печерской Лавры, на Валааме, в подмосковных обителях и в других местах, не говоря уже о тех, которые скрываются от людского взора в многочисленных мелких монастырях, разбросанных на пространстве необъятной России, где их никто не видит.

Совершенно ошибочно думать, что только простой народ ходил на поклонение к этим старцам. Наоборот, верующая интеллигенция не только стремилась к ним с неменьшим рвением, но и жила под их руководством и духовным окормлением. Гоголь, Достоевский, Владимир Соловьев, братья Киреевские, Леонтьев и многие другие были духовными детьми Амвросия Оптинского и Варнавы Гефсиманского, и даже Лев Толстой ходил в Оптину к Амвро-

сию, от которого вышел, по собственному признанию, значительно поколебавшимся в своих убеждениях. И нужны были цепкие руки интернационала, в которых находилась Толстой, чтобы попытки последнего высвободиться из них, попытки, не прекращавшиеся в течение многих лет и завершившиеся бегством Толстого в ту же Оптину, почти накануне своей смерти, кончились бы неудачей... Ходил к Варнаве Гефсиманскому, а, по слухам, даже проживал в Гефсиманском скиту и пресловутый Владимир Львов, стяжавший себе славу Обер-Прокурора Святого Синода, причем Варнава отзывался о нем как об «одержимом бесами» еще задолго до революции, прославившей Львова. И стоит, конечно, хотя один раз в своей жизни встретиться с этими исключительными людьми, чтобы признать за ними тот несомненный дар прозорливости, которыми они обладают. Наряду с этими, так сказать, официальными «старцами», несущими в монастырях возложенное на них послушание, в России встречается еще один тип людей, неизвестный Европе. Это так называемые «Божьи люди». Хотя это понятие общее и распространяется часто и на «юродивых», и на «старцев», однако включает в себе и некоторые особенности, отличающие «Божьих людей» от этих последних. В противоположность «старцам», эти Божьи люди редко остаются в монастырях, а преимущественно странствуют, переходя с места на место, вещая волю Божию людям и призывая к покаянию. «Старцы» всегда монахи, тогда как между «Божьими людьми» встречаются и миряне; но как те, так и другие ведут строгую аскетическую жизнь и пользуются равным нравственным авторитетом, очень высоким у некоторых из них. Многие из них примыкают к типу «юродивых во Христе», и черты различия между ними часто неуловимы. Исходя из борьбы с неправдою, искореняя малейшие компромиссы с совестью, «Божьи люди» стараются быть живым воплощением правды Христовой на земле, проповедуемой личным примером жизни, и отличаются от «старцев» и «юродивых» только тем, что стремятся к достижению своих целей иными способами и путями. Этот тип людей, несмотря на свое древнее происхождение, сохранился только в России и свидетельствует не о темноте русского народа, а о той его вере, какая на Западе уже давно утрачена.

ПЕРВЫЕ ШАГИ РАСПУТИНА

Появлению Распутина в Петербурге предшествовала, как я уже указывал, громкая слава. Его считали если не святым, то, во всяком случае, великим подвижником.

Кто создал ему такую славу и вывез из Сибири, я не знаю, но в обрисовке дальнейших событий тот факт, что Распутину не нужно было пробивать дорогу к славе собственными усилиями, имел чрезвычайное значение. Его называли то «старцем», то «юродивым», то «Божьим человеком», но каждая из этих платформ ставила его на одинаковую высоту и закрепляла в глазах петербургского света позицию «святого».

Как ни странно сопоставлять имя Распутина с именем «святого», однако в моих словах не содержится никакого преувеличения. Утверждать, что никто не считал его таковым, так же нельзя, как нельзя утверждать и противоположного. Одни искренно считали его облагодатствованным, другие не менее искренно видели в нем воплощение дьявольских сил.

Чем же, в действительности, был Распутин? Я уже подчеркивал ту мысль, что Распутина нельзя рассматривать вне связи с общеполитическим положением России, и потому прошу сосредоточить особое внимание на том, кто считал его праведником, а кто — одержимым. На стороне первых стояли Их Величества, епископы Феофан и Гермоген, А.А.Вырубова, ее шурин А.Э. фон Пистолькорс и очень немногочисленный круг столичной аристократии, какую ни при каких условиях нельзя было заподозрить в неискренности... На стороне вторых стояла Государственная Дума, печать и... толпа, какая увеличивалась по мере удаления от столицы и того места, где жил и действовал Распутин.

Может быть, этот один факт даст психологу материал для размышлений: может быть, не случайным покажется, что оппозиция к Царю, династии и престолу сливалась с оппозицией к Распутину?!

Был ли Распутин агентом интернационала, игравшим политическую роль и выполнявшим определенные задания, оправдывал ли он свою славу наличием выдающихся качеств или из ряда выходивших преступлений?

Нет, ничего подобного не было. Ничьим агентом Распутин не был, никакой политической роли не играл, никаких особенностей, отличавших его от заурядных представителей его среды, не имел; никаких выдающихся преступлений не совершал...

Но тогда, на чем же зиждилась его слава? Чем же объясняется, что его имя прогремело на весь мир и сделалось синонимом зла, достигшего своих крайних пределов?

Объясняется это тем, что Распутин, в момент своего появления в Петербурге, а может быть, и раньше, попал в сети агентов интернационала, которые желали использовать полутрамотного мужика, имевшего славу правед-

ника, для своих революционных целей. Вот почему в первые моменты появления Распутина в Петербурге так усиленно раздувалась его слава как «святого», открывшая перед ним двери великосветских гостиных и великокняжеских салонов и приведшая его во дворец; вот почему с еще большим азартом раздувалась впоследствии противоположная слава, приведшая к его убийству людьми, одураченными тем же интернационалом.

Что это так, не подлежит никакому сомнению, ибо, конечно, каково бы ни было его благотворное влияние на здоровье Наследника Цесаревича, но этот один факт еще не сделал бы Распутина святым, как равно посещение какого-нибудь кабака не сделало бы его воплощением дьявольских сил... Над созданием славы Распутина работали невидимые агенты интернационала, имевшие в лице окружавших Распутина еврейчиков бойких сотрудников: здесь велась тонкая и очень сложная игра, здесь осуществлялись давно задуманные революционные программы...

Мы еще не знаем, мы даже не догадываемся о тех гениальных приемах, какие пускаются интернационалом в обращение для достижения его целей. Они так же легко превращают ангела в демона, как и демона в ангела; иудейская мораль противоположна христианской и открывает чрезвычайный простор для самых тонких преступлений и злодеяний, имеющих обратную внешность и без промаха попадающих в цель.

Этой тонко задуманной и умело проводимой революционной программы, конечно, никто не замечал. Не замечала ее широкая публика, не замечал и Распутин, даже не догадывавшийся, что являлся намеченною жертвою интернационала. Он был типичным олицетворением русского мужика и, несмотря на свою природную хитрость и несомненный ум, чрезвычайно легко попадал в расставленные сети. Хитрость и простодушие, подозрительность и детская доверчивость, суровые подвиги аскетизма и бесшабашный разгул, и над всем этим фанатическая преданность Царю и презрение к своему собрату-мужику — все это уживалось в его натуре, и, право, нужен или умысел, или недомыслие, чтобы приписывать Распутину преступления там, где сказывалось лишь проявление его мужицкой натуры.

Именно потому, что он был мужик, именно по этой причине он и не учитывал, что близость ко Двору налагает уже обязательства, что каждый приближенный к Царю есть прежде всего страж имени Государева, что не только в Царском Дворце, но и за порогом его нужно вести себя так, чтобы своим поведением не бросать тени на Священные Имена. Не учитывал Распутин и того, что русский

народ дорого ценит свою веру в тех, кого считает «святыми», требуя от них взамен преклонения перед ними, абсолютной нравственной чистоты и проявляя к ним в этом отношении очень строгие требования. Достаточно малейшего сомнения в чистоте их нравственного облика, чтобы им вменилось в преступление и то, что составляет обычную человеческую слабость, мимо чего, при других условиях и в отношении к другим людям, проходят без внимания; достаточно самого незначительного проступка, чтобы вчерашний «святой» был объявлен сегодня преступником.

Ничего этого Распутин не учитывал, и потому, когда его звали в гости — он ехал; давали вино и спаивали его — он пил и напивался; предлагали потанцевать — он охотно пускался в пляс, вприсядку, танцуя камаринскую под оглушительный гром рукоплесканий умиравшей со смеху публики... Но неужели можно серьезно говорить о том, что Распутин сознавал в этот момент преступность своего поведения?.. Он не сознавал даже того, что его высмеивают с самыми гнусными и преступными намерениями, что хитростью и обманом умышленно увлекают в расставленные сети для того, чтобы поглумиться над Священными Именами Царя и Царицы, считавших его подвижником. Распутин был до того далек от таких предположений, что отправлялся на званые вечера не иначе как в шелковой голубой рубаше и хвалился тем, что получил ее в подарок от Императрицы.

Нет, психология крестьянской натуры мне понятна, и я не нахожу данных для того, чтобы приписать этим действиям Распутина криминальный характер.

Я знал одного схимника, человека сравнительно не старого, пользовавшегося большим уважением у крестьян, всегда приглашавших его в качестве «свадебного генерала» на свадебные торжества... Без этого схимонаха не обходилось ни одно деревенское торжество.

Величавою поступью, в полном схимническом одеянии, торжественно входил он в избу, садился на почетном месте, держал себя чинно, мало говорил, еще меньше вкушал, но... выдерживал свою позицию только... до первой рюмки. Но вот раздалось пиликанье скрипок и задорные звуки бубен, и... схимник протягивал руку за второй рюмкой, потом еще и еще, и... русская натура не выдерживала, прорывалась, и схимник пускался в пляс, и так отплясывал «гопака», что вызывал зависть даже у деревенских парней. Такое «искушение» настигало схимника при каждом деревенском торжестве; в остальное же время он запирался в своей келии, вымаливал свой грех пред Богом, и

его видели только где-нибудь в темном уголке храма... Его поведение нисколько не колебало его престижа у крестьян, которые ограничивались только одним замечанием: «ослабел батюшка; а раньше, когда был помоложе, то куда лучше танцевал, да и на ногах держался тверже».

Совершенно несомненно, что, принимая приглашения на званные вечера со стороны людей, ему неизвестных, не подозревая с их стороны умысла, Распутин только тщеславился своею известностью и славой, не зная того, какую дороною ценою ему придется искупить их...

Нет, неизмеримо большими преступниками были те, кто с гнусными и преступными намерениями злоупотреблял доверием и простотою Распутина, чем Распутин, который им верил. Он был так же искренен, когда обнаруживал перед Государем свои качества, как и тогда, когда, не будучи заинтересован мнением окружавших, обнаруживал перед ними свои недостатки... Да и кто же стал бы действовать иначе?.. В глазах Царя каждый хотел казаться святым; а той школы, какая превращает великосветских мерзавцев в джентльменов, Распутин, будучи мужиком, не проходил и искренно выкладывал наружу свои недостатки, быть может, даже не считая их недостатками или же раскисаясь в них.

Однако, к стыду глумившихся над Распутиным, нужно сказать, что он распоясывался в их обществе только потому, что не питал к ним ни малейшего уважения и мнением их о себе нисколько не был заинтересован. Ко всем же прочим людям, не говоря уже о Царском Дворце, отношение Распутина было иное. Он боялся уронить себя в их мнении и держался всегда безупречно. Я несколько раз встречался с Распутиным в 1910 году, то в Петербургской Духовной академии, то в частных домах, и он производил на меня, хорошо знакомого с монастырским бытом и со «старцами», такое впечатление, что я даже проверял его у более духовно сведущих людей и сейчас еще помню отзыв епископа Гермогена, сказавшего мне: «Это раб Божий: Вы согрешите, если даже мысленно его осудите».

Отзыв епископа Гермогена, сделавшегося впоследствии одним из самых яростных гонителей Распутина, не убедил меня в святости последнего, но является очень характерным и свидетельствует о том, что Распутин действительно казался святым тем, кто считал его таковым и подходил к нему, как к святому. Однако справедливость требует признать, что Распутин не только ничего не делал для того, чтобы его считали святым, а, наоборот, до крайности тяготился таким отношением к себе. Очень характерный рассказ приводит Ф.В.Винберг на страницах своей инте-

ресной книги «Крестный Путь», полной чрезвычайно тонких психологических наблюдений и великолепно написанной.

«... Одна из русских женщин, — говорит Ф.В.Винберг, — горячая патриотка, старая писательница, владевшая многими тайнами масонства, за что вытерпела немало мук и горя в своей жизни, решила ехать прямо к Распутину и ребром поставить ему вопрос: знает ли он, какой вред приносит России. По странной случайности, день ее поездки совпал с днем 16 декабря 1916 года, то есть кануном убийства Григория Распутина. В ее лице как будто бы Бог посылал Распутину последнее предостережение, которому не суждено было, однако, изменить уже окончательно предначертанного хода событий.

Дверь у Распутина на ее звонок отворил какой-то полковник, встретивший ее вопросом: «Вам что угодно, сударыня?»

«Могу ли я видеть Григория Ефимовича Распутина?»

«Батюшки нет дома, и вообще он никого не принимает».

«Нет правил без исключения, полковник... Быть может, Ваше «нет дома» означает, что он именно дома... Тогда разрешите уже Вас просить передать ему мою карточку. Если господина Распутина действительно нет, то очень жаль, но ничего не поделаешь, в другой раз я уже не приеду: тащиться-то мне Бог весть откуда... Однако удовлетворите, полковник, любопытство старухи: почему называли Вы Распутина «батюшкой»? Что он — священник, диакон, монах или, может быть, Ваш beau pere?»

«Григория Ефимовича все так называют»...

«Как Вам не стыдно, полковник, что же у Вас за стадное чувство такое! Ну, называли бы его Григорием Ефимовичем, или просто Распутин, а то вдруг — батюшка!..»

Полковник смешался и, растерянно теребя в руке карточку посетительницы, вдруг неожиданно спросил:

«А как прикажете доложить о Вас Григорию Ефимовичу?»

«Голубчик, у Вас в руках моя карточка... И, ради Бога, ничего не докладывайте, а просто передайте или... прочтите эту карточку».

Полковник ушел, попросив ее пройти в гостиную.

Там находилось несколько дам, из которых две между собою непринужденно болтали по-французски.

Через несколько минут в комнату вошел Распутин. При входе его все сидевшие дамы, кроме вновь прибывшей, встали, бросились к нему, стараясь поцеловать у него руки и... концы вышитой рубахи, в которой он был.

Досадливо от них отмахнувшись, Распутин подошел к писательнице и, заложив руки за пояс, спросил:

«Это ты, матушка, хотела видеть меня? Что тебе надо-ть?»

Ничего не ответила ему посетительница, а только долгим и пристальным взглядом посмотрела на него, точно желая проникнуть в душу... Говорят, Распутин обладал магическим, удивительным взглядом; но когда глаза его встретились с глазами этой маленькой старушки, он не выдержал и... потупился.

«Что это ты на меня смотришь так!.. Как-то особенно», — пробормотал он.

В это время он услышал ее голос:

«Я пришла задать Вам несколько вопросов, Григорий Ефимович. До этого нам встречаться не приходилось; после этой встречи — вряд ли когда увидимся. Про Вас я очень много слышала, ничего доброго, но много плохого... Вы должны ответить мне, как священнику на духу: отдаете ли Вы себе отчет, как Вы вредите России? Знаете ли Вы, что Вы — лишь слепая игрушка в чужих руках, и в каких именно?»

«Ой, барыня, никто еще и никогда со мною таким тоном не говаривал... Что ж Вам на эти вопросы отвечать?»

«Читали ли Вы Русскую Историю, любите ли Царя, как Его надо любить?»

«Историю, по совести скажу, не читал — ведь я мужик простой и темный, читаю по складам только, а уж пишу — и сам подчас не разбираю...

А Царя-то, как мужик, во как люблю, хоть, может, против Дома Царского и грешен во многом; но невольно, клянусь крестом... Чувствуется, матушка-голубушка, что конец мой близок... *Убьют-то меня — убьют, а месяца так через три — рухнет и Царский Трон*». Спасибо Вам, что пришли, знаю, что поступили, как сердце велело. И хорошо мне с Вами, и боязно: как будто с Вами есть еще кто-то... А как бы Вы поступили на моем месте?»

«Будь я на Вашем месте, я бы уехала в Сибирь, да спряталась там так, чтоб обо мне и слухи замолкли, и следы пропали»...

Много еще говорила с Распутиным старая писательница, и он слушал ее жадно, как бы впитывая каждое слово... Наконец, она поднялась и стала прощаться...

Распутин шел сзади, говоря: «уж я проведу вас сам...»

«Скажите, Григорий Ефимович, — спросила его она: — почему Вас все Ваши поклонники и поклонницы называют «батюшкой», целуют Вам руки, края рубахи? Ведь это же гадость! Почему Вы позволяете?»

Распутин усмехнулся и, показывая по направлению гостинной рукою, сказал: «А спросите вот этих дур... Пойдите, я уже их прожучу...»

При прощании, подавая руку Распутину, писательница с удивлением увидела, как он вдруг склонился и горячо поцеловал ей руку.

«Матушка-барыня, голубушка Ты моя. Уж прости Ты меня, мужика, что на ты Тебя величаю... Полюбилась Ты мне, и от сердца это говорю. Перекрести Ты меня, хорошая и добрая Ты... Эх, как тяжело у меня на душе»... Маленькая ручка, освобожденная вновь от перчатки, осенила Распутина крестным знамением, и он услышал: «Господь с Тобою, брат во Христе»...

Она ушла. Распутин долгое время стоял и смотрел ей вслед, точно здесь оставалось одно его тело, а его грешную душу взяла она, явившаяся к нему ангелом смерти...

А через двенадцать часов, на Мойке, Распутин закончил земные расчеты» (Ф.В.Винберг. Крестный Путь, стр. 304—307).

С разных сторон можно рассматривать этот знаменательный рассказ; но одною из самых характерных останется та, которая подтвердит уже высказанную мысль, что Распутин казался «святым» лишь тем, кто его считал за такового... С теми же, кто в нем видел только русского мужика, с теми он не лицемерил и в святости своей не убеждал, а, наоборот, даже смирялся перед ними.

Об этом свидетельствует и характерный случай, переданный мне Петром Николаевичем Ге, который однажды встретился случайно с Распутиным в вагоне железной дороги и спросил его:

«Почему Вами так интересуются и возят Вас из дома в дом?»

«А это, миленькой, потому, что я знаю жизнь», — ответил Распутин.

П.Н.Ге улыбнулся и спросил:

«А Вы действительно ее знаете?»

Распутин тоже улыбнулся и простодушно ответил: «Нет, я ее не знаю, но они думают, что я знаю... Пуцай себе думают»... Известна и телеграмма Распутина епископу Тобольскому Варнаве: «Милой, дорогой, приехать не могу, плачут мои дуры, не пуцают»... В этих двух ответах сказался весь несложный облик Распутина.

Разве это не типичные ответы благодушного русского мужика, могущего даже не иметь никаких других недостатков, кроме тех, которые в своей совокупности дают представление о мужицкой психологии? И, разумеется, Распутин светился отраженным светом и прошел бы совершенно не замеченным в истории русской жизни, если бы за его спиною не стоял интернационал, если бы он не был орудием в руках этого интернационала.

Вопрос лишь в том, был ли Распутин сознательным или бессознательным орудием последнего?..

И печать, и общество, и стоустая молва доказывали и продолжают доказывать, что Распутин был сознательным орудием и «работал» за деньги. Я лично думал и продолжаю думать, что это неправда и что он был орудием бессознательным. Думаю я так потому, что мое убеждение вытекает из целого ряда логических и исторических предпосылок, а также из данных, добытых следственным материалом и установивших абсолютное бескорыстие Распутина. Еврейчики, правда, желали его подкупить и связать его волю преступными обязательствами; но их замыслы разбились о фанатическую преданность Распутина Царю, после чего тактика была изменена, и вся дальнейшая игра велась уже на страстях Распутина, на удовлетворении его мелкого самолюбия и тщеславия, и притом велась настолько умело, что Распутин не только не замечал этой игры, но даже не догадывался о ней...

У БАРОНА РАУШ-ФОН-ТРАУБЕНБЕРГ

Насколько Распутин широко распоясывался в обществе тех людей, мнением которых не дорожил, настолько он следил за собою там, где ему было выгодно производить впечатление. Он настолько успешно достигал эту последнюю цель и до того в совершенстве владел искусством подчинять себе окружавших, что на этой почве создавались легенды, приписывающие ему совершенно необычайные качества и чудодейственную силу. Значительную долю его успеха в этой области нужно, конечно, отнести к религиозному невежеству столичной знати; однако отрицать за Распутиным умения удерживаться на позиции, на которой его утвердила народная молва, не приходится.

Не помню, по какому случаю, я был в один из праздничных дней в церкви Духовной академии на богослужении. В храме я встретил своего сослуживца по Государственной Канцелярии А.Э. фон Пистолькорс.

Это был один из тех моих сослуживцев, которые тянулись ко мне, мучились религиозными сомнениями и жили в атмосфере церковной мысли. Выпущенный недавно из Пажеского корпуса, А.Э. фон Пистолькорс был совсем еще юноша, проявлявший исключительное горение духа и с юных лет мечтавший об иночестве, стремившийся к подвигам... Теоретически знакомый с житиями подвижников Церкви, пленявшими его воображение, он, конечно, не имел никакого опыта, и неудивительно, что он был од-

ним из первых, побежавших навстречу Распутину, которого искренно считал «старцем» и к которому чувствовал безграничное доверие, утверждая, что на себе лично испытал его чудодейственную силу. Эта его слепая, но чистая и бескорыстная вера в Распутина создавала ему бесчисленное множество огорчений, какие он мужественно и стойко переносил в убеждении, что страдает за правду. Гнусная и ничем не брезгающая клевета, пользуясь тем, что А.Э. фон Пистолькорс был женат на младшей дочери Обер-Гофмейстера А.С.Танеева, сестре А.А.Вырубовой, а его мать, княгиня Палей, была замужем за великим князем Павлом Александровичем, безжалостно травила его, относя и его к числу «темных сил», окружавших Престол, и приписывая его вере в Распутина корыстные расчеты.

Распутин старался через посредство А.Э. фон Пистолькорса расширять круг своих знакомых и тем закреплять свое положение, причем сосредоточивал свое преимущественное внимание на лицах, занимавших известное положение и имевших связи. Не менее горячо стремится к этой же цели и А.Э. фон Пистолькорс, желавший окружить Распутина людьми, преданность которых Престолу была вне сомнений. Такое желание было логичным и вытекало из его веры в Распутина как святого. При всем том, А.Э. фон Пистолькорсу долго не удавалось познакомиться меня с Распутиным. Я оспаривал его мнение о святости последнего и, не имея причин отзываться о Распутине дурно, ибо лично не знал его, а тому что, говорилось, не придавал значения, я ограничивался лишь указанием на то, что истинные «старцы» в Петрограде не проживают, на автомобилях не ездят, в гостях ни у кого не бывают, а сидят себе в монастырях и считают грехом выходить даже из келии, памятуя иноческое правило: «никто не возвращается в свою келию таким, каким из нее вышел».

Однако мои доводы были бессильны поколебать пламенную веру А.Э. фон Пистолькорса, и он объяснил мой скептицизм только незнакомством с Распутиным. Как-то однажды А.Э. фон Пистолькорс пригласил меня к себе на вечер. Это было в 1908 или в 1909 году. Я впервые встретился у него с Распутиным. Впечатление от вечера получилось такое, что мне хотелось заплакать... Станным показался не Распутин, который держался так, что мне было жалко его; а странным было отношение к нему окружавших, из коих одни видели в каждом, ничего не значащем, вскользь брошенном слове его — прорицание и сокровенный смысл, а другие, охваченные благоговейным трепетом, боязливо подходили к нему, прикладываясь к

его руке... Как затравленный заяц, озирался Распутин по сторонам, видимо, стесняясь, но в то же время боясь неосторожным словом, жестом или движением разрушить обаяние своей личности, неизвестно на чем державшееся... Были ли на этом вечере те, кто притворялся и лицемерил, не знаю... Может быть, и были... Но большинство действительно искренно было убеждено в святости Распутина, и это большинство состояло из отборных представителей самой высокой столичной знати, из людей самой чистой и высокой религиозной настроенности, виноватых только в том, что никто из них не имел никакого представления о природе истинного «старчества».

Подробности этой первой встречи с Распутиным описаны мною на страницах моих воспоминаний за предыдущие годы, и я не буду их повторять. С течением времени Распутин приобретал все большую уверенность в себе, а в описываемый мною момент, быть может, даже сознавал себя призванным поучать и наставлять других.

Увидя меня, А.Э. фон Пистолькорс подошел ко мне и стал горячо упрашивать меня ехать с ним, после богослужения, на Васильевский Остров, к барону Рауш-фон-Траубенберг, куда поедет и Распутин и будет «говорить»... В то время проповеди Распутина вызывали сенсацию... Он не любил говорить длинных речей, а ограничивался отрывистыми словами, всегда загадочными, и краткими изречениями, а от пространных бесед — уклонялся. Желание А.Э. фон Пистолькорса было мне понятно; но, не имея ни малейшего представления о бароне Рауш-фон-Траубенберг, с которым я нигде не встречался и не был знаком, я только удивился приглашению А.Э. фон Пистолькорса ехать с ним в незнакомый дом, к неизвестным мне людям.

«Но никто из нас не знаком с бароном, живо возразил А.Э. фон Пистолькорс, — а мы все туда едем: барон дал Григорию Ефимовичу свою столовую и позволил ехать кому угодно», — сказал А.Э. фон Пистолькорс.

Как я ни отбивался, однако мне пришлось уступить просьбе, и через несколько минут автомобиль примчал нас на Александровскую улицу, к дому, где жил барон Рауш-фон-Траубенберг.

Когда мы вошли в столовую, то уже застали там Распутина, сидевшего за столом в обществе неизвестных нам лиц. Там были и представители аристократии, и какие-то подозрительные типы, умильно засматривавшие ему в глаза, льстившие ему и громко восхвалявшие его... Один из них, ни к кому, в частности, не обращаясь, кричал о своем исцелении «отцом Григорием», и можно было бы подумать, что он умышленно создавал Распутину рекламу, если

бы последний очень резко не оборвал его. В углу комнаты, не смея подойти к столу, стояла какая-то женщина, обращавшая на себя всеобщее внимание... Ее неестественно раскрытые глаза были устремлены на Распутина; она была охвачена экстазом и, видимо, сдерживала себя, истерически вздрагивая и что-то причитая...

«Это генеральша О.Лохтина, — шепнул мне на ухо А.Э. фон Пистолькорс, — она бросила мужа и детей и пошла за Григорием Ефимовичем, убежденная в том, что Распутин — воплощенный Христос».

«Куда я попал! — подумал я. — Сумасшедший дом, сумасшедшие люди...»

Распутин упрямо сидел за столом и громко щелкал орехи.

Увидя А.Э. фон Пистолькорса и меня, он оживился и, бесцеремонно прогнав от себя каких-то молодых людей, посадил А.Э. фон Пистолькорса по одну сторону, а меня — по другую и начал «говорить».

Мне трудно передать его образную речь, и я вынужден, к сожалению, изложить ее литературным языком, вследствие чего речь потеряет свой характерный колорит.

«Для чего это-ть вы пришли сюда? — начал Распутин. — На меня посмотреть или поучиться, как жить в миру, чтобы спасти свои души?»

«Святой, святой!» взвизгнула в этот момент стоявшая в углу генеральша О.Лохтина.

«Помалкивай, дура», — оборвал ее Распутин.

«Чтобы спасти свои души, надо-ть вести богоугодную жизнь», — говорят нам с амвонов церковных священники да архиереи... Это справедливо... Но как же это сделать?.. «Бери Четьи-Минеи, жития святых, читай себе, вот и будешь знать, как», — отвечают. Вот я и взял Четьи-Минеи и жития святых и начал их разбирать и увидел, что разные святые только спасались, но все они покидали мир и спасение свое соделывали то в монастырях, то в пустынях... А потом я увидел, что Четьи-Минеи описывают жизнь подвижников с той поры, когда уже они поделались святыми... Я себе и подумал — здесь, верно, что-то не ладно... Ты мне покажи не то, какую жизнь проводили подвижники, сделавшись святыми, а то, как они достигли святости... Тогда и меня чему-нибудь научишь. Ведь между ними были великие грешники, разбойники и злодеи, а про то, глянь, опередили собою и праведников... Как же они опередили, чем действовали, с какого места поворотили к Богу, как достигли разума и, купаясь в греховной грязи, жестокие, озлобленные, вдруг вспомнили о Боге, да пошли к Нему?! Вот что ты мне покажи... А то, как жили свя-

тые люди, то не резон; разные святые разное жили, а грешнику невозможно подражать жизни святых.

Увидел я в Четьи-Миней и еще, чего не взял себе в толк. Что ни подвижник, то монах... Ну, а с мирскими-то как? Ведь и они хотят спасти души, нужно и им помочь и руку протянуть».

«Протяни, помоги! — не выдержала генеральша О.Лохтина. — Ты, Ты все можешь, все знаешь, Христос, Христос!» — кричала несчастная и забилась в истерику, протягивая руки к Распутину.

«Замолчи, дура! — строго прикрикнул Распутин. — Я тебя»...

«Не буду, не буду», — взмолилась О.Лохтина.

«Прогоню тебя, дуру: скажу не пущать, этакая», — сердито оборвал ее Распутин.

«Ну, а ты чего тарачишь на меня глаза?» — повернулся Распутин к одному из своих поклонников, с необычайным умилением глядевшего на него и пожиравшего Распутина глазами, жадно ловя каждое его слово.

Тот смутился, а Распутин продолжал:

«Значит, нужно прийти на помощь и мирянам, чтобы научить их спасать в миру свои души. Вот примерно министр Царский, али генерал, али княгиня какая, захотели бы подумать о душе, чтобы, значит, спасти ее... Что-же, разве им тоже бежать в пустыню или монастырь?! А как же служба Царская, а как же присяга, а как же семья, дети?! Нет, бежать из мира таким людям не резон. Им нужно другое, а *что* нужно, того никто не скажет, а все говорят: «ходи в храм Божий, соблюдай закон, читай себе Евангелие и веди богоугодную жизнь, вот и спасешься».

И так и делают, и в храм ходят, и Евангелие читают, а грехов, что ни день, то больше, а зло все растет, и люди превращаются в зверей...

А почему?... Потому, что еще мало сказать: «веди богоугодную жизнь», а нужно сказать, как *начать* ее, как оскотинившемуся человеку, с его звериными привычками, вылезть из той ямы греховной, в которой он сидит; как ему найти ту тропинку, которая выведет его из клоаки на чистый воздух, на Божий свет. Такая тропинка *есть*. Нужно только показать ее. Вот я ее и *покажу*».

Нервное напряжение достигло уже крайних пределов, с О.Лохтиной снова случился истерический припадок, и Распутин, чрезвычайно резко, снова накричал на нее, приказав вывести ее из комнаты.

«Спасение в Боге... Без Бога и шагу не ступишь... А увидишь ты Бога *тогда*, когда ничего вокруг себя не будешь видеть... Потому и зло, потому и грех, что все за-

слоняет Бога, и ты Его не видишь. И комната, в которой ты сидишь, и дело, какое ты делаешь, и люди, какими окружен, — все это заслоняет от тебя Бога, потому что ты и живешь не по-Божьему, и думаешь не по-Божьему. Значит что-то да нужно сделать, чтобы хотя *увидеть* Бога... Что же ты должен сделать?..»

При гробовом молчании слушателей, с напряжением следивших за каждым его словом, Распутин продолжал:

«После службы церковной, помолясь Богу, выйди в воскресный или праздничный день за город, в чистое поле... Иди и иди все вперед, пока позади себя не увидишь черную тучу от фабричных труб, висящую над Петербургом, а впереди прозрачную синеву горизонта... Стань тогда и помысли о себе... Каким ты покажешься себе маленьким, да ничтожным, да беспомощным, а вся столица в какой муравейник преобразится перед твоим мысленным взором, а люди — муравьями, копошащимися в нем!.. И куда денется тогда твоя гордыня, самолюбие, сознание своей власти, прав, положения?.. И жалким, и никому не нужным, и всеми покинутым осознаешь ты себя... И вскинешь ты глаза свои на небо и увидишь Бога, и почувствуешь тогда всем сердцем своим, что один только у тебя Отец — Господь Бог, что только одному Богу нужна твоя душа, и Ему одному ты захочешь тогда отдать ее. Он один заступится за тебя и поможет тебе. И найдет на тебя тогда умиление... *Это первый шаг на пути к Богу.*

Можешь дальше и не идти, а возвращайся назад в мир и становись на свое прежнее дело, храня, как зеницу ока, то, что принес с собою.

Бога ты принес с собою в душе своей, умиление при встрече с Ним стяжал и береги его, и пропускай через него всякое дело, какое ты будешь делать в миру. Тогда всякое земное дело превратишь в Божье дело, и не подвигами, а трудом своим во славу Божию спасешься. А иначе труд во славу собственную, во славу твоим страстям, не спасет тебя. Вот это и есть то, что сказал Спаситель: «царство Божие внутри вас». Найди Бога и живи в Нем и с Ним и хотя бы в каждый праздник, или воскресение, хотя бы мысленно отрывайся от своих дел и занятий и вместо того, чтобы ездить в гости, или театры езди в чистое поле, к Богу».

Распутин кончил. Впечатление от его проповеди получилось неотразимое, и, казалось бы, самые злейшие его враги должны были признать ее значение. Он говорил о *теории* богоугодной жизни, о том, чего так безуспешно и в разных местах искали верующие люди и без помощи учителей и наставников не могли найти. Их не удовлетворяли общие ответы, им нужно было нечто конкретное,

и то, чего они не получали от своих пастырей, то в этот момент, казалось, нашли у Распутина.

Что нового, неизвестного людям, знакомым с свято-отеческою литературою, сказал Распутин? Ничего!

Он говорил о том, что «начало премудрости — страх Божий», что «смирение и без дел спасение», о том, что «гордым Бог противится, а смиренным дает благодать» — говорил, словом, о наиболее известных каждому христианину истинах; но он облек эти теоретические положения в такую форму, какая допускала их опытное применение, указывала на конкретные действия, а не в форму философских туманов, со ссылками на цитаты евангелистов, или апостольские послания.

Я слышал много разных проповедей, очень содержательных и глубоких; но ни одна из них не сохранилась в моей памяти; речь же Распутина, произнесенную 15 лет тому назад, помню и до сих пор и даже пользуюсь ею для возгревания своего личного религиозного настроения.

В его умении популяризировать Божественные истины, умении, несомненно предполагавшем известный духовный опыт, и заключался секрет его влияния на массы. И неудивительно, если истерические женщины, подобные О.Лохтиной, склонные к религиозному экстазу, считали его святым.

АУДИЕНЦИЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, ДАННАЯ РАСПУТИНУ, И ВПЕЧАТЛЕНИЕ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ ИМ НА ЦАРЯ

Первые шаги Распутина рождали, несомненно, двойственное впечатление. Для всякого, хотя бы только поверхностно знакомого с природою «старчества» и видевшего действительных «старцев», было ясно, что Распутин не принадлежит и не может принадлежать к ним. Этого не допускал прежде всего его образ жизни, позволявший ему проживать в столице и посещать своих многочисленных знакомых, тогда как настоящие «старцы» живут в монастырях и считают грехом покидать даже свою келию, а тем более выходить за ограду монастыря... При всем том, некоторые действия Распутина были положительно необъяснимы. Удостоверено, с несомненностью факта, несколько случаев исцеления им больных; известны его загадочные предсказания; общепризнанно и его влияние на болезнь Наследника Цесаревича...

Вот почему религиозный Петербург занял в отношении его среднюю позицию, теряясь в истинном представлении о нем и предпочитая относиться к нему скорее с доверием, чтобы «не согрешить» перед Богом, чем открыто

порицать его. Многие попросту даже боялись Распутина и, не отрицая его влияния на окружающих, но не умея объяснить его, опасались осуждать Распутина.

Такой позиции держались и иерархи, в том числе и архимандрит Феофан, возведенный вскоре в сан епископа и назначенный ректором Петербургской Духовной академии, а за ними и благочестивые миряне... Осуждали и бранили Распутина только религиозно индифферентные люди, которые одинаково недоверчиво относились даже к о.Иоанну Кронштадтскому, к епископу Феофану и к прочим подвижникам, не укладывавшимся в рамки их религиозного мирозерцания, точнее, рационализма. А мнение этих людей не только не колебало позиции, занятой Распутиным, а еще более укрепляло ее, вызывая протест против общего безверия и равнодушия к мистицизму со стороны тех, кто видел в «старцах», «юродивых», «Божьих людях» лишь пережиток старины или отражение религиозного невежества. Неудивительно, что как иерархи, так и благочестивые миряне в своих отношениях к Распутину основывались на народной молве, а не на суждениях этих, ни во что не веровавших, людей. Говорят, что гораздо легче приобрести позицию «святого», чем удержаться на ней, и что нужно уже иметь много личных данных для того, чтобы оставаться на этой предельной высоте человеческой славы. Я думаю — наоборот.

С моей точки зрения, удержать позицию «святого» легче, чем приобрести ее, ибо от святого уже не требуется доказательств его святости: этого никто не смеет делать; ему верят на слово, не подвергая критике ни действий, ни поступков; всякий его шаг, всякая мысль, всякий поступок признаются выражением воли Божией; его наставления, советы и указания не только связывают, но и обязывают, и малейшее сомнение или недоверие к его святости трактуются уже как величайший грех. Даже в поступках, явно, казалось бы, идущих вразрез с моралью, или обычаем, усматривается отражение «юродства», то есть глубоко сокрытые цели, умышленно прикрытые обманчивою внешностью. Вот почему, когда в общество стали проникать дурные слухи о Распутине, то им неохотно верили и признавали в них умышленное желание опорочить «святого». Да и кто из верующих дерзнул бы первым разоблачить «святого» и тем признать свое нравственное превосходство перед ним?! История являла нам примеры, когда человечество проходило мимо своих святых и пророков, не замечая их, или побивало камнями и распинало тех, в чью святость не верило; но обратные примеры такого отношения к признанным святым наблю-

дались только у гонителей веры в Бога; но таковым никто не желал быть в этот период славы Распутина и доверия к нему со стороны наиболее благочестивых людей. Вот почему никакие выступления против Распутина, имевшие место позднее, со стороны официальных представителей власти, не имели и не могли иметь успеха, ибо являлись в глазах Государя выступлениями гонителей не Распутина, а гонителей веры...

От великокняжеских салонов до Царского Дворца расстояние не большое, и Распутин быстро его перешагнул. Как, где и при каких условиях состоялось знакомство Царя и Царицы с Распутиным, я не знаю. По одной версии, его представил Их Величествам епископ Феофан; по другой — это знакомство состоялось через посредство Великой Княгини Милицы Николаевны... Какое же впечатление произвел Распутин на Царя?

Та высокая стена, которая издавна отделяла Царский Двор от русского общества, неизбежно вызвала полное незнание последнего с обликом Царя. Придет время, когда история скажет, что никто из предшественников Государя Николая II не делал больших усилий для того, чтобы разрушить это средостение и приблизиться к народу, что никто более не старался разрушить эту стену... Вспомнит история и Императрицу Александру Феодоровну, это воплощение истинного христианского смирения и простоты, с такою любовью и доверчивостью протягивавшей Свои руки народу и отдавшей Себя безраздельно служению его нуждам...

Что представлял Собой Государь Император?

Это был прежде всего богоискатель, человек, вручивший Себя безраздельно воле Божией, глубоко верующий христианин высокого духовного настроения, стоявший неизмеримо выше тех, кто окружал Его и с которыми Государь находился в общении. Только безграничное смирение и трогательная деликатность, о которых единодушно свидетельствовали даже враги, не позволяли Государю подчеркивать Своих нравственных преимуществ перед другими... Только невежество, духовная слепота или злой умысел могли приписывать Государю все то, что впоследствии вылилось в форму злостной клеветы, имевшей своей целью опорочить Его, поистине, священное имя. А что это имя было действительно священным, об этом свидетельствует, между прочим, и тот факт, что один из социалистов-революционеров, еврей, которому было поручено обследование деятельности Царя, после революции, с недоумением и тревогою в голосе, сказал члену Чрезвычайной Следственной Комиссии А.Ф. Романову: «Что мне делать! Я начинаю любить Царя»... Не

повторение ли это слов разбойника на Голгофе?! Не голос ли Иуды: «распял Кровь Неповинную»?!

Эта высокая стена между Царским Двором и обществом, благодаря которой приезд ко Двору имели только официальные лица и те немногие из частных лиц, благонадежность которых была вне сомнений, свидетельствует о том, что первая аудиенция, данная Царем русскому мужику, была возможна при условии наделения этого мужика какими-либо необычайными свойствами и совершенно исключительными качествами. И это было сделано, кстати сказать, теми, кто, впоследствии, корил Царя за то, что Царь им поверил. Кто знал Государя Императора Николая II, точнее, кто умел распознать за декорациями царского сана Его действительный облик «человека», тот знал и то, насколько Государь тяготился Своим высоким званием Монарха, насколько родственна Его духу была та религиозная атмосфера, какая окружала людей, презревших все блага мира и живущих идеей спасения души; тот знал и то, какою скорбью омрачалась душа Государя при мысли о том, что Он не может, подобно Своим подданным, отдаться всецело Своим духовным влечениям и хотя бы посетить обители, прославленные жизнью подвижников.

Я помню тот глубокий вздох, какой вырвался из груди Государя, сказавшего мне, что даже поездка на Валаам, куда Государь стремился, не могла состояться из-за политических причин. Помню и рассказ о том, какими трудностями было обставлено свидание Царя и Царицы с Пашею Саровскою в Дивееве, и то воодушевление, с каким Государь рассказывал о Своих впечатлениях от этого свидания... Само собою разумеется, что Распутин, коему предшествовала громкая слава «старца», имя которого гремело в Петербурге и о котором Государь постоянно слышал восторженные отзывы от окружающих, в том числе от иерархов и даже Своего духовника, произвел на Государя сильное впечатление. Неизбалованный любовью общества, видя вокруг Себя измену и предательство, тяготясь придворною сферою, с ее ложью и лукавством, Государь сразу же проникся доверием к Распутину, в котором увидел прежде всего воплощение русского крестьянства, какое так искренно и глубоко любил, а затем и «старца», каким его сделала народная молва. Такому впечатлению способствовала, конечно, и манера Распутина держать себя. Я подчеркивал уже эту манеру, когда говорил, что Распутин совершенно не реагировал на окружающую обстановку, которая несколько его не связывала, и держал себя совершенно свободно, не делая различия между людьми. Сопоставляя отношение к Себе со стороны придворных кругов, проникнутых единствен-

ной целью произвести выгодное впечатление на Государя и, в стремлении достигнуть эту цель, не брезгавших никакими средствами, Государь невольно делал вывод в пользу Распутина, усматривая в его угловатости и даже бесцеремонности лишь выражение его простодушия и искренности. Идеология Распутина была, конечно, несложной и заключала в себе обычные представления русского крестьянина о Боге-Карателе и Царе — источнике милости и правды. Любовь Распутина к Царю, граничившая с обожанием, была действительно непритворной, и в признании этого факта нет противоречий. Царь не мог не почувствовать этой любви, какую оценил вдвойне, потому что она исходила от того, кто являлся в Его глазах не только воплощением крестьянства, но и его духовной мощи... Да и не было у Государя оснований отнестись к Распутину иначе. Менее всего мог Государь предполагать, что те люди, которые ввели Распутина во Дворец, умышленно наделили его теми качествами, которых он не имел. Дальнейшее поведение Распутина при Дворе только укрепило его позицию, ибо он не злоупотреблял доверием Государя, а, наоборот, увеличивал его, проявляя изумительное для крестьянина бескорыстие, отказываясь от Царских даров и всяких привилегий, с единственной целью не поколебать в глазах Государя позиции «старца», на которой стоял и с которой во Дворце никогда не сходил. С этой целью Распутин и воздерживался от политического общения с Государем, опасаясь выходить за пределы религиозной сферы, отведенной «старцам». Между Государем и Распутиным возникла связь на чисто религиозной почве: Государь видел в нем только «старца» и, подобно многим искренно религиозным людям, боялся нарушить эту связь малейшим недоверием к Распутину, чтобы не прогневать Бога. Эта связь все более крепла и поддерживалась столько же убеждением в несомненной преданности Распутина, сколько, впоследствии, и дурными слухами о поведении Распутина, которым Государь не верил, как потому, что они исходили от неверующих людей, так и потому, что они неслись из Государственной Думы, удельный вес которой, понятно, не мог быть высоким в глазах Государя...

РОДИТЕЛИ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ

Какое же впечатление произвел Распутин на Императрицу?

Мы поймем это впечатление только тогда, когда ознакомимся с духовным обликом Ея Величества, с наследст-

венными чертами, унаследованными Государыней Императрицей от родителей, с обстановкою ее родительского очага, с заложенными в раннем детстве духовными основами.

Духовный облик Ея Величества очень ярко и выпукло выясняется из кощунственно опубликованной переписки Императрицы с Государем Императором, а заложенные в детстве духовные основы — из переписки матери Ея Величества, Великой Герцогини Алисы Гессенской, с королевою Английскою Викторией, матерью герцогини, в промежуток между 1864 и 1878 годами. Переписка эта была издана в 1886 году, спустя 8 лет после смерти Великой Герцогини, и составила книжку под заглавием: «*Alice, Groherzogin von Hessen und bei Rhein, Prinzessin von Großbritannien und Irland. Mitteilungen aus ihrem Leben und aus ihren Briefen. Darmstadt 1886*». (1.)

К рассмотрению этой последней книжки я и хочу перейти.

Как ни скуден этот материал, однако он дает возможность достаточно ярко обрисовать как духовный облик матери Государыни Александры Феодоровны, так и наследственные черты Императрицы, условия и обстановку Ее детства, природу Ее характера, и потому, прежде чем перейти к рассмотрению писем Императрицы к Государю, необходимо на нем остановиться. Духовный склад человека слагается в раннем детстве, и условия семейной обстановки часто предопределяют черты характера, склонности и убеждения. В этом отношении Великая Герцогиня Алиса находилась в исключительно счастливых условиях, унаследовав от своих родителей, королевы Английской Виктории и принца Альберта, те черты, какие отнесли ее к числу не только образованнейших женщин своего времени, но и христианских подвижниц, и вызвали самое неподдельное и глубокое преклонение, о котором и донныне свидетельствует поставленный ей памятник в Дармштадте.

Относясь с трогательной любовью к своей матери, королеве Виктории, что видно из каждого письма цитируемой нами книги, Великая Герцогиня благоговела перед памятью отца, принца Альберта, который был идеалом ее жизни. Вот какими словами рисует она облик своего отца:

«*Je alter ich werde, desto vollkommener, erhebender und edler steht des teuren Papas Bild vor meiner Seele. Solch ein gansez, nur der Pflicht gewidmetes, so freudig und anspruchlos durehgeführtes Leben bleibt auf alle Zeiten etwas und heiter! Ich kann niemals bei anderen, welche ihnnichtgekannt huben, von und ist mein Ideal. Ich habe nie einen Mann gekannt, den man ihm zur Seite stellen könnte oder*

der so wie er dazu angetan war, treu geliebt und bewundert zu werden.» (Alice, стр. 360.) (2.)

В письме от 12 декабря 1867 года, Великая Герцогиня пишет своей матери:

«Der teure geliebte Papa ist und wird immer unsterblich sein. Das Gute, das er getan, die grossen Ideen, welche er in der Welt verbreitet, das edle und selbstlose Beispiel, welches er gegeben, wird fortleben, wie er, dessen bin ich gewiss, fortleben wird, als einer der besten, reinsten, gottähnlichsten Männer, welche in diese Welt hinein gekommen sind. Jetzt und in der Zukunft wird sein Beispiel andere zu höheren Zielen anspornen, und ich bin überzeugt, der teure Papa hat nicht umsonst gelebt»... (Hid., стр.205.) 3.).

В дальнейшем раскрывается такая идиллия семейной жизни родителей Великой Герцогини, такая пламенная любовь между ними, какая создавала совершенно особую благодатную атмосферу домашнего очага, в условиях которого росла и воспитывалась мать будущей русской Императрицы, под сенью которого зарождались, созревали и крепили ее духовные основы и особенности ее духовного склада. Процесс ее духовного развития не нашел, к сожалению, отражения в цитируемых нами письмах, так как последние были написаны уже после того, как этот процесс закончился, и духовный склад Великой Герцогини вполне определился. Но характер этого последнего обрисовывается в письмах очень ясно и свидетельствует о тех особенностях духовного облика Великой Герцогини, какие почти целиком перешли по наследству к ее дочери, Императрице Александре Феодоровне. Великая Герцогиня получила глубокое и разностороннее образование. Об этом свидетельствуют выдержки из ее писем, где имеются указания на те книги, какие она читала и какими интересовалась.

«... Ich lese eben ein Buch von Herrn von Arneth, enthaltend die Briefe Maria Theresias an Maria Antoinette von 1770—1780»... (стр.93) (4.)

«Ich lese sehr viel ernste Bucher» — говорит Великая Герцогиня в письме от 31 мая 1865 года (стр. 103). (5.) В одном из последующих писем, вероятно, отвечая на вопрос матери, Великая Герцогиня останавливается и на подробностях: «Ich lese eben jenes äusserst interessante Werk: «Geschichte von England von Pauli, deutsches, welches mit dem Wiener Kongress im Jahre 1815 beginnt und, glaube ich, sehr ausführlich und zuverglässig ist. Es enthält auch eine Skizze der Regierung Georgs III. und ist so gut geschrieben, dass man es kaum weglegen kann» (стр.107). (6.)

Далее, указывая на свой преимущественный интерес к историческим и научным произведениям, Великая Гер-

цогиня говорит о своем знакомстве с учеными, от которых она получала книги для чтения и с которыми вместе читала.

«Ich lese sehr viel, besonders Geschichts und wissenschaftliche Werke, und ich habe einige sehr gelehrte Bekanntschaften, mit welchen ich lese, oder die mir Bücher empfehlen»... (стр.260). (7)

Одним из них был знаменитый Фридрих Давид Штраус, с которым Великая Герцогиня познакомилась осенью 1868 года и которого приблизила к себе, не прерывая с ним общения в течение всего времени жизни Штрауса в Дармштадте (стр.247).

При всем том, справедливость требует отметить, что главный интерес Великой Герцогини сосредоточивался все же на книгах религиозного содержания. Издатель писем Великой Герцогини, лично ее знавший, говорит в своем послесловии к книге, что все ее столы были покрыты книгами религиозного содержания на всех языках.

«Ich erinnere mich, dass alle ihre Tische mit religiösen Büchern in allen Sprachen bedeckt waren, und dass sie mir einige davon empfohlen hat»... (стр.419) (8.)

Об этом, впрочем, свидетельствует и сама Великая Герцогиня, упоминая часто о проповедях Робертсона, какие производили на нее такое неотразимое впечатление, что она считала их наилучшими среди всех прочих, какие знала (стр. 384). Эти проповеди, какие обыкновенно читались по воскресениям вслух (стр. 103), отрывали Великую Герцогиню от повседневных забот, подчас очень тяжелых, и, наряду с прочими условиями, о которых будет сказано ниже, возносили ее душу к Богу.

С впечатлением от проповеди «Безвозвратное Прошедшее» (т. II. проп. 22) Великая Герцогиня делится в письме к матери от 31 мая 1865 года и описывает его такими словами:

«... Sonntags lesen wir Robertsons Predigten. In der zweiten Abtheilung ist eine: «die unwiederbringliche Vergangenheit», für junge Leute so ermunternd, so nützlich. Louis¹ las sie mir bei seiner Rückkehr von Schwerin, nach Annas Tod,² vor. In der That, ein kurzes Leben, und man empfindet die Ungewissheit des Lebens und die Notwendigkeit der Arbeit, Selbstverlängerung, christlichen Liebe und aller der Tugenden, nach welchen wir trachten sollten. O, möchte ich sterben, nachdem ich meine Arbeit getan, ohne dass ich durch Unterlassung des Guten gesündigt habe, der Fehler, in welchen

¹ Великий герцог Людвиг IV, супруг герцогини Алисы.

² Великая герцогиня Мекленбург-Шверинская, сестра Людовика IV, скончавшаяся 16 апреля 1865 года

man am leichtesten verfällt! Da unser Leben so ruhig ist, gewährt es uns viel Zeit zu ernsten Nachdenken, und ich gestehe, es ist entmutigend zu finden, wie oft man fehlt, wie klein der Fortschritt im Besserwerden ist»... (стр.103). (9.)

Не только наука и литература занимали Великую Герцогиню. Живопись и музыка, в области которых она достигла таких успехов, какие позволяли ей выставлять картины на выставках и принимать участие в домашних концертах наряду с первоклассными артистами, также наполняли ее досуги:

«Verkehr mit bedeutenden Männern eines jeden Faches, mochten es Künstler, Gelehrte oder Techniker sein, war ihr Genuss. Sie liebte es, hinein zu blicken in die Werkstatt ihrer Gedanken und zeigte einen echt deutschen Respekt vor dem Ernst der Arbeit in der Wissenschaft. Von den Künsten liebte und übte sie vornehmlich Malerei und Musik. In beiden erhob sie sich weit über das gewöhnliche Mass begabter Dilletanten. Sie zeichnete leicht, sicher und kräftig, mit entschiedenem Talent für Komposition und reicher Erfindungsgabe; sie malte mit feinem Sinn für Farbenstimmung, besonders glücklich in Wasserfarben. In der Musik leistete sie, was die rasche Auffassung und das Spielen auch sehr schwieriger Werke vom Blatt betrifft, vorzügliches; ihr Gechmack war hier wie in jeder Kunst streng und klassisch, den Meistern einer ernsten, gedankenschweren Behandlung zugetan. Vor allen waren Bach, Beethoven, Mendelssohn und Brahms ihre Lieblinge»... (стр.417). (10.)

Однако, при всем том, было бы ошибочным сделать вывод, что Великая Герцогиня вращалась только в области отвлеченных интересов. Напротив, это была натура деятельная, энергичная, независимая и самостоятельная, не только не терявшаяся при встречах с жизненными испытаниями и невзгодами, но и умевшая указывать другим выходы из положения.

«Bei allem Respekt vor rein theoretischer, wissenschaftlicher Betrachtung der Dinge, in der sie einen bedeutenden Geist begriffen fand, war ihr Sinn doch im Grunde praktisch gerichtet. In Zeiten der Gefahr, wenn die grossten Ansprüche an ihre Leistung gemacht wurden, schienen ihre Kräfte sich zu erhöhen; hier bewies sie wirklich eines Horrschers Natur, der ruhig bleibt, wenn alles um ihn her den Kopf verliert»... (стр.416.) (11.)

Эта последняя черта, источник которой коренился в недрах религиозного сознания Великой Герцогини, была наиболее характерной, и на ней следует остановиться подробнее. Религия была для Великой Герцогини не только теоретическим, внутренним исповеданием веры, не только живым делом, которому она отводила главное место в

жизни, но и опорой этой жизни, советником и другом, с которым Великая Герцогиня никогда не разлучалась, который все знает и понимает, никогда не изменит и не обманет, с которым не страшно ни при каких условиях и обстоятельствах. Религия не только проникала в толщу ее повседневных занятий, налагая конкретные, подчас очень тяжелые обязательства, но и заставляла Великую Герцогиню искать дел, отвечающих религиозным требованиям, что сделалось потребностью ее религиозного чувства. В этом отношении Великая Герцогиня была бес-сознательно проникнута духом Православия, и те формы, в каких находило свое выражение ее религиозное сознание, были чрезвычайно близки и родственны Православию и так ярко подтверждали основное положение о единстве пути к Богу и единстве ощущений, идущих этим путем, тождестве перспектив.

«Vertrauen auf Gott! Immer und beständig in meinem Leben fühle ich, dass dies meine Stütze und meine Stärke ist, und es nimmt zu, wie die Tage vergehen; meine Gedanken in die Zukunft sind licht und dies trägt dazu bei, dab die kleineren Klagen und Sorgen der Gegenwart vor den warmen Strahlen des Lichtes verschwinden, welches unser Führer ist»... (стр.37). (12.)

Такая живая, деятельная вера не могла, конечно, не переставлять точек зрения на окружающее, на задачи и отношение к ним, и понятно, почему Великая Герцогиня называет земную жизнь только странствованием, приготовлением к загробной жизни, и видит родину на небе.

«Unser ganzes Leben sollte Vorbeitung und Erwartung der Ewigkeit sein» (13), — говорит она в письме от 24 июля 1865 года (стр.109). Далее, «das Leben ist nur eine Pilerfahrt» (14.), (стр.137). «Das Leben ist solch eine Pilegerfahrt und so ungewiss ist seine Dauer, dass alle geringeren Sorgen vergessen und leicht zu tragen sind, wenn man bedenkt, wofür man lebt»... (стр.154) (15.) «Die Heimat ist dort»... (стр.408). (16.)

И Великая Герцогиня не только не забывала о своем христианском долге, не только рассматривала сквозь призму его все окружающее, но и следила за своим духовным ростом, работала над собою, не теряла связи с небом. Благодарная за ниспосылаемые Богом милости, Герцогиня сознавала, как мало достойны люди этих милостей, как мало дают Богу взамен их, и, в письме от 30 декабря 1865 года пишет:

«...traurig ist daran zu denken, wie unsere Sanduhr abläuft und wie wenig Gutes doch dabei ist, im Vergleich mit den zahllosen Segnungen, die uns zuteil werden»... (стр.120). (17.)

Отношение ее к скорбям и испытаниям отражало глубокое понимание их психологии и ничем не расходилось

с точками зрения, установленными нашей святоотеческою литературою, конечно, незнакомой Великой Герцогине. Такое совпадение нисколько не удивительно, ибо все, идущие верным путем к Богу, видят и знают одно и то же.

«Gottes Barmherzigkeit ist wirklich gross, und er sendet einen Balsam, um das verwundete, zerrissene Herz zu trösten und ihm Linderung zu schaffen, und lehrt uns, uns in unsere Sorgen zu schikken, auf dass wir wissen, wie wir sie tragen sollen» (стр.212). (18.)

Таков был духовный склад Великой Герцогини, содержание ее внутренней духовной сущности. Как же выражалась такая сущность во вне, в какие внешние формы воплощалась в жизнь?! Цитируемая нами книга дает обстоятельный ответ и на этот вопрос.

Я уже указывал на то, что эти формы были очень родственны Православию. К этому можно добавить, что Великая Герцогиня глубоко усвоила себе и самую идею подвига и стремилась к нему, столько же ради того, чтобы помочь ближнему, сколько и во имя христианского долга. Об этом свидетельствует, между прочим, и пространное письмо от 5 марта 1864 года, в котором Великая Герцогиня описывает один из таких подвигов, умоляя мать никому об этом не рассказывать: «aber bitte, sage es niemandem, denn hier weiss keine Seele, ausser Louis und meine Damen, etwas davon»... (стр.71). (19.)

Уход за ранеными и больными в лазаретах и больницах и посещение разного рода благотворительных учреждений и приютов нищеты входили в программу каждого дня. Великая Герцогиня не ограничивалась существующими учреждениями, но и открывала новые, обращая особое внимание на беспомощное положение престарелых, лишенных возможности личным трудом зарабатывать себе средства к жизни. Помощью со стороны таких учреждений пользовались не только живущие в них, но и те бедные, которые, за недостатком места, оставались на городских квартирах и ютились на чердаках и в подвалах. Эти последние были особенно близки сердцу Великой Герцогини, и она нередко лично посещала их. И цель, и результаты таких посещений, как видно из приводимого письма, резко отличались от обычных. Как-то однажды Великая Герцогиня, в сопровождении своей придворной дамы, отправилась «incognito» к одной бедной прачке, жившей в трущобах старой части Дармштадта. Много усилий потребовалось, прежде чем Великая Герцогиня отыскала ее, пройдя маленький грязный двор и поднявшись по темной лестнице на чердак. Там она застала бедную больную женщину, лежавшую вместе с маленьким Baby на кровати. Тут же находились и ее муж и еще четверо

ребят. Муж не имел заработка, а дети были так малы, что не ходили даже в школу и не могли служить подспорьем для родителей, и в семье царила страшная нужда, так как имелось всего 4 крейцера. Великая Герцогиня выслала из помещения придворную даму и детей и вместе с мужем сварила бедной женщине обед, взяла у нее дитя, которому промыла больные глаза, привела в порядок постель, убрала помещение и, два раза посетив больную, оставила ее лишь после того, как облегчила ее горе и нужду и оказала действительную помощь ближнему. Письмо заканчивается такими словами: «...Es tat dem Herzen wohl, in solcher Armut so richtiges Gefühl zu finden... Denke Dir dieses Elend und Missgeschick! Wenn man nie irgendwelche Armut sieht und immer nur unter Hofleuten lebt, tritt die Herzlichkeit in den Hintergrund und ich fühle das Bedürfnis, das wenige Gute zu tun, was in meinen Kräften liegt»... (стр. 71—72). (20.)

В другой раз Великая Герцогиня, спустившись в подвал и застав там еще более тяжелую картину, потребовала горячей воды и, засучив рукава, собственноручно вымыла кучу белья, сваленную в углу.

Подобных случаев в жизни Герцогини было много, и все они свидетельствуют о том, что идею христианской помощи ближнему она связывала с личными трудами и подвигами... Там же, где подвиги, там смирение, и в этом отношении жизнь Великой Герцогини дает очень много характерных иллюстраций. Трудовой день Герцогини начинался в 6 часов утра и заканчивался после 10 часов вечера (стр. 51). «Das Leben ist für die Arbeit da und nicht zum Vergnügen» (21.) — пишет Великая Герцогиня к матери 29 Августа 1866 года (стр. 157); а в чем заключалась эта работа, мы видели из предыдущего, когда отмечали, что, с точки зрения Великой Герцогини, земная жизнь должна быть только приготовлением к вечности, к загробной жизни. Таков духовный облик матери Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Обратимся теперь к отцу Императрицы, Великому Герцогу Гессенскому Людвигу IV.

Облик отца, поскольку он находит свое отражение в письмах Великой Герцогини, рисуется в чрезвычайно привлекательных красках. Смелый, бесстрашный полководец на войне, рассудительный, спокойный и умный государственный деятель, Великий Герцог был в то же время и редким семьянином, любящим мужем и отцом, для которого семейный очаг был не только главным, но и единственным местом отдыха. Между супругами царило не только трогательное единодушие, но и нежная взаимная любовь и уважение, и Великая Герцогиня, считая свой

брак одним из самых счастливых на земле, часто писала своей матери о том, что не знает даже, чем заслужила такое счастье и за что Господь изливает на нее Свой милости в таком изобилии. В письме от 24 июня 1862 года Великая Герцогиня пишет:

«Wenn ich sage, dass ich meinen Mann liebe, ist das kaum genug, es ist eine Liebe und Achtung, welche täglich, stündlich zunimmt, welche auch er in mir durch alle möglichen Rücksichten und eine so zärtlich liebende Art erweist. Was war das Leben früher gegen das, was es jetzt geworden ist? Es ist ein so geheiligter Friede, an seiner Seite, seine Frau zu sein; es ist ein solches Gefühl der Sicherheit, und wir beide haben, wenn wir zusammen sind, unsere Welt unter uns, welche nichts anrühren oder stören kann. Mein Los ist wirklich ein begnadetes — doch was habe ich getan, um diese warme und inbrünstige Liebe zu verdienen, welche mein geliebter, angebeteter Louis mir erweist? Ich bewundere sein gutes und edles Herz mehr als ich sagen kann. Wie er mich liebt, weißt Du, und er wird Dir ein guter Sohn sein. Tag liest er mir aus «Westward ho» vor, das ich sehr schön und interessant finde... Ich bin immer ganz ungeduldig, bis ich seinen Schrift die Treppe heraufkommen höre und sein liebes Gesicht sehe, wenn er zurückkehrt»... (стр.31). (22.)

В письмах к матери, Великая Герцогиня часто останавливается на своих чувствах к мужу и в письме от 9 Декабря 1867 года, между прочим, пишет:

«Wenn Louis zu Hause und frei ist... habe ich alles, was die Welt mir geben kann, denn ich bin wirklich niemals glücklicher als an seiner teuren Seite, und die Zeit vermehrt nur unsere Zuneigung und bindet uns fester aneinander»... (стр.204). (23.)

Такое духовное сродство было возможно, конечно, только при общности религиозного мировоззрения супругов, создававшего общие идеалы и стремления. Религия протестанта, чуждая мистических отвлечений, проникала в глубокие недра жизни Великого Герцога, и он ни на минуту не забывал не только о своих обязанностях христианина, но и о том, что, по своему положению, обязан был идти впереди прочих, подавая пример отношения к христианскому долгу другим. В этом отношении вся жизнь Великого Герцога была соткана из целого ряда мелких, единичных фактов, составлявших обычное содержание каждого дня и рисовавших величие его души... Очень характерный случай описывается Великой Герцогиней в письмах от 17 августа 1874 года из Blankenburgerhe:

«Gestern rettete Louis eine Dame vom Ertrinken. Er badete — die Wellen gingen hoch, da hörte er einen Hilferuf und sah eine Badende mit den Wellen kämpfen — sie verlor

den Grund, ihr Mann versuchte ihr zu helfen, war aber erschöpft und liess sie los, ebenso ihr Serwager, und Louis fühlte sein Kraft schwinden, aber sie behielt ihre Geistesgegenwart und schwamm auf der Oberfläche. Er liess sie dann los, bis eine Welle sie ihm wieder nahe brachte, erfasste ihre Hand und brachte sie heraus, selbst ganz erschöpft. Ich war nicht mehr in der See, denn die Wellen waren so furchtbar, dass ich meinen Grund mehrmals verlor und aus Furcht vor einen Unglücksfall früher herausging. Die Dame ist eine Mrs. J. Sligo, eine Schottländerin, und sie hat eben geschrieben, um Louis zu danken»... (стр.354). (24.)

Частная жизнь Великогерцогской четы поражала своею скромностью и ничем не отличалась от жизни людей среднего круга и достатка. Официальные приемы были редки, и ими одинаково тяготились обе стороны. Часы досуга Великогерцогская чета проводила в кругу семьи, отвлекаясь от нее или заботами о помощи ближним, что обязывало к посещению разного рода благотворительных учреждений, или вынужденными приемами официальных лиц. Таков был общий фон семейного очага, под сенью которого росли и воспитывались их дети. Как же относились к ним родители, каковы были взгляды их на задачи воспитания детей?

Письма Великой Герцогини отвечают и на этот вопрос.

В письме от 25 июня 1870 года к матери имеется характерное указание:

«Ich fühle ganz dasselbe wie Du hinsichtlich der Verchiedenheit des Standes und wie es vor allem für Fürsten und Fürstinnen von Wichtigkeit ist, zu wissen, dass sie nicht besser als andere sind, noch höher als andere stehen, es sie denn kraft eigenen Verdienstes, und dass ihnen nur doppelte Pflicht obliegt, für andere zu leben und ihnen ein Beispiel zu sien — und ich hoffe, meine Kinder werden so heranwachsen»... (стр.262). (25.)

На этом основном фундаменте Великая Герцогиня строила все здание воспитания своих детей и зорко следила за тем, чтобы сделать их «frei von allem Stolz auf ihre Stellung... welche ohne das, was ihr innerer Wert darans machen kann, nichts ist»... (стр.261). (26.)

Среди найденных после смерти Великой Герцогини писем имеется одно, заготовленное для будущего воспитателя ее сына, герцога Эрнеста-Людвига, написанное за неделю до ее смерти. Давая руководственные указания воспитателю, Великая Герцогиня говорит, что ее сын должен быть «ein Edelmann in vollstem Sinne des Wortes, ohne Prinzendunkel, welche vor allem die englische Eigenschaften, welche vor allem die englische Erziehungsmethode zu entwickeln strebt; Pflichtbewusstsein, Ehrgefühl und Wahrheits-

liebe und der Achtung vor Gott und dem Gesetze, die allein wahrhaft frei machen»... (стр.409). (27.)

И умная мать успешно достигала намеченных целей. Об этом свидетельствует, между прочим, и письмо от 25 декабря 1867 года:

«Meine Kinder wollen einer Anzahl armer Kinder am Neujahrstag eine Bescheerung machen. Es ist so gut, sie frühzeitig zu lehren, freigebig und mildtätig gegen die Armen zu sein. Sie wollen sogar einige inner Sachen und solche, die nicht zerbrochen sind, hergeben»... (стр.205)

Еще более характерную иллюстрацию взглядов Великой Герцогини на задачи воспитания детей мы находим в ее письме от 14 июня 1871 года, в котором она пишет:

«Alle meine Kinder sind Naturfreunde, und ich suche das zu entwickeln, so viel in meinen Kräften steht. Es bezeichnet das Leben und niemals wird es ihnen an Unterhaltung fehlen, wenn sie imstande sind, die tausend Schönheiten und Wunder der Natur um sich her zu suchen und zu finden. Sie sind sehr glücklich und zufrieden und ich finde immer, dass, weniger Lente sie haben, sie desto weniger brauchen und die Freude an dem, was sie wirklich besitzen, um so grosser ist. Ich erziehe meine Kinder einfach und mit so wenigen Bedürfnissen, als ich es irgendwie vermag, und lehre sie vor allen Dingen, selbst für sich und andere zu sorgen, damit sie unabhängig werden»... (стр.291). (28.)

С большим вниманием следила за воспитанием своих внуков и королева Виктория, которая, как видно из письма Великой Герцогини от 16 ноября 1874 года, придерживалась весьма строгих методов воспитания, не допускала того, чтобы детей баловали и уделяли им слишком много внимания. По этому вопросу между матерью и дочерью возникала обширная переписка, причем Великая Герцогиня оправдывалась от подозрений в излишней заботливости о детях и подтверждала, что добросовестно следует указаниям матери, стараясь развивать в детях самостоятельность и независимость, для чего избегала частого общения с детьми и навлекала на себя даже жалобы со стороны мужа, находившего, что она уделяет своим детям слишком мало времени (стр. 258—359).

Тем не менее, однако, заботы о детях заставляли Великую Герцогиню интересоваться даже медицинскою литературою и приобретать специальные познания, чтобы иметь возможность оказать нужную помощь до прихода врача (стр. 93—94). Самый тщательный уход за здоровьем детей не мог, однако, предотвратить последствий той болезни, какая была, нужно думать, наследственной в семье Великого Герцога. Эта болезнь, гемофилия, передаваясь мужскому поколению, выражалась в том, что кровь ге-

мофилитика не имела свойств сгущаться, как у нормального организма: стенки артерий и вен больного были до того хрупки, что всякий ушиб или даже чрезмерное усилие могли вызвать разрыв сосудов и повлечь за собою кровоизлияние со смертельным исходом. Болезнь унаследовал младший сын Великой Герцогини Frittie, скончавшийся в детстве от кровоизлияния, явившегося последствием неосторожного ушиба. Болезнь ребенка причиняла жестокие страдания матери, и в письме от 1 февраля 1873 года Великая Герцогиня описывает один из бывших случаев кровотечения из уха, настолько сильного, что никакие средства не могли остановить его в течение суток (стр. 323—324).

Часы досуга проходили или в чтении духовных книг, или в молитве, причем эти молитвы являлись не только возношением души к Богу, в моменты отрешения от обычных дел и занятий, а как бы самостоятельным и нужнейшим делом. Великая Герцогиня молилась вместе со своими детьми, приучала их к религиозному мышлению, вырабатывала у них определенное религиозное мировоззрение и особенно внимательно следила за тем, чтобы дети не ограничивались лишь теоретическим исповеданием веры, а воплощали бы религию в жизнь. Поэтому, не довольствуясь обычными утренними и вечерними молитвами, Великая Герцогиня приучала детей, между прочим, и к духовным песнопениям и вместе с ними пела духовные песни, относя такое занятие к числу важнейших дел каждого дня. Здесь сказался очень тонкий психологический прием, коим мудрая мать желала подчеркнуть, что еще мало верить, а нужно иметь и мужество всегда и при всяких случаях исповедовать свою веру, не нужно стыдиться ее, что обычно наблюдается в детском возрасте, а затем входит в привычку.

«Ich fühle das Bedürfnis zu beten; ich singe gern geistliche Lieder mit meinen Kindern und jedes hat sein Lieblingslied»... (стр.419). (29.)

Таково было настроение, общий фон и характер родительского очага Императрицы Александры Феодоровны.

Кратки и отрывочны эти сведения; они не охватывают даже в полном объеме содержания цитированной мною книги, не касаются одного из важнейших данных, способного пролить свет на психологию той внутренней борьбы в области религиозной, какую вела Великая Герцогиня и о которой в помянутой нами книге имеются лишь отдаленные намеки в послесловии ее издателя: «So wenig sie jemals an dem Werte und Wesen praktischer Religiosität irre wurde, so sehr sie in allen Stunden der Not und Angst immer wieder zum Worte der heiligen Schrift, das ihr sehr

vertraut und lieb war, zurückkehrte, so hatte sie doch mit dem theoretischen Zweifel Herrschaft zu ringen. Es scheint ein jahrelanger Kampf gewesen zu sein»... (стр.418). (30.)

История восполнит недостающее, а благодарное потомство, воздвигнувшее Великой Герцогине великолепный памятник в Дармштадте, озаботится в свое время, опубликованием и тех данных, какие сейчас сосредоточены в архивах Великогерцогского Двора и известны лишь близким и какие озарят еще большим сиянием светлый облик родителей Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

ПРИБЫТИЕ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕОДОРОВНЫ В РОССИЮ И ЕЕ ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Государыня Императрица Александра Феодоровна была четвертою дочерью Великого Герцога Гессенского Людвига IV и его супруги, герцогини Алисы, и родилась 6 июня 1872 года. В числе восприемников при крещении были Император Александр III, тогда Наследник Цесаревич, и его супруга Императрица Мария Феодоровна, и этот факт давал окружающим повод называть новорожденную принцессу Алису будущей русской Императрицей. А.А.Танеева в своих воспоминаниях рассказывает, что во время посещения Государыней Императрицей Марией Александровной Дармштадта, в семидесятых годах, Великая Герцогиня Гессенская Алиса привела показать ей всех своих детей и принесла на руках и маленькую принцессу Алису. Императрица Мария Александровна, обернувшись к своей фрейлине, баронессе Пилар, произнесла, указывая на принцессу: «*Baizez lui la main: elle sera votre future Imperatrice*». (Страницы из моей жизни. А. А. Танеевой (Вырубовой). Русская Летопись, кн. IV, стр. 24). Такое убеждение, с раннего детства привитое принцессе, сделалось настолько всеобщим и до того прочно укоренилось при Гессенском Дворе, что впоследствии проникло и в ее сознание и, может быть, было первым толчком, родившим у нее тот интерес к России и ко всему русскому, какой затем превратился в горячую любовь к ее новой Родине и позволил ей сказать: «Я более русская, чем многие другие» (Письмо Ея Величества к Государю Императору, № 355, т. II, стр. 187).

С раннего детства принцесса Алиса стала обнаруживать склонность к сосредоточенности и самоутлуплению и заметно выделялась среди детей своего возраста. Ее детская душа бессознательно тянулась к Богу и жила в атмосфере религиозной мысли, и принцессу называли в семье не иначе, как «*Das Licht der Welt*» и «*Sonnenschein*».

Последнее прозвище утвердилось за нею и сопровождало ее в течение всей ее последующей жизни. Шести лет от роду принцесса Алиса лишилась своей матери, и ее последующие годы протекали, главным образом, при дворе Английской Королевы. Об этом периоде ее жизни мы не имеем, к сожалению, никаких сведений; однако несомненно, что при Английском Дворе царила та же атмосфера, и основы, заложенные в семье родителей, получали лишь дальнейшее свое развитие.

12-летней девочкою, Императрица Александра Феодоровна в первый раз приехала в Петербург на свадьбу своей сестры, Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, и познакомилась с Наследником Цесаревичем, Николаем Александровичем, которому в то время было 16 лет. А.А.Танеева рассказывает в своих воспоминаниях об одном эпизоде из жизни маленькой принцессы Алисы в этот период. Наследник подарил ей однажды маленькую брошку. Принцесса сперва приняла ее, но потом раздумала, полагая, что не должна была принимать подарка. Не зная, как вернуть подарок, чтобы не обидеть Наследника, принцесса на детском балу в Аничковом Дворце потихоньку втиснула брошку в руку Наследника, который был очень огорчен этим и подарил эту брошку своей сестре. (стр. 24).

С годами увлечение росло; но принцессе, нужно думать, приходилось выдерживать борьбу со своим чувством, ибо, как при Английском Дворе, так и при Гессенском, относились несочувственно к перемене религии. Об этом свидетельствует письмо Великой Герцогини Алисы от 12 ноября 1872 года, написанное по поводу предполагавшегося брака Великого Князя Владимира Александровича с принцессою Марией Мекленбург-Шверинской:

«Die Kaiserin von Russland schrieb neulich, dass die Verbindung mit Marie von Mecklenburg ganz unmöglich ist, da sie ihren Glauben nicht wechseln will. Ich hoffe, alle anderen deutschen Prinzessinnen werden ihrem Beispiele folgen» (Alice, стр.313).

Столь же определенными были точки зрения на вопрос и при Английском Дворе. Однако к тому времени, когда принцесса Алиса сделалась невестою Наследника Цесаревича, колебаний уже не было, ибо принцесса успела уже настолько глубоко ознакомиться с православием, что перемена религии перестала страшить ее.

Вот какими словами описывает А.А.Танеева первые впечатления принцессы Алисы, по приезде ее в Россию, в качестве Цесаревны:

«В это время смертельно заболел Император Александр III, и ее вызвали, как будущую Цесаревну, в Крым. Им-

ператрица с любовью вспоминала, как встретил ее Император Александр III, как он надел мундир, когда она пришла к нему, показав этим свою ласку и уважение. Но окружающие встретили ее холодно, в особенности, рассказывала она, княжна А.А.Оболенская и графиня Воронцова. Ей было тяжело и одиноко: не нравились шумные обеды, завтраки и игры собравшейся семьи, в такой момент, когда там, наверху, доживал свои последние дни и часы Государь Император. Затем переход ее в Православие и смерть Государя. Государыня рассказывала, как она, обнимая Императрицу-Мать, когда та отошла от кресла, на котором только что скончался Император, молила Бога помочь ей сблизиться с Нею. Потом длинное путешествие с гробом Государя по всей России, и панихида за панихидой. «Так я въехала в Россию, рассказывала она. Государь был слишком поглощен событиями, чтобы уделять мне много времени, и я холодела от робости, одиночества и непривычной обстановки. Свадьба наша была как бы продолжением этих панихид, только что меня одели в белое платье». Свадьба была в Зимнем Дворце. Те, кто видели Государыню в этот день, говорили, что она была бесконечно грустна и бледна.

Таковы были въезд и первые дни молодой Государыни в России. Последующие месяцы мало изменили ее настроение.

Своей подруге, графине Рантцау (фрейлине Принцессы Прусской), она писала: «Я чувствую, что все, кто окружает моего мужа, неискренни, и никто не исполняет своего долга ради долга и ради России. Все служат ему из-за карьеры и личной выгоды, и я мучаюсь и плачу целыми днями, так как чувствую, что мой муж очень молод и неопытен, чем все пользуются». Государыня целыми днями была одна. Государь днем был занят с министрами; вечера же проводил с своей матерью (жившей тогда в том же Аничковом Дворце), которая в то время имела большое на него влияние. Трудно было молодой Государыне первое время в чужой стране. Каждая молодая девушка, выйдя замуж и попав в подобную обстановку, легко могла бы понять ее душевное состояние. Кажущаяся холодность и сдержанность Государыни начались с этого времени почти полного одиночества, и ее находили не приветливой...

Кто не стоит в стороне от жизни и в цепи случайных, отрывочных фактов видит отражение того, что они действительно выражают, тот увидит в этом кратком отрывке лишь кусочек общей грандиозной картины, скрывавшей подпольную работу преступников, толкавших Россию на встречу ее ужасному будущему. Не пришло еще время,

которое бы открыло глаза ослепленному человечеству на работу того «Незримого Правительства», задачи которого заключаются в ликвидации христианства и гибели вековой христианской культуры. Работа эта ведется тысячелетиями и на пути к своим достижениям встречает все меньше препятствий со стороны инертной массы. Натиск на Россию начался давно. Убийство Императора Павла I и отравление Императора Николая I, убийство Императора Александра II и отравление Императора Александра III, все это лишь этапы деятельности того «Незримого Правительства», в существование которого не все даже верят, до того искусно и глубоко запрятаны корни преступной работы этой шайки тайных агентов революции.

Так называемая «Эпоха великих реформ» была начальным пунктом планомерной, активной деятельности «Незримого Правительства» в России, заложившей прочный фундамент для дальнейшего развития революционных начинаний. Как ни почтенны были заглавия каждой отдельной реформы, но все они объединялись общей идеей, нашедшей свое выражение в лозунге «Царь и народ» и скрывавшей за собою цель — устранить одно из главных препятствий на пути к революционным достижениям, *общение народа с интеллигенцией*, для чего нужно было подорвать доверие народа к образованному классу и озлобить против него.

Властная рука Императора Александра III положила предел дальнейшему развитию преступной работы, и то, что не удалось сделать в царствование Императора Александра III, то было решено закончить в царствование Императора Николая II.

Отсюда эта крайняя поспешность, эта стремительная деятельность тайных агентов революции, не отражавшая даже системы, эти непрекращающиеся в царствование Императора Николая II удары по России и династии. Ходынка, Японская война, революция 1905 года, Государственная Дума, война 1914 года и, как предел достижений, революция 1917 года, гибель России и династии — все это лишь осуществление давно намеченных этапов общей программы «Незримого Правительства», далеко еще не исчерпанной и включающей в себе идею всемирной революции как способа ликвидации христианства.

В описываемое нами время главным тормозом для осуществления намеченных программ был союз с Германией, и к расторжению этого союза были направлены все усилия «Незримого Правительства». Вражда между Россией и Германией искусственно развивалась с обеих сторон, и к концу царствования Императора Александра III отношения между монархиями обострились уже настоль-

ко, что Россия предпочла союз с республиканской Францией сохранению прежней дружбы с Германией.

Здесь источник того отношения, какое встретила со стороны окружавших прибывавшая в Россию немецкая принцесса Алиса Гессенская, будущая русская Императрица. Отсюда этот холодный прием и недоброжелательство, отсюда эта планомерная, систематически развиваемая травля, не знающая пределов злоба и гнусная клевета.

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ
ФЕОДОРОВНЫ. А.А.ВЫРУБОВА. ЗНАКОМСТВО ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА С
РАСПУТИНЫМ

Впечатление, произведенное Распутиным на Императрицу — было еще сильнее, чем то, какое он произвел на Царя. Этот факт имеет глубокие психологические основы. Придет время, когда об Императрице Александре Феодоровне будут напечатаны целые тома, и Ее имя будет жить в памяти потомства как имя Праведницы. Таковы уж законы извращенной природы человечества, распинающего тех, кому потомство ставит памятники.

Много разных причин, главным образом политических, создали ту почву, на которую вступила Императрица Александра Феодоровна, тогда еще принцесса Алиса Гессенская, в первый же момент своего приезда в Россию. Обострившиеся к концу царствования Императора Александра III отношения между Россией и Германией не могли, конечно, не отразиться на отношении к немецкой принцессе, коей суждено было сделаться Русской Императрицей. Такое отношение политических и общественных кругов к Принцессе Гессенской находило, к несчастью, поддержку даже в тесном домашнем кругу Царской Семьи, где молодую Императрицу встретили, в лучшем случае, равнодушно, чтобы не сказать недружелюбно. Только очень немногие знали, какое великое духовное богатство принесла Императрица Александра в приданое своему новому отечеству, какие великие традиции предков она унаследовала, какую святую мать она имела, какими глубокими моральными началами она была проникнута. Мало кто знал и о тех дарованиях, какими Императрица была наделена, о ее уме, о глубине и широте ее христианского мировоззрения... О ней в лучшем случае судили лишь по Ее официальным ученым дипломам; но мало кто интересовался взглянуть на то, что скрывали за собою эти дипломы и каков был в действительности нравственный облик Императрицы. А между тем, Императри-

ца, точно умышленно, прятала свои качества и дарования, вела крайне замкнутую жизнь, что объяснялось гордостью и высокомерием, тогда как в действительности там была, с одной стороны, застенчивость, а с другой — сознание того тяжелого чувства, какое испытывает всякий глубокий человек, принуждаемый отдавать дань светской мишуре...

Подавленная безжалостным отношением придворных кругов, настаивавших на официальных выездах и приемах и усматривавших в них наиболее соответствующую форму общения с обществом, Императрица сказала мне однажды: «Я не виновата, что застенчива. Я гораздо лучше чувствую себя в храме, когда меня никто не видит; там Я с Богом и народом... Императрицу Марию Феодоровну любят потому, что Императрица умеет вызывать эту любовь и свободно чувствует Себя в рамках придворного этикета; а Я этого не умею, и Мне тяжело быть среди людей, когда на душе тяжело».

Как много сказано этими немногими словами, и, истине, нужно самому научиться страдать, чтобы уметь понять Императрицу. Если велики были страдания Государя Императора, уподоблявшего себя Святому Иову Многострадальному, то страдания Императрицы Александры Феодоровны были еще больше. Всякое несчастье, всякая неудача, всякий неверный шаг, как в частной жизни Царской Семьи, так и в политической жизни государства, точно умышленно, связывался с именем Императрицы, и этот психоз принял такие размеры, что даже в широкой публике стали говорить о том, что Императрица принесла несчастье России. Такое убеждение не только отзывалось глубокими страданиями чуткой и восприимчивой души Императрицы, но сделалось даже Ее собственным убеждением, еще более связывавшим Ее и заставлявшим еще глубже уединяться и в общении с Церковью искать утешения и духовных сил. Вся жизнь Императрицы была проникнута религиозным содержанием, какое растворялось лишь Ее горячей любовью к России и русскому народу. Благо этого народа было дыханием Ее жизни. Теперь это уже не личное мнение автора, а факт, ставший известным всему миру и обличающий издателей «Писем Императрицы к Государю Императору». И нужно было действительно горячо любить Россию, чтобы, будучи иностранкой, так глубоко изучить язык и литературу чуждого раньше народа и проникнуться православием настолько, чтобы усвоить дух его... Здесь в полной мере сказалась и тренировка иностранки, то уважение к требованиям религии, какое отличает верующего протестанта от верующего православного. Для первого религия — жизнь; для второго — только исповедание, часто ни к чему не обя-

зывающее. Самые, казалось бы, важные требования религии, для всех обязательные, не только не выполняются, но часто даже неизвестны православным. По учению православной Церкви, каждый христианин обязан иметь духовника, общение с которым должно быть непрерывным, а не только в момент исповеди. Никто не вправе менять своих духовников по своему выбору и желанию, а должен пользоваться тем, в приходе которого живет. Веления духовника безусловны: его требования выше закона и подлежат выполнению при всяких условиях. Ведя своих духовных детей к Богу, он руководит их жизнью, проверяет и очищает их совесть, связывает и разрешает и дает за них ответ Богу. Такова теория; а в действительности об этой теории не все православные даже знают... Совершенно иную картину мы наблюдаем у верующего протестанта или католика. Там религия жизненна; там она растворяется в мелочах повседневной жизни, проникает в толщу жизни, обязывает к конкретным действиям, налагает определенные обязанности; там религия — сама жизнь... Само собою разумеется, что, войдя в лоно православия, Императрица прониклась не только буквою, но и духом его, и, будучи верующей протестанткой, привыкшей относиться к религии с уважением, выполняла ее требования не так, как окружавшие Ее люди, любившие только «поговорить о Боге», но не признававшие за собою никаких обязательств, налагаемых религиею.

Исключение составляла одна только Анна Александровна Вырубова, бывшая Фрейлина Государыни, старшая дочь Главноуправляющего Собственною Его Императорского Величества Канцеляриею, обер-гофмейстера А.А.Таннеева, несчастно сложившаяся личная жизнь которой рано познакомила ее с теми нечеловеческими страданиями, какие заставили ее искать помощи только у Бога, ибо люди были уже бессильны помочь ей. Общие страдания, общая вера в Бога, общая любовь к страждущим, создали почву для тех дружеских отношений, какие возникли между Императрицею и А.А.Вырубовою.

Жизнь А.А.Вырубовой была поистине жизнью мученицы, и нужно знать хотя бы одну страницу этой жизни, чтобы понять психологию ее глубокой веры в Бога и то, почему только в общении с Богом А.А.Вырубова находила смысл и содержание своей глубоко несчастной жизни. И когда я слышу осуждения А.А.Вырубовой со стороны тех, кто, не зная ее, повторяет гнусную клевету, созданную даже не личными ее врагами, а врагами России и Христианства, лучшей представительницей которого была А.А.Вырубова, то я удивляюсь не столько человеческой злобе, сколько человеческому недомыслию... И когда Им-

ператрица ознакомилась с духовным обликом А.А.Вырубовой, когда узнала, с каким мужеством она переносила свои страдания, скрывая их даже от родителей; когда увидела ее одинокую борьбу с человеческой злобой и пороком, то между нею и А.А.Вырубовой возникла та духовная связь, которая становилась тем большей, чем больше А.А.Вырубова выделялась на общем фоне самодовольной, чопорной, ни во что не веровавшей знати. Бесконечно добрая, детски доверчивая, чистая, не знающая ни хитрости, ни лукавства, поражающая своею чрезвычайно искренностью, кротостью и смирением, нигде и ни в чем не подозревающая умысла, считая себя обязанной идти навстречу каждой просьбе, А.А.Вырубова, подобно Императрице, делила свое время между Церковью и подвигами любви к ближнему, далекая от мысли, что может сделаться жертвою обмана и злобы дурных людей... Вот почему, когда пронесся слух о появлении «старца» Распутина, А.А.Вырубова восторгалась и была одною из первых, побежавших ему навстречу. В этом порыве сказалось столько же желание найти в общении со «старцем» личную духовную поддержку, сколько и желание дать ее несчастной Императрице. При каких обстоятельствах произошло знакомство Императрицы с Распутиным, я не знаю; но знаю, что, прежде чем познакомиться с ним, а затем и в последующее время, после знакомства, Императрица, не доверяя собственному впечатлению, *запрашивала отзывов о Распутине у своего духовника*, имевшего в глазах Ее не только личный, но и церковный авторитет. *Это обстоятельство упускается из виду, или умышлено замалчивается, между тем имеет чрезвычайное значение.* Авторитет духовника был в глазах Императрицы настолько высок, что связывал личную волю, исключал свободу личного мнения, обязывал к беспрекословному послушанию, был, словом, таким, каким и должен быть в глазах каждого истинно верующего православного, претворяющего религию в жизнь. И совершенно понятно, что Государыня увидела в лице Распутина того, кто был «старцем» не только в глазах широких масс населения, но и в глазах Ее духовника... В своем отношении к Распутину Императрица стояла на такой же высоте, на какой стояла вся «Святая Русь» перед келией старца Амвросия Оптинского или хибаркою преподобного Серафима... В этих отношениях находила свое лучшее выражение вся красота нравственного облика Императрицы, Ее глубочайшая вера, Ее смирение, преданность воле Божией... Эта черта, свойственная только русскому человеку, ищущему в момент душевной боли общения с святыми людьми, старцами и подвижниками, вместо того, чтобы «рассеяться» и бежать в гости, или в театр,

так глубоко бы сроднила Императрицу Александру Феодоровну с русским народом, если бы между нею и народом не была воздвигнута врагами России и династии стена, скрывавшая Ее действительный облик, если бы целая армия, в миллионы рук, не трудилась бы над этой преступной работою... Не вызывал сомнения у Императрицы Распутин еще потому, что составлял именно то явление русской жизни, какое особенно привлекало Императрицу, видевшую в его лице воплощение образов, с коими Она впервые ознакомилась в русской духовной литературе.

Этот тип «печальников», «странников», «юродивых», обнимаемых общим понятием «Божьих людей», был особенно близок душе Императрицы. Короче говоря, Императрица Александра Феодоровна была не только русскою Императрицею, но и русскою женщиною, насквозь проникнутою теми свойствами, какие возвеличили образ русской женщины и возвели Ее на заслуженный пьедестал.

И с этого пьедестала Императрица не сходила и выполняла свой долг перед Россией, перед церковью и личной совестью до конца. И если, тем не менее, Она не была понята русским народом, то только потому, что была настолько выше общего уровня своего народа и стояла на такой уже высоте, какая требовала духовного зрения, чтобы быть заметной.

ДУРНАЯ СЛАВА РАСПУТИНА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

О Распутине так много говорилось и писалось, что для того, чтобы разобраться в его истинном облике и раскрыть игру тех, кто окружал его с заведомо преступными целями, выполняя задания интернационала, необходимо сперва установить резкие грани, отделявшие известные периоды его жизни до и после появления в Петербурге.

Первый период протекал в далекой Сибири и в точности мало кому известен. Общая молва утверждала, что Распутин был кающимся грешником, что в своей молодости он вел разгульную жизнь и губил полученные от Бога таланты; что затем благодать Божия вновь коснулась его, он раскаялся и подвигами самобичевания, паломничествами по святым местам, молитвою и постом старался заглушить в себе укоры совести и достиг таких успехов, что Господь простил ему его грехи и возвеличил... Было ли это так, или здесь отразилась только склонность русского народа к таинственным легендам, я не знаю. Однако долю правды в этих рассказах можно допустить, ибо Распутин, еще задолго до своего появления в Петербурге,

имел репутацию подвижника и привлекал к себе не только своих односельчан, но и жителей соседних губерний, и слух о его подвижнической жизни дошел даже до столицы, откуда архимандрит Феофан, инспектор Петербургской Духовной академии, не раз будто бы ездил к Распутину, почитая его за праведника.

Нет данных утверждать, чтобы слава Распутина, как подвижника, раздувалась бы в этот период времени искусственно, усилиями делателей революции. Живя в далекой Сибири, Распутин был еще вне поля зрения и наблюдения интернационала и, вероятно, обладал действительно какими-либо качествами и особенностями, выдвинувшими его на поверхность и заставившими говорить о нем.

Интернационал сосредоточил на Распутине свое внимание лишь после приезда последнего в Петербург и только использовал его доброе имя подвижника, раздувая его славу и окружая это имя ореолом святости.

Возможно, что архимандрит Феофан, посещая Распутина в Сибири, и пригласил его в Петербург. Монах исключительной настроенности и огромного авторитета, имевший большое влияние на студентов академии и производивший на окружающих сильнейшее впечатление, сосредоточивший на себе внимание Высочайшего Двора и, в частности, Императрицы Александры Феодоровны, избравшей его своим духовником, архимандрит Феофан был всегда окружен теми «Божьими людьми», какие уносили его в надземный мир, в беседах с которыми он отрывался от мирской суеты... Сюда, в этот центр истинной монашеской жизни и духовного делания, нашел дорогу и косноязычный Митя; сюда же проник и Распутин, склонившийся перед высотой нравственного облика архимандрита Феофана и усердно распространявший тогда славу о подвижнической жизни последнего...

Как ни велико преступление русского общества, не сумевшего распознать козней интернационала и своими криками о Распутине, вместо того, чтобы замалчивать это имя, содействовавшего успеху преступной работы интернационала, однако, будучи беспристрастным, нужно признать, что эти козни были действительно тонко задуманы и еще более тонко проведены в жизнь... В том факте, что архимандрит Феофан не только принимал у себя Распутина, но даже навещал его в Сибири, Петербург мог усмотреть действительно достаточное оправдание своей вере в Распутина... Слава Распутина разрасталась все более, и перед ним раскрывались все чаще двери не только гостиных высшей аристократии, но и великокняжеские салоны... А нужно знать, что такое «слава», чтобы этому

не удивляться... И добрая, и дурная слава одинаково связывают обе стороны. В первом случае подходят к человеку с тою долею предубеждения в его пользу, какая исключает возможность критики и беспристрастной оценки; во втором случае еще более резко наблюдается такая связанность, увеличивающая мнительность и подозрительность со стороны того, о ком говорят дурно, и заставляющая тех, кто говорит о нем дурно, видеть в каждом слове последнего, в каждом его движении лишь отражение своих подозрений и заранее сложившегося мнения. О том же, что первоначально добрая слава о Распутине, а затем дурная, искусственно раздувались интернационалом, об этом, конечно, мало кто догадывался. Успеху Распутина способствовал и тот факт, что столичная знать, в среде которой он вращался, вообще не просвещенная в религиозном отношении, не имевшая общения с духовенством, или не удовлетворявшаяся этим общением, но в то же время интересовавшаяся религиозными вопросами, была весьма мало требовательна и трактовала его как «старца», далекая от мысли подвергать критике его слова и действия... Да в этом и не было надобности, вернее, возможности, столько же потому, что Распутин говорил отрывочными, не связанными между собою фразами и намеками, которых невозможно было разобрать, сколько и потому, что его слава зиждилась не на его словах, а на том впечатлении, какое он производил своею личностью на окружающих. Чопорное великосветское общество было застигнуто врасплох при встрече с дерзновенно смелым русским мужчиной, не делавшим никакого различия между окружающими, обращающимся ко всем на «ты», не связанным никакими требованиями условности и этикета и совершенно не реагировавшим ни на какую обстановку. Его внимания не привлекала ни роскошь великокняжеских салонов и гостиных высшей аристократии, ни громкие имена и высота положения окружавших его лиц. Ко всем он относился снисходительно милостиво, всех рассматривал, как «алчущих и жаждущих правды», и на вопросы, к нему обращаемые, давал часто меткие ответы. И эта внешняя незаинтересованность производимым впечатлением, в связи с несомненным бескорыстием Распутина, удостоверенным впоследствии документально следственным материалом, тем более располагала верующих людей в его пользу.

И во всяком случае к доброй славе Распутина нужно отнести то, что он не оправдал возлагавшихся на него надежд интернационала, не использовал выгод своего положения для измены Царю, а, наоборот, разрушил козни врагов России своею фанатическою преданностью Царю,

в признании которой нет противоречий ни с чьей стороны...

К Царю он прошел; славу «святого» воспринял; сладко спал и вкусно ел; а от подкупа и преступлений, к каким обязывала его эта слава, не только отказался, но даже выдал Царю преступников, чем еще более укрепил свое положение... С этого поворотного пункта начинаются уже жестокая травля Распутина и его дурная слава... Не успев с одного конца, еврейчики зашли с другого и гениально использовали ту близость, точнее, то доверие, какое питали к Распутину Их Величества, и стали ковать ему противоположную славу. Сделать это было тем легче, что Распутин, как я уже указывал, с трудом удерживаясь на занятой им позиции «святого» и оставаясь в несвойственной ему среде, или в обществе людей, мнением которых не дорожил, распоясывался, погружался в греховный омут, как реакцию от чрезмерного напряжения и усилий, требуемых для неблагодарной роли «святого», и давал повод говорить о себе дурно. Этого было достаточно для того, чтобы использовать имя Распутина в целях дискредитирования священного имени Монарха...

Период славы Распутина, как «святого», кончился.

Наступил второй период славы — противоположной.

Все чаще и чаще стали раздаваться, сначала робкие, единичные голоса о безнравственности Распутина, о его отношениях к женщинам; слухи эти ползли, и скоро вся Россия, а за нею и Европа, заговорили о Распутине, как воплощении векового зла России.

Будем внимательно следить за последовательным развитием дьявольски хитрой игры интернационала.

Слава Распутина, как «святого», была нужна для того, чтобы вызвать к нему доверие Государя и Императрицы; противоположная слава была нужна для обратной цели, для того, чтобы опорочить Священные Имена.

Какими же способами достигалась эта последняя слава? Что Распутин за порогом Дворца вел несдержанный образ жизни, в этом нет сомнений; однако вполне бесспорным является и тот факт, что его искусственно завлекали в расставленные сети, учиняли всевозможные подлоги, фотографируя всякого рода пьяные оргии и вставляя затем в группу присутствовавших его изображение; создавали возмутительные инсценировки с целью рекламировать его поведение и пр.

Кто же это делал, и кому это было нужно?

А между тем наивное, или, вернее, политически невоспитанное и бестактное общество все более неистовствовало и все громче кричало о его поведении, не

догадываясь о том, какой удар династии наносит этими криками, отвечавшими лишь интересам революции и ее заданиям.

Малейшее противодействие этим слухам вызывало гонения против смельчаков, которых клеймили прозвищем «распутинец». Игра велась так тонко, что многие, из одного только опасения прослыть «распутинцами», с удвоенной энергией кричали о преступлениях Распутина, не стесняясь создавать их в своем воображении.

А делателям революции только этого и нужно было.

Клевета, не встречавшая на своем пути никаких преград, делала свое гнусное, черное дело, обрушиваясь, главным образом, на Императрицу.

Отношение общества к Ея Величеству все более обострялось и принимало настолько недопустимые формы, что вызывало даже жалобы со стороны Императрицы, обычно крайне сдержанной и слезами смывавшей наносимые Ей обиды. Всем памятно письмо к Государыне княгини Васильчиковой, о котором Императрица в беседе со мною отзывалась с великой горечью, называя письмо недопустимым столько же по содержанию, сколько и по форме, и притом, наполненным клеветою... Памятен мне и другой рассказ Императрицы, так ярко отразивший Ее нравственное величие.

Начальница Епархиального женского училища в Царском Селе, г-жа Курнатовская, при встрече с Императрицею, не только не поклонилась, а демонстративно отвернулась в сторону. Рассказывая мне об этом, Императрица добавила: «Зачем она это сделала и, притом, в присутствии Моих дочерей; зачем оскорбила мать в глазах детей!.. Я бы не обратила внимания на ее неучтивость; но Мне было тогда так больно не столько за себя, сколько за дочерей»...

Я был до того возмущен наглостью начальницы училища, призванной воспитывать своих питомцев и подающей такой преступный пример, что заявил Государыне о своем намерении немедленно же удалить такую начальницу, считая абсолютно невозможным дальнейшее пребывание ее в должности. Однако Императрица взяла с меня слово не только не увольнять начальницу, но даже запретила мне передать последней содержание Ее беседы со мною.

Никому, конечно, не приходила мысль о том, что бесовственная, злостная, безжалостная клевета на Императрицу, на которой интернационал сосредоточил весь odium поведения Распутина, была связана с единственной целью вооружить еще более общественное мнение против Германии и приблизить момент разрыва с нею. В Распутине видели лишь явление местной жизни, ро-

жденное нездоровым мистицизмом и безнравственностью общества; но мало кто прозревал истинную природу этого явления, хотя и рожденного на русской почве, но имевшего огромное международное значение. А между тем дурная слава о Распутине все более увеличивалась, и чем искреннее желали лучшие, но близорукие люди засвидетельствовать свою преданность династии и любовь к Государю, тем громче кричали о Распутине, не замечая того, что их голоса сливались с голосами, исходившими от Государственной Думы, еврейской прессы и тех худших людей, для которых облик Распутина не имел никакого значения и которые преследовали только одну цель — всячески унижить престиж Царя и династии. Революция потому и удается, что задумывается всегда худшими, а выполняется нередко и лучшими, но слепыми людьми. И как в первом случае, создавая Распутину славу «святого», интернационал пользовался лучшими людьми, введенными им в заблуждение, так и позднее, эти же лучшие, обманутые в своей вере в Распутина, выступили впереди прочих в своих «разоблачениях» и содействовали той дурной славе Распутина, какая в этот момент была так нужна «интернационалу». Замечательно, что в обоих случаях лучшие русские люди исходили из своего личного отношения к Распутину, забывая, что центральным местом был Царь и династия, а не личность Распутина. Достоин внимания и то обстоятельство, что слава Распутина, как «старца», гремела только в Петербурге, а дурная слава пронеслась по всей России, распространилась по Европе и перешагнула даже океан, где американские газеты и журналы изошрялись над созданием определенной репутации Русского Царя и Его Семьи и отводили Распутину целые страницы, помещая его портреты и освещая его личность нужными интернационалу красками. Однако этот факт проходил даже незамеченным... Впрочем, цель была уже наполовину достигнута. Престиж Царя и династии падал все ниже; слепое общество, вторившее голосу интернационала и обвинявшая в этом Распутина, еще громче кричала о нем; а война с Германией была уже объявлена... Манифест о войне вызвал всеобщее ликование, вернее, беснование, и только немногие видели в нем величайшую победу интернационала.

Среди этих немногих был и полуграмотный Распутин, который прислал из Сибири две телеграммы Его Величеству, умоляя «не затевать войны» и связывая с ней роковые последствия для России и династии.

Однако Россия катилась в бездну с неумолимостью рока.

Замечательно, какое непостижимое легкомыслие проявило столичное общество при первом же камне, брошенном в Распутина интернационалом, с какою легкостью поверило «разоблачениям» и той клевете, какая распространялась вокруг его имени. С понятием о «Святости» не соединимо, конечно, никакое преступление; но, с точки зрения уголовного кодекса, никаких преступлений за Распутиным не числилось: все сводилось только к проявлениям его мужицкой натуры. Казалось бы, не только лояльность, но простое благоразумие и так должны были бы в корне пресечь распространение слухов, порочащих имя того, кто пользовался доверием Царя и Царицы, но не раздувать этих слухов до размеров, бросавших тень даже на Священные Имена. Однако общество иначе поняло свою задачу. Вчерашний святой был объявлен сегодня шарлатаном, и общество в ужасе отшатнулось от него, боясь запачкаться его грязью. И как первыми побежали навстречу Распутину лучшие, наиболее религиозные люди, так теперь эти же люди первыми выступили против него, охваченные негодованием и горечью разочарования. Более всех страдал, конечно, епископ Феофан. Призвав к себе Распутина, Владыка потребовал от него объяснения позорящих его слухов, под угрозой разоблачения его в глазах Государя и Императрицы. Распутин, не отдававший себе отчета в том, в чем заключались его «преступления», исходивший в оценке своего поведения из мужицких точек зрения, не удовлетворил своими объяснениями епископа Феофана, подобно другим уже видевшего в Распутине олицетворение зла. Наступил момент не только жгучей, невыразимо тяжелой душевной боли, но и момент открытой борьбы с тем, кто уже успел пустить при Дворе глубокие корни и доказать свою преданность Царю и Престолу целым рядом действий, оправдавших в глазах Царя даже его репутацию «старца». Как, однако, были ни глубоки душевные страдания епископа Феофана, как ни ясно было для него, что разочарование в Распутине лишит его не только прежнего обаяния, но и того нравственного авторитета, которым он пользовался при Дворе, как, наконец, ни очевидно было, что его миссия не будет иметь успеха, ибо свяжет его с общей оппозицией к Престолу, для которой личность Распутина не играла никакой роли и которая только прикрывалась его именем, тем не менее епископ Феофан мужественно сознался в своей ошибке, рассказал Государю о поведении Распутина и умолял Царя об удалении его. Вслед за епископом Феофаном подобного

рода ходатайства были возбуждены и со стороны дворцового коменданта В.А.Дедюлина (Последовавшая вскоре после этого смерть В.А.Дедюлина была истолкована как кара Божья за выступление против Распутина), товарища министра Внутренних дел В.Ф.Джунковского, князя Орлова и других лиц. Неумолимая логика вещей, однако, делала свое дело. Епископ Феофан, а за ним и все прочие, шедшие его путем и боровшиеся с Распутиным теми же средствами, то есть исходившие из фактов, рисовавших безнравственное поведение Распутина, впадали в немилость Государя и теряли доверие. Между Распутиным и Царской Семьей возникла уже духовная связь, разорвать которую уже было невозможно теми способами, какими пользовался епископ Феофан, а за ним и все прочие. Там, где отношения между людьми основаны на внешних факторах, там их легко разрушить, обесценивая эту внешность. Там же, где они коренятся на глубоких духовных связях, там внешность не играет никакой роли. Тем меньшее значение имела внешность в данном случае, когда ни Государь, ни Императрица не верили и не могли верить ей. Когда Дума или окружавшие Государя люди, указывая на несоответствие того или иного лица, просили о его отставке, тогда Государь до того часто шел навстречу этим просьбам, что дал В.М.Пуришкевичу даже повод произнести его крылатое слово «чехарда». Но отношение к называемым или удаляемым лицам базировалось у Государя на соответствии или несоответствии их требованиям политического момента. Когда же требование об отдалении от Двора было предъявлено Государю в отношении лица, не занимавшего никакого служебного положения, не игравшего никакой политической роли, полутрамотною мужика, в преданности которого Государь неоднократно убеждался, а слухам о дурном поведении которого не верил, то такое требование являлось в глазах Государя оскорбительным и справедливо рассматривалось как вторжение в частную жизнь Монарха. С официальными лицами Государь был связан, так сказать, служебными связями и расставался с ними, когда этого требовали государственные интересы, и даже прихоти Думы. Но с Распутиным у Царя связь была духовная, и этой связью Государь не желал пренебрегать в угоду Думе или по требованию общества и прессы.

В данном случае это был, помимо прочих причин, и вопрос самолюбия Царя, не желавшего делаться игрушкой в руках Думы и прессы, не только распоряжавшихся Царскими министрами, но и посягавших на частную жизнь Государя. Но основания для отказа Государя идти навстречу этим требованиям вытекали не только из оз-

наченных внешних причин, а были *гораздо* глубже. И напрасно историк будет их искать в упрямстве Государя и Императрицы, или в Их безразличии к поведению Распутина. Я имел уже случай неоднократно указывать на то, что поведение Распутина при Дворе было безупречным, не подавало и не могло подавать никаких поводов к сомнениям не только в его нравственной чистоте, но и в тех дарах, коими он был наделен, как «старец». Нравственная высота, на которой стояли Их Величества в своем отношении к Распутину, разумеется, вне всяких сомнений. Но именно потому, что Государь и Императрица стояли на этой высоте, именно по этой причине все обличавшие Распутина рассматривались Их Величествами как сошедшие с этой высоты, потому ли, что сделались жертвою обмана со стороны других, или потому, что носили только маску благочестия, не имея его. Допустить, чтобы те люди, которые ввели Распутина во Дворец, могли так грубо ошибиться и признать шарлатаном того, кого раньше признавали святым, Их Величества не могли и скорее поверили в измену этих лиц, чем в искренность или справедливость их отзывов о Распутине.

Какие же основания для недоверия к Распутину имелись у Их Величеств? На его стороне были — разоблачения придворных интриг, предупрежденные террористические акты, обнаружение предательства Думы, благотворное влияние на здоровье Наследника Цесаревича, не подлежащая никакому сомнению преданность к Царской Семье, простая, безыскусственная любовь к Государю, наконец, доказанная способность к гипнотическим внушениям, создавшая ему репутацию «старца»... Все это были плюсы, а не минусы. Против же него были обвинения о развратном поведении, исходившие от Думы, прессы и тех людей, духовный ценз которых не был высок в глазах Государя. Правда, среди этих последних был и епископ Феофан; но ведь от ошибок никто не застрахован, и Государь легко мог сделать такое предположение. Создавалась ли почва для чрезвычайного доверия Царя к Распутину умышленно и искусственно, или оправдывалась действительными основаниями, — это безразлично; но очевидно, что, при наличности такой почвы, всякая попытка подорвать авторитет Распутина дурными отзывами о его поведении была покушением с негодными средствами. Вокруг Престола было так много лжи, предательства и лукавства, так много интриг и неискренности, что такая попытка в отношении человека, преданность которого была доказанной, являлась, кроме того, и неразумной. Мог ли Государь поверить дурным отзывам о Распутине, когда, будучи проникнут глубочайшей любовью к своему народу

и работая, как лично выразился, «за четверых», встречал к себе только одно недоверие и видел вокруг себя только измену и предательство?!

Могла ли поверить таким отзывам и Императрица, отдавшая себя всецело служению русскому народу и встречавшая открытое недоброжелательство, какое позволили Ея Величеству сказать мне однажды: «Не смущайтесь и не огорчайтесь никакою клеветою: это участь каждого, перешагнувшего Наш порог».

При всем том, доверие Их Величеств к Распутину базировалось, как я указывал, не на внешних данных, а на убеждении, что Распутин был «старцем». Вот почему в борьбе общества с Распутиным Государь и Императрица занимали позицию исключительной нравственной высоты, будучи убеждены, что, защищая «старца», они защищают в его лице *все достояние Русской Церкви, с ее святынями, со всем многообразием ее мистического содержания, с ее «старцами», «юродивыми», «Божьими людьми»* и пр. И чем громче поносили имя Распутина, чем чаще требовали его удаления, тем решительнее было противодействие Царя, тем ярче вырисовывался на фоне этой борьбы, рожденной, по мнению Царя, неверием, лучезарный облик и нравственная мощь Государя, готового для защиты Церкви и подвижников ее принести в жертву не только свое имя, но и свою жизнь.

Правдоподобным казалось Их Величествам и замечание Распутина о том, что его бранят только царские враги... Эту мысль Распутин внушал Государю в форме загадочных изречений и предсказаний, к несчастью, впоследствии подтвердившихся.

«Буду я, будет и Царь и Россия; а как меня не будет, не станет тогда ни Царя, ни России».

В устах «старца» такие загадочные фразы производили, конечно, свое действие. Вот почему движение, поднятое Думой, обществом и печатью против Распутина, так сильно раздражало и огорчало Государя и истолковывалось как вмешательство в сферу не только частной, но более этого, в сферу духовной жизни Государя. Трагизм Государя и Императрицы заключался в том, что Распутин не был «старцем».

Но это нужно было доказать; а доказать это было, очевидно, невозможно теми способами, какими пользовались епископ Феофан и прочие лица, ссылаясь на поведение Распутина. В отношении же некоторых лиц, в том числе и Их Величеств, никакие доказательства, наверное, не достигли бы цели, ибо для одних Распутин был только Распутиным, а для других, проникнутых верою в него — «старцем». Интересный случай приводится на страницах

«Русской Летописи», кн. 2, стр. 17 из доклада А.Ф.Романова «Император *Николай II* и Его Правительство», составленного на основании данных Чрезвычайной Следственной Комиссии, учрежденной для расследования «преступлений» Царя и Его правительства.

«Жена одного генерала, при допросе ее Комиссией, называла Распутина «старцем», прошедшим «все степени добра», утверждая, что он исцелил ее. Она несколько лет лежала больная без ног, тщетно обращалась к врачам в России и за границей и начала ходить только после того, как обратилась к Распутину. На вопрос, знала ли она, что Распутин пьяница и разгульный человек — отвечала: «нет, не знала и этому не верю». Когда же Муравьев (председатель Комиссии) заявил ей: «Я Вам говорю, что это установленный факт», она спокойно ответила: «Для меня не имеет никакого значения то, что Вы говорите. Я была больна и выздоровела: он старец».

Сделать отсюда вывод, что Распутин был действительно «святой», нельзя; однако для исцеленной им генеральши он был и навсегда останется святым, и никакие доводы против не будут в состоянии поколебать ее веры в него, а останутся в ее глазах не только бессмысленными, но и безнравственными... Таким он был и в глазах А.А.Вырубовой, предсказав ей несчастный брак, а затем исцелив ее; таким был и в глазах Их Величеств, считавшихся, помимо прочих причин, и с тем благотворным влиянием, какое Распутин имел на здоровье Наследника Цесаревича...

О том же, в каком объеме и в каких размерах могло учитываться это последнее влияние, нужно спросить мать, имеющую единственного сына. Вера менее всего связана с объектом, а всегда является субъективным началом. Субъективное восприятие часто независимо от объекта. Может зародиться и существовать даже без объекта. И один и тот же факт, являющийся для одного объектом пламенной веры, не производит впечатления на другого. Эти мысли подробнее развиты во вновь вышедшей книге профессора богословия Вассаарского колледжа, Вильяма Банкрофт-Хилла: «Жизнь Христа». Говоря о Богоявлении на реке Иордане (Марк 1, 10-11 ст.), профессор пишет: «Были ли видение и голос объективными, то есть увидел ли и услышал ли бы их посторонний наблюдатель? Вопрос этот для нас не важен: каковы бы ни были объективные факты, только субъективное имеет значение; не то, что достигло глаз и слуха Иисуса и Иоанна, но то, что произвело впечатление на их души. Если мы откинем объективность, мы этим не отрицаем реальность факта и не делаем его менее божественным. Доказательства, кажется, сильнее за то, что впечатление было субъективным, так

как у Матфея голос обращен к Иоанну, а у Марка и Луки голос обращен к Иисусу; кроме того, Матфей говорит, что «отверзлись Ему небеса», то есть как будто Ему одному».

Или «если бы во время Преображения случайно проходил мимо какой-нибудь пастух, он не увидел бы ничего, кроме четырех человек на молитве; но это было действительным и глубоким переживанием. Ведь и голос с неба, о котором говорится у Иоанна (12, 30), одним казался просто громом, а другим — голосом ангела, говорившим на неизвестном языке, — все это подтверждает заключение, что здесь, как и в предыдущих случаях, известие было для души, а не для внешнего уха».

Для вдумчивых людей Распутинская проблема не представляла никакой загадки, и тот факт, что одни считали его праведником, а другие — одержимым, был совершенно понятен. Одни видели его таким, каким он был в Царском Дворце или у барона Рауш-фон-Траубенберга, а другие — таким, каким он был в кабаке, выплясывая «камаринскую».

БОРЬБА С «ЦАРИЗМОМ» И ЕЕ ПРИЕМЫ

Кончился *второй* период. Программа, имевшая целью создать Распутину такую славу развратника, чтобы от него в панике разбежались прежние почитатели и чистые люди с тем, чтобы разносить эту славу повсюду, была исчерпана. Я уже указывал, что наиболее чистые люди, но малодушные и робкие, были настолько терроризированы именем Распутина, что боялись даже признаваться в том, что его видели, и тем громче кричали о нем, чем больше боялись скомпрометировать себя его именем. Но какое значение могли иметь суждения этих людей, удельный вес которых в глазах интернационала был высок?! Все это были просто верующие, мистически настроенные люди, могущие создавать великолепную декорацию, но не пригодные для первых ролей... Важны были не они, а люди, чье мнение могло иметь политическое значение; а эти люди на подобные обвинения Распутина не обращали никакого внимания, как и вообще Распутиным не интересовались. Нужно было выдумать что-либо более веское... И вот открывается *третий* период, когда к обвинениям в дурном поведении Распутина присоединяется обвинение во вмешательстве его в государственные дела... Стоустая молва подхватывает эти слухи, и скоро вся Россия заговорила о том, что не Царь, а Распутин управляет Россией, сменяет и назначает министров и пр. и пр. Лагерь противников Распутина стал наполняться новыми ре-

зервами. Предводительствуемая Думою, туда шли целые армии, состоявшие не только из людей, чье нравственное чувство возмущалось безнравственностью Распутина, но, главным образом, из людей, усматривавших в лице Распутина государственную опасность и считавших себя обязанными с нею бороться. Программа интернационала разыгрывалась как по нотам. Зарегистрированы случаи провокации именно со стороны тех людей, которые усматривали в лице Распутина «государственную опасность». Эти люди, среди которых были и члены Думы, выдававшие себя за друзей Распутина, завлекали его в кабаки, спаивали и в пьяном виде фотографировали, а затем приобщали вновь добытые документы к следственному материалу... С какой целью? Чтобы удалить Распутина от Двора?.. Нисколько! Наоборот, они были заинтересованы в обратном: им было в этот момент *вдвойне важно еще более закрепить позицию Распутина при Дворе*, чтобы иметь основания для обвинений Царя в том, что он окружает себя людьми, подобными Распутину...

Распутин очутился в положении затравленного зверя и, стремясь сохранить свою позицию при Дворе, сделался мнительным и подозрительным и видел в окружавших его не преданных ему учеников, жаждавших духовной пищи, а коварных предателей, искавших его гибели.

Так как дурная слава исходила из разнообразных кругов общества и фиксировалась Думою и прессою, то скоро Распутин стал в оппозицию ко всем. К Думе он питал органическую ненависть и видел в ней сборище революционеров, похитивших Царское Самодержавие и мечтавших о ниспровержении Трона и династии; к духовенству и высшей иерархии относился отрицательно, обвиняя их в том, что они не знают народной веры, не понимают своего назначения и вместо того, чтобы составлять оплот Престола, стоят в стороне от него, точно участь его их не касается; к министрам относился скептически; общество называл стадом баранов и делал исключение только для тех, кто не вызывал в нем ни малейших сомнений со стороны своей преданности Царю. Но, считая врагов Царя своими врагами, Распутин в то же время считал и своих врагов врагами Царя, а так как число этих последних все более увеличивалось, то скоро в глазах Распутина все общество, с Думою во главе, стало казаться ему обществом изменников и предателей. В своем неудержимом стремлении спасти Царя и Россию от этих изменников, Распутин базировался только на личном впечатлении, забывая, что теперь его окружали уже не прежние мистически настроенные люди, а проходимцы и нравственно нечистоплотные люди, рассчитывающие на его темноту и

невежество, мечтавшие о карьере и проникнутые мелкими низменными целями. Эти люди, в большинстве случаев, принадлежали к типу тех мелких департаментских чиновников, тупых и бездарных, каких везде много, специальность которых заключалась в том, чтобы интриговать против своего начальства, и вожделения которых не простирались дальше места столоначальника или начальника отделения. Некоторые из них, действительно, имели успех у Распутина; но не у министров, которым Распутин под их диктовку писал свои записки, с трогательными обращениями «миленький мой», хотя часто и делал это, лишь бы отвязаться от надоедливых просьб. Не нужно доказывать, что этого рода записки никогда не касались вопросов государственных или бы отражали вмешательство Распутина в сферу государственного управления. Эти обвинения были умышленно пристегнуты, что являлось последовательным и логичным со стороны тех, кто стремился доказать, что не Государь, а Распутин управляет Россией, а министры получают свои назначения лишь после предварительной рекомендации Распутина. Само собой разумеется, что не Государь, назначавший министров преимущественно из состава членов Думы, руководствовался мнением Распутина, а наоборот, Распутин старался вторить мнению Государя, предназначавшего ответственный пост тому или иному лицу, не только поздравляя это лицо с назначением, но и внушая ему мысль о своем посредничестве... Этим способом, чтобы увеличить свой удельный вес, пользовался, кстати сказать, и небезызвестный в Петербурге князь Андронников, рассылая вновь назначавшимся сановникам поздравительные письма и иконы и выражая радость по случаю их назначения. Я лично никогда не видел князя Андронникова и ни писем, ни икон от него не получал; но это не мешало, однако, интернационалу отнести и меня к числу лиц, составлявших общество так называемых «темных сил», разумеется, в тех же целях, какие преследовались и игрою именем Распутина. Не все были героями настолько, чтобы пожертвовать Государю и России свое имя и репутацию нравственно не запятнанного человека; но все, принимавшие высокие назначения, знали, на что идут и что их ожидает, знали, что чистые вчера, они будут сегодня оклеветаны и названы «распутинцами» и погибнут во мнении общества.

Однако такое прозвище имело не только личное значение. Раньше нужно было иметь очень много данных для того, чтобы поколебать положение министра, пользовавшегося доверием Царя и общества. Теперь достаточно было назвать его «распутинцем» для того, чтобы

лишить его всякого доверия, той почвы, какая, после учреждения Думы, была единственной, дававшей ему возможность осуществлять его должностные функции. В глазах Думы все министры скоро сделались «распутинцами»; их появление на Думской кафедре вызывало крики возмущения; их государственная работа обесценивалась и аннулировалась Думой под громкие аплодисменты заседавших в Думе агентов интернационала. Создалась презумпция, что Царь и правительство во власти Распутина и губят Россию... Отсюда один шаг до требования перемены не только в личном составе правительства, но что кроткий Царь так безропотно и часто отзывался, расставаясь с преданными ему людьми, но и перемены всей системы государственного управления... В лексиконе русских слов появилось новое слово «царизм», как источник всего того зла, какое в действительности заключалось в тех, кто его выдумал.

Насколько бережно охраняли Царь и Царица репутацию своих министров, доказывает, между прочим, и тот факт, что, будучи связаны с Распутиным только духовною связью, Их Величества никогда не вели никаких разговоров с ними о Распутине. Это была Их частная сфера, в которую Их Величества совершенно не считали возможным вводить лиц, связанных с Двором только официальными, служебными связями. Записки, какие Распутин писал министрам, касались, главным образом, вопросов мелкого чиновного обхода, перемещений, или повышений по службе, ускорения находящихся в производстве дел и пр. и были тем более безобидны, что Распутин, как доказано следствием, не пользовался ими с корыстными целями и за свое посредничество не брал денег, хорошо зная, что такое посредничество рождало часто противоположные результаты. Допустить обратное — значило бы засвидетельствовать ординарную нечестность министров; но именно к этой последней цели и стремился интернационал, ради этого и была учреждена впоследствии, после революции, Чрезвычайная следственная комиссия, задача которой заключалась именно в том, чтобы зафиксировать такую нечестность правительства. Однако эта же Комиссия, в лице своих достойнейших членов А.Ф.Романова и В.М.Руднева, не только не нашла «преступлений» у низвергнутого революцией правительства, но с негодованием опровергла взведенную клевету, приподняв и завесу, скрывавшую ее источник.

Распутин был, таким образом, только ширмой, скрывавшей интернационал, и, чем громче о нем кричали, тем больше вырастали эти ширмы, за которыми прятались действительные темные силы интернационала.

Кончился *третий* период. Наступил *четвертый* и последний.

События роковым образом близились к развязке. Война с Германией велась с крайним ожесточением. Настроение общества с неудержимой силой стало обнаруживать чрезвычайную ненависть к немцам, как к виновникам войны, и в руках интернационала очутился еще один новый козырь. У полуграмотного мужика хватило разума настолько, чтобы громко высказываться против войны, и теперь «распутинцаму» стали считать и тех, кто разделял его точку зрения. О безнравственности Распутина уже забыли: о ней никто уже не говорил, эта тема была уже исчерпана. Затихли крики и о его вмешательстве в область внутреннего управления государством, ибо фактически эта область находилась в руках Думы и прогрессивной общественности. На смену явился новый *odium* — симпатии к немцам. Положение Государя и Императрицы становилось все более тягостным, и мысль об убийстве Распутина явилась ответом столько же на желание лишить Их Величеств одного из преданных людей, которому они верили, сколько и по более глубоким мотивам — освободиться от того, кто был в данный момент наиболее опасным для интернационала человеком. Нужно было быть слепым, чтобы не замечать этой ловкой и искусной игры интернационала, и, тем не менее, ее не замечали даже те одураченные последним люди, которые, пропагандируя идею убийства Распутина, шли против самих себя. Конечно, предположение, что Распутин мог иметь какое-либо влияние на Государя в области внешней политики, было столько же вздорным, как и разговоры о его влиянии вообще; но, коль скоро такое убеждение существовало, настолько очевидно, что, убивая Распутина, ярый германофил Пуришкевич убивал в его лице не своего противника, а своего союзника. Что это так, доказывать не нужно, ибо *Распутин был убит не тогда, когда Дума, общество и печать возмущались его безнравственным поведением, и не тогда, когда обвиняли его во вмешательстве в область внутреннего управления Россией, а тогда, когда, под влиянием неудач на войне, возникли слухи о сепаратном мире с Германией, созданные тем же интернационалом, и в его лице стали видеть уже агента Германии, а в лице Императрицы его союзницу. Еще не пришло время для оценки событий последних лет царствования благороднейшего Государя Императора Николая Александровича; но беспристрастная история скажет, насколько слухи о сепаратном мире были беспочвенны, как скажет*

и то, кем и с какой целью они создавались. Итак, в своем последовательном развитии, интриги интернационала, приемы, коими он пользовался для своих революционных целей в стремлении разрушить русскую государственность и уничтожить Россию, пользуясь Распутиным как орудием, имели 4 этапа.

Первый — выразился в том, чтобы, созданием Распутина славы «святого» вызвать к нему чрезвычайное доверие Царя и использовать Распутина, с помощью подкупа, для непосредственных террористических актов. Это прием не достиг цели, ибо Распутин оказался настолько фанатически преданным Государю, что дальнейшие попытки в этом направлении были оставлены, а выданные им лица частью понесли заслуженную кару, частью разбежались.

Второй — выразился в создании противоположной славы необычайно порочного человека. Этот прием оказался удачнее, ибо Распутин сам подавал повод говорить о себе дурно, был несдержан и интересовался только мнением Двора, не считаясь с мнением прочих. Тем не менее, личность Распутина и здесь, так же, как и в первом случае, не играла никакой роли, ибо важно было доказать не то, что Распутин безнравственный человек, а то, что Государь окружает себя безнравственными людьми. Задача сводилась к цели дискредитировать личности Государя и Императрицы.

Третий этап выразился в обвинениях Распутина, уже достаточно опороченного предыдущими усилиями, во вмешательстве в область внутреннего управления Империей. Насколько успешно была достигнута эта последняя цель, я уже указывал, когда говорил, что всякое, вновь назначаемое на высокий пост лицо признавалось ставленником Распутина и что этот психоз принял такие грандиозные размеры, при которых никакая государственная работа была невозможна, и не потому только, что над этими лицами тяготело подозрение или открытое обвинение в симпатиях к Распутину, а прежде всего потому, что, лишённые доверия Думы, они не были в силах провести ни одного законопроекта: бойкот Думы парализовал их деятельность.

Четвертым и последним этапом интернационала было — обвинение Распутина во вмешательстве в сферу международной политики. Это обвинение решило его участь, и 17 декабря 1916 года он был предательски убит английскими агентами интернационала, избравшими палачом... германофила Пуришкевича.

Невероятное совершилось.

Невероятно, чтобы русское общество, считающее себя культурным, поверило бы гнусной клевете интернациона-

ла и оскорбило бы подозрениями в безнравственности Царскую Семью.

Невероятно, чтобы имена Распутина и Императрицы произносились бы вместе с загадочными улыбками и низменными предположениями.

Невероятно, чтобы общество поверило небылице о вмешательстве Распутина в область внутреннего управления и в сферу международной политики.

Невероятно, чтобы ярый германофил В.М.Пуришкевич оказался бы послушным орудием в руках ненавистных ему англичан, присудивших Распутина к смерти из опасения сепаратного мира с Германией, к чему Пуришкевич более чем кто другой стремился и о чем так громко кричал.

Невероятно, чтобы общество помогало интернационалу разрушить Россию и променяло благороднейшего Царя сначала на бездарного Родзянку, затем на масона князя Львова, истеричного труса Керенского и, наконец, на сатанистов Ленина и Троцкого, с тем, чтобы в муках голода, рабски, подло умирать у подножия распятой ими России...

И однако, все эти невероятности стали фактом, о котором будущие поколения будут вспоминать с краскою стыда за своих предшественников. В своем отношении к интригам интернационала русское общество не проявило не только предусмотрительности и дальновидности, но даже обычной осторожности и ума, хотя бы в самых скромных размерах.

Распутин был самым заурыдным явлением русской жизни. Это был сибирский мужик, со всеми присущими русскому мужику качествами и недостатками. Вера есть понятие субъективное и творит чудеса, безотносительно к объекту; а предшествующая слава, какую создали Распутину истеричные женщины и мистически настроенные люди, еще до его появления в Петербурге, являлась сама по себе гипнозом. Однако она не имела бы никакого значения и не сыграла бы никакой роли, если бы на Распутине не сосредоточил своего внимания интернационал, окруживший его, на первых же порах его появления в столице, своими агентами-еврейчиками и учитывавший невежество Распутина как условие успеха своей игры с ним. На фоне столичной жизни появлялись действительно святые люди, как, например, незабвенный молитвенник Земли Русской о.Иоанн Кронштадский, который бы мог сыграть огромную политическую роль в жизни государства; однако такие люди умышленно замалчивались интернационалом, и святость их не рекламировалась ни обществом, ни печатью. Дело было не в святости, а в наделении этим качеством темного мужика, которого можно

было бы легче использовать для определенных целей. Но этого не удалось делателям революции. Распутин оказался честнее, чем они думали, изменил не Царю, а жидам, и отсюда — месть, на какую способны только иудеи. Интернационал прекрасно учитывал, что в отношении такого рыцаря чести и долга и христианина такой голубиной чистоты, каким был Император Николай II, никакое другое орудие, с помощью которого можно было бы подрвать уважение к Государю, не достигнет цели и что нужно пустить в ход то, какое применяется в самом крайнем случае, когда нет других... клевету.

Интернационал хорошо это учитывал... Но почему не учитывало этих интриг русское общество, остается непонятным и необъяснимым. Как могло общество раздувать славу Распутина, безразлично, хорошую или худую, зная, что каждое слово о Распутине увеличивает число царских врагов? Как могло быть близоруким настолько, чтобы идти, в лице даже своих лучших представителей, рука об руку с Думою и прессой, зная действительное отношение последних к Царю и династии? Как не принимало никаких мер к замалчиванию имени Распутина, а, наоборот, противодействовало тем, кто это делал, оскорбляя их низменными предположениями, зная, что такое замалчивание является в борьбе с интернационалом единственным средством, единственным щитом, отражающим удары против Царя и Его Семьи?! Я не говорю уже об активной защите своего Государя от подлых обвинений, об активном опровержении злостной клеветы... Но, если подвиг молчаливости являлся невыполнимым для русскою общества, привыкшего критиковать и осуждать, а в последнее время рабски вторившего еврейской прессе, находившей, что в России все плохо, то каким образом общество, в лице даже своих иерархов, не понимало того, что нравственный авторитет Распутина мог быть уничтожен не полицейскими протоколами и дознаниями о его поведении, а только более высоким авторитетом другого лица?.. Ведь высота нравственного авторитета измеряется не служебным положением, а другими мерками, и какое же значение могли иметь в глазах Государя отзывы о Распутине министров, генералов или даже представителей официальной церкви?! Слово истинного «старца», каких и доньше много на Руси, имело бы, конечно, большее значение, чем мнение всего Синода или генералитета, и сюда должны были быть направлены усилия тех, кто был наивен настолько, чтобы усматривать в Распутине «государственную опасность».

Не был Распутин в моих глазах «святым»... Не был он и тем преступником, каким сделала его народная молва... Но, каковы бы ни были преступления, он все же непо-

винен в том, в чем повинны его физические и моральные убийцы — в клятвопреступлении и измене присяге Божьему Помазаннику, неповинен в том страшном грехе, который навлек на Россию праведный гнев Божий.

И всякий честно мыслящий человек скажет о Распутине то же, что говорю я на этих страницах моих воспоминаний, и что до меня сказали А.Ф.Романов и В.М.Руднев, А.А.Вырубова, А.А.Мордвинов и многие другие, чистые люди, думавшие так, как Бог велит, а не так, как приказывают думать жида.

Революция победила. Прогрессивное общество получило то, чего так страстно желало, к чему, ценою насилия и крови, так неудержимо стремилось... *Но Бог поругаем не бывает.*

По горькой иронии судьбы, как принято выражаться, а в действительности, по непреложным законам Бога, новое, «ответственное» правительство, явившееся на смену «безответственному», состоявшему, якобы, из ставленников Распутина, очутилось в плену у целой армии подлинных «Распутиных», в плену у Совета рабочих и солдатских депутатов, пред которыми действительно трепетало, веления которою рабски выполняло до тех пор, пока этот Совет не разогнал ставшее ему ненужным правительство, бросив Россию на окончательное растерзание большевикам... Интеллигенция и народ понесли заслуженную кару...

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ИЗ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ	9
В.И.ГУРКО ЦАРЬ И ЦАРИЦА	43
В.Н. КОКОВЦОВ ИЗ МОЕГО ПРОШЛОГО, <i>Воспоминания</i>	97
С.П.БЕЛЕЦКИЙ ГРИГОРИЙ РАСПУТИН	127
А.А.МОСОЛОВ ПРИ ДВОРЕ ПОСЛЕДНЕГО РОССИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА	223
М.В.РОДЗЯНКО КРУШЕНИЕ ИМПЕРИИ	245
СЕРГЕЙ ТРУФАНОВ (Бывший иеромонах Илиодор) СВЯТОЙ ЧЕРТ	295
ТОВАРИЩ ОБЕР-ПРОКУРОРА СВЯЩЕННОГО СИНОДА КНЯЗЬ Н.Д.ЖЕВАХОВ ВОСПОМИНАНИЯ	453